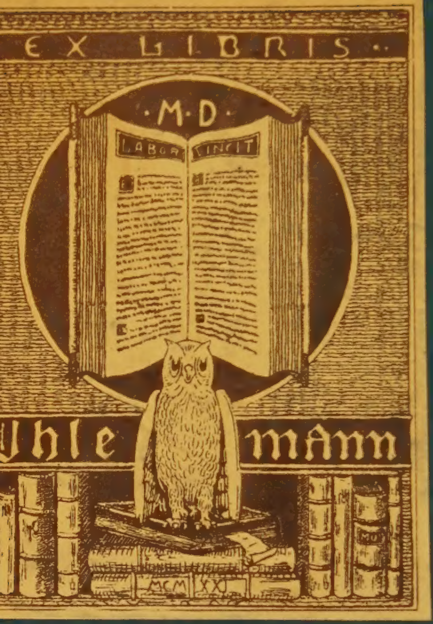
СОЧИНЕНІЯ

МЕЛЬНИКОВА


EX LIBRIS
M·D
LABOR VINCIT
hle mann
MCM XXI

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
П. И. МЕЛЬНИКОВА
(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ П. И. МЕЛЬНИКОВА

(АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО)

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1911

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ВА М·О·ВОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС· ОСТР· 16 ЛИНІЯ СОБ·ДОМЪ·
1911

ВЪ ЛѢСАХЪ.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава первая.

Верховое Заволжье — край привольный. Тамъ народъ досужій, бойкій, смышленый и ловкій. Таково Заволжье сверху отъ Рыбинска внизъ до устья Кѐрженца. Ниже не то: пойдетъ лѣсная глушь, луговая черемиса, чуваши, татары. А еще ниже, за Камой, степи раскинулись, народъ тамъ другой: хоть русскій, но не таковъ, какъ въ Верховьѣ. Тамъ новое заселенье, а въ заволжскомъ Верховьѣ Русь изстари усѣлась по лѣсамъ и болотамъ... Судя по людскому нарѣчному говору — новгородцы въ давнія рюриковы времена тамъ поселились. Преданья о Батыевомъ разгромѣ тамъ свѣжи. Укажутъ и «тропу Батыеву» — и мѣсто невидимаго града Китежа на озерѣ Свѣтломъ Ярѣ. Цѣлъ тотъ городъ до сихъ поръ — съ бѣлокаменными стѣнами, златоверхими церквами, съ честны̀ми монастырями, съ княженецкими узорчатыми теремами, съ боярскими каменными палатами, съ рублеными изъ кондо̀ваго, негніющаго лѣса домами. Цѣлъ градъ, но невидимъ. Не видать грѣшнымъ людямъ славнаго Китежа. Сокрылся онъ чудесно, Божьимъ повелѣньемъ, когда безбожный царь Батый, разоривъ Русь суздальскую, пошелъ воевать Русь китежскую. Подошелъ татарскій царь ко граду Великому Китежу, восхотѣлъ дома̀ огнемъ спалить, мужей избить либо въ полонъ угнать, женъ и дѣвицъ въ наложницы взять. Не допустилъ Господь басурманскаго поруганья надъ святыней христіанскою. Десять дней, десять ночей Батыевы полчища искали града Китежа и не могли сыскать, ослѣпленные. И досель тотъ градъ невиди̇мъ стоитъ, — откроется передъ

страшнымъ Христовымъ судилищемъ. А на озерѣ Свѣтломъ Ярѣ, тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, виднѣются отраженныя въ водѣ стѣны, церкви, монастыри, терема княженецкіе, хоромы боярскія, дворы посадскихъ людей. И слышится по ночамъ глухой, заунывный звонъ колоколовъ китежскихъ.

Такъ говорятъ за Волгой. Старая тамъ Русь, исконная, кондо̀вая. Съ той поры, какъ зачиналась земля Русская, тамъ чуждыхъ насельниковъ не бывало. Тамъ Русь сызстари на чистотѣ стоитъ — какова была при прадѣдахъ, такова хранится до нашихъ дней. Добрая сторона, хоть и смотритъ сердито на чужа̀нина.

Въ лѣсистомъ Верховомъ Заволжьѣ деревни малыя, зато частыя, одна отъ другой на̀ версту, на̀ двѣ. Земля холодна, неродима, своего хлѣба мужику развѣ до масленой хватитъ, и то въ урожайный годъ. Какъ ни бейся на надѣльной полосѣ, сколько страды надъ ней ни принимай, круглый годъ трудовымъ хлѣбомъ себя не прокормишь. Такова сторона!

Другой на мѣстѣ заволжа̀нина давно бы съ голода померъ, но онъ не лежебокъ, человѣкъ досужій. Чего земля не дала, умѣньемъ за дѣло взяться беретъ. Не побрёлъ заволжскій мужикъ на заработки въ чужу-дальню сторону, какъ сосѣдъ его вязниковецъ, что̀ съ пуговками, съ тесемочками и другимъ товаромъ кустарнаго промысла шагаетъ на край свѣта семьѣ хлѣбъ добывать. Не побрелъ заволжа̀нинъ по бѣлу свѣту плотничать, какъ другой сосѣдъ его Галка *). Нѣтъ. И дома сумѣлъ онъ приняться за выгодный промыселъ. Вареги зачалъ вязать, поярокъ валять, шляпы да сапоги изъ него дѣлать, шапки шить, топоры да гвозди ковать, вѣсовыя коромысла чуть не на всю Россію дѣлать. А коромысла-то какія! Хоть въ аптеку бери — сдѣланы вѣрно.

Лѣса заволжа̀нина кормятъ. Ложки, плошки, чашки, блюда заволжа̀нинъ точитъ да краси̇̀тъ; гребни, донца, веретена и другой щепной товаръ работа̀етъ, ведра, ушаты, кадки, лопаты, коро̀бья, весла, лейки, ковши, все, что̀ изъ лѣсу можно добыть, рукъ его не минуетъ. И смолу съ дегтемъ сидитъ, а заплативъ попенныя, рубитъ лѣсъ въ казенныхъ дачахъ и сгоняетъ по Волгѣ до Астрахани бревна, брусья, шесты, дрючки, слеги̇̀ и всякій другой лѣсной товаръ. Волга по̀дъ бокомъ, но заволжа̀нинъ въ бурла̀ки не хаживалъ. Послѣднее дѣло въ бурла̀ки идти! По Заволжью такъ думаютъ: «честнѣй подъ о̀коньемъ Христовымъ именемъ кормиться, чѣмъ бурлацкую лямку тянуть». И правда.

*) Крестьяне Галицкаго и другихъ уѣздовъ Костромской губерніи.

Живетъ заволжа̀нинъ хоть въ трудѣ, да въ достаткѣ. Сызстари за Волгой мужики въ сапогахъ, бабы въ котахъ. Лаптей видо̀мъ не видано, хоть слыхо̀мъ про нихъ и слыхано. Лѣсу вдоволь, лыко ни почемъ, а въ рѣдкомъ домѣ кочедыкъ найдешь. Развѣ гдѣ такой дѣдушка есть, что̀ съ печи ужъ лѣтъ пятокъ не слѣзаетъ, такъ онъ, скуки ради, лапотки иной разъ ковыряетъ, нищей братьѣ подать, либо самому обуться, какъ станутъ его въ домовину обряжать. Таковъ обычай: лѣтомъ въ сапогахъ, зимой въ валенкахъ, на тотъ свѣтъ въ лапоткахъ...

Заволжа̀нинъ безъ горячаго спать не ложится, по воскреснымъ днямъ хлебаетъ мясное, изба у него пятистѣнная, печь съ трубой; о черныхъ избахъ да соломенныхъ крышахъ онъ только слыхалъ, что есть такія гдѣ-то «на Горахъ» *). А чистота какая въ заволжскихъ домахъ!.. Славятъ нѣмцевъ за чистоту, русскаго корятъ за грязь и неряшество. Побывать бы за Волгой тѣмъ славильщикамъ, не то бы сказали. Кто знакомъ съ нашими степными да черноземными деревнями, въ голову тому не придетъ, какъ чисто, опрятно живутъ заволжа̀не.

Волга рукой подать. Что̀ мужикъ въ недѣлю наработаетъ, то̀тчасъ на пристань везетъ, а полѣнился — на сосѣдній базаръ. Большихъ барышей ему не нажить; и за Волгой не всякъ въ тысячники лѣзетъ, зато, какъ ни плоха работа, какъ работниковъ въ семьѣ ни мало, заволжа̀нинъ вѣкъ свой сытъ, одѣтъ, обутъ, и податныя за нимъ не стоятъ. Чего-жъ еще?.. И за то слава Тѣ, Господи!.. Не всѣмъ же въ золотѣ ходить, въ рукахъ сѐребро носить, хоть и каждому русскому человѣку такую судьбу мамки да няньки напѣваютъ, когда еще онъ въ колыбели лежитъ.

Немало за Волгой и тысячниковъ. И даже очень немало. Плохо про нихъ знаютъ по дальнимъ мѣстамъ потому, что заволжа̀нинъ про себя не кричитъ, а если деньжонокъ малу толику скопитъ, не въ банкъ кладетъ ее, не въ акціи, а въ родительску кубышку, да въ подпольѣ и зароетъ. Милліонщиковъ за Волгой нѣтъ, тысячниковъ много. Они по Волгѣ своими пароходами ходятъ, на своихъ паровыхъ мельницахъ сотни тысячъ четвертей хлѣба перемалываютъ. Много за Волгой такихъ, что̀ десятками тысячъ капиталы считаютъ. Они больше скупкой «горянщины» **) да деревянной посуды промышляютъ. Накупятъ того, другого у сосѣдей да и плавятъ

---

*) «Горами» зовутъ правую сторону Волги.

**) Горянщиной называется крупный щепной товаръ: обручи, дуги, лопаты, оглобли и т. п.

весной въ Понизовье. Барыши хорошіе! На иныхъ акціяхъ, пожалуй, столько не получишь.

Одинъ изъ самыхъ крупныхъ «тысячниковъ» жилъ за Волгой въ деревнѣ Осиповкѣ. Звали его Патапомъ Максимычемъ, прозывали Чапуринымъ. И отецъ такъ звался и дѣдушка. За Волгой и у крестьянъ родовыя прозванья ведутся, и даже свои родословныя есть, хотя ни въ шестыхъ ни въ другихъ книгахъ онѣ и не писаны. Край старорусскій, кондовый, коренной, тамъ родословныя прозвища встарь бывали и теперь въ обиходѣ.

Большой, недавно построенный домъ Чапурина стоялъ середь небольшой деревушки. Домъ въ два жилья, съ лѣтней свѣтлицей на вышкѣ, съ четырьмя боковушами, двумя свѣтлицами по сторонамъ, съ моленной въ особой горницѣ. Ставленъ на каменномъ фундаментѣ, окна створчатыя, стекла чистыя, бѣлыя, въ каждомъ окнѣ занавѣска миткалевая съ красной бумажной бахромкой. На улицу шесть оконъ выходило. Бревна лицевой стѣны охрой на олифѣ крашены, крыша краснымъ червлякомъ. На свѣсахъ ея и надъ окнами узорчатая прорѣзь выдѣлана, на воротахъ двѣ маленькія расшивы и одинъ пароходъ ради красы поставлены. Въ домѣ прибрано все на купецкую руку. Полъ крашеный, — олифа своя, не занимать стать; печи-голандки кафельныя съ горячими лежанками; по стѣнамъ, въ рамкахъ краснаго дерева, два зеркала да съ полдюжины картинъ за стекломъ повѣшено. Стулья и огромный диванъ краснаго дерева крыты малиновымъ трипомъ, три клѣтки съ канарейками у оконъ, а въ углу заботливо укрыты платками клѣтки: тамъ курскіе пѣвуны — соловьи; до нихъ хозяинъ охотникъ, денегъ за нихъ не жалѣетъ.

По краямъ дома пристроены свѣтелки. Тамъ хозяйскія дочери проживали, молодыя дѣвушки. Въ передней половинѣ горница хозяина была, въ задней моленная съ иконостасомъ въ три тябла. Канонница съ Керженца при той моленной жила, по родителямъ «негасимую» читала. Внизу стряпущая, подклѣтъ да покои работниковъ и работницъ.

У Патапа Максимыча по рѣчкамъ Шишинкѣ и Чернушкѣ восемь токаренъ стояло. Посуду круглую: чашки, плошки, блюда, въ Заволжьѣ на станкахъ точа̀тъ — одинъ работникъ колесо вертитъ, другой то̀читъ. Къ такому станку много рукъ надо, но смышленый заволжа̀нинъ придумалъ, какъ дѣлу помочь. Его сторона мѣсто ровное, лѣсное, болотное, рѣчекъ многое множество. Большихъ нѣтъ, да нѣтъ и такихъ, что̀ «на Горахъ» водятся: весной корабли пускай, въ межень ку-

рица не напьется. Въ песчаныхъ ложахъ заволжскихъ рѣчекъ воды круглый годъ вдо̀сталь; есть такія, что̀ зимой не мерзнутъ: лѣтомъ въ нихъ вода студеная, рука не терпитъ, зимой паръ отъ нея. На такихъ-то рѣчкахъ и настроили заволжскіе мужики токаренъ: поставитъ у воды избенку вѣнцовъ въ пять, въ шесть, запрудитъ рѣчонку, водоливное колесо приладитъ, приводъ веревочный пристегнетъ, и вертитъ себѣ такая меленка три-четыре токарныхъ станка за̀разъ. Работа невпримѣръ спорѣе. Такихъ токаренъ у осиповскаго «тысячника» было восемь, на нихъ тридцать станковъ стояло; да кромѣ того, дома у него, въ Осиповкѣ, десятка полтора ручныхъ станковъ работа̀ло. Была своя красильня посуду краси̇ть, на пять печей; чуть не круглый годъ дѣло дѣлала. Работниковъ по сороку и больше Патапъ Максимычъ держалъ да по деревнямъ еще скупалъ крашоную и некрашоную посуду. Горянщиной самъ въ Городцѣ торговалъ. Двѣ крупчатки у него въ Красной Рамени было, одна о восьми, другая о шести поставахъ. Расшивы свои по Волгѣ ходили, изъ Балакова да изъ Новодѣвичья пшеницу возили, на краснораменскихъ крупчаткахъ Чапуринъ ее перемалывалъ. Муко̀й въ Верховьѣ онъ торговалъ: славная мука̀ у него бывала — чистая ровно пухъ; покупатели много довольны ей оставались.

У Макарья Патапъ Максимычъ двѣ лавки снималъ, одну въ щепяномъ, другую въ мучномъ ряду. Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ онъ каждый годъ выправляетъ торговое свидѣтельство и давно слыветъ «тысячникомъ». Денегъ въ мошнѣ у него никто не считалъ, а намолвка въ народѣ ходила, что не одна сотня тысячъ есть у него. И въ казенны подряды пускался Чапуринъ, но большого припену отъ нихъ не видалъ. Говаривалъ подчасъ пріятелямъ: «радъ бы, бросилъ окаянные эти подряды, да больно ужъ я затянулся; а помирать Богъ приведетъ, крѣпко-накрѣпко дочерямъ закажу, ни впредь ни послѣ съ казной не вязались бы, а то не будь на нихъ родительскаго моего благословенья».

Почетъ Патапу Максимычу ото всѣхъ былъ великій. По Заволжью никто его безъ поклона не миновалъ; окольные мужики, у которыхъ Чапуринъ посуду скупалъ, въ глаза и за глаза звали его: «нашъ хозяинъ». Довѣріе имѣлъ не въ одномъ крестьянствѣ, но и въ купеческомъ обществѣ. Да вотъ какой случай разъ приключился. Мостилъ Чапуринъ въ городѣ мостовую, подрядъ немалый, одного залога десять тысячъ было представлено имъ. Кончилъ работу, сдалъ какъ слѣдуетъ и поѣхалъ въ городъ заработанную плату да залоги

получать. Дорогой узнаётъ, что на завтра торги на перевозку казенной соли въ Рыбинскъ назначены. Посчиталъ - посчиталъ, раскинулъ умомъ-разумомъ, видитъ — поставка будетъ съ руки: расшива безъ дѣла, бурлаки недороги, наводокъ девять четвертей. Пріѣхалъ въ городъ, прямо на торги. Соляные чиновники такъ и ахнули, увидавъ Патапа Максимыча, — знали его. «Вотъ чортъ принесъ незванаго-непрошёнаго», — тихонько межъ собой поговариваютъ, — а дѣло-то у нихъ съ другими было полажено. Провѣдали однакожъ соляные, что денегъ у Чапурина въ наличности нѣтъ, упросили пріятелей въ строительной комиссіи залоговъ ему не выдавать, пока на соль переторжка не кончится. Пошли въ строительной водить Патапа Максимыча за̀ носъ, водятъ день, водятъ другой: ни отказа ни приказа: «завтра да завтра, то да сё, подожди да повремени; надо въ ту книгу вписать да изъ того стола справку забрать». Извѣстно дѣло!.. Чапурину невтерпежъ... Дотянули строительные до того, что часъ одинъ до переторжки остается, а денегъ не выдаютъ. Смекнулъ Чапуринъ каверзы; видитъ, хотятъ его въ дураки оплести. «Такъ врешь же, баринъ, — думаетъ себѣ: — ты у меня погоди». Да, отвѣсивъ поклонъ строительнымъ, вонъ изъ присутствія. Тѣ: «куда, да зачѣмъ, да постой»; а онъ ломитъ себѣ, да прямо въ гостиный дворъ. Тамъ короткой рѣчью сказалъ рядовичамъ, въ чемъ дѣло, да, разсказавши, снялъ шапку, посмотрѣлъ на всѣ четыре стороны и молвилъ: «порадѣйте, господа купцы, выручите!» Получа̀са не прошло, семь тысячъ въ шапку ему накидали. — «Будетъ, будетъ!.. — кричитъ Патапъ Максимычъ: — спаси васъ Христосъ». Духу не переводя, поскакалъ на переторжку. Тамъ ему первымъ словомъ:

— Залоги?

— Вотъ они! — молвилъ Патапъ Максимычъ.

Отдалъ деньги и пошелъ цѣну сносить. Снесъ чуть не половину, а четыре копейки нажилъ на рубль. Очень недовольны соляные остались.

Патапъ Максимычъ съ семьей старинки придерживался, раскольничалъ, но закоснѣлымъ изувѣромъ никогда не бывалъ. Не держался правила: «съ бритоусомъ, съ табачникомъ, щепотникомъ и со всякимъ скобленымъ рыломъ не молись, не водись, не дружись, не бранись». И раскольничалъ-то Патапъ Максимычъ потому больше, что за Волгой издавна̀ такой обычай велся, отъ людей отставать ему не приходилось. Притомъ же у него расколомъ дружба и знакомство съ богатыми купцами держались, кредита отъ раскола больше было. Да кромѣ того, во время отлучекъ изъ дому, по чужимъ мѣстамъ

жить въ раскольничьихъ домахъ бывало ему привольнѣй и спокойнѣй. На Низъ ли поѣдетъ, въ верховы ли города, въ Москву ли, въ Питеръ ли, вездѣ и къ мало знакомому раскольнику идетъ онъ, какъ къ родному. Всячески его успокоятъ, все прибeрегутъ, все сохранятъ и всѣмъ угодятъ. И то льстило Патапу Максимычу, что послѣ родителя былъ онъ попечителемъ Городецкой часовни, да не такимъ, что̀ только по книгамъ значится, для видимости полиціи, а «истовымъ», кореннымъ. Отъ часовеннаго общества за то ему почетъ былъ великій. А почетъ Чапуринъ любилъ.

Семья была у него небольшая, самъ съ женой да двѣ дочери. Богоданная дочка была еще, Груня-сиротка, сызма̀льства Чапуринымъ призрѣнная — та ужъ замужъ выдана была въ деревню Вихорево за тысячника. Родныя дочери тоже на возрастѣ были: старшей, Настасьѣ, восемнадцать мину̀ло, другая, Прасковья, годомъ была помоложе. Только-что воротились онѣ въ родительскій домъ отъ тетки родной, матери Манеѳы, игуменьи одной изъ Комаровскихъ обителей. Гостили дѣвушки у тетки бѐзъ мала пять годовъ, обучались божественному писанію и скитскимъ рукодѣльямъ: бисерны лѣстовки вязать, шелковы кошельки да пояски ткать, по канвѣ шерстью да синелью вышивать и всякому другому бѣлоручному мастерству. Отецъ «тысячникъ» выдастъ замужъ въ дома̀ богатые, не у квашни стоять, не у печки дѣвицамъ возиться, на то будутъ работницы; оттого на бѣлой работѣ да на книгахъ больше онѣ и сидѣли. Настя да Параша въ обители матушки Манеѳы и «Часовникъ» и всѣ двадцать каѳизмъ «Псалтыря» наизусть затвердили, отеческія книги читали бойко, безъ запинки, могли справлять уставную службу по «Минеи Мѣсячной», пѣть по крюкамъ, даже «разводъ демественному и ключевому знамени» разумѣли. Выучились уставомъ писать и, живя въ скиту, немало «Цвѣтниковъ» да «Сборниковъ» переписали и передъ великими праздниками посылали ихъ родителямъ въ подаренье. А Патапъ Максимычъ любилъ надосугѣ душеспасительныхъ книгъ почитать, и куда какъ любо сердцу его родительскому перечитывать «Златоструи» и другія сказанья, съ золотомъ и киноварью переписанныя руками дочерей-мастерицъ. Какія «заставки» рисовала Настя въ зачалѣ «Цвѣтниковъ», какіе «финики» по бокамъ золотомъ выводила — любо-дорого посмотрѣть!

Настя съ Парашей, воротясь къ отцу, къ матери, расположились въ свѣтлицахъ своихъ, а разукрасить ихъ отецъ не поскупился. Вечеркомъ, какъ онѣ убрались, пришелъ къ дочерямъ Патапъ Максимычъ поглядѣть на ихъ новоселье и

взялъ рукописную тетрадку, лежавшую у Насти на столикѣ. Тутъ были «стихи объ Іоасафѣ царевичѣ», «объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ», «Древянъ гробъ сосновый» и рядомъ съ этой псальмой «Похвала пустыни». Она начиналась словами:

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.
Сколько горести напрасно
Я въ разлукѣ съ милымъ должна снесть...

Перевернулъ Патапъ Максимычъ листокъ, тамъ другая псальма:

Сизенькій голубчикъ,
Армейскій поручикъ.

Поморщился Патапъ Максимычъ, сунулъ тетрадку въ карманъ и, ни слова не сказавъ дочерямъ, пошелъ въ свою горницу. Говоритъ женѣ:

— Ты, Аксинья, за дочерьми-то приглядывай.

— Чего за ними, Максимычъ, приглядывать? Дѣвки тихія, озорства никакого нѣтъ, — отвѣчала хозяйка, глядя удивленными глазами на мужа.

— Не про озорство говорю, — сказалъ Патапъ Максимычъ: — а про то, что дѣвки на возрастѣ, стало-быть, отъ грѣха на вершокъ.

— Что ты, Максимычъ! Бога не боишься, про родныхъ дочерей что говоришь! И въ головоньку имъ такого мотыжничества не приходило; птенчики еще, какъ есть слетышки!

— Гляди имъ въ зубы-то! Нашла слетышковъ! Настасьѣ-то девятнадцатый годъ, глянь-ка ей въ глаза-то — такъ мужа и просятъ.

— Полно грѣшить-то, Максимычъ, — возвысила голосъ Аксинья Захаровна. — Чтой-то ты? Родныхъ дочерей забижать!.. Клеплешь на дѣвку!.. Какой ей мужъ?.. Обѣ ничегохонько про эти дѣла не разумѣютъ.

— Держи карманъ!.. Не разумѣютъ!.. Въ Комаровѣ-то, поди, всякіе виды видали. Въ скитахъ завсегда грѣхъ со спасеньемъ по-сосѣдски живутъ.

— Да полно-жъ грѣшить-то тебѣ!.. — еще больше возвысила голосъ Аксинья Захаровна. — Какъ возможно про честныхъ старицъ такую рѣчь молвить? У матушки Манефы въ обители споконъ вѣку худого ничего не бывало!

— Много ты знаешь!.. А мы видали виды... Зачѣмъ исправникъ-отъ въ Комаровъ кажду недѣлю наѣзжаетъ... Даромъ, что ли?.. Въ Московкиной обители съ бѣлицами-то онъ отъ писанья, что ли, бесѣдуетъ?.. А Донѣ головщицѣ за что шел-

ковы платки даритъ?.. А купчики московскіе зачѣмъ къ Глафиринымъ ѣздятъ?.. А?..

— Полно тебѣ, старый хрѣнъ, хульныя словеса нести,— съ озлобленьемъ вскричала Аксинья Захаровна.— Слушать-то грѣхъ!.. Совсѣмъ обмірщился!.. Аль забылъ, что всяко праздно слово на послѣднемъ судѣ взыщется?.. Повелся съ табачниками-то!.. Вотъ и скружился. На святыя обители хулу нести!.. А?.. Бога-то, видно, въ тебѣ не стало... Знамо дѣло, зачѣмъ въ Комаровъ люди ѣздятъ: на могилку къ честному отцу Іонѣ отъ зубной скорби помолиться, на поклоненье могилкѣ матушки Маргариты. Мало-ль въ Комаровѣ святыни!.. Ей христіане и пріѣзжаютъ покланяться! А по лѣсу сколько святыхъ мѣстъ на старыхъ скитахъ, разоренныхъ?

— Ужъ исправникъ-отъ не тѣмъ ли святымъ мѣстамъ ѣздитъ покланяться?—усмѣхаясь, спросилъ жену Патапъ Максимычъ.—Домашка головщица, что ли, ему въ лѣсу-то каноны читаетъ?.. Аль за тѣ каноны Семенъ-отъ Петровичъ шелковы платки ей даритъ?

Не вытерпѣла Аксинья Захаровна, плюнула и вонъ пошла. Сама за Чапурина изъ скитовъ «уходомъ» бѣжала, и къ келейницамъ сердце у ней лежало всегда.

Поспорь этакъ Аксинья Захаровна съ сожителемъ о мірскомъ, былъ бы ей окрикъ, пожалуй, и волосникъ бы у ней Патапъ Максимычъ поправилъ. А насчетъ скитовъ да лѣсовъ и всего этакого духовнаго — статья иная, тутъ не мужъ, а жена голова. Тутъ Аксиньина воля; за хульныя словеса можетъ и лѣстовкой мужа отстегать.

Такъ изстари ведется. Расколъ бабами держится, и въ этомъ дѣлѣ баба голова, потому что въ какомъ-то писаніи сказано: «мужъ за жену не умолитъ, а жена за̀ мужа умолитъ».

Сѣлъ за столъ Патапъ Максимычъ. Хотѣлъ счеты за годъ подводить, но счеты не шли на умъ. Про дочерей раздумывалъ.

«Хоть и жаль разставаться, а лучше къ мѣсту скорѣй, — думалъ онъ. — Дочь чужое сокровище: пои, корми, холь, разуму учи, потомъ въ чужи люди отдай. Лучше скорѣй тѣмъ дѣломъ повернуть. Для чего засиживаться?.. Мнѣ же Данила Тихонычъ намедни насчетъ сына загадку загануль... Что-жъ?.. Домъ хорошій, люди богобоязные, достатокъ есть... Отчего не породниться?.. Настасья съ Прасковьей не безприданницы, съ радостью возьмутъ. Женихъ, кажись, малый складный: и рѣчистъ и уменъ, дѣло изъ рукъ у него не валится... На Крещенскомъ базарѣ потолкуемъ и, Богъ дастъ, порѣшимъ... А долго дѣвокъ дома не держать... Долго-ль до грѣха?»

Глава вторая.

Вечеръ Крещенскаго сочельника ясный былъ и морозный. За околицей Осиповки молодыя бабы и дѣвки сбирали въ кринки чистый «крещенскій снѣжокъ» холсты бѣлить да отъ сорока недуговъ лѣчить. Поглядывая на ярко блиставшія звѣзды, молодицы заключали, что новый годъ бѣлыхъ ярокъ породитъ, а дѣвушки межъ себя толковали: «звѣзды къ гороху горятъ да къ ягодамъ; вдоволь уродится, то-то загуляемъ въ лѣсахъ да въ горохахъ!»

Старыя старухи и пожилыя бабы домовничали: съ молитвой клали онѣ мѣломъ кресты надъ дверьми и надъ окнами ради отогнанія нечистаго и такую думу держали: «батюшка Микола милостивый, какъ бы къ утрею-то оттеплѣло, да туманъ бы палъ на святую Ердань, хлѣбушка бы тогда вдоволь намъ уродилось!» Мужики вкругъ лошадей возились: извѣстно, кто въ крещенскій сочельникъ у коня копыта почиститъ, у того конь весь годъ не будетъ хромать, и не случится съ нимъ иной болѣсти. Но, вѣря своей примѣтѣ, мужики не довѣряли бабьимъ обрядамъ и, ворча себѣ подъ носъ, копались середь дворовъ въ навозѣ, глядя, не осталось ли тамъ огня послѣ того, какъ съ вечера старухи пуки лучины тутъ жгли, чтобъ на томъ свѣтѣ родителямъ было теплѣе. Въ избахъ у краснаго угла толпились ребятишки. Притаивъ дыханье, глазъ не спускали они съ чашки, наполненной водою и поставленной у божницы; какъ наступитъ Христово Крещенье, сама собой вода колыхнется, и небо растворится; глянь въ раскрытое на единъ мигъ небо и помолись Богу: чего у Него попросишь, все подастъ.

— Пусти насъ, мамынька, съ дѣвицами снѣжокъ пополоть, — просилась меньшая дочь у Аксиньи Захаровны.

— Въ умѣ-ль ты, Параша? — строго отвѣтила мать, набожно кладя надъ окнами мѣломъ кресты. — Пріѣдетъ отецъ да узнаетъ, что̀ тогда?

— Да вѣдь мы не однѣ! Всѣ дѣвицы за околицей... И мы бы пошли, — замѣтила старшая, Настасья.

— Пущу я васъ ночью, съ дѣвками!.. Какъ же!.. Съ ума своротила, Настёнка! Ваше-ль дѣло гулять за околицей?

— Другія пошли же.

— Другія пошли, а вамъ не слѣдъ. Худой славы, что ли, захотѣла?

— Какой же славы, мамынька? — приставала Параша.

— А вотъ какъ возьму лѣстовку да ради Христова праздника отстегаю тебя, — съ притворнымъ негодованьемъ

сказала Аксинья Захаровна: — такъ и будешь знать, какая слава!.. Ишь что̀ вздумала!.. Пусти ихъ снѣгъ полоть за околицу!.. Да теперь, поди чай, парней-то туда что̀ навалило: и своихъ, и изъ Шишинки, и изъ Назаровой!.. Долго-ль до грѣха?.. Дѣвки вы молодыя, дочери отецкія! слѣдъ ли вамъ по ночамъ хвосты мочить?

— Да пошли же другія, — настаивала Настя. Очень ей хотѣлось поиграть съ дѣвицами за околицей.

— Коли пошли, такъ туда имъ и дорога, — отвѣтила мать.— А вамъ съ деревенскими дѣвками себя на ряду считать не доводится.

— Отчего-жъ это, мамынька?.. Чѣмъ же мы лучше ихъ?.. — спросила Настасья.

— Тѣмъ и лучше, что хорошаго отца дочери, — сказала Аксинья Захаровна. — Связываться съ тѣми не слѣдъ. Сядьте-ка лучше да «Псалтирь» ради праздника Христова почитайте. Отецъ скоро съ базара пріѣдетъ, утреню будемъ стоять; помогли бы лучше Евпраксеюшкѣ моленну прибрать... Дѣло-то невпримѣръ будетъ праведнѣе, чѣмъ за околицу бѣгать. Такъ-то.

— Да, мамынька... — заговорила-было Настя: — намъ бы съ дѣвушками посмѣяться, на морозцѣ поиграть.

— Сказано: не пущу, — крикнула Аксинья Захаровна. — Изъ головы выбрось снѣгъ полоть!.. Ступай, ступай въ моленну, прибирайте къ утренѣ!.. Эки безстыжія, эки вольныя стали — матери не слушаютъ!.. Нѣтъ, дѣвки, приберу васъ къ рукамъ... Что̀ выдумали! За околицу!.. Да отецъ-отъ съѣстъ меня, какъ узна̀етъ, что я за околицу васъ ночью пустила... Пошли, пошли въ моленную!

Помялись дѣвушки и со слезами пошли въ моленную.

— Ишь что̀ баловницы выдумали!.. — ворчала Аксинья Захаровна, оставшись одна и кладя мѣловые кресты надъ входами и выходами. — Ишь что̀ выдумали — снѣгъ полоть!.. Статочно ли дѣло?.. Свѣдаютъ, что Патапа Максимыча дочери по ночамъ за околицу бѣгаютъ, что̀ въ городу̀ скажутъ по купечеству... Срамъ одинъ... Просто срамъ... Долго-ль дѣвкамъ на̀вѣкъ ославиться?.. Много недобрыхъ-то людей... Какъ пить дадутъ — наплетутъ, намочалятъ невѣсть чего!.. И что̀ имъ, глупымъ, захотѣлось за околицу?.. Чего не видали?.. Снѣгъ полоть, холсты бѣлить!.. Да придется развѣ имъ холсты-то бѣлить?.. Слава Богу, всего припасено, не безприданницы... А теперь, поди, у дѣвокъ за околицей смѣху-то, балованья-то что̀!.. Была и я молода, хаживала и я подъ Крещенье снѣжокъ полоть... Точимъ балясы до вторыхъ пѣтуховъ; парни

придутъ съ балалайками... Прибаутками со смѣху такъ и морятъ... И чего-то, чего ни бывало!.. Охъ, согрѣшила я, грѣшница!.. А хочется дѣвонькамъ за околицу... Ну, да имъ нельзя, хорошаго отца дѣти; нельзя!.. Охъ, дѣвичья пора!.. Веселья все хочется, воли... Дѣвоньки, мои дѣвоньки!.. и пустила-бъ я васъ, да какъ самъ-отъ пріѣдетъ, какъ самъ-отъ узнаетъ... Тогда что?..

Въ то время гурьба молодежи валила мимо двора Патапа Максимыча съ кринками, полными набраннаго снѣга. Раздалась веселая пѣсня подъ окнами. Пѣли «авсень», величая хозяйскихъ дочерей:

Середи Москвы
Ворота пестры,
Ворота пестры,
Вереи красны.
Ой Авсень, Таусень!

У Патапа на дворѣ,
У Максимыча въ дому
Два теремушка стоятъ,
Золотые терема.
Ой Авсень, Таусень!..

Какъ во тѣхъ во теремахъ
Красны дѣвицы сидятъ,
Свѣтъ душа Настасьюшка,
Свѣтъ душа Прасковьюшка.
Ой Авсень, Таусень!..

— О, чтобъ васъ тутъ, непутные!.. — вздрогнувъ отъ первыхъ звуковъ пѣсни, заворчала Аксинья Захаровна, хоть величанье дочерей и было ей по̀ сердцу. По старому обычаю, это немалый почетъ. — О, чтобъ васъ тутъ!.. И святъ вечеръ не почитаютъ, грѣховодники... Вечоръ нечистаго изъ деревни гоняли, сегодня опять за пѣсни... Страху-то нѣтъ на васъ, окаянные!

Гурьба парней и дѣвокъ провалила. Какой-то отстало̀й хриплымъ, нестройнымъ голосомъ запѣлъ подъ окнами:

Я тетерьку гоню,
Полевую гоню;
Она подъ кустъ,
А я за хвостъ!
Авсень, Таусень!
Дома ли хозяинъ?

— Мать Пресвята Богородица! — всплеснувъ руками, воскликнула Аксинья Захаровна. — Микешка безпутный!.. Его голосъ!.. Господи! Да что-жъ это такое?.

Пьяный голосъ слышенъ былъ у воротъ. Кто-то стучался.

Сбѣжавъ въ подклѣтъ, Аксинья Захаровна наказывала работникамъ не пускать на дворъ Микешку.

— Хоть замерзни, въ домъ не пущу. Не пущу, не пущу! — кричала она.

Заскрипѣлъ снѣгъ подъ полозьями. Стали сани у двора Патапа Максимыча.

— Пріѣхалъ, — весело молвила Аксинья Захаровна и засуетилась. — Матренушка, Матренушка! сбирай поскорѣй самоварчикъ!.. Патапъ Максимычъ пріѣхалъ!

Въ горницу хозяинъ вошелъ. Жена торопливо стала распоясывать кушакъ, повязанный по его лисьей шубѣ. Прибѣжала Настя, стала отряхать заиндивѣлую отцовскую шапку, межъ тѣмъ Параша снимала вязаный изъ шерсти шарфъ съ шеи Патапа Максимыча. Ровно кошечки, ластились къ отцу дочери, спрашивали:

— Привезъ гостинцу съ базару, тятенька?

— Тебѣ, Параня, два привезъ, — шутилъ Патапъ Максимычъ: — одну плетку ременную, другу шелковую... Котору прежде пробовать?

— Нѣтъ, тятенька, ты не шути, ты правду скажи.

— Правду и говорю, — отвѣчалъ, улыбаясь, отецъ. — А ты, Параня, пока плеткой я тебя не отхлысталъ, поди-ка вели работницѣ чайку собрать!

— Сказано, ужъ сказано, — перебила Аксинья Захаровна и пошла-было въ угловую горницу.

— Ты, Аксинья, погоди, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Руки у тебя чисты?

— Чисты. А что̀?

— То-то. На̀, прими, — сказалъ онъ, подавая женѣ закрытый буракъ, но, увидя входившую ключницу, отдалъ ей, примолвивъ: — Ей лучше принять, она святъ человѣкъ. Возьми-ка, Евпраксеюшка, воду богоявленскую.

Аксинья Захаровна съ дочерьми и канонница Евпраксія съ утра не ѣли, дожидаясь святой воды. Положили началъ, прочитали тропарь и, наливъ въ чайную чашку воды, испили понемножку. Послѣ того Евпраксія, еще три раза перекрестясь, взяла буракъ и понесла въ моленну.

— Въ часовнѣ аль на дому у кого воду-то святили? — садясь на диванъ, спросила у мужа Аксинья Захаровна.

— У Михайлы Петровича у Галкина, въ деревнѣ Столбовой, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Кто святилъ? Отецъ Аѳанасій, что ли? — спросила Аксинья Захаровна.

— Изъ острога, что ли, придетъ? — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Чай, не пустятъ!.. Новый попъ святилъ.

— Какой же новый попъ? — съ любопытствомъ спросила Аксинья Захаровна.

— Матвѣя Корягу знаешь?

— Какъ не знать Матвѣя Корягу? Начитанный старикъ, силу въ писаніи знаетъ.

— Онъ самый и святилъ.

— Какъ же святить ему, Максимычъ? — съ удивленьемъ спросила Аксинья Захаровна.

— Какъ святятъ, такъ и святилъ. На Николинъ день Коряга въ попы поставленъ. Великимъ постомъ, пожалуй, и къ намъ пріѣдетъ... «Исправляться» у Коряги станемъ, въ моленной обѣдню отслужитъ, — съ легкой усмѣшкой говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Ума не приложу, Максимычъ, что̀ ты говоришь. Право, ужъ я и не знаю, — разводя руками и вставая съ дивана, сказала Аксинья Захаровна. — Кто-жъ это Корягу въ попы-то поставилъ?

— Епископъ. Развѣ не слыхала, что у насъ свои архіереи завелись? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Австрійскіе-то, что ли? Сумнительны они, Максимычъ. Обливанцы, слышь, — молвила Аксинья Захаровна.

— Пустого не мели. Ты, что ли, ихъ обливала?.. — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— У насъ, въ Комаровѣ, иныя обители австрійскихъ готовы принять, — вмѣшалась въ разговоръ Настя: — Глафирины только сумнѣваются, да еще Игнатьевы, Анфисины, Трифинины, а другія обители всѣ готовы принять, и Оленевскія, и въ Улангерѣ, и въ Чернухѣ — вездѣ, вездѣ по скитамъ.

— Изъ Москвы, изъ Хвалыни, изъ Казани пишутъ про епископа, что онъ какъ есть совсѣмъ правильный, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Всѣ мои покупатели ему послѣдуютъ. Не ссориться съ ними изъ-за такихъ пустяковъ... Какъ они, такъ и мы. А что есть у иныхъ сумнѣніе, такъ это правда, точно есть. И въ Городцѣ не хотятъ Матвѣя въ часовню пускать, зазоренъ, дескать, за деньги что̀ хочешь сдѣлаетъ. Про епископа Софронія то же толкуютъ... Кто ихъ разберетъ?.. Ну ихъ къ Богу — чайку бы поскорѣй...

Какъ утка переваливаясь, толстая работница Матрена втащила ведерный самоваръ и поставила его на прибранный Настей и Парашей столъ. Семья усѣлась чайничать. Позвали и канонницу Евпраксію. Пили чай съ изюмомъ, потому что сочельникъ, а сахаръ скоромёнъ: въ него-де кровь бычачью кладутъ.

Патапъ Максимычъ дѣла свои на базарѣ кончилъ ладно. Новый заказъ, и большой заказъ, на посуду онъ получилъ,

чтобъ къ веснѣ непремѣнно выставить на пристань тысячъ на пять рублей посуды, кромѣ прежде заказанной; долгъ ему отдали, про который и думать забылъ; письма изъ Балакова получилъ: приказчикъ тамъ сходно пшеницу купилъ, будутъ барыши хорошіе; вечерню выстоялъ, новаго попа въ служеніи видѣлъ; со Снѣжковымъ встрѣтился, насчетъ Настиной судьбы толковалъ; дѣло, почитай, совсѣмъ порѣшили. Такой ладный денекъ выпалъ, что рѣдко бываетъ.

Удачно проведя день, Чапуринъ былъ въ духѣ и за чаемъ шутки шутилъ съ домашними. По этому одному видно было, что съѣздилъ онъ по-добру по-здорову, на базарѣ сдѣлалъ оборотъ хорошій, и все у него клеилось, шло какъ по маслу.

— Ты, Аксинья, къ себѣ на именины жди дорогихъ гостей. Обѣщались пироги ѣсть у именинницы.

— Кого звалъ?—вскинувъ на мужа глазами, спросила Аксинья Захаровна.

— Скорняковъ Михайла Васильичъ съ хозяйкой обѣщались, кумъ Иванъ Григорьичъ съ Груней, Данила Тихонычъ съ сыномъ, Снѣжковъ прозывается.

— Не знаю такого. Что̀ за Снѣжковъ?— сказала Аксинья Захаровна.

— Не знала, такъ узна̀ешь,—молвилъ Патапъ Максимычъ.—Пріятель мой, дружище, одно дѣльце съ нимъ заведено: подай Господи хорошаго совершенья.

— Откуда самъ-отъ?

— Самарскій... Мужикъ богатый: свои гурты изъ стѐпи гоняетъ, салотопленый заводъ у него въ Самарѣ большущій, въ Питеръ сало поставляетъ. Капиталу ста четыре тысячъ цѣлковыхъ, а не то и больше; купецъ, съ медалью; хорошій человѣкъ. Сегодня вмѣстѣ и вечерню стояли.

— Такъ онъ изъ нашихъ, изъ христіанъ?— спросила Аксинья Захаровна.

— Извѣстно. Чужого развѣ пустилъ бы Михаилъ Петровичъ на освященье воды? Старинные старообрядцы: и дѣды и прадѣды жили по древлему благочестію... Съ сыномъ Данила Тихонычъ пріѣдетъ; сынъ парень умный, изъ себя видный, двадцать другой годъ только пошелъ, а отцу ужъ помощь большая. Вотъ и теперь посылаетъ его въ Питеръ по салу, недѣли черезъ двѣ воротится, какъ разъ къ твоимъ именинамъ. Хорошенько надо изготовиться; не ударь лицомъ въ грязь на угощеньи. Ну-ка, дѣвки-грамотейницы, книжныя келейницы, смекните, въ какой день материны именины придутся? Въ скоромный, аль въ постный?

— Хоть въ середу, да на сплошной,— отвѣтила Настя.

— Ну, и ладно. Мяснымъ, стало-быть, потчевать станемъ. А рыбки все-таки надо подать. Безъ рыбы нельзя. Изъ скитовъ ждешь кого?

— Матушка Манеоа обѣщалась, — отвѣтила Аксинья Захаровна.

— Значитъ, и мясное надо и рыбное. Стряпка одна не управится? Пошли въ Ключову за Никитичной, знатно стряпаетъ, что твой Московскій трактиръ. Подруги, чай, тоже пріѣдутъ изъ Комарова къ дѣвкамъ-то?

— Марья Гавриловна обѣщалась, — сказала Аксинья Захаровна: — да еще Фленушка.

— Эту бы, пожалуй, и не надо. Больно озорна.

— Ахъ, тятенька, что это ты? Фленушка дѣвица во всемъ самая распрекрасная, — вступилась за пріятельницу Настя.

— Ладно, знаемъ и мы что-нибудь, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Слухомъ земля полнится.

— Полно, батька, постыдись, — вступилась Аксинья Захаровна. — Про Фленушку ничего худого не слышно. Да и стала бы развѣ матушка Манеоа съ недоброй славой ее въ такой любви, въ такомъ приближеньи держать? Мало-ль чего ни мелютъ пустые языки! Всѣхъ рѣчей не переслушаешь: а тебѣ, старому человѣку, дѣвицу обижать грѣхъ: у самого дочери растутъ.

— Да я ничего, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Пусть ее пріѣзжаетъ. Только ужъ, спорь ты, Аксинья, не спорь, — а келейницей Фленушка не глядитъ.

— А по-твоему дѣвицамъ бирюкомъ надо глядѣть, слова ни съ кѣмъ не смѣть вымолвить? Чай вѣдь и онѣ тоже живой человѣкъ, не деревянныя, — вступилась Аксинья Захаровна.

— Ну, ты ужъ зачнешь, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Дай только волю. Лучше-бъ еще по чашечкѣ налила.

— Кушай, батюшка, на здоровье, кушай, воды въ самоварѣ много. Свѣженькаго не засыпать ли? — молвила Аксинья Захаровна.

— Засыпь, пожалуй, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А къ именинамъ надо будетъ въ городѣ цвѣточнаго взять, рублевъ этакъ отъ шести. Важный чай!

— Отъ ярманки шестирублеваго-то осталось, — сказала Аксинья Захаровна.

— Свѣжаго купимъ. Гости хорошіе, надо, чтобъ все по гостямъ было. Таковы у насъ съ тобой, Аксинья, будутъ гости, что не токмо цвѣточнаго чаю, дѣтища родного для нихъ не пожалѣю. Любую дѣвку отдамъ! Вотъ оно какъ!

Дѣвушки переглянулись межъ собой и съ матерью. Канонница глаза потупила.

— Ужъ что̀ ни скажешь ты, Максимычъ, — сказала Аксинья Захаровна. — Про родныхъ дочерей неподобныя слова говоришь! Бога-то побоялся бы да людей постыдился бы.

— Что̀ сказалъ, то и сдѣлаю, когда захочу, — рѣшительно молвилъ Патапъ Максимычъ. — Перечить мнѣ не смѣетъ никто.

Настя, ласкаясь къ отцу, съ притворнымъ страхомъ спросила:

— Что-жъ ты съ нами подѣлаешь, тятенька?

— Тебя сжарить велю, — сказалъ, смѣясь, Патапъ Максимычъ: — а Парашу тебя пожирнѣй, ее во щи. И стану вами гостей угощать!

— Пожалѣешь, тятенька, не изжаришь.

— А вотъ увидишь.

— Полно-ка вамъ вздоръ-отъ молоть, — принимаясь убирать чайную посуду, сказала Аксинья Захаровна. — Не пора ли начинать утреню? Ты бы, Евпраксеюшка, зажигала покамѣстъ свѣчи въ моленной-то. А вы, дѣвицы, ступайте-ка, помогите ей.

Канонница съ хозяйскими дочерьми вышла. Аксинья Захаровна мыла и прибирала чашки. Патапъ Максимычъ началъ ходить взадъ и впередъ по горницѣ, заложивъ руки за спину.

— Братецъ-отъ любезный, Никифоръ-отъ Захарычъ, опять въ нашихъ мѣстахъ объявился, — сказалъ онъ вполголоса.

— Объявился, батюшка, Патапъ Максимычъ, точно что объявился, — горькимъ голосомъ отвѣтила Аксинья Захаровна. — Слышала я давеча подъ окнами голосъ его непутный... Охъ, грѣхи, грѣхи мои!..— продолжала она, вскидывая на мужа полные слезами глаза.

— Пѣснями у воротъ меня встрѣтилъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Кому сочельникъ, а ему все еще Святки.

— И не говори, батюшка!.. Что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать-то?.. Ума не приложу... Не братъ, а врагъ онъ мнѣ... Вѣкъ бы его не видала. Околѣлъ бы гдѣ-нибудь, прости Господи, подъ оврагомъ.

— Пустого не мели, — отрѣзалъ Патапъ Максимычъ. — Мало пути въ Никифорѣ, а пожалуй, и вовсе нѣтъ, да все же тебѣ братъ. Своя кровь — изъ роду не выкинешь.

— Охъ, ужъ эта родня!.. Одна сухота, — плачущимъ голосомъ говорила Аксинья Захаровна. — Навязался мнѣ на шею!.. Одна остуда въ домѣ. Хоть бы ты его хорошенько поначалилъ, Максимычъ.

— Не училъ отецъ смо̀лоду, зятю не научить, какъ въ коломенску версту онъ вытянулся, — сказалъ на то Патапъ Максимычъ. — Мало я возился съ нимъ? Ну, да что̀ поминать про старое? Приглядывать только надо, опять бы чего въ кабакъ со двора не стащилъ.

— Батюшка ты мой!.. Сама буду глядѣть и работникамъ закажу, чтобъ глядѣли, — вопила Аксинья Захаровна. — А ужъ лучше бы, кормилецъ, заказалъ ты ему путь къ нашему дому. Иди, молъ, откуда пришелъ.

— Не дѣло говоришь, Захаровна. Великъ передъ Богомъ грѣхъ родного человѣка изъ дому выгнать, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Отъ людей зазорно, роду племени покоръ! У добрыхъ людей такъ не водится. Слава Богу, насъ не объѣсть. Лишь бы не дурилъ да хмельнымъ дѣломъ поменьше зашибался. Парень онъ не дуракъ, руки золотыя, рыло-то на бѣду погано. По нашимъ мѣстамъ, думаю я, Никифору въ жизнь не справиться, славы много: одно то, что «волкомъ» былъ; всѣ знаютъ его вдоль и поперекъ, ни отъ кого вѣры нѣтъ ему на полушку. А вотъ послушай-ка, Аксинья, что̀ я вздумалъ: сегодня у меня на базарѣ дѣльце выгорѣло — пшеницу на Низу въ годы беру, землю, то-есть, казенную на сроки хочу нанимать. Старые прiятели Зубковы сняли на годы въ Узеняхъ казенны земли, пшеницу сѣять. Набрали дѣла черезъ силу: хочу я у нихъ хутора два годовъ на шесть взять. По веснѣ, пожалуй, самому сплыть туда придется, осмотрѣть все, хозяйство завести. Кого приказчикомъ послать — придумано. У того приказчика на другомъ хуторѣ будетъ ему подначальный. И пало мнѣ на умъ: въ подначальные-то Никифора. Отъ того хутора, гдѣ думаю посадить его, кабака кругомъ верстъ на сорокъ нѣтъ. А Никифоръ, какъ не пьетъ, золото. Такъ я и рѣшилъ его въ Узени. Что̀ скажешь на это?

— Что̀ тебѣ, Максимычъ, слушать глупыя рѣчи мои? — молвила на то Аксинья Захаровна. — Ты голова. Знаю, что ради меня, не ради его, непутнаго, Микешку жалѣешь. Да сколь же еще изъ-за него, паскуднаго, мнѣ слезъ принимать, глядя на твои къ нему милости? Ничто ему, пьяницѣ, ни въ прокъ ни въ толкъ нейдетъ. Совсѣмъ, огябой, сбился съ пути. Охъ, Патапушка, голубчикъ ты мой, кормилецъ ты нашъ, не кори за Микешку меня горемычную. Возрадовалась бы я, во гробу его видючи, въ бѣломъ саванѣ...

— Пишкни. Пустыхъ рѣчей не умножай. Грѣхъ! Кто тебя, глупую, коритъ? — такъ заговорилъ Патапъ Максимычъ. — Эхъ, Аксинья, Аксиньюшка! Не знаешь развѣ, что за брата сестра не отвѣтчица?.. Хоть и пьяница Никифоръ, хоть и воромъ приличился, хоть «волкомъ» по деревнямъ водили его, все же онъ тебѣ братъ. Что̀ ни дѣлай, изъ родни не выкинешь. Значитъ, не чужу остуду на себя беру, своего рода сухоту на плеча кладу. Лишняго толковать нечего, пошлемъ его въ Узени. Все хорошей рукой облажу; и толковать про то больше

не станемъ... А я тебѣ, Аксиньюшка, вотъ какое еще слово молвлю: недаромъ дѣвкамъ-то загадку я загануль, что ради гостя дорогого любой изъ нихъ не пожалѣю. Съ Данилой Тихонычемъ Снѣжковымъ мы совсѣмъ, почитай, рѣшили.

— Что рѣшили? — спросила Аксинья Захаровна, пристально глядя на мужа.

Онъ остановился передъ ней у стола и сказалъ:

— Насчетъ судьбы Настиной.

У Аксиньи руки опустились. Жаль ей было разставаться съ дочерями, и не разъ говорила она мужу, что Настя съ Парашей не перестарки; годика три-четыре могутъ еще въ дѣвкахъ посидѣть.

— Не раненько-ль задумалъ, Максимычъ? — сказала. — Надоѣла что-ль тебѣ Настасья, али объѣла насъ?

— Пустого не говори, а что не рано я дѣло задумалъ, такъ помни, что дѣвкѣ пошелъ девятнадцатый, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Пожалѣй ты ее голубушку, — молвила Аксинья Захаровна.

— Чего жалѣть-то! Худа, что ли, отецъ-отъ ей хочетъ? — рѣзко и громко сказалъ Патапъ Максимычъ. — Слушай: у Данилы Тихоныча четыреста тысячъ на серебро капиталу, опричь домовъ, заводовъ и пароходовъ. Два сына у него да три ли, четыре ли дочери, двѣ-то замужемъ за казанскими купцами, за богатыми. Старшему сыну Михайлѣ Данилычу, жениху-то, отецъ капиталъ отдѣляетъ и домъ даетъ, хочешь — съ отцомъ живи, хочешь — свое хозяйство правь. Стало-быть, Настасьѣ ни свекрови со свекромъ, ни золовокъ съ деверьями бояться нечего. Захочетъ, сама себѣ хозяйкой заживетъ. А Михайла Данилычъ — парень добрый, разсудливый, смышленый, хмелемъ не зашибается, художествъ никакихъ за нимъ нѣтъ. А изъ себя видный, шадровитъ маленько, оспа побила, да съ мужнина лица Настасьѣ не воду пить: мужъ-отъ приглядится, Богъ дастъ, какъ поживетъ съ нимъ годикъ-другой...

— Охъ, батюшка, Патапъ Максимычъ, повремени хоть маленько, — твердила свое Аксинья Захаровна. — Скорбно мнѣ разставаться съ Настёнкой. Повремени, кормилецъ!

— И повременю, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Въ нынѣшнемъ мясоѣдѣ свадьбы сыграть не успѣть, а съ весны во все лѣто, до осенней Казанской, Снѣжковымъ некогда, да и мнѣ недосугъ. Раньше Михайлова дня свадьбы сыграть нельзя, а это чуть не черезъ годъ.

— Такъ зачѣмъ же сговоромъ-то торопиться! Время бы не ушло, — сказала Аксинья Захаровна.

— Кто тебѣ про сговоръ сказалъ? — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — И на разумъ мнѣ того не приходило. Пріѣдутъ въ гости къ имениннницѣ — вотъ и все. Ни смотринъ ни сговора не будетъ; и про то, чтобъ невѣсту пропить, не будетъ рѣчи. Поглядятъ другъ на дружку, повидаются, поговорятъ кой-о-чемъ и ознакомятся, оно все-таки лучше. Ты покамѣстъ Настасьѣ ничего не говори.

Узнавъ, что не близка разлука съ дочерью, Аксинья Захаровна успокоилась и, прибравъ чайную посуду, пошла въ моленную утреню слушать.

Патапъ Максимычъ взялъ счеты и долго клалъ на нихъ. «Работниковъ пятнадцать надо принанять, а то не управишься», — подумалъ онъ, кладя на полку счеты.

Потомъ взялъ свѣчу и пошелъ на заднюю половину Богу молиться. Едва вышелъ въ сѣни, повалился ему въ ноги какой-то человѣкъ.

— Не оставь ты меня, поскуднаго, отеческой своей милостью, батюшка ты мой Патапъ Максимычъ!... Какъ Богъ, такъ и ты—дай теплый уголъ, дай кусокъ хлѣба!..—Такъ говорилъ тотъ человѣкъ хриплымъ голосомъ.

Онъ былъ въ оборванной шубенкѣ, въ истоптанныхъ валенкахъ, голова всклочена.

— Встань, Никифоръ, встань! Полно валяться, — строго сказалъ ему Патапъ Максимычъ.

Никифоръ поднялся. Красное отъ пьянства лицо было все въ синякахъ.

— Гдѣ, непутный, шатался? — спросилъ Чапуринъ.

— Гдѣ ночь, гдѣ день, батюшка Патапъ Максимычъ, и самъ не помню, — отвѣчалъ Никифоръ.

— Ахъ, ты, непутный, непутный! — качая головой, укорялъ шурина Потапъ Максимычъ. — Гляди-ка, рожу-то тебѣ какъ отдѣлали!.. Ступай, проспись... Изъ дому не гоню съ уговоромъ: брось ты, пустой человѣкъ, это проклятое винище, будь ты хорошимъ человѣкомъ.

— Кину, батюшка Патапъ Максимычъ, кину, безпремѣнно кину, — сталъ увѣрять зятя Никифоръ. — Зарокъ дамъ... Не оставь только меня своей милостью. Чего вѣдь я ни натерпѣлся — и холодно... и голодно...

— Ладно, хорошо. Ступай покамѣстъ въ подклѣтъ, проспись хорошенько, завтра приходи — потолкуемъ. Можетъ статься, пригодишься, — молвилъ Чапуринъ.

— Радъ тебѣ по гробъ жизни служить, кормилецъ ты мой!.. — заплакалъ Никифоръ. — Только вотъ сестра - лиходѣйка... Заѣстъ меня...

— Ну, ступай, ступай — проспись... Да ступай же!..— прикрикнулъ Патапъ Максимычъ, замѣтивъ, что Никифоръ и не думаетъ выходить изъ сѣней.

Мыча что-то подъ носъ, слегка покачиваясь, пошелъ Никифоръ въ подклѣтъ, а Патапъ Максимычъ въ моленну къ богоявленской заутренѣ. За нимъ туда же пошли жившіе у него работники и работницы, потомъ старики со старухами, да изъ молодыхъ богомольные. Сошлись они изъ Осиповки и сосѣднихъ деревень. Чапуринъ на большіе праздники пускалъ къ себѣ въ моленну и постороннихъ. На то онъ попечитель Городецкой часовни, значитъ, ревнитель. Когда собрались богомольцы и канонница, замолитвовавъ, стала съ хозяйскими дочерьми править по «Минеи» утреню, Аксинья Захаровна торопливо вышла изъ моленной и въ сѣняхъ, подозвавъ дюжаго работника старика Пантелея, что̀ смотрѣлъ за дворомъ и за всѣми живущими по найму, — тревожно спросила его:

— Заперъ ли, Пантелеюшка, воро̀та-то? Поставилъ ли на задахъ караульныхъ-то?

— Не безпокойся, матушка, Аксинья Захаровна, — отвѣчалъ Пантелей. — Все сдѣлано, какъ слѣдуетъ — не впервые. Слава Тѣ, Господи, пятнадцать лѣтъ живу у вашей милости, порядки знаю. Да и бояться теперь, матушка, нечего. Кто посмѣетъ тревожить хозяина, коли самъ губернаторъ знаетъ его?

— Не говори, Пантелеюшка, — возразила Аксинья Захаровна. — «Не надѣйтеся на князи и сыны человѣческіе». Безпремѣнно надо сто̀рожкимъ быть... Долго-ль до грѣха?.. Ну какъ насъ на службѣ-то накроютъ... Суды пойдутъ, расходы. Сохрани, Господи, и помилуй!

— Ничего такого статься не можетъ, Аксинья Захаровна, — успокаивалъ ее Пантелей. — Никакого вреда не будетъ. Сама посуди: кто накроетъ?.. Исправникъ аль становой?.. Свои люди. Невыгодно имъ, матушка, трогать Патапа Максимыча.

— Нѣтъ, Пантелеюшка, не говори этого, родимый, — возразила хозяйка и, понизивъ голосъ, за тайну стала передавать ему: — Свибловскій попъ, приходскій-то здѣшній, Сушилу знаешь? — больно сталъ злобствовать на Патапа Максимыча. Безпремѣнно, говоритъ, накрою Чапурина въ моленной на службѣ, нонѣ-де старовѣрамъ воля отошла: поѣду, говоритъ, въ городъ и докажу, что у Чапуриныхъ въ деревнѣ Осиповкѣ моленна, посторонни люди въ нее на богомолье сходятся. Накроютъ-де, потачки не дадутъ. Пускай, дескать, Чапуринъ поминаетъ шелковый сарафанъ да парчевый холодникъ!

— Какой сарафанъ, какой холодникъ? — спросилъ Пантелей.

— А видишь ли, Пантелеюшка, — отвѣчала хозяйка. — Прошлымъ лѣтомъ Патапъ Максимычъ къ Макарью на ярманку ѣхалъ, и попадись ему попъ Сушило на дорогѣ. Слово за слово, говоритъ попъ Максимычу:—«Ѣдешь ты, говоритъ, къ Макарью,— привези моей попадьѣ шелковый, гарнитуровый сарафанъ да хорошій парчевый холодникъ». А хозяинъ и отвѣтъ ему: — «Не жирно ли, батька, будетъ? Тебѣ и то съ меня немало идетъ уговорнаго; со всего прихода столько тебѣ не набрать». Осерчалъ Сушило, пригрозилъ хозяину: — «Помни, говоритъ, ты это слово, Патапъ Максимычъ, а я его не забуду, — такое дѣло состряпаю, что бархатный салопъ на собольемъ мѣху станешь дарить попадьѣ, да ужъ поздно будетъ, не возьму». Съ той поры онъ и злобится. «Безпремѣнно, говоритъ, накрою на моленьи Чапуриныхъ. Въ острогъ засажу», говоритъ.

— Въ острогъ-отъ не засадитъ, — съ усмѣшкой молвилъ Пантелей: — а покрѣпче приглядывать не мѣшаетъ. Потому — можетъ напугать, помѣшать... Пойду-ка я двоихъ на задахъ-то поставлю.

— Ступай, Пантелеюшка, поставь двоихъ, а не то и троихъ, голубчикъ, вѣрнѣе будетъ, — говорила Аксинья Захаровна. — А нашъ-отъ хозяинъ больно ужъ безстрашенъ. Смѣется надъ Сушилой да надъ сарафаномъ съ холодникомъ. А долго-ль до грѣха? Самъ посуди. Захочетъ Сушило, пройметъ не мытьемъ, такъ катаньемъ!

— Это такъ. Это отъ него можетъ статься, — замѣтилъ Пантелей и, направляясь къ лѣстницѣ, молвилъ: — троихъ поставлю.

— Поставь, поставь, Пантелеюшка, — подтвердила Аксинья Захаровна и медленною поступью пошла въ моленную.

Тревога была напрасна. Помолились за утреней какъ слѣдуетъ и часы, не расходясь, прочитали. Патапъ Максимычъ много доволенъ остался пѣніемъ дочерей и потомъ чуть не цѣлый день заставлялъ ихъ пѣть тропари Богоявленью.

Глава третья.

Верстахъ въ пяти отъ Осиповки, середи болотъ и перелѣсковъ, стоитъ маленькая, дворовъ въ десятокъ, деревушка Поромово. Проживалъ тамъ удѣльный крестьянинъ Трифонъ Михайловъ, прозвищемъ Лохматый. Исправный мужикъ былъ: промыселъ шелъ у него ладно, залежныя деньжонки водились. По другимъ мѣстамъ за богатея пошелъ бы, но за Волгой много такихъ.

Было у Трифона двое сыновей, одинъ работникъ матёрый, другой только-что вышелъ изъ подростковъ, дочерей двѣ дѣвки. Хоть разумомъ тѣ дѣвки отъ другихъ и отстали, хоть болтали про нихъ непригожія рѣчи, однакожъ онѣ не послѣдними невѣстами считались. Въ любой домъ съ радостью-бъ взяли такихъ спорыхъ, проворныхъ работницъ. Дѣвки молодыя, сильныя, здоровенныя: на жнитвѣ, на сѣнокосѣ, въ токарнѣ, на овинѣ, аль въ избѣ за гребнемъ, либо за тканьемъ, дѣло у нихъ такъ и горитъ; одна за двухъ работаетъ. Лохматый замужъ дѣвокъ отдавать не торопился, самому нужны были. «Не перестарки, — думалъ онъ: — пусть годъ-другой за родительскій хлѣбъ на свою семью работàютъ. Успѣютъ въ чужихъ сѐмьяхъ нажиться».

Старшій сынъ Трифона, звали Алексѣемъ, парень былъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ, слылъ за перваго искусника по токарной части. И красавецъ былъ изъ себя. Роста чуть не въ косую сажень, стоитъ, бывало, середь мужиковъ на базарѣ, всѣхъ выше головой; здоровый, бѣлолицый, румянецъ во всю щеку такъ и горитъ, а кудрявые темно-русые волосы такъ и вьются. Такимъ молодцомъ смотрѣлъ, что не только крестьянскія дѣвки, поповны на него заглядывались. Да чтò поповны! Была у станового свояченица, и та по Алешѣ Лохматомъ встосковалась... Да такъ встосковалась, что любовную записочку къ нему написала. Ту записку становой перехватилъ, свояченицу до грѣха, въ другой уѣздъ, къ теткѣ отправилъ, а Трифону грозилъ:

— Быть твоему Алешкѣ подъ красной шапкой, не миновать, подлецу, бритаго лба.

— Да за что-жъ это, ваше благородіе? — спросилъ Трифонъ Лохматый. — Кажись, за сыномъ дурныхъ дѣлъ не видится.

— Хоть дурныхъ дѣлъ не видится, да не по себѣ онъ дерево клонитъ, — говорилъ становой.

Не разгадалъ Трифонъ загадки, а становой больше и говорить не сталъ. И злобился послѣ того на Лохматыхъ, и быть бы худу, да по скорости его подъ судъ упекли.

Бывало, по осени, какъ супрядки начнутся, деревенскія дѣвки ждутъ не дождутся Алеши Лохматаго; безъ него и пѣсенъ не играютъ, безъ него и веселья нѣтъ. И уменъ же Алеша былъ, разсудливъ не по годамъ, каждо дѣло по крестьянству не хуже стариковъ могъ разсудить, къ тому же грамотой Господь его умудрилъ. Хоть за Волгой грамотеи издавна не въ диковину, но такихъ, какъ Алексѣй Лохматый, и тамъ водится немного: опричь божественныхъ книгъ, читалъ гра-

жданскія и до нихъ большой былъ охотникъ. Деньгу любилъ, а любилъ ее потому, что хотѣлось въ довольствѣ, въ богатствѣ, во всемъ изобильѣ пожить, славы, почета хотѣлось... Не говаривалъ онъ про то ни отцу съ матерью ни другу-пріятелю; одинъ съ собой думу такую держалъ.

Жилъ старый Трифонъ Лохматый да Бога благодарилъ. Тихо жилъ, смирно, съ сосѣдями въ любви да въ совѣтѣ: добрая слава шла про него далеко. Обиды отъ Лохматаго никто не видалъ, каждому человѣку онъ по силѣ своей радъ былъ сдѣлать добро. Пуще всего не любилъ мірскихъ пересудовъ. Терпѣть не могъ, какъ иной разъ дочери, набравшись вѣстей на супрядкахъ аль у колодца, зачнутъ языками косточки кому-нибудь перемывать.

— Расшумѣлись, какъ воробьи къ дождю! — крикнетъ, бывало, на нихъ. — Люди врутъ, а вы вранье разносить?.. Потараторьте-ка еще у меня, сороки, сниму плеть съ колка, научу уму-разуму.

Дѣвки ни гугу. И никогда, бывало, ни единой сплетни или пересудовъ изъ Трифоновой избы не выносилось.

Безъ горя, безъ напасти человѣку вѣка не прожить. И надъ Трифономъ Лохматымъ сбылось то слово, стряслась и надъ нимъ бѣда, налетѣла напасть нежданно-негаданно. На самое Воздвиженье токарня у него сгорѣла съ готовой посудой ста на два рублей. Работали въ токарнѣ до сумерекъ, огня и въ заводяхъ не было. Въ самую полночь вспыхнула. Стояла токарня на рѣчкѣ, въ полуверстѣ отъ деревни — покуда проснулись, покуда прибѣжали — вся въ огнѣ. Въ одно слово рѣшили мужики, что лихой человѣкъ Трифону краснаго пѣтуха пустилъ. Долго Лохматый умомъ-разумомъ по міру раскидывалъ, долго гадалъ, кто бы таковъ былъ лиходѣй, что его обездолилъ. Никого, кажись, Трифонъ не прогнѣвалъ, со всѣми жилъ въ ладу да въ добромъ совѣтѣ, а токарню подпалили. Гадалъ-гадалъ Трифонъ Михайлычъ, не надумалъ ни на кого и гадать пересталъ.

— Подавай становому объявленіе, — говорилъ ему удѣльнаго приказа писарь Карпъ Алексѣичъ Морковкинъ. — Произведутъ слѣдствіе, сыщутъ злодѣя.

Ни слова Трифонъ не молвилъ на отвѣтъ писарю. На міру потомъ такую рѣчь говорилъ:

— Ни за что на свѣтѣ не подамъ объявленія, ни за что на свѣтѣ не наведу суда на деревню. Судъ наѣдетъ, не одну мою копейку потянетъ, а міру и безъ того туго приходится. Лучше-жъ я какъ-нибудь, съ Божьей помощью, перебьюсь. Сколочусь по времени съ деньжонками, нову токарню поставлю.

А злодѣя, что̀ меня обездолилъ, — суди Богъ на страшномъ Христовомъ судищѣ.

Любовно принялъ міръ слово Трифоново. Урядили, положили старики, если объявится лиходѣй, что̀ у Лохматаго токарню спалилъ, потачки ему, вору, не давать: изъ лѣтъ не вышелъ — въ рекруты, вышелъ изъ лѣтъ — въ Сибирь на поселенье. Такъ старики порѣшили.

Съ одной бѣдой трудовому человѣку не больно хитро̀ справиться. Одну бѣду заспать можно, можно и съ хлѣбомъ съѣсть. Но бѣда не живетъ одна. Такъ и съ Лохматымъ случилось. Съ самаго пожара пошелъ ходить по бѣдамъ: на Покровъ пару лошадей угнали, на Казанскую воры въ клѣть залѣзли. Разбили злодѣи укладку у Трифона, хорошу одёжу всю выкрали, все годами припасенное дочерямъ приданое да триста цѣлковыхъ наличными, на которые думалъ Трифонъ къ веснѣ токарню поставить. Обобрали бѣднягу, какъ малинку, согнуло горе старика, не глядѣлъ бы на вольный свѣтъ, бѣжалъ бы куда изъ дому: жена воетъ, не своимъ голосомъ убивается; дочери ревутъ, причитаютъ надъ покраденными сарафанами, ровно по покойникамъ. Сыновья какъ ночь ходятъ. Что̀ дѣлать, ка̀къ бѣдѣ пособить? Но Трифонъ въ жизнь свою ни у кого не займовалъ, зналъ, что деньги занять — остуду принять.

— Прихвати, Михайлычъ, сколько ни на есть деньжонокъ, — говорила жена его, Ѳекла, баба тихая, смиренная, внезапнымъ горемъ совсѣмъ почти убитая. — И токарню вѣдь надо ставить, и безъ лошадокъ нельзя...

— Радъ бы прихватить, Абрамовна, да негдѣ прихватить-то; ни у котораго человѣка теперь денегъ для чужого кошеля не найдешь. Хоть проси, хоть нѣтъ — все едино.

— Да вотъ хоть бы у писаря, у него деньги завсегда водятся, — подхватила Ѳекла: — покучиться бы тебѣ у Карпа Алексѣича. Дастъ.

Молчитъ Трифонъ, лучину щепаетъ; Ѳекла свое.

— Что-жъ, Михайлычъ? Заемъ дѣло вольное, любовное: безчестья тутъ никакого нѣтъ, а намъ, самъ ты знаешь, безъ токарни да безъ лошадокъ не прожить. Подь, покланяйся писарю, — говорила Ѳекла мужу, утирая рукавомъ слезы.

— Не пойду, — отрывисто съ сердцемъ молвилъ Трифонъ и нахмурился. — И не говори ты мнѣ, старуха, про этого міроѣда, — прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ: — не вороти ты душу мою... Отъ него, отъ поскуднаго, весь міръ сохнетъ. Знаться съ писарями мнѣ не рука.

— Да что̀ же не знаться-то?.. Что̀ ты за «тысячникъ» такой?.. Иль гордыня какая налѣзла? — говорила Ѳекла. — Чѣмъ

Карпъ Алексѣичъ не человѣкъ? И денегъ вволю, и начальство его знаетъ. Глянь-ка на него, человѣкъ молодой, мірскимъ захребетникомъ былъ, а теперь передъ нимъ всякъ шапку ломитъ.

— Ну и пусть ихъ ломятъ, а я, сказано, не пойду, такъ и не пойду, — молвилъ Трифонъ Лохматый.

— А я что говорила тебѣ, то и теперь скажу, — продолжала Ѳекла. — Какъ бы вотъ не горе-то наше великое, какъ бы не разоренье-то, онъ бы сватовъ къ Паранькѣ заслалъ. Давно про нее заговаривалъ. А теперь, знамо дѣло, бесприданница, побрезгуетъ...

Прасковья, старшая дочь Трифона, залилась слезами и начала причитать.

— Плети захотѣла? — крикнулъ отецъ.

Смолкла Прасковья, оглядываясь и будто говоря: «да вѣдь я такъ, я, пожалуй, и не стану ревѣть». Вспомнила, что корову доить пора, и пошла изъ избы, а меньшая сестра слѣдомъ за ней. Ѳекла ни гугу, перемываетъ у печи горшки да Ісусову молитву творитъ.

Нащепавъ лучины, обратился Трифонъ къ старшему сыну, что во все время родительской перебранки молча въ углу сидѣлъ, оттачивая токарный снарядъ.

— Алёха! Неча, парень, дѣлать, надо въ чужи люди идти, въ работники. Сказываютъ, Патапъ Максимычъ Чапуринъ большой подрядъ на посуду снялъ. Самому, слышь, управиться сила не беретъ, такъ онъ токарей пріискиваетъ. Порядися съ нимъ на лѣто, аль до зимняго Николы. Десятковъ пять-шесть, Богъ дастъ, заработаешь. Къ тому-жъ и съ харчей долой. У Чапурина можно и впередъ денегъ взять, не откажетъ: на эти деньги токарню по веснѣ справили бы, на первое время хоть не больно мудрящую. А Саввушку, думаю я, Ѳекла, въ Хвостиково послать, онъ мастеръ ложкарить. Заработаетъ сколько-нибудь. А сами, Богъ милостивъ, какъ-нибудь перебьемся.

— Я, батюшка, всей душой радъ послужить, за твою родительскую хлѣбъ-соль заработать, сколько силы да умѣнья хватитъ, и дома радёхонекъ и на сторонѣ — гдѣ прикажешь, — сказалъ красавецъ Алексѣй.

— Спасибо, парень. Руки у тебя золотыя, добывай отцу, — молвилъ Трифонъ. — Саввушка, а Саввушка! — крикнулъ онъ, отворивъ дверь въ сѣни, гдѣ младшій сынъ рѣзалъ изъ баклушъ ложки.

— Чего, тятенька? — весело тряхнувъ кудрями, спросилъ красивый подростокъ, лѣтъ пятнадцати, входя въ избу.

— Избнымъ тепломъ, сидя возлѣ материна сарафана,

уменъ не будешь, Саввушка. Знаешь ты это? — спросилъ его отецъ.

— Знаю, — бойко отвѣтилъ Саввушка, вопросительно глядя на отца.

— Поживя въ чужихъ людяхъ, умнѣе будешь. Такъ али нѣтъ?

— Ты, тятя, лучше меня знаешь, — отвѣчалъ Саввушка, ясно и любовно глядя на отца.

Бросила горшки свои Ѳекла; сѣла на лавку и, ухватясь руками за колѣни, вся вытянулась впередъ, зорко глядя на сыновей. И вдругъ стала такая блѣдная, что краше въ гробъ кладутъ. Чужимъ тепломъ Трифоновы дѣти не грѣлись, чужого куска не ѣдали, родительскаго дома отродясь не покидали. И никогда у отца съ матерью на мысли того не бывало, чтобъ когда-нибудь ихъ сыновьямъ довелось на чужой сторонѣ хлѣбъ добывать. Горько бѣдной Ѳеклѣ. Глядѣла-глядѣла старуха на своихъ соколиковъ и заревѣла въ источный голосъ.

— Чего завыла? Не покойниковъ провожаешь! — сердито попрекнулъ ей Трифонъ, но въ суровыхъ словахъ его слышалось что-то плачевное, горестное. А не задать бабѣ окрику нельзя: не плакать же мужику, не бабиться. — Ѳекла, — сказалъ Трифонъ женѣ поласковѣй: — подь-ка, помолись!

И Ѳекла покорно пошла въ заднюю, гдѣ была у нихъ небольшая моленна. Взявши въ руку лѣстовку, стала за налой. Читая канонъ Богородицѣ, хотѣлось ей забыть новое, самое тяжкое изо всѣхъ постигшихъ ее горе.

— Ужъ вы порадѣйте, ребятки, пособите отцу, — говорилъ Трифонъ. — Пустилъ ли я бы васъ въ чужіе люди, какъ бы не бѣда наша, не послѣднее дому разоренье? Ужъ вы порадѣйте. А живите въ людяхъ умненько, не балу̀йте, работа̀йте путемъ. Не знаю, какъ въ Хвостиковѣ у ложкарей, Саввушка, а у Чапурина въ Осиповкѣ такое заведенье, что если который работникъ, окромѣ положенной работы, лишковъ наработаетъ, за тѣ лишки особая плата ему сверхъ ряженой. Чапуринъ — человѣкъ добрый, обиды никому не сдѣлаетъ. Служи ему, Алексѣй, какъ родному отцу; онъ тебя и впередъ не покинетъ. Порадѣй же хорошенько, Алексѣюшка, постарайся побольше денегъ заработать. Справиться бы намъ поскорѣе! Тебѣ же подходитъ пора и законъ совершить, такъ надо тебѣ, Алексѣй, объ отцѣ съ матерью порадѣть.

Долго толковалъ Трифонъ съ сыновьями, какъ имъ работу искать. Порѣшили Алексѣю завтра-жъ идти въ Осиповку рядиться къ Патапу Максимычу, а въ середу, какъ на сосѣдній базаръ хвостиковскіе ложкари пріѣдутъ, порядить и Саввушку.

Спать улеглись, а Ѳекла все еще клала въ моленной земные поклоны. Кончивъ молитву, вошла она въ избу и стала на колѣни у лавки, гдѣ, разметавшись, крѣпкимъ сномъ спалъ любимецъ ея Саввушка. Бережно взяла она въ руки сыновнюю голову, припала къ ней и долго, чуть слышно, рыдала.

Рано поутру, еще до свѣту, на другой день Алексѣй собрался въ Осиповку. Это было какъ разъ черезъ недѣлю послѣ Крещенья. Помолившись со всею семьей Богу, простившись съ отцомъ, съ матерью, съ братомъ и сестрами, пошелъ онъ рядиться. Къ вечеру надо было ему назадъ къ отцу въ Поромово придти, повѣстить, на чемъ въ рядѣ сошлись. Былъ слухъ, что Чапуринъ цѣны даетъ хорошія, что дѣло у него наспѣхъ, самъ-де не знаетъ, успѣетъ ли къ сроку заподряженный товаръ поставить. Всѣ работники, что были по околотку, нанялись ужъ къ нему; кромѣ того, много работы роздано было по домамъ, и задатки розданы хорошіе.

Свѣтало, когда Алексѣй, напутствуемый наставленьями отца и тихимъ плачемъ матери, пошелъ изъ дому. Выйдя за ворота, перекрестился онъ на всѣ стороны и, поникнувъ головой, пошелъ по узенькой дорожкѣ, проложенной межъ сугробовъ. Не легко человѣку впервые оставлять теплое семейное гнѣздо, идти въ чужи люди, хлѣбъ зарабатывать. Много было передумано Алексѣемъ во время медленнаго пути. Думалъ онъ, что-то ждетъ его въ чужомъ дому, ласковы-ль будутъ хозяева, каковы-то будутъ до него товарищи, не было-бъ отъ кого обиды какой, не нажить бы ему чьей злобы своей простотой; чужбина вѣдь неподатлива, — ума прибавитъ да и горя набавитъ.

Патапъ Максимычъ выходилъ изъ токарнаго завода, что стоялъ черезъ улицу отъ дома, за амбарами, когда изъ-за околицы показался Алексѣй Лохматый. Не доходя шаговъ десяти, снялъ онъ шапку и низко поклонился «тысячнику». Чапуринъ окликалъ его:

— Здорово, парень! Куда Богъ несетъ?

— До вашей милости, Патапъ Максимычъ, — не надѣвая шапки, отвѣчалъ Алексѣй.

— Что надо, парень? Да ты шапку-то надѣвай, студено. Да пойдемъ-ка лучше въ избу, тамъ потеплѣй будетъ намъ разговаривать. Скажи-ка, родной, какъ отецъ-отъ у васъ справляется? Слышалъ я про ваши бѣды; жалко мнѣ васъ... Шутка ли, какъ злодѣи-то васъ обидѣли!..

— Въ разоръ разорили, Патапъ Максимычъ, совсѣмъ доконали. Какъ есть совсѣмъ, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Богу надо молиться, дружокъ, да рукъ не покладывать,

и Господь все сызнова пошлетъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Ты вѣдь, слыхалъ я, грамотей, книгочей.

— Читаемъ помаленьку, — молвилъ Алексѣй.

— А челъ ли ты книгу про Іева многострадальнаго, про того, что̀ на гноищи лежалъ? Побогаче твоего отца былъ, да всего лишился. И на Бога не возропталъ. Не возропталъ, — прибавилъ Патапъ Максимычъ, возвыся голосъ.

— Это я знаю, читалъ, — отвѣтилъ Алексѣй. — Зачѣмъ на Бога роптать, Патапъ Максимычъ? Это не годится; Богъ лучше знаетъ, чему надо быть: любя насъ наказуетъ...

— Это ты хорошо говоришь, дружокъ, по-Божьему, — ласково взявъ Алексѣя за плечо, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Господь пошлетъ; поминай чаще Іева на гноищи. Да... все имѣлъ, всего лишился, а на Бога не возропталъ; за то и подалъ ему Богъ больше прежняго. Такъ и ваше дѣло — на Бога не ропщите, рукъ не жалѣйте, да съ Богомъ работайте, Господь не оставитъ васъ — пошлетъ больше прежняго.

Разговаривая такимъ образомъ, Патапъ Максимычъ вошелъ съ Алексѣемъ въ подклѣтъ; тамъ сильно олифой пахло: крашеная посуда въ печи сидѣла для просухи.

— По какимъ дѣламъ ко мнѣ пришелъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ, скидая тулупъ и обтирая сапоги о брошенную у порога рогожку.

— Слышно, ваша милость работниковъ наймуете, — робкимъ голосомъ молвилъ Алексѣй.

— Наймуемъ. Работники мнѣ нужны, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ я бы...

Патапъ Максимычъ улыбнулся.

Самый первый токарь, которымъ весь околотокъ не нахвалится, пришелъ наниматься незваный, непрошеный!.. Не разъ подумывалъ Чапуринъ сподсылать въ Поромово къ старику Лохматому — не отпуститъ ли онъ, при бѣдовыхъ дѣлахъ, старшаго сына въ работу, да все отдумывалъ... «Ну, а какъ не пуститъ да еще послѣ насмѣется, вѣдь онъ, говорятъ, мужикъ крутой и заносливый»... Привыкнувъ жить въ славѣ и почетѣ, боялся Патапъ Максимычъ посмѣху отъ какого ни на есть мужика.

— Въ работники хочешь? — сказалъ онъ Алексѣю. — Что̀ же? Милости просимъ. Про тебя слава идетъ добрая, да и самъ я знаю работу твою: знаю, что руки у тебя золото... Да что-жъ это, парень? Неужли у васъ до того дошло, что отецъ тебя въ чужи люди посылаетъ? Вѣдь ты говоришь, отецъ прислалъ. Не своей волей ты рядиться пришелъ?

— Какъ же можно безъ родительской воли, Патапъ Максимычъ? Этого никакъ нельзя, — сказалъ Алексѣй.

— Такъ сами-то вы развѣ ужъ и подняться не можете?

— Не можемъ, Патапъ Максимычъ: совсѣмъ злые люди насъ обездолили; надо будетъ съ годокъ въ людяхъ поработать, — отвѣчалъ Алексѣй. — Родители и меньшаго брата къ ложкарямъ посылаютъ; знатно рѣжетъ ложки: всякую, какую хошь, и касатую, и тонкую, и бонкую, и межеумокъ, и крестовую рѣжетъ. Къ пальмѣ даже пріученъ — вотъ какъ бы хозяинъ ему такой достался, чтобы пальму точить...

— Доброе дѣло, — перебилъ Алексѣя Патапъ Максимычъ. — Да ты про себя-то говори. Какъ же ты?

— Да какъ вашей милости будетъ угодно, — отвѣчалъ Алексѣй. — Я бы до Михайлова дня, а коли милость будетъ, такъ до Николы...

— До Николы такъ до Николы. До зимняго, значитъ? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно, до зимняго, — подтвердилъ Алексѣй.

— А насчетъ ряды какъ думаешь? — спросилъ Чапуринъ.

— Да ужъ это какъ вашей милости будетъ угодно, — сказалъ Алексѣй. — По вашей добродѣтели бѣднаго человѣка вы не обидите, а я радъ стараться, сколько силы хватитъ.

Такое слово любо было Патапу Максимычу. Онъ назначилъ Алексѣю хорошую плату и больше половины выдалъ впередъ, чтобъ можно было Лохматовымъ помаленьку справляться по хозяйству.

— Молви отцу, — говорилъ онъ, давая деньги: — коли нужно ему на обзаведенье, шелъ бы ко мнѣ — сотню другу-третью съ радостью дамъ. Разживетесь, отдадите, аль по времени ты заработаешь. Ну, а когда же работать начнешь у меня?

— Да по мнѣ хоть завтра же, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ Алексѣй. — Сегодня домой схожу, деньги снесу, въ банѣ выпарюсь, а завтра съ утра къ вашей милости.

— Ну, ладно, хорошо. Приходи...

Алексѣй хотѣлъ идти изъ подклѣта, какъ дверь широко распахнулась, и вошла Настя. Въ голубомъ ситцевомъ сарафанѣ съ бѣлыми рукавами и широкимъ бѣлымъ передникомъ, съ алымъ шелковымъ платочкомъ на головѣ, пышная, красивая, стала она у двери и, взглянувъ на красавца Алексѣя, потупилась.

— Тятенька, самоваръ принесли, — сказала отцу.

И голосъ у ней оборвался.

— Ладно, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Такъ завтра приходи. Какъ бишь звать-то тебя? Алексѣемъ никакъ?

— Такъ точно, Патапъ Максимычъ.

— Молви отцу-то, Алексѣюшка, — нужны деньги, приходилъ бы. Радъ помочь въ нуждѣ.

Помолился Алексѣй, поклонился хозяину, потомъ Настѣ, и пошелъ изъ подклѣта. Отдавая поклонъ, Настя зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ. Идя въ верхнія горницы, она, перебирая передникъ и потупивъ глаза, вполголоса спросила отца, что̀ это за человѣкъ такой былъ у него?

— Въ работники нанялся, — равнодушно отвѣтилъ отецъ.

Возвращаясь въ Поромово, не о томъ думалъ Алексѣй, какъ обрадуетъ отца съ матерью, принеся нежданныя деньги и сказавъ про обѣщанье Чапурина дать взаймы рублевъ триста на разживу, не о томъ мыслилъ, что завтра придется ему прощаться съ домомъ родительскимъ: Настя мерещилась. Одно онъ думалъ, одно передумывалъ, шагая крупными шагами по узенькой снѣжной дорожкѣ: «Зародилась же на свѣтѣ такая красота!»

Глава четвертая.

Къ именинамъ Аксиньи Захаровны пріѣхала въ Осиповку золовка ея, комаровская игуменья, мать Манеѳа. Привезла она съ собою двухъ послушницъ: Фленушку да Анафролію. Марья Гавриловна, купеческая вдова изъ богатаго московскаго дома, своимъ коштомъ жившая въ Манеѳиной обители и всѣми уважаемая за богатство и строгую жизнь, не поѣхала въ гости къ Чапуринымъ. Это немного смутило Патапа Максимыча; пріязнью Марьи Гавриловны онъ дорожилъ, родственники ея люди были первостатейные, лестно было ему знакомство ихъ. И по торговлѣ имѣлъ съ ними дѣла.

Молодая, красивая, живая какъ огонь Фленушка, пріятельница дочерей Патапа Максимыча, была дѣвица-бѣлоручка, любимица игуменьи, обительская баловница. Она взросла въ обители, будучи отдана туда ребенкомъ. Выучилась въ скиту Фленушка грамотѣ, рукодѣльямъ, церковной службѣ, и хоть ничѣмъ не похожа была на монахиню, а приводилось ей, безродной сиротѣ, вѣкъ оставаться въ обители. Изъ скитовъ замужъ въявь не выходятъ — позоромъ пало бы это на обитель; но свадьбы «уходомъ» и тамъ порой-временемъ случаются. Слюбится съ мо̀лодцемъ бѣлица, выдастъ ему свою одёжу и убѣжитъ вѣнчаться въ православную церковь: раскольничій попъ такую чету ни за что не повѣнчаетъ. Матери засуетятся, забѣгаютъ, погони разошлютъ, но дѣла поправить нельзя. Посердятся на бѣглянку съ по̀лгода, иногда и цѣлый годъ, а послѣ смирятся. Бѣглянка послѣ мировой поча̀сту го-

стить въ обители, живетъ тамъ, какъ въ родной семьѣ, получаетъ отъ матерей вспоможеніе, дочерей отдаетъ къ нимъ же на воспитаніе, а если овдовѣетъ, воротится на старое пепелище, въ старицы пострижется и станетъ вѣкъ свой доживать въ обители. Такихъ примѣровъ много бывало, и Флёнушка, поминая эти примѣры, думала-было обвѣнчаться «уходомъ» съ молодымъ казанскимъ купчикомъ Петрушей Самоквасовымъ, но матушки Манееы было жалко ей — убило бы это ея воспитательницу...

Другая послушница, привезенная Манееой въ Осиновку, Анафролія, была простая деревенская дѣвка. Въ келарнѣ больше жила, помогая матушкѣ-келарю кушанье на обитель стряпать и исправляя черныя работы въ кельяхъ самой игуменьи Манееы. Это была изъ себя больно некрасивая, рябая, неуклюжая какъ ступа, зато здоровенная дѣвка, работала за четверыхъ и ни о чемъ другомъ не помышляла, только бы сытно пообѣдать да вечеромъ, поужинавъ вплотную, выспаться хорошенько. Въ обители дурой считали ее, но любили за то, что сильная была работница и, куда ни пошли, что̀ ей ни вели, все живой рукой обдѣлаетъ безо всякаго ворчанья. Безотвѣтна была, голоса ея мало кто слыхалъ.

Мать Манееу Аксинья Захаровна помѣстила въ задней горницѣ, возлѣ моленной, вмѣстѣ съ домашней канонницей Евпраксіей да съ Анафроліей. Манееа, напившись чайку съ изюмомъ, — была великая постница, сахаръ почитала скоромнымъ и съ роду не употребляла его, — отправилась въ свою комнату и тамъ стала разспрашивать Евпраксію о порядкахъ въ братнином домѣ: усердно ли Богу молятся, строго ли посты соблюдаютъ, по скольку канонъ въ день она прочитываетъ, каждый ли праздникъ службу правятъ, приходятъ ли на службу сторонніе, — а затѣмъ свела рѣчь на то, что у нихъ въ скиту большое разстройство идетъ изъ-за австрійскаго священства: однѣ обители желаютъ принять епископа Софронія, а другія считаютъ новыхъ архіереевъ обливанцами и слышать про нихъ не хотятъ.

— На прошлой недѣлѣ, Евпраксеюшка, грѣхъ-отъ какой случился. Не знаю, какъ и замолятъ его. Матушка Клеопатра, изъ Жжениной обители, пришла къ Глафиринымъ и стала про австрійское священство толковать: оно-де правильно, надо-де всѣмъ принять его, чтобъ съ Москвой не разорваться, потому-де, что съ Рогожскаго пишутъ, по Москвѣ-де всѣ епископа приняли. Измарагдушка заспорила: обливанцы, говоритъ, они — архіереи-то. Спорили матери, спорили, да обѣ горячія, слово за слово, ругаться зачали, другъ съ дружки иночество

сорвали, въ косы. Такой грѣхъ — насилу розняли! И пошли съ той поры ссоры да свары промежъ обителей, другъ съ дружкой не кланяются, другъ дружку еретицами обзываютъ, изъ одного колодца воду брать перестали. Грѣхъ да и только!

— А вы какъ, матушка, насчетъ австрійскаго священства располагаете? — робко спросила Евпраксія.

— Мы бы, пожалуй, и приняли, — сказала Манеѳа. — Какъ не принять, Евпраксеюшка, когда Москва приняла? Чѣмъ станемъ кормиться, какъ съ Москвой разорвемся? Ко мнѣ же самъ батюшка Иванъ Матвѣичъ съ Рогожскаго писалъ: принимай, дескать, матушка Манеѳа, безо всякаго сумнѣнья. Какъ же духовнаго отца ослушаться?.. Какъ наши-то располагаютъ, на чемъ рѣшаются?.. По-моему и имъ бы надо принять, потому что въ Москвѣ, и въ Казани, па Низу и во всѣхъ городахъ приняли. Разорится Патапушка можетъ, коль не приметъ новаго священства. Никто дѣлъ не захочетъ вести съ нимъ; кредиту не будетъ, разорвется съ покупателями. Такъ-то.

— Патапъ Максимычъ, кажется мнѣ, пріемлетъ, — отвѣчала Евпраксія.

— Думала я поговорить съ нимъ насчетъ этого, да не знаю, какъ приступиться, — сказала Манеѳа. — Крутенекъ. Не знаешь, какъ и подойти. Прямой медвѣдь.

— Онъ всему послѣдуетъ, чему самарскіе, — замѣтила Евпраксія. — А въ Самарѣ епископа, сказываютъ, приняли. Аксинья Захаровна сумнѣвалась спервоначала, а теперь, кажется, и она готова принять, потому что самъ велѣлъ. Я вотъ ужъ другу недѣлю поминаю на службѣ и епископа и отца Михаила; сама Аксинья Захаровна сказала, чтобъ поминать.

— Какого это отца Михаила? — съ любопытствомъ взглянувъ на канонницу, спросила мать Манеѳа.

— Михайлу Корягу изъ Колоскова, — сказала канонница. — Вѣдь онъ въ попы ставленъ.

— Коряга! Михайла Коряга! — сказала Манеѳа, съ сомнѣніемъ покачивая головой. — И нашимъ сказывали, что въ попы ставленъ, да вѣры неймется. Больно до денегъ охочъ. Стяжатель! Какъ такого поставить?

— Поставили, матушка, истинно, что поставили, — говорила Евпраксія. — На Богоявленье въ Городцѣ воду святилъ, самъ Патапъ Максимычъ за вечерней стоялъ и воды богоявленской домой привезъ. Вонъ буракъ-отъ у святыхъ стоитъ. Великимъ постомъ Коряга, пожалуй, сюда наѣдетъ, исправлять станетъ, обѣдню служить. Ему, слышь, епископъ-отъ полотняную церковь пожаловалъ и одиконъ, рекше путевой престолъ Господа Бога и Спаса нашего...

— Коряга! Михайла Коряга! Попомъ! Да что-жъ это такое! — въ раздумьѣ говорила мать Манеѳа, покачивая головой и не слушая рѣчей Евпраксіи. — А впрочемъ, и самъ-отъ Софроній такой же стяжатель — благодатью Духа Святаго торгуетъ... Если иного епископа, благочестиваго и Бога боящагося, не поставятъ — Софронія я не приму... Ни за что не приму!..

Межъ тѣмъ въ дѣвичьей свѣтлицѣ у Насти съ Фленушкой шелъ другой разговоръ. Настя разспрашивала про скитскихъ пріятельницъ и знакомыхъ, гостья чуть успѣвала отвѣты давать. Про всѣхъ переговорили, про всѣ новости бойкая, говорливая Фленушка разсказала. Разспросамъ Насти не было конца — хотѣлось ей узнать, какая бѣлица сарафанъ къ праздникамъ сшила, дошила-ль Марья головщица канвовую подушку, отослала-ль ту подушку матушка Манеѳа въ Казань, получили ли дѣвицы новые бисерà изъ Москвы, выучилась ли Устинья Московка шелковы пояски съ молитвами изъ золота ткать. Освѣдомившись обо всемъ, стала Настя Фленушку разспрашивать, какъ поживала она послѣ отъѣзда ихъ изъ обители?

— Чтò моя жизнь! — желчно смѣясь, отвѣтила Фленушка. — Извѣстно какая! Тоска и больше ничего: встанешь, чайку попьешь — за часы пойдешь, пообѣдаешь — потомъ къ правильнымъ канонамъ, къ вечернѣ. Ну, вечеркомъ, извѣстно, на супрядки сбѣгаешь; придешь домой, матушка, какъ водится, началить начнетъ, зачѣмъ, дескать, на супрядки ходила: ну, до ужина дѣло-то такъ и проволочишь. Поужинаешь и на боковую. И слава Тѣ, Христе, что день прошелъ.

— А къ заутренѣ будятъ?

— Перестали. Отбилась. Лѣнива вѣдь я, Настасья Патаповна, Богу-то молиться. Какъ прежде, такъ и теперь, — смѣялась Фленушка.

— А супрядки понѣшнюю зиму бывали? — спросила ее Настя.

— Какъ же! У Жжениныхъ въ обители кажду середу попрежнему. Завела-было игуменья у Жжениныхъ такое новшество: на супрядкахъ «Прологъ» читать, «Житія» святыхъ того дня. Мало ихъ въ моленной-то читаютъ! Три середы читали, игуменья сама съ дѣвицами сидѣла, чтобы, знаешь, слушали, не баловались. А дѣвицы не промахъ. «Прологъ»-отъ скрали да въ подпольѣ и закопали. Смѣху-то чтò было!.. У Бояркиныхъ по пятницамъ сходились, у Московкиной по вторникамъ, только не кажду недѣлю; а въ нашей обители, какъ и при васъ бывало, — по четвергамъ. Только матушка Ма-

неѳа съ той поры, какъ вы уѣхали, все грозитъ разогнать наши бесѣды и келарню по вечерамъ запирать, чтобы не смѣли, говоритъ, сбираться дѣвицы изъ чужихъ обителей. А пѣсенку спѣть либо игру затѣять — безъ васъ и думать не смѣй; пой Алексѣя человѣка Божьяго. Какъ племянницы, говоритъ матушка, жили, да Дуня Смолокурова, такъ я баловала ихъ для того, что дѣвицы онѣ мірскія, черной ризы имъ не надѣть, а вы, говоритъ, должны о Богѣ думать, чтобъ сподобиться честное иночество принять... Да вѣдь это она такъ только пугаетъ. Каждый разъ поворчитъ - поворчитъ, да и пошлетъ мать Софію, что̀ въ ключахъ у ней ходитъ, въ кладовую за гостинцами дѣвицамъ на угощенье. Иной разъ и сама придетъ въ келарню. Ну, при ней, извѣстно дѣло, все чинно да стройно: стихиры запоемъ, и ни едина дѣвица не улыбнется, а только за дверь матушка, дымъ коромысломъ. Смотришь, анъ бѣлицы и «Гусара» запѣли...

И, увлекшись воспоминаньями о скитскихъ су̀прядкахъ, Фленушка вполголоса запѣла: «Гусаръ, на саблю опираясь», давно уже проникшій на дѣвичьи бесѣды въ раскольничьи скиты.

— А у Глафириныхъ су̀прядковъ развѣ не было? — спросила Настя.

— Какъ не бывать! — молвила Фленушка. — Самыя развеселыя были бесѣды, парни съ деревень прихаживали... Съ гармоніями... Да нашимъ туда теперь ходу не стало.

— Какъ такъ? — удивилась Настя.

— Да все изъ-за этого австрійскаго священства! — сказала Фленушка. — Мы, видишь ты, задумали принимать, а Глафирины не пріемлютъ, Игнатьевы тоже не пріемлютъ. Ну и разорвались во всемъ: другъ съ дружкой не видятся, общенія не имѣютъ, клянутъ другъ друга. Намедни Клеопатра отъ Жжениныхъ къ Глафиринымъ пришла, да какъ сцѣпится съ кривой Измарагдой; бранились-бранились, да въ поволочку! Такая теперь промежъ обителей злоба, что смѣхъ и горе. Да вѣдь это однѣ только матери сварятся, мы-то потихоньку видаемся.

— Гдѣ-жъ веселѣй бывало на су̀прядкахъ? — спрашивала Настя.

— У Бояркиныхъ, — отвѣтила Фленушка. — Насчетъ угощенія бѣдно̀, больно бѣдно̀, зато парни завсегда почти. Ну, бывали и пріѣзжіе.

— Откудова? — спросила Настя.

— Изъ Москвы купчикъ наѣзжалъ, матушки Таисеи сродственникъ; деньги въ раздачу привозилъ, развеселый такой.

Больно его честили: келейница матушки Таисѣи — помнишь Варварушку изъ Кинешмы? — совсѣмъ съ ума сошла по немъ; какъ уѣхалъ, такъ въ прорубь кинуться хотѣла, руки на себя наложить. Еще Александръ Михайлычъ бывалъ, станового письмоводитель, — этотъ попрежнему больше все съ Серафимушкой; матушка Таисѣя грозитъ ужъ ее изъ обители погнать.

— А изъ Казани гости бывали? — съ улыбкой спросила Фленушку Настя.

— Были изъ Казани, да не тѣ, на кого думаешь, — сказала Фленушка.

— Петръ Степанычъ развѣ не бывалъ? — спросила Настя.

— Не былъ, — сухо отвѣтила Фленушка и промолвила: — бросить хочу его, Настенька.

— Что̀ такъ?

— Тоска только одна!.. Ну его... Другого полюблю!

— Зачѣмъ же другого? Это нехорошо, — сказала Настя: — надо одного ужъ держаться.

— Вотъ еще! Одного! — вспыхнула Фленушка. — Онъ станетъ насмѣхаться, а ты его люби. Да ни за что на свѣтѣ! Ваську Шибаева полюблю — такъ вотъ онъ и знай. — съ лукавой усмѣшкой глядя на пріятельницу, бойко молвила Фленушка.

— Какой Шибаевъ? Откудова?

— Эге-ге! — вскрикнула Фленушка и захохотала. — Память-то какая у тебя короткая стала, Настасья Патаповна! Аль забыла того, кто изъ Москвы конфеты въ бумажныхъ коробкахъ съ золотомъ привозилъ?.. Ай да Настя, ай да Настасья Патаповна! Можно чести приписать! Видно, у тебя съ глазъ долой, такъ изъ думы вонъ. Такъ, что ли?.. А?..

— Ничего тутъ не было, — потупясь и глухимъ шопотомъ сказала Настя.

— Какъ ничего? — быстро спросила Фленушка.

— Глупости однѣ, — съ недовольной улыбкой отвѣтила Настя. — Ты же все затѣвала.

— Ну, ладно, ладно, пущай я причиной всему, — сказала Фленушка. — А все-таки скажу, что память у тебя коротка стала. Съ чего бы это?.. Аль кого полюбила?..

Настя вся вспыхнула. Сама ни слова.

— Что̀? Зазнобушка завелась? — приставала къ ней Фленушка, крѣпко обнявъ подругу. — А?.. Да говори же скорѣй — сора изъ избы не вынесемъ... Аль не знаешь меня? Что̀ сказано, то во мнѣ умерло.

Какъ кумачъ красная, Настя молчала. На глазахъ слезы выступили, и дрожь ее схватывала.

— Да говори, говори же! — приставала Фленушка. — Скажи!.. Право, легче будетъ... Увидишь!..

Настя тяжело дышала, но крѣпилась, молчала. Не могла однако слезъ сдержать, — такъ и полились онѣ по щекамъ ея. Утерла глаза Настя передникомъ и прижалась къ плечу Фленушки.

— Полюбила?.. Впрямь полюбила? — допрашивала та. — Да говори же, Настенька, говори скорѣй: облегчи свою душеньку... Ей-Богу, легче станетъ, какъ скажешь... Отъ сердца тягость такъ и отвалитъ. Полюбила?

— Да, — едва слышно прошептала Настя.

— Кого же?.. Кого?.. — допытывалась Фленушка. — Скажи, кого? Право, легче будетъ... Ну, хоть зовутъ-то какъ?

Молчала Настя и плакала.

— Говорятъ тебѣ, скажи, какъ зовутъ?.. Какъ только имя его вымолвишь, такъ и облегчишься... Разомъ другая станешь. Какъ же звать-то?

— Алексѣемъ! — шопотомъ промолвила Настя и, зарыдавъ, прижалась къ плечу Фленушки...

Глава пятая.

Ведется обычай у заволжскихъ тысячниковъ народу «столы строить». За такими столами угощаютъ они окольныхъ крестьянъ сытнымъ обѣдомъ, пивомъ похмельнымъ, виномъ зеленымъ, чтобъ «къ себѣ прикормить», чтобъ работники изъ ближнихъ деревень домашней работы другимъ скупщикамъ не сбывали, а коль понадобятся тысячнику работники на̀спѣхъ, шли бы къ нему по первому зову. У Патапа Максимыча столы строили дважды въ году: передъ Троицей да по осени, когда изъ Низовья хозяинъ домой возвращался. Угощенье у него бывало на широкую руку, мужикъ былъ богатый и тароватый, любилъ народъ угостить и любилъ тѣмъ повеличаться. Ста по полутора за столами у него кормилось; да не одни работники, бабы съ дѣвками и подростками въ Осиповку къ нему пить-ѣсть приходили.

На радостяхъ, что на крещенскомъ базарѣ по торгамъ удача выпала, а больше потому, что сватовство съ богатымъ купцомъ наклевалось, Патапъ Максимычъ задумалъ построить столы не въ очередь. И то у него на умѣ было, что, забравъ черезчуръ подрядной работы, много тысячъ посуды надо ему по домамъ заказать. Для того и не мѣшало ему прикормить заранѣ работниковъ. Но главный замыселъ не тотъ былъ: хотѣлось ему будущимъ сватушкѣ да зятьку показать, каковъ

онъ человѣкъ за Волгой, какую силу въ народѣ имѣетъ. «Пускай посмотритъ, — раздумывалъ онъ, заложивъ руки за спину и расхаживая взадъ и впередъ по горницѣ: — пускай поглядитъ Данила Тихонычъ, каково Патапъ Чапуринъ въ своемъ околоткѣ живетъ, какъ «подначальныхъ крестьянъ» хлѣбомъ-солью чествуетъ, и въ какомъ почетѣ міръ-народъ его держитъ».

Въ той сторонѣ помѣщичьи крестьяне хоть изстари бывали, но помѣщиковъ никогда въ глаза не видали. Заволжскія помѣстья принадлежатъ лицамъ знатнымъ, что, живя въ столицѣ либо въ чужихъ краяхъ, никогда въ наслѣдственные лѣса и болота не заглядываютъ. И нѣмцевъ-управляющихъ не знавалъ тамъ народъ. Миловалъ Господь. Земля холодная, песчаная, неродимая, запашку заводить нѣтъ расчета. Оттого помѣщики и не сажали въ свои заволжскія вотчины нѣмцевъ-управляющихъ, оттого и спасъ Господь милостивый Заволжскій край отъ той саранчи, что русской сельщинѣ-деревенщинѣ во времена крѣпостного права приходилась не легче татарщины, ляхолѣтья и длиннаго ряда неурожаевъ, пожаровъ и моровыхъ повѣтрій. Всѣ крестьяне по Заволжью были оброчные, пользовались всей землей сполна и управлялись излюбленными міромъ старостами. При отсутствіи помѣщиковъ и управляющихъ, такъ-называемые тысячники пользовались большимъ значеніемъ. Вся промышленность въ ихъ рукахъ, всѣ рядовые крестьяне зависятъ отъ нихъ и никакъ изъ ихъ воли выйти не могутъ. Такой тысячникъ, какъ Патапъ Максимычъ, — а работало на него до двадцати окольныхъ деревень, — жилъ настоящимъ бариномъ. Его воля — законъ, его ласка — милость, его гнѣвъ — бѣда великая... Силенъ человѣкъ: захочетъ, всякаго можетъ въ разоръ разорить.

«Ну-ка, Данила Тихонычъ, погляди на мое житье-бытье, — продолжалъ раздумывать самъ съ собою Патапъ Максимычъ. — Спознай мою силу надъ «моими» деревнями и не моги забирать себѣ въ голову, что честь мнѣ великую дѣлаешь, сватая за сына Настю. Нѣтъ, сватушка дорогой, сами не хуже кого другого, даромъ что не пишемся почетными гражданами и купцами первой гильдіи, а только государственными крестьянами».

Поутру на другой день вся семья за ведернымъ самоваромъ сидѣла. Толковалъ Патапъ Максимычъ съ хозяйкой о томъ, какъ и чѣмъ гостей потчевать.

— Безпремѣнно за Никитичной надо подводу гнать, — говорилъ онъ. — Надо, чтобъ кума такой столъ состряпала, какіе только у самыхъ набольшихъ генераловъ бываютъ.

— Справится ли она, Максимычъ? — молвила Аксинья За-

харовна. — Мастерица-то мастерица, да прихварываетъ, силы у ней противъ прежняго въ половину нѣтъ. Какъ въ послѣдній разъ гостила у насъ, повозится-повозится у печи да и приляжетъ на лавочкѣ. Скажешь: «полно, кумушка, не утруждайся», — не слушается. Насчетъ стряпни съ ней сладить никакъ невозможно: только пріѣхала, и за стряпню, и хоть самой не можется, стряпка къ печи не смѣй подходить.

— Помаленьку, какъ-нибудь справится, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Никитичнѣ изъ праздниковъ праздникъ, какъ столъ урядить ее позовутъ. Вотъ что̀ я сдѣлаю: поѣду за покупками въ городъ, заверну въ Ключову, позову куму и насчетъ того потолкую съ ней, что̀ искупить, а воротясь домой, подводу за ней пошлю. Да вотъ еще что̀, Аксиньюшка: не запамятуй послѣзавтра спосылать Пантелея въ Захлыстино, стягъ свѣжины на базарѣ купилъ бы да двѣ либо три свиныя туши, баранины, солонины...

— На что такая пропасть, Максимычъ? — спросила Аксинья Захаровна.

— Столы хочу строить, — отвѣтилъ онъ. — Пусть Данила Тихонычъ поглядитъ на наши порядки, пущай посмотритъ, какъ у насъ, за Волгой, народъ угощаютъ. Вѣдь по ихнимъ мѣстамъ, на Низу, такого заведенья нѣтъ.

— Не напрасно ли задумалъ, Максимычъ? — сказала Аксинья Захаровна. — На Михайловъ день столы строили. Развѣ не станешь на Троицу?

— Осень — осенью, Троица — Троицей, а теперь само по себѣ... Не въ счетъ, не въ урядъ... Сказано: хочу, и дѣлу конецъ — толковать попусту нечего, — прибавилъ онъ, возвыся нѣсколько голосъ.

— Слышу, Максимычъ, слышу, — покорно сказала Аксинья Захаровна. — Дѣлай, какъ знаешь, воля твоя.

— Безъ тебя знаю, что моя! — слегка нахмурясь, молвилъ Патапъ Максимычъ. — Захочу, не одну тысячу народу сгоню кормиться... Захочу, всю улицу столами загорожу, и все это будетъ не твоего бабьяго ума дѣло. Ваше бабье дѣло молчать да слушать, что̀ большакъ приказываетъ!.. Вотъ тебѣ... сказъ!

— Да чтой-то, родной, ты ни съ того ни съ сего расходился? — тихо и смиренно вмѣшалась въ разговоръ мужа съ женой мать Манеѳа. — И слова сказать нельзя тебѣ, такъ и закипишь.

— А тебѣ тоже бы молчать, спасёная душа, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ сестрѣ, взглянувъ на нее исподлобья. — Промежъ мужа да жены совѣтницъ не надо. Не люблю, терпѣть не могу!.. Слушай же, Аксинья Захаровна, — продол-

жалъ онъ, смягчая голосъ: — скажи стряпухѣ Аринѣ, взяла бы двухъ бабъ на подмогу. Коли нѣтъ изъ нашихъ работницъ ловкихъ на стряпню, на деревняхъ поискала бы. Да вотъ Анафролью можно прихватить. Вѣдь она у тебя больше при келарнѣ? — обратился онъ къ Манееѣ.

— Келарничаетъ, — отвѣчала Манееа: — только вѣдь кушанья-то у насъ самыя простыя да постныя.

— Пускай поможетъ: не оскверчитъ рукъ скоромятиной. Аль грѣхъ по-вашему?

— Какой же грѣхъ, — сказала мать Манееа: — лишь бы было заповѣданное. И у насъ порой на мірскихъ людей мясное стряпаютъ, бѣлицамъ тоже иную пору. Спроси дочерей, садились ли онѣ у меня за обѣдъ безъ курочки аль безъ говядины во дни положёные.

— Не бойсь, спасёна душа, — шутливо сказалъ Патапъ Максимычъ: — ни зайцевъ ни давленыхъ тетерекъ на столъ не поставлю; христіане будутъ обѣдать. Значитъ, твоя Анафролья не осквернится.

— Ужъ какъ ты пойдешь, такъ только слушай тебя, — промолвила мать Манееа. — Налей-ка, сестрица, еще чайку-то, — прибавила она, протягивая чашку къ сидѣвшей за самоваромъ Аксиньѣ Захаровнѣ.

— Слушай же, Аксинья, — продолжалъ Патапъ Максимычъ: — народу чтобъ вдоволь было всего: студень съ хрѣномъ, солонина, щи со свѣжиной, лапша со свининой, пироги съ говядиной, баранина съ кашей. Все чтобъ было сготовлено хорошо и всего было бы вдосталь. За виномъ спосылать, ренскаго непьющимъ бабамъ купить. Пантелей обдѣлаетъ... Заѣдокъ дѣвкамъ да подросткамъ купить: рожковъ, орѣховъ кедровыхъ, жемковъ, пряниковъ городецкихъ. Съ завтрашняго дня брагу варить да сыченые квасы ставить.

— Пряниковъ да рожковъ и дома найдется, посылать не для чего. Отъ Михайлова дня много осталось, — сказала Аксинья Захаровна.

— Коли дома есть, такъ и ладно. Только смотри у меня, чтобы не было въ чемъ недостачи. Не осрами, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Не то, знаешь меня — гости со двора, я за расправу.

— Не впервые, батька, столы-то намъ строить, порядки знаемъ, — отвѣчала Аксинья Захаровна.

— То-то, держи ухо востро, — ласково улыбаясь, продолжалъ Патапъ Максимычъ. — На славу твои именины справимъ. Танцы заведемъ, ты плясать пойдешь. Такъ али нѣтъ? — прибавилъ онъ, весело хлопнувъ жену по плечу.

— Никакъ ошалѣлъ ты, Максимычъ! — вскрикнула Аксинья Захаровна. — Съ ума, что ли, спятилъ?.. Не молоденькій, батька, заигрывать... Прошло наше время... Убирайся прочь, непутный!

— Ничего, сударыня, Аксинья Захаровна, — говорилъ, смѣясь, Патапъ Максимычъ. — Это мы такъ, шутку, значитъ, шутимъ. Авось плечо-то у тебя не отломится.

— Нашелъ время шутки шутить, — продолжала ворчать Аксинья Захаровна. — Точно я молоденькая. Вонъ дочери выросли. Хоть бы при нихъ-то постыдился на старости лѣтъ безчинничать.

— Чего ихъ стыдиться-то? — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Обожди маленько, и съ ними мужья станутъ заигрывать еще не по-нашему. Подь-ка сюда, Настасья!

— Что̀, тятенька? — сказала Настя, подойдя къ отцу.

— Станешь серчать, коли мужъ заигрывать станетъ? А? — спросилъ у нея Патапъ Максимычъ.

— Не будетъ у меня мужа, — сдержанно и сухо отвѣтила Настя, перебирая конецъ передника.

— Анъ вотъ не угадала, — весело сказалъ ей Патапъ Максимычъ. — У меня женишокъ припасенъ. Любо-дорого посмотрѣть!.. Вотъ на материныхъ именинахъ увидишь... первый сортъ. Просимъ, Настасья Патаповна, любить его да жаловать.

— Не пойду за него, — сквозь зубы проговорила Настя. Краска на щекахъ у ней выступила.

— Знамо, не сама пойдешь, — спокойно отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Отецъ съ матерью вживѣ, — выдадутъ. Не вѣкъ же тебѣ въ дѣвкахъ сидѣть... Вамъ съ Параенькой не хлѣбъ-соль родительскую отрабатывать, засиживаться нечего. Эка, подумаешь, дѣвичье-то дѣло какое, — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ и къ матери Манееѣ: — у самой только и на умѣ, какъ бы замужъ, а на рѣчахъ: «не хочу» да «не пойду».

— Не приставай къ Настасьѣ, Максимычъ, — вступилась Аксинья Захаровна. — И безъ того дѣвкѣ плохо можется. Погляди-ка на нее хорошенько, ишь какая стала, совсѣмъ извелась въ эти дни. Безъ малаго недѣля, бродитъ какъ очумѣлая. Отъ ѣды откинуло, невеселая такая.

— Кровь въ дѣвкѣ ходитъ, и вся недолга, — замѣтилъ Патапъ Максимычъ: — увидитъ жениха, хворь какъ рукой сниметъ.

— Да полно-жъ тебѣ, Максимычъ, мучить ее понапрасну, — сказала Аксинья Захаровна. — Ты вотъ послушай-ка, что̀ я

скажу тебѣ, только не серчай, коли молвится слово не по тебѣ. Ты всему голова, твоя воля, дѣлай, какъ разумѣешь, а по моему глупому разумѣнью, деньги-то, что̀ на столы изойдуть, нищей бы братіи раздать, ну, хоть ради Настина здоровья да счастья. Доходна до Бога молитва нищаго, Максимычъ. Самъ ты лучше меня знаешь.

— Развѣ заказано тебѣ одѣлять нищую братію? Нищіе нищими, столы столами, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Слава Богу, у насъ съ тобой достатковъ на это хватитъ. Подавай за Настю, пожалуй, чтобъ Господь послалъ ей хорошаго мужа.

— Заладилъ себѣ, какъ сорока Якова: мужъ да мужъ, — молвила на то Аксинья Захаровна. — Только и рѣчей у тебя. Хоть бы пожалѣлъ маленько дѣвку-то. Ты бы лучше вотъ послушалъ, что̀ матушка Манеѳа про скитскихъ «сиротъ» говоритъ. Про тѣхъ, что̀ межъ обителей особнякомъ по своимъ кельямъ живутъ. Старухи старыя, хворыя; пить-ѣсть хотятъ, а взять неоткуда.

— Да, — вступилась мать Манеѳа: — въ нынѣшнее время куда какъ тяжко приходится жить сиротамъ. Дороговизна!.. Съ каждымъ днемъ все дороже да дороже становится, а подаянья сиротамъ, почитай, нѣтъ никакого. Масленица на дворѣ — ни гречневой мучки на блины ни маслица достать имъ негдѣ. Такая бѣдность, такая скудность, что единъ только Господь знаетъ, какъ онѣ держатся.

— Сколько у васъ сиротскихъ дворовъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Тридцать пять, — отвѣчала Манеѳа.

— Вотъ тебѣ тридцать пять рублевъ, — молвилъ тысячникъ, вынимая десятирублевую и отдавая ее Манеѳѣ. Деньги челъ по старинѣ, на ассигнаціи. — Раздай по рублю на дворъ, — промолвилъ сестрѣ.

— Спаси тя Христосъ, — сказала Манеѳа, перекрестясь и завязывая бумажку въ уголокъ носового платка.

— Ну, вотъ и слава Богу, — весело проговорила Аксинья Захаровна. — Будутъ сироты съ блинами на масленицѣ. А какъ же бѣдныя-то обители, Максимычъ? — продолжала она, обращаясь къ мужу. — И тамошнимъ старицамъ блинковъ тоже захочется.

— За нихъ, сударыня моя, не бойся, съ голоду не помрутъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Блины-то у нихъ маслянѣй нашихъ будутъ. Прибѣдняются только эти матери, копни ихъ хорошенько, пошарь въ сундукахъ, сколь золота да серебра сыщешь. Нищатся только, лицемѣрятъ. Такое ужъ у нихъ заведеніе.

— Ахъ, нѣтъ. Празднаго слова, братецъ, не говори, — вступилась Манеѳа. — Въ достаточныхъ обителяхъ точно — деньжонки кой-какія водятся, говорить про то нечего, а по бѣднымъ не богаче сиротъ живутъ. Вотъ хоть у насъ въ Комаровѣ взять: налицо осталось двѣнадцать обителей, въ семи-то, дай Богъ здоровья благодѣтелямъ, нужды не терпимъ, грѣхъ на̀ Бога роптать. А въ пяти остальныхъ такая, братецъ, скудность, такая нищета, что — вѣрь ты не вѣрь моему слову — ничѣмъ не лучше сиротскихъ дворовъ. Напольныхъ взять, Мареиныхъ, Зарѣчныхъ, покойницы матушки Солониксеи, Разсохиныхъ... Чѣмъ питаются, одинъ Господь вѣдаетъ. Совсѣмъ не стало имъ теперь подаянія. Оскудѣла рука христіанъ, стали больше о суетѣ думать, чѣмъ о душеспа̀сеньи. Такъ-то, родной. Съ тѣхъ поръ, какъ на Керженцѣ у Тарасія да въ Осиновскомъ у Трифины старцы да старицы отъ старой вѣры отшатнулись. благодѣющая рука христіанъ стала неразогбенна. Зачали, слышь ты, на Москвѣ всѣ наши заволжскія обители въ подозрѣньи держать, всѣ-де мы за Керженцомъ да за Осинками въ это единовѣріе послѣдуемъ. Заподозрѣли и присылать перестали. Вотъ оно что̀, а ты еще говоришь: лицемѣрятъ. Какое тутъ лицемѣріе, какъ ѣсть-то нечего. Хоть нашу обитель взять. Ты не оставляешь, въ Москвѣ и въ Питерѣ есть благодѣтели, десять канонницъ по разнымъ мѣстамъ негасиму читаютъ, три сборщицы по городамъ ѣздятъ, ну, покуда Богъ грѣхамъ терпитъ, живемъ и молимся за благодѣтелей. Бояркины тоже, Жженины, Глафирины, Игнатьевы, Московкины, Таисеины, всѣ благодѣтелями не оставлены. А другія совсѣмъ до конца дошли. Говорю тебѣ: пить-ѣсть нечего. Разсохиныхъ взять; совсѣмъ захудала обитель, а какая въ стары годы была богатая. Матушка Досиѳея, ихняя игуменья, съ горя да съ заботъ въ разсудкѣ индо стала мѣшаться...

— Запоемъ, слышь, пьетъ, — замѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Не грѣши напрасно, братецъ, — возразила Манеѳа. — Мало-ль чего люди ни наплетутъ! Какое питье, когда жевать нечего, одѣться не во что!

— Зачала Лазаря!—сказалъ, смѣясь, Патапъ Максимычъ.— Ужъ и Разсохинымъ нечего ѣсть! Эко слово, спасёная душа, ты молвила!.. Да у нихъ, я тебѣ скажу, денегъ куча: лопатами, чай, гребутъ. Обитель-то ихняя первыми богачами строена. У васъ въ Комаровѣ они и хоронились, и постригались, и какихъ за то вкладовъ ни надавали! Пошарь-ка у Досиѳеи въ сундукахъ, много тысячъ найдешь.

— Оно точно, братецъ, въ прежнее время Разсохиныхъ

обитель была богатая, это правда и по всему христіанству извѣстно, — сказала Манеоа. — Однѣхъ инокинь бывало у нихъ по пятидесяти, а бѣлицъ по сотнѣ и больше. До пожара часовня ихняя по всѣмъ скитамъ была первая; своихъ поповъ держали, на Иргизъ на каждаго попа сотъ по пяти платили. Да вѣдь такое пространное житіе было еще при старикахъ Разсохиныхъ. А теперь, самъ ты знаешь, каковы молодые-то стали. Стару вѣру покинули, возлюбили новую, брады побрили, вышли въ господа и забыли отчіе да дѣдніе гробы. Какъ есть одна копейка, и той отъ нихъ на родительску обитель не бывало. Слава міра обуяла Разсохиныхъ; про обитель Комаровскую, про строенье своихъ родителей и слышать не хотятъ, гнушаются... Ну, и захудала обитель: бѣднѣть да бѣднѣть зачала. Къ тому-жъ Господь дважды посѣтилъ ее — горѣли.

— Сундуки-то, чать, повытаскали? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Не успѣли, — молвила Манеоа. — Въ чемъ спали, въ томъ и выскочили. Съ той поры и началось Разсохинымъ житье горе-горькое. Больше половины обители врозь разбрелось. Остались однѣ старыя старухи и до того дошли, сердечныя, что лампадки на большой праздникъ нечѣмъ затеплить, масла нѣтъ. Намедни, въ рождественскій сочельникъ, Спасову звѣзду безъ сочива встрѣчали. Вотъ до чего дошли!

Патапъ Максимычъ подумалъ немного. Молча досталъ бумажникъ, вынулъ четвертную *) и, отдавая Манеоѣ, сказалъ:

— Получай. Дѣли поровну: на пять обителей по пяти цѣлковыхъ. Пускай ихъ пекутъ блины на масленицѣ. Подлей чайку-то, Захаровна. А ты, Фленушка, что не пьешь? Пей, сударыня, не хмельное, не вредитъ.

— Много благодарна, Патапъ Максимычъ, — съ ужимочкой отвѣтила Фленушка. — Я ужъ очень довольна, пойду теперь за работу.

— За какую это работу? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пелену шью, — отвѣтила Фленушка. — Матушка приказала синелью да шерстями пелену вышить, къ масленицѣ надо кончить ее безпремѣнно. Для того съ собой и пяльцы захватила.

— Ступай-ка въ самомъ дѣлѣ, Фленушка, — сказала мать Манеоа: — пошей. Времени-то немного остается: на сырной недѣлѣ оказія будетъ въ Москву, надо безпремѣнно отослать. На Рогожское хочу пелену-то послать, — продолжала она,

*) Двадцатипятирублевый кредитный билетъ.

обращаясь къ Патапу Максимычу. — Да еще хочу къ матушкѣ Пульхеріи отписать, благословитъ ли она епископу омофоръ вышивать да подушку, на чемъ ему въ службѣ сидѣть. Рылась я, братецъ, въ книгахъ, искала на то правила, подобаетъ ли въ шитомъ шерстями да синелью омофорѣ епископу дѣйствовать — не нашла. Хоть бы единое слово въ правилахъ про то было сказано. Остаюсь въ сумнѣньи, парчевые ли только омофоры слѣдуетъ дѣлать, али можно и шитые. Вотъ и отписываю, — матушка Пульхерія знаетъ объ этомъ доподлинно.

Фленушка пошла изъ горницы, слѣдомъ за ней Параша. Настя осталась. Какъ въ воду опущенная, молча сидѣла она у окна, не слушая разговоровъ про сиротскіе дворы и бѣдныя обители. Отцовскія рѣчи про жениха глубоко запали ей на сердце. Теперь она знала, что Патапъ Максимычъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ выдать ее за кого-то незнакомаго. Каждое слово отцовское какъ ножомъ ее по сердцу рѣзало. Только о томъ теперь и думаетъ Настя какъ бы избыть грозящую бѣду.

— А тебѣ, Настасья, видно, и въ самомъ дѣлѣ неможется? — спросилъ ее отецъ. — Подь-ка сюда.

Опустя голову и перебирая уголъ передника, подошла Настя къ дивану, гдѣ сидѣлъ Патапъ Максимычъ.

— Совсѣмъ дѣвка зачала изводиться, — вступилась Манеоа. — Какъ жили онѣ въ обители, какъ маковъ цвѣтъ цвѣла, а въ родительскомъ дому и румянецъ съ лица сбѣжалъ. Чудное дѣло!

— Ужъ пытала я, пытала у ней, — замѣтила Аксинья Захаровна: — скажи, молъ, Настя, что̀ болитъ у тебя? — «Ничего, говоритъ, не болитъ»... И ни единаго слова не могла отъ нея добиться.

— Сядь-ка рядкомъ, потолкуемъ ладкомъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ, сажая Настю рядомъ съ собой и обнимая рукою станъ ея. — Что̀, дѣвка, раскручинилась? Молви отцу. Можетъ, что̀ и присовѣтуетъ.

Не отвѣчала Настя. То въ жаръ, то въ ознобъ кидало ее, на глазахъ слезы выступили.

— Чего молчишь? Изрони словечко. Скажи хоть на ушко, — продолжалъ Патапъ Максимычъ, наклоняя къ себѣ Настину голову.

— Тошнехонько мнѣ, тятя, — вполголоса сказала Настя. — Пусти ты меня, въ свѣтлицу пойду.

— Эту тошноту мы вылѣчимъ, — говорилъ Патапъ Максимычъ, ласково приглаживая у дочери волосы. — Не плачь, радость скажу. Не хотѣлъ говорить до поры до времени, да

ужъ, такъ и быть, скажу теперь. Жениха жди, Настасья Патаповна. Прикатитъ къ матери на именины... Слышишь?.. Славный такой, молодой да здоровенный, а богачъ какой!.. Изъ первыхъ... Будешь въ славѣ, въ почетѣ жить, во всякомъ удовольствіи... Чего молчишь?.. рада?..

У Насти въ три ручья слезы хлынули.

— Не пойду за него... — молвила, рыдая и припавъ къ отцовскому плечу. — Не губи меня, голубчикъ, тятенька... не пойду...

— Отецъ велитъ, пойдешь, — нахмурясь, строгимъ голосомъ сказалъ Патапъ Максимычъ, отстраняя Настю.

Она встала и, закрывъ лицо передникомъ, горько заплакала. Аксинья Захаровна бросила перемывать чашки и сказала, подойдя къ дочери:

— Полно, Настенька, не плачь, не томи себя. Отецъ вѣдь любитъ тебя, добра тебѣ желаетъ. Полно же, пригожая моя, перестань!

Настя отерла слезы передникомъ и отняла его отъ лица. Изумились отецъ съ матерью, взглянувъ на нее. Точно не Настя, другая какая-то дѣвушка стала передъ ними. Гордо поднявъ голову, величаво подошла она къ отцу и ровнымъ, твердымъ, сдержаннымъ голосомъ, какъ бы отчеканивая каждое слово, сказала:

— Слушай, тятя! За того жениха, что̀ сыскалъ ты, я не пойду... Рѣжь меня, что̀ хочешь дѣлай... Есть у меня другой женихъ... Сама его выбрала, за другого не пойду... Слышишь?

— Что̀-о-о? — закричалъ Патапъ Максимычъ, вскакивая съ дивана. — Женихъ?.. Такъ ты такъ-то!.. Да я разражу тебя! Говори сейчасъ, негодница, какой у тебя женихъ завелся?.. Я ему задамъ...

Аксинья Захаровна такъ и обомлѣла на мѣстѣ. Матушка Манефа, сидя, перебирала лѣстовку и творила молитву.

— Не достанешь, тятя, моего жениха, — съ улыбкой молвила Настя.

— Кто таковъ?.. Сказывай, покамѣстъ цѣла, — въ неистовствѣ кричалъ Патапъ Максимычъ, поднимая кулаки.

— Христосъ, Царь Небесный, — отступая назадъ, отвѣчала Настя. — Ему обѣщалась... Я въ кельи, тятя, иду, иночество приму.

Патапъ Максимычъ на сестру накинулся.

— Твои дѣла, спасенница? Твои дѣла?.. Ты ей въ голову такія мысли набила?

— Никогда я Настасьѣ про иночество слова не говаривала, — спокойно и холодно отвѣчала Манефа: — бесѣды у

меня съ ней о томъ никогда не бывало. И нѣтъ ей моего совѣта, нѣтъ благословенія идти въ скиты... Молода еще, голубушка, не снесешь... Да у насъ такихъ молодыхъ и не постригаютъ.

— А коль я къ воротáмъ твоимъ, тетенька, босая приду да, стоя у вереи въ одной рубахѣ, громко, именемъ Христовымъ, зачну молить, чтобы допустили меня къ Жениху моему?.. Прогонишь?.. Запрешь ворóта?.. А?..

— Нѣтъ, не могу воротъ запереть, — отвѣчала игуменья. — Нельзя... Господь сказалъ: «грядущаго ко Мнѣ не изжену»... Должна буду принять.

— Такъ слушай же ты, спасёная твоя душа, — закричалъ Патапъ Максимычъ сестрѣ. — Твоя обитель мной только и дышитъ... Такъ али нѣтъ?

— Такъ точно, — отвѣчала Манеѳа.

— Знаешь ты, какіе строгіе наказы изъ Питера насланы?.. Всѣ скиты въ конецъ хотятъ порѣшить, праху чтобъ ихняго не осталось; всѣхъ старицъ да бѣлицъ за карауломъ по своимъ мѣстамъ разослать... Слыхала про это?

— Какъ не слыхать! — спокойно сказала Манеѳа.

— А кто отъ васъ эту бѣду до поры до времени, покуда сила да мочь есть, отводитъ? — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Кто за васъ у начальства хлопочетъ?.. Знаешь?..

— Знаю, что ты нашъ заступникъ. Тобой держимся, — молвила Манеѳа.

— Такъ помни же мое слово и всѣмъ игуменьямъ повѣсти, — кипя гнѣвомъ, сказалъ Патапъ Максимычъ: — если Настасья уходомъ уйдетъ въ какой-нибудь скитъ, и твоей обители и всѣмъ вашимъ скитамъ конецъ... Слово мое крѣпко... А ты, Настасья, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ: — дурь изъ головы выкинь... Слышишь?.. Ишь какая невѣста Христова проявилась!.. Чтобъ я не слыхалъ такихъ рѣчей...

Сказавъ это, Патапъ Максимычъ вышелъ изъ горницы и крѣпко хлопнулъ за собой дверью...

На другой день послѣ того у Чапуриныхъ баню топили. Хоть дѣло было и не въ субботу, но какъ же пріѣхавшихъ изъ Комарова гостей въ банькѣ не попарить? Не по-русски будетъ, не по старому завѣту. Да и самъ Патапъ Максимычъ такой охотникъ былъ париться, что ему хоть каждый день баню топи.

Баня стояла въ ряду прочихъ крестьянскихъ бань за деревней, на берегу Шишинки, для безопасности отъ пожару, и чтобы лѣтомъ, выпарившись въ банѣ, близко было оку-

нуться въ холодную воду рѣчки. Любитъ русскій человѣкъ, выпарившись, зимой на снѣгу поваляться, лѣтомъ въ студеной водѣ искупаться. Передъ сумерками пошла париться Аксинья Захаровна съ дочерьми и съ Фленушкой. Матрена работница шла съ ними для послуги. Изъ дому въ баню надо идти мимо токаренъ, отъ нихъ узенькая тропинка пролегала середи сугробовъ къ чапуринской банѣ. Высокая, бѣлая *), свѣтлая, просторная, она и снаружи смотрѣла дворянскою, а внутри все было чисто и хорошо прибрано. Липовые полки, лавки и самый полъ по нѣскольку разъ въ году строгались скобелемъ, окна въ банѣ были большія, со стеклами, и чистый передбанникъ прирубленъ былъ.

Фленушка вышла изъ дому послѣдняя, и когда вошла въ передбанникъ, Аксинья Захаровна съ Парашей ужъ раздѣвались и ушли въ баню, гдѣ Матрена полки и лавки подмывала. Настя еще раздѣвалась.

— Сейчасъ узнала, въ которой токарнѣ чей-то милый дружокъ работаетъ, — вполголоса сказала ей вошедшая Фленушка: — вторая съ краю, отъ нея тропинка въ банѣ проложена.

— Зачѣмъ узнавала, Фленушка? — спросила Настя.

— Да такъ, на всякій случай. Можетъ-быть, пригодится. — отвѣчала Фленушка. — Ну, къ примѣру сказать, вѣсточку какую велишь передать, такъ я ужъ и знаю, куда нести.

— Какія вѣсточки? Съ ума ты, что ли, сошла?

— Да развѣ сохнуть тебѣ? — сказала Фленушка. — Надо же васъ свести, жива быть не хочу, коль не сведу. Надо же и его пожалѣть. Пожалуй, совсѣмъ ума рѣшится, тебя не видаючи.

— Можетъ-быть, онъ и думать-то про меня не хочетъ, — сказала Настя.

— Дуракъ онъ что ли? — отвѣчала Фленушка. — Кто отъ этакой красоты отворотится? Смотри-ка какая!.. — прибавила она, глядя на раздѣвавшуюся дѣвушку. — Жизнь бы свою Алешка отдалъ, глазкомъ бы только взглянуть теперь на свою сударушку. Ишь какая пышная, сдобная, бѣлая!.. Точно атласъ на пуху.

И принялась щекотать Настю.

— Да полно же тебѣ, безумная! — крикнула Настя и побѣжала въ баню.

Часа черезъ полтора настали сумерки. Въ токарняхъ за-

---

*) Бѣлою называется баня съ дымовою трубой, а не курная, которую зовутъ обыкновенно черною.

шабашили. Алексѣй остался въ своей; чтобы маленько поизладить станокъ, онъ подводилъ къ нему новый ремень. Провозился онъ съ этимъ дѣломъ долго; всѣ токари по своимъ мѣстамъ разошлись, и токарни были на запорѣ. Когда вышелъ онъ и сталъ запирать свою токарню, почти совсѣмъ уже стемнѣло. Кругомъ ни души. Оглянувшись назадъ, увидѣлъ Алексѣй, что по тропинкѣ изъ бани идетъ какая-то женщина въ шубѣ, укрытая съ головы большимъ шерстянымъ платкомъ, и съ вѣникомъ подъ мышкой. Когда она подошла поближе, онъ узналъ Фленушку. Аксинья Захаровна съ дочерьми давно ужъ домой прошла.

— Здоровенько-ль поживаешь, Алексѣй Трифонычъ? — сказала Фленушка, поровнявшись съ нимъ.

— Слава Богу, живемъ помаленьку, — отвѣчалъ онъ, снимая шапку.

— Кланяться тебѣ велѣли, — сказала она.

— Кто велѣлъ кланяться? — спросилъ Алексѣй.

— Ишь какой недогадливый! — засмѣясь, отвѣчала Фленушка.—Самъ кашу заварилъ, нагналъ на дѣвку сухоту, да еще спрашиваетъ: кто?.. Ровно не его дѣло... Безстыжій ты этакій!.. На осину бы тебя!..

— Да про кого ты говоришь? Мнѣ невдомекъ, — сказалъ Алексѣй, а у самого сердце такъ и забилось. Догадался.

— Некогда мнѣ съ тобой балясы точить, — молвила Фленушка. — Пожалуй, еще Матрена изъ бани пойдетъ да увидитъ насъ съ тобой, либо въ горницахъ меня хватятся... Настасья Патаповна кланяться велѣла. Вотъ кто... Она по тебѣ сокрушается... Полюбила съ перваго взгляда... Вишь глаза-то у тебя, долговязаго, какіе непутные, только взглянулъ на дѣвку, тотчасъ и приворожилъ... Велишь, что ли, кланяться?

— Поклонись, Флена Васильевна, — сказалъ Алексѣй, съ жаромъ схвативъ ее за руку. — Самъ я ночи не сплю, самъ отъ ѣды отбился, только и думы, что про ея красоту неописанную.

— Ну ладно, — молвила Фленушка.—Повидаемся на-дняхъ; улучу времечко. Молчи у меня, безпремѣнно сведу васъ.

— Сведи, Флена Васильевна, сведи,—радостно вскрикнулъ Алексѣй. — Вѣкъ стану за тебя Богу молиться!

Фленушка ушла. У Алексѣя на душѣ стало такъ свѣтло, такъ радостно, что онъ даже не зналъ, куда дѣваться. На мѣстѣ не сидѣлось ему: то въ избѣ побудетъ, то на улицу выбѣжитъ, то за околицу пойдетъ и зальется тамъ громкою пѣсней. Въ домѣ пѣть онъ не смѣлъ, не ровенъ часъ: осерчаетъ Патапъ Максимычъ.

Послѣ этого Алексѣй нѣсколько разъ видался съ Фленушкой. И каждый разъ передавала она ему поклоны отъ Насти и каждый разъ увѣряла его, что Настя до вѣку его не разлюбитъ и кромѣ его ни за кого замужъ не пойдетъ.

— Не отдадутъ ее за меня, — грустно сказалъ Алексѣй Фленушкѣ, когда заговорила она о свадьбѣ.—У насъ съ Настасьей Патаповной ровна любовь, да не ровны обычаи. Патапъ Максимычъ и богатъ и спесивъ: не отдастъ дѣтище за бѣднаго работника, что у него же въ кабалѣ живетъ... Вѣдь я въ кабалѣ у него, Флена Васильевна, на цѣлый годъ закабаленъ... Деньги отцу моему онъ выдалъ напередъ, чтобы намъ домомъ поправиться: вѣдь сожгли насъ, обокрали, можетъ-быть, слыхала?.. А ты сама знаешь, закабаленный тотъ же барскій!.. А какой баринъ за холоповъ дочерей своихъ выдаетъ? Такъ и тутъ: все едино... Да и захочетъ ли еще Настасья Патаповна себя потерять, выйдя за меня?

— Ради милаго и безъ вѣнца нашей сестрѣ не жаль себя потерять! — сказала Фленушка. — Не тужи... Не удастся свадьба «честью», «уходомъ» ее справимъ... Будь спокоенъ, я за дѣло берусь, значитъ, будетъ вѣрно... Вотъ подожди, придетъ лѣто: бѣжимъ и окрутимъ тебя съ Настасьей... У нея положено, коль не за тебя, ни за кого нейти... И женихъ пріѣдетъ во дворъ да поворотитъ оглобли, какъ несолоно хлебалъ... Не вѣшай головы, молодѐцъ, наше отъ насъ не уйдетъ!

Глава шестая.

По приказу Патапа Максимыча зачали у него брагу варить и сыченые квасы изъ разныхъ солодовъ ставить. Вари большія: ведеръ по̀ сороку. Слухъ, что Чапуринъ на Аксинью-полухлѣбницу работному народу задумалъ столы рядить, то̀тчасъ разнесся по окольнымъ деревнямъ. Всѣ деревенскіе, особенно бабы, немало раздумывали, немало языкомъ работали, стараясь разгадать, какихъ ради причинъ Патапъ Максимычъ не въ урочное время хочетъ народъ кормить.

Въ самый тотъ день, какъ у Чапуриныхъ брагу заварили, въ деревнѣ Ежовѣ, что̀ стоитъ на рѣчкѣ Шишинкѣ въ полутора верстахъ отъ Осиповки, собрались мужики у клѣтей на улицѣ и толковали межъ собой про столы чапуринскіе. Кто говорилъ, что, видно, Патапу Максимычу въ волостныхъ головахъ захотѣлось сидѣть, такъ онъ передъ выборами міръ задабриваетъ, кто полагалъ, не будетъ ли у него въ тотъ

день какой-нибудь «пòмочи» *). Но все это нескладно-неладно придуманное тутъ же ежовскимъ міромъ и осмѣивалось. И въ самомъ дѣлѣ: захотѣлось бы Патапу Максимычу въ головы, давнымъ бы давно безо всякихъ угощеньевъ его цѣлой волостью выбрали, да не того онъ хочетъ; не разъ откупался, ставя на сходкѣ ведеръ по пяти зеленà вина для угощенья выборщиковъ. На «тòлоку» народъ собирать ему тоже не стать: мужикъ богатый, къ тому же тароватый, гордъ, спесивъ, любитъ пòчеть: захочетъ ли міромъ одолжаться?.. На что ему «пòмочь», когда въ карманѣ чистоганъ не переводится. Съ добрый часъ протолковали ежовскіе мужики, стоя кучкой у клѣтей, но ничего на дѣло похожаго не придумали. Баба дѣло рѣшила, да такъ мѣтко, будто у Чапурина въ головѣ сидѣла и мысли его читала.

Шла пò воду тетка Акулина, десятника жена. Поровнявшись съ мужиками, поставила ведра на-земь. Какъ не послушать бабѣ, про что мужики говорятъ.

— Эхъ, вы, умныя головы, — крикнула она, вслушавшись въ мірскія рѣчи: — толкуютъ, чтò воду толкутъ, а догадаться не могутъ. Кто чтò ни скажетъ, не подъ тотъ уголъ клинъ забиваетъ... Слушать даже тòшно.

На бабу, какъ водится, накинулись, осмѣяли, кто-то выругалъ, а мужъ, тутъ же стоявшій, велѣлъ ей идти, куда шла и зря не соваться, куда не спрашиваютъ.

— Да чтò вы, лѣшіе, безъ пути зубы-то скалите? — крикнула Акулина. — Стоятъ, изъ пустого въ порожнее перекладываютъ, а разгадать ума не хватаетъ. Знаю, къ чему Чапурины пиры затѣваютъ.

— Ну, сказывай, коли знаешь! — заговорили мужики.

— У Патапа Максимыча дочери-то заневѣстились, — сказала Акулина: — вотъ и сзываетъ онъ купцовъ товаръ показать. Смотрины будутъ.

— Ай да тетка Акулина! Разсказала, какъ размазала! — заголосили мужики.

— А баба-то, пожалуй, и правдой обмолвилась, — сказалъ тотъ, чтò постарше былъ. — Намедни «хозяинъ» при мнѣ на

---

*) «Пòмочью», иначе «тòлокой», называется угощенье за работу. Хозяинъ, желающій какое-нибудь дѣло справить разомъ въ одинъ день, созываетъ къ себѣ сосѣдей на работу и ставитъ за нее сытный обѣдъ съ пивомъ и виномъ. «Помочàне» работаютъ и утромъ и послѣ обѣда, и въ одинъ день управляются съ дѣломъ. На «помочи» сзываютъ большей частью крестьяне недостаточные, у которыхъ въ семьѣ мало рабочихъ. Люди богатые, тысячники, не дѣлаютъ «помочей». У сельскихъ поповъ полевыя работы все больше «толокой» справляются.

базарѣ самарскаго купца Снѣжкова звалъ въ гости, а у того Снѣжкова сынъ есть, парень молодой, холостой; въ Городцѣ частенько бываетъ. Пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ не свадьба-ль у нихъ затѣвается.

Акулина посмѣялась надъ мужиками и пошла своей дорогой къ колодцу. Тутъ по всѣмъ дворамъ бабамъ ровно повѣстку дали; всѣ къ колодцу съ ведрами сбѣжались и зачали съ Акулиной про чапуринскую свадьбу раздабаривать. Молодица изъ деревни Шишкина случилась тутъ. Выслушавъ, въ чемъ дѣло, не заходя къ теткѣ, къ которой-было изъ-за двухъ верстъ приходила покланяться, чтобъ та ей разбитую кринку берестой обмотала, побѣжала домой безъ оглядки, точно съ краденымъ. Какъ прибѣжала, такъ всѣхъ шишкинскихъ бабъ повѣстила, что у Чапуриныхъ смотрины будутъ. Изъ Шишкина бабы, подымая хвосты, по другимъ деревнямъ побѣжали кумушкамъ новость разсказать. И пошелъ говоръ про смотрины по всѣмъ деревнямъ. Вездѣ про Настю рѣчь вели, потому что нестаточное, необычное вышло бы дѣло, если-бъ меньшая сестра впередъ старшей пошла подъ вѣнецъ.

Пущенныя Акулиной вѣсти дошли до Осиповки. Въ одномъ изъ мшенниковъ, что̀ цѣлымъ рядомъ стояли противъ дома Чапурина, точили песуду три токаря, въ томъ числѣ Алексѣй. Четвертый колесо вертѣлъ.

— Слышалъ, Петруха, у хозяевъ-то брагу варять, — говорилъ коренастый рыжеватый парень, стоя за станкомъ и оттачивая ставешокъ.

— Какъ не слыхать! — отвѣтилъ Петруха, весело вертя колесо, двигавшее три станка. — Столы, слышно, хозяинъ строить задумалъ. Пантелея Прохорыча завтра въ Захлыстино на базаръ посылаютъ свѣжину да вино искупать. Угощенье, слышь, будетъ богатое. Ста полтора либо два народу будутъ кормить.

— Гдѣ-жъ столы-то рядить? — спросилъ токарь Матвѣй. — Я, парень, что-то не слыхивалъ, чтобъ зимой столы ставили. На снѣгу да на морозѣ что̀ за столованье! Закрутитъ морозъ, такъ на волѣ-то варево смерзнетъ.

— Мало развѣ у хозяина избъ да подклѣтовъ! — замѣтилъ Петруха.

— Все-жъ полуторастамъ не усѣсться, — молвилъ третій работникъ, Моксемъ звали — прозвищемъ Чалый.

— Очередь станутъ держать, по-скитски, какъ по обителямъ въ келарняхъ странниковъ угощаютъ, — отвѣчалъ Матвѣй. — Одни покормятся и вонъ изъ-за столовъ, на ихъ мѣсто другіе.

— Развѣ что такъ, — молвилъ Петруха, соглашаясь съ

Матвѣемъ. — Городовые купцы, слышь, наѣдутъ, — прибавилъ онъ.

— Пиръ готовятъ зазвонистый, — сказалъ Мокей. — Рукобитье будетъ, хозяинъ-отъ старшую дочь пропивать станетъ.

Ровно ножомъ полоснуло Алексѣю по̀-сердцу. Хоть говорила ему Фленушка, что опричь его Настя ни за кого не пойдетъ, но нежданная новость его ошеломила.

— Въ домъ, что ли, зятя-то берутъ? — спросилъ Петруха.

— Куда, чай, въ домъ!—отозвался Чалый.—Пойдетъ такой богачъ къ мужику въ зятьяхъ жить! Нашъ хозяинъ, хоть и тысячникъ, да все же крестьянинъ. А женихъ-отъ мало того, что изъ стараго купецкаго рода, почетный гражданинъ. У отца у его, слышь, медалей на шеѣ-то что̀ навѣшено, въ городскихъ головахъ сидѣлъ, въ Питеръ ѣздилъ; у царя во дворцѣ бывалъ. Нашъ-отъ хоть и спесивъ, да Снѣжковымъ на версту не будетъ.

— Снѣжковыхъ развѣ женихъ-отъ? — спросилъ Матвѣй. — Не самарскій ли?

— Самарскіе, по всей Волгѣ купцы извѣстные, — отвѣчалъ Чалый.

— Куда-жъ ему въ зятья къ мужику идти, — сказалъ Матвѣй: — у него, братецъ ты мой, заводы какіе въ Самарѣ, дома̀, самъ я видѣлъ; былъ вѣдь я въ тѣхъ мѣстахъ въ позапрошломъ году. Пароходовъ своихъ четыре ли, пять ли. Не пойдетъ такой зять къ тестю въ домъ. Своимъ хозяйствомъ, поди, заживутъ. Что̀ за находка ему съ молодой женой, да еще съ такой раскрасавицей, въ нашихъ лѣсахъ да въ болотахъ жить!

Сильнѣй и сильнѣй напиралъ Алексѣй острымъ рѣзцомъ на чашку, которую дотачивалъ. Въ глазахъ у него зелень ходенемъ заходила, ровно угорѣлъ, въ ушахъ шумъ стоитъ, сердце такъ и замираетъ. Тогда только и опомнился, какъ рѣзцомъ сквозь чашку прошелъ.

— Что̀ это ты, Алексѣй?—съ усмѣшкой спросилъ его вертельщикъ Петруха. — Сквозь прорѣзалъ.

— Сорвалось! — сквозь зубы молвилъ Алексѣй и бросилъ испорченную чашку въ сторону. Никогда съ нимъ такого грѣха не бывало, даже и тогда не бывало, какъ, подросткомъ будучи, токарному дѣлу учился. Стыдно стало ему передъ токарями. По всему околотку первымъ мастеромъ считается, а тутъ, гляди-ка, дѣло какое.

Зашабашили къ обѣду. Алексѣю не до ѣды. Пошелъ-было въ подклѣтъ, гдѣ посуду красятъ, но повернулъ къ лѣстницѣ, что̀ ведетъ въ верхнее жилье дома, и на нижнихъ ступеняхъ

остановился. Ждалъ онъ тутъ съ четверть часа, видѣлъ, какъ пробрела пò верху черезъ сѣни матушка Манеөа, слышалъ громкій топотъ сапоговъ Патапа Максимыча, заслышалъ наконецъ голосъ Фленушки, выходившей изъ Настиной свѣтлицы. Уходя, она говорила:

— Сейчасъ приду, Настенька!

— Флена Васильевна, -отозвался съ лѣстницы Алексѣй.

Она взглянула внизъ, опершись грудью о перила и свѣсивъ голову.

— Чтò ты какой? — спросила она вполголоса. — Самъ на себя не похожъ!

— Сойди на минуточку, — сказалъ Алексѣй. — Здѣсь въ подклѣтѣ нѣтъ никого — всѣ обѣдаютъ.

Фленушка сбѣжала въ подклѣтъ.

— Богъ тебѣ судья, Флена Васильевна, — сказалъ Алексѣй. — За что же ты надо мной насмѣялась?.. Вѣдь этакъ человѣка недолго уморить!

— Съ ума, что ли, спятилъ?—спросила Фленушка. — Чѣмъ я надъ тобой насмѣялась?

— Какія рѣчи ты отъ Настасьи Патаповны мнѣ переносила?.. Какія слова говорила?.. Зачѣмъ же было душу мою мутить? Теперь не знаю, чтò и дѣлать съ собой — хоть камень на шею да въ воду.

— Да ты бѣлены объѣлся, али спьяну мелешь, самъ не знаешь чтò?—сказала Фленушка. —Да какъ ты только подумать могъ, что я тебя обманываю?.. Ахъ, ты, безстыжая твоя рожа!.. За него хлопочутъ, а отъ него вотъ благодарность какая!.. Такъ ты думаешь, что и Настя облыжныя рѣчи говорила... А?..

— Отъ Настасьи Патаповны доселева я никакихъ рѣчей не слыхивалъ,—молвилъ Алексѣй.—Съ тобой у меня разговоры бывали!.. Вспомни-ка, чтò ты мнѣ говорила, а вотъ—готовятъ пиры, жениха изъ Самары ждутъ.

— Только-то? — сказала Фленушка и залилась громкимъ хохотомъ. Ну, этихъ пировъ не бойся, молодецъ. Рукобитью на нихъ не бывать! Пусть ихъ праздничаютъ, — а лѣто придетъ, мы запразднуемъ; тогда на нашей улицѣ праздникъ будетъ... Слушай: брагу для гостей не доварятъ, я тебя сведу съ Настасьей. Какъ отъ самой отъ ней услышишь тѣ же рѣчи, чтò я переносила, повѣришь тогда?.. А?..

— Повѣрю, - -потупясь, отвѣчалъ Алексѣй.

— Меня попрекать да обманщицей обзывать не станешь?

— Не буду,—проговорилъ онъ.

— То-то же. Ступай теперь. Выкинь печаль изъ головы, не

томи попапрасну себя, а дѣвицу красну въ пущу тоску не вгоняй.

Мало успокоили Фленушкины слова Алексѣя. Сильно его волновало, и не зналъ онъ, что̀ дѣлать: то на улицу выйдетъ, у воротъ посидитъ, то въ избу придетъ, за работу возьмется, работа изъ рукъ валится, на полати полѣзетъ, опять долой. Такъ до сумерекъ пробился, въ токарню не пошелъ, сказалъ старику Пантелею, что поутру угорѣлъ въ красильнѣ.

— Долго ли въ красильнѣ угорѣть,— отвѣчалъ Пантелей.— Ты бы по морозцу безъ шапки походилъ — облегчитъ.

— И впрямь пойду на морозъ, — сказалъ Алексѣй и, надѣвъ полушубокъ, пошелъ за околицу. Выйдя на дорогу, крупными шагами зашагалъ онъ, понуривъ голову. Прошелъ версту, прошелъ другую, видитъ мостъ черезъ оврагъ, за мостомъ дорога на двѣ стороны расходится. Оглядѣлся Алексѣй, опозналъ мѣсто и, въ раздумьѣ постоявъ на мосту, своротилъ налѣво въ свою деревню Поромово.

Громко раздавалась по крытому снѣгомъ полю Алексѣева пѣсня:

Охъ, ты, горе мое, горе-гореваньице,
Ты печаль моя, тоска лютая,
Загубила ты добра-молодца,
Красна дѣвица, дочь отецкая.

Въ каждомъ звукѣ пѣсни слышались слезы и страшная боль тоскующей души.

Послѣ крупнаго разговора съ отцомъ, когда Настя объявила ему о желаньи надѣть черную рясу, она ушла въ свою свѣтелку и заперлась на̀ крюкъ. Не одинъ разъ подходила къ двери Аксинья Захаровна; и стучалась и громко окликàла дочь, похныкала даже маленько, авось, дескать, материны слезы не образумятъ ли дѣвку, но дверь не отмыкалась, и въ свѣтлицѣ было тихо, какъ въ гробу.

«Уснула, — подумала Аксинья Захаровна. — Пускай ее отдохнетъ... Эка бѣда стряслась, и не чаяла я такой!.. Гляди-ка-сь, въ черницы захотѣла, и что̀ ей это въ головоньку втемяшилось?.. На то ли я ее родила да вырастила?.. А все Максимычъ!.. Лѣзетъ со своимъ женихомъ!..»

Пошла Аксинья Захаровна въ другую боковушку, къ Парашѣ. Тамъ Фленушка сидѣла за пяльцами, вышивая пелену, а Параша на мотовилѣ шерсть разматывала. Фленушка пѣла скитскую пѣсню, Параша ей подтягивала:

Изъ пустыни старецъ
Въ царскій домъ приходитъ,

Онъ принесъ съ собою,
Онъ принесъ съ собою
Прекрасный камень,
Толь прекрасный, прелюбезный,
Предрагій.
Іосафъ царевичъ,
Сынъ царя индѣйскаго,
Проситъ купца-старца:
—„Покажи мнѣ каменекъ,
Покажи мнѣ дорогой,
Я увижу и спознаю
Ему цѣну".
—„Когда ты возможешь
Небеса измѣрить,
Небеса измѣрить,
Всѣ моря и земли
Въ горсть свою схватить,
А все противъ камня
Ровно ничего"
—„А! купецъ премудрый,—
Говоритъ царевичъ:—
Скажи свою тайну,
Какъ на свѣтъ явился,
Какъ на свѣтъ явился,
Гдѣ теперь хранится
Камень тотъ драгой?"
Отвѣчаетъ старецъ,
Видъ купца пріявшій,
Преподобный Варлаамъ:
—„Камень не хранится,
Камень не хранится,
Съ нами пребываетъ
Онъ завсегда.
„Пречистая дѣва
Родила сей камень,
Въ ясли положила,
Грудью воскормила,
Грудью воскормила
Бога-человѣка,
Спасителя.
„Онъ нынѣ пребываетъ
Выше звѣздъ небесныхъ,
Солнца со звѣздами,
А земля съ морями,
А земля съ морями
Непрестанно славятъ
Его завсегда".

— Заперлась, — грустно сказала Аксинья Захаровна, обращаясь къ Фленушкѣ. — И окликала ее и стучалась къ ней, нишкнетъ голубушка... А ты что, Параня, какъ смотришь?.. Аль не жалко сестры-то?..—прибавила она, замѣтивъ, что та усмѣхается, поглядывая на Фленушку.

Но Фленушка была спокойна и даже тоскливо смотрѣла на

Аксинью Захаровну. Она ужъ и Парашу кое-чему научила: какъ говорить съ отцомъ съ матерью, но той и супротивничать-то лѣнь была. Спать бы только ей да валяться на мягкомъ пуховикѣ — другой отрады не знавала Параша.

— Не о чемъ ей убиваться-то, мамынька, — молвила Параша. — Что̀ въ самомъ дѣлѣ дурь-то на себя накидываетъ?.. Какъ бы мнѣ тятя привезъ жениха, я бы, кажись, за околицу навстрѣчу къ нему...

— Ахъ, ты, срамница, безстыдница! — крикнула Аксинья Захаровна. — Гдѣ ты этому научилась, гдѣ такихъ словъ набралась, безпутная голова твоя?.. Навстрѣчу!.. За околицу!.. А вотъ я тебя дубцомъ *)!..

— Да что-жъ, мамынька? Коли Настѣ тятенькинъ женихъ не по мысли, отдай мнѣ его, съ радостью пойду.

— Ахъ, ты, безстыжая!.. Ахъ, ты, безумная! — продолжала началить Парашу Аксинья Захаровна. — А я еще распиналась за васъ передъ отцомъ; говорила, что обѣ вы еще птенчики!.. Ахъ, непутная, непутная!.. Погоди ты у меня, вотъ отцу скажу... Онъ тѣ шкуру-то спуститъ.

— Не спуститъ. Не за что, — отвѣчала Параша.

Насилу уняла Парашу Аксинья Захаровна.

— Фленушка, — сказала она: — отомкнется Настя, перейди ты къ ней въ свѣтелку, родная. У ней свѣтелка большая, двоимъ вамъ не будетъ тѣсно. И пяльцы перенеси и ночуй съ ней. Одну ее теперь нельзя оставлять, мало ли что̀ можетъ приключиться... Такъ ты ужъ, пожалуйста, пригляди за ней... А къ тебѣ, Прасковья, я Анафролью пришлю, чтобъ и ты не одна была... Да у меня дурь-то изъ головы выкинь, не то смотри!.. Перейди же туда, Фленушка.

— Слушаю, Аксинья Захаровна, — молвила въ отвѣтъ Фленушка. — Какъ отомкнется, тотчасъ переберусь. Тамъ же мнѣ и вышивать свѣтлѣе, окна-то на̀ полдень.

— Поразговори ты ее, — говорила Аксинья Захаровна: — развесели хоть крошечку. Вѣдь ты бойкая, Фленушка, шустрая, и мертваго разсмѣшишь, какъ захочешь... Больно боюсь я, родная... Что̀ такое это съ ней подѣлалось — ума не могу приложить.

— Ничего, Аксинья Захаровна, — молвила въ отвѣтъ Фленушка. — Не безпокойтесь: все минетъ, все пройдетъ.

— Дай-ка Богъ, дай-ка Богъ, — вздохнула Аксинья Захаровна и пошла изъ Парашиной боковуши.

Фленушка, подойдя къ Настиной свѣтелкѣ, постучалась и,

---

*) Дубецъ—розга.

точно въ кельяхъ, громко прочитала молитву Іисусову. Услышавъ Фленушкинъ голосъ, Настя отомкнула.

— Я къ тебѣ ровно къ старицѣ въ келью, съ молитвой, — смѣясь, сказала Фленушка. — Творить ли метанія передъ честнóю инокиней, просить ли прощенья и благословенья?

— Тебѣ, Фленушка, смѣхи да шутки, — упрекнула ее, обливаясь слезами, Настя. — А у меня сердце на части разрывается. Привезутъ жениха, разлучатъ меня...

— Ну, это еще посмотримъ, разлучатъ ли тебя, нѣтъ ли съ Алешкой, — молвила Фленушка. — Всѣхъ проведемъ, всѣхъ одурачимъ, свадьбу уходомъ сыграемъ. Надѣйся на меня да слушайся, все по хотѣнью нашему сбудется.

— Ахъ, Фленушка, Фленушка!.. и хотѣлось бы вѣрить, да не вѣрится, — отирая слезы, сказала Настя. — Вонъ тятенька-то какъ осерчалъ, какъ я по твоему наученью свысока поговорила съ нимъ. Не вышло ничего, осерчалъ только пуще...

— А зачѣмъ черной рясой пугала? — возразила Фленушка. — Нашла чѣмъ пригрозить!.. Скитомъ да Небеснымъ Женихомъ!.. Эка!.. Такъ вотъ онъ и испугался!.. Какъ же!.. Властенъ онъ надъ скитами, особенно надъ нашей обителью. Въ скиту отъ него не схоронишься. Изо всякой обители выйметъ, ни одна игуменья прекословить не посмѣетъ. Всѣ ему покоряются, потому что — сила.

— И сама не знаю, какъ на умъ мнѣ взошло про иночество молвить, — сказала Настя.

— А ты вотъ что̀ скажи ему, чтобы дѣло поправить, — говорила Фленушка. — Только слезъ у тебя и слѣдовъ чтобы не было... Коли самъ не зачнетъ говорить, сама не зачинай, пригрози ему, да не черной рясой, не иночествомъ...

— Чѣмъ же? — спросила Настя.

— Сначала рѣчь про кельи поведи, не замѣтилъ бы, что мысли мѣняешь. Не то твоимъ словамъ вѣры не будетъ, — говорила Фленушка. — Скажи: если, молъ, ты меня въ обитель не пустишь, я, молъ, себя не пожалѣю: либо руки на себя наложу, либо какого ни на есть парня возьму въ полюбовники да «уходомъ» за него и уйду... Увидишь, какой тихонькій послѣ такихъ рѣчей будетъ... Только ты скрѣпи себя, что-бъ онъ ни дѣлалъ. Неравно и ударитъ: не сробѣй, смѣло говори, да строго, свысока.

— Хорошо, — сказала Настя: — хоть и жалко мнѣ его, тятеньку-то. Вѣдь онъ добрый, Фленушка.

— А Алешку-то развѣ не жалко? — прищуривъ глаза, лукаво спросила Фленушка.

— Ахъ, Фленушка!.. И его мнѣ жалко... Рада жизнь отдать за него, — сказала Настя.

— То-то и есть, — молвила Фленушка. — Коль отца пуще его жалѣешь, выходи за припасеннаго жениха.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за̀ что на свѣтѣ!.. — съ жаромъ заговорила Настя. — Удавлюсь, либо камень на шею да въ воду, а за тѣмъ женихомъ, что̀ тятя на базарѣ сыскалъ, я не буду...

— Такъ и отцу говори, — молвила Фленушка, ободрительно покачивая головою. — Этими самыми словами и говори да опричь того «уходомъ» пугни его. Больно вѣдь не любятъ эти тысячники, какъ имъ дочери такія слова выговариваютъ... Спесивы, горды̀ они... Только ты не кипятись, тихимъ словомъ говори. Но смѣло и строго... Какъ разъ проймешь, струситъ... Увидишь.

— Сдѣлаю по-твоему, Фленушка, — сказала Настя. — Сегодня же сдѣлаю. А его видѣла? — прибавила она, понизивъ голосъ.

— Алексѣя-то?

— Да, — полушопотомъ промолвила Настя.

— Видѣла. И онъ тѣмъ же женихомъ безпокоится, — сказала Фленушка. — Какъ хочешь, Настенька, а вамъ надо безпремѣнно повидаться, обо всемъ промежъ себя переговорить. Да я сведу васъ. Аксинья-то Захаровна велѣла мнѣ въ твою свѣтелку перебраться.

— Въ самомъ дѣлѣ? — радостно воскликнула Настя. — То-то наговоримся...

— Не въ томъ дѣло, — отвѣчала Фленушка. — То хорошо, что, живучи съ тобой, легче мнѣ будетъ свести васъ. Вотъ я маленько подумаю да все и спроворю.

И, прищелкивая пальцами, весело запѣла:

Я у батюшки дочка была, я у тысячника,
У тысячника.
Приневоливалъ меня родной батюшка,
Приговаривала матушка
Замужъ дѣвушкѣ идти,
Да идти да и замужъ
Дѣвушкѣ идти.
Во всѣ грѣхи тяжкіе,
Грѣхи тяжки поступить,
Тяжки поступить.
Да дождусь я, дѣвка, темной ночи,
Въ полночи уйду въ темный лѣсъ,
Да и въ лѣсъ.

За обѣдомъ Патапъ Максимычъ былъ въ добромъ расположеніи духа, шутки шутилъ даже съ матушкой Манеѳой. Передъ обѣдомъ долго говорилъ съ ней, и та успѣла убѣдить брата, что никогда не совѣтовала она племянницѣ принимать

иночество. Больше всего Патапъ Максимычъ надъ Фленушкой подшучивалъ, но та сама зубаста была и, при всей покорности, въ долгу не оставалась. Настя молчала.

Отобѣдали, по своимъ мѣстамъ разошлись. Патапъ Максимычъ прошелъ въ Настину свѣтелку и сказалъ Фленушкѣ, чтобъ она подождала, покуда онъ станетъ съ дочерью говорить, не входила-бъ въ свѣтелку.

— Я нарочно пришелъ къ тебѣ, Настя, добрымъ порядкомъ толковать, — началъ Патапъ Максимычъ, садясь на дочернину кровать.—Ты не кручинься, не серчай. Давеча я пошумѣлъ, ты къ сердцу отцовскихъ рѣчей не примай. Хочешь, бусы хороши куплю?

— Не надо мнѣ, тятенька, подарковъ твоихъ, — сухо отвѣтила Настя. — И безъ того много довольна. Не дари меня, только не отнимай воли дѣвичьей.

— Какая это воля дѣвичья? — спросилъ, улыбаясь, Патапъ Максимычъ. — Шестой десятокъ на свѣтѣ доживаю, про такую волю не слыхивалъ. И при отцахъ нашихъ и при дѣдахъ про дѣвичью волю не было слышно. Что-жъ это за воля такая нонѣ проявилась? Скажи-ка!

— А вотъ какая это воля, тятенька, — отвѣтила Настя. — Примѣромъ сказать, хоть про жениха, что̀ ты мнѣ на базарѣ гдѣ-то сыскалъ. Снѣжковъ, что ли, онъ тамъ прозывается. Не лежитъ у меня къ нему сердце, и я за него не пойду. Въ томъ и есть воля дѣвичья. Кого полюблю, за того и отдавай, а воли моей не ломай.

— Да вѣдь ты еще не видала Снѣжкова, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Можетъ, приглянется. Парень молодой, разумный.

— Что молодъ, про то спорить не стану, не видала, — молвила Настя. — А разуменъ ли, не знаю.

— Я тебѣ сказываю, что разуменъ, — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Аль не вѣришь отцу?

— Вѣрю, тятя, — молвила Настя. — Только вотъ что̀ скажи ты мнѣ: гдѣ-жъ у него былъ разумъ, какъ онъ073 сваталъ меня? Не видавши ни разу, — вѣдь не знаетъ же онъ, какова я изъ себя, пригожа али нѣтъ, — не слыхавши рѣчей моихъ, — не знаетъ, разумна я, или дура какая-нибудь. Знаетъ одно, что у богатаго отца молодыя дочери есть, ну и давай свататься. Самъ, тятя, посуди, можно ли мнѣ отъ такого мужа счастья ждать?

— Да онъ не самъ сватался, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Мы съ его родителемъ ладили дѣло.

— А! старики рѣшили, значитъ! — улыбаясь, сказала

Настя. — Пускай, дескать, дѣтки живутъ, какъ себѣ знаютъ... А скажи-ка мнѣ, тятя, какъ у васъ рѣчь про свадьбу зашла? Ты началъ, али Снѣжковъ?

Промолчалъ Патапъ Максимычъ.

— Вѣдь не ты же, тятя, первый началъ, — продолжала Настя. — Не станешь же ты у богатыхъ купцовъ своимъ дочерямъ жениховъ вымаливать. Не такой ты человѣкъ, дочерей не продашь.

Совѣстно стало Чапурину. Всталъ онъ съ кровати и началъ крупными шагами сновать взадъ и впередъ по свѣтлицѣ.

— Несодѣянное говоришь! — началъ онъ. — Что̀ за рѣчи у тебя стали!.. Стану я дочерей продавать!.. Слушай, до самаго Рождества Христова единаго словечка про свадьбу тебѣ не молвлю... Цѣлый годъ — одумаешься тѣмъ временемъ. А тамъ поглядимъ да посмотримъ... Не кручинься же, голубка, — продолжалъ Патапъ Максимычъ, лаская дочь. — Вѣдь ты у меня умница.

— Прости меня, тятя, голубчикъ, что давеча я тебя на гнѣвъ навела, — склонивъ головку на отцовскую грудь, молвила Настя.

— Ну, и меня прости, — сказалъ Патапъ Максимычъ, поглаживая волосы Насти и цѣлуя ее въ глаза.

— Только попомни, тятя, мое слово, — рѣшительно и твердо проговорила Настя. — Коли вздумаешь меня силой замужъ отдать, я надъ собой что-нибудь сдѣлаю.

— Что̀ сдѣлаешь? — вызывающимъ голосомъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Въ скитъ уйду, черну рясу надѣну, — сказала Настя.— А возьмешь изъ обители, — потеряю себя.

— Экъ что̀ вздумала, — воскликнулъ тревожно Чапуринъ.

— Руки наложу на себя: камень на шею да въ воду, — сверкая очами, молвила Настя. — А не то еще хуже надѣлаю! Замужъ уходомъ уйду!.. За перваго парня, что̀ на глаза подвернется, будь онъ хоть барскій!.. Погоней отобьешь—гулять зачну.

— Что̀ ты, Настасья? — смутясь отъ словъ дочери и понизивъ голосъ, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Въ умѣ ли?.. Да какъ у тебя языкъ повернулся такое слово сказать?

— Къ слову только сказала, — сдержанно отвѣтила Настя.

— Не забирай же въ голову пустяковъ, — строго, но тихо промолвилъ Чапуринъ, уходя изъ свѣтелки. — Покуда прощай.

Патапъ Максимычъ ушелъ въ свою заднюю, прилегъ уснуть, но сонъ не бралъ его. Настины слова изъ ума не выходили. «Дѣвка съ норовомъ,—думалъ онъ.—Съ виду тихоней смотритъ, а гляди-ка какая!.. Уходомъ!.. Нѣтъ, ни окрикомъ ни плетью

такую не проймешь!.. Хуже начудитъ... Лаской надо, дѣлать нечего... Уходомъ!.. Эко слово сказала!..»

Глава седьмая.

«Свадьба уходомъ»— въ большомъ обыкновеньи у заволжскихъ раскольниковъ. Это — похищеніе дѣвушки изъ родительскаго дома и тайное вѣнчанье съ нею у раскольничьяго попа, а чаще въ православной церкви, чтобъ дѣло покрѣпче связано было. Вѣнчанье у раскольничьяго попа поди еще доказывай, а въ церкви хотя не по-старому вѣнчаны, хоть не пòсолонь вкругъ налоя вожены, да дѣло выходитъ невпримѣръ крѣпче: повѣнчаннаго въ великороссійской съ женой не развѣнчаешь, хоть что̀ хочешь дѣлай. Оттого при «свадьбахъ уходомъ» раскольники больше и бѣгаютъ къ церковному попу, особенно если бѣдняку удастся подхватить дочь тысячника.

Обычай «крутить свадьбы уходомъ» изстари за Волгой ведется, а держится больше оттого, что въ тамошнемъ крестьянскомъ быту каждая дѣвка, живучи у родителей, несетъ долю нерадостную. Дѣвкой въ семьѣ дорожатъ, какъ даровою работницей, и замужъ «честью» ее отдаютъ неохотно. Надо, говорятъ, дѣвкѣ родительскую хлѣбъ-соль отработать; заработаешь, — иди куда хочешь. А срокъ дочерниныхъ заработковъ длиненъ: до тридцати лѣтъ и больше она повинна у отца съ матерью въ работницахъ жить.

Дѣвки не бойкія, особенно тѣ, кого Богъ красотой обдѣлилъ, засиживаются и старѣютъ въ родительскомъ дому за денно-нощной работой... Минетъ тридцать лѣтъ — куда ей дѣваться? Рѣдко выищется такой человѣкъ, чтобы взялъ за себя старую; развѣ иная за вдовца-старика на большую семью пойдетъ. Старой дѣвкѣ середь молодыхъ ужъ и мѣста нѣтъ — всѣ ея чуждаются... Ни на супрядки зимой ни въ хороводы лѣтомъ... Молодые парни въ глаза смѣются надъ перестаркой... Куда дѣваться, къ чему себя пристроить, а умретъ отецъ съ матерью, куда приклонить голову?.. И принимается дѣвка за «душеспасенье»: въ скитъ пойдетъ, либо выпроситъ у отца кельенку поставить на задворицѣ, и въ ней, надѣвъ черный сарафанъ и покрывъ чернымъ платкомъ голову, въ знакъ отреченья отъ міра, станетъ за псалтырь, заказные сорокоусты читать да деревенскихъ мальчишекъ грамотѣ обучать, — тѣмъ и кормится. По времени въ келейку ея три-четыре такихъ же старыхъ дѣвокъ наберется, заведутъ онѣ «общежитіе», — смотришь, маленькій скитокъ въ деревнѣ завелся: и моленная въ немъ и служба вседневная, покуда полиція, провѣдавъ

про богомолокъ, не разгонитъ ихъ по своимъ мѣстамъ, откуда которая пришла.

Дѣвка побойчѣй да покрасивѣй не такъ дѣлаетъ. Спознается на супрядкахъ либо въ хороводѣ съ молодымъ парнемъ, непремѣнно изъ другой деревни, полюбятъ они другъ дружку и станутъ раздумывать, отдадутъ родители дѣвицу «честью», аль придется свадьбу «уходомъ» играть. Нѣтъ надежды на согласье, дѣвушка тихонько сберетъ приданое и одёжу, какая есть у ней, передастъ возлюбленному, а потомъ и сама на условное мѣсто придетъ. Женихъ кидаетъ невѣсту въ сани и съ товарищами мчится во весь опоръ къ попу. Родители, узнавъ про уходъ дочери, тотчасъ лошадей запрягать, въ погоню скакать, родныхъ, сосѣдей на ноги поднимутъ, разсыплются по всѣмъ сторонамъ бѣглецовъ искать. Случается, что настигаютъ. И тогда зачнутъ у поѣзжанъ «отбивать невѣсту»... Иной разъ тутъ дѣло до крови доходитъ. Но не всегда такъ бываетъ, обыкновенно женихъ съ невѣстой успѣваютъ доскакать до попа и обвѣнчаться. Затѣмъ мужъ везетъ молодую жену къ своимъ родителямъ, тѣ ужъ дожидаются — знаютъ, что сынъ поѣхалъ сноху имъ выкрасть, новую даровую работницу въ домъ привести, съ радостью встрѣчаютъ они новобрачныхъ. На другой либо на третій день новобрачный, съ женой, отправляется къ тестю прощенья просить. Тамъ принимаютъ его съ бранью, дочь съ проклятьями. Вся деревня сбѣжится смотрѣть, какъ молодые, поклонясь въ землю, лежатъ, не шелохнувшись, ницъ передъ отцомъ передъ матерью, выпрашивая прощенья, а отецъ съ матерью ругаютъ ихъ ругательски и клянутъ, и ногами въ головы пихаютъ, а послѣ того и колотить примутся: отецъ плетью, мать сковородникомъ. Наконецъ уходится сердце родительское. За побоями да за бранью мировая слѣдуетъ, но ужъ кромѣ того, что успѣла невѣста жениху передъ уходомъ передать, никакого приданаго ей не дается. Не бываетъ при свадьбѣ уходомъ ни «горнаго стола» ни подарковъ, все оканчивается двумя обѣдами родителей однихъ у другихъ. Случается, и это бываетъ нерѣдко, что родители жениха и невѣсты, если не изъ богатыхъ, тайкомъ отъ людей, даже отъ близкой родни, столкуются межъ себя про свадьбу дѣтей и рѣшатъ не играть свадьбы «честью», во избѣжанье расходовъ на пиры и дары, а велятъ дѣткамъ самимъ справлять свадьбу, какъ знаютъ. При этомъ однакожъ весь обрядъ чинъ чиномъ соблюдается: и погоня во всѣ стороны, и брань съ проклятьями при встрѣчѣ, и топанье ногами, и битье плетью и ухватомъ на глазахъ сбѣжавшейся деревни: все какъ слѣдуетъ. Но когда родительское сердце

утолится и руки колотить новобрачныхъ устанутъ, мирятся, и тѣмъ же ухватомъ, что̀ мать дочку свою колотила, принимается она изъ печки горшки вынимать, чтобы нарочно состряпаннымъ кушаньемъ любезнаго зятюшку потчевать.

Крѣпко было слово, сказанное Настей. Патапъ Максимычъ не уснулъ отъ него послѣ обѣда. А этого съ нимъ лѣтъ съ пять не случалось, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, прослышавъ про сгорѣвшія на Волгѣ, подъ Свіяжскомъ, барки, долго находился онъ въ неизвѣстности: не его ли горянщина погорѣла.

Сказавъ женѣ, какое слово молвила ему Настя, Патапъ Максимычъ строго-настрого наказалъ ей глядѣть за дочерью въ оба, чтобъ дѣвка въ самомъ дѣлѣ, забравъ дурь въ голову, бѣдъ не натворила.

— Особенно по веснѣ, какъ дома меня не будетъ, — говорилъ онъ: — смотри ты, Аксинья, за ней хорошенько. Лѣтомъ до грѣха недолго. По грибы аль по ягоды чтобъ обѣ онѣ и думать не смѣли ходить, за околицу однѣхъ не пускай, всяко можетъ случиться.

— Стану глядѣть, Максимычъ, — отвѣчала Аксинья. — Какъ не смотрѣть за молодыми дѣвицами! только, по моему глупому разуму, напрасно ты про Настю думаешь, чтобъ она такое дѣло сдѣлала... Скоръ ты больно на̀ рѣчи-то, Максимычъ!.. Давеча дѣвку на смерть напугалъ. А съ испугу мало-ль какое слово иной разъ сорвется. По глупости, спросту сказала.

— Спросту!.. Какъ же!.. — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Нѣтъ, у ней что-нибудь да есть на умѣ. Ты бы изъ нея повыпытала, можетъ, промолвится. Только не бранью, смотри, не попреками. Видишь, какая нравная дѣвка стала, тутъ грозой ничего не подѣлаешь... Ужъ не затѣяно ли у ней съ кѣмъ въ скиту?

— Не грѣши попусту, Максимычъ, — сказала Аксинья Захаровна. — Немало я сегодня пытала у матушки Манефы: не видала-ль Настасья кого изъ наѣзжихъ, не приглянулся ли кто. «Нѣтъ, говоритъ, не видывала никого ни Настя ни Параня». Въ строгости вѣдь она держала ихъ. И Фленушка то же говоритъ.

— Да что̀ Фленушка! — замѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Фленушка хоть и знала бы что̀, такъ покроетъ, а Манефа на старости ничего не видитъ. Ты бы другихъ разспросила.

— Спрошу, Максимычъ. Вотъ хоть Анафрольюшку.

— Да умненько спрашивай, стороной да обинякали, шутками больше, дѣвку бы не срамить.

Лишь только вышелъ Патапъ Максимычъ изъ Настиной свѣтлицы, вбѣжала туда Фленушка.

— Ну вотъ, умница, — сказала она, взявши руками раскраснѣвшіяся отъ подавляемаго волненья Настины щеки. — Молодецъ дѣвка! можно чести приписать!.. Важно отца отдѣлала!.. До послѣдняго словечка все слышала, у двери все время стояла... Говорила я тебѣ, что струситъ... По-моему вышло...

— Жалко мнѣ тятеньку, Фленушка, совѣстно передъ нимъ,— отвѣчала Настя.

— Ужъ ты зачнешь хныкать! — сказала Фленушка. — Ну, ступай прощенья просить, «прости, молъ, тятенька, Христа ради, ни впредь ни послѣ не буду и сейчасъ съ самарскимъ женихомъ подъ вѣнецъ пойду»... Не дури, Настасья Патаповна... Благо отсрочку далъ.

— Что-жъ изъ того, что отсрочка дана?.. Потомъ-то чтȯ?..— сказала Настя.

— Алешкиной женой будешь, — молвила Фленушка.

— Какъ же такъ?

— Уходомъ. Ты, Настя, молчи, слезъ не рони, бѣла лица не томи: все живой рукой обдѣлаемъ. Смотри только, построже съ отцомъ разговаривай, а слезъ чтобъ въ заводѣ при немъ не бывало. Слышишь?

— Слышу, — сказала Настя.

— Бодрѣй да смѣлѣй держи себя. Сама не увидишь, какъ верхъ надъ отцомъ возьмешь. Про мать нечего говорить, ея дѣло хныкать. Слезами ее пронимай.

— Добрая она у насъ, Фленушка, и смиренная, даромъ что покричитъ иной разъ, — сказала Настя. — Силъ моихъ не станетъ супротивъ мамыньки идти... Такъ и подмываетъ меня, Фленушка, всю правду ей разсказать... что я... ну, да про него...

— Сохрани тебя Господи и помилуй!.. — возразила Фленушка. — Говорила тебѣ и теперь говорю, чтобъ про это дѣло, кромѣ меня, никто не зналъ. Не то быть бѣдѣ на твоей головѣ.

Вечеромъ, послѣ ужина, Настя съ Фленушкой заперлись въ свѣтелкѣ.

— Тошнехонько мнѣ, Фленушка, — говорила Настя, въ утомленьи ложась на кровать нераздѣтая. — Болитъ мое сердечушко, всю душеньку поворотило. Сама не знаю, чтȯ со мной дѣлается.

— А я знаю!.. — бойко подхватила Фленушка. — Да провалиться мнѣ на семъ мѣстѣ, коли завтра-жъ тебя я не вылѣчу, — прибавила.

— Нѣтъ, Фленушка, совсѣмъ истосковалась я, — сказала Настя. — Что̀ ни день, то хуже да хуже мнѣ. Мысли даже въ головѣ мѣшаются. Хочу о томъ, о другомъ пораздумать; задумаю, умъ ровно туманомъ такъ и застелетъ.

— Про долговязаго, поди, все думаешь? — сказала Фленушка.

— Да... — едва слышно молвила Настя, кинувшись лицомъ въ подушку.

— Повидаться надо, маленько покалякать, — сказала Фленушка. — Давеча опять я съ нимъ видѣлась, говорила... Поклонъ отъ тебя сказала.

— Что-жъ онъ? — съ живостью спросила Настя, вскочивъ на кровати. — Да говори же!

— Не сто̀итъ говорить, — молвила Фленушка.

— Да нѣтъ, скажи, пожалуйста. Милая, голубушка, скажи, — приставала Настя, горячо обнимая и порывисто цѣлуя Фленушку.

— Да отстань же, Настя!.. Полно!.. Ну, будетъ, будетъ, — говорила Фленушка, отстраняясь отъ ея ласкъ и поцѣлуевъ. — Да отстань же, говорятъ тебѣ... Ишь привязалась, совсѣмъ задушила!

— Да что-жъ говорилъ онъ? — умоляла Фленушку Настя. — Не мучь!.. И безъ того тошно... Скажи поскорѣй.

— Говорилъ, что̀ въ такихъ дѣлахъ говорится, — отвѣчала Фленушка. — Что ему безъ тебя весь свѣтъ постылъ, что изсушила ты его, что съ горя да тоски дѣваться не знаетъ куда, и что очень боится онъ самарскаго жениха. Какъ я ни увѣряла, что опричь его ни за кого не пойдешь, — не вѣритъ. Тебѣ бы самой сказать ему.

— Да какъ же это, Фленушка? — потупясь, спросила Настя.

— А вотъ какъ, — немножко подумавъ, молвила Фленушка. — Завтра я его сюда приведу.

— Обезумѣла ты!.. А тятенька-то?..

— А какъ самъ тятенька Алешку въ свѣтлицу къ тебѣ пошлетъ?.. — съ усмѣшкой молвила Фленушка.

— Чего только ты ни вздумаешь!.. Только послушать тебя, — сказала Настя. — Статочно ли дѣло, чтобъ тятенька его сюда прислалъ?

— Да помереть мнѣ, съ мѣста не вставши, коли такого дѣльца я не состряпаю, — весело воскликнула Фленушка. — А ты, Настенька, какъ Алешка придетъ къ тебѣ, — прибавила она, садясь на кровать возлѣ Насти: — говори съ нимъ умненько да хорошенько, парня не запугивай... Смотри, не обидь его... И безъ того чуть живъ ходитъ.

— Ты все шутки шутишь, Фленушка, а мнѣ не до нихъ, — тяжело вздыхая, сказала Настя. — Какъ подумаешь, что̀ будетъ впереди, сердце такъ и замретъ... Научила ты меня, какъ съ тятенькой говорить... Ну, смиловался, годъ не хочетъ про свадьбу поминать... А черезъ годъ-отъ что̀ будетъ?

— До году долго ждать, — отвѣчала Фленушка. — Весной повѣнчаетесь.

— Не мели пустяковъ, — молвила Настя. — И безъ того тошно!

— Какъ отцу сказано, такъ и сдѣлаемъ, — уходомъ, — отвѣчала Фленушка. — Это ужъ моихъ рукъ дѣло, слушайся только меня да не мѣшай. Ты вотъ что̀ дѣлай: пріѣдетъ женихъ, не прячься, не бѣгай, говори съ нимъ, какъ водится, да словечко какъ-нибудь вверни, что я, молъ, въ скитахъ выросла, изъ дѣтства, молъ, желаніе возымѣла Богу послужить, черну рясу надѣть... А потомъ просись у отца на лѣто къ намъ въ обитель гостить, не то матушку Манеѳу упроси, чтобъ она оставила у васъ меня. Это еще лучше будетъ.

— Что-жъ изъ этого будетъ? — спросила Настя.

— А то и выйдетъ, что лѣтомъ, какъ тятенька твой на Низъ уѣдетъ, мы свадебку и скрутимъ. Алексѣй не робкаго десятка, не побоится.

— Боязно, Фленушка, — молвила Настя. — Сердце такъ и замретъ, только про это я вздумаю. Нѣтъ, лучше выберу я времечко, какъ тятенька ласковъ до меня будетъ, повалюсь ему въ ноги, покаюсь во всемъ, стану просить, чтобъ выдалъ меня за Алешу... Тятя добрый, пожалѣетъ, не стерпитъ моихъ слезъ.

— Чтобъ отецъ твоихъ слезъ не видалъ, — повелительно сказала Фленушка. — Онъ крутъ, такъ и съ нимъ надо быть крутой. Дѣло на хорошей дорогѣ, не испорть. А про Алексѣя отцу сказать и думать не моги.

— Отчего же? — спросила Настя.

— Развѣ не слыхала, что теперь по всѣмъ деревнямъ вой идетъ? — спросила Фленушка.

— Сказывалъ тятенька, что съ Великаго поста рекрутовъ брать зачнутъ, — отвѣчала Настя.

— То-то же. Алексѣй-отъ удѣльный вѣдь? — спросила Фленушка.

— Да.

— А головой удѣльнымъ кто?

— Михайла Васильичъ.

— Отцу-то пріятель?

— Пріятель

— Такъ Патапу Максимычу слово стóитъ сказать ему — «убери, молъ, подальше Алешку Лохматаго», — какъ разъ забреетъ, — сказала Фленушка.

— И въ самомъ дѣлѣ, — молвила Настя. — Навела ты меня на разумъ... Ну, какъ бы я погубила его!

— То-то же. Говорю тебѣ, безъ моего совѣта слова не молви, шагу не ступи, — продолжала Фленушка. — Станешь слушаться — все хорошо будетъ, по-своему затѣешь — себя и его сгубишь... А ужъ жива быть не хочу, коли лѣтомъ ты не будешь женой Алексѣевой, — прибавила она, бойко притопнувъ ногой.

— А какъ онъ не захочетъ? — понизивъ голосъ, спросила Настя.

— Кто не захочетъ?

— Да онъ...

— Алексѣй-отъ? — сказала Фленушка и захохотала. — Экъ чтò выдумала!.. Отъ этакой крали откажется!.. Не бойсь — губа-то у него не дура... Ишь какую красоту приворожилъ!.. А имѣнья-то чтò!.. На голы-то зубы ему твои сундуки не лишними будутъ. Да и Патапъ Максимычъ посерчаетъ-посерчаетъ да и смилуется. Не ты первая, не ты послѣдняя свадьбу уходомъ справишь. Извѣстно, сначала взбѣленится, а мѣсяцъ, другой пройдутъ, спесь-то и свалится, возьметъ зятя въ домъ, и заживете вы въ добромъ ладу и совѣтѣ. Чтò расхныкалась? — спросила Фленушка, увидя, что Настя, уткнувшись лицомъ въ подушку, опять принялась всхлипывать.

— Не на счастье, не на радость уродилась я, — причитала Настя: — счáстливыхъ дней на роду мнѣ не писано. Изною я, горемычная, загинуть мнѣ въ горѣ-тоскѣ.

— Да полно же ты! — ободряла ее Фленушка. — Чего расплакалась!.. Не покойникъ на столѣ!.. Нè хнычь, нè объ чемъ...

И, ставъ передъ Настиной постелью, подперла развеселая Фленушка руки въ боки и, притопывая босой ногой, запѣла:

Охъ, ты, Настя, дѣвка красна,
Не рони слезы напрасно,
Слезы ронишь — глаза портишь,
Мила дружка отворотишь,
Отворотится — забудетъ,
Ину дѣвицу полюбитъ.

— Не робѣй, Настасья Патаповна, готовь платки да ручники. Да, бишь, я забыла, что свадьбу-то безъ даровъ придется играть. А ужъ сидѣть завтра здѣсь Алешкѣ Лохматому, цѣловать долговязому красну дѣвицу...

— Полно, Фленушка.

— И въ самомъ дѣлѣ, полно, — сказала Фленушка. — Спать пора, кочета*) полночь пѣли. Прощай, покойной ночи, пріятный сонъ. Чтò во снѣ тебѣ увидать?..

— Ничего не хочу, — отвѣтила Настя.

— Не обманешь, Настасья Патаповна, — сказала, ложась въ постель, Фленушка: — Алешку хочется. Ну, увидишь, увидишь... Прощай.

На другой день поутру сидѣлъ Патапъ Максимычъ въ подклѣтѣ, съ полу до потолка заставленномъ готовою на продажу посудой. Тутъ были разныхъ сортовъ чашки, отъ крошечныхъ, чтò рукой охватить, до большихъ въ полведра и даже чуть не въ цѣлое ведро; по лавкамъ стояли ставешки, блюда, расписные жбаны и всякая другая деревянная утварь. У входа въ подклѣтѣ старый Пантелей бережно укладывалъ разобранную посуду по щепянымъ коробамъ, въ какихъ обыкновенно возятъ ее по дорогамъ и на судахъ. Алексѣй также въ подклѣтѣ былъ. Онъ помогалъ хозяину разбирать по сортамъ посуду и на завязанныхъ Пантелеемъ коробахъ писалъ помазкомъ счетъ посуды и какого она сорта. Сортировка деревянной посуды самое важное дѣло для торговца. Тутъ нужны и вниманье, и вѣрный, опытный глазъ, а главное — точность; безъ того торговецъ какъ разъ можетъ ославиться. Облòжится какъ-нибудь — и пронесутъ худое слово по пристанямъ и базарамъ: у такого-то-де скупщика въ первый сортъ всяку дрянь вàлятъ.

Прежде Патапу Максимычу въ этомъ дѣлѣ старикъ Савельичъ помогалъ. Прожилъ онъ у него въ дому ни мало ни много двадцать годовъ и по токарной части во всемъ замѣнялъ хозяина. Вѣрный былъ человѣкъ, хозяйское добро берегъ пуще глаза, работники у него по стрункѣ ходили, на его рукахъ и токарни были и красильни, иной разъ замѣсто Патапа Максимыча и на торги ѣзжалъ. Души въ немъ не чаялъ Чапуринъ, и въ семьѣ его Савельичъ былъ свой человѣкъ. Да вотъ передъ самымъ Рождествомъ надо же быть такому грѣху, бодрый еще и здоровый, захирѣлъ ни съ того ни съ сего да, поболѣвъ недѣли три, Богу душу и òтдалъ. Много тужилъ по немъ Патапъ Максимычъ, много думалъ, кѣмъ замѣнить ему Савельича, но придумать не могъ. Народъ, чтò у него работалъ, не сподрученъ къ такому дѣлу: иной и вѣренъ былъ и человѣкъ постоянный, да по посуденной части толку

---

*) Пѣтухи.

не смыслить, а у другого и толкъ былъ въ головѣ, да положиться на него было боязно. Замѣтивъ, что Алексѣй Лохматый мало что точитъ посуду, какъ никому другому не выточить, но и въ сортировкѣ толкъ знаетъ, Патапъ Максимычъ позвалъ его къ себѣ на подмогу и очень доволенъ остался работой его. Такъ у Алексѣя дѣло спорилось, что, пожалуй, не лучше ли, чѣмъ при покойникѣ Савельичѣ.

Разборка кончалась. Оставалось сотни три-четыре блюдъ перебрать, остальное было разобрано, Пантелеемъ уложено и работниками вытащено въ сѣни, либо сложено на дровни, чтобъ завтра же, до заревыхъ кочетовъ, въ Городецъ посуду везти.

— Ну, Алексѣюшка, — молвилъ Патапъ Максимычъ: — молодецъ ты па́ря. И въ глаза и за глаза скажу: такого, какъ ты, днемъ съ огнемъ поискать. Глядь-ка, мы съ тобой цѣлу партію въ одно утро обладили. Мастеръ, братъ, неча сказать.

— Спасибо на добромъ словѣ, Патапъ Максимычъ. Что̀ смогу да сумѣю сдѣлать — всѣмъ готовъ служить вашему здоровью, — отвѣчалъ Алексѣй.

— А я вотъ что̀, Алексѣюшка, думаю, — съ разстановкой началъ Патапъ Максимычъ. — Поговорить бы тебѣ съ отцомъ, не отпуститъ ли онъ тебя ко мнѣ въ годы. Парень ты золотой, до всякаго нашего дѣла доточный, про токарное дѣло нечего говорить, вотъ хоть насчетъ сортировки и всякаго другого распоряженья... Я бы тебя въ приказчики взялъ. Слыхалъ, чать, про Савельича покойника? На его бы мѣсто тебя.

— Благодаримъ покорно, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ обрадованный Алексѣй. — Готовъ служить вашей милости со всякимъ моимъ удовольствіемъ.

— Только самъ ты, Алексѣюшка, понимать долженъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ: — что къ такой должности на одно лѣто приставить тебя мнѣ не съ руки. Въ годы-то отецъ отпуститъ ли тебя?

— Не знаю, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ Алексѣй: — поговорю съ нимъ въ воскресенье, какъ домой пойду.

— Плату положилъ бы я хорошую, ничѣмъ бы ты отъ меня обиженъ не остался, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Дома ли у отца сталъ бы ты токарничать, въ людяхъ ли, столько тебѣ не получить, сколько я положу. Я бы тебѣ все заведенье сдалъ: и токарни, и красильни, и запасы всѣ, и товаръ, а какъ на Низъ случится самому сплыть, аль куда въ другое мѣсто, я-бъ и домъ на тебя съ Пантелеемъ покидалъ. Какъ при покойникѣ Савельичѣ было, такъ бы и при тебѣ. Ты съ отцомъ-то толкомъ поговори.

Вошла Фленушка, смущенная, озабоченная, въ слезахъ. Ма-

стерица была она, какое хочешь лицо состроитъ: веселое — такъ веселое, печальное — такъ печальное.

— Чтò ты, Фленушка? — спросилъ ее Патапъ Максимычъ.

— До васъ, Патапъ Максимычъ, — отвѣчала она плаксивымъ голосомъ. — Бѣда у меня случилась, не знаю, какъ и пособить. Матушка Манеѳа пелену велѣла мнѣ въ пяльцахъ вышивать. На срокъ, къ масленицѣ поспѣла бы безпремѣнно.

— Знаю, слышалъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Въ Москву хочетъ посылать, — продолжала Фленушка.

— Да чтò же случилось-то? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пяльцы не порядкомъ положила, — отвѣтила Фленушка: — упали, разсыпались... Боюсь теперь матушки Манеѳы, серчать станетъ.

— Такъ почини, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Рада бы починила, да не умѣю, — сказала Фленушка. — Надо столяра.

— А гдѣ я тебѣ найду его? У меня столяровъ нѣтъ, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Да не можетъ ли кто изъ токарей починить? — просила Фленушка. — Не оставьте, Патапъ Максимычъ, не введите въ отвѣтъ. Матушка Манеѳа и не знаю чтò со мною подѣлаетъ.

— Не токарево это дѣло, голубушка, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Изъ нашихъ работниковъ врядъ ли такой выищется... Радъ бы пособить, да не знаю какъ. Не знаешь ли ты, Алексѣй? Не сумѣетъ ли кто изъ нашихъ пяльцы ей починить?

— Да я маленько столярничаю, — отвѣчалъ Алексѣй. — За чистоту не берусь, а крѣпко будетъ.

— Ну вотъ на твое счастье и столяръ выискался, — съ веселой улыбкой молвилъ Патапъ Максимычъ. — Тащи скорѣй сюда пяльцы-то.

— Никакъ ихъ нельзя сюда принести, Патапъ Максимычъ, — отвѣчала Фленушка: — здѣсь и олифой и красками напачкано, долго-ль испортить шитье, цвѣтà же на пеленѣ все нѣжные.

— Да ты порожніе пяльцы тащи, шитье-то вынь, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Эка недогадливая!

— Не знаете вы нашего мастерства, Патапъ Максимычъ, оттого и говорите такъ, — отвѣчала Фленушка. — Никакъ нельзя изъ пялецъ вынуть шитья, всю работу испортишь, опять-то вставить нельзя ужъ будетъ.

— Ну, неча дѣлать, сходи наверхъ, Алексѣюшка, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Гдѣ пяльцы-то у тебя? — спросилъ онъ, обращаясь къ Фленушкѣ.

— Въ свѣтлицѣ у Настеньки, — отвѣтила она.

— Проведи его туда. Сходи, Алексѣюшка, уладь дѣло, — сказалъ Патапъ Максимычъ: — а то и впрямь игуменья-то ее на поклоны поставитъ. Какъ закатитъ она тебѣ, Фленушка, сотни три лѣстовокъ земными поклонами пройти, спину-то, чай, послѣ не вдругъ разогнешь... Ступай, веди его... Ты тамъ чини себѣ, Алексѣюшка, остальное я одинъ разберу... А къ отцу-то сегодня сходи же. Чтò до воскресенья откладывать!

Ровно отуманило Алексѣя, какъ услышалъ онъ хозяйскій приказъ идти въ Настину свѣтлицу. Чего во снѣ не снилось, о чемъ если иной разъ и приходило на умъ, такъ развѣ какъ о дѣлѣ несбыточномъ, вдругъ какъ съ неба свалилось.

— Ты послушай, молодѐцъ, — сказала Фленушка, всходя съ нимъ по лѣстницѣ въ верхнее жилье дома. — Такъ у добрыхъ людей развѣ водится?

— Чтò такое? — съ смущеннымъ видомъ спросилъ Алексѣй.

— Совѣсть-то есть, аль на базарѣ потерялъ? — продолжала Фленушка. — Тамъ по немъ тоскуютъ, плачутъ, убиваются, цѣлы ночи глазъ не смыкаютъ, а онъ еще спрашиваетъ... Ну, парень, была бы моя воля, тàкъ бы я тебя отдѣлала, что до гроба жизни своей поминать бы сталъ, — прибавила она, изо всей силы колотя кулакомъ по Алексѣеву плечу.

— Да ты про что? Право, невдомекъ, Флена Васильевна, — говорилъ Алексѣй.

— Ишь ты! Еще притворяется, — сказала она. — Приворожить дѣвку безстыжими своими глазами умѣлъ, а понять не умѣешь... Совѣсть-то гдѣ?.. Да знаешь ли ты, непутный, что изъ-за тебя вечоръ у нея съ отцомъ до того дошло, что еще бы немножко, такъ и не знаю, чтò бы сталось... Зачѣмъ къ отцу-то онъ тебя посылаетъ?

— Въ приказчики хочетъ меня по токарнямъ да по красильнямъ рядить, — отвѣчалъ Алексѣй: — за работниками да̀ домомъ присматривать.

— Полно ты? — удивилась и обрадовалась Фленушка.

— Право, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Значитъ, наше дѣло выгораетъ, — сказала Фленушка. — Съ мѣста мнѣ не сойти, коль не будешь ты у Патапа Максимыча въ зятьяхъ жить. Ступай, — сказала она, отворивъ дверь въ свѣтелку и втолкнувъ туда Алексѣя: — я покараулю.

Въ аломъ тафтяномъ сарафанѣ, съ пышными, бѣлоснѣжными тонкими рукавами и въ широкомъ бѣломъ передникѣ, въ ярко-зеленомъ левантиновомъ платочкѣ, накинутомъ нà голову и подвязанномъ подъ подбородкомъ, сидѣла Настя у Фленушкиныхъ пялецъ, опершись головой нà руку. Потускнѣлъ

свѣтлый взоръ дѣвушки, спалъ румянецъ съ лица ея, глаза наплаканы, губы пересохли, а все-таки чудно-хороша была она. Это была такая красавица, какихъ и за Волгой немного родится: кругла да бѣла какъ мытая рѣпка, алый цвѣтъ по лицу разстилается, толстыя, ровно шелковыя косы висятъ ниже пояса, звѣздистыя очи разсыпчатыя, брови тонкія, руки бѣлыя ровно выточены, а грудь какъ пухъ въ атласѣ. Не взвидѣлъ свѣта Алексѣй, остановился у притолоки. Однако оправился и чинъ-чиномъ, какъ слѣдуетъ, святымъ иконамъ три поясныхъ поклона положилъ, потомъ Настѣ низехонько поклонился.

Хотя Фленушка только о томъ Настѣ и твердила, что приведетъ къ ней Алексѣя, но рѣчамъ ея Настя вѣры не давала, думала, что шутитъ она... И вдругъ передъ ней, какъ изъ земли выросъ, — стоитъ Алексѣй.

Блѣдное лицо Насти багрецомъ подернуло. Встала она съ мѣста и, опираясь о столъ рукою, робко глядѣла на вошедшаго. А онъ все стоитъ у притолоки, глядитъ — не наглядится на красавицу.

У обоихъ языка не стало. Молчатъ. Наконецъ Настя маленько оправилась.

— Чтò тебѣ надо? — спросила, опустивъ глаза въ землю.

— Патапъ Максимычъ прислалъ, — тихо отвѣчалъ Алексѣй.

— Тятенька? — поднимая голову, сказала Настя. — Тебя тятенька ко мнѣ прислалъ?.. Зачѣмъ?..

Сердце у ней такъ и замерло, сама себя не помнитъ, наяву она, аль во снѣ ей грезится.

— Зачѣмъ онъ тебя прислалъ? — повторила Настя, едва переводя духъ.

— Пяльцы чинить.

«Такъ вотъ зачѣмъ Фленушка пяльцы-то ломала», — подумала Настя.

— Чини, коли присланъ, — сказала она, отходя къ другому окошку.

Подошелъ Алексѣй къ пяльцамъ. Смотритъ на поломъ — и ничего не видитъ: глаза у него такъ и застилаетъ, а сердце бьется, ровно изъ тѣла вонъ хочетъ.

Настя, потупившись, перебирала руками конецъ передника, лицо у ней такъ и горѣло, грудь трепетно поднималась. Едва переводила она дыханье, и хоть на душѣ стало свѣтлѣе и радостнѣй, а все что-то боязно было ей, слезы къ глазамъ подступали.

Быстро распахнулась дверь, вбѣжала Фленушка.

— Пути въ васъ нѣту, — защебетала она. — На молчанки, что ли, я васъ свела?.. Слушай ты, молодецъ, дѣвка тебя по-

любила, а сказать стыдится... И Алексѣй тебя полюбилъ, да боится вымолвить.

И, толкнувъ Настю къ Алексѣю, выбѣжала за дверь.

— Неужли правду сказала она? — чуть слышно спросилъ Алексѣй.

У Насти силы на отвѣтъ недостало. Зарыдала и закрыла лицо передникомъ.

Медленно и робко ступилъ Алексѣй шагъ, ступилъ другой, взялъ Настю за руку.

Быстро откинула она передникъ. Сквозь слезы улыбаясь, страстно взглянула въ очи милому и кинулась на грудь его...

Глава восьмая.

Всѣ распоряженья насчетъ угощенья домовыхъ работниковъ и пришлаго народа были сдѣланы. Старикъ Пантелей съ Захлыстинскаго базара навезъ и говядины, и свинины, и баранины, пять ведеръ вина, ренскаго шесть бутылокъ, молодицъ потчевать, и большіе кульки съ деревенскими гостинцами. Дома брагу варили, квасы ставили. Аксинья Захаровна въ кладовыхъ да въ стряпущей съ утра до ночи возилась: то припасы принимала, то наливки подваривала да по бутылкамъ разливала, то посуду стеклянную и фарфоровую изъ сундуковъ вынимала и отдавала дочерямъ перемыть хорошенько.

Патапъ Максимычъ въ губернскій городъ собрался. Это было не очень далеко отъ Осиповки: верстъ шестьдесятъ. Съ дороги своротилъ онъ въ сторону, въ деревню Ключево. Тамъ жила сватья его и крестная мать Насти, Дарья Никитична, знаменитая по всему краю повариха. Бойкая, проворная, всегда веселая, никогда ничѣмъ невозмутимая, доживала она свой вѣкъ въ хорошенькомъ, чистенькомъ домикѣ, на самомъ краю деревушки.

Дѣтство и молодость Никитична провела въ горѣ, въ бѣдахъ и страшной нищетѣ. Казались тѣ бѣды нескончаемыми, а горе безвыходнымъ. Но не кто какъ Богъ, на Него одного полагалась сызмальства Никитична, и не постыдилъ Господь надежды ея, послалъ старость покойную: всѣми она любима, всѣмъ довольна, добро по силѣ ежечасно можетъ творить. Чего еще? Доживала старушка вѣкъ свой въ радости, благодарила Бога.

Пяти годовъ ей не минуло, какъ родитель ея, не тѣмъ будь помянутъ, въ какихъ-то воровскихъ дѣлахъ приличился и по мірскому приговору въ солдаты былъ сданъ, а мать, вскорѣ послѣ того, какъ забрили ея сожителя, мудрено какъ-то по-

мерла въ оврагѣ за овинами, возвращаясь въ нетопленую избу къ голодному ребенку

Изъ царева кабака,
Изъ кружала государева.

Ругался міръ ругательски, посылалъ ко всѣмъ чертямъ Емельяниху, гробъ безо дна, безъ покрышки сулилъ ей за то, что и жить путемъ не умѣла и померла не путемъ: судъ по мертвому тѣлу навела на деревню... Что гусей было перерѣзано, что куръ да барановъ пріѣдено, яичницъ-глазуній настряпано, что дѣвокъ да молодокъ къ лѣкарю да къ стряпчему было посылано, что исправнику денегъ было переплачено! И изъ-за кого-жъ такая мірская сухота? Изъ-за поскуды Емельянихи, что не умѣла съ мужемъ жить, не умѣла въ его дѣлахъ концы хоронить, не умѣла и умереть какъ слѣдуетъ.

Осталась послѣ Емельянихи сиротка, пятилѣтняя Дарёнка. Въ отцовскомъ ея дому давнымъ-давно хоть шаромъ покати, еще заживо родитель растащилъ по кабакамъ все добро — и свое и краденое. Мать схоронили Христа ради, по приказу исправника, а сиротка осталась болтаться промежъ дворовъ: бывало, гдѣ день, гдѣ ночь проведетъ, гдѣ обносочки какіе ей Христа ради подадутъ, гдѣ черствымъ хлѣбцемъ впроголодь накормятъ, гдѣ въ баньку пустятъ помыться. Такъ и росла дѣвочка.

Въ сиротствѣ жить — только слезы лить; житье сиротинкѣ что гороху при дорогѣ: кто пройдетъ, тотъ и порветъ. Мало-ль щипковъ да рывковъ, мало ли бою да синяковъ, рванья косъ до плѣшинъ приняла Дарёнка, волочась подъ оконьемъ въ Ключовѣ и по сосѣднимъ деревнямъ. Не царствомъ небеснымъ было ей жить и при матери; бивала ее, и шибко бивала покойница, особенно какъ подъ пьяную руку дѣвочка ей подвернется, да все не какъ чужіе люди. Вѣдь мать хоть и пьяная и безумная, а высоко руку подыметъ да не больно опуститъ, чужой же человѣкъ колотитъ дитя не разсудя, не велика, дескать, бѣда, хоть и калѣкой станетъ вѣкъ доживать. Бивали Дарёнку старые, бивали ее малые, отъ деревенскихъ ребятишекъ проходу не было. Только, бывало, сиротку завидятъ, тотчасъ и обидятъ, а пожалуется, не стерпя побоевъ, Дарёнка, ей же пуще достанется... Правду люди говорятъ, что пчелки безъ матки — пропащія дѣтки. Горько бывало безродной сироткѣ глядѣть, какъ другіе ребятишки отцомъ, матерью пригрѣты, обуты, одѣты, накормлены, приголублены, а ее кто приласкаетъ, ей кто доброе словечко хоть въ Свѣтло Христово Воскресенье вымолвитъ? Тогда только и праздникъ былъ

ей, какъ иная баба, обозлясь на мужа либо на свекра, обносочекъ какой на сиротку надѣнетъ. Да и та радость бывала ненадолго: узнаетъ мужъ либо свекоръ, что баба спроворила, Дарёнку оголятъ середь улицы да отколотятъ еще на придачу.

Родись Никитична парнишкой, иная бы доля ей выпала. Слаще бы невпримѣръ сиротское житье ей досталось. «Пущай его растетъ, — рѣшили бы мужики: — въ годы выйдетъ, за міръ въ рекруты пойдетъ, — плакать по немъ будетъ некому». И крѣпко-накрѣпко заказали бы бабамъ беречь сироту, приглядывать, чтобъ коимъ грѣхомъ не окривѣлъ, аль зубовъ переднихъ ему не вышибли, не то бѣда: задаромъ пропадутъ и мірской хлѣбъ и посиротскія хлопоты. Дѣвочкѣ не та судьбина. Беречь ее не для чего, знай колоти, сколько хочется, одного берегись — мертваго тѣла не сдѣлай, чтобъ судъ не наѣхалъ да убытковъ и хлопотъ міру не принесъ.

Не забили однако сиротку Дарёнку. Росла она да росла, выросла, заневѣстилась. Куда дѣвкѣ дѣваться?.. Въ скиты?.. Чего бы лучше?.. Такъ и въ скиты не всякую принимаютъ, и тамъ безъ денегъ къ спасенью не допускаютъ, а у Дарёнки желѣзнаго гроша сроду въ рукахъ не бывало. Но, войдя въ полную силу, стала она работницей всѣмъ на удивленье: цѣпомъ ли, серпомъ ли, бывало, за двоихъ работаетъ. Тогда ключовскіе мужики другъ передъ дружкой стали Дарью Никитичну къ себѣ зазывать. «Ко мнѣ поди» да «у меня поживи — мы вѣдь тебѣ, Дарьюшка, люди свои, родня кровная». Такія только рѣчи и слышала. Прежде ночь переночевать мѣста не было, а теперь, что называется, не грѣло, не горѣло, а вдругъ освѣтило: всѣ въ родню лѣзутъ, на житье къ себѣ манятъ. Пожила у какого-то названнаго дяди года три либо четыре, за хлѣбъ за соль съ лихвой ему заработала. Житье было ей не плохое, всѣ до нея были ласковы, привѣтливы, но не забыла Дарья старыхъ щипковъ и колотушекъ, все ей думалось: «теперь хорошо, а выбьюсь изъ силъ, такъ подъ старость изъ избы середь улицы выкинутъ». И рѣшила она хоть за нищаго замужъ пойти, только-бъ самой хозяйкой быть. И вышла Дарья замужъ. Бралъ ее парень хорошій, изъ сосѣдней деревни Выдреевки, но изъ бѣднаго дома, изъ большой семьи — шестериками въ рекрутскомъ спискѣ стояли. Полтора года Дарья Никитична пожила съ мужемъ, слова неласковаго отъ него не слыхала, взгляду косого не видала. Рекрутскій наборъ подошелъ, забрили его. Себя не помнила Дарья, какъ прощалась со своимъ «соколикомъ». Угнали «соколика», воротилась Дарья изъ города къ свекру въ домъ. Трехъ недѣль не минуло, грамотка издалека при-

шла: не дошелъ ея «соколикъ» до полка своего, заболѣлъ въ какомъ-то городѣ, легъ въ лазаретъ, а оттуда въ сосновый гробъ.

Осталась Дарья Никитична вольной вдовой, дѣтей у ней не было. Баба еще молодая, всего девятнадцать лѣтъ, да такая славная, изъ себя красивая. Немало людей на Дарью заглядывалось, но она хоть и солдатка, какъ есть мірской человѣкъ, но берегла себя строго, умѣла подлипалъ отъ себя подальше спроваживать. Пришла бѣда, откуда она и не чаяла: толкнулъ бѣсъ свекра въ ребро, навелъ на него искушеніе; зачалъ старый молодую сноху на любовь склонять, отходу ей не даетъ, ровно пришилъ его кто къ сарафану Никитичны. Всѣмъ хотѣлъ свекоръ взять, и лаской и тоской, да сноха крѣпка была: супротивъ грѣха выстояла. Невтерпежъ однако стало ей, свекрови пожаловалась, а та ей: «Да мнѣ-то что? Я старуха старая, въ эти дѣла вступаться не могу, а ты свекра должна почитать, потому что онъ всему дому голова и тебя поитъ, кормитъ изъ милости». Пришло Никитичнѣ житье хуже собачьяго, свекоръ колотитъ, свекровь ругаетъ, деверья смѣются, невѣстки да золовки поѣдомъ ѣдятъ. Терпѣла Дарья такую долю съ полгода, извелась даже вся, на себя стала непохожа. Не хватило терпѣнья, ушла въ чужи люди работой кормиться.

Куда-нибудь подальше хотѣлось ей, чтобъ и вѣстей до нея не долетало ни про сквернаго свекра, ни про лютую свекровь, ни про злыхъ невѣстокъ и золовокъ. Пошла въ городъ Никитична. Тамъ къ богатому барину пристроилась, въ коровницы нанялась. Съ годъ за коровами ходила, потомъ въ судомойки на кухню ее опредѣлили, на подмогу привезенному изъ Москвы повару. Баринъ того повара у какого-то московскаго туза въ карты выигралъ. Пошелъ поваръ въ тысячѣ рубляхъ, но знающіе люди говорили, что тузу не грѣхъ бы было и подороже Петрушку поставить, потому что дѣло свое онъ зналъ на рѣдкость: въ Англійскомъ клубѣ учился, самъ Рахмановъ *) раза два его одобрялъ. Проживъ при томъ поварѣ годовъ шесть либо семь, Никитична къ дѣлу присмотрѣлась, всему научилась и стала большой помогой Петрушкѣ. Межъ тѣмъ воспитанникъ Англійскаго клуба сталъ запивать, кушанье готовилъ хуже да хуже, кончилъ тѣмъ, что накапунѣ барыниныхъ именинъ сбѣжалъ со двора. Такъ и сгинулъ. Ходили потомъ слухи, будто онъ къ матерямъ въ скиты лыжи

*) Извѣстный московскій любитель покушать, проѣвшій нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ.

навострилъ, тамъ въ стару вѣру перешелъ, и что матери потомъ спровадили его въ надежное мѣсто: къ своимъ, за Дунай. На такія спроваживанья бѣглыхъ людей за Дунай-рѣку большія мастерицы бывали матери келейницы. Пошлютъ бѣглаго съ письмомъ къ знакомому человѣку, тотъ къ другому, этотъ къ третьему, да такъ за границу и выпроводятъ.

Остался баринъ безъ повара, гости на именины позваны, обѣда готовить некому. Чтó тутъ станешь дѣлать? Принимай срамъ отъ гостей. Но выручила барина Никитична, такой обѣдъ ему состряпала, что самъ Рахмановъ, отвѣдавъ того обѣда, облизалъ бы пальчики. Съ той поры стала Никитична за хорошее жалованье у того барина жить, потомъ въ другой домъ перешла еще побогаче, тамъ еще больше платы ей положили. И жила она въ поварихахъ безъ малагo тридцать годовъ. А деньгу копить мастерица была: какъ стала изъ силъ выходить, было у нея ломбардными билетами больше трехъ тысячъ на ассигнаціи. «Ну, — подумала тогда Никитична: — будетъ въ чужихъ людяхъ жить, надо свой домишко заводить». Хоть родину добромъ поминать ей было нечего, — кромѣ бѣдъ да горя Никитична тамъ ничего не вѣдала, — а все же тянуло ее на родную сторону: не осталась въ городѣ жить, пріѣхала въ свою деревню Ключову. Поставила Никитична домикъ о край деревни, обзавелась хозяйствомъ, отыскала гдѣ-то троюродную племянницу, взяла ее вмѣсто дочери, вспоила, вскормила, замужъ выдала, зятя въ домъ приняла и живетъ теперь себѣ, не налюбуется на маленькихъ внучатъ, привязанныхъ къ бабушкѣ больше, чѣмъ къ родной матери.

Хоть ни въ чемъ не нуждалась Никитична, но всегда не только съ охотой, но съ большою даже радостью ѣзжала къ городовымъ купцамъ и къ деревенскимъ тысячникамъ столы строить, какіе нужны бывали: именинные аль свадебные, похоронные аль поминальные, либо на случай пріѣзда важныхъ гостей. Ѣзжала Никитична и къ матерямъ обительскимъ обѣды готовить, когда, бывало, послѣ Макарья купцы богатые, скитскіе «благодѣтели», наѣдутъ къ матерямъ погостить, побáловать, да кстати и Богу помолиться. Привыкнувъ къ стряпнѣ да къ столовымъ хлопотамъ, скучно, бывало, становилось Никитичнѣ, коли долго ее ставить столы никуда не зовутъ.

Изо всѣхъ знакомыхъ городовыхъ купцовъ, изо всѣхъ заволжскихъ тысячниковъ, ни къ кому у ней сердце такъ не лежало, какъ къ Патапу Максимычу. Аксинья Захаровна какъ-то въ сродствѣ приходилась ей, и когда еще Никитична по чужимъ людямъ проживала, Патапомъ Максимычемъ оста-

влена не была. Каждый годъ, бывало, онъ ей послѣ Макарья чаю, сахару на цѣлый годъ подаритъ, да платье хорошее, а иной годъ и шубу справитъ, либо деньгами не оставитъ. Добро Никитична помнила твердо. Пошли за ней Патапъ Максимычъ хоть въ полночь, хоть за полночь, хоть во время вьюги-мятелицы, хоть въ трескучій морозъ, хоть въ распутицу, часа не усидитъ, мигомъ въ дорогу сберется и покатитъ къ куманьку любезному. Хоть старымъ костямъ иной разъ и неможется, отъ послуги Патапу Максимычу ни за что не откажется. И все семейство Чапуриныхъ души не чаяло въ доброй, всегда веселой, разговорчивой Никитичнѣ. Кромѣ нужныхъ случаевъ, когда Никитичнѣ въ Осиповкѣ приводилось столы строить, нерѣдко по недѣлямъ и даже по мѣсяцамъ тамъ она гащивала. И, бывало, во время такихъ гостинъ ужъ никакъ невозможно было уговорить старушку, чтобъ она каждый день обѣда не стряпала. Только-что пріѣдетъ, первымъ долгомъ въ стряпущую. Тогда стряпка ужъ прочь ступай, къ печи никого, бывало, не подпуститъ Никитична.

Смерклось и вызвѣздило, когда по скрипучей, отъ завернувшаго подъ вечеръ морозца, дорогѣ къ дому Никитичны пара добрыхъ коней подкатила сани съ кожанымъ лучкомъ, съ суконнымъ, подбитымъ мурашкинскою дубленкой, фартукомъ и съ широкими отводами. Въ синей суконной шубѣ на лисьемъ мѣху, подпоясанный гаруснымъ кушакомъ, въ мерлушчатой шапкѣ, вылѣзъ изъ саней Патапъ Максимычъ и, оставя при лошадяхъ работника, началъ въ ворота стучать. На его стукъ, заливаясь визгливымъ лаемъ, отвѣчали со двора собаки, затѣмъ послышались чьи-то шаги по снѣгу, кто-то окликнулъ пріѣхавшаго, и когда Чапуринъ отозвался, ворота на оба полотна распахнулись.

— Ахъ, батюшка Патапъ Максимычъ,—воскликнулъ Авдей, пріемный сынокъ Никитичны.—Милости просимъ. Пождите маленько, ваше степенство, за свѣчкой сбѣгаю, темненько на дворѣ-то, не зашибиться бы вамъ ненарокомъ.

— Не надо, Авдеюшка, дорога знакомая,—отвѣчалъ Патапъ Максимычъ:—а ты вотъ, голубчикъ, коней-то на дворъ пусти да сѣнца имъ брось. Здорова-ль Никитична?

— Неможетъ, Патапъ Максимычъ, другой день.

— Ой-ли? Что-жъ такое съ ней приключилось?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да Богъ ее знаетъ: то походитъ, то поваляется. Года ужъ, видно, такіе становятся. Великимъ постомъ на седьмой десятокъ перевалитъ,—говорилъ Авдей, провожая гостя.

Дверь изъ горницы отворилась. Авдеева жена молодая,

шустрая бабенка, съ широкимъ лицомъ, вздернутымъ носомъ и узенькими глазками, выбѣжала въ сѣни со свѣчкой.

— Патапъ Максимычъ! По-добру-ль по-здорову? Милости просимъ, — заговорила она.

— Здравствуй, Татьянушка. Что̀ тетка?

— Хвораетъ.

Войдя въ горницу, Патапъ Максимычъ увидалъ однако, что кума любезная, повязанная бѣлымъ платкомъ по головѣ, сама встрѣчаетъ его. Заслышавъ голосъ куманька, не утерпѣла Никитична, встала съ постели и пошла къ нему навстрѣчу.

— Какими судьбами до нашихъ дворовъ? — спрашивала она у Патапа Максимыча.

— Да вотъ, ѣхалъ неподалече и завернулъ, — отвѣчалъ онъ. — Нельзя же куму̀ не навѣдать. И то съ Рождества не видались. Что̀, Божья старушка, неможется, слышь, тебѣ?

— Помирать время подходитъ, куманекъ. Кости всѣ разболѣлись. Ломитъ, тягость такая! — говорила Никитична. — Таня, ставь-ка ты самоваръ да сбери чайку: куманекъ съ холодку-то погрѣется.

— Рано бы помирать-то тебѣ, кумушка, — сказалъ, садясь на лавку, Патапъ Максимычъ. — Пожить надо, внучекъ вырастить, замужъ ихъ повыдать.

— Тебя только послушай, наскажешь, — помаленьку оживляясь, заговорила Никитична. — Аредовы вѣки, что ли, прикажешь мнѣ жить? Дѣло наше бабье: слабъ сосудъ.

— Поживемъ еще, кумушка, поживемъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Выздоравливай. Ну, дѣтокъ твоихъ видѣлъ, внучки-то что̀? Здоровеньки ли?

— Слава Богу. Аннушку за букварь засадила, — молвила Никитична: — «азъ, ангелъ, ангельскій» твердитъ, а Марфуша, какъ бы ты видѣлъ, какая забавная стала, что разсказать нельзя. Спать полегли, да вотъ завтра увидишь.

— Нѣтъ, кумушка, до утра̀ у тебя я не останусь, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Я къ тебѣ всего на часокъ и коней отпрягать не велѣлъ. Въ городъ ѣду. Завтра къ утру надо быть тамъ безпремѣнно.

— Что-й-то, батька, какой нонѣ спесивый сталъ, — возразила Никитична. — Заночевалъ бы, завтра пообѣдалъ бы. Чуть брожу, а для гостя дорогого знатный бы обѣдецъ состряпала. Наши ключовски ребята лося выслѣдили, сегодня загоняли и привезли. Я бы взяла у нихъ лосинаго мясца да такое-бъ тебѣ кушанье состряпала, хоть царю самому на столъ. Рѣдко нонѣ лосей-то стали загонять. Переводятся что-то.

— Спасибо, кумушка, да вѣдь этого звѣря, кажись, по закону ѣсть не заповѣдано, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Чтò ты, окстись! — возразила Никитична. — Вѣдь у лося-то, чай, и копыто раздѣленное, и жвачку онъ отрыгаетъ. Макарія преподобнаго «Житіе» читалъ ли? Далъ бы развѣ Божій угодникъ лося народу ясти, когда бы святыми отцами не было того заповѣдано... Да чтò же про своихъ-то ничего не скажешь? а я, дура, не спрошу. Ну, какъ кумушка поживаетъ, Аксинья Захаровна?

— Ничего, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Клокчетъ себѣ. Дочерей взяли изъ обители, такъ съ ними больше возится.

— Крестница моя чтò, Настасьюшка? какъ поживаетъ?

— Живетъ себѣ. Задурила-было намедни.

— Какъ такъ?..

— Да въ кельи захотѣла, — смѣясь, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Иночество, говоритъ, желаю надѣть. Да ничего, теперь блажь изъ головы, кажись, вышла. Прежде такая невеселая ходила, а теперь совсѣмъ другая стала, — развеселая. Замужъ пора ее, кумушка, вотъ чтò.

— И то правда, куманекъ, — согласилась Никитична. — Вѣдь ей никакъ восемнадцать годковъ минуло?

— Да. Девятнадцатый пошелъ съ осени, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ... Такъ будетъ, — сказала Никитична. — Другой годъ я въ Ключовѣ-то жила, какъ Аксиньюшка ее родила. А прошлымъ лѣтомъ двадцать лѣтъ сполнилось, какъ я домомъ хозяйствую... Да... Сама я тоже подумывала, куманекъ, что пора бы ее къ мѣсту. Не хлѣбъ-соль родительскую ей отрабатывать, а въ дѣвкахъ засиживаться — ой-ой! — нескладное дѣло. Есть ли женишокъ-отъ на примѣтѣ, а то не поискать ли?

— Маленько заведено дѣльцо, кумушка, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Изъ какихъ мѣстъ Господь посылаетъ? Здѣшній, али дальній какой? — спросила Никитична.

— Гдѣ по здѣшнимъ мѣстамъ жениха Настасьѣ сыскать! — спесиво замѣтилъ Чапуринъ. — По моимъ дочерямъ жениховъ здѣсь нѣтъ: токари да кузнецы имъ не пара. По купечеству хорошихъ людей надо искать... Вотъ и выискался одинъ молодчикъ — изъ Самары, купеческій сынъ, богатый: у отца заводы, пароходы, и торговля большая. Снѣжковы прозываются, не слыхала ли?

— Нѣтъ, Снѣжковыхъ не слыхала, — отвѣчала Никитична. — Да вѣдь я низовыхъ-то мало знаю... Видѣлъ онъ крестницу-то?

— Покамѣстъ не видалъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Да вотъ бѣда-то, кумушка, что ты расхворалась.

— А что?

— Да вѣдь я-было затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы звать тебя столъ ради жениха урядить, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — На Аксиньины именины гостить къ намъ съ отцомъ собирается.

— Безпремѣнно буду, — живо подхватила Никитична. — Да какъ же это возможно, чтобы на Настиныхъ смотринахъ да не я стряпала? Умирать стану, а поѣду. Присылай подводу, куманекъ, часу не промѣшкаю... А вотъ что, возьми-ка ты у нашихъ ребятъ лося; знатно кушанье состряпаю, на рѣдкость.

— Пожалуй, — молвилъ Патапъ Максимычъ: — только ужъ ты сама сторгуйся и деньги отдай, послѣ сочтемся. Теперь въ городъ за покупками ѣду, послѣзавтра домой ворочусь и тотчасъ за тобой подводу пришлю. Сама пріѣзжай и лося вези.

— Ладно, хорошо, — сказала Никитична. — А я все насчетъ крестницы-то. Какъ же это, куманекъ, что-то невдомекъ мнѣ: давеча сказалъ ты, что въ монастырь она сбираться вздумала, а теперь говоришь про смотрины. Ужъ не силой ли ты ее выдаешь, не супротивъ ли воли?

— Заправскихъ смотринъ не будетъ, и настоящаго сватовства еще нѣтъ, — сказалъ, уклоняясь отъ прямого вопроса, Патапъ Максимычъ. — Пущай парень съ дѣвкой повидаются, другъ на дружку посмотрятъ. А про сватовство и рѣчи не будетъ. Раньше той зимы свадьбы намъ не играть: и мнѣ времени нѣтъ, и Снѣжковымъ въ разъѣздахъ придется все быть. Настя съ молодцомъ теперь только повидится, а по веснѣ Михайла Данилычъ, женихъ-отъ, еще разъ-другой къ намъ заѣдетъ, — ну, помаленьку и ознакомятся... А что про скиты-то Настасья заговорила, такъ это она такъ... Правная дѣвка твоя крестница... Да ужъ я тебѣ все разскажу, передъ тобой таиться нечего: своя вѣдь, опять же мать крестная... Сказалъ я намедни Настасьѣ, что женихъ у меня для нея припасенъ. Она въ слезы. Ну, подумалъ я, это еще не велика бѣда; какъ дѣвка безъ рёву замужъ выходитъ?.. «Не пойду, говоритъ, за твоего жениха». Пошумѣлъ я. — «У тебя, говорю, воли своей нѣтъ, отецъ съ матерью живы; значитъ, моя воля надъ дѣтищемъ, за кого хочу, за того и выдамъ». Тутъ она и молвила про обѣщанье, дала, дескать, обѣтъ постригъ принять въ обители. А у меня теперь мать Манеоа гоститъ. Думалъ, не она ли дурь въ голову дѣвкѣ набила. Любятъ вѣдь эти игуменьи богатенькихъ родственницъ прилучать... Да какъ разузналъ, вижу, Манеоа тутъ непричинна. Я опять за На-

стасью, хотѣлось допытаться, съ чего она постригъ въ голову себѣ забрала. Опять про жениха рѣчь повелъ. А она, кумушка, какъ брякнетъ мнѣ! Такъ и сняла съ меня голову.

— Что̀ такое? — спросила Никитична.

— Коли, говоритъ, неволить станешь, — «уходомъ», говоритъ, съ первымъ встрѣчнымъ уйду... Подумай ты это, кумушка?.. А?.. Уходомъ?..

— Такъ и сказала? — спросила Никитична, встревожась отъ такихъ вѣстей.

— Такъ и сказала. Уходомъ, говоритъ, уйду, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Да посмотрѣла бы ты на нее въ ту пору, кумушка. Диву дался, сначала не зналъ, какъ и говорить съ ней. Гордая передо мной такая стоитъ, голову кверху, слезъ и въ заводѣ нѣтъ, говоритъ какъ рѣжетъ, а глаза какъ уголья, такъ и горятъ.

— Отцова дочка, — усмѣхнувшись, замѣтила Никитична. — Въ тятеньку уродилась... Такъ у васъ, значитъ, коса на камень нашла. Дальше-то что̀ было?

— Ужъ я лаской съ ней: вижу, окрикомъ не возьмешь, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Молвилъ, что про свадьбу годъ цѣлый помину не будетъ, жениха, молъ, покажу, а годъ сроку даю на раздумье. Смолкла моя дѣвка, только все еще невеселая ходила. А на другой день одумалась, съ утра бирюкомъ глядѣла, къ обѣду такъ и сіяетъ, пышная такая стала да радостная.

— А ты дѣвку-то не больно ломай, — молвила Никитична. — Лаской больше бери да уговорами, на упрямое слово не серчай, на противное не гнѣвайся.

— И то по ней все говорю, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Боюсь, въ самомъ дѣлѣ не надѣлала бы чего. Голову, кумушка, сниметъ!.. Проходу тогда мнѣ не будетъ.

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ — успокаивала его Никитична. — Много-ль гостей-то звалъ?

— Да, окромѣ Снѣжковыхъ, Ивана Григорьича съ Груней, удѣльнаго голову, еще кой-кого, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Мнѣ всего больше того хочется, кумушка, чтобъ Снѣжковымъ показать, какъ мы въ нашихъ захолустьяхъ живемъ. Хоть, дескать, на болотѣ сидимъ, а мохомъ не обросли. Не загордились бы, коли Богъ велитъ въ родствѣ быть. Такъ ужъ ты порадѣй, такой столъ уряди, какой у самыхъ первыхъ генераловъ бываетъ. Снѣжковъ-отъ Данила Тихонычъ купецъ первостатейный, въ городскихъ головахъ сидѣлъ, у губернаторовъ обѣдывалъ, у самого царя во дворцѣ, сказываетъ, въ Питерѣ бывалъ. Порядки, стало-быть, знаетъ. Такъ ужъ ты лицомъ въ грязь не ударь. Денегъ не жалѣй, управь

только все на самую хорошую руку. Чего въ городѣ покупать? Сказывай, записывать стану.

Сидя за чаемъ, а потомъ за ужиномъ, битый часъ протолковалъ Патапъ Максимычъ съ Никитичной, какіе припасы и напитки искупить надо. И про Настю кой-что еще потолковали. Наконецъ, когда все было переговорено и записано, Патапъ Максимычъ поѣхалъ изъ Ключова, чтобъ съ развѣтомъ быть въ городѣ.

Глава девятая.

Шуринъ Патапа Максимыча, Никифоръ, былъ дрянь человѣкъ. Что̀ это былъ за собинка, того довольно сказать, что «волкомъ» его прозвали, — а хуже, позорнѣй такого прозвища въ лѣсахъ за Волгой нѣтъ. Волкъ — это въ конецъ проворовавшійся мужикъ, всенародно осрамленный, опозоренный, котораго по деревнямъ своего околотка водили въ шкурѣ украденной имъ скотины, сопровождая бранью, побоями, хохотомъ и стукомъ въ печные заслоны и сковороды. Много мірскихъ побоевъ за воровскія дѣла принялъ Микешка, да мало, видно, бока у него болѣли: полежитъ недѣльку-другую, поохаетъ, помается, да, оправившись, опять за воровской промыселъ да за пьянство. Просто сказать — отпѣтой человѣкъ.

А вѣдь, кажется, былъ изъ семьи хорошей. Родители были честные люди, хоть не тысячники, а прожили вѣкъ свой въ хорошемъ достаткѣ. Жили они въ удѣльномъ селѣ Скоробогатовѣ. Отецъ Никифора, Захаръ Колотухинъ, пряжу скупалъ по Ячменской волости, гдѣ не только бабы да дѣвки, но и всѣ мужики по зимамъ за гребнемъ сидятъ. Продавая пряжу въ Пучежѣ да въ Городцѣ, хорошіе барыши онъ получалъ и доволенъ былъ житьемъ-бытьемъ своимъ. Дѣтей у Колотухина всего только двое было, сынъ да дочь — красныя дѣти, какъ въ деревняхъ говорится. Растили родители Никифора, уму-разуму учили, на всякое добро наставляли, какъ слѣдуетъ, да, видно, ужь на роду было ему писано быть не справнымъ хозяиномъ, а горькимъ пьяницей и воромъ отъявленнымъ. Уродается иной разъ у хорошаго отца такое чадушко, что отъ него только горе да безчестье: роду поношенье, всему племени вѣчный покоръ.

Аксинья Захаровна старше брата была. Еще дѣвочкой отдали ее въ Комаровскій скитъ къ одной родственницѣ, бывшей въ одной изъ тамошнихъ обителей головщицей праваго крылоса; жила она тамъ въ холѣ да въ нѣгѣ, думала и на̀ вѣкъ келейницей быть, да подвернулся молодой, красивый парень,

Патапъ Максимычъ Чапуринъ... Сошлись, ознакомились, онъ на нее не наглядится, она на него не надышится, рѣшили, что жить розно имъ не приходится, и кончилось тѣмъ, что Патапъ Максимычъ сманилъ дѣвку, увезъ изъ скита и обвѣнчался съ нею уходомъ. Прошло года три, мать Аксиньи Захаровны померла, въ одночасье остались въ дому отецъ старый вдовецъ да сынъ холостой молодецъ. Какъ жить безъ бабы?.. Никоимъ образомъ нельзя, безъ хозяйки весь домъ прахомъ разсыплется... И задумалъ Захаръ Колотухинъ самъ жениться и сына женить. Ужъ невѣсты были выбраны, и сваты приготовлены, обѣ свадьбы «честью» хотѣли справлять, да вдругъ Захаръ занедужился, недѣльку-другую помаялся и отдалъ Богу душу.

Остался Никифоръ надо всѣмъ отцовскимъ добромъ самъ себѣ голова. Не больно жалѣлъ онъ родителя, схоронилъ его, ровно съ поля убрался; живи, значитъ, теперь на своей волѣ, припѣваючи. Про невѣсту и думать забылъ, житье повелъ пространное, развеселое. Въ городъ поѣхалъ, всѣ трактиры спозналъ, обзавелся друзьями-пріятелями, помогли они ему въ скорости растранжирить родительски денежки. Прогулявъ деньги, лошадей да коровъ спустилъ, потомъ изъ дому помаленьку сталъ продавать, да года два только и дѣла дѣлалъ, что съ базара на базаръ ѣздилъ: по субботамъ въ Городецъ, по воскресеньямъ въ Катунки, по понедѣльникамъ въ Пучежъ, такъ цѣлу недѣлю, бывало, и разъѣзжаетъ, а недѣля прошла, другая пришла, опять за тѣ же разъѣзды. Сказывалъ людямъ Никифоръ Захарычъ, что по торговымъ дѣламъ разъѣзжаетъ, а на самомъ дѣлѣ изъ кабака въ кабакъ метался, только на разумѣ и было, что гульба да бражничанье. Впрочемъ, кромѣ сидѣнья въ кабакахъ, у Никифора и другія дѣла водились: гдѣ орлянку мечутъ, онъ ужъ тутъ какъ тутъ; гдѣ гроши на жеребьевую выпивку кусаютъ да изъ шапки вынимаютъ, Никифоръ первый; драка случится, озорство ли какое, безобразье на базарѣ затѣется, первый заводчикъ непремѣнно Никифоръ Захарычъ. До того скоро дошелъ, что и пить стало не на что, пришлось чѣмъ-нибудь на выпивку денегъ добывать. И пошелъ нашъ Никифоръ на сухомъ берегу рыбу ловить: день въ кабакѣ, а ночь по клѣтямъ, что̀ плохо лежитъ, то добыча ему. Въ конецъ проворовался, но сколько разъ въ кражѣ его ни примѣчали, все увертывался. Иной разъ только боками отвѣтитъ, отпустятъ его мужики еле жива. Почешется-почешется, да опять за чужимъ добромъ. Нельзя же — цѣловальникъ въ долгъ не даетъ.

А душа была у него предобрая. Кто не обижалъ, тому радъ

былъ услужить всячески. Пожаръ ли случится, Никифоръ первый на помощь прибѣжитъ, бывало, въ огонь такъ и суется, пожитки спасаючи, и тутъ ужъ на него положиться было можно: хоть недѣлю капельки вина во рту не бывало, съ пожару желѣзной пуговицы не снесетъ. Душъ пять на своемъ вѣку изъ огня выхватилъ, да изъ Волги человѣкъ семь. Бывало, только заслышитъ въ рѣкѣ крики: «Батюшки, тону! Подайте помощь, православные!..» — мигомъ въ воду... А плавалъ Микешка, какъ окунь, подплыветъ, бывало, къ утопающему, перелобанитъ его кулакомъ, что̀ есть мочи, оглушитъ до безпамятства, чтобы руками не хватался и спасителя вмѣстѣ съ собой не утопилъ, да, схвативъ за волосы — на берегъ. Разъ этакъ спасъ бурлака, что̀ съ барки упалъ, на глазахъ самого губернатора. Губернаторъ велѣлъ Никифора къ себѣ позвать, похвалилъ его, записалъ имя и сказалъ ему:

— За твой человѣколюбивый подвигъ, за спасенье погибающаго, къ серебряной медали тебя представлю.

— А велика-ль та медаль, ваше превосходительство? — спросилъ Микешка.

— Въ полтинникъ, — отвѣчалъ удивленный такимъ вопросомъ генералъ.

— Такъ не будетъ ли такой милости, ваше превосходительство, — сказалъ Никифоръ: — чтобъ теперь же мнѣ выдали полтинникъ тотъ въ руки, я бы съ «крестникомъ» выпилъ за ваше здоровье, а то еще жди, пока вышлютъ медаль. А вѣдь все едино — пропью же.

Разъ, подъ пьяную руку, женился Никифоръ. Проживала въ селѣ Скоробогатовѣ солдатка-вдова. Маврой звали ее. Разбитная была, на всѣ руки. Извѣстно дѣло, солдатка — мірской человѣкъ, кто къ ней въ келью зашелъ, тотъ и хозяинъ. Когда у Никифора еще деньги водились и домъ еще не пропитъ былъ, связалась она съ нимъ и задумала вокругъ него покорыстоваться. Чѣмъ въ тѣсной кельенкѣ жить на задворицѣ, невпримѣръ лучше казалось ей похозяйничать въ хорошемъ, просторномъ дому. Загулялъ разъ съ ней Микешка, пили безъ просыпу три дня и три ночи, а тутъ въ Скоробогатово «проѣзжающій священникъ» наѣхалъ, то-есть, попросту сказать, бѣглый раскольничій попъ. Говоритъ Мавра Микешкѣ:

— Соколикъ мой ясный, голубчикъ, Микешенька, возьми меня за себя.

— И безъ того со мной живешь, — отвѣчалъ Никифоръ. — Будетъ съ тебя.

— Лучше будетъ, ненаглядный ты мой... Кусъ ты мой са-

харный, уста твои сладкія, золотая головушка, невпримѣръ лучше намъ по закону жить, — приставала Мавра. — Теперь же вотъ и отецъ Онисимъ наѣхалъ, пойдемъ къ нему, повѣнчаемся. Зажили-бъ мы съ тобой, голубчикъ, припѣваючи: у тебя домикъ и всякое заведеніе, да и я не бесприданница, — тоже безъ ужина спать не ложусь, — кой-что и у меня въ избенкѣ найдется.

— Какое у тебя приданое? — смѣясь, сказалъ солдаткѣ Никифоръ. — Ну, такъ и быть, подавай росписи: липовы два котла, да и тѣ сгорѣли до тла, сережки двойчатки изъ ушей лѣсной матки, два полотенца изъ березова полѣнца, да одѣяло стёгано алаго цвѣту; а ляжешь спать, такъ и его нѣту, сундукъ съ бѣльемъ да невѣста съ бѣльмомъ. Нѣтъ, такихъ мнѣ не надо — проваливай!

— Да полно, голубчикъ ты мой сизокрылый, не ломайся, Микешенька, — ублажала его Мавра. — Ужъ какъ же мы съ тобой бы зажили!..

— Да поди ты къ бѣсу на повѣть, окаянная! — крикнулъ Никифоръ, плюнувъ чуть не въ самую невѣсту. — Ишь, прости Господи, привязалась. Пошла вонъ изъ избы!

— Я бы тебѣ, Микешенька, во всемъ угождала, слушалась бы каждаго твоего словечка; всѣмъ бы тебя успокоила, ты бы у меня какъ сыръ въ маслѣ катался, — продолжала уговоры свои Мавра, поднося Никифору Захарычу стаканчикъ за стаканчикомъ.

Не устоялъ Никифоръ Захарычъ супротивъ водки да солдаткиныхъ уговоровъ. Самъ не помнилъ, какъ въ избу сватовья-сосѣди нагрянули и сволокли жениха съ невѣстой къ бѣглому попу Онисиму.

Проснулся поутру Никифоръ, Мавра возлѣ него, волосы ему приглаживаетъ, сама приголубливаетъ:

— Сокровище ты мое безцѣнное, муженекъ мой золотой, ясный соколикъ ты мой!

— Что̀ ты, свинья тупорыла! Съ похмелья, что-ль, угорѣла? Какой я тебѣ мужъ? — закричалъ Никифоръ, вскочивъ съ постели.

— Какъ, какой мужъ? — молвила Мавра. — Извѣстно, какой мужъ бываетъ: вѣнчанный! Богъ да попъ меня вчерась тебѣ отдали.

— Вонъ изъ избы! Чтобъ духу твоего не было... Ишь кака жена выискалась... Уйди до грѣха, не то раскрою, — закричалъ еще не совсѣмъ проспавшійся Никифоръ, схвативъ съ шестка полѣно и замахнувшись на новобрачную.

— Матушки мои!.. Голубушки!.. Да что-жъ это со мной,

горькою, дѣлается?.. — зачала во всю ивановскую причитать Мавра. — Да и чѣмъ же я тебѣ, Микешенька, досадила?.. Да и чѣмъ же я тебя, желанный, прогнѣвала?

Хватилъ Никифоръ полѣномъ по спинѣ благовѣрную. Та повалилась и на всю деревню заверещала. Сбѣжались сосѣди — вчерашніе сваты. Стали завѣрять Никифора, что онъ вечòръ прямымъ дѣломъ съ Маврой повѣнчался. Не вѣритъ Никифоръ, ругается, на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Да сходи къ попу, — говорятъ сватовья. — Спроси у него, попъ не совретъ, да и мы свидѣтели.

Сбѣгалъ Никифоръ къ попу. И попъ тѣ же рѣчи сказываетъ. Дѣлать нечего. Попъ свяжетъ, никто не развяжетъ, а жена не гусли, поигравши, ее не повѣсишь. Послалъ за виномъ, цѣло ведро новобрачные со сватами роспили. Такъ и повалились, гдѣ кто сидѣлъ.

Проспались. Никифоръ опять воевать. Жену избилъ, и сватовьямъ на калачи досталось, къ попу пошелъ и попа оттрепалъ: «Зачѣмъ, говоритъ, пьяный пьянаго вѣнчалъ?» Только и стихъ, какъ опять напился.

Желтенькое житье Маврѣ досталось. Не ждала она такой жизни, не думала, чтобы силой да обманомъ взятый мужъ такимъ лютымъ сдѣлался. Чтò день — то таска, чтò ночь — потасовка. Одной печи у Мавры на спинѣ не бывало. Только и отдохнетъ, какъ мужъ по дальнимъ кабакамъ уѣдетъ гулять. А изъ дому Никифоръ ея не гналъ. «Что-жъ дѣлать, говаривалъ, какая ни на есть жена, а все-таки Богомъ дана, нельзя-жъ ее изъ дому гнать». Тогда только ушла отъ него Мавра, какъ онъ и домъ и все, чтò въ домѣ, до тла прогулялъ, не стало у него ни кола ни двора. Сбѣжала Мавра къ цѣловальнику, прежнему пріятелю, сѣла въ кабакѣ жареной печенкой торговать.

Скучно какъ-то стало Никифору, что давно жены не колотилъ. Пришелъ въ кабакъ да, не говоря худого слова, хвать Мавру зà косы. Та заголосила, ругаться зачала, сама драться лѣзетъ. Цѣловальникъ вступился.

— Какъ ты смѣешь, — говоритъ Никифору: — въ казенномъ мѣстѣ буянить? Какъ ты смѣешь вольну солдатку бить?.. Она тоже, говоритъ, человѣкъ казенный.

— Какъ такъ казенная? — закричалъ Никифоръ. — Она жена моя вѣнчанная. Мое добро, сколько хочу, столько и колочу.

— Да чортъ, что ли, меня съ тобой вкругъ пенька на болотѣ вѣнчалъ? — закричала Мавра, поправляя раскосмаченную голову.

— Не чортъ, а батюшка, отецъ Онисимъ, — отвѣчалъ озадаченный жениными словами Никифоръ.

— А въ какой это церкви онъ вѣнчалъ меня съ тобой? Въ какомъ приходѣ? — кричала Мавра на все село. — Гдѣ свадьба наша записана?.. Въ какихъ книгахъ?.. Ну-ка, докажи!

— Сама знаешь, что отецъ Онисимъ проѣзжающій былъ.

— А ну-ка, докажи! — кричала Мавра. — А ну-ка, докажи! Какіе-такіе проѣзжающіе попы?.. Что̀ это за проѣзжающіе?.. Я церковница природная, никакихъ вашихъ бѣглыхъ раскольницкихъ поповъ знать не знаю, вѣдать не вѣдаю... Да знаешь ли ты, что за такія слова въ острогъ тебя упрятать могу?.. Вишь какой мужъ выискался!.. Много у меня такихъ мужьевъ-то бывало!.. И знать тебя не хочу, и не кажи ты мнѣ никогда пьяной рожи своей!..

Нечего тутъ взять, коли баба и отъ попа отчурялась.

— Ну, — крикнулъ Микешка съ горькимъ чувствомъ цѣловальнику: — такъ, видно, дѣлу и быть. Владѣй, Ѳаддей, моей Маланьей!.. А чапуруху, своякъ, поставь... Расшибемъ полштофика!.. Выпьемъ!.. Плачу̀ я... Гуляемъ. Мавра Исаевна!.. А ну-ка, отрѣжь печенки... Ишь чортъ какой, дома, небось, такой не стряпала!.. Эхъ, погинула въ конецъ моя головушка!.. Пой пѣсню, Маврушка, ставь вина побольше, своякъ!

Ужъ какъ, кажется, ни колотилъ Никифоръ жены своей, ужъ какъ, кажется, ни постыла она ему была за то, что сама навязалась на шею и обманомъ повѣнчалась съ нимъ, а жалко стало ему Мавры, полюбилась тутъ она ему съ чего-то. Проклятаго разлучника, скоробогатовскаго цѣловальника, такъ бы и прошибъ до̀-смерти...

Маврѣ было все равно. Ей хоть сейчасъ съ татариномъ ли, съ жидомъ ли повѣнчаться, а Микешка по старой вѣрѣ былъ крѣпокъ. Частенько потомъ случалось, что въ надеждѣ на богатаго зятя, Патапа Максимыча, къ нему въ кабакахъ приставали вольны дѣвицы да мірскія вдовицы: обвѣнчаемся, молъ. У Микешки одинъ отвѣтъ на таки рѣчи бывалъ:

— Запросто гулять давай, а вѣнчаться нельзя. Попъ вѣнчалъ, а изъ жены душа не вынута.

Съ ломомъ красть ходить да съ отмычками — дѣло опасливое, разомъ въ острогъ угодишь. Да и то сказать: забравшись въ чужу клѣть, вору хозяйское добро не оцѣнивать стать. А безъ того умному вору нельзя, коли онъ знаетъ законъ. Хорошо, какъ на двадцать на девять цѣлковыхъ подъ руку подвернется, бѣда не велика. По старому закону за это спиной только, бывало, воръ отвѣчаетъ. А какъ, по неопытности, за-

разъ на тридцать загребетъ, да поймаютъ съ поличнымъ: по тому же закону — Сибирь, поселенье. И воровать-то надо сноровку знать: занадобится сто рублей, умному вору, чтобъ дома остаться, надо въ четыре пріема красть. Микешка это разумѣлъ и оттого воровалъ по мелочи. Надоѣли однако мірскіе побои добру молодцу, принялся онъ за «волчій промыселъ». Тутъ нескоро попадешься.

За Волгой нѣтъ особыхъ пастбищъ и выгоновъ. Скотъ все лѣто по лѣсу пасется. Конямъ нарочно боталы да глухари *) на шею надѣваютъ, чтобъ, когда понадобится лошадь хозяину, по звону ее скорѣй можно было сыскать. Коровы да овцы въ лѣсахъ ужъ такъ пріучены, что цѣлый день по лѣсу бродятъ, а къ вечеру сами домой идутъ. Пастуховъ за Волгой въ заводѣ нѣтъ. Въ прежнее время слыхомъ не было слыхано, чтобы гдѣ-нибудь лошадь угнали, хоть она безпастушно паслась. Дальше на сѣверъ и досель эта добрая старина держится. По Заволжью лошадей тогда только начали красть, какъ учредили особую должность комиссаровъ по пресѣченію конокрадства **). Должно-быть, ворамъ стало совѣстно, что ради нихъ особыхъ чиновниковъ наслали, и они даромъ казенно жалованье берутъ. Не пропадай же даромъ казна государева — давай и мы лошадокъ красть.

А коровъ да овецъ иной разъ изъ лѣсу воры прежде уводили. Такихъ воровъ «волками» народъ прозвалъ. Эти «волки» съ руками накроютъ, бывало, въ лѣсу коровенку либо овцу, тутъ же зарѣжутъ да на возъ и на базаръ. Шкуру снимутъ, особо ее продадутъ, а мясо задешево промышленникамъ сбудутъ, тѣмъ, что солонину на бурлаковъ готовятъ. Промыселъ этотъ невпримѣръ безопаснѣй, чѣмъ хожденье по чужимъ клѣтямъ да амбарамъ. Рѣдко «волка» выслѣживали. Но если такого вора на дѣлѣ застанутъ, тутъ же ему мужики расправу чинятъ самосудомъ, по старинѣ. Выпорютъ сначала розгами, сколько лозановъ влѣзетъ, снимутъ съ зарѣзанной скотины шкуру, отъ крови не омытую, надѣваютъ на вора и въ такомъ нарядѣ водятъ его изъ деревни въ деревню со звономъ въ сковороды и заслоны, гиканьемъ, бранью и побоями. Дѣлается это въ праздничные дни, и за воромъ, которому со времени

*) Ботало въ родѣ деревяннаго колокола, а глухарь или бухарь—металлическій или полый шаръ, въ который до заклепки кладутъ камешекъ. Это въ родѣ большого бубенчика.

**) Этихъ чиновниковъ (теперь должность комиссаровъ упразднена) обыкновенно звали «конокрадами». Что въ Заволжьѣ конокрадство, дотолѣ неслыханное, началось съ учрежденія этой должности, вовсе для того края ненужной (въ сороковыхъ годахъ), это положительный фактъ.

этой прогулки дается прозванье «волка», сбирается толпа человѣкъ во сто. Послѣ того человѣкъ тотъ навѣкъ опозоренъ. Какую хочешь праведную жизнь веди, все его «волкомъ» зовутъ, и ни одинъ порядочный мужикъ на дворъ его не пуститъ. . . . .

Пропившійся Никифоръ занялся волчьимъ промысломъ, но дѣла̀ свои и тутъ неудачно повелъ. Разъ его на базарѣ накрыли, въ другорядь на коровѣ. Послѣдній-то разъ случилось неподалеку отъ Осиповки. Каково же было Патапу Максимычу съ Аксиньей Захаровной, какъ мимо дому ихъ вели братца любезнаго со звономъ да съ гиканьемъ, а молодые парни «волчью пѣсню» во все горло припѣвали:

Какъ у нашего волка
Исколочены бока,
Его били, колотили,
Еле жива отпустили.
А вотъ волка ведутъ,
Что̀ Микешкой зовутъ,
У! у! у!
Микешкѣ волку
Будетъ на холку!
У! у! у!
Не за то волка бьютъ,
Что сѣръ родился,
А за то волка бьютъ,
Что барана съѣлъ,
Онъ коровушку зарѣзалъ,
Свиньѣ горло перегрызъ.
Ой, ты, волкъ!
Сѣрый волкъ!
Микешкина рожа
На волка похожа.
Тащи волка живьемъ,
Колоти его дубьемъ!

Сколь ни силенъ, сколь ни могучъ былъ въ своемъ околоткѣ Патапъ Максимычъ, не могъ ничего сдѣлать для выручки шурина. Ни грозой, ни просьбой, ни деньгами тутъ ничего не подѣлаешь. Обычай хранятъ, чинъ справляютъ — мѣшать да перечить тутъ нельзя никому.

Раза три либо четыре Патапъ Максимычъ на свои руки Микешку бралъ. Чего онъ ни дѣлалъ, чтобъ направить шурина на добрый путь, какъ его ни усовѣщевалъ, какъ ни бранилъ, ничѣмъ не могъ пронять. Аксинья Захаровна даже ненавидѣть стала брата, несмотря на сердечную доброту свою. Совѣстно было ей за него, и часто грѣшила она: просила на молитвѣ Бога, чтобъ послалъ онъ поскорѣй по̀ душу непутнаго брата.

Съ Крещенскаго сочельника, когда Микешка вновь принятъ

былъ зятемъ въ домъ, онъ еще капли въ ротъ не биралъ и работалъ усердно. Только работа его не спорилась: руки съ перепоя дрожали. Подъ конецъ взяла его тоска — и выпить хочется, и погулять охота, а выпить не на что, погулять не въ чемъ. Укралъ бы что̀, да по приказу Аксиньи Захаровны зорко смотрятъ за нимъ. Наверхъ Микешкѣ ходу нѣтъ. Племянницъ еще не видалъ: Аксинья Захаровна заказала братцу любезному и близко къ нимъ подходить.

На другой день послѣ отъѣзда Патапа Максимыча въ городъ за покупками, все утро до самаго обѣда бродилъ Микешка изъ мѣста въ мѣсто. Такая на него тоска напала, что хоть руки на себя наложить. Сосетъ его за сердце винный червякъ. За стаканъ водки руку на отсѣченье бы съ радостью отдалъ. И у того и у другого работника Христа ради просилъ онъ гривенничекъ опохмелиться, но отъ Патапа Максимыча было строго-на̀строго заказано: ни подъ какимъ видомъ гроша̀ ему не давать. Съ тоски да съ горя Микешка, самъ не зная зачѣмъ, забрелъ въ нижнее жилье дома и тамъ въ сѣняхъ, передъ красильнымъ подклѣтомъ, завалился въ уголокъ за короба̀ съ посудой. Тамъ лежалъ онъ, въ сотый разъ передумывая, какъ бы раздобыться деньжонками, хоть двугривеннымъ какимъ-нибудь, чтобы сбѣгать въ Захлыстинскій кабакъ и, отведя тамъ душу, воротиться, пока не пріѣхалъ еще домой Патапъ Максимычъ.

Обѣдать работники пошли. Въ ту пору никто въ красильный подклѣтъ, кромѣ хозяина, не заглядывалъ, а его не было дома. Фленушка то̀тчасъ смекнула, что выпалъ удобный случай провести Настѣ съ полчасика вдвоемъ съ Алексѣемъ. Шепнула ему, чтобъ онъ, какъ только работники по избамъ обѣдать усядутся, шелъ бы въ красильный подклѣтъ.

Алексѣй долго ждать себя не заставилъ. Только зашабашили работники, онъ сказалъ, что ему, по хозяйскому приказу, надо пересмотрѣть остальные короба съ посудой и за̀свѣтло отослать ихъ на пристань, и отправился въ подклѣтъ.

— Настенька моя, красавица! — говорилъ Алексѣй, встрѣчая ее крѣпкими объятьями и страстными поцѣлуями. — Давно-ль мы, кажись, съ тобой видѣлись, а по мнѣ ровно годы съ той поры прошли. Яблочко ты мое наливчатое, ягодка ты моя красная!

— И я совсѣмъ стосковалась по тебѣ, Алеша, — прижимаясь къ милому, молвила Настя. — Только и думы у меня, что про тебя, дружочекъ мой.

— Какъ бы вовсе намъ не разставаться, моя ясынька! — молвилъ Алексѣй, обнимая Настю.

Длиннымъ - длиннымъ поцѣлуемъ поцѣловала его Настя. Не до разговоровъ было... Глядя другъ на друга, все забыли они. Вздохи смѣнялись поцѣлуями, поцѣлуи вздохами.

Крѣпко сжималъ Алексѣй въ объятьяхъ дѣвушку. Настя какъ-то странно смѣялась, а у самой слезы выступали на томныхъ глазахъ. Въ сладкой сердечной истомѣ она едва себя помнила. Алексѣй шепталъ свои мольбы, склонясь къ ней...

Когда трепетная, поблѣднѣвшая Настя вышла въ сѣни, ее встрѣтила Фленушка.

— Ну что̀? — спросила она.

Настенька припала къ плечу подруги и заплакала...

— Ну, пойдемъ, пойдемъ, — молвила Фленушка. — Здѣсь еще навернется кто-нибудь.

И увлекла ее въ свѣтелку.

Алексѣй оставался нѣсколько времени въ подклѣтѣ. Его лицо сіяло, глаза горѣли. Нескоро могъ онъ успокоиться отъ волненія. Оправившись, пошелъ въ сѣни короба̀ считать.

Передвигая коробъ за коробомъ, увидалъ притаившагося за ними Микешку.

— Что̀ тутъ дѣлаешь? — крикнулъ на него Алексѣй. — Развѣ тебѣ мѣсто тутъ?

Микешка всталъ и, глупо улыбаясь, сказалъ Алексѣю:

— Съ праздникомъ проздравить честь имѣемъ.

— Какой тутъ праздникъ за коробами нашелъ? — строго сказалъ ему Алексѣй. — Убирайся на свое мѣсто.

— Мое, братъ, мѣсто завсегда при мнѣ, — отвѣчалъ Микешка. — Аль не знаешь, какой я здѣсь человѣкъ? Хозяйскій шуринъ, Аксиньѣ Захаровнѣ братъ родной. Ты не смотри, что я въ отрёпьѣ хожу... — свысока заговорилъ Микешка и вдругъ, понизивъ голосъ и кланяясь, сказалъ: — Дай, Алексѣй Трифонычъ, двугривенничекъ!

— Ступай, ступай, откуда пришелъ, не то Патапу Максимычу скажу, — говорилъ Алексѣй, выгоняя изъ сѣней Микешку. — Да ступай же, говорятъ тебѣ.

— Дай двугривенный, такъ сейчасъ уйду! — настойчиво сказалъ Микешка.

— Убирайся. Честью тебѣ говорятъ, а то смотри, я вѣдь и въ зашей.

— Меня въ зашей! Помни же ты это слово!

— Ну, ладно, ладно, проваливай!

— Помни, а я не забуду, — ворчалъ Микешка, уходя на дворъ. — Вишь дѣвушникъ какой! А она-то, спасённица-то! Ну, дѣвка! Ай да Фленушка!..

Микешка видѣлъ изъ-за коробовъ, какъ въ подклѣтъ вхо-

дилъ Алексѣй, видѣлъ и Фленушку. Больше ничего не видалъ. Думалъ онъ, что Алексѣй ходилъ съ келейной бѣлицей въ подклѣтъ на тайное свиданье.

Въ домѣ Патапа Максимыча наканунѣ именинъ Аксиньи Захаровны съ ранняго утра всѣ суетились. Самого хозяина не было дома: уѣхалъ на сосѣдній базаръ посмотрѣть, не будетъ ли вывезено подходящей ему посуды. У оставшихся дома семейныхъ возни, суетни у каждаго было по горло. Аксинья Захаровна съ дочерьми и съ Фленушкой, подъ руководствомъ Никитичны, прибирала переднія горницы къ пріему гостей: мебель вощили, зеркала виномъ обтирали, въ окнахъ чистыя занавѣски вѣшали. Наканунѣ изъ города привезли Чапурину двѣ горки краснаго дерева за стеклами, ихъ помѣстили по угламъ. Аксинья Захаровна вынимала изъ сундуковъ серебряную и фарфоровую посуду, приготовленную дочерямъ въ приданое, Настя и Параша разставляли ее каждая въ своей горкѣ. Патапъ Максимычъ каждый разъ, какъ бывалъ въ Москвѣ иль у Макарья, привозилъ дочерямъ цѣнные подарки, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ накопилось ихъ довольно. Ожидая въ гости жениха, онъ, бывши послѣдній разъ въ городѣ, купилъ въ мебельной лавкѣ горки, чтобы всѣ свои подарки выставить на показъ. Знали бы, дескать, Снѣжковы, что дочери у него не безприданницы.

Весело уставляла Настя «свою» горку серебромъ и фарфоромъ, даже пѣсенку запѣла. Слѣдовъ не видно было прежней тоски.

Аксинья Захаровна въ суетахъ изъ силъ выбилась.

— Охъ, родная ты моя, — говорила она Никитичнѣ, садясь на стулъ и опуская руки: — моченьки моей не стало, совсѣмъ измучилась...

— Да не суетись ты, Аксиньюшка, — отвѣчала ей Никитична. — Вѣдь только такъ, даромъ толчешься, сидѣла бы себѣ въ спокоѣ. И безъ тебя все украсимъ, какъ слѣдуетъ.

— Какъ же это возможно — отвѣчала хозяйка. — Сама не приглядишь, все шиворотъ-на-выворотъ да вонъ на тараты пойдетъ... А послѣ за ихнюю дурость принимай отъ гостей срамъ да окрикъ отъ Патапа Максимыча... Сама знаешь, родная, какіе гости у насъ будутъ! Надо, чтобы все было прибрано показистѣе.

— Не твое это дѣло, Аксиньюшка. Предоставили мнѣ, одна и управлюсь, тебя не спрошу. Чать, не впервые, — сказала Никитична.

— Такъ-то такъ, ужъ я на тебя, какъ на каменну стѣну

надѣюсь, кумушка, — отвѣчала Аксинья Захаровна. — Безъ тебя хоть въ гробъ ложись. Да нельзя же и мнѣ руки-то сложить. Вотъ умница-то, — продолжала она, указывая на работницу Матрену: — давеча у меня всѣ полы перепортила бы, коли-бъ не доглядѣла я во̀-время. Крашены-то полы дресвой вздумала мыть... А вотъ что̀, кумушка, хотѣла я у тебя спросить: на нонѣшній день къ ужину-то что̀ думаешь гостямъ сготовить? Безъ хлѣба безъ соли нельзя же ихъ спать положить.

— Да что̀ сготовить? — съ разстановкой стала говорить Никитична. — Буженины косякъ да стерлядокъ разваримъ, индѣйку жареную, и будетъ съ нихъ.

— А похлебку-то?

— Никакой похлебки не надо. Не водится, — отвѣчала Никитична.

— Какъ же это за ужинъ безъ варева сѣсть? Ладно ли будетъ? — съ недоумѣньемъ спросила Аксинья Захаровна.

— Ты ужъ не безпокойся, не твое дѣло, — отвѣчала Никитична.

— Такъ-то такъ, родная, да больно боюсь я, чтобъ корить послѣ не стали, — говорила Аксинья Захаровна. — Ну, а на завтра, на обѣдъ-отъ, что̀ ты состряпаешь?

— Уху сварю, — отвѣчала Никитична. — Хорошихъ стерлядокъ добылъ Патапъ Максимычъ, живы еще и теперь, у меня въ лохани полощутся. Послѣ ухи кулебяку подамъ, потомъ лося, что̀ изъ Ключова съ собой привезла, осетра разваримъ, рябковъ въ соусѣ сготовимъ, жареныхъ индюшекъ, а послѣ всего сладкій пирогъ съ вареньемъ.

— Не маловато ли будетъ? — сказала Аксинья Захаровна. — Ты бы ужъ дюжинку кушаньевъ-то состряпала.

— Больше не надо, — отвѣчала Никитична. — Выдай-ка мнѣ напитки-то, я покамѣстъ ихъ разберу.

— Пойдемъ, пойдемъ, родная, разбери; тутъ уже я толку совсѣмъ не разумѣю, — сказала Аксинья Захаровна и повела куму̀ въ горницу Патапа Максимыча. Тамъ на полу стоялъ привезенный изъ города большой коробъ съ винами.

— Ну, ты поди, управляйся съ полами, — сказала Никитична Аксиньѣ Захаровнѣ: — а ко мнѣ крестницу пришли. Мы съ ней разберемъ.

Аксинья Захаровна вышла. Весело вбѣжала въ горницу Настя.

— Развязывай коробъ-отъ, Настенька, — сказала Никитична. — Давай разбирать.

Настя развязала коробъ и стала подавать бутылку за бу-

тылкой. Внимательно разсматривая каждую, Никитична разставляла ихъ по сортамъ.

— Чтой-то съ тобой творится, Настя? Ровно ты не въ себѣ? — сказала она.

— Ничего, крестненька, — весело отвѣчала Настя, но, замѣтивъ пристальный взглядъ, обращенный на нее крестной матерью, покраснѣла, смѣшалась.

— Меня, старуху, красавица, не обманешь, — говорила Никитична, смотря Настѣ прямо въ глаза. — Вижу я все. На людяхъ ты рѣзвая, такъ и юлишь, а какъ давеча одну я тебя подсмотрѣла, стоишь грустная да печальная. Отчего это?

— Никакой нѣтъ у меня грусти, крестненька, — отвѣчала смущенная Настя. — Тебѣ показалось.

— Не обманывай меня, Настя. Обмануть крестну мать — грѣхъ незамолимый, — внушительно говорила Никитична. — Скажи-ка мнѣ правду истинную, какіе у васъ намедни съ отцомъ перекоры были? То въ кельи захотѣлось, то, гляди-ка-сь, слово какое махнула: «уходомъ»!

У Насти отъ сердца отлегло. Сперва думала она, не узнала-ль чего крестненькая. Межъ дѣвками за Волгой, особенно въ скитахъ, ходятъ толки, что иныя старушки, по какимъ-то примѣтамъ, узнаютъ, сохранила себя дѣвушка аль потеряла. Когда Никитична, пристально глядя въ лицо крестницѣ, настойчиво спрашивала, что̀ съ ней подѣлалось, пришло Настѣ на умъ, не умѣетъ ли и Никитична дѣвушекъ отгадывать. Оттого и смутилась. Но, услыхавъ, что крестная рѣчь завела о другомъ, то̀тчасъ оправилась.

— А! успѣли ужъ пожалобиться! — съ досадой сказала она. — А коли ужъ все тебѣ разсказано, мнѣ-то зачѣмъ еще пересказывать?.. Жениха на базарѣ мнѣ заготовилъ!.. Да я не таковская, замужъ неволей меня не отдашь... Не пойду за Снѣжкова, хоть голову съ плечъ. Сказала: уходомъ уйду... Такъ и сдѣлаю.

— А какъ нагонятъ? — молвила Никитична: — какъ поймаютъ? Отъ твоего родителя мудрено уходомъ уйти. Подначальнаго народу у него сколь?.. Коли такое дѣло и впрямь бы случилось, сколько деревень въ погоню онъ разошлетъ!.. Со дна моря вынутъ...

— Тогда руки на себя наложу, — твердо и рѣшительно сказала Настя. — Ножъ припасу, на тятиныхъ глазахъ и зарѣжусь... Ты еще не знаешь меня, крестненька: коль я что̀ рѣшила, тому такъ и быть... Одинъ конецъ.

— Полно, а ты полно, Настенька, — уговаривала ее Ники-

тична. — Чтой-то какая ты въ самомъ дѣлѣ стала?.. А можетъ, этотъ Снѣжковъ и хорошій человѣкъ?

— Онъ тятѣ по торговлѣ хорошъ, — съ усмѣшкой молвила Настя. — Дѣла вишь у него со старикомъ какія-то есть; ради этихъ дѣловъ и надо ему породниться... Выдавай Парашу: — такая же дочь!.. А ей все одно: хоть за попа, хоть за козла, хоть за дубовый пень. А я не изъ таковскихъ.

— Не гнѣви, Настенька, отца съ матерью. Грѣхъ, — сказала Никитична.

— Ничѣмъ я ихъ не прогнѣвила, — сказала Настя. — Во всемъ покорна, а насчетъ этого — ну ужъ нѣтъ. Силкомъ за немилаго замужъ меня не выдадутъ.

— За немилаго! — усмѣхнулась Никитична. — А за милаго пойдешь?

— Еще бы нейти! — улыбнувшись, отвѣтила Настя.

— Не завелся ли такой? — лукаво поглядывая на крестницу, спросила Никитична.

— Да ты, крестненька, отъ себя это спрашиваешь? — сложивъ накрестъ руки и нахмуривъ брови, спросила Настя: — аль, можетъ, тятенька велѣлъ тебѣ мысли мои вывѣдывать?

— Извѣстно, сама отъ себя, — отвѣчала Никитична. — Развѣ я чужая тебѣ? Не носила, не кормила, а все же мать. Жалѣючи тебя спрашиваю.

Неправду сказала Никитична. Еще въ Ключовѣ Патапъ Максимычъ просилъ ее выпытать у Насти, не завелась ли у ней зазнобушка. «Въ скиту вѣдь жила, — говорилъ онъ: — а тамъ дѣвки вольныя, и народу много туда наѣзжаетъ».

Настя немного подумала и съ твердостью сказала, какъ отрѣзала:

— Коли ты, крестненька, отъ себя спрашиваешь, такъ я одно тебѣ слово скажу: «нѣтъ». Больше у меня и не спрашивай. А коль велѣно тебѣ мои мысли спознать, такъ скажи имъ вотъ что̀: вздумаютъ силой замужъ отдавать, свяжусь съ самымъ лядащимъ изъ тятиныхъ работниковъ... Сама навяжусь, забуду стыдъ дѣвичій... Не онъ меня выкрадетъ, я его уходомъ къ попу сведу... Самаго лядащаго, слышишь?.. Такъ и скажи... Кто всѣхъ пьянѣй, кто всѣхъ вороватѣй, того и возьму въ полюбовники... Жаль, что съ дядей вѣнчаться нельзя, а то бы вышла и за нашего пропойцу.

— Ахъ, Настенька, Настенька! — качая головой, сказала Никитична. — Въ умѣ ли ты?

— Покуда въ умѣ, — отвѣтила Настя. — А пойдутъ супротивъ воли моей, рѣшусь ума и такихъ дѣловъ настряпаю, что только ахнуть... Не то что уходомъ вѣнчаться сбѣгу, къ самому поскудному работнику ночевать уйду... Вотъ что̀!

Глава десятая.

Въ Осиповкѣ еще огней не вздували. По всей деревнѣ мужички, лежа на полатяхъ, сумерничали; бабы, сидя по лавкамъ, возлѣ гребней дремали; ребятишки смолкли, гурьбой забившись на̀ печи. На улицахъ ни души.

А у Патапа Максимыча въ домѣ всѣ на ногахъ. Въ горницахъ и въ сѣняхъ огни горятъ, въ передней, гдѣ гостямъ сидѣть, на каждомъ окошкѣ по двѣ семитки лежитъ, и на каждой курится монашенка *). Всѣ домашніе разодѣты попраздничному. Особенно нарядно и богато разодѣта Настасья Патаповна. Въ шелковомъ пунцовомъ сарафанѣ съ серебряными золочеными пуговками, въ пышныхъ батистовыхъ рукавахъ, въ ожерельѣ изъ бурмицкихъ зеренъ и жемчугу, съ голубыми лентами въ косахъ, роскошно падавшихъ чуть не до колѣнъ, она была такъ хороша, что глядѣть на нее — не наглядишься... Но что-то недоброе порой пробѣгало на хмуромъ лицѣ ея. Не суетилась Настя, какъ прочіе, но и на мѣстѣ не сидѣла. То къ окну подойдетъ, то въ свѣтлицу сходитъ, то на кресло сядетъ; и все такъ порывисто, какъ бы со зломъ какимъ. Говорятъ ей что-нибудь, не отвѣтитъ, либо скажетъ что̀ невпопадъ. Глядя на дочь, Аксинья Захаровна только руками по поламъ хлопаетъ, а Патапъ Максимычъ исподлобья сурово поглядываетъ; но, помня прошлое, себя сдерживаетъ, словечка не вымолвитъ, ходитъ себѣ взадъ да впередъ по горницѣ, поскрипывая новыми сапогами.

Первымъ изъ гостей прикатилъ Иванъ Григорьичъ. Частой, дробной рысцой парочка кругленькихъ, соловыхъ вятокъ подвезла къ растворенпымъ настежь воротамъ Чапурина уютныя легкія санки-катунки, казанской работы, промежъ расписныхъ вязковъ обитыя нѣмецкимъ желѣзомъ. Въ санкахъ, рядомъ съ сѣдоватымъ кумомъ, сидѣла красивая молодая женщина въ малиновой шелковой шубкѣ съ большимъ куньимъ воротникомъ, голова у ней укутана была голубымъ ковровымъ платкомъ. То была жена Ивана Григорьича — Аграфена Петровна, не родная, да и не чужая Патапу Максимычу — дочка его богоданная.

Иванъ Григорьичъ Заплатинъ былъ тоже изъ заволжскихъ тысячниковъ. Верстахъ въ пятнадцати отъ Осиповки, на краю «чищи», что̀ полосой тянется вдоль лѣваго волжскаго берега, подъ самой «раменью» **), проживалъ онъ въ небольшой де-

---

*) Курительная свѣчка.

**) По лѣвому берегу Волги тянется безлѣсная полоса верстъ въ

ревушкѣ домовъ въ двадцать, Вихорево прозывается. Какъ Чапуринъ верховодилъ въ Осиповкѣ, такъ Иванъ Григорьичъ въ своемъ Вихоревѣ. Эта деревня да еще съ дюжину окольныхъ круглый годъ на него работали и звали Заплатина своимъ «хозяиномъ». А занимаются по тѣмъ мѣстамъ дѣломъ валенымъ.

У Заплатина при домѣ было свое заведенье: въ семи катальныхъ баняхъ десятка полтора наемныхъ батраковъ зиму и лѣто стояло за работой, катая изъ поярка шляпы и валеную обувь. Въ окрестныхъ деревняхъ на него же мягкій товаръ валяли. Кто ѣзжалъ зимней порой по той сторонѣ, тотъ видалъ, что тамъ въ каждомъ дому по скатамъ тесовыхъ кровель, лицомъ къ сѣверу, рядами разложены сотни, тысячи бѣлыхъ валенокъ, а передъ домами стоитъ множество «суковатокъ» *), у каждой десятка по два рогулей, и на каждой рогулинѣ по валенку виситъ. Это мягкій товаръ проморaживаютъ, чтобъ бѣло да казисто на покупателя смотрѣлъ. Изъ катальныхъ бань то и дѣло выскакиваютъ босые, съ головы до пояса обнаженные, распотѣлые работники. Прокатится парень кубаремъ по снѣгу, прохладится и назадъ въ баню за работу. А изъ распахнутыхъ настежь дверей каталенъ паръ, какъ дымъ пожарный, валитъ, осѣдая по застрѣхамъ хлопками густой, бѣлой куржевины. За сотню деревень такимъ промысломъ кормятся.

Въ прежнее время Иванъ Григорьичъ больше по шляпной части занимался. Лѣтъ сорокъ тому назадъ заволжскіе катальщики чуть не на всю великорусскую сельщину шляпы работали. Валяли они и тотъ «шляпокъ», что изстари въ ходу по Тверской и Новгородской сторонамъ — съ низенькой прямой тульей, — и ярославскую «верховку», такую же низенькую, но съ тульей раструбомъ. Въ Суздальскую сторону, на Ветлугу, на Вятку, въ Пермь и на Волжское низовье работали шляпы гречушникомъ «съ подхватцемъ» либо «съ пе-

---

20—25 шириной. Здѣсь въ старину былъ лѣсъ; остатки пней мѣстами сохранились, но онъ давно или вырубленъ, или истребленъ пожарами и буреломами. Эта полоса зовется *чищею*. *Раменью* называется окраина лѣсовъ, прилегающихъ къ чищѣ. *Красная рамень* — окраина лѣса хвойнаго: сосны, ели, лиственницы; *черная рамень* — окраина лиственнаго лѣса. Есть за Волгой мѣстности, которымъ свойственны названія Красной Рамени и Черной Рамени, какъ собственныя имена. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, есть большія населенныя пространства, носящія названія Красной и Черной Раменей.

*) Суковатка — семи-восьмигодовалая елка, у которой облуплена кора и окорочены сучья, въ видѣ рогулекъ. Суковатку ставятъ въ сугробъ комлемъ кверху и на рогульки развѣшиваютъ валенки.

реломомъ»; для Московской стороны «шпилёкъ московскій», на Рязань, на Тулу и дальше къ Украйнѣ «шпилёкъ ровный» да «кашники». Большимъ подспорьемъ шляпной торговлѣ бурлаки въ прежнее время бывали. Для нихъ шляпу на особую стать за Волгой валяли, ни дать ни взять, какъ тѣ низенькія, мягкія шляпы, что̀ теперь у горожанъ въ моду вошли. И татарамъ за Волгой бѣлыя шляпы валяли. Хоть иной катальщикъ и брезговалъ такой работой: грѣховное, дескать, дѣло христіанскія руки поганить, катая шляпу на бриту башку басурманина, но такихъ немного бывало, потому что «татарка» товаръ сходный, никогда, бывало, не залежится. Много денегъ за Волгой шляпой добывали, немало досужихъ работниковъ шляпа въ люди вывела, тысячниками поставила. Теперь не то. Все это было, да давно и сплыло, а что̀ не сплыло, то быльемъ поросло.

Совсѣмъ подошла теперь шляпа заволжская. Хоть брось совсѣмъ. Спросъ малый, сбыту вовсе почти не стало. Годовъ тридцать тому назадъ какой-то кантауровецъ *) ушелъ на житье въ Тверскую сторону и тамъ, гдѣ-то около Торжка, завелъ родимый свой заволжскій промыселъ. Сразу разбогатѣлъ. Новые сосѣди стали у того кантауровца перенимать валеное дѣло, до того и взяться за него не умѣли; разбогатѣли ли они, нѣтъ ли, но за Волгой съ той поры «шляпка̀» да «верховки» больше не валяютъ, потому что спросу въ Тверскую сторону вовсе не стало, а по другимъ мѣстамъ шляпу̀ тверского либо ярославскаго образца ни за что на свѣтѣ на̀ голову не надѣнутъ — смѣшно, дескать, и зазорно. Съ легкой руки кантауровца и другіе заволжа̀не по чужимъ сторонамъ пошли счастья искать и развели дѣдовскій промыселъ по дальнимъ мѣстамъ. Спросу на шляпу за Волгой отъ того стало еще меньше. А тутъ пароходы на Волгѣ завелись, убили бурлачество, тогда и бурлацкой шляпѣ пришелъ конецъ. А больше всего бѣдъ надѣлалъ картузъ. Вышелъ онъ на Русь изъ Нѣмечины, да не изъ заморской, а изъ своей, изъ той, что̀ лѣтъ сто тому назадъ мы, сами не зная зачѣмъ, развели на лучшихъ мѣстахъ саратовскаго Поволжья. Дешевый картузъ вытѣснилъ болѣе цѣнную стародавнюю шляпу, и осталась она лишь праздничнымъ уборомъ молодежи, да еще степенные, сѣдые мужики пока еще не промѣняли дѣдовскихъ шляпъ на нововводный картузъ.

*) Кантаурово — село на рѣкѣ Линдѣ, за Волгой, верстахъ въ двадцати отъ Нижняго-Новгорода, одинъ изъ центровъ валеночнаго промысла. По имени этого села всѣхъ вообще заволжскихъ катальщиковъ, приготовляющихъ шляпы и валеную обувь, нерѣдко зовутъ кантауровцами.

Хизнулъ за Волгой шляпный промыселъ, но заволжанинъ рукъ отъ того не распустилъ, головы не повѣсилъ. Сапоги да валенки у него остались, сталъ калоши горожанамъ работать по нѣмецкому образцу, дамскія ботинки, полусапожки да котики, охотничьи сапоги до пояса, — хорошо въ нихъ на медвѣдя по сугробамъ ходить, — да мало-ль чего еще ни придумалъ досужій заволжанинъ.

Иванъ Григорьичъ вотъ какой промыселъ тогда произвелъ. Разъ, будучи у Макарья, зашелъ по какому-то дѣлу къ знакомому барину. Погода стояла дождливая. Выходя изъ дому вмѣстѣ съ Иваномъ Григорьичемъ, баринъ велѣлъ подать себѣ непромокаемое пальто. Иванъ Григорьичъ полюбопытствовалъ, пощупалъ невиданное имъ дотолѣ пальто, видитъ, дѣло-то валеное, значитъ, сподручное, спросилъ у барина, гдѣ онъ добылъ такую вещь, и, по его указанью, купилъ у заѣзжаго на ярмарку чужеземца непромокаемое пальто, далъ чуть ли не четвертную. Воротясь въ Вихорево, принялся Иванъ Григорьичъ по иноземному образцу пальто работать, вышло ничѣмъ не хуже, зато вшестеро дешевле. Медаль получилъ на выставкѣ. Вихоревскія пальто спервоначалу шибко пошли въ ходъ, только ненадолго: зазорно стало господамъ мужицкаго дѣла одёжу носить — подавай хоть поплоше да подороже, да чтобъ было не свое, а нѣмецкое дѣло... Азямы тогда сталъ работать Иванъ Григорьичъ непромокаемые — эти пошли.

Жилъ Иванъ Григорьичъ, на Бога не жаловался. Всего у него было вдосталь. Скупая валеный товаръ по окрестностямъ и работая въ своемъ заведеніи, каждый годъ онъ его не на одну тысячу сбывалъ у Макарья и кромѣ того самъ на Низъ много валеной обуви сплавлялъ. Въ Нижнемъ у него лавка была, приказчикъ въ ней круглый годъ сидѣлъ, да на ярмаркѣ двѣ лавки нанималъ. Мельница-крупчатка на Линдѣ у него стояла, о десяти поставахъ была. На послѣднихъ годахъ пароходъ кабестанный завелъ: пароходъ звался «Вихоремъ», забѣжка «Заплатой». Тысячъ въ семьдесятъ на серебро обошелся.

Съ Патапомъ Максимычемъ Заплатинъ съ малолѣтства дружилъ. Оба изъ одной деревни: старикъ-отъ Заплатинъ тоже былъ осиповскій и въ шабрахъ проживалъ съ Максимомъ Чапуринымъ. Патапушка да Ванюшка съ ребятишками вмѣстѣ на улицѣ въ козны да въ городки игрывали, у келейницы Капитолины вмѣстѣ грамотѣ обучились, вмѣстѣ въ люди вышли. Схоронивъ отца съ матерью, Иванъ Григорьичъ не пожелалъ оставаться въ Осиповкѣ, а, занявшись по валеному дѣлу, изъ рамени въ чищу перебрался, гдѣ было ему невпри-

мѣръ вольготнѣе, потому что народъ тамъ больше этимъ промысломъ жилъ. Но, выселившись изъ Осиповки, въ прежней любви съ Чапуринымъ остался. Жили они послѣ того три десятка лѣтъ ладно и совѣтно; никогда промежъ нихъ сѣрая кошка не пробѣгала. Не разъ другъ друга изъ бѣды выручали, не разъ помощь въ-пору — во-время другъ другу подавали. Дай Господи роднымъ братьямъ въ такомъ согласьѣ жить, въ какомъ жили осиповскій тысячникъ съ вихоревскимъ. И семейные ихъ межъ себя тоже какъ родные были.

Испоконъ вѣку народъ говоритъ: жена добрая, домовитая во сто кратъ цѣннѣй золота, невпримѣръ дороже камня самоцвѣтнаго. Правдиво то русское извѣчное слово; правду его Иванъ Григорьичъ на себѣ спозналъ. Хозяйка у него была молодая, всего двадцати двухъ лѣтъ, но такое сокровище, что дай Богъ всякому доброму человѣку. Свѣжая, здоровая, изъ себя пригожая, Аграфена Петровна вотъ ужъ пятый годъ живетъ за нимъ замужемъ и, хоть Иванъ Григорьичъ больше чѣмъ вдвое старше ея, любитъ сѣдого мужа всей душой, денно и нощно благодаря Создателя за счастливую долю, ей посланную. Ясное, веселое лицо Аграфены Петровны вѣрнѣй всякихъ рѣчей говорило, что нѣтъ у нея ни горя на душѣ ни тревоги на сердцѣ. Тихо и мирно проходила жизнь этой любящей и всѣми любимой женщины. Всегда спокойная, никогда ничѣмъ невозмутимая, краснымъ солнцемъ сіяла она въ мужниномъ домѣ, и куда вчужѣ ни показывалась, вездѣ ей были рады, какъ свѣтлому гостю небесному. Куда ни войдетъ, всюду внесетъ съ собою миръ, ладъ, согласье и веселье. При ней и мрачные старики, угрюмо на постылый свѣтъ глядѣвшіе, юнѣли и, будто сбросивъ десятокъ годовъ съ плечъ долой, становились мягче, добрѣй и привѣтливѣй. Никогда не слыхать было при ней пересудовъ, ни злыхъ попрековъ, ни лихихъ перекоровъ. Какъ достигла Аграфена Петровна такого вліянія на всѣхъ ею знаемыхъ, сама не знала, и другіе не вѣдали. Какъ-то само собой вышло, а когда началось и съ чего зачалось, никто бы не сумѣлъ и отвѣта дать. «Такая ужъ молодица: отъ Бога ей дано»,—говорили сосѣди, когда спрашивали у нихъ, отчего при женѣ Заплатина ни злословить ни браниться и ничего недобраго никто сдѣлать не можетъ. Самый вздорный человѣкъ, самый охочій до ссоръ и брани стихалъ на глазахъ кроткой разумницы и потомъ самъ на сторонѣ говорилъ, что при Аграфенѣ Петровнѣ вздорить никакъ не приходится.

Росла она круглой сиротой, но святый Божій покровъ всегда былъ надъ нею. За молитвы, видно, родительскія не довелось

Грунѣ извѣдать горечи и тяги, неразлучныхъ съ сиротскою долей. Съ младенческой колыбели до брачнаго вѣнца никогда почти не знавала она ни бѣдъ ни печалей, а принявъ вѣнецъ, рай въ мужнинъ домъ внесла и царила въ немъ. *Почти* не знала бѣдъ и печалей, но не совсѣмъ же онѣ были ей невѣдомы. Безъ горя, безъ печали, что̀ безъ грѣха, человѣку вѣка не изжить. И надъ Груней, еще дѣвочкой, внезапно грозой разразилась бѣда тяжкая, и пришлась бы она ребенку не подъ силу, если-бъ не нашлось добрыхъ людей, что̀ любовью своей отвели грозу и наполнили мирнымъ счастьемъ душу дѣвочки.

Отецъ ея былъ хоть не изъ великихъ тысячниковъ, но все же достатки имѣлъ хорошіе и жилъ душа въ душу съ молодой женой, утѣшаясь, не нарадуясь на подраставшую Груню. Дѣти у нихъ не жили, одну ее сохранилъ Господь, и крѣпко любили родители бѣлокудрую дочку свою. Девять годовъ Грунѣ на Купальницу исполнилось, чрезъ мѣсяцъ послѣ именинъ ея поѣхали отецъ съ матерью къ Макарью — тамъ у нихъ въ Щепяномъ ряду на Пескахъ, что̀ у Стрѣлки, лавка была. Взяли они съ собой и маленькую дочку. Такъ они ее любили, что ни за какія блага не покинули-бъ въ деревнѣ съ домовицей, чтобъ потомъ, живучи въ ярмаркѣ, день и ночь думать да передумывать, не случилось ли чего недобраго съ ненаглядной ихъ дочуркой.

Годъ былъ тяжелый: смерть по̀ людямъ ходила. Холера на ярмаркѣ валила народъ. У Грунина отца въ одинъ день двое молодцовъ заболѣло, свезли ихъ въ Мартыновскую, оттоль къ Петру-Павлу *). Прошелъ день-другой, разомъ у Груни отецъ съ матерью заболѣли, ихъ тоже въ больницу свезли. Одна-одинешенька, середь чужихъ людей, осталась въ лавкѣ девятилѣтняя Груня. Урвавшись какъ-то отъ сосѣднихъ торговцевъ, Христа ради приглядывавшихъ маленько за дѣвочкой, она, не пивши, не ѣвши, цѣлый день бродила по незнакомому городу, отыскивая больницу; наконецъ, выбившись изъ силъ, заночевала въ кустахъ волжскаго откоса. Поутру, чуть еще брезжило, голодная дѣвочка ужъ стояла и плакала у воротъ Мартыновской больницы. Сторожа не пускали ее на дворъ. Долго лежала она подъ солнечнымъ припекомъ, громко рыдая и умоляя пустить ее къ отцу съ матерью. Сторожа для порядка гнали Груню прочь отъ больничныхъ воротъ и сказали, что ни тятьки ни мамки у ней больше нѣтъ, что до̀

*) Городская больница въ Нижнемъ называется «Мартыновскою»; кладбище городское называется «у Петра и Павла», по церкви, тамъ находящейся.

свѣту обоихъ на кладбище стащили. Несмотря на угрозы, бѣдная Груня все-таки прочь отъ больницы не шла...

Тогда взглянулъ Господь на сироту милосердымъ окомъ и послалъ къ ней добраго человѣка.

Провѣдалъ одинъ ярмарочный торговецъ изъ-за Волги, что въ Щепяномъ ряду выморочная лавка явилась и въ ней одинъ-одинешенекъ малый ребенокъ остался. Спросилъ у сосѣдей той выморочной лавки, куда дѣвалась сирота — никто не знаетъ. Бросилъ свое дѣло добрый человѣкъ и пустился на розыски. Отыскалъ онъ Груню у воротъ больницы и взялъ сиротинку въ домъ свой. Вспоилъ, вскормилъ ее и воспиталъ наравнѣ съ родными дочерями, ни на волосъ ихъ отъ богоданной дочки не отличая. И благословеніе Божіе почило на добромъ человѣкѣ и на всемъ домѣ его: — въ семь лѣтъ, что̀ прожила Груня подъ кровомъ его, седмерицею достатокъ его увеличился, изъ зажиточнаго крестьянина сталъ онъ первымъ богачомъ по всему Заволжью. То былъ осиповскій тысячникъ, Патапъ Максимычъ Чапуринъ.

Двумя-тремя годами Груня была постарше дочерей Патапа Максимыча, какъ разъ въ подружки имъ сгодилась. Выростая вмѣстѣ съ Настей и Парашей, она сдружилась съ ними. Добрымъ, кроткимъ нравомъ, любовью къ подругамъ и привязанностью къ богоданнымъ родителямъ такъ полюбилась она Патапу Максимычу и Аксиньѣ Захаровнѣ, что тѣ считали ее третьей своей дочерью.

— Слушай, Аксинья, — говорилъ хозяйкѣ своей Патапъ Максимычъ: — съ самой той поры, какъ взяли мы Груню въ дочери, Господь видимо благословляетъ насъ. Сиротка къ намъ въ домъ счастье принесла, и я такъ въ мысляхъ держу: что̀ ни подалъ намъ Богъ, за нее, за голубку, все подалъ. Смотри-жъ у меня — не ровенъ часъ, всѣ подъ Богомъ ходимъ, коли вдругъ пошлетъ мнѣ Господь смертный часъ и не успѣю я насчетъ Груни распоряженья сдѣлать, ты безъ меня ее не обидь.

— Чего ты только ни скажешь, Максимычъ! — съ досадой отвѣтила Аксинья Захаровна. — Ну, подумай, умная ты голова, возможно развѣ обидѣть мнѣ Грунюшку? Въ утробѣ не носила, своей грудью не кормила, а все-жъ я ей мать, и сердце у меня лежитъ къ ней все едино, какъ къ рожонымъ дочерямъ. Всѣ мои три дѣвоньки заодно лежатъ на̀ сердцѣ.

— Знаю про то, Захаровна, и вижу, — продолжалъ Патапъ Максимычъ: — я говорю для того, что ты баба. Стары люди не съ вѣтру сказали: «баба что̀ мѣшокъ: что̀ въ него положишь, то и несетъ». И потому, что ты есть баба, значитъ,

разумомъ не дошла, то, какъ меня не станетъ, могутъ тебя люди разбить. Мало-ль есть въ міру завистниковъ? Впутаются не въ свое дѣло и все вверхъ дномъ подымутъ.

— Да что̀ ты въ самомъ дѣлѣ, Максимычъ, дура, что ли, я повитая? Послушаюсь я злыхъ людей, обижу я Грунюшку? Да никакъ ты съ ума спятилъ? — заговорила, возвышая голосъ, Аксинья Захаровна, утирая рукавомъ выступившія слезы. — Обидчикъ ты этакой, право, обидчикъ!.. Какое слово про меня молвилъ!.. По̀ сердцу ровно ножомъ полоснулъ!.. Бога нѣтъ въ тебѣ!.. Право, Бога нѣтъ!..

— А ты горла-то зря не распускай, — въ свою очередь возвысивъ голосъ, сказалъ ей Патапъ Максимычъ. — Молчи да слушай... Ну же, не хныкать, покуда не бита, чтобъ я не видалъ бабьихъ слезъ!.. Слушай, что̀ приказывать стану... слова не смѣй проронить; все въ точности исполни!.. Богъ дастъ, женихи станутъ къ Грунѣ свататься и къ дочерямъ — приданое всѣмъ поровну. Что̀ Настасьѣ, что̀ Прасковьѣ, то и Грунѣ... Слышишь?.. А помремъ мы съ тобой, весь домъ и все добро, что̀ останется, тоже на три доли поровну... Помни же завѣтъ мой, изъ ума его не выкладывай. Не то моимъ костямъ въ гробу покоя не будетъ. Не будь Настасьѣ съ Прасковьей родительскаго моего благословенія, коли поровну онѣ съ Груней не подѣлятся. Не мое и не ихне добро, что̀ мы нажили: его Богъ ради Груни послалъ. Такъ я въ разумѣ держу, такъ и ты держи, и дочери такъ же пусть держатъ. Помни же слово мое. А коли послѣ меня, какъ я приказываю, не сдѣлаешь, такъ я тебя... — прибавилъ Патапъ Максимычъ, подымая кверху увѣсистый кулачище. — На томъ свѣтѣ-то... передъ Богомъ на страшномъ судищѣ поставлю... И засудитъ Онъ тебя, засудитъ, — въ адъ кромѣшный пошлетъ, коли Груню обидишь... Да, да... Ты это помни!.. А теперь вотъ что̀, — продолжалъ онъ, значительно понизивъ голосъ послѣ окрику: — на той недѣлѣ, наканунѣ Иванова дня, Груня именинница. Возьми канаусъ, что̀ изъ Астрахани привезенъ, сарафанъ имениннидѣ справь, пуговицы были бы серебряныя. Есть тамъ у тебя... И дочерямъ такіе же сарафаны сшей, канаусу на всѣхъ должно хватить...

Понималъ Патапъ Максимычъ, что̀ за безцѣнное сокровище въ дому у него подрастаетъ. Разумомъ острая, сердцемъ добрая, ко всѣмъ жалостливая, нрава тихаго, кроткаго, росла и красой по̀лнилась Груня. Не было человѣка, кто бы, разъ-другой увидавши дѣвочку, не полюбилъ ея. Дочери Патапа Максимыча души въ ней не чаяли; хоть и немногимъ была постарше ихъ Груня, однако онѣ во всемъ ея слуша-

лись. Ни у той ни у другой никакихъ тайнъ отъ Груни не бывало. Но не судьба имъ была вмѣстѣ съ Груней вырасти.

Только-что Груня заневѣстилась, сталъ Патапъ Максимычъ присматривать хорошаго степеннаго человѣка, на руки котораго, безъ страха за судьбу, безъ опасенья за долю счастливую, можно бы было отдать богоданную дочку.

На ту пору овдовѣлъ Иванъ Григорьичъ. Покинула ему жена троихъ дѣтокъ малъ-мала меньше. Бѣдовое ему настало время: извѣстно, вдовецъ дѣткамъ не отецъ, самъ круглый сирота. Нѣтъ за малыми дѣтьми ни уходу ни призору, нѐ отъ кого имъ услышать того добраго, благодатнаго слова любви, что̀ изъ устъ матери струей благотворной падаетъ въ самыя основы души ребенка и тамъ сѣменами добра и правды разсыпается. Лежатъ тѣ сѣмена глубоко въ тайникѣ души, дожидаясь поры-времени, когда ребенокъ, возмужавъ, выраститъ, выхолитъ ихъ доброй волей и свободнымъ хотѣньемъ... И благо тому, кто сумѣетъ взрастить сѣмена, посѣянныя въ немъ любовью матери — добрый плодъ отъ нихъ выйдетъ. Бѣда, горе великое малымъ дѣткамъ остаться безъ матери, пуще бѣда, чѣмъ пчелкамъ безъ матки. Понималъ это горемычный Иванъ Григорьичъ, и тоской разрывалось сердце его, глядя на сиротокъ.

А тутъ и по хозяйству не попрежнему все пошло: въ дому все по-старому, и затворы и запоры крѣпки, а добро рѣкой вонъ плыветъ, домовая утварь какъ на огнѣ горитъ. Извѣстно дѣло: безъ хозяйки домъ, какъ безъ крыши, безъ огорожи: чужая рука не на то, чтобы въ домъ внести, а чтобъ изъ дому вынесть. Скорбно и тяжко Ивану Григорьичу. Какъ дѣлу помочь?.. Жениться?

Жениться! Легко̀ слово молвить, а сдѣлать какъ? Жениться не мудрость, и дуракъ сумѣетъ, но какъ вдовцу найти жену добрую, хозяйку хорошую, мать чужимъ дѣтямъ? Гдѣ? въ какомъ царствѣ, въ какомъ государствѣ? Мало что-то такихъ водится... Какъ ни разводилъ Иванъ Григорьичъ разумомъ, какъ ни вскидывалъ мыслями на знакомыхъ вдовъ и дѣвушекъ, ни одной мало-мальски подходящей не обыскалось. Одно гребтитъ на умѣ бѣднаго вдовца: хозяйку сыскать не хитрое дѣло, было-бъ у чего хозяйствовать; на счастье попадется, пожалуй, и жена добрая, совѣтная, а гдѣ, за какими морями найдешь родну мать чу̀жу дѣтищу?.. Эхъ, житье вдовца горькое, безталанное!.. Отъ печалей къ немощамъ, отъ немощей къ печалямъ!.. Не подъ стать Ивану Григорьичу слезы точить: голова ужъ заиндивѣла, а слезы стараго и людямъ

смѣшны и себѣ стыдны. Крѣпится Иванъ Григорьичъ, а иной разъ непрошенная слеза бѣжитъ да бѣжитъ по сѣдымъ усамъ.

До гробовой доски, до бѣлаго савана думать бы да передумывать бѣдному горюну, если бы другъ не выручилъ. Тотъ же старый другъ, то же неизмѣнное копье, что̀ и въ прежни года изъ житейскихъ невзгодъ выручалъ, тотъ же Патапъ Максимычъ.

Справивъ сорочины по покойницѣ, сталъ Иванъ Григорьичъ изъ дому по дѣламъ уѣзжать. Еще хуже пошло. Спиридоновна, родственница жены-покойницы, старуха хворая, хозяйствомъ въ дому у него заправляла и за дѣтьми приглядывала. Но не сможетъ она съ домомъ справиться — и хотѣла бы она, да не умѣетъ. Дѣтей любила, да по-своему: въ неряшествѣ Спиридоновна бѣды не видала, а тукманки, думала она, дѣтямъ нужны: умнѣе растутъ... Другой хозяйки Ивану Григорьичу негдѣ взять: родни только и есть, что̀ Спиридоновна, а чужую въ домъ ко вдовцу зазорно ввести. Не по чину, не по обряду; въ добрыхъ людяхъ такъ не водится.

Заѣхалъ разъ Иванъ Григорьичъ въ Осиповку размыкать тоску свою въ совѣтной бесѣдѣ съ другомъ извѣданнымъ. Пора была вечерняя. Въ передней горницѣ вся семья Патапа Максимыча за чаемъ сидѣла. Обѣ дочери и Груня были на ту пору въ Осиповкѣ; изъ обители, куда въ ученье были отданы, онѣ погостить пріѣзжали... Патапъ Максимычъ и Аксинья Захаровна при нихъ завели съ гостемъ бесѣду, толковали про трудное, горемычное житье-бытье его. Настя — тогда ей только-что тринадцать лѣтъ минуло — о чемъ-то пересмѣивалась съ Парашей, а шестнадцатилѣтняя Груня прислушивалась къ рѣчамъ говорившихъ. Отпили чай. Съ громкимъ смѣхомъ Настя съ Парашей прыснули вонъ изъ горницы и побѣжали играть въ огородъ, клича съ собой и Груню, но Груня не пошла съ ними... Усѣлись кумовья за пуншикомъ, Аксинья Захаровна къ нимъ же подсѣла съ шитьемъ, рядомъ съ ней Груня съ вязаньемъ.

— Вотъ и живу я, кумушка, ровно божедомъ въ скудельницѣ, — говорилъ Иванъ Григорьичъ Аксиньѣ Захаровнѣ. — Одинъ какъ перстъ! Сло̀ва не съ кѣмъ перемолвить, умрешь — поплакать некому, помянуть некому.

— Что̀ ты, батька, — возразила Аксинья Захаровна: — дѣтки по родительской душенькѣ помянники.

— Что̀ дѣтки? Малы они, кумушка, еще неразумны,—отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ. — Пропащія они дѣти безъ матери... Нестройно, неукладно въ дому у меня. Не глядѣлъ бы... Все,

кажись, стоитъ на своемъ мѣстѣ, попрежнему; всѣ, кажется, порядки идутъ, какъ шли при покойницѣ, а не то... Пустымъ пахнетъ, кумушка.

— Это такъ,—пригорюнясь, отвѣтила Аксинья Захаровна:— правду говорятъ: безъ хозяйки домъ, что̀ мертвецъ несхороненный.

— Да что̀ домъ! Пропадай онъ совсѣмъ!..—молвилъ Иванъ Григорьичъ.— Не домъ крушитъ меня, — сироты мои бѣдныя. Какъ расти имъ безъ матери!.. Ходитъ за ними Спиридоновна, какъ умѣетъ, усердствуетъ, да развѣ мать?.. Ни приласкать ни приголубить... У отца въ дому, а дѣтямъ горькая доля!.. Призору нѣтъ: пріѣдешь изъ города али съ мельницы: дѣти не умыты, не чесаны, грязныя, оборванныя. При покойницѣ развѣ водилось такъ?.. Недавно провѣдалъ, безъ меня иной разъ голодными спать ложатся. Спиридоновна старуха старая, хворая; гдѣ ей за всѣмъ углядѣть?.. Рада-радешенька до подушки добраться, а работницы народъ вольный. Спиридоновна на боковую, онѣ на супрядки, дѣти-то одни и остались. Того и гляди, что грѣшнымъ дѣломъ искалѣчутся... Горько житье мое, кумушка!

И, склонивъ голову на руку, тяжелымъ вздохомъ вздохнулъ Иванъ Григорьичъ. Слезы въ глазахъ засверкали.

Пристально глядѣла на плачущаго вдовца Груня. Жаль ей стало сиротокъ. Вспомнила, какъ сама, голодная, бродила она по чужому городу.

— Жениться надо, кумъ, вотъ что̀, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Легко сказать, а сдѣлать-то какъ? — отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ.

— Надо искать. Извѣстно дѣло, невѣста сама въ домъ не придетъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Гдѣ ее сыщешь? — печально молвилъ Иванъ Григорьичъ. — Не жену надо мнѣ, мать дѣтямъ нужна. Ни богатства ни красоты мнѣ не надо, дѣтокъ бы только любила, замѣсто бы родной матери была до нихъ. А такую и днемъ съ огнемъ не найдешь. Немало я думалъ, немало на вдовъ да на дѣвокъ умомъ своимъ вскидывалъ. Ни единая не подходитъ... Ахъ, сироты вы мои, сиротки горькія!.. Лучше ужъ вамъ за матерью слѣдомъ въ сыру землю пойти.

— Что̀ ты?.. Христосъ съ тобой!.. Опомнись, куманекъ!..— вступилась Аксинья Захаровна. — Можно-ль такъ отцу про дѣтей говорить?.. Молись Богу да Пресвятой Богородицѣ, не оставятъ... Самъ знаешь: за сиротой самъ Богъ съ калитой.

Долго толковали про бѣдовую участь Ивана Григорьича.

Онъ уѣхалъ; Аксинья Захаровна по хозяйству вышла за чѣмъ-то. Груня стояла у окна и задумчиво обрывала поблекшіе листья розанели. На глазахъ у ней слезы. Патапъ Максимычъ замѣтилъ ихъ, подошелъ къ Грунѣ и спросилъ ласково:

— Что̀ ты, дочка моя милая?

Взглянула Груня на назва̀ннаго отца, и слезы хлынули изъ очей ея.

— Что̀ ты, что̀ съ тобой, Грунюшка? — спрашивалъ ее Патапъ Максимычъ. — О чемъ это ты?

— Сиротокъ жалко мнѣ, тятя, — трепетнымъ голосомъ отвѣтила дѣвушка, припавъ къ плечу назва̀ннаго родителя. — Сама сирота, разумѣю... Пошлетъ ли Господь имъ родную мать, какъ мнѣ послалъ? Голубчикъ тятенька, жалко мнѣ ихъ!..

— Господь возлюбитъ слезы твои, Груня, — отвѣчалъ тронутый Патапъ Максимычъ, обнимая ее: — святые ангелы отнесутъ ихъ на небеса. Сядемъ-ка, голубонька.

И сѣли рядомъ на диванъ.

— Помнишь, что̀ у Златоуста про такія слезы сказано? — внушительно продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Слезы тѣ паче поста и молитвы, и самъ Спасъ пречистыми устами Своими рекъ: «никто же больше тоя любви имать, аще кто душу свою положитъ за други своя»... Добрая ты у меня, Груня!.. Господь тебя не оставитъ.

— Тятенька голубчикъ, какъ бы сиротъ-то устроить? — говорила Груня, ясно гля̀дя въ лицо Патапу Максимычу. — Я бы, кажись, душу свою за нихъ отдала...

Молчалъ Патапъ Максимычъ, глядя съ любовью на Груню. Она продолжала:

— Сама сиротой я была. Недолго была по твоей любви да по милости, а все же я помню, каково мнѣ было тогда, какова есть сиротская доля. Богъ тебя мнѣ послалъ да мамыньку, оттого и не спознала я горя сиротскаго. А помню, каково было бродить по городу... Ничѣмъ не заплатить мнѣ за твою любовь, тятя; одно только вотъ передъ Богомъ тебѣ говорю: люблю тебя и мамыньку, какъ родныхъ отца съ матерью.

— Полно, полно, моя ясынька, полно, привѣтная, полно, — говорилъ растроганный Патапъ Максимычъ, лаская дѣвушку. — Чего-жъ намъ еще отъ тебя?.. Любовью своей сторицей намъ платишь... Ты намъ... счастье въ домъ принесла... Не мы тебѣ, ты добро намъ дѣлала...

— Тятя, тятя, не говори. Нѐ воздать мнѣ за ваши милости... А если ужъ вамъ не воздать, Богу-то какъ воздать?

Припала Груня къ груди Патапа Максимыча и зарыдала.

— Добрыми дѣлами, Груня, воздашь, — сказалъ Патапъ Максимычъ, гладя по головкѣ дѣвушку. — Молись, трудись, всего паче бѣдныхъ не забывай. Никогда-никогда не забывай бѣдныхъ да несчастныхъ. Это Богу угоднѣй всего...

— Слушай, тятя, что̀ я скажу, — быстро поднявъ голову, молвила Груня съ такой твердостью, что Патапъ Максимычъ, слегка отшатнувшись, зорко поглядѣлъ ей въ глаза и не узналъ богоданной дочки своей. Новый человѣкъ передъ нимъ говорилъ. — Давно я о томъ думала, — продолжала Груня: — еще махонькою была, и тогда ужъ думала: какъ ты меня призрѣлъ, такъ и мнѣ надо сиротъ призирать. Этимъ только и могу я Богу воздать... Какъ думаешь ты, тятя?.. А?..

— Ты это хорошо сказала, Груня, — молвилъ Патапъ Максимычъ: — по-божески.

— Жаль мнѣ сиротокъ Ивана Григорьича, — сказала Груня: — я бы, кажись, была имъ матерью, какую онъ ищетъ.

— Какъ же такъ? — едва вѣря ушамъ своимъ, спросилъ Патапъ Максимычъ. — Нешто пойдешь за старика?

— Пойду, тятя, — твердо сказала Груня. — Онъ добрый... Да мнѣ не онъ... Мнѣ бы только сиротокъ призрѣть.

— Да вѣдь онъ старый! тебѣ не ровня, — молвилъ Чапуринъ.

— Старъ ли онъ, молодъ — по мнѣ все одно, — отвѣчала Груня. — Не за него, ради бѣдныхъ сиротъ...

— Ахъ, ты, Грунюшка моя, Грунюшка! — говорилъ глубоко растроганный Патапъ Максимычъ, обнимая дѣвушку и нѣжно цѣлуя ее. — Ангельская твоя душенька!.. Отецъ твой съ матерью на небесахъ взыграли теперь!.. И аще согрѣшили въ чемъ передъ Господомъ, искупила ты грѣхи родительскіе. Старъ я человѣкъ, много всего на вѣку я видалъ, а такой любви къ ближнему, такой жалости къ малымъ сиротамъ не видывалъ, не слыхивалъ... Чистая святая твоя душенька!..

— Тятя, тятя, что̀ ты? — вскрикнула Груня.

Богоданная дочка и нарѣченный отецъ крѣпко обнялись.

На другой день рано-поутру Патапъ Максимычъ собрался на̀скоро и поѣхалъ въ Вихорево. Войдя въ домъ Ивана Григорьича, увидалъ онъ друга и кума въ такомъ гнѣвѣ, что не узналъ его. Возвратясь изъ Осиповки, вдовецъ узналъ, что одинъ его ребенокъ кипяткомъ обваренъ, другой избитъ до крови. Отъ недосмотра Спиридоновны и нянекъ, пятилѣтняя Мароуша, рѣзвясь, уронила самоваръ и обварила старшую сестру. Спиридоновна поучила Мароушу уму-разуму: въ кровь избила ее.

— Вотъ, кумъ, посмотри на мое житье! — говорилъ Иванъ Григорьичъ. — Полюбуйся: одну обварили, другую избили... Изъ дому уѣдешь, только у тебя и думы — цѣлы ли дѣти, про дѣла и на умъ нейдетъ... Просто бѣда, Патапъ Максимычъ, другъ мой любезный, бѣда неизбывная... Не придумаю, что̀ и дѣлать...

— Молчи-ка ты, — весело отвѣчалъ на его жалобы Патапъ Максимычъ. — Я къ тебѣ съ радостью.

— Какія тутъ радости! — съ досадой отозвался Иванъ Григорьичъ. — Не до радостей мнѣ... Думаю не придумаю, какую бы старуху мнѣ въ домовницы взять. Спиридоновна совсѣмъ никуда не годится.

— Да ты слушай, что̀ говорить стану, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Невѣста на примѣтѣ.

— Какая тутъ невѣста!.. — съ досадой отозвался Иванъ Григорьичъ. — Не до шутокъ мнѣ, Патапъ Максимычъ. Побойся Бога: человѣкъ въ горѣ, а онъ съ издѣвками...

— Хорошая невѣста, — продолжалъ свое Чапуринъ. — Настоящая мать будетъ твоимъ сиротамъ... Добрая, разумная. И жена будетъ хорошая и хозяйка добрая. Да къ тому-жъ не изъ бѣдныхъ — тысячъ тридцать приданаго теперь получай да послѣ родителей столько же, коли не больше, получишь. Дѣвка молодая, изъ себя красавица писаная. А ужъ добра какъ, какъ дѣтей твоихъ любитъ: не всякая, братецъ, мать любитъ такъ свое дѣтище.

— Полно сказки-то сказывать, — отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ. — Про какую царевну-королевну рѣчь ведешь? За моремъ за океаномъ, что-ль, такую сыскалъ?

— Поближе найдется: здѣсь же у насъ, въ лѣсахъ коегдѣ... — улыбаясь, говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Не мути мою душу. Грѣхъ!.. — съ грустью и досадой отвѣтилъ Иванъ Григорьичъ. — Не на то съ тобой до сѣдыхъ волосъ въ дружбѣ прожили, чтобъ на старости издѣваться другъ надъ другомъ. Полно чепуху-то молоть, про домашнихъ лучше скажи. Что̀ Аксинья Захаровна? Дѣтки?

— Чего имъ дѣлается? И сегодня живутъ по-вчерашнему, какъ вечоръ видѣлъ, такъ и есть, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Да слушай же, не съ баснями я пріѣхалъ къ тебѣ, съ настоящимъ дѣломъ.

— Съ какимъ это? — спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— Да все насчетъ того... Про невѣсту.

— Про какую? Гдѣ ты ее за ночь-то выкопалъ?

— Да хоть про нашу Груню, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Съ ума ты спятилъ, — отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ. — Хоть бы дѣломъ что̀ сказалъ, а то натка, поди.

— Дѣломъ и говорю.

— Да подумай ты, голова, у насъ съ тобой бороды сѣдыя, а она ребенокъ. Сколько годовъ-то?

— Семнадцатый съ Петровокъ пошелъ. Какъ есть заправская невѣста.

— То-то и есть, — сказалъ Иванъ Григорьичъ. — Ровня, что ли? Охота ей за старика на дѣтей идти.

— Безъ ея согласья, извѣстно, нельзя дѣла сладить, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Потому хоша она мнѣ и дочка, а все-жъ не родная. Будь Настасья постарше да не крестная тебѣ дочь, я бы разговаривать не сталъ, сейчасъ бы съ тобой по рукамъ, потому она дѣтище мое — куда хочу, туда и дѣну. А съ Груней надо поговорить. Поговорить, что ли?

— Да полно тебѣ чепуху-то нести! — сказалъ Иванъ Григорьичъ. — Статочно ли дѣло, чтобы Груня за меня пошла? Полно. И безъ того тошно.

— А какъ согласна будетъ — женишься? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пустячное дѣло, кумъ, говоришь, — отвѣчалъ Иванъ Григорьичъ. — Охотой не пойдетъ, сило̀мъ взять не желаю.

— Ну такъ слушай же, что̀ было у меня съ ней говорено вечо̀ръ, какъ ты изъ Осиповки поѣхалъ.

И разсказалъ Патапъ Максимычъ Ивану Григорьичу разговоръ свой съ Груней. Во время разсказа Иванъ Григорьичъ больше и больше склонялъ голову, и когда Патапъ Максимычъ кончилъ, онъ всталъ и, смотря плачущими глазами на иконы, перекрестился и сдѣлалъ земной поклонъ.

— Голубушка! — сказалъ онъ. — Святая душа!.. Ангелъ Господень!.. Гришутка, Мароуша!.. Бѣгите скорѣй!

Вбѣжалъ шестилѣтній мальчикъ въ красной рубашонкѣ и Мароуша съ синяками и запекшимся рубцомъ на щекѣ.

— Молись Богу, дѣти! — сказалъ имъ Иванъ Григорьичъ. — Кладите земные поклоны, творите молитву за мной: «Сохрани, Господи, и помилуй рабу Твою, дѣвицу Агриппину! Воздай ей за добро добромъ, Владыко многомилостивый!»

И самъ вмѣстѣ съ дѣтьми клалъ земной поклонъ за поклономъ.

Патапъ Максимычъ стоялъ сзади и тоже крестился.

— Вотъ вамъ отцовскій наказъ, — молвилъ дѣтямъ Иванъ Григорьичъ: — по утрамъ и на сонъ грядущій каждый день молитесь за здравіе рабы Божіей Агриппины. Слышите? И Маша чтобы молилась. Ну, да я самъ ей скажу.

— Какая же это Агриппина, тятя? — спросилъ маленькій Гриша.

— Святая душа, что̀ любитъ васъ, добра вамъ хочетъ. Вотъ кто она такая: мать ваша, — сказалъ дѣтямъ Иванъ Григорьичъ.

На другой день были смотрины, но не такія, какъ бываютъ обыкновенно. Никого изъ постороннихъ тутъ не было, и свахи не было, а женихъ, увидавъ невѣсту, поступилъ не по старому чину, не по дѣдовскому обряду.

Какъ увидѣлъ онъ Груню, въ землю ей поклонился и, давъ волю слезамъ, говорилъ, рыдая:

— Матушка!.. Святая твоя душа!.. Аграфена Петровна!.. Будь матерью моимъ сиротамъ!..

— Буду, — тихо, съ улыбкой промолвила Груня.

Черезъ двѣ недѣли привезли бѣглаго попа изъ Городца, и въ моленной Патапа Максимыча онъ обвѣнчалъ Груню съ Иваномъ Григорьичемъ.

Засіялъ въ Вихоревѣ осиротѣлый домъ Заплатина. Достатки его удвоились отъ приданаго, принесеннаго молодой женой. Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ Патапъ Максимычъ: далъ за Груней тридцать тысячъ цѣлковыхъ, опричь одёжи и разныхъ вещей. Да опричь того выдалъ ей капиталъ, что̀ послѣ родителей ея остался: тысячъ пять на серебро было.

Раститъ Груня чужихъ дѣтей, раститъ и своихъ: два ужъ у ней ребеночка. И никакой межъ дѣтьми розни не дѣлаетъ, пасынка съ падчерицами любитъ не меньше родныхъ дѣтей. А хозяйка какая вышла, просто на удивленіе.

И прошла слава по Заволжью про молодую жену вихоревскаго тысячника. Добрая слава, хорошая слава!.. Дай Богъ всякому такой славы, такой доброй по людямъ молвы!

Глава одиннадцатая.

Весело, радостно встрѣтили дорогихъ гостей въ Осиповкѣ. Сначала, какъ водится, уставные поклоны гости передъ иконами справили, потомъ здороваться начали съ хозяевами. Привѣтамъ, обниманьямъ, цѣлованьямъ, казалось, не будетъ конца. Особенно обрадовались Аграфенѣ Петровнѣ дочери Патапа Максимыча.

— Здравствуй, голубушка моя Настасьюшка, — говорила Аграфена Петровна, крѣпко обнимая подругу дѣтства. — Охъ, ты, моя привѣтная! Охъ, ты, моя любезная!.. Да какъ же ты выросла, да какая же стала пригожая!.. Здравствуй, сестрица, здравствуй, Парашенька, — продолжала она, обнимая младшую дочь Патапа Максимыча. — Да какъ же раздобрѣла ты,

моя ясынька, чтобъ только не сглазить! Ну, да у меня глазъ-отъ легкій, не бойся. Да и люблю я васъ, сестрицы, всей душой, такъ съ моего глаза никакого дурна вамъ не будетъ. А раздобрѣла Параня, раздобрѣла... Ахъ, вы, мои хорошія, ахъ, вы, мои милыя!.. Здравствуй, Фленушка! Каково живешь-можешь? Давно не видались. Тетенька здорова ли, матушка Манееа?

А матушка Манееа какъ разъ сама налицо. Вышла изъ боковуши, привѣтствуетъ пріѣзжую гостью.

— Здравствуй, Аграфенушка! Иванъ Григорьичъ, здравствуйте! Здорово ли поживаете?

Не отвѣчая словами на вопросъ игуменьи, Иванъ Григорьичъ съ Аграфеной Петровной прежде обрядъ исполнили. Сотворили передъ Манееой уставныя метанія *), набожно вполголоса приговаривая:

— Прости, матушка, благослови, матушка!

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — сказала, кланяясь въ поясъ, Манееа, потомъ поликовалась **) съ Аграфеной Петровной и низко поклонилась Ивану Григорьичу.

— Ну какъ васъ, дорогихъ моихъ, Господь милуетъ? Здоровы ли всѣ у васъ? — спрашивала Манееа, садясь на кресло и усаживая рядомъ съ собой Аграфену Петровну.

— Вашими святыми молитвами, — отвѣчали заразъ и мужъ и жена. — Какъ ваше спасеніе, матушка?

— Пока милосердый Господь грѣхамъ терпитъ, а впредь уповаю на милость Всевышняго, — проговорила уставныя слова игуменья, ласково поглядывая на Аграфену Петровну.

Аксинья Захаровна какъ поздоровалась съ гостями, такъ и за чай. Уткой переваливаясь съ боку нà бокъ, толстая Матрена втащила въ горницу и поставила на столъ самоваръ; ради торжественнаго случая былъ онъ вычищенъ кислотой и какъ жаръ горѣлъ. На другомъ столѣ были разставлены заѣдки, какими по старому обычаю прежде повсюду, во всѣхъ домахъ угощали гостей передъ сбитнемъ и взварцемъ, замѣненными теперь чаемъ. Этотъ обычай еще сохранился по городамъ въ

*) Метаніе — слово греческое, вошедшее въ русскій церковный обиходъ — особенно соблюдается старообрядцами. Это малый земной поклонъ. Для исполненія его становятся на колѣни, кланяются, но не челомъ до земли, а только руками касаясь положеннаго впереди подручника, а за неимѣніемъ его полы своего платья, пò полу постланной.

**) У старообрядцевъ монахи и монахини иногда, даже христосуясь на Пасхѣ, не цѣлуются ни между собой ни съ посторонними. Монахи съ мужчинами, монахини съ женщинами только «ликуются», то-есть щеками прикладываются къ щекамъ другого. Монахамъ также строго запрещено ликовать съ мальчиками и съ молодыми людьми, у которыхъ еще усъ не пробился.

купеческихъ домахъ, куда не совсѣмъ еще проникли нововводные обычаи, по скитамъ, у тысячниковъ и вообще сколько-нибудь у зажиточныхъ простолюдиновъ. Заѣдки были разложены на тарелки и разставлены по столу. Тутъ были разныя сласти: конфеты, пастила, разные пряники, орѣхи грецкіе, американскіе, волошскіе и миндальные, фисташки, изюмъ, урюкъ, винныя ягоды, кіевское варенье, финики, яблоки свѣжія и моченыя съ брусникой, и вмѣстѣ съ тѣмъ икра салфеточная прямо изъ Астрахани, донской балыкъ, провѣсная шемая, бѣлорыбица, ветчина, грибы въ уксусѣ, и середи серебряныхъ, золоченыхъ чарочекъ разной величины и рюмокъ бемскаго хрусталя, графины съ разноцвѣтными водками и непремѣнная бутылка мадеры. Какъ Никитична ни спорила, сколько ни говорила, что не слѣдуетъ готовить къ чаю этого стола, что у хорошихъ людей такъ не водится, Патапъ Максимычъ настоялъ на своемъ, убѣждая куму-повариху тѣмъ, что «вѣдь не губернаторъ въ гости къ нему ѣдетъ, будутъ люди свои, старозавѣтные, такіе, чтò передъ чайкомъ отъ настоечки никогда не прочь».

— Ну-ка, куманекъ, передъ чайкомъ-то хватимъ по рюмочкѣ, — сказалъ Патапъ Максимычъ, подводя къ столу Ивана Григорьича. — Какой хочешь? Вотъ звѣробойная, вотъ полынная, а вотъ трифоль, а то не хочешь ли сорокатравчатой, чтò отъ сорока недуговъ цѣлитъ?

— Ну, пожалуй, сорокатравчатой, коли она отъ сорока недуговъ цѣлитъ, — молвилъ Иванъ Григорьичъ и, наливъ рюмку, посмотрѣлъ на свѣтъ, поклонился хозяину, потомъ хозяйкѣ и выпилъ, приговаривая:

— Съ наступающей именинницей!

— Груня, а ты стукнешь по сорокатравчатой али нѣтъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ, обращаясь съ усмѣшкой къ Аграфенѣ Петровнѣ.

— Не выучилась, тятенька, — весело отвѣчала Аграфена Петровна.

— Ну такъ мадерцы испей; передъ чаемъ нельзя не выпить, безпремѣнно надо животъ закрѣпить, — приставалъ Патапъ Максимычъ, таща къ столу Груню.

— Не мнѣ же первой, постарше меня въ горницѣ есть, — говорила Аграфена Петровна.

Къ матушкѣ Манеѳѣ хозяева съ просьбами приступили. Та не соглашалась. Стали просить хоть пригубить, Манеѳа и пригубить не соглашалась. Наконецъ, послѣ многихъ и долгихъ приставаній и просьбъ, честнàя мать игуменья согласилася пригубить. Все это такъ слѣдовало — чинъ, обрядъ соблю-

дался. Послѣ матушки игуменьи выпила Никитична, все-таки увѣряя Патапа Максимыча и всѣхъ, кто тутъ былъ, что у господъ въ хорошихъ домахъ такъ не водится, никто передъ чаемъ ни настойки ни мадеры не пьетъ. Потомъ выпила и Аграфена Петровна безъ всякаго жеманства, выпила и Фленушка послѣ долгихъ отказовъ. Пропустила рюмочку и сама хозяюшка, а за ней и Настя съ Парашей пригубили.

Иванъ Григорьичъ и Патапъ Максимычъ балыкомъ да икрой закусывали, а женщины сластями. Кумовья, «чтобъ не хромать», по другой выпили. Затѣмъ усѣлись чай пить. Аксинья Захаровна заварила свѣжаго, шестирублеваго.

Патапъ Максимычъ съ кумомъ усѣлся на диванѣ и началъ толковать про послѣдній Городецкій базаръ и про взятую имъ поставку. Аграфена Петровна съ Настей да Парашей разговаривала.

— Что̀ это, сестрица, погляжу я на тебя, ровно ты не по себѣ? — спросила она Настю.

— Я?.. я ничего, — отрывисто отвѣчала Настя и вспыхнула.

— Меня не проведешь — вдоль и поперекъ тебя знаю, — возразила Аграфена Петровна. — Либо не можется, да скрыть хочешь, либо на умѣ что̀ засѣло.

— Ничего у меня на умѣ не засѣло, — сухо отвѣтила Настя.

— Ну такъ хвораешь.

— И хвори нѣтъ никакой... Съ чего ты взяла это, сестрица? — молвила Настя и пересѣла поближе къ Фленушкѣ.

Подойдя къ Аксиньѣ Захаровнѣ, спросила ее потихоньку Аграфена Петровна:

— Сказали, видно, Настѣ про жениха-то?

— Молвилъ отецъ, — шопотомъ отвѣтила Аксинья Захаровна. — Охъ, какъ бы знала ты, Грунюшка, что̀ у насъ въ эти дни дѣялось! — продолжала она. — Погоди ужо разскажу, ты вѣдь не чужая.

Никому не было говорено про сватовство Снѣжкова, но Заплатины были повѣщены. Еще стоя за богоявленской вечерней въ часовнѣ Скорнякова, Патапъ Максимычъ сказалъ Ивану Григорьичу, что Настина судьба, кажется, выходитъ, и велѣлъ Грунѣ про то сказать, а больше ни единой душѣ. Такъ и сдѣлано.

— Что-жъ она? — тихонько спрашивала Аграфена Петровна у названной матери. — Не прочь?

— Какое не прочь, Грунюшка! — грустно отвѣтила Аксинья Захаровна. — Слышать не хочетъ. Такія у насъ тутъ были дѣла, такія дѣла, что просто не приведи Господи. Ты вѣдь со мной спать-то ляжешь, у меня въ боковушѣ постель тебѣ сготовлена. Какъ улягутся, все разскажу тебѣ.

Настя хмурая сидѣла. Какъ ни старалась притворяться веселой, никакъ не могла. Только и было у ней на умѣ: «Вотъ-вотъ зазвенятъ бубенчики, заскрипятъ у воротъ санные полозья, принесетъ нелегкая этихъ Снѣжковыхъ. И всѣ-то на меня глядѣть уставятся, всѣ — и свои и чужіе. Замѣчать станутъ, какъ на него взглянула я, не проронятъ ни единаго моего словечка. А тутъ еще послѣ ужина Груня, пожалуй, зачнетъ приставать, зачнетъ выпытывать. Она и то ужъ, кажись, замѣтила... Разсказать развѣ ей всю правду-истину? Она вѣдь добрая, любитъ меня, что-нибудь хорошее посовѣтуетъ... А какъ крестному скажетъ, а крестный тятѣ?.. Тогда что̀?.. Загубитъ тятя соколика моего яснаго; Фленушка правду говоритъ... Нѣтъ, не надо Грунѣ ничего говорить... А ея не обманешь... Охъ, Ты, Господи, Господи! мученье какое!.. Хоть бы проходили ужъ скорѣй эти пиры да праздники!..» И вдругъ вспомнился Настѣ ея ясный свѣтлоокій соколикъ. «Вотъ, думаетъ, сижу я здѣсь разряженная, разукрашенная на показъ жениху постылому, сижу съ отцомъ, съ матерью, съ гостями почетными, за богатымъ угощеніемъ, вкругъ меня гости бесѣду ведутъ согласную, идутъ у нихъ разговоры веселые... А онъ-то, голубчикъ, онъ-то, радость моя!.. Сидитъ, бѣдняжка, въ своей боковушѣ, ровно въ темницѣ. Сидитъ одинъ-одинешенекъ съ своей думой-кручиной. И взойти-то сюда онъ не смѣетъ, и взглянуть-то на наши гостины не можетъ. Ровно рабу неключимому, нѣтъ ему мѣста на веселомъ пиру. Бѣдный мой, бѣдный соколикъ!.. Скучно тебѣ, грустно сидѣть одинокому... да и мнѣ не легче тебя...»

— Да не хмурься же, Настенька! — шопотомъ молвила крестницѣ Никитична, наклонясь къ ней будто для того, чтобъ ожерелье на шеѣ поправить. — Чтой-то ты, матка, какая сидишь?.. Ровно къ смерти приговоренная... Гляди у меня веселѣе!.. Ну!..

— Ты знаешь, каково мнѣ, крестненька. Я тебѣ сказывала, — шопотомъ отвѣтила Настя. — Высижу вечеръ и завтра всѣ праздники высижу; а веселой быть не смогу... Не до веселья мнѣ, крестненька!.. Вотъ еще знай: тятенька обѣщалъ цѣлый годъ не поминать мнѣ про этого. Если слово забудетъ да при мнѣ со Снѣжковыми на сватовство рѣчь сведетъ, такихъ чудесъ натворю, что кромѣ сраму ничего не будетъ.

— Полно ты, — уговаривала крестницу Никитична. — Услышатъ, пожалуй... Ну ужъ дѣвка! — проворчала она, отходя отъ Насти и покачивая головой. — Кипятокъ!.. Бѣдовая!.. Вся въ родителя, какъ есть, вылита: нраву моему перечить не смѣй.

Затѣмъ, сказавъ Аксиньѣ Захаровнѣ что-то про ужинъ, отправилась Никитична къ своему мѣсту въ стряпущую.

Межъ тѣмъ у Патапа Максимыча съ Иваномъ Григорьичемъ шелъ свой разговоръ.

— Каково съ подрядомъ справляешься? — спросилъ у кума Иванъ Григорьичъ.

— Помаленьку справляюсь, Богъ милостивъ — къ сроку поспѣемъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Работниковъ принанялъ; теперь сорокъ восемь человѣкъ, опричь того по деревнямъ роздалъ работу: по своимъ и по чужимъ. Авось управимся.

— Работники-то нонѣ подшиблись, — замѣтилъ Иванъ Григорьичъ. — Лежебоки стали. Имъ бы все какъ-нибудь деньги за даровщину получить, только у нихъ и на умѣ... Вотъ хоть у меня по валеному дѣлу — бьюсь съ ними, куманекъ, бьюсь — въ усъ себѣ не дуютъ. Вольный сталъ народъ, самый вольный! Облѣнился, прежняго радѣнья совсѣмъ не видать.

— Это такъ, это точно, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Слабость пошла по народу. Что̀ прикажешь дѣлать? Кажись, и хмелемъ не очень зашибаются и никакимъ дурнымъ дѣломъ не заимствуются, а не то, какъ въ прежнее время бывало. Правду говоришь, что вольный народъ сталъ, — а главное, то возьми, что страху Божьяго ни въ комъ не стало. Вотъ что̀! Все бы имъ какъ-нибудь да какъ ни попало. Бѣда съ ними, горе одно. У меня еще есть, коли правду сказать, пять-шесть знатныхъ работниковъ — золото, не ребята! А другіе прочіе хоть рукой махни — ничего не сто̀ящіе люди, какъ есть никакого званія не сто̀ящіе!.. А вотъ недавно порядился ко мнѣ паренёкъ изъ недальнихъ. Ну, этотъ одинъ за пятерыхъ отслужитъ.

— Ужъ за пятерыхъ! — недовѣрчиво сказалъ Иванъ Григорьичъ.

— Правду говорю, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Что̀ мнѣ врать-то? Не продаю его тебѣ. Первый токарь по всему околотку. Обойди всѣ здѣшни мѣста, по всему Заволжью другого такого не сыскать. Вотъ передъ истиннымъ Богомъ — право слово.

— Отколь же такого доспѣлъ? — спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— По сосѣдству, изъ деревни Поромовой, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Трифона Лохматаго слыхалъ?

— Лохматаго? Знаю, — отвѣтилъ Иванъ Григорьичъ: — добрый мужикъ, хорошій.

— Сынъ его большой, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Знатный парень, умница, книгочей и разсудливый. А изъ себя видный да здоровый такой, заглядѣнье. Одно слово: парень первый сортъ.

Настя въ то время говорила съ Аграфеной Петровной, отвѣчая ей невпопадъ. Словечко боялась проронить изъ отцовскихъ рѣчей.

— Какъ же ты залучилъ его? — спросилъ Иванъ Григорьичъ. — Старикъ Лохматый не то чтобъ изъ бѣдныхъ. Своя токарня. Какъ же онъ отпустилъ его? Такой парень, какъ ты объ немъ сказываешь, и дома живучи копейку доспѣетъ.

— Сожгли ихъ по осени, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Недобрые люди токарню спалили. Водятся такіе по нашимъ мѣстамъ. Сами вѣкъ по гулянкамъ, а доброму человѣку зло. Мало, что сожгли старика Лохматаго, обокрали на придачу. Что̀ ни было залежныхъ — все снесли, и конѐй со двора свели и коровенокъ. Оттого Алексѣй Лохматый и пошелъ ко мнѣ, по бѣдности значитъ, чтобъ отцу поскорѣе оправиться. А не то — шутъ бы ему велѣлъ въ чужи люди идти. Золото — ввѣкъ другого не нажить: дѣло у него въ рукахъ такъ и горитъ... Разборку посуды по сортамъ тоже знаетъ... Лучше Савельича, дай Богъ ему царство небесное, даромъ, что молодъ... Намедни посуду съ нимъ разбирали, ему только взглянуть, тотчасъ видитъ, куда что̀ слѣдуетъ, въ какой значитъ сортъ, и каждый изъянецъ сразу замѣтитъ. Чаялъ дня въ два разобрать, съ нимъ въ одно утро управился. Золото парень, говорю, просто золото.

— А на̀долго нанялъ? — спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— Рядились до зимняго Николы. А теперь другой уговоръ. Порѣшили съ его старикомъ.

— Что̀ порѣшили? — спросилъ Иванъ Григорьичъ, прихлебывая пуншъ изъ большой золоченой чашки.

— Въ годы взялъ. Въ приказчики. Намѣсто Савельича къ заведенью и къ дому приставилъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Безъ такого человѣка мнѣ невозможно: перво дѣло за работой глазъ нуженъ, мнѣ одному не углядѣть; опять же по дѣламъ домъ покидаю на мѣсяцъ и на два и больше: надо на кого заведенье оставить. Для того и взялъ молодого Лохматаго.

— Вотъ какъ! — молвилъ Иванъ Григорьичъ. — Дай Богъ тебѣ, куманекъ.

— Я рѣшилъ, чтобы какъ покойникъ Савельичъ былъ у насъ, такимъ былъ бы и Алексѣй, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Будетъ въ семьѣ, какъ свой человѣкъ, и обѣдать съ нами и все... Безъ того по нашимъ дѣламъ невозможно... Слушаться не станутъ работники, бояться не будутъ, коль приказчика къ себѣ не приблизишь. Это они чувствуютъ... Матренушка! — кликнулъ онъ, маленько подумавъ, работницу, что̀ возилась около посуды въ большой горенкѣ.

Матрена вошла и стала у притолки.

— Кликни Алексѣя Трифоныча, — сказалъ ей Патапъ Максимычъ. — Хозяинъ, молъ, велѣлъ скорѣе наверхъ взойти.

Ни жива ни мертва сидѣла Настя. Аграфена Петровна заводила съ ней рѣчь о томъ, о другомъ, ничего та не слыхала, ничего не понимала и на каждое слово отвѣчала невпопадъ.

— Да что̀ съ тобой, Настенька? — сказала наконецъ Аграфена Петровна. — Ровно ты не въ себѣ.

Ни слова не отвѣтила Настя. Аграфена Петровна, пристально поглядѣвъ на нее, подумала: «Это не спроста; что-нибудь да есть на умѣ. Это не отъ того, что ждетъ жениха, другое что-нибудь тутъ кроется. Что-жъ бы это такое?»

Вошелъ Алексѣй. Настя поалѣла. Груня взглянула на нее: «Теперь понимаю», — подумала.

Алексѣй былъ въ будничномъ кафтанѣ. Справивъ уставные поклоны передъ иконами и низко поклонясь хозяевамъ и гостямъ, сталъ онъ передъ Патапомъ Максимычемъ.

— Кликнуть велѣли меня, — молвилъ.

Оглянулъ его съ ногъ до головы Чапуринъ, слегка подбоченился и, склонивъ немного голову на сторону, съ важностью спросилъ Алексѣя:

— Въ хорошей компаніи быть умѣешь?

— Какъ въ хорошей компаніи? — спросилъ Алексѣй, смутясь неожиданнымъ вопросомъ и не понимая, къ чему хозяинъ рѣчь свою клонитъ.

— Ну, вотъ, примѣромъ сказать, хоть бы съ нами теперь, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Не приводилось съ такими людьми, — наклонивъ покорно голову, молвилъ Алексѣй.

Любо то слово показалось Патапу Максимычу, а вдвое больше по̀-сердцу пришлись покорный видъ Алексѣя и рѣчь его почтительная.

— Гм! — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Одёжа хорошая есть?

— Есть.

— Вырядись, приходи.

Алексѣй вышелъ. Аксинья Захаровна съ удивленьемъ посмотрѣла на мужа. Не ждала она, чтобъ Патапъ Максимычъ на такую короткую ногу и такъ скоро приблизилъ Лохматаго. «Правда, поступилъ онъ на мѣсто Савельича: значитъ, его мѣсто, его и честь, — думала Аксинья Захаровна. — Но Савельичъ былъ человѣкъ старый, опять же сколько годовъ въ дому выжилъ, а этого парня всего полторы недѣли, какъ знать-то за-

чали. Хорошій паренекъ, услужливый, почтительный, богомольный, а все бы не слѣдъ такъ приближать его. Вѣдь это, значитъ, съ нынѣшняго дня онъ, какъ Савельичъ, и обѣдать съ нами будетъ и чай пить, а куда отъѣдетъ Патапъ Максимычъ, онъ одинъ мужчина въ семьѣ останется. Да такой молодой, да красавецъ такой и разумный. Злые люди не знаю чего наплетутъ на дѣвонекъ... Ахъ, батюшки свѣты, не ладно!.. А что̀ станешь дѣлать?.. Самъ рѣшилъ... не переломишь!..»

Видѣла Настя, какъ пришелъ Алексѣй, видѣла, какъ вышелъ, и ни слова изъ отцовскихъ рѣчей не проронила... И думалось ей, что во снѣ это ей видится, а межъ тѣмъ отъ нечаянной радости сердце въ груди такъ и бьется.

Лукаво взглянула Фленушка на пріятельницу, дернула ее тихонько за сарафанъ и, найдя какое-то дѣло, вышла изъ горницы.

— Молодецъ изъ себя! — замѣтилъ Иванъ Григорьичъ по уходѣ Алексѣя.

— А ты не гляди снаружи, гляди снутри, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Умница-то какой!.. Все можетъ сдѣлать, а ужъ на работу — бѣда!.. Та̀къ я его, куманекъ, возлюбилъ, что, кажись, точно родной онъ мнѣ сталъ. Вотъ и Захаровна то же скажетъ.

— Добрый парень, неча сказать, — молвила Аксинья Захаровна, обращаясь къ Ивану Григорьичу: — на всяку послугу по̀ дому ретивый, и скромный такой, ровно красная дѣвка! Истинно, какъ Максимычъ молвилъ, какъ есть родной. Да что̀, куманекъ, — съ глубокимъ вздохомъ прибавила она: — въ нонѣшнее время иной родной во сто разъ хуже чужого. Вотъ меня наградилъ Господь какимъ чадушкомъ. Братецъ-отъ родимый... Напасть только одна!

— А гдѣ онъ? — спросилъ Иванъ Григорьичъ.

— У насъ обрѣтается, — сухо промолвилъ Патапъ Максимычъ. — Намедни приволокся какъ есть въ одной рубахѣ да въ дырявомъ полушубкѣ, растерзанный весь... Хочу его на Узени по веснѣ справить, авось уймется тамъ; на̀ сорокъ верстъ во всѣ стороны нѣтъ кабака.

— Эка человѣкъ-отъ пропадаетъ, — замѣтилъ Иванъ Григорьичъ. — А вѣдь добрый, и парень бы хоть куда... Винище это проклятое.

— Не пьетъ теперь, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Не даютъ, а пропивать-то нечего... Знаешь что̀, Аксинья, онъ тебѣ все же братъ, не одѣть ли его какъ слѣдуетъ да не позвать ли сюда? Пусть его съ нами попразднуетъ. Моя одёжа ему какъ разъ по плечу. Синяки-то на рожѣ прошли, человѣкомъ смотритъ. Какъ думаешь?

— Какъ знаешь, Максимычъ, — сдержанно отвѣтила Аксинья Захаровна. — Не начудилъ бы при чужихъ людяхъ чего, не осрамилъ бы насъ... Самъ знаешь, каковъ во хмелю.

— Не въ кабакѣ, чай, будетъ, не передъ стойкой, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Напиться не дамъ. А то, право, не ладно, какъ Снѣжковы послѣ провѣдаютъ, что въ самое то время, какъ они у насъ пировали, родной дядя на запорѣ въ подклѣтѣ, ровно какой арестантъ, сидѣлъ. Такъ ли, кумъ, говорю? — прибавилъ Чапуринъ, обращаясь къ Ивану Григорьичу.

— Точно что не совсѣмъ оно ладно, — замѣтилъ въ свою очередь Иванъ Григорьичъ.

— И что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, это будетъ, мамынька! — молвила Аграфена Петровна. — Пойдетъ тутъ у насъ пированье, работникамъ да страннему народу столы завтра будутъ, а онъ, сердечный, одинъ, какъ оглашенный какой, взаперти. Коль ему мѣста здѣсь нѣтъ, такъ ужъ въ самомъ дѣлѣ его запереть надо. Нельзя же ему съ работнымъ народомъ за столами сидѣть, слава пойдетъ нехорошая. Сами-то, скажутъ, въ хоромахъ пируютъ, а брата родного со страннимъ народомъ сажаютъ. Неладно, мамынька, право, неладно.

— Пойду, обряжу его, — сказалъ Патапъ Максимычъ и ушелъ въ свою горницу, сказавъ мимоходомъ Матренѣ: — Позови Никифора.

«Родной дядя! Такъ онъ сказалъ, — думала Настя. — Дядя, не братъ, онъ сказалъ. Значитъ, у тяти и тутъ про меня дума была... Охъ, чтобъ бѣдѣ не случиться!..»

Выйдя въ сѣни, Фленушка остановилась, оглянулась на всѣ стороны и кошкой бросилась внизъ по лѣстницѣ. Внизу пробѣжала въ подклѣтъ и распахнула дверь въ Алексѣеву боковушу.

Алексѣй вынималъ изъ укладки праздничное платье: синюю, хорошаго сукна сибирку, плисовые штаны, рубашку изъ александрійки.

— Что̀, безпутный, каково дѣло-то выгорѣло?.. а? — спросила Фленушка.

— Не знаю, что̀ и думать, Флена Васильевна, — отвѣчалъ отъ радости себя не помнившій Алексѣй. — Не разберу, во снѣ это аль наяву.

Какъ щипнетъ его Фленушка изо всей силы за̀ руку. Алексѣй чуть не вскрикнулъ.

— Что̀?.. Не во снѣ?.. Ха-ха-ха!.. Обезумѣлъ?.. Постой, впереди не то еще будетъ, — хохотала изо всей мочи Фленушка.

— А что̀ будетъ?

— А то, что съ этого вечера каждый Божій день станешь ты обѣдать и чай распивать со своей сударушкой, — сказала Фленушка. — Что̀, безстыжій, сладко, небось?.. Ну, да теперь не о томъ говорить. Вотъ что̀: виду не подавай, особенно Аграфенѣ Петровнѣ; съ Настей слова сказать не моги, сиди больше около хозяина, на нее и глядѣть не смѣй. Она и то ровно на каленыхъ угольяхъ сидитъ, а тутъ еще ты придешь да эти Снѣжковы... Боюсь, при чужихъ не начудила бы... А отужинаютъ, минуты въ горницахъ не оставайся, сейчасъ сюда... Слышишь?.. Да вотъ еще что̀: коли когда услышишь, что надъ тобой три раза ногой топнули, въ окно гляди: птичка прилетитъ, ты и лови... Да чтобъ чужихъ глазъ при томъ не было...

— Какая птичка? Что̀ ты городишь? — спросилъ Алексѣй, не понимая, про что говоритъ ему Фленушка.

— Нечего тутъ, — сказала она: — оболокайся скорѣй, да рожу-то свою безстыжую помой, космы-то причеши... Охъ, бить-то тебя некому!..

Мигомъ Фленушка взбѣжала наверхъ и со скромной умильной улыбкой вошла въ горницу.

Вскорѣ пришелъ Алексѣй. Въ праздничномъ нарядѣ такимъ молодцомъ онъ смотрѣлъ, что хоть сейчасъ картину писать съ него. Усѣвшись на стулѣ у окна, близъ хозяина, глазъ не сводилъ онъ съ него и съ Ивана Григорьича. Помня приказъ Фленушки, только разокъ взглянулъ онъ на Настю, а послѣ того не смотрѣлъ и въ ту сторону, гдѣ сидѣла она.

Слѣдомъ за Алексѣемъ въ горницу Волкъ вошелъ, въ платьѣ Патапа Максимыча. Помолясь по уставу передъ иконами, поклонившись всѣмъ на обѣ стороны, пошелъ онъ къ Аксиньѣ Захаровнѣ.

— Здравствуй, разлюбезная сестрица! — желчно сказалъ. — Двѣ недѣли, по милости Патапа Максимыча, у васъ живу, а съ тобой еще не успѣлъ повидѣться за великими твоими недосугами...

— Отойди, — сурово отвѣтила брату Аксинья Захаровна. — Какъ бы воля моя, въ жизнь бы тебя не пустила сюда. Вотъ залетѣла ворона въ высоки хоромы. На̀, пей, что ли! — прибавила она, подавая ему чашку чаю.

— А вотъ мы прежде первоначалъ заложимъ, а послѣ того можно тебѣ, сестрица моя любезная, и чайкомъ братца попотчевать.

Никифоръ Захарычъ подошелъ къ столу съ графинами и закусками. Двѣ недѣли капельки у него во рту не бывало; и теперь, остановясь передъ разноцвѣтными графинами, онъ со-

зерцалъ ихъ какъ бы въ священномъ восторгѣ и, радостно потирая ладони, думалъ: съ котораго бы начать.

Вскочила съ мѣста Аксинья Захаровна и, подойдя къ брату, схватила его за рукавъ.

— И думать не моги! — крикнула она. — Его какъ путнаго обрядили, до хорошихъ людей допустили, а онъ натка поди!.. Не въ кабакъ, батька, затесался!.. Прочь, прочь!.. И подходить къ водкѣ не смѣй!..

Распустивъ руки, Никифоръ Захарычъ стоялъ въ недоумѣніи, что теперь ему дѣлать. Не будь тутъ Патапа Максимыча, сумѣлъ бы онъ по-свойски отвѣтить сестрицѣ, сиди тутъ хоть сотня гостей. Но Патапа Максимыча безшабашный Волкъ не на шутку боялся. Даже когда море бывало ему по колѣна, всегда онъ держалъ себя передъ зятемъ робко и приниженно. А тутъ еще эта Аграфена Петровна сидитъ да таково зорко глядитъ на него... Стыдно какъ-то передъ ней... А пуще всего стыдно, совѣстно передъ Настей — любилъ онъ ее беззавѣтно, хоть никогда почти съ ней не видался... А выпить такъ и тянетъ.

Съ минуту продолжалась пытка Никифора. Даже потъ его прошибъ, слеза въ глазу блеснула. Патапъ Максимычъ дѣло рѣшилъ.

— Выпей, Никифоръ, — сказалъ онъ ему.

— Охмелѣетъ онъ, Максимычъ, осрамитъ при гостяхъ наши головы. Не знаешь, каковъ во хмелю живетъ? — возражала Аксинья Захаровна.

— Съ одной не охмелѣетъ, другой не дамъ, — рѣшилъ Патапъ Максимычъ и, обратясь къ Ивану Григорьичу, продолжалъ разсказывать ему про подряды.

Дрожащей рукой налилъ Никифоръ рюмку и выпилъ ее залпомъ. Затѣмъ, откромсавъ добрый кусокъ салфеточной икры, намазалъ на ломоть хлѣба и, подойдя къ сестрѣ, сказалъ:

— Ну, теперь, сестрица, чаемъ потчуй. Давно не пивалъ этой дряни.

— Непутный! — молвила Аксинья Захаровна, подавая брату чашку лянсина. — Тоже чаю!.. Не въ коня кормъ!.. Алексѣюшка, — продолжала она, обращаясь къ Лохматому: — пригляди хоть ты за нимъ, голубчикъ, какъ гости-то пріѣдутъ... Не подпускай ты его къ тому столу, не то вѣдь разомъ насвищется.

— И вправду, Алексѣй, присмотри за Никифоромъ, — подтвердилъ Патапъ Максимычъ. — Не отходи отъ него и пить безъ моего приказу не давай. За ужиной сядь съ нимъ рядкомъ.

Тутъ только замѣтилъ Никифоръ Алексѣя. Злобно сверк-

нули глаза у него. «А! дѣвушникъ! — подумалъ онъ: — и ты тутъ! Да тебя еще смотрѣть за мной приставили! Постой же ты у меня!.. Будетъ и на моей улицѣ праздникъ!» И съ лукавой усмѣшкой посмотрѣлъ на Фленушку.

Послышался ямской колокольчикъ. Ближе и ближе. Кто-то къ дому подъѣхалъ.

— Не исправникъ ли, чтобъ ему пусто было, аль не становой ли? — съ досадой сказалъ Патапъ Максимычъ, вставая съ мѣста и направляясь къ двери. — Вотъ ужъ, поистинѣ, незваный гость хуже татарина.

И всѣмъ стало неловко при мысли объ исправникѣ. Исправникъ и становой въ самомъ дѣлѣ никогда не объѣзжали Осиповки, зная, что у Чапурина всегда готово хорошее угощенье. Матушка Манеѳа, хоть и въ пріязни жила съ полицейскими чинами, однако поспѣшно вышла изъ горницы. Была она во всемъ иночествѣ, даже въ наметкѣ *), а въ такомъ нарядѣ на глаза исправнику показываться нехорошо. Скитницы были обязаны подпиской иноческимъ именемъ не зваться, иноческой одёжи не носить. Фленушка осталась въ горницѣ, на ней ничего запретнаго не было.

Минуты черезъ двѣ Патапъ Максимычъ ввелъ въ горницу новыхъ гостей. То былъ удѣльный голова Песоченскаго приказа Михайла Васильичъ Скорняковъ съ хозяюшкой, пріятель Патапа Максимыча.

Послѣ обычныхъ входныхъ поклоновъ передъ иконами, послѣ установленныхъ дѣдовскими преданьями привѣтствій и взаимныхъ пожеланій, усѣлись.

— Напугалъ же ты насъ своимъ колокольцемъ, Михайла Васильичъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ, подводя удѣльнаго голову къ столу съ водками и закусками. — Мы думали, не исправника-ль принесла нелегкая.

— Ха-ха-ха! — громко захохоталъ Скорняковъ. — А развѣ нонѣ сталъ бояться властей предержащихъ?

— Бояться, опричь Господа Бога, никого не боюсь, — спесиво отвѣчалъ Чапуринъ: — а не люблю, какъ чужой человѣкъ портитъ бесѣду. Съ чего-жъ это ты по-исправничьему съ колокольчикомъ ѣздишь?

— На стоешныхъ, изъ приказу пріѣхалъ, — съ важностью погладивъ бороду, отвѣчалъ Михайла Васильичъ.

Не успѣли Скорняковы по первой чашкѣ чаю выпить, какъ

---

*) Черный крепъ, что накидывается поверхъ шапочки (иночество), и спускается вроспускъ по плечамъ и спинѣ, закрывая лобъ черницы.

новые гости пріѣхали: купецъ изъ города, Самсонъ Михайлычъ Дюковъ, да пожилой человѣкъ, въ черномъ кафтанѣ съ мелкими пуговками и узенькимъ стоячимъ воротникомъ, — кафтанъ, какой обыкновенно носятъ рогожскіе, отправляясь къ службѣ въ часовню.

— Узналъ стараго пріятеля? — поздоровавшись со всѣми бывшими въ горницѣ, спросилъ Дюковъ у Патапа Максимыча.

Чапуринъ не узнавалъ.

— И я не призналъ бы тебя, Патапъ Максимычъ, коли-бъ не въ дому у тебя встрѣтился, — сказалъ незнакомый гость. — Постарѣли мы, братъ, оба съ тобой, ишь и тебя сѣдиной, что̀ инеемъ, подернуло... Здравствуйте, матушка Аксинья Захаровна!.. Не узнали?.. Да и я бы не узналъ... Какъ послѣдній разъ видѣлись, цвѣла ты, какъ маковъ цвѣтъ, а теперь, гляди-ка, какая стала!.. Да... Время идетъ да идетъ, а годы человѣка не красятъ... Не узнаёте?..

— Никакъ не признать, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Голосъ будто знакомый, а вспомнить не могу.

— Стуколова Якима помнишь? — молвилъ гость.

— Якимъ Прохорычъ!.. Дружище!.. Да неужель это ты?.. — вскрикнулъ Патапъ Максимычъ, обнимаясь и цѣлуясь со Стуколовымъ. — А мы думали, что тебя и въ живыхъ-то давнымъ-давно нѣтъ... Откудова?.. Какими судьбами?..

— Якимъ Прохорычъ! — подходя къ нему, сказала Аксинья Захаровна. — Сколько лѣтъ, сколько зимъ? И я не чаяла тебя на семъ свѣтѣ. Ахъ, сватушка, сватушка! Чать не забылъ: сродни маленько бывали.

— Бывало такъ въ старые годы, Аксинья Захаровна, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Считались въ сватовствѣ.

И Заплатинъ и Скорняковъ оказались тоже старыми пріятелями Стуколова; зналъ онъ и Никифора Захарыча, когда тотъ еще только въ годы входилъ. Дочерей Патапа Максимыча не зналъ Стуколовъ. Онѣ родились послѣ того, какъ покинулъ онъ родину. Съ тѣхъ поръ больше двадцати пяти годовъ прошло, и о немъ по Заволжью ни слуха ни духа не было.

Стуколову было лѣтъ подъ шестьдесятъ. Былъ высокъ ростомъ, сухощавъ, и съ перваго взгляда было замѣтно, что, обладая большой тѣлесной силой, былъ одаренъ онъ неистомною силой воли и необычайною твердостью духа. Худощавое, смуглое лицо его было обрамлено густою черною бородой, съ сильной просѣдью. Раскаленными углями свѣтились черные глаза его, и не всякій могъ долго выдерживать пристально устремленный на него взглядъ Стуколова. По всему было

видно, что человѣкъ этотъ много видалъ на своемъ вѣку, а еще больше испыталъ треволненій всякаго рода.

Началъ разспросы Стуколовъ, спрашивалъ про людей былого времени, съ которыми, живучи за Волгой, бывалъ въ близкихъ сношеніяхъ. И про всѣхъ почти, про кого ни спрашивалъ, давали ему одинъ отвѣтъ: «померъ... померъ... померла».

Сидѣлъ Стуколовъ, склонивъ голову, и, глядя въ землю, глубоко вздыхалъ при такихъ отвѣтахъ. Сознавалъ, что, воротясь послѣ долгихъ странствій на родину, сталъ онъ въ ней чужаниномъ. Не то что людей, домовъ-то прежнихъ не было; городъ, откуда родомъ былъ, двà раза до тла выгоралъ и двà раза вновь обстраивался. Ни родныхъ ни друзей не нашелъ на старомъ пепелищѣ — всѣхъ прибралъ Господь. И тутъ-то спозналъ Якимъ Прохорычъ всю правду стараго русскаго присловья: «не временемъ годы долги, — долги годы отлучкой съ родной стороны».

— Гдѣ-жъ пропадалъ ты все это время, Якимъ Прохорычъ? — спросилъ у странника Патапъ Максимычъ.

Маленько помолчавъ и окинувъ бѣглымъ взоромъ сидѣвшихъ въ горницѣ, Стуколовъ сталъ говорить тихо, истово, отчеканивая каждое слово:

— Немало государствъ мною исхожено, немало морей переѣхано, много всякихъ народовъ очами моими видано. Привелъ Господь во святой рѣкѣ Іорданѣ погружаться, Спасовъ живоносный гробъ цѣловать, всѣмъ святымъ мѣстамъ поклониться... Много было странствій моихъ...

— Неужели всѣ двадцать пять лѣтъ ты въ странствѣ пребывалъ? — спросилъ его Иванъ Григорьичъ. — Чай, поди, гдѣ и на мѣстѣ живалъ?

— Какъ не живать! Жилъ и на мѣстѣ, — сказалъ Стуколовъ. — За Дунаемъ немалое время у некрасовцевъ, въ Молдавіи у нашихъ христіанъ, въ Сибири у казаковъ на Уралѣ... Опять же довольно годовъ выжилъ я въ Бѣловодьѣ, тамъ, далеко, въ Опоньскомъ государствѣ...

— Какое же это государство? Про такое я что-то не слыхивалъ, — спросилъ у паломника Патапъ Максимычъ.

— Не мудрено, что про Опоньское царство ты не слыхивалъ, — сдержанно отвѣтилъ Якимъ Прохорычъ. — То государство не простое, не у всѣхъ на виду. Государство сокровенное...

— Сокровенное? — въ недоумѣньи спросилъ Чапуринъ у Стуколова, а сидѣвшіе въ горницѣ съ изумленьемъ глядѣли на паломника.

Замолкъ Якимъ Прохорычъ. Не далъ отвѣта. Черезъ малое время спросилъ его Патапъ Максимычъ:

— Помнится, ты въ Москву уѣхалъ тогда, потомъ пали къ намъ слухи, что въ монастырѣ какомъ-то проживаешь, а послѣ того и слуховъ про тебя не стало.

— Постой, погоди... всѣ странства по ряду вамъ разскажу, — молвилъ Стуколовъ, выходя изъ раздумья и поднявъ голову. — Люди свои, земляки, старые други-пріятели. Вамъ можно сказать.

— Разскажи, разскажи, старый дружище, — молвилъ Патапъ Максимычъ, кладя руку на плечо паломника. — Да чайку-то еще. Съ ромкомъ не хочешь ли?

— Не стану, а чайкомъ побаловаться можно, — отвѣчалъ Стуколовъ, сбираясь начать разсказъ про свои похожденья.

— Постой, постой маленько, Якимъ Прохорычъ, — молвила Аксинья Захаровна, подавая Стуколову чашку чая. — Вижу, о чемъ твоя бесѣда будетъ... Про святыню станешь разсказывать... Фленушка! Подь кликни сюда матушку Манеѳу. Изъ самаго, молъ, Іерусалима пріѣхалъ гость, про святыя мѣста разсказывать хочетъ... Пусть и Евпраксеюшка придетъ послушать.

— Какая это Манеѳа? — спросилъ Стуколовъ, когда Фленушка вышла въ сѣни.

— Да Матрену-то Максимовну, сестру Патапа Максимыча, помнишь, чай? — сказала Аксинья Захаровна.

— Матрена Максимовна?.. — оживляясь, спросилъ сумрачный дотолѣ странникъ. — Такъ она во иночествѣ?

— Давно. Больше двадцати годовъ, какъ она пострижена. Теперь игуменствуетъ въ Комаровѣ, — отвѣчала Аксинья Захаровна.

— Такъ... Такъ!.. — медленно проговорилъ Стуколовъ и задумался.

Вошла мать Манеѳа съ Фленушкой и Евпраксіей. Послѣ обычныхъ «метаній» и поклоновъ, Якимъ Прохорычъ пристально поглядѣлъ на старушку и дрогнувшимъ нѣсколько голосомъ спросилъ у нея:

— Узнала-ль меня, матушка Манеѳа?.. Аль забыла Якима Стуколова?

— Якимъ Прохорычъ!.. — быстро вскинувъ на паломника заблиставшими глазами, вскрикнула игуменья и вдругъ поправила «наметку», опустя крепъ на глаза... — Не чаяла съ тобой видѣться, — прибавила она болѣе спокойно.

Пристальнымъ, глубокимъ взоромъ глядѣла она на паломника. Въ потускнѣвшихъ глазахъ старицы загорѣлось что-то

молодое... Перебирая лѣстовку, игуменья чинно усѣлась, еще разъ поправила на головѣ наметку и поникла головою. Губы шептали молитву.

— Ну, разсказывай свои похожденія, — молвилъ Патапъ Максимычъ Якиму Прохорычу.

Стуколовъ сталъ разсказывать, часто и зорко взглядывая на смущенную игуменью.

— Горько мнѣ стало на родной сторонѣ. Ни на что бы тогда не глядѣлъ я и не знай куда бы готовъ былъ дѣваться!.. Вотъ ужъ двадцать пять лѣтъ и побольше прошло съ той поры, а какъ вспомнишь, такъ и теперь сердце на клочья рваться зачнетъ... Молодость, молодость!.. Горячая кровь тогда ходила во мнѣ... Не стерпѣлъ обиды, а заплатить обидчику было нельзя... И рѣшилъ я покинуть родну сторону, чтобъ въ нее до гробовой доски не заглядывать...

Ниже и ниже склоняла Манеѳа голову. Блѣдныя губы спѣшно шептали молитву. Если-бъ кто изъ бывшихъ тутъ пристальнѣе поглядѣлъ на нее, тотъ замѣтилъ бы, что рука ея, перебирая лѣстовку, трепетно вздрагивала.

— Какая-жъ это обида, Якимъ Прохорычъ? — спросилъ Иванъ Григорьичъ. — Что-то не припомню я, чтобы передъ уходомъ изъ-за Волги съ тобой горе какое приключилось.

— Про то знаютъ Богъ, я да еще одна душа... Больше никто не знаетъ и никогда не узнаетъ... Послушайте-ка, матушка Манеѳа, про мои странства по дальнимъ палестинамъ... Какъ рѣшилъ я родное Заволжье покинуть, самъ съ собой тогда разсуждалъ: «куда-жъ мнѣ теперь безродному приклонить бѣдную голову, гдѣ сыскать душевнаго мира и тишины, гдѣ найти успокоеніе помысловъ и забвеніе всего, что̀ было со мной...» Рѣшилъ въ монастырь идти, да подальше, какъ можно подальше отъ здѣшнихъ мѣстъ. Слыхалъ прежде про монастырь Лаврентьевъ, что̀ стоитъ неподалеку отъ славной слободы Вѣтки. Житіе тамъ строгое. Не каменными стѣнами, не богатыми церквями красовалась обитель та, — красовалась она старческими слезами, денно-нощными трудами, постомъ да молитвой... Много тамъ было крѣпкихъ подвижниковъ, много иноковъ учительныхъ, въ дѣлѣ душевнаго спасенія искусныхъ. Было немало и молодого, какъ я, народу: тогда въ Лаврентьеву обитель юноши изъ разныхъ сторонъ приходили, да управятъ души свои по словеси Господню. Всѣ молодые трудники чтенію божественныхъ книгъ прилежали и въ преданіяхъ церковныхъ были крѣпки и подвижны... Безъ малаго пять лѣтъ выжилъ я съ ними, подъ начальствомъ блаженнаго старца, и открылъ мнѣ Господь разумъ писанія, разверзъ умныя силы

и сподобилъ забыть все, все прошлое... сподобилъ... простить обидчику... Въ пучинѣ божественнаго писанія и святоотеческихъ книгъ чрезъ немалое время потопилъ я былое горе и прежнія печали... И какъ скоро со мною такая перемѣна совершилась, возстала въ душѣ другая буря, по инымъ новымъ волнамъ душевный корабль мой сталъ влаятися... Не сидѣлось на мѣстѣ, стало тянуть меня куда-то далеко-далеко, а куда, самъ не знаю... Прискучили лѣса и пустыни, прискучили благочестивые старцы: не иноческой тишины мнѣ хотѣлось, хотѣлось повидать дальнія страны, посмотрѣть на чужія государства, поплавать по синему морю, походить по горамъ высокимъ. Какъ птица изъ клѣтки, рвался я на волю, чтобъ идти, куда глаза глядятъ, — идти, пока гдѣ-нибудь смерть меня не настигнетъ... Хотѣлъ бѣжать изъ обители, думалъ въ міръ назадъ воротиться, но Богъ не попустилъ... Пріѣзжали въ то время къ нашему отцу игумену Аркадію зарубежные старцы изъ молдавскихъ монастырей, въ Питерѣ по сборамъ были и возвращались во-свояси. Два дня и двѣ ночи игуменъ Аркадій тайныя рѣчи велъ съ ними, на третій всѣхъ молодыхъ трудниковъ призвалъ въ келью къ себѣ. Пришло насъ пятнадцать человѣкъ. И сталъ намъ сказывать отецъ Аркадій про оскудѣніе благочестиваго священства, про душевный гладъ, христіанъ постигшій. «А есть, говоритъ, въ дальнихъ странахъ мѣста сокровенныя, гдѣ старая вѣра соблюдена въ цѣлости и чистотѣ. Тамъ она, непорочная невѣста Христова, среди бусурманъ, яко свѣтило, сіяетъ. Первое такое мѣсто на райской рѣкѣ на Евфратѣ, промежъ рубежей турскаго съ персидскимъ, другая страна за Египтомъ — зовется Емака̀нь, въ землѣ Ѳиваидской, третье мѣсто за Сибирью, въ сокровенномъ Опоньскомъ государствѣ. Вотъ бы, говоритъ отецъ игуменъ, порадѣть вамъ, трудники молодые, положить ваши труды на спасеніе всего христіанства. Поискать бы вамъ благодать таковую, тамъ вѣдь много древле-благодатныхъ епископовъ и митрополитовъ. Вывезти бы вамъ хоть одного въ наши россійскіе предѣлы, утвердили бы мы въ Россіи корень священства, утолили бы душевный гладъ многаго народа. Свои бы тогда у насъ попы были, не нуждались бы мы въ бѣглецахъ никоньянскихъ... И аще исполните мое слово, въ семъ мірѣ будетъ вамъ отъ людей похвала и слава, а въ будущемъ вѣцѣ отъ Господа неизглаголанное блаженство»... Какъ услышалъ я такіе глаголы, тотчасъ игумену земно̀ поклонился, сталъ просить его благословенья на подвигъ дальняго странства. За мной другіе трудники поклонились: повелѣніе пославшаго всѣ готовы исполнить. Снабдилъ насъ игуменъ деньгами на до-

рогу, далъ для памяти тетрадки, какъ и гдѣ искать благочестныхъ архіереевъ... И пошли мы пятнадцать человѣкъ къ рѣкѣ Дунаю, пришли во градъ Измаилъ, а тамъ ужъ наши христіане насъ ожидаютъ, игуменъ Аркадій къ нимъ отписалъ до нашего приходу. Безъ паспортовъ пропускъ за Дунай былъ заказанъ, стояла по берегу великая стража, никого безъ паспорта за рѣку не пускала. Въ камыши спровадили насъ христолюбцы, а оттолѣ ночью въ рыбацкихъ челнокахъ, крадучись, яко тати, на турецкую сторону мы перебрались. Тутъ пошли мы въ славное Кубанское войско: то наши христіане казаки, что живутъ за Дунаемъ, некрасовцами зовутся. Соблюли они старую вѣру и всѣ преданья церковныя сохранили. Хорошо было намъ жить у нихъ и привольно. Богатѣйшія у нихъ тамъ рыбныя ловли и земли вдоволь; хлѣбомъ, виноградомъ, кукурузой и всякимъ овощемъ тамъ преизобильно. А живутъ тѣ некрасовцы во ослабѣ: старую вѣру соблюдаютъ, ни отъ кого въ томъ нѣтъ имъ запрету; дѣлами своими на «кругахъ» заправляютъ, турскому султану дани не платятъ, только какъ война у турки зачнется, полки свои на службу выставляютъ... Прожили мы у некрасовцевъ безъ мала полгода въ ихнемъ монастырѣ, а зовется онъ Славой, и жили мы тамъ въ изобильѣ и довольствѣ. Еще больше тутъ къ намъ изъ Россіи путниковъ на дальнее странство набралось — стало всего насъ человѣкъ съ сорокъ. И поплыли мы къ Царьграду по Черному морю, и, поживши малое время въ Царьградѣ, переплыли въ каюкахъ Мраморное море и тамо опять пришли къ нашимъ старообрядцамъ, тоже къ казакамъ славнаго Кубанскаго войска, а зовется ихъ станица Майносомъ. Оттоль пошли къ райской рѣкѣ Евфрату...

Смолкъ Якимъ Прохорычъ. Жадно всѣ его слушали, не исключая и Волка. Правда, раза два задумывалъ онъ подъ шумокъ къ графинамъ пробраться, но, замѣтивъ слѣдившаго за нимъ Алексѣя, какъ ни въ чемъ не бывало повертывалъ назадъ и возвращался на покинутое мѣсто.

— Что-жъ? Дошли до Евфрата? — спросила Аксинья Захаровна.

— Изъ сорока человѣкъ дошло только двадцать, — продолжалъ паломникъ. — Только двадцать!.. Зарыли остальныхъ въ пескахъ да въ горныхъ ущельяхъ... Десять недѣль шли: на каждую недѣлю по два покойника!.. Голодъ, болѣзни, дикіе звѣри, разбойники да басурманскіе народы — вездѣ бѣды, вездѣ напасти... Но не смущалося сердце наше, и мы шли, шли, да товарищей хоронили... Безвѣстны могилки бѣдныхъ, никому ихъ не сыскать и некому надъ ними поплакать!.. Прошли мы

вдоль рѣки Евфрата, были межъ турской и персидской границей и не нашли старообрядцевъ... А смерть путниковъ косила да косила... Назадъ къ Царьграду поворотили. Шли, шли и помирали... И никому-то не хотѣлось лечь на чужой сторонѣ, всякій-то про свою родину думалъ и, умирая, слезно молилъ товарищей, какъ умретъ, снять у него съ креста ладонку да, разрѣзавши, посыпать лицо его зашитою тамъ русской землею... У меня одного ладонки съ родной земли не бывало... И встосковалось же тогда сердце мое по матушкѣ по Россіи... Въ Царьградъ я одинъ воротился, молодые трудники всѣ до единаго пошли въ мать сыру землю... Добрелъ до Лаврентьева и про все разсказалъ отцу игумну подробно. Справилъ онъ по нихъ соборную панихиду, имена ихъ записалъ въ синодикъ, постѣнный и литейный, а дѣла не покинулъ. Нудитъ опять меня: «Ступай, говоритъ, въ Емакань, въ страну Ѳиваидскую, за Египетъ. Тамъ безпремѣнно найдешь епископовъ: недавно, говоритъ, нѣкіе христолюбцы тамо бывали, про тамошнее житіе намъ писали». Новые трудники на подвигъ странства сыскались, опять все люди молодые, всего двадцать пять человѣкъ... Какъ бывалаго человѣка, меня съ ними послали... Тѣмъ же путемъ въ Царьградъ мы пошли, тамъ на корабли сѣли и поѣхали по Бѣлому морю *), держа путь ко святому граду Іерусалиму. Были у Спасова гроба, зрѣли, какъ всѣ вѣры на единомъ мѣстѣ служатъ. Отслужатъ свою обѣдню армяне, пойдутъ за ними латины, на мѣстѣ святѣ въ бездушные органы играютъ, а за ними пойдутъ сирійцы да копты, молятся нелѣпо, козлогласуютъ, потомъ пойдутъ по-своему служить арабы, а сами всѣ въ шапкахъ и чуть не голы, пляшутъ, бѣснуются вокругъ Христова гроба. Тутъ и греческіе служатъ... Не обрѣли мы древляго благочестія ни въ Іерусалимѣ, ни въ Виѳлеемѣ, ни на святой рѣкѣ Іорданѣ — всюду пестрò и развращено!.. Поплакали, видя сіе, и пошли во градъ Іоппію; сѣли на корабль, и привезли насъ корабельщики во Египетъ. Пошли мы вверхъ по рѣкѣ Нилу, шли съ караванами пѣши, дошли до земли Ѳиваидской, только никто намъ не могъ указать земли Емаканьской, про такую, дескать, тамъ никогда не слыхали... И напала на насъ во Египтѣ чума: изъ двадцати пяти человѣкъ осталось насъ двое... Поплыли назадъ въ Россію, добрели до отца игумна, обо всемъ ему доложили: «Нѣтъ, молъ, за Египтомъ никакой Емакани, нѣтъ, молъ, въ Ѳиваидѣ древлей вѣры...» И опять велѣлъ игуменъ служить соборную панихиду, совершить поминовенье

*) Архипелагъ.

по усопшимъ, ради Божія дѣла въ чуждыхъ странахъ животъ свой скончавшимъ... А потомъ опять меня призываетъ, опять на новый подвигъ странствія посылаетъ. «Есть, говоритъ, въ крайнихъ восточныхъ предѣлахъ за Сибирью христоподражательная древняя церковь асирскаго языка. Тамо въ Опоньскомъ царствѣ, на Бѣловодьѣ, стоитъ сто восемьдесятъ церквей безъ одной церкви, да кромѣ того россійскихъ древляго благочестія церквей сорокъ. Имѣютъ тѣ россійскіе люди митрополита и епископовъ асирскаго поставленья. А удалились они въ Опоньское государство, когда въ Москвѣ измѣненіе благочестія стало. Тогда изъ честныя обители Соловецкой да изо многихъ иныхъ мѣстъ много народу туда удалилось. И свѣтскаго суда въ томъ Опоньскомъ государствѣ они не имѣютъ, всѣми людьми управляютъ духовныя власти... Идти тебѣ за сибирскіе предѣлы, искать за ними того Бѣловодья, доставить къ намъ епископа древней вѣры благочестивой. А товарищи тебѣ готовы». Такъ повелѣлъ мнѣ игуменъ... Шесть недѣль мы въ Лаврентьевой обители пожили, ровно погостили, и потомъ всемеромъ пошли къ Бѣловодью. Дошли въ Сибири до рѣки Катуни и нашли тамъ христолюбивыхъ страннопріимцевъ, что̀ русскихъ людей за Камень въ Китайское царство переводятъ. Тамо множество пещеръ тайныхъ, въ нихъ странники привитаютъ, а немного подалѣ стоятъ снѣговыя горы, верстъ за триста, коли не больше, ихъ видно... Перешли мы тѣ снѣговыя горы и нашли тамъ келью да часовню, въ ней двое старцевъ пребывало, только не нашего были согласу, священства они не пріемлютъ. Однакожъ путь къ Бѣловодью намъ указали и проводника по маломъ времени сыскали... Шли мы черезъ великую степь Китайскимъ государствомъ сорокъ и четыре дня сряду. Чего мы тамъ ни натерпѣлись, какихъ бѣдъ-напастей ни испытали; сторона незнакомая, чужая и совсѣмъ какъ есть пустая — нигдѣ человѣчья лица не увидишь, одни звѣри бродятъ по той по пустынѣ. Двое нашихъ путниковъ тѣми звѣрями при нашемъ видѣньи заѣдены были. Воды въ той степи мало, иной разъ дня два идешь, хотя-бъ калужинку какую встрѣтить; а какъ увидишь издали свѣтлую водицу, бѣжишь къ ней бѣгомъ, забывая усталость. Такъ, однажды, увидавши издали рѣчку, побѣжали мы къ ней водицы напиться; бѣжимъ, а изъ камышей какъ прыгнетъ на насъ звѣрь дикій, самъ полосатый и ровно кошка, а величиной съ медвѣдя, двухъ странниковъ растерзалъ во едино мгновеніе ока... Много было бѣдъ, много напастей!.. Но дошли-таки мы до Бѣловодья. Стоитъ тамъ глубокое озеро да большое, ровно какъ море какое, а зовутъ то озеро Лопон-

скимъ *) и, течетъ въ него отъ запада рѣка Бѣловодье **). На томъ озерѣ большіе острова есть, и на тѣхъ островахъ живутъ русскіе люди старой вѣры. Только и они священства не пріемлютъ, нѣтъ у нихъ архіереевъ, и никогда ихъ тамъ не бывало... Прожилъ я въ томъ Бѣловодьѣ безъ малаго четыре года. Выпуску оттудова пришлымъ людямъ нѣту, боятся тѣ опонцы, чтобъ на Руси про нихъ не спознали и назадъ въ русское царство ихъ не воротили... И, живучи въ тѣхъ мѣстахъ, очень я по Россіи стосковался. Думаю себѣ: «пускай мнѣ хоть голову снимутъ, а уйду же я отъ тѣхъ опонцевъ въ Россійское царство». А тамъ въ первые три года свѣжаковъ ***) съ острововъ на берегъ великаго озера не пускаютъ, пока не увѣрятся, что не сбѣжитъ тотъ человѣкъ во матушку во Россію. На четвертомъ году хозяинъ, у котораго я проживалъ въ батракахъ, сталъ меня съ собой брать на рыбную ловлю. И ужъ скажу-жъ я вамъ, что̀ только тамъ за рыбныя ловли! Много рѣкъ видалъ я на своемъ вѣку: живалъ при Дунаѣ и на тихомъ Дону, а матушку Волгу съ верху до низу знаю, на вольномъ Яикѣ на багреньяхъ бывалъ, за бабушку Гугниху пивалъ ****), всѣ сибирскія рѣки мнѣ вдосталь извѣстны, а нигдѣ такого рыбнаго улова я не видалъ, какъ на томъ Бѣловодьѣ!.. Кажется, какъ къ нашимъ мѣстамъ бы да такія воды, каждый бы нищій тысячникомъ въ одинъ годъ сдѣлался. Такое во всемъ приволье, что нигдѣ по другимъ мѣстамъ такого не видно. Всякіе земные плоды тамъ въ обильѣ родятся: и виноградъ и пшено сорочинское; одно только плохо: матушки ржицы нѣтъ и въ заводѣ... Но, какъ ни привольно было жить въ томъ Бѣловодьѣ, все-то меня въ Россію тянуло. Взялъ меня однажды Сидоръ — хозяинъ мой — на рыбную ловлю, переѣхали озеро, въ камышахъ пристали. Грѣшный человѣкъ, хотѣлъ его соннаго побывшить *****), да зазрѣла совѣсть. Пьянъ онъ былъ на ту пору: чуть не полкувшина кумышки изъ сорочинскаго пшена съ вечера выпилъ; перевязалъ его веревками, завернулъ въ сѣти, самъ бѣжать въ степи... Три мѣсяца бродилъ я, питаясь кореньями да дикимъ лукомъ... Не зная дороги, все на сѣверъ держалъ по звѣздамъ да по солнцу. На рѣку, бывало, наткнешься, попробуешь

*) Лопъ-Норъ, на островахъ котораго и по берегамъ, говорятъ, живетъ нѣсколько забѣглыхъ раскольниковъ.

**) Аксу — что̀ значитъ по-русски *бѣлая вода.*

***) Новый, недавній пришлецъ.

****) Бабушка Гугниха уральскими (прежде яицкими) казаками считается ихъ родоначальницей. Послѣ багренья рыбы и на всякихъ иныхъ пирахъ первую чару тамъ пьютъ за бабушку Гугниху.

*****) Убить.

броду, нѣтъ его, и пойдешь обходить ту рѣку; иной разъ идешь верстъ полсотни и больше. На сибирскомъ рубежѣ стоятъ снѣжныя горы; безъ проводника, не зная тамошнихъ мѣстъ, ихъ ввѣкъ не перелѣзть, да послалъ Господь мнѣ добраго человѣка изъ варнаковъ — бѣглый каторжный, значитъ — вывелъ на Русскую землю!.. Спаси его Господи и помилуй!

Замолчалъ Якимъ Прохорычъ и грустно склонилъ голову. Всѣ молчали подъ впечатлѣньемъ разсказа.

— Что-жъ, опять ты пошелъ въ монастырь къ своему игумну? — черезъ нѣсколько минутъ спросилъ у паломника Патапъ Максимычъ.

— Не дошелъ до него, — отвѣчалъ тотъ. — Дорóгой узналъ, что монастырь нашъ закрыли, а игуменъ Аркадій за Дунай къ некрасовцамъ перебрался... Еще свѣдалъ я, что тѣмъ временемъ, какъ проживалъ я въ Бѣловодьѣ, наши сыскали митрополита и водворили его въ австрійскихъ предѣлахъ. Побрелъ я туда. Съ немалымъ трудомъ и съ большою опаской перевели меня христолюбцы за рубежъ австрійскій, и сподобилъ меня Господь узрѣть недостойными очами святую митрополію Бѣлой Криницы во всей ея славѣ.

— Разскажи намъ про это мѣсто, — спрашивалъ Стуколова Патапъ Максимычъ. — Все разскажи, поподробну.

— Поистинѣ, — съ торжественностью продолжалъ паломникъ: — явися благодать спасительная всѣмъ человѣкомъ, живущимъ по древлеблагочестивой вѣрѣ. Нашелъ я въ Бѣлой Криницѣ радость духовную, ликованіе неумолкаемое о господинѣ владыкѣ митрополитѣ и епископахъ и о всемъ чину священномъ. Двѣсти лѣтъ не видано и не слыхано было у нашихъ христіанъ своей священной іерархіи, нынѣ она воóчію зрится. Притекъ я въ Бѣлую Криницу, встрѣтилъ тамъ кое-кого изъ лаврентьевскихъ мниховъ. Меня узнали, властямъ монастырскимъ обо мнѣ доложили. Разсказалъ я имъ по ряду про свое сибирское хожденье и про житье въ Бѣловодьѣ. Они меня страннаго всѣмъ успокоили, келью мнѣ дали и одёжу монастырскую справили. Былъ и у самаго владыки Амвросія подъ благословеньемъ, и онъ черезъ толмача много меня разспрашивать изволилъ обо всѣхъ моихъ по дальнимъ странамъ хожденьяхъ. Прожилъ я въ той Бѣлой Криницѣ два съ половиною года, ѣздилъ оттоль и за Дунай въ некрасовскій монастырь Славу, и тамо привелъ меня Богъ свидѣться съ лаврентьевскимъ игумномъ Аркадьемъ. Немало вечеровъ въ тайныхъ бесѣдахъ у насъ протекло съ симъ учительнымъ старцемъ. Многое разсказывалъ я ему про три хожденія наши:

про евфратское, египетское и въ Бѣловодье. И скорбѣлъ я передъ нимъ, заливаясь слезами: «Не благословилъ Богъ нашъ подвигъ: больше семидесяти учениковъ твоихъ, отче, три раза въ дальнія страны ходили и ничего не сыскали, и всѣ-то семьдесятъ учениковъ полегли во чужихъ странахъ, единъ азъ грѣшный въ живыхъ остался». Отвѣчалъ на такія рѣчи старецъ, меня утѣшая, а самъ — отъ очію слезы испуская: «Не скорби, брате,—говорилъ онъ:—не скорби и душевнаго унынія бѣгай: аще троечастный твой путный подвигъ и тщетенъ остался, но паче возвеселиться долженъ ты нынѣ съ нашими радостными лики: обрѣли мы святителей, и теперь у насъ полный чинъ священства. За труды твои церковь тебя похваляетъ и всегда за тебя молить Бога будетъ, а трудникамъ, что нуждною смертью въ пути животъ свой скончали — буди имъ вѣчная память въ роды и роды!..» Тутъ упалъ я къ честнымъ стопамъ старца, открылъ передъ нимъ свою душу, повѣдалъ ему мои сомнѣнія: «Прости, — сказалъ ему:—святый отче, разрѣши недоумѣнный мой помыслъ. Корень іерархіи нашей отъ грековъ изыде, а много я видалъ греческихъ властей въ Царьградѣ, въ Іерусалимѣ и во Египтѣ: пестра ихъ вѣра, благочестія обнажена совершенно. Какъ же новая іерархія отъ столь мутнаго источника изыде, како въ свѣтлую рѣку претворится?» И довольно поучилъ меня старецъ Аркадій, и бесѣдою душеполезной растопилъ окаменѣлое сердце мое, отогналъ отъ меня лукаваго духа. Потомъ и самъ я изслѣдовалъ все дѣло подробно, и со многими искусными въ божественномъ писаніи старцами много бесѣдовалъ—и въ конецъ удостовѣрился, что наша священная іерархія истинна и правильна!.. Ей! Передъ Господомъ Богомъ свидѣтельствую вамъ и всѣхъ васъ совершенно завѣряю, — прибавилъ, вставая съ мѣста и подходя къ иконамъ, паломникъ: — истинна древлеправославная австрійская іерархія, нѣтъ въ ней ни едина порока!

Медленною поступью подошла Манефа къ паломнику и твердымъ голосомъ сказала:

— Не чаяла тебя видѣть, Якимъ Прохорычъ!.. Какъ изъ гроба сталъ предо мною... Благодарю Господа и поклоняюся Ему за всѣ чудодѣянія, какія оказалъ Онъ надъ тобою.

Поклонилась мать Манефа паломнику и скорой, едва слышной поступью пошла изъ горницы, а поровнявшись съ Фленушкой, сказала ей шопотомъ:

— Пойдемъ... Евпраксію позови... Укладываться... Чѣмъ свѣтъ, поѣдемъ.

— Зачѣмъ же ты, Якимъ Прохорычъ, ушелъ изъ митрополіи? — спросила Аксинья Захаровна у Стуколова.

— Творя волю епископа, преосвященнаго господина Софронія, — внушительно отвѣчалъ онъ и, немного помолчавъ, сказалъ: — Черезъ два съ половиною года послѣ того, какъ водворился я въ Бѣлой Криницѣ, прибылъ нѣкій благочестивый мужъ Степанъ Трифонычъ Жировъ, начетчикъ великій, всей Москвѣ знаемъ. До учрежденія митрополіи утолялъ онъ въ Россіи душевный гладъ христіанъ, привлекая къ древлему благочестію никоніанскихъ іереевъ. Письма привезъ онъ изъ Москвы, и скоро его митрополитъ по всѣмъ духовнымъ степенямъ произвелъ: изъ простецовъ въ пять дней сталъ онъ епископъ Софроній и воротился въ Россію. Бѣлокриницкія власти повелѣли мнѣ находиться при немъ. Съ нимъ и пріѣхалъ я до Москвы.

— И за Волгу онъ же прислалъ тебя? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Онъ же, только совсѣмъ по другому дѣлу. Не по церковному, — отвѣчалъ Якимъ Прохорычъ.

— Что̀ за дѣло? — продолжалъ разспросы Патапъ Максимычъ.

Стуколовъ замолчалъ.

— Коли клятвы не положено, чтобы тайны не повѣдать, что̀ не говоришь?.. — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Клятвы не положено и приказу молчать не сказано, — вполголоса проговорилъ Стуколовъ.

— Зачѣмъ же насъ въ невѣдѣньи держишь? — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Здѣсь свои люди, стары твои друзья, кондовые пріятели, а кого не знаешь — то чада и домочадцы ихъ.

Молчалъ Якимъ Прохорычъ.

— Видно, долга разлука холодитъ старую дружбу, — вполголоса промолвилъ Чапуринъ Ивану Григорьичу.

— Скажу, — молвилъ Стуколовъ. — Только не при женахъ говорить бы...

— Ахъ! батька! Уйти можемъ, — воскликнула Аксинья Захаровна. — Настя, вели-ка Матренѣ заѣдки-то въ заднюю нести. Пойдемте, Арина Васильевна, Грунюшка, Параша. Никифору-то не уйти ли съ нами, Максимычъ?

— Ступай-ка съ ними въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ ему Патапъ Максимычъ.

Никифоръ пошелъ, съ горестью глядя, что Матрена въ заднюю несетъ однѣ сладкія заѣдки. Разноцвѣтные графины и солененькое остались, по приказу хозяина, въ передней горницѣ.

Обведя собесѣдниковъ глазами, Стуколовъ началъ:

— Вотъ вы тысячники, богатеи: пересчитать только деньги

ваши, такъ не одинъ разъ устанешь... А я что передъ вами?.. Убогій странникъ, нищій, калика перехожій... А стоитъ мнѣ захотѣть, всѣхъ милліонщиковъ богаче буду... Не хочу. Отрекся отъ міра и отъ богатства отказался...

— Научи насъ, какъ сдѣлаться милліонщиками, — слегка усмѣхнувшись, сказалъ удѣльный голова.

— Научу... И будете милліонщиками, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Безпремѣнно будете... Мнѣ не надо богатства... Передъ Богомъ говорю... Только маленько работы отъ васъ потребуется.

— Какой же работы? — спросилъ голова.

— Не больно тяжелой; управиться сможете. Да не о томъ теперь рѣчь... Покамѣстъ... — съ запинками говорилъ Стуколовъ. — Земляного масла хотите? — примолвилъ онъ шопотомъ.

Всѣ переглянулись.

— Что за масло такое? — спросилъ Чапуринъ.

— Не слыхалъ?.. — съ лукавой усмѣшкой отвѣтилъ паломникъ. — А изъ чего это у тебя сдѣлано? — спросилъ онъ Патапа Максимыча, взявши его за руку, на которой для праздника надѣты были два дорогіе перстня.

— Изъ золота.

— По-нашему, по-сибирски — это земляное масло. Видалъ ли кто изъ васъ, какъ въ землѣ-то сидитъ оно?

— Кому видѣть? Никто не видалъ, — отозвался Чапуринъ.

— А я видалъ, — сказалъ паломникъ. — Бывало, какъ жилъ въ сибирскихъ тайгахъ, самъ доставалъ это маслецо, все это дѣло знаю вдоль и поперекъ. Не въ проносъ будь слово сказано, знаю, какимъ способомъ и въ Россію можно его вывозить... Смекаете?

— Да вѣдь это далеко, — замѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Въ Сибири. Намъ не рука.

— Ближе найдемъ, — отвѣчалъ паломникъ. — По золоту ходите, по серебру бродите... Понимаете вы это?

— Развѣ есть за Волгой золото? Быть того не можетъ! Шутки ты шутишь надъ нами, — сказалъ удѣльный голова.

— Извѣстно, здѣсь въ Осиповкѣ опричь илу да песку нѣтъ ничего. А по близости найдется, — сказалъ Стуколовъ. — Слушайте! Дорогой, какъ мы изъ австрійскихъ предѣловъ съ епископомъ въ Москву ѣхали, разсказалъ я ему про свои хожденья, говорилъ и про то, какъ въ сибирскихъ тайгахъ землянымъ масломъ заимствовался. Епископъ тутъ и открылся мнѣ: допрежь въ Москвѣ постоялый дворъ онъ держалъ, и нѣкіе отъ христіанъ земляное масло изъ Сибири ему важивали, въ осетрахъ да въ бѣлугахъ, еще въ меду. Епископа

братъ путь-дорогу привезенному маслу показывалъ, куда, значитъ, слѣдуетъ идти ему. Хоть дѣло запретное, да находились люди, что̀ съ радостью масло то покупали. Однакожъ начальство свѣдало. Тогда и пришло на мысль епископу, чѣмъ тайно сбытомъ земляного масла заимствоваться, лучше настоящимъ дѣломъ, какъ есть по закону, искать золота. Въ Сибирь не разъ Жировы ѣздили пріиска̀ открывать. Найти золотой пріискъ тамъ немудреное дѣло, только нашему брату не дадутъ имъ пользоваться. Ты сыщешь, а богатый золотопромышленникъ изъ-подъ носу его у тебя выхватитъ, къ своимъ рукамъ приберетъ, а тебя изъ тайги-то въ зашей, чтобъ и духа твоего тамъ не было. Это такъ, это я самъ видалъ, какъ въ Сибири проживалъ. И узналъ преосвященный нашъ владыка, что недалече отъ родины его, въ Калужской, значитъ, губерніи, тоже есть золото. Поглядѣли, въ самомъ дѣлѣ нашли песокъ золотой. Не оглашая дѣла, купили они золотоносное мѣсто у тамошняго барина, пятьдесятъ десятинъ. Въ Петербургъ пробы возили; тамъ пробу дѣлали и сказали, что точно тутъ золото есть *). Разсказавши про такое дѣло, епископъ и говоритъ: «Этимъ дѣломъ мнѣ теперь заниматься нельзя, санъ не дозволяетъ, но есть, говоритъ, у меня братья родные и други-пріятели, они при томъ дѣлѣ будутъ... А передъ самымъ, говоритъ, отъѣздомъ моимъ въ Бѣлу-Криницу мнѣ отписывали, что за Волгой по тамошнимъ лѣсамъ водится золото. Я, говоритъ, тебя туда замѣсто послушанія пошлю спровѣдать, правду-ль мнѣ отписывали, а если найдешь, предложи тамъ кому изъ христіанъ, не пожелаетъ ли кто со мной его добывать...» Вотъ я и пришелъ сюда, творить волю пославшаго.

— Что-жъ, нашелъ? — съ нетерпѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Видимо-невидимо! — отвѣтилъ Стуколовъ. — Всю Сибирь вдоль и поперекъ изойди, такого богатства не сыщешь. Золото само изъ земли лѣзетъ... Глядите!

И, вынувъ изъ кармана замшевый мѣшокъ, въ какихъ крестьяне носятъ деньги, Стуколовъ развязалъ его, и густая струя золотого песку посыпалась на чайное блюдечко.

---

*) Истинное происшествіе. Кочуевъ, которому принадлежитъ первая мысль объ устроеніи Бѣлокриницкой іерархіи, вмѣстѣ съ братьями Жировыми, купцомъ Заказновымъ и племянникомъ своимъ Александромъ Кочуевымъ, искали золото въ Калужской губерніи. Для этого въ 1849 году купили у г. Поливанова 50 десятинъ земли и, чтобы не огласить цѣли покупки, говорили, что думаютъ устроить химическій заводъ. Заказновъ привезъ въ Петербургъ непромытый песокъ, говоря, что онъ взятъ на купленной у Поливанова землѣ. По свидѣтельству пробирера Гропмейра, въ пудѣ непромытаго песка съ глиной найдено было 6¼ долей золота и 25 долей серебра.

Всѣ столпились вкругъ стола и жадно смотрѣли на золотую струю. Ни слова, ни звука... Даже дыханье у всѣхъ сперлось. Одинъ маятникъ стѣнныхъ часовъ мѣрно чикалъ за перегородкой.

Вдругъ скрипъ полозьевъ. Остановились у воротъ сани. Внизу забѣгали, въ сѣняхъ засуетились.

Патапъ Максимычъ очнулся и побѣжалъ гостей встрѣчать. Паломникъ не торопясь высыпалъ золотой песокъ съ блюдечка въ мѣшокъ и крѣпко завязалъ его.

— Гдѣ нашелъ?.. Въ какомъ мѣстѣ? — спрашивалъ его Алексѣй, едва переводя духъ и схвативъ паломника за руку.

— Неподалеку отсюда, въ лѣсу... — равнодушно молвилъ Стуколовъ, кладя мѣшокъ въ карманъ.

Загорѣлись у Алексѣя глаза. «Вотъ счастье-то Богъ посылаетъ,—подумалъ онъ. — Накопаю я этого масла, тогда..»

Патапъ Максимычъ вошелъ въ горницу, ведя пòдъ руку старика Снѣжкова. За нимъ шелъ молодой Снѣжковъ.

Глава двѣнадцатая.

Струя золотого песку, пущенная паломникомъ, ошеломила гостей Патапа Максимыча. При Снѣжковыхъ разговоръ не клеился. Даниле Тихонычу показалось страннымъ, что ему отвѣчаютъ нѐхотя и невпопадъ, и что самъ хозяинъ былъ какъ бы не по себѣ.

«Чтò за притча такая?—думаютъ Снѣжковы.—Звали именинный пиръ пировать, невѣсту хотѣли показывать, родниться затѣвали, а пріѣхали — такъ хоть бы пустымъ словомъ встрѣтили насъ. Будто и не рады, будто мы лишніе, нежданные». Коробило отца Снѣжкова — самолюбивъ былъ старикъ.

Межъ тѣмъ Патапъ Максимычъ, улуча минуту, подошелъ къ Стуколову. Стоя у божницы, паломникъ внимательно разглядывалъ старинныя иконы. Патапъ Максимычъ вызвалъ его на пару словъ въ боковушу.

— Это Снѣжковы пріѣхали, — сказалъ онъ: — богатые купцы самарскіе, старикъ-отъ мнѣ большой пріятель. Денегъ куча, никакихъ капиталовъ онъ не пожалѣетъ на развѣдки. Сказать ему, что ли?

— Оборони Господи! — отвѣчалъ Стуколовъ. — Строго-настрого наказано, чтобъ, опричь здѣшнихъ жителей, никому словечка не молвить... Тамъ послѣ чтò Богъ дастъ, а теперь нельзя.

Не по нраву пришлись Чапурину слова паломника. Однако сдѣлалъ по его: и куму Ивану Григорьичу, и удѣльному го-

ловѣ, и Алексѣю шепнулъ, чтобъ до поры до времени они про золотые пріиски никому не сказывали. Дюкова учить было нечего, тотъ былъ со Стуколовымъ заодно. Къ тому же парень былъ не говорливаго десятка, въ молчанку больше любилъ играть.

Кой-какъ завязалась бесѣда, но бесѣдовали невесело. Не стала веселѣй бесѣда и тогда, какъ вошла въ горницу Аксинья Захаровна съ дочерьми и гостями. Манеѳа не вышла взглянуть на суженаго племянницы.

Когда Настя входила въ горницу, молодой Снѣжковъ стоялъ возлѣ Алексѣя. Онъ былъ одѣтъ «по-модному»: въ щегольской короткополый сюртукъ и черный открытый жилетъ, на немъ блестѣла золотая часовая цѣпочка со множествомъ разныхъ привѣсокъ. Бѣлье на Снѣжковѣ было чистоты бѣлоснѣжной, на лѣвой рукѣ была натянута бѣлая перчатка. Михайла Данилычъ принадлежалъ къ числу «образованныхъ старообрядцевъ», что̀ давно появились въ столицахъ, а лѣтъ двадцать тому назадъ стали показываться и въ губерніяхъ. Строгіе рогожскіе уставы не смущали ихъ. Не вѣрили они, чтобъ въ иноземной одеждѣ, въ клубахъ, театрахъ, маскарадахъ много было грѣха, и Михайла Данилычъ не разъ, сидя въ особой комнатѣ Новотроицкаго, съ сигарой въ зубахъ, за стаканомъ шампанскаго, отъ души хохоталъ съ подобными себѣ надъ увѣщаньями и проклятьями рогожскаго попа Ивана Матвѣича, въ новыхъ обычаяхъ видѣвшаго конечную погибель старообрядства.

Михайла Данилычъ былъ изъ себя красивъ, легкія рябины не безобразили его лица; взглядъ былъ веселый, открытый, умный. Но какъ невзраченъ показался онъ Настѣ, когда она перевела взоръ свой на Алексѣя!

Патапъ Максимычъ познакомилъ съ женой и дочерьми. Усѣлись: старикъ Снѣжковъ рядомъ съ хозяйкой, принявшейся снова чай разливать, сынъ возлѣ Патапа Максимыча.

— Просимъ полюбить насъ, лаской своей не оставить, Аксинья Захаровна, — говорилъ хозяйкѣ Данила Тихонычъ. — И парнишку моего лаской не оставьте... Вы не смотрите, что на немъ такая одёжа... Что̀ станешь дѣлать съ молодежью? Въ городѣ живемъ, въ столицахъ бываемъ; нельзя... А по душѣ, сударыня, парень онъ у меня хорошій, какъ есть, нашего стараго завѣта.

— Что̀ про то говорить, Данила Тихонычъ, — отвѣчала Аксинья Захаровна, съ любопытствомъ разглядывая Михайлу Данилыча и переводя украдкой глаза на Настю. — Извѣстно, люди молодые, незрѣлые. Не на вѣтеръ стары люди говаривали: «незрѣлъ виноградъ невкусенъ, младъ человѣкъ неиску-

сенъ; а молоденькій умокъ, что весенній ледокъ»... Пройдутъ, батюшка Данила Тихонычъ, красные-то годы, пройдетъ молодость: возлюбятъ тогда и одёжу степенную, святыми отцами благословенную и намъ, грѣшнымъ, заповѣданную, возлюбятъ и старинку нашу боголюбезную, свычаи да обычаи, что дѣдами-прадѣдами нерушимо уложены.

— Это вы правильно, Аксинья Захаровна, — отвѣчалъ старый Снѣжковъ. — Это, значитъ, вы какъ есть въ настоящую точку попали.

— Куда я попала, батюшка? — съ недоумѣньемъ спросила Аксинья Захаровна.

— Въ настоящую точку, значитъ, въ линію, какъ есть, — отвѣтилъ Данила Тихонычъ. — Потому, значитъ, въ вашихъ словахъ, окромя настоящей справедливости, нѣтъ ничего-съ.

— Невдомекъ мнѣ, глупой, ваши умныя рѣчи, — сказала Аксинья Захаровна. — Мы люди простые, темные, захолустные, простите насъ, Христа ради!

— А ты слушай да рѣчей не перебивай, — вступился Патапъ Максимычъ, и безмолвная Аксинья Захаровна покорно устремила взоръ свой къ Снѣжкову: «говорите, молъ, батюшка Данила Тихонычъ, слушать велитъ».

Прочіе, кто были въ горницѣ, молчали, глядя въ упоръ на Снѣжковыхъ... Пользуясь тѣмъ, Никифоръ Захарычъ тихохонько вздумалъ пробраться за стульями къ завѣтному столику, но Патапъ Максимычъ это замѣтилъ. Не ворочая головы, а только скосивъ глаза, сказалъ онъ:

— Алексѣй!

Алексѣй проснулся изъ забытья. Все время сидѣлъ онъ, опустя глаза въ землю и не слыша, что вкругъ него говорится... Золото, только золото на умѣ у него... Услышавъ хозяйское слово и увидя Никифора, всталъ. Волкъ повернулъ назадъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, съ тяжелымъ вздохомъ усѣлся у печки, возлѣ выхода въ боковушку. И ужъ какъ же ругался онъ самъ про себя.

— По нынѣшнимъ временамъ, сударыня Аксинья Захаровна, — продолжалъ свои рѣчи Данила Тихонычъ: — нашему брату купцу, особенно изъ молодыхъ, никакъ невозможно старыхъ обычаевъ во всемъ соблюсти. Что станешь дѣлать? Такія времена пришли!.. Изойдите вы теперь всѣ хорошіе дома по московскому аль по петербургскому купечеству, изъ нашего то-есть сословія, вездѣ это найдете... Да и что за грѣхъ, коли правду сказать, Аксинья Захаровна? Была бы душа чиста да свята. Такъ ли? Всѣ эти грѣхи не смертные, всѣ эти грѣхи замолимые. Покаемся, Богъ дастъ, успѣемъ умолить

Создателя... а̄ некогда да недосугъ, праведниковъ да молитвенниковъ попросимъ. Они свое дѣло знаютъ — разомъ замолятъ грѣхъ.

— Велика молитва праведниковъ предъ Господомъ, — съ набожнымъ вздохомъ молвила Аксинья Захаровна.

Стуколовъ нахмурился. Какъ ночь смотритъ, глазъ не сводя со стараго краснобая.

— Я вамъ, сударыня Аксинья Захаровна, про одного моего пріятеля разскажу, — продолжалъ старикъ Снѣжковъ. — Стужинъ есть, Семенъ Елизарычъ, въ Москвѣ. Страшный богачъ: двадцать пять тысячъ народу у него на фабрикахъ кормится. Слыхали, поди, Патапъ Максимычъ, про Семена Елизарыча? А можетъ статься, и встрѣчались у Макарья — онъ туда каждый годъ ѣздитъ.

— Какъ про Стужина не слыхать, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ: — люди извѣстные. Милліонахъ, слышь, въ десяти.

— Посчитать, и больше наберется, — отвѣчалъ Данила Тихонычъ. — Поистинѣ, не облыжно доложу вамъ, Аксинья Захаровна, такихъ людей промежъ нашихъ христіанъ, древляго то-есть благочестія, немного найдется... Столпъ благочестія!.. Адамантъ!.. Да-съ. Та̄къ его рогожскій священникъ нашъ, батюшка Иванъ Матвѣичъ, и въ глаза и за глаза зоветъ, а матушка Пульхерія, рогожская то-есть игуменья, всѣмъ говоритъ, что вотъ безъ малаго сто годовъ она на свѣтѣ живетъ, а такого благочестія, какъ въ Семенѣ Елизарычѣ, ни въ комъ не видывала... Черезъ него, сударыня Аксинья Захаровна, можно сказать, все Рогожское держится, имъ только и дышитъ: потому, знаете, отъ начальства нонѣ строгости, а Семенъ Елизарычъ съ высокими людьми водитъ знакомство... И оберегаетъ.

— Дай ему Богъ добраго здоровья и души спасенія, — набожно, вполголоса проговорила Аксинья Захаровна. — Слыхали мы про великія добродѣтели Семена Елизарыча. Сирымъ и вдовымъ заступникъ, нищей братіи щедрый податель, страннымъ покой, болящимъ призрѣніе... Дай ему Господи тѣлеснаго здравія и душевнаго спасенія...

— Такъ-съ, — отвѣтилъ Данила Тихонычъ. — Истину изволите говорить, сударыня Аксинья Захаровна... Ну, а ужъ насчетъ хоша бы, примѣромъ будучи сказать, этого табачнаго зелья, и дѣткамъ не возбраняетъ, и самъ въ чужихъ людяхъ не брезгуетъ... На этомъ ужъ извините...

— Сквернится? — грустно, чуть не со слезами на глазахъ спросила Аксинья Захаровна.

— Одно слово — извините! — съ улыбкой отвѣчалъ Данила Тихонычъ.

Стуколовъ плюнулъ, всталъ со стула, быстро прошелся раза два въ сторонкѣ и, нахмуренный пуще прежняго, усѣлся на прежнее мѣсто.

— Что дѣлать, сударыня? — продолжалъ Снѣжковъ. — Слабость, соблазнъ; на всякій часъ не устоишь. Немало Семена Елизарыча матушка Пульхерія началитъ. Журитъ она его, журитъ, вычитаетъ ему все, что слѣдуетъ, а напослѣдокъ смилуется и сотворитъ прощенье. «Дѣлать нечего, скажетъ, грѣхи твои на себя вземлемъ, только вѣру крѣпко храни... Будешь вѣру хранить, о грѣхахъ не тужи: замолимъ».

— Много можетъ молитва праведника,—съ набожнымъ вздохомъ промолвила Аксинья Захаровна.—Единъ праведникъ за тысячу грѣшниковъ умоляетъ... Не прогнѣвался еще до конца на насъ грѣшныхъ Царь Небесный, посылаетъ въ міръ праведныхъ. Вотъ и у насъ своя молитвенность есть... Сестра Патапу-то Максимычу, матушка Манеѳа комаровская. Можетъ, слыхали?

— Много наслышаны, — отвѣчалъ Снѣжковъ. — По нашимъ мѣстамъ сказываютъ, что у ней въ обители отмѣнно хорошо и по чину содержится все... Да, сударыня, Аксинья Захаровна, это точно-съ, дана вамъ благодать Божія... Со своей молитвенницей невпримѣръ спокойнѣе жить. Иной, чувствуя прегрѣшенія, и захотѣлъ бы самъ грѣхи свои замаливать, да сами посудите, есть ли время ему?.. Недосуги, хлопоты... Хоть нашего брата возьмите, какъ, при нашей то-есть коммерціи, станешь грѣхи замаливать? Суета все: кричишь, бранишься, ссоришься, времени-то и не хватаетъ на Божіе дѣло... Да и то сказать: примешься самъ-отъ замаливать да, не зная сноровки, еще пуще, пожалуй, на душу-то нагадишь. Вѣдь во всякомъ дѣлѣ надо сноровку знать... А праведнику это дѣло завсегда подходящее, потому что онъ на томъ ужъ стоитъ. Онъ ужъ маху не дастъ, потому сноровку въ своемъ дѣлѣ знаетъ, за дѣло взяться умѣетъ. А намъ куда! Не пори, коли шить не умѣешь... Ваше дѣло женское, еще туда-сюда, потому что домосѣдничаете и молитвамъ больше нашего навыкли, а какъ нашъ-отъ братъ примется, курамъ на смѣхъ — хоть дѣло все брось... Ха-ха-ха!.

И раскатился старый Снѣжковъ громкимъ хохотомъ. Но, кромѣ сына, никто не улыбнулся ни на рѣчи ни на хохотъ его. Всѣ молча сидѣли, Аграфена Петровна особенно строго поглядѣла на разсказчика, но онъ не смотрѣлъ въ ея сторону. Стуколова такъ и подергивало; едва могъ себя сдерживать. Аксинья Захаровна про себя какую-то молитву читала.

Чтобы поворотить разговоръ на другое, Патапъ Максимычъ напомнилъ Снѣжкову:

— Такъ что-жъ про Стужина-то зачали вы, Данила Тихонычъ?

— Насчетъ нонѣшней молодежи хотѣлъ сказать, — отвѣчалъ Данила Тихонычъ. — У Семена Елизарыча, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Аксиньѣ Захаровнѣ: — сынки-то во фракахъ, сударыня, щеголяютъ, — знаете, въ этакой курткѣ съ хвостиками?.. Всему обучены... А ежели теперь придти на балъ, али въ театрѣ на нихъ посмотрѣть, отъ графовъ да отъ князей ничѣмъ отличить невозможно, купецкаго званія и духу нѣтъ... А коммерція изъ рукъ не валится, большая помога отцу. Въ коммерческой академіи обучались, произошли всякую науку, медали за ученье получили, не на вывѣску только, а карманныя, безъ ушковъ, значитъ, и ленты нѣтъ, — прибавилъ онъ, поправляя висѣвшую у него на шеѣ, на Аннинской лентѣ, золотую медаль. Ну, да хоть и безъ ушковъ, а все же медаль, пòчесть, значитъ... На дочерей бы Семена Елизарыча посмотрѣли вы, Аксинья Захаровна, ахнули бы, просто ахнули... По-французскому такъ и рѣжутъ, какъ есть самыя настоящія барышни. И если гдѣ балъ, танцуютъ вплоть до утра, и въ театры ѣздятъ, въ грѣхъ того, по нонѣшнимъ временамъ, не поставляютъ. А ужъ одѣваются какъ, по триста да по четыреста цѣлковыхъ платье... И всякую мелочь даже на нихъ, до послѣдней, съ позволенія сказать, исподницы, шьютъ французенки на Кузнецкомъ мосту... Поглядѣли бы вы, какъ на балъ онѣ разодѣнутся, — любо-дорого посмотрѣть... Въ позапрошломъ году, зимой, сижу я разъ вечеромъ у Семена Елизарыча, было еще изъ нашихъ человѣка два; сидимъ, про дѣла толкуемъ, а чай разливаетъ матушка Семена Елизарыча, старушка древняя, рѣдко когда и въ люди кажется, больше все на молитвѣ въ своемъ мезонинѣ пребываетъ. Хозяюшка-то Семена Елизарыча въ ту пору на балъ собиралась въ Купеческое собраніе. Въ первый разъ дочерей-то везла туда... Бабушкѣ, понятно дѣло, хочется тоже поглядѣть, какъ внучки-то вырядятся. Напоила насъ чаемъ, а сама сидитъ въ гостиной, нейдетъ въ свою горенку, дожидается... И вышли внучки, въ дорогія кружева разодѣты, всѣ въ цвѣтахъ, ну, а руки-то по локоть, какъ теперь водится, голы, и шея до плечъ голая, и груди наполовину... Какъ взвидѣла ихъ Божія старушка, такъ и всплеснула руками. «Матушки, кричитъ, совсѣмъ нагія!» Да и ну насъ турить вонъ изъ гостиной. «Уйдите, говоритъ, отцы родные, Христа ради, уйдите: не глядите на дѣвокъ, не срамите ихъ». Тàкъ мы со смѣху и померли.

Съ изумленьемъ глядѣли всѣ на Снѣжкова. Аксинья Захаровна руки опустила, ровно столбнякъ нашелъ на нее, только шепчетъ вполголоса:

— Мать Пресвята Богородица! И шея и груди!.. Господи помилуй, Господи помилуй!

Фленушка глаза опустила, Параша слегка покраснѣла, а Настя съ злорадной улыбкой взглянула на Данилу Тихоныча, потомъ на отца. Глаза ея заблистали.

Стуколовъ не выдержалъ. Раскаленными угольями блеснули черные глаза его, и легкія судороги заструились на испитомъ лицѣ паломника. Порывисто вскочилъ онъ со стула, поднялъ руку, хотѣлъ что-то сказать, но... схвативъ шапку и никому не поклонясь, быстро пошелъ вонъ изъ горницы. За нимъ Дюковъ.

— Куда вы?.. Куда ты, Якимъ Прохорычъ?.. — говорилъ Патапъ Максимычъ, выбѣжавъ слѣдомъ за ними въ сѣни...

Не старый другъ, не чудный паломникъ, золото, золото уходило.

— Душѣ претитъ! — отвѣчалъ Стуколовъ. — Не стерпѣть мнѣ хульныхъ рѣчей суеслова... Лучше уйти... Прощай, Патапъ Максимычъ!.. Прощай!..

— Да что ты... Полно!.. Господь съ тобой, Якимъ Прохорычъ, — твердилъ Патапъ Максимычъ, удерживая паломника за руку. — Вѣдь онъ богатый мельникъ, — шутливо продолжалъ Чапуринъ: — двѣ мельницы у него есть на морѣ на окіанѣ. Помолъ знатный: одна мелетъ вздоръ, друга чепуху... Ну и пусть его мелютъ... Тебѣ-то что?

— Не могу. Душа не терпитъ хульныхъ словесъ! — отвѣтилъ Стуколовъ. — Прощай, пусти меня, Патапъ Максимычъ.

— Да куда-жъ ты, на ночь-то глядя? — уговаривалъ его Патапъ Максимычъ. — Того и гляди мятель еще поднимется, слышь, вѣтеръ какой!

— Мятели, вьюги, степные бураны давно мнѣ привычны. Слаще въ полѣ мерзнуть, чѣмъ уши сквернить мерзостью суесловія. Прощай!

Умаливалъ, упрашивалъ Патапъ Максимычъ стариннаго друга-пріятеля переночевать у него, насилу уговорилъ. Согласился Стуколовъ съ условіемъ, что не увидитъ больше Снѣжковыхъ, ни стараго ни молодого. Возненавидѣлъ онъ ихъ.

Патапъ Максимычъ кликнулъ въ сѣни Алексѣя.

— Якимъ Прохорычъ усталъ, отдохнуть ему хочется, — сказалъ онъ. — У тебя пускай заночуетъ. Успокой его. А къ ужинѣ въ горницу приходи, — промолвилъ Патапъ Максимычъ вполголоса.

Алексѣй съ паломникомъ внизъ пошли. Патапъ Максимычъ съ молчаливымъ купцомъ Дюковымъ къ гостямъ воротились. Тамъ старый Снѣжковъ продолжалъ разсказы про житье-бытье Стужина: знайте, дескать, съ какими людьми мы водимся!

«Что-жъ это такое? — думалъ Патапъ Максимычъ, садясь возлѣ почетнаго гостя. — Коли шутки шутитъ, такъ эти шутки при дѣвкахъ шутить не годится... Неужели вправду онъ говоритъ? Чудно̀е дѣло!»

Разсказывалъ Данила Тихонычъ про балы да про музыкальные вечера въ московскомъ купеческомъ собранiи, помянулъ и про голыя шеи.

— Да зачѣмъ же это у васъ дѣвокъ-то такъ срамятъ? — спросилъ наконецъ Патапъ Максимычъ. — Какой ради причины голыхъ дочерей людямъ-то кажутъ?

— Такъ водится, Патапъ Максимычъ, — съ важностью отвѣтилъ Снѣжковъ. — Въ Петербургѣ аль въ Москвѣ завсегда такъ на балы ѣздятъ: и дѣвицы и замужнiя. Такое ужъ заведенье.

— И замужнiя? — проговорилъ Патапъ Максимычъ, пристально поглядѣвъ на Снѣжкова.

— И замужнiя, — спокойно отвѣтилъ Данила Тихонычъ. — Безъ этого нельзя. Вездѣ такъ.

Ни слова Патапъ Максимычъ. «Что-жъ это за срамъ такой? — разсуждаетъ онъ самъ съ собою. — Какъ же это жену-то свою голую напоказъ чужимъ людямъ возить?.. Неладно, неладно!..»

Какъ нарочно, и молодой Снѣжковъ въ такiе же разсказы пустился. У него, что̀ у отца, то же на умѣ было: похвалиться передъ будущимъ тестемъ: «вотъ, дескать, съ какими людьми мы знаемся, а вы, дескать, сиволапые, живучи въ захолустьѣ, понятiя не имѣете, какъ хорошiе люди въ столицахъ живутъ». И разсказывалъ молодой Снѣжковъ про балы и маскарады, про музыкальные вечера и театральныя представленья. Слушай, молъ, Настасья Патаповна, какое тебѣ житье будетъ развеселое; выйдешь замужъ за меня, какъ сыръ въ маслѣ станешь кататься. А она съ перваго взгляда понравилась Михайлѣ Данилычу, и ужъ думалъ онъ, какъ въ Москву съ ней переѣдетъ жить, танцовать ее и по-французски выучитъ, да, разодѣвши въ шелки-бархаты, повезетъ на Большую Дмитровку въ Купеческое собранiе. Такъ и ахнутъ всѣ: «откуда, молъ, взялась такая раскрасавица?»

— А лѣтомъ, — продолжалъ онъ: — Стужины и другiе богатые купцы изъ нашихъ въ Сокольникахъ да въ Паркѣ на

дачахъ живутъ. Собираются чуть не каждый Божій день вмѣстѣ всѣ, кавалеры, и дѣвицы, и молодыя замужнія женщины. Музыку ѣздятъ слушать, верхомъ на лошадяхъ катаются.

— Какъ же это верхомъ, Михайла Данилычъ? — спросила Аксинья Захаровна. — Этого мнѣ старухѣ что-то ужъ и не понять! Неужели и дѣвицы и молодицы на кȯняхъ верхомъ?

— Верхомъ, Аксинья Захаровна, — отвѣчалъ Снѣжковъ.

— Ай, срамъ какой! — вскрикнула Аксинья Захаровна, всплеснувъ руками. — Въ штанахъ?

— Зачѣмъ въ штанахъ, Аксинья Захаровна? — отвѣчалъ Михайла Данилычъ, удивленный словами будущей тещи. — Платье для того особое шьютъ, длинное, съ хвостомъ аршина на два. А на кȯней бокомъ садятся.

Дѣвушки зардѣлись. Аграфена Петровна строгимъ взглядомъ окинула разсказчика. Настя посмотрѣла на Патапа Максимыча, и на душѣ ея стало веселѣе; чуяла сердцемъ отцовскія думы.

Схвативъ украдкой Фленушку за руку, шепнула ей:

— Не бывать сватовству.

Фленушка головой кивнула.

Въ это время Настя взглянула на входившаго Алексѣя и улыбнулась ему свѣтлой, ясной улыбкой. Не замѣтилъ онъ того, вошелъ мрачный, сѣлъ задумчивый. Видно, крѣпкая дума сидитъ въ головѣ.

— Молодость! — молвилъ старый Снѣжковъ, улыбаясь и положивъ руку на плечо сыну. — Молодость, Патапъ Максимычъ, веселье одно на умѣ... Что-жъ?.. Молодой квасъ и тотъ играетъ, а коли младъ человѣкъ не добѣсится, такъ на старости съ ума сойдетъ... Веселись, пока молоды. Состарятся, по крайности будетъ чѣмъ молодые годы свои помянуть. Такъ ли, Патапъ Максимычъ?

— Такъ-то оно такъ, Данила Тихонычъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Только я, признаться сказать, не пойму что-то вашихъ рѣчей... Не могу я вдомекъ себѣ взять, чтȯ такое вы похваляете... Неужли вездѣ наши христіане по городамъ стали такъ жить?.. Въ Казани, къ примѣру сказать, аль у васъ въ Самарѣ?

— Ну, не какъ въ Москвѣ, а тоже живутъ, — отвѣчалъ Данила Тихонычъ. — Вотъ по осени въ Казани гостилъ я у дочери, къ зятю на именины попалъ, важнецкій балъ задалъ, почитай, весь городъ былъ. До заутрень танцовали.

— И дочки? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ же! Онѣ у меня на все горазды. Въ пансіонѣ учились. И по-французски говорятъ, и все.

— И одѣваются, какъ Стужины? — слегка прищуривъ глаза и усмѣхнувшись, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно дѣло, — отвѣчалъ Данила Тихонычъ. — Какъ люди, такъ и онѣ. Варвара у меня, меньшая, чтò за Буркова выдана, за Сергѣя Абрамыча, такая охотница до этихъ баловъ, что чудо... И спитъ и видитъ.

— Чудны дѣла Твоя, Господи, чудны дѣла Твоя! — проговорилъ Патапъ Максимычъ. Больно не по себѣ ему стало.

Ужинъ готовъ. Патапъ Максимычъ сталъ гостей за столъ усаживать. Явились и стерляди, и индѣйки, и другія кушанья, на славу Никитичной изготовленныя. Отличилась старушка: такъ настряпала, что не жуй, не глотай, только съ диву брови подымай. Молодой Снѣжковъ, набравшійся въ столицахъ толку по части изысканныхъ обѣдовъ и тонкихъ винъ, не могъ скрыть своего удивленья и сказалъ Аксиньѣ Захаровнѣ:

— Отмѣнно приготовлено! Изъ городу, видно, повара-то брали?

— Какой у насъ поваръ! — скромно и даже приниженно отвѣчала столичному щеголю простая душа, Аксинья Захаровна. — Дома, сударь, стряпали — сродственница у насъ есть, Дарья Никитична — ея стряпня.

Надивиться не могли Снѣжковы на убранство стола, на вина, на кушанья, на камчатное бѣлье, хрусталь и серебряные приборы. Хоть бы въ Самарѣ, хоть бы у Варвары Даниловны Бурковой, задававшей ужины на славу всей Казани... И гдѣ-жъ это?.. Въ лѣсахъ, въ заволжскомъ захолустьѣ!..

Смекнулъ Патапъ Максимычъ, чему гости дивуются. Повеселѣлъ. Ходитъ, потирая руки, вокругъ стола, потчуетъ гостей, самъ приговариваетъ:

— Не побрезгуйте, Данила Тихонычъ, деревенской хлѣбомъ-солью... Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... Просимъ не прогнѣваться, не взыскать на убогомъ нашемъ угощеньи... Чѣмъ Богъ послалъ!.. Вѣдь мы мужики сѣрые, необтесанные, городскимъ порядкамъ не обыкли... Наше дѣло лѣсное, живемъ съ волками да съ медвѣдями... Да потчуй, жена, чего молчишь, дорогихъ гостей не потчуешь?

— Покушайте, гости дорогіе, — заговорила, въ свою очередь, Аксинья Захаровна. — Чтò мало кушаете, Данила Тихонычъ? Аль вамъ хозяйской хлѣба-соли жаль?

— Много довольны, сударыня Аксинья Захаровна, — разглаживая бороду, сказалъ старый Снѣжковъ: — довольны-предовольны. Власть ваша, больше никакъ не могу.

— Да вы нашу-то рѣчь послушайте — приневольтесь да покушайте! — отвѣчала Аксинья Захаровна.—Вѣдь по-нашему, по-деревенскому, что̀ пору̀шено да не ску̀шано, то хозяйкѣ покоръ. Пожалѣйте хоть маленько меня, не срамите моей головы, покушайте хоть маленечко.

— Винца-то, винца, гости дорогіе, -- потчевалъ Патапъ Максимычъ, наливая рюмки.—Хвалиться не стану: добро не свое, покупное, каково—не знаю, а люди пили, такъ хвалили. Не знаю, какъ вамъ по вкусу придется. Кушайте на здоровье, Данила Тихонычъ.

— Знатное винцо, — сказалъ Данила Тихонычъ, прихлебывая лафитъ. — Какія у васъ кушанья, какія вина, Патапъ Максимычъ! Да я у Стужина не разъ на именинахъ обѣдывалъ, у нашего губернатора въ царскіе дни завсегда обѣдаю, — не облыжно доложу вамъ, что вашими кушаньями да вашими винами хоть царя потчевать... Право, отмѣнныя-съ.

— Наше дѣло лѣсное, — самодовольно отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—У генераловъ обѣдать намъ не доводится, театровъ да баловъ сроду не видывали; а угостить хорошаго человѣка, чѣмъ Богъ послалъ, завсегда рады. Пожалуйте-съ, — прибавилъ онъ, наливая Снѣжкову шампанское.

— Не многонько ли будетъ, Патапъ Максимычъ? — сказалъ Снѣжковъ, слегка отстраняя стаканъ.

— Наше дѣло лѣсное, по-нашему это вовсе не много. Пожалуйте-съ.

Двѣ бутылки роспили за наступающую именинницу.

Не обнесъ Патапъ Максимычъ и шурина, сидѣвшаго рядомъ съ приставленнымъ къ нему Алексѣемъ... Было время, когда и Микешка, спуская съ забубенными друзьями по трактирамъ родительски денежки, зналъ толкъ въ этомъ винѣ... Взялъ онъ рюмку дрожащей рукою, вспомнилъ прежніе годы, и что-то ясное проблеснуло въ тусклыхъ глазахъ его... Хлебнулъ и сплюнулъ.

— Свекольникъ! — молвилъ вполголоса. — Мнѣ бы водочки, Патапъ Максимычъ.

Молча отошелъ отъ него Патапъ Максимычъ.

Чуть не до̀ полночи пировали гости за ужиномъ. Наконецъ разошлись. Не всѣ скоро заснули; у всякаго своя дума была. Ни сонъ ни дрема что-то не ходятъ по сѣнямъ Патапа Максимыча.

Патапъ Максимычъ помѣстилъ Снѣжковыхъ въ задней боковушкѣ. Тамъ отецъ съ сыномъ долго толковали про житье-

бытье тысячника, удивлялись убранству дома его, изысканному угощенью и тому чинному, стройному во всемъ порядку, что̀, казалось, былъ издавна заведенъ у него. И про Настю толковали. Хоть не удалось съ ней слова перемолвить Михайлѣ Данилычу, хоть Настя цѣлый вечеръ глядѣла на него неласково, но величавая, гордая красота ея сильно ударила по̀ сердцу щеголеватаго купчика. Только и мечталъ онъ, какъ разодѣнетъ ее въ шелки, въ бархаты на диво не Самарѣ, а самой Москвѣ, и какъ станутъ люди дивиться на его жену-раскрасавицу... Старику Снѣжкову Настя тоже по нраву пришла.

Далъ маху Снѣжковъ, разсказавъ про стужинскихъ дочерей. Еще больше остудилъ онъ сватовство, обмолвившись, что и его дочери одѣваются такъ же, какъ Стужины.

Не первый годъ знался Снѣжковъ съ Патапомъ Максимычемъ; давно подмѣтилъ онъ въ немъ охоту стать на купецкую ногу и во всемъ обиходѣ подражать тузамъ торговаго міра. И то зналъ Данила Тихонычъ, что не строго относится Чапуринъ къ нарушеньямъ старыхъ обычаевъ. Въ самомъ дѣлѣ, Патапъ Максимычъ никогда не бывалъ изувѣромъ, самъ частенько трунилъ надъ тѣми ревнителями стараго обряда, что̀ покрой кафтана и число на немъ пуговицъ возводятъ на степень догмата вѣры. Не гнушался и табачниками, и хоть сроду самъ не куривалъ, а всегда говаривалъ, что табакъ зелье не проклятое, а такая же Божья трава, какъ и другія; въ иноземной одеждѣ, даже въ бритьѣ бороды ереси не видалъ, говоря, что Богъ не на одёжу смотритъ, а на душу. Потому Снѣжковъ и былъ увѣренъ, что разсказъ про житье богатыхъ московскихъ старообрядцевъ будущему свату по мысли придется, — но такая судьба ему выпала, — оборва̀лся... Сильно возмутила Патапа Максимыча мысль, что Михайла Данилычъ оголитъ Настю и выставитъ съ обнаженными грудями чужимъ людямъ на показъ.

Всѣ улеглись. Никого не беретъ дрема, сонъ никому не смыкаетъ глазъ.

Долго въ своей боковушкѣ разсказывала Аксинья Захаровна Аграфенѣ Петровнѣ про все чудное, что̀ творилось съ Настасьей съ того дня, какъ отецъ сказалъ ей про суженаго. Толковали потомъ про молодого Снѣжкова И той и другой не пришелся онъ по нраву. Смолкла Аксинья Захаровна, и вмѣсто плаксиваго ея голоса послышался легкій старушечій храпъ: започила сномъ именинница. Смолкли въ свѣтлицѣ долго и весело щебетавшія Настя съ Фленушкой. Во всемъ дому стало тихо, лишь въ передней горницѣ мѣрно стучитъ часовой маятникъ.

Самъ хозяинъ не спитъ, думу думаетъ. Раздѣлся, легъ — ни сонъ нейдетъ, ни дрема не беретъ... Стужинскія дочери ему вспоминаются, да чудный разсказъ Стуколова, да это золото, что̀ недалёко гдѣ-то въ землѣ сокрыто лежитъ. Заведетъ глаза Патапъ Максимычъ — и видитъ золотую струю, текущую изъ кошеля паломника. И думаетъ онъ, передумываетъ, какъ примется земляное масло копать, какъ выйдетъ въ милліонщики. Полно тогда за Волгой жить... Хоть и жаль разставаться съ родиной, да, нечего дѣлать, придется... И вотъ ужъ строитъ онъ въ Питерѣ каменный домъ, да такой, что пѣшій ли, конный ли только-что съ нимъ поверстаются, такъ ахаютъ съ дива: «экъ, молъ, какія палаты сгромоздилъ себѣ Патапъ Максимычъ, Чапуринъ сынъ!..» «Нечего дѣлать, въ гильдію записаться надо, потому что тогда заграничный торгъ заведемъ, свои конторы будемъ имѣть... Въ славу войду, въ силу... Медали, кресты, мундиры, коммерціи совѣтникъ!.. Съ министрами въ компаніи, обѣды задаю, не то что̀ Никитичнины. И самъ у министровъ въ почетныхъ гостяхъ!.. Кланяются мнѣ, ублажаютъ, угодить стараются: чуютъ тугой карманъ!.. Чего ни захотѣлъ, какъ по щучьему велѣнью, все передъ тобой... Больницъ на десять тысячъ кроватей настрою, богадѣленъ... всѣхъ бѣдныхъ, всѣхъ сирыхъ, безпомощныхъ призрю, успокою... Волгу надо расчистить: мели да перекаты больно народъ одолѣваютъ... Расчищу, пускай люди добромъ поминаютъ... Дорогъ желѣзныхъ вездѣ настрою, вездѣ... И свѣдаетъ про меня самъ батюшка, пожелаетъ видѣть самолично... Министры скачутъ, генералы, полковники, всѣ: «Патапъ Максимычъ, во дворецъ пожалуйте...» И выходитъ наше Красно Солнышко...»

Но тутъ вдругъ ему вспомнились разсказы Снѣжковыхъ про дочерей Стужина. И мерещится Патапу Максимычу, что Михайла Данилычъ оголилъ Настю чуть не до̀ пояса, посадилъ бокомъ на̀ лошадь и возитъ по московскимъ улицамъ... Народъ бѣжитъ, дивуется... Срамъ-отъ, срамъ-отъ какой... А Настасья плачетъ, убивается, не охота позоръ принимать... А дѣлать ей нечего: мужъ того хочетъ, а мужъ голова.

Вскочилъ съ постели Патапъ Максимычъ, и раздѣтый, босой, заложа руки за̀ спину, прошелъ въ большую горницу и зачалъ ходить по ней взадъ и впередъ.

«Руки по̀ локоть!.. Шея, плечи голыя и грудей половина!.. Тьфу ты, мерзость какая! — думаетъ онъ, расхаживая по горницѣ... — И дочери у него въ Казани такъ же щеголяютъ... До заутрени пляшутъ!.. Люди Богу молиться, а онѣ голыя пляшутъ!.. Иродіады, прости Господи!.. Срамота!.. И всякъ на

нихъ смотритъ, а онѣ хоть бы платочкомъ прикрылись, безстыжія, — нѣтъ... Верхомъ, съ хвостомъ, бокомъ на лошади по Сокольникамъ рыщутъ, ровно шуты какіе, скоморохи... Ни стыда въ глазахъ ни совѣсти!.. Нѣтъ, сударь, Михайла Данилычъ, ищи себѣ невѣсту въ иномъ мѣстѣ, а у насъ про тебя готовыхъ нѣтъ... Не рука намъ таковскій зять... Отдамъ я дѣтище свое на поруганье?.. Выведу на позоръ родную дочь?.. Да скорѣй въ землю живую ее закопаю, чѣмъ такое безчестье на родъ-племя приму... Ну, другъ любезный, Данила Тихонычъ, сходились мы съ тобой, не бранились, дай Богъ разойтись не бранясь, а сыну твоему Настасьи моей не видать... Просимъ не прогнѣваться, ищите лучше насъ... Чуяло сердеченько у голубки!.. А я-то на нее, мою ластовку, злобился, я-то, старый дуракъ, бранилъ ее, до слезъ доводилъ... Хорошъ отецъ!.. Нечего сказать!.. Ишь какого жениха дочери высваталъ!.. Еще слава Богу, что вò-время себя выявили... Нѣтъ, дружище, Данила Тихонычъ, пріѣзду твоему радъ, ѣшь, пей у меня, веселися, а насчетъ свадьбы выкинь изъ головы... А я-то еще первый въ Городцѣ ему намеки намекалъ... Съ того и разговоры пошли... О, Господи, Господи!.. Чтò надѣлалъ я, чтò натворилъ...»

Долго ходилъ взадъ и впередъ Патапъ Максимычъ. Мѣрный топотъ босыхъ ногъ его раздавался по горницѣ и въ сосѣдней боковушкѣ. Аксинья Захаровна проснулась, осторожно отворила дверь и, при свѣтѣ горѣвшей у иконъ лампады, увидѣла ходившаго мужа. Въ красной рубахѣ, съ разстегнутымъ косымъ воротомъ, съ засученными рукавами, весь багровый, съ распаленными глазами и всклоченными волосами, страшенъ онъ ей показался. Хотѣла спрятаться, но Патапъ Максимычъ замѣтилъ жену.

— Тебѣ чтò? — спросилъ шопотомъ, но гроза и въ шопотѣ слышна была.

— Не спится что-то, Максимычъ... Про Настеньку все думается... — едва слышно отвѣчала Аксинья Захаровна.

— Чего еще?.. Ну? — сказалъ Патапъ Максимычъ, остановясь передъ женой.

— Да я ничего... Извѣстно, твоя воля... Какъ хочешь... — И залилась бѣдная слезами.

— О чемъ заревѣла?.. Гостей, что ли, перебудить?.. А?.. — грозно спросилъ именинницу Патапъ Максимычъ.

— Настасья съ ума нейдетъ, кормилецъ ты мой. Разрывается мое сердечушко, заснула-было, такъ и во снѣ-то вижу ее, голубушку... Оголили!.. Срамить ведутъ...

— Ну, ступай спать, — мягкимъ голосомъ сказалъ женѣ

Патапъ Максимычъ. — Утро вечера мудренѣе... Ступай же, спи... Свадьбѣ не бывать.

Бросилась въ передній уголъ именинница и начала класть земные поклоны. Помолившись, кинулась мужу въ ноги.

— Богъ тебя спасетъ, Максимычъ, — сказала она, всхлипывая. — Отнялъ ты печаль отъ сердца моего.

— Полно же, полно, ступай... Спи, говорятъ тебѣ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Да ну же... Тебѣ говорятъ...

Ушла въ свою боковушку Аксинья Захаровна. А Патапъ Максимычъ все еще ходилъ взадъ и впередъ по горницѣ. Нейдетъ сонъ, не беретъ дрема.

Вдругъ слышитъ онъ возню въ сѣняхъ. Прислушивается — что-то тащатъ по полу... Не воры-ль забрались?.. Отворилъ дверь: мать Манеѳа въ дорожной шубѣ со свѣчой въ рукахъ на порогѣ моленной стоитъ, а дюжая Анафролія съ Евпраксіей-канонницей тащатъ внизъ по лѣстницѣ чемоданъ съ пожитками игуменьи.

Какъ взвидѣла брата матушка Манеѳа, такъ и присѣла на порогѣ. Анафролія стала на лѣстницѣ и разиня ротъ глядѣла на Патапа Максимыча. Канонница, какъ пойманный въ шалостяхъ школьникъ, не знала, куда руки дѣвать.

— Это что? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Я... братецъ... домой хочу... въ обитель собралась... — шептала Манеѳа.

— Домой?.. А коль тебѣ домой захотѣлось, зачѣмъ же ты, спасёная твоя душа, воровскимъ образомъ, не простясь съ хозяевами, тихомолкомъ вздумала?.. А?..

Молчала игуменья.

— Что-жъ это ты на срамъ, что ли, хочешь поднять меня передъ гостями?.. А?.. На смѣхъ ты это дѣлаешь, что ли?.. Да говори же, спасенница... Цѣлый, почитай, вечеръ съ гостьми сидѣла, всѣ ее видѣли, и вдругъ, ни съ того ни съ сего, ночью, въ самыя невѣсткины именины, домой собраться изволила!.. Сказывай, что̀ на умѣ?.. Ну!.. да что̀ ты, проглотила языкъ-отъ?

— Неможется... — едва смогла проговорить Манеѳа.

— Неможется, такъ лежи. Умри, коли хочется, а сраму дѣлать не смѣй... Вишь что̀ вздумала! Да я тебя въ моленной на три замка̀ запру, шагу изъ дому не дамъ шагнуть... Неможется!.. Я тебѣ такую немоготу задамъ, что вѣкъ не забудешь... Шишь на мѣсто!.. А вы, мокрохвостницы, что̀ стали?.. Тащите назадъ, да если опять вздумаете, такъ у меня смотрите: таковскихъ засыплю, что до новыхъ вѣниковъ не забудете.

Нечего дѣлать. Осталась Манеѳа подъ одной кровлей съ Якимомъ Прохорычемъ... Осталась среди искушеній... Не подъ силу ей противъ брата идти: таковъ уродился — чего ни захочетъ, на своемъ поставитъ.

Запереть Манеѳу онъ не заперъ, но, разбудивъ стараго Пантелея, далъ ему наказъ строго-настрого глядѣть въ оба за скитскимъ работникомъ, что̀ пріѣхалъ съ Манеѳой изъ Комарова.

— Чтобъ къ обительскимъ лошадямъ и подходить онъ не смѣлъ, — приказывалъ Патапъ Максимычъ: — а коль Манеѳа тайкомъ со двора поѣдетъ — за̀ воротъ ее да въ избу... Такъ и тащи... А чужимъ не болтай, что̀ у насъ тутъ было, — прибавилъ онъ, уходя, Пантелею.

Глава тринадцатая.

Смущенная внезапнымъ появленьемъ Якима Прохорыча, Манеѳа не могла выдержать его присутствія и ушла съ Фленушкой къ себѣ въ заднюю.

Игуменья всѣмъ тѣломъ дрожала, едва на ногахъ держалась. Еле-еле дошла до горенки, опираясь на Фленушку.

— Что̀ съ тобой, матушка? — говорила ей оторопѣвшая дѣвушка. — Аль неможется? Шалфейцемъ не напоить ли?.. Аль бузиной съ липовымъ цвѣтомъ?

— Не надо... Ничего не надо... — отрывисто отвѣчала мать Манеѳа.

Когда вошли въ боковушку, тамъ никого не было. И здоровенная Анафролія и богомольная Евпраксеюшка суетились въ стряпущей, помогали Никитичнѣ ужинъ наряжать.

Тяжело опустилась на стулъ Манеѳа. Фленушка взяла ее за руки: какъ ледъ холодныя.

— Что̀ это, матушка? — сказала Фленушка. — Дай я раздѣну тебя, уложу, тепленькимъ напою, укутаю...

— Ахъ, Фленушка, моя Фленушка! — страстнымъ, почти незнакомымъ дотолѣ Фленушкѣ голосомъ воскликнула Манеѳа и крѣпко обвила руками шею дѣвушки... — Родная ты моя!.. Голубушка!.. Какъ бы знала ты да вѣдала!..

И горячо, страстно цѣловала Манеѳа глаза, щеки и уста Фленушки.

— Матушка, матушка! Что̀ съ тобой? — встревоженная необычными ласками всегда строгой, хоть до безумія любившей ее игуменьи, говорила Фленушка. — Матушка, успокойся, прилягъ...

— Постой, постой, мое дитятко, милая моя, сердечная ты моя дѣвочка... Какъ бы знала ты!.. О Господи, Господи, не

вмѣни во грѣхъ рабѣ Твоей!.. Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей, отжени отъ мене омраченіе помысловъ... Уйди, Фленушка, уйди... Крикни Евпраксеюшку съ Анафроліей... Ступай, ступай!..

Фленушка стала передъ Манееой на колѣна и горячо цѣловала ея руку.

— Не пойду я отъ тебя, матушка, — сказала она со слезами. — Какъ мнѣ оставить больную тебя? Не сказать ли Аксиньѣ Захаровнѣ?

— Оборони Господи! — воскликнула Манееа, вставая со стула и выпрямляясь во весь ростъ. — Прощай, Фленушка... Христосъ съ тобой... — продолжала она уже тѣмъ строгимъ, начальственнымъ голосомъ, который такъ знакомъ былъ въ ея обители. — Ступай къ гостямъ... Ты здѣсь останешься... а я уѣду, сейчасъ же уѣду... Не смѣй про это никому говорить... Слышишь? Чтобъ Максимычъ какъ не узналъ... Передъ свѣтомъ уѣду... Дѣла есть, спѣшныя — письма получила... Ступай же, ступай... кликни Анафролію да Евпраксеюшку.

Вышла Фленушка, а Манееа закрыла лицо руками и тихо зарыдала.

Пришли Анафролія съ Евпраксіей. Воспрянула подвижница. Слезъ какъ не бывало. Коротко и внушительно отдавъ приказъ собрать ее тайкомъ въ дорогу, пошла она въ моленную. Тамъ упала ницъ передъ темными ликами угодниковъ, едва освѣщенными догоравшими лампадами, и громко зарыдала...

Встрѣча съ паломникомъ, котораго она въ живыхъ не чаяла, возмутила духовный миръ матери Манееы. Много недреманныхъ, молитвенныхъ ночей провела она въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ ради забвенія бурь и тревогъ, что̀ мутили ея душу во дни давно отжитой молодости. Заключась въ тѣсной кельѣ, строгая подвижница успѣла умирить треволненія души. Удаленіе отъ міра и его грѣховной суеты, строгій постъ, удрученіе плоти, чтеніе «Добротолюбія» и другихъ книгъ аскетическаго содержанія мало-по-малу покрывали благодатнымъ покровомъ забвенія все былое... Годы шли. Рѣже и рѣже возставали въ ея памяти образы когда-то дорогихъ ей людей, и въ сердцѣ много и горячо любившей женщины воцарился наконецъ тихій миръ и вожделѣнный покой. Отжившую для міра черницу перестали тревожить воспоминанья о прежнихъ дняхъ, и если порой возникалъ предъ ея душевными очами милый когда-то образъ, строгая инокиня принимала его уже за навожденіе лукаваго, раскрывала «Добротолюбіе» и, читая наставленіе объ умной молитвѣ, погружалась въ созерцательное

богомыслiе и, Господу помогающу, прогоняла находившее на нее искушенiе.

И вдругъ не сонное видѣнiе, не образъ, зримый только духомъ, а какъ есть человѣкъ во плоти, полный жизни, явился предъ нею... Смутилась старица... Насмѣялся врагъ рода человѣческаго надъ ея подвигами и богомыслiемъ!.. Для чего-жъ были долгiе годы душевной борьбы, къ чему послужили всякаго рода лишенiя, суровый постъ, изможденiе плоти, слезная умная молитва?.. Неужели все напрасно?.. Минута одна, и какъ вихремъ свѣяны двадцатипятилѣтнiе труды, молитвы, воздыханiя, все, все...

Стоитъ мать Манеѳа въ моленной передъ иконами, плачетъ горькими, жгучими слезами. Хочетъ читать—ничего не видитъ, хочетъ молиться—молитва на умъ нейдетъ... Мiръ суетный, грѣховный мiръ опять заговорилъ свое въ душевныя уши Манеѳы...

За Волгой въ лѣсахъ, въ Черной Рамени, жилъ-былъ крестьянинъ, богатый мужикъ. У того крестьянина дочка росла. Дочка росла, красой полнилася. Сама бѣлая, что̀ кипѣнь, волосы бѣлокурые, а брови черный соболь, глаза — угольки въ огнѣ...

Матреной звали дочку Максима Чапурина.

Высокая, стройная, изъ себя красивая, дѣвушка цвѣтетъ молодостью. Много молодцовъ на ея красоту за̀рится, но, гордая, спесивая, ласково взглянуть ни на кого не хочетъ Матренушка. Немало сухоты навела на сердца молодецкiя. Роемъ, бывало, вкругъ нея парни увиваются, но степенная, неприступная, глядѣть ни на кого не хочетъ она. И такая была у ней повадка важная, взглядъ да рѣчи такiя величавыя, что ни одинъ парень къ ней подступиться не смѣлъ. Иной бахва̀лъ, набравшись смѣлости, подвернется порой къ спесивой красавицѣ съ рѣчами затѣйными, но Матренушка такъ его, бывало, отдѣлаетъ, что тотъ со стыда да со сраму не знаетъ убраться куда.

Хоть бы разъ какому ни на есть молодцу ласковое словечко промолвила, хоть бы разъ на кого взглянула привѣтливо.

Подружки ей говаривали:

— Чтой-то ты, Матренушка, гордая такая, спесивая? На всѣхъ парней сѣрымъ волкомъ глядишь. Аль тебѣ, подруженька, никого по мысли нѣтъ?

— Что̀ мнѣ до нихъ, — отвѣтитъ, бывало, красавица. — Всѣ они нескладные да несуразные. И безъ нихъ проживу!

— Не проживешь, Матрена Максимовна. Славишься только,

величаешься, — смѣясь, говорили ей дѣвушки. — Какъ безъ солнышка денечку пробыть нельзя, такъ безъ милаго вѣку прожить нельзя.

— Полноте, дѣвушки! — отвѣтитъ, бывало, бѣлокурая красавица. — Это только одно баловство. Не хочу баловаться, не стану любить никого.

— Полно, полно! отъ любви, что̀ отъ смерти, не зачураешься, — говорили ей подруженьки.

— Ну ее совсѣмъ,—молвитъ, бывало, Матренушка.—И знать ее не хочу! Спокойнѣй, дѣвушки, спится, какъ ни по комъ не гребтится.

Дѣвушки правду сказали: не отчуралась отъ любви Матрена Максимовна. До той поры она подругамъ не вѣрила, пока не спозналась съ Якимомъ Прохорычемъ.

Свидѣлись они впервые на супрядкахъ. Какъ взглянула Матренушка въ его очи рѣчистыя, какъ услышала слова его покорныя да любовныя, загорѣлось у ней на сердцѣ, отдалась въ полонъ молодцу... Все-то цвѣтно̀ да красно̀ до той поры было въ очахъ ея, глядѣлъ на нее Божій міръ свѣтло-радостно, а теперь мутятся глазыньки, какъ не видятъ друга милаго. Безъ Якимушки и цвѣты не цвѣтно̀ цвѣтутъ, безъ него и деревья не красно̀ растутъ во дубравушкѣ, не свѣтло свѣтитъ солнце яркое, мглою-мо̀рокомъ кроется небо ясное.

Не сказала Матрена Максимовна про любовь свою отцу съ матерью, не ронила словечка ни родной сестрѣ ни подруженькамъ: все затаила въ самой себѣ и попрежнему выступала гордой, спесивою.

А немало ночей, до послѣднихъ кочетовъ, съ милымъ другомъ бывало сижено, немало въ тѣ ноченьки тайныхъ любовныхъ рѣчей бывало съ нимъ перемолвлено, по полямъ, по лугамъ съ добрымъ молодцомъ было похожено, по рощамъ, по лѣсочкамъ было погулено... Раздавались, разступались кустики ракитовые, укрывали отъ людскихъ очей стыдъ дѣвичій, счастье молодецкое... Лѣсъ не видитъ, поле не слышитъ; людямъ не по что знать...

Засылалъ стороной Якимъ Прохорычъ къ Чапурину, узнавалъ черезъ людей, какія мысли насчетъ дочери держитъ онъ, дастъ ли ей благословенье за него замужъ пойти.

— Не по себѣ Якимъ дерево клонитъ, — отвѣчалъ сватамъ Чапуринъ. — Богъ дастъ, сыщемъ зятя почище его. Нашъ товаръ вамъ не къ рукѣ, въ иномъ мѣстѣ поищите.

А какъ сваты уѣхали изъ Осиповки, кликнулъ къ себѣ Чапуринъ Матренушку. Спрашиваетъ, какъ узналъ ее Якимъ Стуколовъ, гдѣ видались они, про какія дѣла разговоры вели.

Зардѣлась Матренушка — кумачъ-кумачомъ. Слова не можетъ вымолвить. Слезы такъ и брызнули изъ очей ея.

— Сказывай!.. Все по порядку сказывай!..— говорилъ отецъ, сурово глядя на Матренушку. Дрожалъ и обрывался отъ гнѣва голосъ его.

Стоитъ Матрена Максимовна, какъ къ землѣ приросла. Молчитъ, какъ неживая.

— Говори же, безстыжая! — закричалъ Чапуринъ, схвативъ дочку за руку. — Говори, не то разражу...

И поднялъ увѣсистый кулакъ надъ бѣлокурой головкой дочери...

— Батюшка! — крикнула Матренушка и безъ чувствъ упала къ отцовскимъ ногамъ...

Поглядѣлъ на помертвѣвшую дочь Максимъ Чапуринъ, плюнулъ и велѣлъ работнику лошадей запрягать.

Черезъ часъ времени онъ уже везъ ее въ Комаровскій скитъ.

Тамъ у него двоюродная сестра проживала, мать Платонида. Ей сдалъ Максимъ Чапуринъ дочь свою съ рукъ на руки.

— Береги ты ее, мать Платонида, — говорилъ онъ сестрѣ на прощаньи. — Глазъ не спускай съ нея. Чтобъ изъ кельи, опричь часовни, никуда она ноги не накладывала, и чтобъ къ ней никто не ходилъ. Въ оба гляди, чтобы грамотокъ къ ней не переносили, чтобъ сама не писала. Ни пера ни бумаги чтобъ въ заводѣ у ней не бывало... Сбережешь дѣвку, попомню добро твое, — останешься довольна... Сундукъ съ поклажей, перину съ подушками вели взять изъ саней, да вотъ тебѣ, покамѣстъ, четвертная дѣвкѣ на харчи... А въ келарню не пускай ея, пусть въ кельѣ обѣдаетъ и ужинаетъ... А это тебѣ, матушка...

Разложилъ на столѣ подарки: сукно на шубу, черный платокъ драдедамовый, китайки на сарафанъ, икры буракъ, сахару голову, чаю фунтъ, своихъ пчелъ сотъ меду.

Мать Платонида не знаетъ, какъ благодарить тароватаго братца, а у самой на умѣ: «Полно теперь, мать Евсталія, платкомъ своимъ чваниться. Лучше моего нѣтъ теперь по всей обители. А какъ справлю суконную шубу на бѣличьемъ мѣху, лопнешь со злости, завидущіе глаза твои».

— Смотри же, мать Платонида, сбереги Матрену, — продолжалъ Максимъ Чапуринъ. — Коимъ грѣхомъ не улизнула бы... Слышишь?

— Слушаю, братецъ, слушаю, кормилецъ ты мой, — отвѣчала Платонида. — Все будетъ по приказу исполнено. Птицѣ къ окошку не дамъ подлетѣть, на единую пядь не отпущу

отъ себя Матренушку, келарничать пойду — на замòкъ замкну.

— И хорошее дѣло, — отвѣтилъ Чапуринъ. — Въ самомъ дѣлѣ запирай-ка ее на замòкъ. Надежнѣе.

— Да что-жъ это, братецъ? — спросила наконецъ мать Платонида. — Аль провинилась у тебя чѣмъ Матренушка?

— Большой провинности не было, — хмурясь и нехотя отвѣчалъ Чапуринъ: — а покрѣпче держать ее не мѣшаетъ... Берегись бѣды, пока нѣтъ ея, придетъ, ни замкàми ни запорами тогда не поможешь... Видишь ли что̀?—продолжалъ онъ, понизивъ голосъ. — Да смотри, чтобъ слова мои не въ проносъ были.

— Чтой-то ты, братецъ! — затараторила мать Платонида. — Возможно ли дѣло такія дѣла въ люди пускать?.. Матрена мнѣ не чужая, своя тоже кровь. Вотъ тебѣ Спасъ милостивый, Пресвятая Богородица Троеручица — ни едина душа словечка отъ меня не услышитъ.

— То-то, смотри, — молвилъ Чапуринъ. — Дѣвка молодая, изъ себя красовита, хàхалишка одинъ припшатился къ ней... Такъ, дрянь, голытьба рѣшетная... У самого за душой отродясь желѣзнаго гроша не бывало, и туда же свататься лѣзетъ... Я его сватамъ оглобли-то поворотилъ... Вдругорядь не заглянутъ... Да это что̀, пустяки, а вотъ что̀ гребтится мнѣ, матушка: Мотря-то сама, кажись, не прочь бы за того хàхаля замужъ идти: боюсь, чтобъ онъ не умчалъ ея, не повѣнчался-бъ уходомъ... Кажись, легче живому въ гробъ лечь: больно ужъ онъ противенъ душѣ моей!.. встрѣтилъ бы его, кажется, такъ бы на мѣстѣ и положилъ... А въ деревнѣ, сама разсуди, можно развѣ дѣвку ухоронить?.. Вороватъ сталъ народъ: умчитъ ее, песъ, какъ пить дастъ... Такъ я и разсудилъ, до поры до времени пусть ее погоститъ у тебя, дурь-то пока изъ головы у ней выйдетъ... Сможешь ли такое дѣло сдѣлать?

— Какъ такого дѣла не сдѣлать? — отозвалась Платонида. — Чужимъ дѣлывала, не то что своимъ. У насъ въ обители на этотъ счетъ крѣпко!.. Въ позапрошломъ году у меня тоже двухъ дѣвокъ отъ уходу хоронили: Авдонинскихъ Лукерью да Матюшину Татьяну Сергѣвну... Ублюла, слава Тѣ, Господи... Ужъ какихъ подвоховъ онѣ ни подводили, а, слава Богу, ухоронила... Матюшина-то, бывало — бѣда!.. И давиться-то хотѣла, и подушками-то душила себя, и мышьякомъ травиться было-вздумала, а никакого дурна надъ ней не случилось... Ублюла, братецъ, ублюла... На этотъ счетъ будьте спокойны... А ты вели-ка ей, сударь, преподобному Моисею Мурину молиться; зѣло избавляетъ отъ блудныя страсти.

— Молитесь кому знаете, — отвѣчалъ Чапуринъ. — Мнѣ бы только Мотря цѣла была, до другого прочаго дѣла мнѣ нѣтъ... Пуще всего гляди, чтобъ съ тѣмъ дьяволомъ пересылокъ у ней не заводилось.

— Одно слово: будьте спокойны, братецъ, — сказала мать Платонида. — Сохраню Матренушку въ самомъ лучшемъ видѣ... А кто же таковъ злодѣй-то?.. Мнѣ бы надо знать, чтобы крѣпче опаску держать... Кто таковъ полюбовникъ-отъ у ней?

— Ужъ и полюбовникъ! — гнѣвно крикнулъ Чапуринъ, грозно вскинувъ глазами на старицу. — Говори да не заговаривайся... Никакого полюбовника нѣтъ. Такъ себѣ, шальная голова, и все... Стуколовыхъ слыхала?

— Какъ не знать Стуколовыхъ, — отвѣчала мать Платонида. — Семенъ Ермолаичъ благодѣтель нашей обители.

— Племянникъ ихній, Якимка, — молвилъ Чапуринъ. — Чтобъ близко къ скиту не подходилъ онъ... Слышишь?

— Слышу, батюшка братецъ, какъ не слыхать? — сказала Платонида. — Знаю я и Якимку. Экій воръ какой!.. А еще все о божественномъ — книгочей... Поди-ка вотъ съ нимъ, какими дѣлами вздумалъ заниматься!

Не ласково разстался Чапуринъ съ дочерью. Сулилъ плети ременныя, вожжи варовенныя... Какъ смертный саванъ блѣдная, съ опущенными въ землю глазами, стояла предъ нимъ Матренушка, ни единаго слова она не промолвила.

Заперли рабу Божiю въ тѣсную келейку. Окромѣ матери Платониды да кривой, старой ея послушницы Фотиньи, никого не видитъ, никого не слышитъ заточенница... Горе горемычное, сидѣнье темничное!.. Гдѣ-то вы, дубравушки зеленыя, гдѣ-то вы, ракитовы кустики, гдѣ ты, рожь матушка зрѣлая, высокая, овсы, ячмени усатые, что̀ крыли добра молодца съ красной дѣвицей!.. Келья высокая, окна-то узкiя съ желѣзными перекладами: ни выпрыгнуть ни вылѣзти... Нельзя подать вѣсточки другу милому...

Мать изъ деревни прiѣхала къ Матренушкѣ да сестра замужняя. Погоревали, поплакали, пособить горю не могли. Су̀противъ отцовской воли какъ идти?..

Хоть и завѣрялъ Платониду Чапуринъ, что за Матренушкой большой провинности нѣтъ, а на дѣлѣ вышло не то... Платонидѣ такiя дѣла бывали за обычай: не одна купецкая дочка въ ея кельѣ дѣвичiй грѣхъ укрывала.

Не спознали про Матренушкинъ грѣхъ ни отецъ, ни сестра съ братьями, и никто изъ обительскихъ, кромѣ матушки игуменьи да послушницы Фотиньи. Мастерица была концы хоронить мать Платонида...

Во время родовъ мать Платонида не отходила отъ Матренушки. Зажгла передъ иконами свѣчу богоявленскую и громко, истово, безъ перерывовъ, принялась читать акаѳистъ Богородицѣ, стараясь покрывать своимъ голосомъ стоны и вопли страдалицы. Прочитавъ акаѳистъ, обратилась она къ племянницѣ, но не съ словомъ утѣшенія, не съ словомъ участія. Небесной карой принялась грозить Матренушкѣ за проступокъ ея.

— Что̀, тяжело? — язвила ее Платонида, стоя у изголовья. — На томъ свѣтѣ не то еще будетъ!.. Весело теперь?.. Сладко?.. Погоди, не избѣжать тебѣ му̀ки вѣчныя, тьмы кромѣшныя, скрежета зубнаго, червя безконечнаго, огня негасимаго!.. Огнь, жупелъ, смола кипучая, геенскія томленія... А это что̀ за муки!

— Матушка!.. Родная ты моя!.. упавшимъ голосомъ, едва слышно говорила дѣвушка. — Помолись Богу за меня, за грѣшницу...

— Не доходна до̀ Бога молитва за такую! — сурово отвѣтила ей Платонида. — Теперь въ аду бѣсы пляшутъ, радуются... Видала на иконѣ Страшнаго Суда, какое мученье за твой грѣхъ уготовано?.. Видала?.. Слушай: «не еже здѣ мучитися люто, но она вѣчна му̀ка страшна есть и самимъ бѣсомъ трепетна»... Готовятъ тебѣ крюки каленые!..

— Матушка! матушка!.. прости ты меня, Христа ради!.. Мнѣ бы исправиться *)... Смертный часъ приходитъ... Не переживу я...

— Исправой грѣха твоего не загладить... Многіе годы слезъ покаянья, многія ночи безъ сна на молитвѣ, строгій постъ, умерщвленіе плоти, отреченье отъ міра, отъ всѣхъ его соблазновъ, безысходное житье во иноческой кельѣ, черная ряса, тяжелы вериги... Вотъ чѣмъ цѣлить грѣхъ твой великій...

— Матушка!.. Если Господь помилуетъ меня... я готова... отрекусь отъ міра... ото всего... манатью надѣну... черную рясу...

— Обѣщаешься ли? — спросила Платонида.

— Обѣщаюсь, — проговорила дѣвушка.

— Обѣщаешься ли Христу?

— Обѣщаюсь...

— Принять ангельскій образъ иночества?

— Обѣщаюсь...

— Жить безысходно въ обители?

— Обѣщ...

---

*) Исповѣдаться.

Громко, пронзительно, нечеловѣческимъ голосомъ вскрикнула Матренушка... Стихла... Иной, тихій, слабенькій человѣчій голосокъ въ Платонидиной кельѣ раздался...

— Боже сильный, милостію вся строяй, — молилась вслухъ Платонида, обратясь къ иконамъ: — посѣти рабу Свою сію Матрену, исцѣли ю отъ всякаго недуга плотскаго и душевнаго, отпусти грѣхъ ея, и грѣховные соблазны, и всяку напасть, и всяко нашествіе непріязненно...

Дочку Богъ далъ. Завернула ее Платонида въ шубейку, отдала кривой Фотиньѣ, а та мигомъ въ сосѣднюю деревню Елфимову спроворила.

Тамъ жилъ одинъ мужичокъ, Григорій Ильичъ. Пряниками торговалъ и по скитамъ ребячьимъ дѣломъ заправлялъ: промыселъ тотъ невпримѣръ былъ доходнѣй пряничной торговли. У Ильича въ избѣ ребенка обмыли, въ пеленки уложили. Заложилъ Григорій лошадку и въ Городецъ. Дорожка давнымъ-давно проторенная. Въ Городцѣ рѣдку недѣлю двухъ-трехъ подкидышей не бывало. И изъ скитовъ въ Городецъ же, бывало, младенцевъ возилъ Григорій Ильичъ. Свезетъ, сдастъ кому слѣдуетъ, а на деньги, что̀ получилъ отъ честныхъ матерей, городецкихъ пряниковъ накупитъ, жемковъ, орѣховъ и продаетъ ихъ скитскимъ бѣлицамъ да молодымъ богомольцамъ. Выручку получалъ хорошую.

Елфимовскій пряничникъ дѣвочку сдалъ на часовенномъ дворѣ, старицѣ Салоникеѣ. Большая была начетчица та черница — строгая постница, великая ревнительница по древлему благочестію: двѣнадцать поповъ на своемъ вѣку отъ церкви въ расколъ сманила. И тѣмъ также по Бозѣ ревновала, чтобъ городецкихъ подкидышей непремѣнно по̀солонь въ старую вѣру крестить.

Дѣломъ не волоча, мать Салоникея снесла дѣвочку къ жившему при часовнѣ бѣглому попу. Тотъ окрестилъ и нарекъ ей имя Фаина. Мать Салоникея была воспріемницей, часовенный уставщикъ Василій Барановъ былъ воспріемникомъ.

Таково было рожденіе Фленушки...

Въ тотъ же день Салоникея, идучи отъ вечерни, увидала на часовенномъ дворѣ знакомую молодицу. Зазвала ее къ себѣ, чайкомъ попотчевала, водочкой, пряничками, а потомъ и стала ей говорить:

— Вотъ, Авдотьюшка, пятый годъ ты, родная моя, замужемъ, а дѣтокъ Богъ тебѣ не даетъ... Не взять ли дочку пріемную, богоданную? Господь не оставитъ тебя за добро и въ сей жизни и въ будущей... Знаю, что достатки ваши не широкіе, да вѣдь не объѣстъ же васъ дѣвочка.. А можетъ-

статься, выкупять ее у тебя родители, — люди они хорошіе, богатые, деньги большія дадуть, тогда вы и справитесь... Право, Авдотьюшка, сотвори-ка доброе дѣло, возьми въ дочки младенца Фленушку.

Авдотьюшка поговорила съ мужемъ и согласилась принять богоданную дочку. И росла у ней Фленушка. Разлихая дѣвчонка росла.

Изъ семейныхъ о провинности Матрены Максимовны никто не узналъ, кромѣ матери. Отцу Платонида побоялась сказать — крутой человѣкъ, на смерть забилъ бы родную дочь, а самъ бы пошелъ шагать за бугры уральскіе, за великія рѣки сибирскія... Да и самой матери Платонидѣ досталось бы, пожалуй, на калачи.

Много и горько плакала мать надъ дочерью, не коря ее, не браня, не попрекая. Молча лила она тихія, но жгучія слезы, прижавъ къ груди своей побѣдную голову Матренушки... Что дѣлать?.. Дѣло непоправимое!..

Въ ногахъ валялась она передъ Платонидой и даже передъ Фотиньей, Христомъ Богомъ молила ихъ сохранить тайну дочери. Злы были на спесивую Матренушку осиповскіе ребята, не забыли ея гордой повадки, насмѣшекъ ея надъ ихъ исканьями... Узнали-бъ про бѣду, что стряслась надъ ней, какъ разъ дегтемъ ворота Чапурина вымазали-бъ... И не снесъ бы старый позора: все бы выместилъ на Матренушкѣ плетью да кулаками.

И Платонида и Фотинья передъ иконой Казанской Богородицы поклялись свято сохранить тайну. Началъ положили, икону съ божницы сняли и во свидѣтельство клятвы цѣловали ее предъ Матренушкой и передъ ея матерью.

Дня черезъ три, по отъѣздѣ изъ скита старухи Чапуриной, къ матушкѣ Платонидѣ изъ Осиповки цѣлый возъ подарковъ привезли. Посланъ былъ возъ тайкомъ отъ хозяина... И не разъ въ году являлись такіе воза въ Комаровѣ возлѣ кельи Платонидиной. Тайна крѣпко хранилась.

Хорошо обительской матушкѣ-келейницѣ держать при себѣ богатенькую, молоденькую родственницу. Какъ сыръ въ маслѣ катайся! Всего вдоволь отъ благостыни родительской, а въ обители почетъ большой. Матушки-келейницы пользуются всякимъ случаемъ, чтобъ уговорить молоденькую дѣвушку на безысходное житье въ скиту.

Стала мать Платонида не попрежнему за больной ухаживать. Сколько ласки, сколько любви, сколько заботы обо всякой малости! Не надивится Матренушка перемѣнѣ въ строгой, всегда суровой, всегда нахмуренной дотолѣ теткѣ...

Тетенька своего достигла — птичка въ сѣтяхъ. Хорошо, привольно, почетно было послѣ того жить Платонидѣ. Послѣ матери игуменьи первымъ человѣкомъ въ обители стала.

Оправясь отъ болѣзни, Матренушка твердо рѣшилась исполнить данный обѣтъ. Вѣрила, что этимъ только обѣтомъ избавилась она отъ страшныхъ мукъ, отъ грозившей смерти, отъ адскихъ мученій, которыя такъ щедро сулила ей мать Платонида. Чтеніе «Книги о старчествѣ», «Патериковъ» и «Лимонаря» окончательно утвердили ее въ рѣшимости посвятить себя Богу и суровыми подвигами иночества умилосердить прогнѣваннаго ея грѣхопаденіемъ Господа... Адъ и муки его не выходили изъ ея памяти...

Немало просьбъ, немало слезъ понадобилось, чтобы вымолить у отца согласіе на житье скитское. И слышать не хотѣлъ, чтобы дочь его надѣла иночество.

— Лучше за Якимку замужъ иди,—сказалъ онъ Матренѣ послѣ долгихъ, напрасныхъ уговоровъ.—Хоть завтра пущай сватовъ засылаетъ: хочешь, честью отдамъ, хочешь, уходомъ ступай.

Зардѣлась Матренушка. Радостью блеснули глаза... Но вспомнился обѣтъ, данный въ страшную минуту, вспомнились мученія ада...

— Что-жъ, Мотря? — спрашивалъ отецъ. — Посылать, что ли, жениху тайную вѣсточку?

— Женихъ мой — Царь Небесный. Иного не знаю и не желаю, — твердо отвѣчала Матрена Максимовна.

Отецъ нахмурился и склонилъ голову. Немного подумавъ, сказалъ онъ:

— Ну, дѣлай, какъ знаешь... Прощай!

Цѣлую ночь простояла на молитвѣ дѣвушка... Стоитъ, погружаясь глубже и глубже въ богомысліе, но помыслъ мятежнаго міра все мутитъ душу ея... Встаютъ передъ душевными очами ея обольстительные образы тихой, сладкой любви. Видится ей, что держитъ она на одной рукѣ бѣлокурую кудрявую дѣвочку, другою обнимаетъ отца ея, и сколько счастья, сколько радости въ его ясныхъ очахъ... Она чувствуетъ жаркія объятья его, ея губы чувствуютъ горячій поцѣлуй мужа... Мужа?.. «Грядетъ міра помышленіе грѣховно, борютъ мя окаянную страсти, — шепчетъ она, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Помилуй мя, Господи, помилуй мя! Очисти мя скверную, безумную, неистовую, злопытливую...»

И, взявъ бутылку изъ-подъ деревяннаго масла, стоявшую подъ божницей, разбила ее въ дребезги объ уголъ печи, собрала осколки и, ставъ на нихъ голыми колѣнами, ради умерщвленія плоти, стала продолжать молитву.

Матрену Максимовну взяла подъ свое крылышко сама мать игуменья и, вмѣстѣ съ двумя-тремя старухами, въ недолгое время успѣла всю душу перевернуть въ поблекшей красавицѣ...

Вольный ходъ, куда хочешь, и полная свобода настала для недавней заточенницы. Но, кромѣ часовни и келій игуменьи, никуда не ходитъ она. Мерзокъ и скверенъ сталъ ей прекрасный Божій міръ. Только въ тѣсной кельѣ, пропитанной удушливымъ запахомъ воска, ладана и деревяннаго масла, стало привольно дышать ей... Гдѣ-то вы, кустики ракитовые, гдѣ ты рожь, высокая, зыбучая?.. Грѣховно, все грѣховно въ глазахъ молодой бѣлицы...

Однажды, тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, вышла она за скитскую околицу. Безъ дѣла шла и сама не знала, какъ забрела къ перелѣску, что̀ росъ недалеко отъ обителей... раздвинулись кустики, передъ ней — Якимъ Прохорычъ.

— Ясынька ты моя, ненаглядная!.. Радость ты моя!.. Голубушка!.. — рыдая и страстно дрожа всѣмъ тѣломъ, вскрикнулъ Стуколовъ. Стремительно бросился онъ къ подругѣ.

Она остановилась... Глаза вспыхнули... Еще одно мгновеніе, и она была бы въ объятіяхъ друга... Но обѣтъ!.. Страшный судъ, вѣчныя му̀ки!..

— Бѣсъ!.. Проклятый!.. — крикнула она, высо̀ко поднявъ правую руку. — Прочь!.. Не скверни святого мѣста!.. Прочь!..

— Матренушка!.. Милая!.. Разлапушка!.. Вѣдь это я... я... Аль не узнала?.. Вглядись хорошенько!

— Прочь, говорятъ тебѣ, — отвѣчала она. — Не знаю тебя... Змѣй, искуситель!.. Оставь!..

И спокойною поступью пошла къ своей кельѣ.

Съ того дня за Волгой не стало ни слуху ни духу про Стуколова.

Черезъ три дня послѣ этой встрѣчи, блѣдную, исхудалую дѣвушку вели въ часовню; тамъ дали ей въ руки зажженную свѣчу... Начался обрядъ... Изъ часовни вышла новопостриженная мать Манеѳа...

Съ перваго шага Манеѳа стала въ первомъ ряду келейницъ. Отецъ отдалъ ей все, что̀ назначалъ въ приданое, сверхъ того щедро одѣлялъ дочку-старицу деньгами къ каждому празднику. Это доставило Манеѳѣ почетное положенье въ скиту. Сначала Платонида верховòдила ею; прошелъ годъ, другой, Манеѳа старше тетки стала.

Сдѣлалась она начетчицей, изощрилась въ словопреніяхъ— и пошла про нее слава по всѣмъ скитамъ Керженскимъ, Чернораменскимъ. Заговорили о великой ревнительницѣ древляго благочестія, о крѣпкомъ адамантѣ старой вѣры. Узнали про

Манеѳу въ Москвѣ, въ Казани, на Иргизѣ и по всему старообрядчеству. Самъ попъ Иванъ Матвѣичъ съ Рогожскаго сталъ присылать ей грамотки, сама мать Пульхерія, московская игуменья, поклоны да подарочки съ богомольцами ей посылала.

Умерла Платонида, келья ея Манеѳѣ досталась, стала она въ ней полной хозяйкой, завися отъ одной только игуменьи, матери Екатерины.

— Сиротку въ Городцѣ нашла я, матушка, — сказала она однажды игуменьѣ. — Думаю дѣвочку въ дочки взять, воспитать желаю во славу Божію. Благословите, матушка.

Екатерина сидѣла за «Кирилловой книгой». Медленно подняла она голову и, глядя черезъ очки на Манеѳу, спросила:

— Велика-ль дѣвочка-то?

— Пять лѣтъ, шестой пошелъ, — отвѣчала мать Манеѳа.

— Пять лѣтъ... шестой... — медленно проговорила игуменья и улыбнулась. — Это выходитъ — она въ тотъ годъ родилась, какъ ты въ обитель вступила... Ну что-жъ? Богъ благословитъ на доброе дѣло.

Смущенная словами Екатерины, Манеѳа поблѣднѣла, какъ полотно, и до земли поклонилась игуменьѣ.

Григорій Ильичъ черезъ нѣсколько дней привезъ изъ Городца хорошенькую бойкую дѣвочку Флену Васильевну.

Выросла Фленушка въ обители, подъ крылышкомъ родной матушки. Росла баловницей всей обители, сама Манеѳа души въ ней не слышала. Но никто, кромѣ игуменьи, не вѣдалъ, что строгая, благочестивая инокиня родной матерью доводится рѣзвой дѣвочкѣ. Не вѣдала о томъ и сама дѣвочка.

Прошло еще сколько-то лѣтъ, скончалась въ обители игуменья мать Екатерина. Послѣ трехдневнаго поста собирались въ часовню старицы, клали жеребьи за икону Пречистой Богородицы, пѣли молебный канонъ Спасу Милостивому, вынимали жребій, кому сидѣть въ игуменьяхъ.

Манеѳѣ жребій вынулся. Въ ноги ей вся обитель разомъ поклонилась, настоятельскій жезлъ ей поднесли и съ пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ повели ее въ игуменскія кельи...

Разумно и правдиво правила Манеѳа своей обителью. Всѣ уважали ее, любили, боялись. Недруговъ не было. «Давно стоятъ скиты Керженскіе, Чернораменскіе, будутъ стоять скиты и послѣ насъ, а не бывало въ нихъ такой игуменьи, какъ матушка Манеѳа, да и впредь врядъ ли будетъ». Такъ говорили про Манеѳу въ Комаровѣ, въ Улангерѣ, въ Оленевѣ и въ Шарпанѣ и по всѣмъ кельямъ и сиротскимъ домамъ скитовъ маленькихъ.

Обительскія заботы, чтеніе душеполезныхъ книгъ, непре-

станныя молитвы, тяжелые труды и богомысліе давно водворили въ душѣ Манеѳы тихій, мирный покой. Не тревожили ея воспоминанья молодости, все былое покрылось забвеньемъ. Сама Фленушка не будила болѣе въ умѣ ея памяти о прошломъ. Считая Якима Прохорыча въ мертвыхъ, Манеѳа внесла его имя въ синодики постѣнный и литейный на вѣчное поминовеніе.

И вдругъ, нечаянно, негаданно явился онъ... Какъ огнемъ схватило Манеѳу, когда, взглянувъ на паломника, она признала въ немъ дорогого когда-то ей человѣка... Она, закаленная въ долгой борьбѣ со страстями, она, побѣдившая въ себѣ ветхаго человѣка со всѣми влеченьями къ міру, чувственности, суетѣ, она, умертвившая въ себѣ сердце и сладкія его обольщенья, едва могла сдержать себя при видѣ Стуколова, едва не выдала людямъ давнюю, никому невѣдомую тайну.

Слушая длинный разсказъ паломника, Манеѳа духовно утѣшалась и радовалась. «Благодарю Тебя, Господи,—мысленно говорила она:—о Твоихъ благодѣяніяхъ, милостивно на насъ бывшихъ. Не погнушался еси нашею скверною и грѣшника сего суща воздвигнулъ еси потрудитися и послужити во славу имени Твоего!»

Нелицемѣренъ былъ поклонъ ея передъ бывшимъ полюбовникомъ. Покланялась она не любовнику, а подвижнику, благодарила она трудника, положившаго душу свою на исканье старообрядскаго святительства... Ни дубравушки зеленыя ни кусты ракитовые не мелькнули въ ея памяти...

Но едва отошла отъ паломника, все ей вспомнилось... Бѣжать, бѣжать скорѣй!..

Бѣжать не удалось... Патапъ Максимычъ помѣшалъ... Надо жить подъ одной кровлею съ нимъ... И Фленушка тутъ же... Бѣдная, бѣдная!.. Чуетъ ли твое сердечушко, что возлѣ тебя отецъ родной?

Стоитъ Манеѳа передъ темными ликами угодниковъ—хочетъ читать—не видитъ, хочетъ молиться—молитва на умъ нейдетъ...

— Просвѣти умъ мой, Господи, — шептала она: — очисти сердце мое!..

А въ ушахъ звучатъ то веселые звуки деревенскаго хоровода, то затѣйный хохотъ на су́прядкахъ, то тихій, ласкающій шопотъ во ржахъ...

Затряслась всѣмъ тѣломъ Манеѳа.

— О, Господи, Господи! — шептала она, взирая на икону Спаса.

И холодная, какъ ледъ, безъ памяти, безъ сознанія, тихо опустилась на помостъ моленной.

Глава четырнадцатая.

На другой день столы работникамъ и народу справлялись. Въ горницахъ весело шелъ именинный пиръ. Надивиться не могли Снѣжковы на житье-бытье Патапа Максимыча... Въ лѣсахъ живетъ, въ захолустьѣ, а пиры задаетъ, хоть въ Москвѣ такіе.

Провожая Снѣжковыхъ, Патапъ Максимычъ не только не повелъ рѣчи про сватовство, но даже намека не сдѣлалъ, а когда на прощаньи Данила Тихонычъ завелъ-было рѣчь о томъ, Патапъ Максимычъ сказалъ ему:

— Не раненько-ль толковать объ этомъ, Данила Тихонычъ? Дѣло-то, кажись бы, не къ спѣху. Время впереди, подождемъ, что̀ Богъ пошлетъ. Есть на то воля Божія, дѣло сдѣлается; нѣтъ, супротивъ Бога какъ пойдешь?

— Оно, конечно, воля Божія первѣй всего, — сказалъ старый Снѣжковъ: — однакожъ все-таки намъ теперь бы желательно ваше слово услышать, по тому самому, Патапъ Максимычъ, что ваша Настасья Патаповна очень мнѣ по нраву пришлась — одно слово, распрекрасная дѣвица, какихъ на свѣтѣ мало живетъ, и паренекъ мой тоже говоритъ, что ему невѣсты лучше не надо.

— На добромъ словѣ покорно благодаримъ, Данила Тихонычъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ: — только я такъ думаю, что если Михайла Данилычъ станетъ по другимъ мѣстамъ искать, такъ много дѣвицъ невпримѣръ лучше моей Настасьи найдетъ. Наше дѣло, сударь, деревенское, лѣсное. Настасья у меня, окромя деревни да скита, ничего не видывала, и мнѣ сдается, что такому жениху, какъ Михайла Данилычъ, врядъ ли она подъ стать пойдетъ, потому что не обыкла къ вашимъ городскимъ порядкамъ.

— Это не бѣда. Долго-ль пріобыкнуть! — возразилъ Снѣжковъ. — Нѣтъ ужъ, вы напрямикъ скажите, Патапъ Максимычъ, можно намъ надѣяться, аль не можно?

— Да чего же тутъ надѣяться-то? — говорилъ Патапъ Максимычъ. — Отъ меня ни отказу ни приказу нѣтъ. Вѣдь хоша у насъ съ вами, Данила Тихонычъ, и были разговоры, такъ вѣдь это такъ... Мало-ль что̀ за столикомъ съ рюмочками промежъ пріятелей говорится?.. Вы не всяко лыко въ строку пускайте!.. Опять же было у насъ съ вами говорено такъ: если дѣлу тому сдѣлаться, такъ развѣ на ту зиму. Стало, и будемъ ждать той зимы. Тамъ что̀ Господь укажетъ... А все-жъ моя Настасья не порогомъ поперекъ вамъ стала, ищите гдѣ

лучше и на мнѣ не взыщите, коли до той поры Настасьѣ другой женихъ по мысли найдется. Я воли съ нея не снимаю, у дѣвки свой разумъ въ головѣ, — сама должна о судьбѣ своей разсудить.

— Какъ же это понимать надобно, Патапъ Максимычъ?— немного помолчавъ, спросилъ Снѣжковъ. — Вѣдь это значитъ отказъ, какъ длинный шестъ.

— Гдѣ же тутъ отказъ, Данила Тихонычъ? — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Никакого отказу вамъ нѣтъ отъ меня... Отказъ бываетъ, когда сватовство идетъ, а развѣ у насъ сватовство въ настоящемъ видѣ, какъ слѣдуетъ, было? Разговоры только были. По-пріятельски поболтали отъ-нечего-дѣлать... Да и тутъ было сказано — до зимы ожидать... Тамъ, опять-таки говорю я вамъ, увидимъ, что Богъ дастъ... И отказывать не отказываю и обѣщать не обѣщаю... Опять же надо прежде Настасью спросить, вѣдь не мнѣ жить съ Михайлой Данилычемъ, а ей: съ дочерей я воли не снимаю, хочетъ — иди съ Богомъ, не хочетъ — неволить не стану.

— Помнится мнѣ, въ Городцѣ не такія рѣчи я слышалъ отъ васъ, Патапъ Максимычъ? — съ усмѣшкой промолвилъ Снѣжковъ. — Тогда было, кажись, говорено: «какъ захочу, такъ и сдѣлаю».

Передернуло Патапа Максимыча. Попрекъ Снѣжкова задѣлъ его за живое. Сверкнули глаза, повернулось-было на языкѣ сказать: «не отдамъ на срамъ дѣтище, не потерплю, чтобы голили ее передъ чужими людьми»... Но сдержался и молвилъ съ досадой:

— Въ головѣ шумѣло, оттого и совралъ. Татаринъ, что-ль, я, дѣвку замужъ отдавать, ея не спросясь? Хоть и грѣшные люди, а тоже христіане.

Распрощались, повидимому, дружелюбно, но Патапъ Максимычъ понималъ, что дружба его со Снѣжковымъ ухнула. Не проститъ ему Данила Тихонычъ во вѣки вѣковъ...

Проводивъ Снѣжковыхъ, пошелъ Патапъ Максимычъ въ подклѣть и тамъ въ боковушкѣ Алексѣя усѣлся съ паломникомъ и молчаливымъ купцомъ Дюковымъ. Былъ тутъ и Алексѣй. Шли разговоры про земляное масло.

— Такъ и въ самомъ дѣлѣ въ нашихъ мѣстахъ такая благодать водится?—спрашивалъ Патапъ Максимычъ паломника.

— Есть, — отвѣчалъ Якимъ Прохорычъ. — Въ большомъ даже изобиліи. И чудное дѣло, — прибавилъ онъ: — сколько странъ, сколько земель исходилъ я на своемъ вѣку, а такой слѣпоты въ людяхъ, какъ здѣсь, нигдѣ я не видывалъ! Люди

живутъ — хоть бы Ветлугу взять — бѣднота одна, лѣсъ рубятъ, лубъ дерутъ, мочало мочатъ, смолу гонятъ — бьются сердечные вѣкъ свой за тяжелой работой: днемъ не доѣдятъ, ночью не доспятъ... О, какъ бы не ихняя слѣпота!.. Стòитъ только землю лопаткой копнуть, и такое тутъ богатство, что цѣлый свѣтъ можно бы обогатить. Пò золоту ходятъ, а его не примѣчаютъ... Бабы у нихъ дресвой полы моютъ. Не дресвой онѣ моютъ, червоннымъ золотомъ... Вотъ вѣдь что̀ значитъ, какъ человѣкъ-отъ въ понятіи не состоитъ!.. Извѣстно: живутъ въ лѣсахъ, людей, которы бы до всего доходили, не видывали... Гдѣ имъ знать?

— Гдѣ-жъ эти самыя мѣста? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Сказано — на Ветлугѣ, — отвѣчалъ Стуколовъ.

— Ветлуга-то велика. Ты скажи, которо мѣсто, — приставалъ къ паломнику Патапъ Максимычъ.

— Гдѣ именно тѣ мѣста, покамѣстъ не скажу, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Возьмешься за дѣло какъ слѣдуетъ, вмѣстѣ поѣдемъ, либо вѣрнаго человѣка пошли со мной.

— Я хоть сейчасъ готовъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Сейчасъ нельзя, — замѣтилъ Стуколовъ. — Чего теперь подъ снѣгомъ увидишь? Надо вѣдь землю копать, на днѣ малыхъ рѣчонокъ смотрѣть... Какъ можно теперь? Коли условіе со мной подпишешь, поѣдемъ по веснѣ и примемся за работу, а еще лучше ѣхать около Петрова дня, земля къ тому времени просохнетъ... Болотѝсто ужъ больно по тамошнимъ мѣстамъ.

— Лѣтомъ нельзя мнѣ, — замѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Да кума могу попросить, Ивана Григорьича. А коль ему недосужно, вотъ его спосылаю, — прибавилъ онъ, показывая на Алексѣя. — Теперь-то что̀ же надо дѣлать?

— Капиталомъ войти, потому расходы, — сказалъ Якимъ Прохорычъ. — Условіе надо писать, потомъ въ сроки деньги вносить.

— На что же деньги-то? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Мало-ль на что, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Шурфы бить, то-есть пробы въ землѣ дѣлать, землю купить, коли помѣщичья, а если казенная, въ Питерѣ хлопотать, чтобы пріискъ за нами записали... Да и потомъ мало-ль на что денегъ потребуется. Золото даромъ не дается... Зарой въ землю деньги, она и станетъ тебѣ отплачивать.

— Да ты разскажи по порядку, какъ этимъ дѣломъ надо орудовать, какъ его въ ходъ-отъ пустить? — допрашивалъ паломника Патапъ Максимычъ. — Хоть наше дѣло не то, чтобы

лубъ драть, однакожъ по этому дѣлу, что про лыкодеровъ ты молвилъ, то и къ нашему брату пристало: въ понятіи не состоимъ, взяться не умѣемъ.

— То-то и есть!.. — сказалъ Стуколовъ. — Безъ умѣлыхъ людей какъ за такое дѣло приниматься? Сказано: «Божьей волей свѣтъ стоитъ, человѣкъ живетъ умѣньемъ». Досужество да умѣнье всего дороже... Вотъ ты и охочъ золото добывать, да не гораздъ — ну и купи досужество умѣлыхъ людей.

— Да какъ его купить-то? — усмѣхнувшись, молвилъ Патапъ Максимычъ. — На базарѣ не продаютъ.

— Вотъ что, — сказалъ Стуколовъ: — складчину надо сдѣлать, компанію этакую. Слыхалъ про компаніи, что складочными деньгами дѣла ведутъ?

— Какъ не слыхать? — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Только въ этомъ дѣлѣ, сказываютъ, много грѣха живетъ — обижаютъ.

— На то глаза во лбу да умъ въ мозгу, чтобъ не обидѣли, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Видишь ли: чтобъ начать дѣло, нуженъ капиталъ, примѣромъ тысячъ въ пятьдесятъ серебромъ.

— Въ пятьдесятъ? — воскликнулъ Патапъ Максимычъ. — Экъ тебя!.. Ровно про полтину сказалъ... Пятьдесятъ тысячъ деньги, братъ, немалыя, зря не валяются... Эко слово молвилъ!.. Пятьдесятъ тысячъ!.. Да у меня, братъ, и половины такихъ денегъ въ ларцѣ-то не найдется, да если и кума и Михайлу Васильича взять, такъ и всѣмъ намъ пятидесяти тысячъ наличными не собрать. У насъ вѣдь обороты, торговля... У торговаго человѣка наличными деньги не лежатъ. А заведенныхъ дѣлъ ради твоего золота я не нарушу... Что-то еще тамъ на Ветлугѣ будетъ, а заведенное дѣло извѣдано — съ нимъ идешь навѣрняка. Хоть и сулишь ты горы золота, однакоже я скажу тебѣ, Якимъ Прохорычъ, что домашній теленокъ невпримѣръ дороже заморской коровы.

— Такъ какъ же, Патапъ Максимычъ, будетъ наше дѣло? — послѣ минутнаго молчанья спросилъ Стуколовъ.

— Да ужъ вѣрно такъ и будетъ, что твои блины отложить до другого дня. Неподходящая сумма, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Меньше нельзя, — равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ. — Пятидесяти тысячъ не пожалѣешь — милліонами будешь ворочать... Слыхалъ, какъ въ Сибири золотомъ разживаются?

— Слыхать-то слыхалъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Да вѣдь то Сибирь, мѣсто по этой части насиженное, а здѣсь внове, еще Богъ знаетъ, какъ пойдетъ.

— Ветлужскіе пріиски богаче сибирскихъ — вѣрь моему слову, — сказалъ Стуколовъ. — Гляди...

И вынулъ паломникъ изъ замшеваго мѣшка полгорсти золотого песку и сталъ пересыпать его. Глаза такъ и загорѣлись у Патапа Максимыча. Закусилъ онъ губу.

— Этой благодати на Ветлугѣ больше, чѣмъ въ Сибири, — говорилъ Стуколовъ: — а главное, здѣшня сторона нетронутая, не то, что̀ Сибирь... Мы первые, мы сметанку снимемъ, а послѣ насъ другіе хлебай простоквашу...

— Да впрямь ли ты это на Ветлугѣ нашелъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ, не спуская глазъ съ золотой струи, падавшей изъ рукъ паломника.

— Божиться, что-ль, тебѣ?.. Образъ со стѣны тащить? — вспыхнулъ Стуколовъ. — И этимъ тебя не увѣришь... Коли хочешь увѣриться, ѣдемъ сейчасъ на Ветлугу. Тамъ я тебя къ одному мужичку свезу, у него такое же маслецо увидишь, и къ другому свезу и къ третьему.

— Что-жъ, это можно, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Сколько-жъ денегъ потребуется?

— Да покамѣстъ гроша не потребуется, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Пятьдесятъ тысячъ надо не сразу, не вдругъ. Коли дѣло плохо пойдетъ, кто намъ велитъ деньги сорить по-пустому? Вотъ какъ тебѣ скажу — издержимъ мы двѣ аль три тысячи на ассигнаціи, да если увидимъ, что выгоды нѣтъ — вдаль не пойдемъ, чтобъ не зарваться...

— Двѣ либо три тысячи! — раздумывалъ Патапъ Максимычъ. — Ну, это еще туда-сюда... На этомъ можно помириться. А насчетъ пятидесяти серебра — нѣтъ, братъ, шалишь, мамонишь.

— Какъ впередъ загадывать? — отвѣчалъ Якимъ Прохорычъ: — можетъ статься, и много меньше пятидесяти тысячъ положишь, а года въ два милліонъ наживешь.

— Ужъ и милліонъ? Не широко-ль загинаешь? — перебилъ Патапъ Максимычъ.

— Не одинъ милліонъ, три, пять, десять наживешь, — съ жаромъ сталъ увѣрять Патапа Максимыча Стуколовъ. — Лиха бѣда начать: а тамъ загребай деньги... Золота на Ветлугѣ, говорю тебѣ, видимо-невидимо. Чего ужъ я — человѣкъ бывалый, много видалъ золотыхъ пріисковъ — и въ Сибири и на Уралѣ, а какъ посмотрѣлъ я на ветлужскія палестины, такъ и у меня съ дива руки опустились... Да что̀ тутъ толковать, слушай. Мы такъ положимъ, что на все на это дѣло нужно сто тысячъ серебромъ.

— Значитъ, это дѣло надо оставить, — махнувъ рукой,

сказалъ Патапъ Максимычъ. — Сто тысячъ!.. Экъ у него тысячи-то — ровно парена рѣпа...

— А ты слушай, рѣчи не перебивай, — прервалъ его Стуколовъ. — Наличными на первый разъ — сказалъ я тебѣ — двѣ либо три тысячи ассигнаціями потребуется.

— Хоть убей — въ толкъ не возьму, — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Про какія же сто тысячъ поминаешь?

— Да ты не перебивай моей рѣчи, а то ввѣкъ съ тобой не столкуешься, — съ досадой молвилъ Стуколовъ. — Сто тысячъ!.. Эти сто тысячъ надо дѣлить на сто паевъ, по тысячѣ рублей пай. Понимаешь?

— Дальше что̀? — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Пятьдесятъ паевъ ты себѣ возьми, вложивши за нихъ пятьдесятъ тысячъ, — продолжалъ Якимъ Прохорычъ. — Не теперь, а послѣ, по времени, ежели дѣло на ладъ пойдетъ... Не сможешь одинъ, товарищей найди: хоть Ивана Григорьича, что ли, аль Михайлу Васильича... Это ужъ твое дѣло. Всѣ барыши тоже на сто паевъ — сколько кому достанется.

— Ладно, хорошо, а другіе-то пятьдесятъ паевъ кому? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Епископу Софронію, — отвѣчалъ паломникъ.

— Даромъ?

— Даромъ.

— И половина барышей ему? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Конечно.

— Жирно, братъ, съѣстъ! — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Нѣтъ, Якимъ Прохорычъ, нечего намъ про это дѣло и толковать. Неподходящее, совсѣмъ пустое дѣло!.. Какъ же это?.. Будь онъ хоть патріархъ твой Софронъ, а деньги въ складчину давай, коли барышей хочешь... А то — самъ денегъ ни гроша, а въ половинѣ... На что это похоже?.. За что?

— А за то, что онъ первый спознала про такое богатство, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Вотъ, положимъ, у тебя теперь сто тысячъ въ рукахъ, да развѣ получишь ты на нихъ милліоны, коль я не укажу тебѣ мѣста, не научу, какъ надо поступать? Положимъ, другой тебя и научитъ всѣмъ порядкамъ: какъ заявлять пріиски, какъ закрѣпить ихъ за собой... А гдѣ копать-то станешь?.. Въ какомъ мѣстѣ пріискъ заявишь?.. За то, чтобы знать, гдѣ золото лежитъ, давай деньги епископу... Да и денегъ не надо — барыши только пополамъ.

Задумался Патапъ Максимычъ.

— Было бы съ него и десяти паевъ, — сказалъ онъ. — Право, больше не сто̀итъ — самъ посуди, Якимушка.

— Меньше половины нельзя, — рѣшительно отвѣтилъ Стуколовъ. — У него въ Калужской губерніи такое же дѣло заводится, тоже на пятидесяти паяхъ. Землю съ золотомъ покупаютъ теперь у помѣщика тамошняго, у господина Поливанова, можетъ, слыхалъ. Деньги дали тому господину немалыя, а епископъ своихъ копейки не истратилъ.

— Ну пускай бы ужъ его пятнадцать паевъ взялъ. Больше, право, обидно будетъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ сказано, такъ и будетъ, а не хочешь, другихъ охотниковъ до золота найдемъ, — спокойно отвѣчалъ Стуколовъ.

И, вынувъ опять замшевый мѣшокъ, посыпалъ изъ него золотой песокъ себѣ на руку передъ Патапомъ Максимычемъ.

Не разъ и не два такіе разговоры велись у Патапа Максимыча съ паломникомъ, и все въ подклѣтѣ, все въ Алексѣевой боковушѣ. Были при тѣхъ переговорахъ и кумъ Иванъ Григорьичъ, и удѣльный голова Михайла Васильичъ. Четыре дня велись у нихъ эти переговоры, наконецъ рѣшился Патапъ Максимычъ взяться за дѣло.

Рѣшили до поры до времени про затѣваемое дѣло никому не сказывать. Стуколовъ говорилъ, что если пойдетъ оно въ огласку — пиши пропало. Въ сибирскихъ тайгахъ, по его словамъ, зачастую бываетъ, что одинъ отыщетъ пріискъ да ненарокомъ проболтается, другой тотчасъ подхватитъ его на свое имя. Послѣ масленицы Патапъ Максимычъ обѣщался съѣздить на Ветлугу вмѣстѣ съ паломникомъ повидать мужиковъ, про которыхъ тотъ говорилъ, и, ежели дѣло окажется вѣрнымъ, написать со Стуколовымъ условіе, отсчитать ему три тысячи ассигнаціями, а затѣмъ, если дѣло въ ходъ пойдетъ и окажутся барыши, давать ему постепенно до пятидесяти тысячъ серебромъ.

Патапъ Максимычъ только и думаетъ о будущихъ милліонахъ. День-денской бродитъ взадъ и впередъ по передней горницѣ и думаетъ о каменныхъ домахъ въ Петербургѣ, о больницахъ и богадѣльняхъ, что̀ построитъ онъ міру на удивленье, думаетъ, какъ онъ мели да перекаты на Волгѣ расчиститъ, желѣзныя дороги какъ строить зачнетъ... А милліоны все прибавляются да прибавляются... «Что-жъ, — думаетъ Патапъ Максимычъ: — Демидовъ тоже кузнецомъ былъ, а теперь посмотри-ка, чѣмъ стали Демидовы!.. Отчего-жъ и мнѣ такимъ не быть... Не обсѣвокъ же я въ полѣ какой!..»

На первой недѣлѣ Великаго поста Патапъ Максимычъ выѣхалъ изъ Осиповки со Стуколовымъ и съ Дюковымъ. Про-

щаясь съ женой и дочерьми, онъ сказалъ, что ѣдетъ въ Красную Рамень на крупчатныя свои мельницы, а оттуда проѣдетъ въ Нижній да въ Лысково и воротится домой къ середокрестной недѣлѣ, а можетъ, и позже. Домъ покинулъ на Алексѣя, хотя притомъ и Пантелею наказалъ глядѣть за всѣмъ строже и пристальнѣй.

Наканунѣ отъѣзда, вечеромъ, послѣ ужина, когда Стуколовъ, Дюковъ и Алексѣй разошлись по своимъ угламъ, Аксинья Захаровна, оставшись съ глазу на̀ глазъ съ мужемъ, стала ему говорить:

— Максимычъ, не серчай ты на меня, кормилецъ, коли я что̀ не по тебѣ молвлю, выслушай ты меня ради Христа.

— Чего еще надо? — взглянувъ на жену исподлобья, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Завтра уѣдешь ты?..

— Ну?

— На кого же домъ-отъ покидаешь? Прежде Савельичъ, царство ему небесное, былъ, за всѣмъ, бывало, приглядитъ, теперь-то кто?

— Кто на его мѣстѣ... Не могла догадаться? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Алексѣй Трифонычъ, значитъ? — тихо проговорила Аксинья Захаровна.

— Что-жъ, по-твоему, на Никифора, что ли, домъ-отъ покинуть? — рявкнулъ Патапъ Максимычъ. — Такъ онъ въ недѣлю весь его пропьетъ да и тебя самоё въ кабакѣ заложитъ.

— Про этого врага у меня и помышленья нѣтъ, Максимычъ, — плаксиво отвѣчала Аксинья Захаровна. — Себя сгубилъ, непутный, да и съ меня головоньку снимаетъ, изъ-за него только попреки одни... Вѣкъ бы не видала его!.. Твоя же воля была оставить Микешку. Хоть онъ и братъ ро̀дный мнѣ, да я бы рада была радешенька на соснѣ его видѣть... Не онъ навязался на шею мнѣ, ты, батька, самъ его навязалъ... Пущай околѣлъ бы его гдѣ-нибудь подъ кабакомъ, *охъ* бы не молвила... А еще попрекаешь!

— Замолола!.. Пошла безъ передышки въ пересыпку! — хмурясь и зѣвая, перебилъ жену Патапъ Максимычъ. — Будетъ ли конецъ вранью-то? Аль и въ самомъ дѣлѣ бабьяго вранья на свиньѣ не объѣдешь?.. Коли путное что̀ хотѣла сказать — говори скорѣй, — спать хочется.

— Да я все насчетъ Алексѣя Трифоныча! — робко молвила Аксинья Захаровна.

— Что̀ еще такое?

— Да какъ прикажешь: сюда ли ему безъ тебя обѣдать

ходить, аль въ подклѣтъ ему относить?—спрашивала Аксинья Захаровна.

— И здѣсь мѣста не просидитъ, пущай его съ вами обѣдаетъ,—сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ладно-ль это будетъ, кормилецъ? Самъ посуди, что̀ люди зачнутъ говорить: хозяинъ въ отлучкѣ, дочери невѣсты, молодой парень съ ними ѣстъ да пьетъ... И не знай чего наскажутъ!—говорила Аксинья Захаровна.

— Не смѣютъ!..—рѣшительно сказалъ Патапъ Максимычъ.—Да и парень не такой, чтобы вздумалъ нехорошее дѣло... Не изъ такихъ, что̀ гдѣ пьютъ да ѣдятъ, тутъ и пакостятъ... Бояться нечего.

— Да такъ-то оно такъ, Максимычъ,—отвѣчала Аксинья Захаровна.—А все бы лучше, кабы онъ въ подклѣтѣ обѣдалъ и безъ тебя бы наверхъ не ходилъ... Что̀ ему дѣлать?.. Не повѣришь ты, кормилецъ, все сердечушко изныло у меня...

— Да отвяжись ты совсѣмъ,—съ нетерпѣньемъ крикнулъ Патапъ Максимычъ:—ну, пущай его въ подклѣтѣ обѣдаетъ... Ты этого парня понять не можешь. Другого такого не сыщешь... Можешь ли ты знать, какія я насчетъ его мысли имѣю?..

— Какъ я могу знать, Максимычъ?—отвѣчала Аксинья Захаровна.—Гдѣ же мнѣ?

— Такъ, значитъ, и молчи,—отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Да что-жъ такое?.. Какія у тебя мысли про Алексѣя Трифоныча?—заискивающимъ голосомъ спросила Аксинья Захаровна.

— О чемъ не сказываютъ, про то не допытывайся,—отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Придетъ время, скажу... а теперь спать пора.

У Патапа Максимыча въ самомъ дѣлѣ новыя мысли въ головѣ забродили. Когда онъ ходилъ взадъ и впередъ по горницамъ, гадая про будущіе милліоны, приходило ему и то въ голову, какъ дочерей устроить. «Не Снѣжковымъ чета женихи найдутся,—тогда думалъ онъ:—а все-жъ не выдамъ Настасью за такого шута, какъ Михайла Данилычъ... Надо мнѣ людей богобоязненныхъ, благочестивыхъ, не скомороховъ, что̀ теперь по купечеству пошли. Тогда можно и небогатаго въ зятья принять, богатства на всѣхъ хватитъ».

И попалъ ему Алексѣй на умъ.

Если бы Настя знала да вѣдала, что̀ промелькнуло въ головѣ родителя, не плакала бы по ночамъ, не тосковала бы, вспоминая про свою провинность, не приходила бы въ отчаянье, думая про то, чему быть впереди...

Собрались въ путь-дорогу. Пробывъ день-другой на мельницахъ въ Красной Рамени, Патапъ Максимычъ со спутниками поѣхалъ на Ветлугу прямою дорогой черезъ Лыковщину. Надобно было верстъ восемьдесятъ ѣхать лѣсами, гдѣ проѣзжихъ дорогъ не бывало, только однѣ узкія тропы межъ высокихъ сугробовъ проложены. По тѣмъ тропамъ лѣсники въ зимницы ѣздятъ и вывозятъ къ Керженцу для сплава нарубленный лѣсъ. Сторона та совсѣмъ не жилая, лѣтомъ нѣтъ по ней ни ѣзду коннаго ни ходу пѣшаго, только на зиму переселяются туда лѣсники и живутъ въ дремучихъ дебряхъ до лѣсного сплава въ половодье.

Поѣхали путники въ двоихъ саняхъ, каждыя тройкой гусемъ запряжены. Иначе и ѣздить нельзя по лѣснымъ тропамъ. Сначала путь шелъ торный, — по этому пути обозы изъ Красной Рамени въ Лысково ходятъ, — но когда переѣхали Керженецъ и попали въ лѣсную глушь, что тянется до самой Ветлуги и дальше за нее, ѣзда стала затруднительна. Сѣдоки то и дѣло задѣвали головами за вѣтви деревьевъ, и ихъ засыпало снѣгомъ, которымъ точно въ саваны окутаны стояли сосны и ели, склонясь надъ тропою. Чуть не черезъ каждыя полторы-двѣ версты приходилось останавливаться и отгребаться отъ снѣга. Тропа была неровная, сани то и дѣло наклонялись то на одну, то на другую сторону, и сѣдокамъ частенько приходилось вываливаться и потомъ, съ трудомъ выбравшись изъ сугроба, общими силами поднимать свалившіяся на бокъ сани. Тропа все одна, нѣтъ своротовъ ни направо ни налѣво, и нѣтъ никакихъ признаковъ близости человѣка: ни осѣка *), ни просѣки, ни даже деревяннаго двухсаженнаго креста, какихъ много наставлено по заволжскимъ лѣсамъ, по обычаю благочестивой старины **). И никакого звука. Развѣ только затрещитъ рябчикъ, перелетая съ дерева на дерево, либо забурчитъ вдали глухарь, да заскрипитъ надломленное дерево, качаемое вѣтромъ. Заячьи и волчьи слѣды частенько пересѣкаютъ тропу, иногда попадается слѣдъ раздвоенныхъ копытъ дикой коровы ***) либо широкой лапы лѣсного боярина Топтыгина, согнаннаго съ берлоги охотниками.

---

*) Изгородь или прясла, отдѣляющія лѣсъ отъ поля. Ее городятъ въ лѣсныхъ мѣстахъ, чтобы пасущійся скотъ не забрелъ на хлѣбъ.

**) За Волгой, на дорогахъ, въ поляхъ и лѣсахъ, особенно на перекресткахъ, стоятъ высокіе, сажени въ полторы или двѣ, восьмиконечные кресты, иногда по нѣскольку рядомъ. Есть обычай тайно отъ всѣхъ срубить крестъ и ночью поставить его на перекресткѣ. Кто передъ тѣмъ крестомъ помолится, того молитва пойдетъ за срубившаго крестъ.

***) Такъ за Волгой называютъ лосей.

Перебравшись за Керженецъ, путникамъ надо было выбраться на Ялокшинскій зимнякъ, которымъ ѣздятъ изъ Лыскова въ Баки, выгадывая тѣмъ верстъ пятьдесятъ противъ объѣздной проѣзжей дороги на Дорогучу. Но вотъ ѣдутъ они два часа, три часа, давно бы надо быть на Ялокшинскомъ зимнякѣ, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Ѣдутъ-ѣдутъ, на счастье тепло стояло, а то бы плохо пришлось. Не дается зимнякъ, да и полно, а лошади притомились.

— Да туда ли мы ѣдемъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ сидѣвшаго на козлахъ работника. — Коимъ грѣхомъ не заблудились ли?

— Гдѣ заблудиться, Патапъ Максимычъ! — отвѣчалъ работникъ. — Дорога одна, своротовъ нѣтъ, сами видѣли.

— Да въ Бѣлкинѣ-то хорошо ли ты разспросилъ у мужиковъ про дорогу?

— Какъ же не разспросить, все разспросилъ, какъ слѣдуетъ. Сказали: какъ проѣдешь ѳсѣкъ, держи направо до крестовъ, а съ крестовъ бери налѣво, тутъ будетъ сосна, раскидистая такая, а верхушка у ней сухая, отъ сосны бери направо... Такъ мы и ѣхали.

— У крестовъ сворачивали? — спрашивалъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ же не сворачивать, направо своротилъ, какъ было сказано.

— И у сосны сворачивалъ?

— И у сосны своротилъ, — отвѣчалъ работникъ. — На ней еще ясакъ нарубленъ, должно-быть, бортевое дерево было. Тутъ только вотъ одного не вышло противъ того, что̀ сказывали ребята въ Бѣлкинѣ.

— А что̀ говорили ребята? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да сказывали: будетъ маленькій долокъ, и какъ-де переѣдешь долокъ, сосна будетъ съ обѣихъ сторонъ отесанная, а тутъ и Кѐрженецъ.

— Ну?

— Долокъ-отъ былъ, еще мы вывалились тутъ, а тесанной сосны не видать, я смотрѣлъ-смотрѣлъ ее, нѣтъ сосны, гляжу, анъ на Кѐрженецъ выѣхали.

— Стало-быть, тутъ мы и спутались, — закричалъ, разгорячась, Патапъ Максимычъ. — Чтобъ тебѣ высохнуть, дурьи твои глаза! Зачѣмъ тесану сосну прозѣвалъ?

— Да не было ея, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ оторопѣвшій работникъ. — Не родить же ее мнѣ, коли нѣтъ.

— Да вѣдь тебѣ бѣлкински ребята говорили: держи на сосну. Для че не держалъ? — кричалъ Патапъ Максимычъ.

— Да гдѣ-жъ мнѣ ее взять, сосну-то? Вѣдь не спряталъ я ее. Что-жъ мнѣ дѣлать, коли нѣтъ ея, — жалобно голосилъ работникъ. — Развѣ я тому дѣлу причиненъ? Дорòга одна была, ни единаго сворота.

— Да сосна-то гдѣ? сосна-то? — закричалъ Патапъ Максимычъ, хвативъ увѣсистымъ кулакомъ работника по загорбку.

— Можетъ-статься, срубили, — пропищалъ, нагнувшись на передокъ, работникъ.

— Срубили! Коему лѣшему порчену сосну рубить, коль здороваго лѣса видимо-невидимо! — оралъ Патапъ Максимычъ. — Стой, чортова образина!

Работникъ остановилъ лошадей. Понуривъ головы, онѣ тяжело дышали, паръ такъ и валилъ съ нихъ. Патапъ Максимычъ вылѣзъ изъ своихъ саней и подошелъ къ заднимъ, гдѣ сидѣлъ Стуколовъ. Молчаливый Дюковъ, уткнувъ голову въ широкій лисій малахай, спалъ мертвымъ сномъ.

— Такъ и есть, заблудились, — сказалъ Патапъ Максимычъ паломнику. — Что̀ тутъ станешь дѣлать?

— Да самъ-то ты ѣзжалъ ли прежде по этимъ дорогамъ? — спросилъ его Стуколовъ.

— Сроду впервые, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— И работники не ѣзжали? — спросилъ Стуколовъ.

— Како ѣзжать? — отозвался Патапъ Максимычъ. — Кого сюда лѣшій понесетъ? Вѣдь это, самъ ты видишь, что̀ такое: выѣхали — еще не брезжилось, а гляди-ка ужъ смеркаться зачинаетъ... Гдѣ мы, куда заѣхали, самъ лѣшій не разберетъ... Бѣда, просто бѣда... Ахъ, чтобы всѣхъ васъ прорвало! — ругался Патапъ Максимычъ. — И понесло же меня съ тобой: тутъ прежде смерти животъ положишь!

— Въ сибирскихъ тайгахъ то ли бываетъ, — отозвался паломникъ. — По недѣлямъ плутаютъ, случается, что и голодной смертью помираютъ...

— Голодомъ помереть не помремъ, пироговъ да всякой всячины у насъ, пожалуй, на недѣлю хватитъ, — спокойно отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — И лошадямъ корму взято довольно. А заночевать въ лѣсу придется... Хоть бы зимница какая попалась... Ночью-то волки набѣгутъ: теперь имъ голодно. Пора же такая, что волки стаями рыщутъ. Завтра ихній день: звѣриный царь именинникъ *).

---

*) День 18 февраля (память святого Льва, папы римскаго) въ заволжскомъ простонародьѣ зовется львинымъ днемъ. Это по тамошнему повѣрью праздникъ звѣринаго царя, его именины. На свои именины левъ все разрѣшаетъ своимъ подданнымъ. Къ тому дню волки свадьбы свои пригоняютъ.

— Богъ милостивъ, — промолвилъ паломникъ. — И не изъ такихъ напастей Господь людей выноситъ... Не суетись, Патапъ Максимычъ, надо дѣло ладомъ дѣлать. Самъ я глядѣлъ на дорогу: тропа одна, поворотовъ, какъ мы отъ паленой съ верхушки сосны отъѣхали, въ самомъ дѣлѣ ни единаго не было. Можетъ, нà эту зиму лѣсники ину тропу пробили, не прошлогоднюю. Это и въ сибирскихъ тайгахъ зачастую бываетъ... Не бойся—со мной матка есть, она на путь выведетъ. Не бойся, говорю я тебѣ.

— Какая тутъ матка? Бредишь ты, что ли? — съ досадой молвилъ Патапъ Максимычъ. — Тутъ дѣло надо дѣлать, а онъ про свою матку толкуетъ.

— Вотъ она,—сказалъ Стуколовъ, вынимая изъ дорожнаго кошеля круглую деревянную коробку съ компасомъ. — Не видывалъ? То-то... Эта матка корабли водитъ, безъ нея, чтò въ морѣ, чтò въ пустынѣ, аль въ дремучемъ лѣсу никакъ невозможно, потому она всѣ стороны показываетъ и сбиться съ пути не даетъ. Въ Сибири въ тайгу безъ матки не ходятъ, безъ нея бѣда, пропадешь.

Стуколовъ показалъ Патапу Максимычу страны свѣта и объяснилъ употребленіе компаса.

— Ишь ты премудрость какая!.. До чего только люди ни доходятъ, — удивлялся Патапъ Максимычъ. — Ну, какъ же намъ дорогу твоя матка покажетъ?

— Да намъ какъ надо ѣхать-то, въ котору сторону? — спросилъ Стуколовъ.

— На полуночникъ *), — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— А мы на сиверъ чешемъ, маленько даже къ осеннику подаемся. Сбились, значитъ.

— Сбились!.. Я и безъ матки твоей знаю, что сбились, — насмѣшливо и съ досадой отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Теперь ты настоящу дорогу укажи.

— Этого нельзя, надо всѣ дороги знать; тогда съ маткой иди куда хочешь...

— Такъ прячь ее въ кошель. Пустое дѣло, значитъ. Какъ же тутъ быть? — говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Да поѣдемъ, куда дорога ведетъ, тропа видная, торная, куда-нибудь да выведетъ, — говорилъ Стуколовъ.

— Вѣстимо выведетъ, — отозвался Патапъ Максимычъ. — Да куда выведетъ-то? Ночь на дворѣ, а лошади, гляди, какъ пріустали. Придется въ лѣсу ночевать... А волки-то?

*) То-есть сѣверо-востокъ. Въ Заволжьѣ такъ зовутъ страны свѣта и вѣтры: сиверъ — N, полуночникъ — NO, востокъ O, обѣдникъ — SO, полдень — S, верховникъ или лѣсникъ — SW, закатъ — W, осенникъ — NW.

— Богъ милостивъ, — отвѣчалъ Стуколовъ. — Топоръ есть съ нами?

— Какъ топору не быть? Есть, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Сучьевъ нарубимъ, костры зажжемъ, волки не подойдутъ: всякій звѣрь боится огня.

Такъ и рѣшились заночевать. Лошадей выпрягли, задали имъ овса. Утоптали вокругъ снѣгъ и сдѣлали привалъ. Топоровъ оказалось два, работники зачали сучья да валежникъ рубить, костры складывать вокругъ привала и, когда стемнѣло, зажгли ихъ. Патапъ Максимычъ вытащилъ изъ саней большую кожаную кису, вынулъ изъ нея хлѣба, пироговъ, квашеной капусты и мѣдный кувшинъ съ квасомъ. Устроили постную трапезу: тюри съ лукомъ накрошили, капусты съ квасомъ, грибовъ соленыхъ. Хоть невкусно, да здорово поужинали. И бутылочка нашлась у запасливаго Патапа Максимыча. Роспили...

Ночь надвигалась. Красное зарево костровъ, освѣщая низину лѣса, усиливало мракъ въ его вершинахъ и по сторонамъ. Съ трескомъ горѣвшихъ вѣтвей ельника и фырканьемъ лошадей смѣшались лѣсные голоса... Ровно плачущій ребенокъ, запищалъ гдѣ-то сычъ, потомъ вдали послышался тоскливый крикъ, будто человѣкъ въ отчаянномъ бореньи со смертью зоветъ къ себѣ на помощь: то были крики пугача *)... Поближе завозилась въ вершинѣ сосны векша, проснувшаяся отъ необычнаго свѣта, едва слышно перепрыгнула она на другое дерево, потомъ на третье и все дальше и дальше отъ людей и пылавшихъ костровъ... Чуть стихло, и вотъ ужъ доносится издали легкій хрустъ сухого валежника: то кровожадная куница осторожно пробирается изъ своего дупла къ дереву, гдѣ задремалъ глупый красноглазый тетеревъ. Еще минута тишины, и въ вершинѣ раздался отрывистый, жалобный крикъ птицы, хлопанье крыльевъ, и затѣмъ все смолкло: куница поймала добычу и пьетъ горячую кровь изъ перекушеннаго горла тетерева... Опять тишь, опять глубокое безмолвіе, и вдругъ слышится точно кошачье прысканье: это рысь, привлеченная изъ чащи чутьемъ, заслышавшая присутствіе лакомаго мяса въ видѣ лошадей Патапа Максимыча. Но огонь не допускаетъ близко звѣря, и вотъ рысь сердится, мурлычитъ, прыскаетъ, съ досадой сверкая круглыми, зелеными глазами, и прядаетъ кисточками на концахъ высокихъ, прямыхъ ушей... Опять тишь, и вдругъ либо заверещитъ бѣдный зайчишка,

*) Филинъ.

попавшій въ зубы хищной лисѣ, либо завозится что-то въ вѣтвяхъ: это сова поймала спавшаго рябчика... Лѣсные обитатели живутъ не по-нашему — обѣдаютъ по ночамъ...

Но вотъ вдали, за̀ версту или больше, заслышался вой, ему откликнулся другой, третій вой — все ближе и ближе. Смолкъ, и послышалось прядáнье звѣрей по насту, ворчанье, стукъ зубовъ... Ни одинъ звукъ не пропадетъ въ лѣсной тиши.

— Волки! — боязно прошепталъ Патапъ Максимычъ, толкая въ бокъ задремавшаго Стуколова.

Дюковъ и работники давно ужъ спали крѣпкимъ сномъ.

— А?.. что̀?.. — промычалъ, приходя въ себя, Стуколовъ. — Что̀ ты говоришь?

— Слышишь? Воютъ, — говорилъ смутившійся Патапъ Максимычъ.

— Да, воютъ... — равнодушно отвѣчалъ Стуколовъ. — Экъ ихъ что̀ тутъ! Чуютъ мясо, стервецы!

— Бѣда! — шопотомъ промолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Какая-жъ бѣда? Никакой бѣды нѣтъ... А вотъ побольше огня надо... Эй, вы, ребята! — крикнулъ онъ работникамъ. — Проснись!.. Эка заспались!.. Вали на костры больше!

Работники встали неохотно и вмѣстѣ со Стуколовымъ и съ самимъ Патапомъ Максимычемъ навалили громадные костры. Огонь сталъ-было слабѣе, но вотъ заиграли пламенные языки по хвоѣ, и зарево разлилось по лѣсу пуще прежняго.

— Видимо - невидимо!.. — говорилъ оторопѣвшій Патапъ Максимычъ, слыша со всѣхъ сторонъ волчьи голоса.

Звѣрей ужъ можно было видѣть. Освѣщенные заревомъ, они сидѣли кругомъ, пощелкивая зубами. Видно, въ самомъ дѣлѣ они справляли именины звѣринаго царя.

— Ничего, — успокаивалъ Стуколовъ: — огонь бы только не переводился. То ли еще бываетъ въ сибирскихъ тайгахъ!..

Въ самомъ дѣлѣ волки никакъ не смѣли близко подойти къ огню, хоть ихъ, голодныхъ, и сильно тянуло къ лошадямъ, а пожалуй, и къ людямъ.

— Эхъ, ружья-то нѣтъ: пугнуть бы сѣрыхъ, — молвилъ Стуколовъ.

— Молчи-ка ты, какое тутъ еще ружье! Того и гляди сожрутъ... — тревожно говорилъ Патапъ Максимычъ. — Глянь-ка, глянь-ка, со всѣхъ сторонъ навалило!.. Ахъ, Ты, Господи, Господи!.. Знать бы да вѣдать, ни за что бы не поѣхалъ... Пропадай ты и съ Ветлугой своей!..

А волки все близятся, было ихъ до пятидесяти, коли не больше. Смѣлость звѣрей росла съ каждой минутой: не дальше какъ въ трехъ саженяхъ сидѣли они вокругъ костровъ, щел-

кали зубами и завывали. Лошади давно покинули торбы съ лакомымъ овсомъ, жались въ кучу и, прядая ушами, тревожно озирались. У Патапа Максимыча зубъ на зубъ не попадалъ; вездѣ и всегда безстрашный, онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Растолкали Дюкова, тотъ потянулся въ своей лисьей шубѣ, зѣвнулъ во всю сласть и, оглянувшись, промолвилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— Волки никакъ!

Безъ малаго часъ времени прошелъ, а путники все еще сидѣли въ осадѣ. До свѣту оставаться въ такомъ положеніи было нельзя: тогда, пожалуй, и костры не помогутъ, да не хватитъ и заготовленнаго валежника и хвороста на поддержаніе огня. Но паломникъ человѣкъ бывалый, недаромъ много ходилъ по бѣлу свѣту. Когда волки были ужъ настолько близко, что до любого изъ нихъ палкой можно было добросить, онъ разставилъ спутниковъ своихъ по мѣстамъ и велѣлъ, по его приказу, разомъ бросать въ волковъ изо всей силы горящія лапы *).

— Разъ... два... три!.. — крикнулъ Стуколовъ, и горящія лапы полетѣли къ звѣрямъ.

Тѣ отскочили и сѣли подальше, щелкая зубами и огрызаясь.

— Разъ... два... три!.. — крикнулъ паломникъ, и, выступивъ за костры, путники еще пустили въ стаю по горящей лапѣ.

Завыли звѣри, но когда Стуколовъ, схвативъ чуть не саженную пылающую лапу, бросился съ нею впередъ, волки порскнули вдаль, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ не было слышно.

— Теперь не прибѣгутъ, — молвилъ паломникъ, надѣвая шубу и укладываясь въ сани.

— Дошлый же ты человѣкъ, Якимъ Прохорычъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ, когда опасность миновалась. — Не будь тебя, сожрали бы они насъ.

Паломникъ не отвѣчалъ. Завернувшись съ головой въ шубу, онъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

Глава пятнадцатая.

Въ лѣсахъ работаютъ только по зимамъ. Лѣтней порой въ дикую глушь рѣдко кто заглядываетъ. Не то что дорогъ, даже мало-мальски торныхъ тропинокъ тамъ вовсе почти нѣтъ; зато много мѣстъ непроходимыхъ... Гніющаго валежника пропасть,

*) Горящія вѣтви хвойнаго лѣса, во время лѣсныхъ пожаровъ онѣ переносятся вѣтромъ на огромныя разстоянія.

да кромѣ того то и дѣло попадаются обширныя глубокія болота, а мѣстами трясины съ окнами, вадьями и чарусами... Это страшныя, погибельныя мѣста для небывалаго человѣка. Кто отъ роду впервой попалъ въ невѣдомыя лѣсныя дебри — берегись — гляди въ оба!..

Вотъ на нѣсколько верстъ протянулся мохомъ поросшій кочкарникъ. Саженными пластами покрываетъ онъ глубокую, чуть не бездонную топь. Это «мшава», иначе моховое болото. Поросло оно мелкимъ, чахлымъ лѣсомъ, нога грузнетъ въ мягкомъ зыбунѣ, усѣяннымъ багуномъ, звѣздоплавкой, мозгушей, лютикомъ и бѣлоусомъ *). Отъ тяжести идущаго человѣка зыбунъ ходенемъ ходитъ, и вдругъ иногда въ двухъ-трехъ шагахъ фонтаномъ брызнетъ вода черезъ едва замѣтную для глаза продушину. Тутъ ходить опасно, разомъ попадешь въ болотную пучину и пропадешь ни за денежку... Бѣжать отъ страшнаго мѣста, бѣжать скорѣй, безъ оглядки, если не хочется вѣрной погибели... Чуть только путникъ не поберегся, чуть только по незнанью аль изъ удальства шагнулъ впередъ пять-десять шаговъ, ноги его начнетъ затягивать въ жидкую трясину, и если не удастся ему поспѣшно и осторожно выбраться назадъ, онъ погибъ... Бѣжать по трясинѣ — тоже бѣда...

Вотъ свѣтится маленькая полынья на грязно-зеленой трясинѣ. Что-то въ родѣ колодца. Вода съ берегами вровень. Это «окно». Бѣда оступиться въ это окно — тамъ бездонная пропасть. Невпримѣръ опаснѣй оконъ «вадья» — тоже открытая круглая полынь, но не въ одинъ десятокъ саженъ ширины... Ея берега изъ топкаго торфяного слоя, едва прикрывающаго воду. Кто ступитъ на эту обманную почву, нѣтъ тому спасенья. Вадья какъ разъ засосетъ его въ бездну.

Но страшнѣе всего «чаруса». Окно, вадью издали можно замѣтить и обойти, — чаруса непримѣтна. Выбравшись изъ глухого лѣса, гдѣ сухой валежникъ и гніющій буреломникъ высокими кострами навалены на сырой болотистой почвѣ, путникъ вдругъ, какъ бы по волшебному мановенью, встрѣчаетъ передъ собой цвѣтущую поляну. Она такъ весело глядитъ на него, широко, раздольно разстилаясь середи красноствольныхъ сосенъ и темнохвойныхъ елей. Ровная, гладкая, она густо заросла сочной, свѣжей зеленью и усѣяна крупными бирюзовыми незабудками, благоуханными бѣлыми кувшинчи-

---

*) Болотныя растенія: багунъ — *andromeda*; звѣздоплавка — *callitriche*, мозгуша — *geranium sylvaticum;* лютикъ — *aconitum*; бѣлоусъ — *nardus stricta.*

ками, полевыми одалѣнями и ярко-желтыми купавками *). Луговина такъ и манитъ къ себѣ путника: сладко на ней отдохнуть усталому, притомленному, понѣжиться на душистой, ослѣпительно сверкающей изумрудной зелени!.. Но пропасть ему безъ покаянія, схоронить себя безъ гроба, безъ савана, если ступитъ онъ на эту заколдованную поляну. Изумрудная чаруса, съ ея красивыми благоухающими цвѣтами, съ ея сочной, свѣжей зеленью — тонкій травяной коверъ, раскинутый по поверхности бездоннаго озера. По этому ковру даже легконогій заяцъ не сигаетъ, топенькій, быстрый на бѣгу горностай не пробѣжитъ. Изъ живой твари только и прыгаютъ по ней длинноносые голенастые кулики, ловя мошекъ и другихъ толкуновъ, чтò о всякую пору и днемъ и ночью роями вьются надъ лѣсными болотами... Несмѣтное множество этихъ куликовъ, отъ горбоносаго кроншнепа до желтоброваго песчаника, — бродитъ, бѣгаетъ и шмыгаетъ по чарусѣ, но никакому охотнику никогда не удавалось достать ихъ.

У лѣсниковъ чаруса слыветъ мѣстомъ нечистымъ, заколдованнымъ. Они разсказываютъ, что на тѣхъ чарусахъ по ночамъ бѣсовы огни горятъ, ровно свѣчи теплятся **). А ину пору видаютъ середи чарусы болотницу, коль не родную сестру, такъ близкую сродницу всей этой окаянной нечисти: русалкамъ, водяницамъ и берегинямъ... Въ свѣтлую, лѣтнюю ночь сидитъ болотница одна-одинешенька и нѣжится на свѣтѣ яснаго мѣсяца... и чуть завидитъ человѣка, зачнетъ прельщать его, манить въ свои бѣсовскія объятья... Ея черные волосы небрежно раскинуты по спинѣ и по плечамъ, убраны осокой и незабудками, а тѣло все голое, но блѣдное, прозрачное, полувоздушное. И блеститъ оно и сквозитъ передъ лучами мѣсяца... Изъ себя болотница такая красавица, какой не найдешь въ крещеномъ міру, ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать. Глаза ровно тѣ незабудки, чтò разсѣяны по чарусѣ, длинныя, пушистыя рѣсницы, тонкія, какъ уголь черныя брови... только губы блѣдноваты, и ни въ лицѣ, ни въ полной наливной груди, ни во всемъ стройномъ станѣ ея нѣтъ ни кровинки. А сидитъ она въ бѣлоснѣжномъ цвѣткѣ кувшинчика съ котелъ величиною... Хитритъ, окаянная, обмануть, обвести хочется ей человѣка — сѣла въ тотъ чудный цвѣтокъ спрятать гусиныя свои ноги съ черными перепонками. Только завидитъ болотница человѣка — стараго или малаго — это все равно, — тотчасъ зачнетъ сладкимъ тихимъ голосомъ, да таково жалобно, ровно

*) Болотныя растенія изъ породы ненюфаровъ (*nymphaea*).
**) Болотные огни.

сквозь слезы молить-просить вынуть ее изъ болота, вывести на бѣлый свѣтъ, показать ей красно солнышко, котораго сроду она не видывала. А сама разводитъ руками, закидываетъ назадъ голову, манитъ къ себѣ на пышныя перси того человѣка, обѣщаетъ ему и тысячи неслыханныхъ наслажденій, и груды золота, и горы жемчуга перекатнаго... Но горе тому, кто соблазнится на нечистую красоту, кто повѣритъ льстивымъ словамъ болотницы: одинъ шагъ ступитъ по чарусѣ, и она ужъ возлѣ него: обвивъ бѣднягу бѣлоснѣжными прозрачными руками, тихо опустится съ нимъ въ бездонную пропасть болотной пучины... Ни крика, ни стона, ни вздоха, ни всплеска воды. Въ безмолвной тиши не станетъ того человѣка, и его могила на вѣки вѣковъ останется никому неизвѣстною.

А тѣхъ, кто постарѣй, инымъ способомъ залучаетъ въ чарусу нечистая сила... Старецъ-пустынникъ подойдетъ къ пожилому человѣку, сгорбленный, изможденный, постный, желѣзныя вериги у него на плечахъ, только креста не видно. И зачнетъ онъ вести умильную бесѣду о пустынномъ житіи, о постѣ и молитвѣ, но Спасова имени не поминаетъ — тѣмъ только и можно опознать окаяннаго... И зачаруетъ онъ человѣка и станетъ звать его отдохнуть на малое время въ пустынной кельѣ... Глядь, анъ середи чарусы и въ самомъ дѣлѣ келейка стоитъ, да такая хорошенькая, новенькая, уютная, такъ вотъ и манитъ путника зайти въ нее хоть на часочекъ... Пойдетъ человѣкъ съ пустынникомъ по чарусѣ, глядь, а ужъ это не пустынникъ, а сѣдой старикъ съ широкимъ блѣдно-желтымъ лицомъ, и ужъ не тихо, не чинно ведетъ добрую рѣчь, а хохочетъ во всю глотку сиплымъ хохотомъ... То владыка чарусы — самъ болотнякикъ. Это онъ хохочетъ, скачетъ, пляшетъ, веселится, что успѣлъ заманить не умѣвшаго отчураться отъ его обаяній человѣка; это онъ радуется, что завлекъ крещеную душу въ холодную пучину своего синяго подводнаго царства... Много, много чудесъ разсказываютъ лѣсники про эти чарусы... Чего тамъ ни бываетъ! Недаромъ изстари люди толкуютъ, что въ тихомъ омутѣ черти водятся, а въ лѣсномъ болотѣ плодятся...

Не однѣ вадьй и чарусы, не одна окаянная сила пугаетъ лѣсниковъ въ лѣтнюю пору. Не даютъ имъ работать въ лѣсахъ другіе враги... Миріады разнообразныхъ комаровъ, отъ крошечной мошки, что цѣлыми кучами забивается въ глаза, въ носъ и уши, до тощей длинноногой караморы, день и ночь несмѣтными роями толкутся въ воздухѣ, столбами носятся надъ болотами и преслѣдуютъ человѣка нестерпимыми мученьями... Нѣтъ ему покоя отъ комариной силы ни въ знои-

ный полдень, ни прохладнымъ вечеромъ, ни темной ночью, только и отрада въ дождливую погоду. Даже на дымныхъ смоляныхъ казанахъ и на скипидарныхъ заводахъ иначе не спятъ, какъ на подкурахъ, не то комары заѣдятъ до полусмерти. Врываютъ для того въ землю толстыя жерди вышиной сажени по три и мостятъ на нихъ для спанья полати; подъ тѣми полатями раскладываютъ на землѣ огонь — курево отгоняетъ комариную силу. Такъ и спятъ въ дыму прокопченые насквозь бѣдняги, да и тутъ не всегда удается имъ отдѣлаться отъ мелкихъ несносныхъ мучителей... А кромѣ того оводъ, слѣпни, пауты и страшный бичъ домашнихъ животныхъ — строка *). Одной строкѣ достаточно залетѣть въ рой слѣпней, вьющихся надъ конями, чтобъ цѣлая тройка, хоть и вовсе притомленная, закусивъ удила, лягаясь задними ногами и отчаянно размахивая по воздуху хвостами, помчалась зря, какъ бѣшеная, сломя голову... Залетитъ строка въ стадо — весь скотъ взбѣсится, подниметъ неистовый ревъ и, задравъ хвосты, зачнетъ метаться во всѣ стороны... Бѣдные лоси и олени пуще всѣхъ терпятъ мученье отъ этой строки. Она садится на ноги, на спину иль на бока животнаго и прокусываетъ кожу. Раны загноятся, и строка кладетъ въ нихъ свои яйца. На слѣдующую весну изъ яицъ выходятъ личинки и насквозь проѣдаютъ кожу бѣднаго животнаго. Въ то время лось переноситъ нестерпимыя муки, а строка снова рѣжетъ свѣжія мѣста его кожи и снова кладетъ туда яйца. Шкура, снятая со звѣря, убитаго лѣтомъ или осенью, никуда не годится, она усѣяна круглыми дырами въ пятіалтынный и больше. Единственное спасенье бѣдныхъ звѣрей отъ строки, если они, понуривъ головы и дрожа всѣмъ тѣломъ, добредутъ до озера либо рѣчки... Свѣжаго воздуха, идущаго отъ студеной воды, строка боится... Да что̀ толковать про беззащитныхъ оленей и лосей, самъ косолапый бояринъ лѣсовъ пуще огня боится строки. За недостаткомъ ли лосей, по другой ли причинѣ, строка иногда накидывается на медвѣдя. Забившись къ Мишкѣ въ загривокъ, въ ту пору, какъ онъ линяетъ, начинаетъ она прокусывать толстую его шкуру. Благимъ матомъ заревётъ лѣсной бояринъ. Напрасно отмахивается онъ передними лапами — не отстанетъ отъ него строка, пока, огрызаясь и рыча на весь лѣсъ, кувыркаясь промежъ деревьевъ, не добѣжитъ

*) Строка — oestris. Иные смѣшиваютъ строку со слѣпнями и паутами (tabanus), съ которыми имѣетъ она наружное сходство. Но строка совсѣмъ другое насѣкомое, она водится въ лѣсахъ и залетаетъ въ сосѣднія поля только въ такомъ случаѣ, если тамъ пасется скотъ. Однѣ строки не летаютъ, но всегда въ роѣ слѣпней.

Мишенька до воды и не погрузнетъ въ ней съ головою. Тѣмъ только косматый царь сѣверныхъ звѣрей и спасается отъ крохотнаго палача... Человѣка, слава Богу, строка никогда не трогаетъ.

Нелюдно бываетъ въ лѣсахъ лѣтней порою. Промежъ Керженца и Ветлуги еще лѣсуетъ *) по нѣскольку топоровъ съ деревни, но дальше за Ветлугу къ Вятской сторонѣ и на сѣвѣръ за Лапшангу лѣсники ни ногой, кромѣ тѣхъ только мѣстъ, гдѣ липа растетъ. Липу драть, мочало мочить можно только въ соковую пору **).

Зато зимой въ лѣсахъ и по раменямъ работа кипитъ да взвариваетъ. Ронятъ деревья, волочатъ ихъ къ сплаву, вяжутъ плоты, тешутъ сосновые брусья, словые чегени и копани ***), рубятъ осину да березу на баклуши °), колютъ лѣсъ на кадки, на бочки, на пересѣки и на всякое другое щепное подѣлье. Стукъ топоровъ, трескъ падающихъ лѣсинъ, крики лѣсниковъ, ржанье лошадей далеко разносятся тогда по лѣснымъ пустынямъ..

Зимой крещеному человѣку въ лѣсу и окаяннаго нечего бояться. Съ Никитина дня вся лѣсная нечисть мертвымъ сномъ засыпаетъ: и водяникъ, и болотнякикъ, и бѣсовскія красавицы чарусъ и омутовъ — всѣ до единаго сгинутъ, и становится тогда въ лѣсахъ мѣсто чисто и свято... На покой христіанскимъ душамъ спитъ окаянная сила до самаго вешняго Никиты °°), а съ ней заодно засыпаютъ и гады земные: змѣи̇, жабы и слѣпая мѣдяница °°°), та, что̀, какъ прыгнетъ, такъ насквозь человѣка проскочитъ... Лѣшій бурлитъ до Ероѳеева дня °*°), тутъ ему на глаза не попадайся: бѣсится косматый, не охота ему спать ложиться, рыщетъ по лѣсу, ломитъ деревья, гоняетъ звѣрей, но какъ только Ероѳей-

---

*) Ходить въ лѣсъ на работу деревья ро̀нить.

**) Когда деревья въ соку, то-есть весна и лѣто.

***) Чегень — словое бревно отъ шести до двѣнадцати саженъ длины, идетъ на забойку въ учугахъ (на каспійскихъ и нижневолжскихъ рыбныхъ промыслахъ); копань или кокора — лѣсина съ частью корня, образующая угольникъ, идетъ на стройку судовъ, на застрѣхи кровель крестьянскихъ домовъ и на санные полозья. На санные полозья идутъ и не корневыя копани, а гнутыя лежины.

°) Чурка, приготовленная для токарной выдѣлки деревянной посуды и ложекъ.

°°) Осенній Никита — 5-го сентября, весенній — 3-го апрѣля.

°°°) Слѣпая мѣдяница изъ породы ящерицъ (anguis fragilis) мѣдянистаго цвѣта, почти безъ ногъ и совершенно безвредна. Но есть змѣя мѣдянка, та ядовита. Лѣсной народъ смѣшиваетъ эти двѣ породы.

°*°) Октября 4-го, св. Іероѳея, епископа аѳинскаго, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ Ероѳея-офени.

офеня по башкѣ лѣсной его хватитъ, пойдетъ окаянный сквозь землю и спитъ до Василія Парійскаго, какъ весна землю парить начнетъ *).

Послѣ Ероѳеева дня, когда въ лѣсахъ отъ нечисти и бѣсовской погани станетъ свободно, ждетъ не дождется лѣсникъ, чтобъ морозъ поскорѣй выжалъ сокъ изъ деревьевъ и сковалъ бы вадьи и чарусы, а матушка-зима бѣлымъ пологомъ покрыла лѣсную пустыню. Знаетъ онъ, что мѣсяца четыре придется ему безъ устали работать, принять за топоромъ труды немалые: лѣсокъ сѣчь не жалѣть своихъ плечъ... Да объ этомъ не тужитъ лѣсникъ, каждый день молится Богу, поскорѣй бы Господь бѣлую зиму на черную землю сослалъ... Но вотъ, ровно бѣлыя мухи, запорхали въ воздухѣ пушистыя снѣжинки, тихо ложатся онѣ на сухую, промерзлую землю: гуще и гуще становятся потоки льющагося съ неба снѣжнаго пуха; все бѣлѣетъ, и улица, и кровли домовъ, и поля, и вѣтви деревьевъ. Цѣлую ночь благодать Господня на землю валитъ. Къ утру красно-огненнымъ шаромъ выкатилось на прояснѣвшее небо солнышко и ярко освѣтило бѣлую снѣжную пелену. У лѣсниковъ въ глазахъ рябитъ отъ ослѣпительнаго блеска, но рады они радешеньки и весело хлопочутъ, сбираясь въ лѣса «лѣсовать». Суетятся и навзрыдъ голосятъ бабы, справляя проводы, ревутъ, глядя на нихъ, малы ребята, а лѣсники ровно на праздникъ спѣшатъ. Ладятъ сани, грузятъ ихъ запасами печенаго хлѣба и сухарей, крупой да горохомъ, гуленой **), да сушеными грибами съ рѣпчатымъ лукомъ. И вотъ, на скорую руку простившись съ домашними, грянули они разудалую пѣсню и съ гиканьемъ поскакали къ своимъ зимницамъ на трудовую жизнь вплоть до Плющихи ***).

Артелями въ лѣсахъ больше работаютъ: человѣкъ по десяти, по двѣнадцати и больше. На сплавъ рубить рядятъ лѣсниковъ лысковскіе промышленники, раздаютъ имъ на Покровъ задатки, а расчетъ даютъ передъ Пасхой либо по сплавѣ плотовъ. Тутъ не безъ обману бываетъ: во всякомъ дѣлѣ толстосумъ сумѣетъ прижать бѣднаго мужика, но промежъ себя въ артели у лѣсниковъ всякое дѣло ведется на чистоту... Зато ужъ чужой человѣкъ къ артели въ лапы не попадайся: не помилуетъ, оберетъ какъ липочку и въ грѣхъ того не поставитъ.

За недѣлю либо за двѣ до лѣсованья, артель выбираетъ старшого: смотрѣть за работой, ровнять въ дѣлѣ работниковъ

*) Апрѣля 12-го.
**) Картофель.
***) Марта 1-го — Евдокіи-плющихи.

и заправлять немудрымъ хозяйствомъ въ зимницѣ. Старшо́й, иначе «хозяинъ», распоряжается всѣми работами, и воля его непрекословна. Онъ ведетъ счетъ срубленнымъ деревьямъ, натесаннымъ брусьямъ, онъ же наблюдаетъ, чтобы кто не отсталъ отъ другихъ въ работѣ, не вздумалъ бы жить чужимъ топоромъ, тянуть даровщину... У хозяина въ прямомъ подначальѣ «подсыпка», паренекъ-подростокъ лѣтъ пятнадцати либо шестнадцати. Ему не подъ силу еще столь наработать, какъ взрослому лѣснику, и за то подсыпка свой пай стряпней на всю артель наверстываетъ, а также заготовкой дровъ, смолья и лучины въ зимницу для свѣтла и сугрѣва... Онъ же носитъ воду и долженъ все прибрать и убрать въ зимницѣ, а когда запасы подойдутъ къ концу, ѣхать за новыми въ деревню.

Зимница, гдѣ послѣ цѣлодневной работы проводятъ ночи лѣсники, — большая четырехугольная яма, аршина въ полтора либо въ два глубины. Въ нее запущенъ бревенчатый срубъ, а надъ ней, поверхъ земли, выведено вѣнцовъ шесть-семь срубовъ. Пола нѣтъ, одна убитая земля, а потолокъ накатно́й, немножко сводомъ. Оконъ въ зимницѣ не бываетъ, да ихъ и не зачѣмъ: люди тамъ бываютъ только ночью, дневного свѣта имъ не надо, а чуть утро забрезжитъ, они ужъ въ лѣсъ лѣсовать и лѣсуютъ, пока не наступятъ глубокія сумерки. И окно, и дверь, и дымволокъ *) замѣняются однимъ отверстіемъ въ зимницѣ, оно прорублено вровень съ землей, въ аршинъ вышины, со створками, надъ которыми остается оконце для дымовой тяги. Къ этому отверстію приставлена лѣстница, по ней спускаются внутрь. Середи зимницы обыкновенно стоитъ сбитый изъ глины кожу̀ръ **), либо вырыта тепленка, такая же, какъ въ овинахъ. Она служитъ и для сугрѣва и для просушки одёжи. Дымъ изъ тепленки, поднимаясь кверху струями, стелется по потолку и выходитъ въ единственное отверстіе зимницы. Противъ этого отверстія внизу придѣланы къ стѣнѣ широкія нары. Въ переднемъ углу, возлѣ наръ, столъ для обѣда, возлѣ него переметная скамья ***) и нѣсколько стульевъ, то-есть деревянныхъ обрубковъ. Въ другомъ углу очагъ съ подвѣшенными надъ нимъ котелками для варева. Вотъ и вся обстановка

---

*) Дымволокъ, или дымникъ, отверстіе въ потолкѣ или въ стѣнѣ черной избы для выхода дыма.

**) Кожуръ — печь безъ трубы, какая обыкновенно бываетъ въ черной, курной избѣ.

***) Переметная скамья — не прикрѣпленная къ стѣнѣ, та, что̀ сбоку приставляется къ сто́лу во время обѣда.

зимницы, черной, закоптѣлой, но теплой, всегда сухой и никогда не знающей, что за угаръ такой на свѣтѣ бываетъ... Непривычный человѣкъ недолго пробудетъ въ зимницѣ, а лѣсники ею не нахвалятся: привычка — великое дѣло. И живутъ они въ своей мурьѣ мѣсяца по три, по четыре, работая на волѣ отъ зари до зари, обѣдая, когда утро еще не забрезжило, а ужиная поздно вечеромъ, когда, воротясь съ работы, уберутъ лошадей въ загонѣ, построенномъ изъ жердей и еловыхъ лапъ возлѣ зимницы. У людей по деревнямъ и красная Никольщина, и веселыя Святки, и широкая масленица, — въ лѣсахъ нѣтъ праздниковъ, нѣтъ разбора днямъ... Одинаково работаютъ лѣсники и въ будни и въ праздникъ, и кромѣ «подсыпки» никому изъ нихъ во всю зиму домой хода нѣтъ. И къ нимъ изъ деревень никто не наѣзжаетъ.

Въ одной изъ такихъ зимницъ, рано поутру, человѣкъ десять лѣсниковъ, развалясь на нарахъ и завернувшись въ полушубки, спали богатырскимъ сномъ. Подъ утро намаявшагося за работой человѣка сонъ крѣпко разнимаетъ — тутъ его хоть въ гробъ клади да хорони. Такъ и теперь было въ зимницѣ лыковскихъ *) лѣсниковъ, артели дяди Онуфрія.

Огонь въ тепленкѣ почти совсѣмъ потухъ. Угольки, перегорая, то свѣтились алымъ жаромъ, то мутились сѣрой пленкой. Въ зимницѣ было темно и тихо — только и звуковъ, что иной лѣсникъ всхрапываетъ, какъ добрая лошадь, а у другого вдругъ ни съ того ни съ сего душа носомъ засвиститъ.

Одинъ дядя Онуфрій, хозяинъ артели, сѣдой, коренастый, краснощекій старикъ, спитъ будкимъ соловьинымъ сномъ... Его дѣло рано встать, артель на ноги поднять, на работу ее урядить, пока утро еще не настало... Это ему давно ужъ за привычку, оттого онъ и проснулся пораньше другихъ. Потянулся дядя Онуфрій, протеръ глаза и, увидѣвъ, что въ тепленкѣ огонь почти совсѣмъ догорѣлъ, торопливо вскочилъ, на скорую руку перекрестился раза три-четыре и, подбросивъ въ тепленку полѣньевъ и смолья, сталъ наматывать нà ноги просохшія зà ночь онучи и обувать лапти. Обувшись и вздѣвъ на руку полушубокъ, взлѣзъ онъ по лѣсенкѣ, растворилъ створцы и поглядѣлъ на небо... Стожары **) сильно наклонились къ краю небосклона, значитъ, ночь въ исходѣ, утро близится.

— Эй, вы, крещеные!.. Будетъ вамъ дрыхнуть-то!.. Долго спать — долгу наспать... Вставать пора! — кричалъ дядя Онуфрій на всю зимницу артельнымъ товарищамъ.

---

*) Волость на рѣкѣ Керженцѣ.

**) Созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

Никто не шевельнулся. Дядя Онуфрій пошелъ вдоль наръ и зачалъ толкать кулакомъ подъ бока лѣсниковъ, крича во все горло:

— Эхъ! грому на васъ нѣтъ!.. Спятъ ровно убитые!.. Вставай, вставай, ребятушки!.. Много спать, добра не видать!.. Топоры по васъ давно стосковались... Ну же, ну, поднимайся, молодцы!

Кто потянулся, кто поежился, кто, глянувъ заспанными глазами на «старшого», опять зажмурился и повернулся на другой бокъ. Дядя Онуфрій межъ тѣмъ одѣлся, какъ слѣдуетъ, умылся, то-есть размазалъ водой по лицу копоть, торопливо помолился передъ мѣднымъ образкомъ, поставленнымъ въ переднемъ углу, и подбросилъ въ тепленку еще немного сухого корневища *). Ало-багровымъ пламенемъ вспыхнуло смолистое дерево, черный дымъ клубами поднялся къ потолку и заходилъ тамъ струями. Въ зимницѣ посвѣтлѣло.

— Вставайте же, вставайте, а вы!.. Чего разоспались, ровно маковой воды опились?.. День на дворѣ! — покрикивалъ дядя Онуфрій, ходя вдоль наръ, расталкивая лѣсниковъ и сдергивая съ нихъ армяки и полушубки.

— Петряйка, а Петряйка! поднимайся проворнѣй, пострѣлъ!.. Чего заспался?.. Ужъ волкъ умылся, а кочетокъ у насъ на деревнѣ давно пропѣлъ. Пора за дѣло приниматься, стряпай живо обѣдать!..— кричалъ онъ въ самое ухо артельному подсыпкѣ, подростку лѣтъ шестнадцати, своему племяннику.

Но Петряйкѣ не охота вставать. Жмется парнишка подъ шубенкой, думая про себя: «дай хоть чуточку еще посплю, авось дядя не рѣзнетъ хворостиной».

— Да вставай же, пострѣленокъ... Не то возьму слегу, огрѣю, — крикнулъ дядя на племянника, сдернувъ съ него шубенку. — Дожидаться, что-ль, тебя артели-то?.. Вставай, примайся за дѣло.

Петряйка вскочилъ, обулся и, подойдя къ глиняному рукомойнику, сплеснулъ лицо. Нельзя сказать, чтобъ онъ умылся, онъ размазалъ только копоть, обильно насѣвшую на лицахъ, шеяхъ и рукахъ обитателей зимницы... Лѣсники люди не привередливые: изъ грязи да изъ копоти зиму-зименскую не выходятъ...

— Проворь, а ты проворь обѣдать-то, — торопилъ племянника дядя Онуфрій. — Чтобъ у меня все живой рукой было состряпано... А я покамѣстъ къ конямъ схожу.

---

*) Часть дерева между корнемъ и стволомъ, или комлемъ. Она отрубается или отпиливается отъ бревна.

И, зажегши лучину, дядя Онуфрій полѣзъ на лѣсенку вонъ изъ зимницы.

Лѣсники одинъ за другимъ вставали, обувались въ просохшую за̀ ночь у тепленки обувь, поочереди подходили къ рукомойнику и, подобно дядѣ Онуфрію и Петряю, размазывали по лицу грязь и копоть... Потомъ кто пошелъ въ загонъ къ лошадямъ, кто топоры сталъ на точилѣ вострить, кто ладить разодранную наканунѣ одёжу.

Хоть заработки у лѣсниковъ не Богъ знаетъ какіе, далеко не тѣ, что̀ у недальнихъ ихъ сосѣдей, въ Черной Рамени да на Узолѣ, которы деревянну посуду и другую горянщину работа̀ютъ, однакожъ и они не прочь сладко поѣсть послѣ трудовъ праведныхъ. На Ветлугѣ и отчасти на Кѐрженцѣ въ рѣдкомъ домѣ брага и сыченое сусло переводятся, даромъ что хлѣбъ чуть не съ Рождества покупной ѣдятъ. И убоина *) у тамошняго мужика не за диво, и солонины на̀ зиму запасъ бываетъ, немалое подспорье по лѣснымъ деревушкамъ отъ лосей приходится... У иного крестьянина не одинъ пересѣкъ соленой лососины въ погребу стоитъ... И до пшеничниковъ, и до лапшенничковъ, и до дынничковъ **) охочъ лѣсникъ, но въ зимницѣ этого лакомства стряпать некогда да и негдѣ. Развѣ бабы когда изъ деревни на поклонъ мужьямъ съ подсыпкой пришлютъ. Охочъ лѣсникъ и до «продажной дури» — такъ зоветъ онъ зелено вино, — но во время «лѣсованья» продажная дурь не дозволяется. Заведись у кого хоть косушка вина, сейчасъ его артель разложитъ, вспоретъ, и затѣмъ вонъ безъ расчета. Только трижды въ зиму и пьютъ: на Николу, на Рождество да на масленицу, и то по самой малости. Брагу да сусло пьютъ и въ зимницахъ, но понемногу и то на праздникахъ да послѣ нихъ...

Но теперь Великій постъ, къ тому-жъ и лѣсованье къ концу: меньше двухъ недѣль остается до Плющихи, оттого и запасовъ въ зимницѣ немного. Петряйкина стряпня на этотъ разъ была не очень завидна. Развелъ онъ въ очагѣ огонь, въ одинъ котелокъ засыпалъ гороху, а въ другомъ сталъ приготовлять похлебку: покрошилъ гулены, сухихъ грибовъ, луку, засыпалъ гречневой крупой да гороховой мукой, сдобрилъ масломъ и поставилъ на огонь. Обѣдъ разомъ поспѣлъ. Приставили къ нарамъ столъ, къ столу переметную скамью, и усѣлись. Петряйка нарѣзалъ черстваго хлѣба, разложилъ ломти да ложки и поставилъ передъ усѣвшеюся артелью чашки съ

---

*) Говядина.

**) Дынничекъ — каша изъ тебеки (тыквы), съ просомъ сваренная, на молокѣ и маслѣ подрумяненная на сковородѣ.

похлебкой. Молча работала артель зубами, чашки скоро опростались. Петряйка выложилъ остальную похлебку, а когда лѣсники и это очистили, поставилъ имъ чашки съ горохомъ, накрошилъ туда рѣпчатаго луку и полилъ вдоволь льнянымъ масломъ. Это кушанье показалось особенно лакомо лѣсникамъ, ѣли да похваливали.

— Ай да Петряй! Клевашный *) парень! — говорилъ молодой лѣсникъ, Захаромъ звали, потряхивая кудрями. — Вотъ, братъ, уважилъ такъ уважилъ... За этотъ горохъ я у тебя, Петряйка, на свадьбѣ такъ нарѣжусь, что цѣлый день пѣсни играть да плясать не устану.

— Мнѣ еще рано, самъ-отъ прежде женись, — отшутился Петряйка.

— Невѣсты, парень, еще не выросли... Покамѣстъ и такъ побродимъ, — отвѣчалъ Захаръ.

— А въ самомъ дѣлѣ, Захарушка, пора бы тебѣ законъ свершить, — вступился въ разговоръ дядя Онуфрій. — Что̀ такъ безъ пути-то болтаешься?.. Дляче не женишься?.. За тебя, за такого молодца, всяку бы дѣвку съ радостью выдали.

— Ну ихъ, бабья-то! — отвѣчалъ Захаръ. — Терпѣть не могу. Дѣвки невпримѣръ лучше. Съ ними забавнѣй—смѣхи да пѣсни, а бабы что̀! Только клохчутъ да хнычутъ... Самое послѣднее дѣло!

— Экій дѣвушникъ! — молвилъ на то, лукаво усмѣхнувшись, лѣсникъ Артемій. — А не знаешь развѣ, что за дѣвокъ-то вашему брату ноги коломъ ломаютъ?

— А ты прежде излови да потомъ и ломай. Экъ чѣмъ стращать вздумалъ, — нахально отвѣтилъ Захаръ.

— То-то, то-то, Захаръ Игнатьичъ, гляди въ оба... Знаемъ мы кой-что... Слыхали! — сказалъ Артемій.

— Чего слыхалъ-то?.. Чего мнѣ глядѣть-то? — разгорячившись, крикнулъ Захаръ.

— Да хоть бы насчетъ лещовской Параньки...

— Чего насчетъ Параньки?—приставалъ Захаръ.—Чего?.. Говори, что̀ знаешь!.. Ну, ну, говори...

— То и говорю, что высоко камешки кидаешь, — отвѣтилъ Артемій. — Тутъ вашему брату не то что руки-ноги переломаютъ, а, пожалуй, въ городъ на ставку свезутъ. Забылъ аль нѣтъ, что Паранькинъ дядя въ головахъ сидитъ? — сказалъ Артемій.

Закричалъ Захаръ пуще прежняго, даже съ мѣста вскочилъ, ругаясь и сжимая кулаки, но дядя Онуфрій однимъ сло-

*) Проворный, смѣтливый, разумный.

вомъ угомонилъ расходившихся ребятъ. Брань и ссоры во все лѣсованье не дозволяются. Иной парень хоть на руготню и голова, — огня не вздуетъ, замка̀ не отопретъ, не выругавшись, — а въ лѣсу не смѣетъ много раздабаривать, а рукамъ волю давать и не подумаетъ... Велитъ старшо̀й замолчать, пали сердце, сколько хочешь, а вздориться не смѣй. Послѣ, когда изъ лѣсу уѣдутъ, такъ хоть ребра другъ дружкѣ переломай, но во время лѣсованья — ни-ни. Такой обычай ведется у лѣсниковъ изстари. — «Съ чего завелся такой обычай?» — разъ спросили у стараго лѣсника, лѣтъ тридцать сряду ходившаго лѣсовать хозяиномъ. — «По нашимъ промысла̀мъ безъ уйму нельзя, — отвѣчалъ онъ: — также вотъ и продажной дури въ лѣсу держать никакъ невозможно, потому неровенъ часъ, топоръ изъ рукъ у нашего брата не выходитъ... Долго-ль окаянному человѣка во хмелю аль въ руготнѣ по̀дъ руку толконуть... Бывали дѣла, оттого сто̀рожко и держимся».

Смолкли ребята, враждебно поглядывая другъ на̀ друга, но ослушаться старшо̀го и подумать не смѣли... Сто̀итъ ему слово сказать, артель встанетъ какъ одинъ человѣкъ и такую вспорку задастъ ослушнику, что въ другой разъ не захочетъ дурить...

Петряйка ставилъ межъ тѣмъ третье кушанье: наклалъ онъ въ чашки сухарей, развелъ квасомъ, положилъ въ эту тюрю соленыхъ груздей, рыжиковъ да вареной свеклы, лучку туда покрошилъ и маслица подлилъ.

— Важно кушанье! — похваливалъ дядя Онуфрій, уписывая крошево за обѣ щеки. — Ну, проворнѣй, проворнѣй, ребята, — въ лѣсъ пора! Заря занимается, а на зарѣ не работать — значитъ, рубль изъ мошны потерять.

Лѣсники зачали ѣсть торопливѣе, Петряйка вытащилъ изъ за̀кути курганъ *) браги и поставилъ его на столъ.

— Экій у насъ проворъ подсыпка-то! — похваливалъ дядя Онуфрій, поглаживая жилистой рукой по бѣлымъ, но сильно закопченнымъ волосамъ Петряя, когда тотъ разливалъ брагу по ко̀рчикамъ **). — Всякій день у него послѣдышки да послѣдышки. Двѣ недѣли масленица минула, а у него бражка еще ведется. Сторожь, сторожь, Петрунюшка, сторожь всяко добро, припасай на черный день, вырастешь, большой богатей будешь. Прокъ выйдетъ изъ тебя, парнюга!.. Чтой-то? — вдругъ

*) Курганъ, кунганъ (правильнѣе кумганъ), заимствованный у татаръ, мѣдный или жестяной кувшинъ съ носкомъ, ручкой и крышкой.

**) Ко̀рчикъ, или корецъ, особаго вида ковшъ для черпанья воды, кваса, для питья сусла и браги. Корцы бываютъ металлическіе (желѣзные), деревянные, а больше корецъ дѣлается изъ древеснаго луба, въ видѣ стакана.

спросилъ, прерывая свои ласки и вставая съ наръ, дядя Онуфрій. — Никакъ пріѣхалъ кто-то? Выглянь-ка, Петряй, на волю, глянь, кто такой?

Въ самомъ дѣлѣ слышались скрипъ полозьевъ, фырканье лошадей и людской говоръ.

Однимъ махомъ Петряйка вскочилъ наверхъ лѣсенки и, растворивъ створцы, высунулъ на волю бѣлокурую свою голову. Потомъ, прыгнувъ нà полъ и разведя врозь руками, удивленнымъ голосомъ сказалъ:

— Невѣдомо каки люди пріѣхали... На двухъ тройкахъ.. гусемъ.

— Чтò за диковина! — повязывая кушакъ, молвилъ дядя Онуфрій. — Чтò за люди?.. Кого это на тройкахъ принесло?

— Нешто лѣсной, аль исправникъ, — отозвался Артемій.

— Коего шута на концѣ лѣсованья они не видали здѣсь?— сказалъ дядя Онуфрій. — Опять же колокольцовъ не слыхать, а начальство развѣ безъ колокольца поѣдетъ? Гляди, лысковцы *) не нагрянули-ль... Пусто-бъ имъ было!.. Больше некому. Пойти посмотрѣть самому, — прибавилъ онъ, направляясь къ лѣсенкѣ.

— Есть ли крещеные? — раздался въ то время вверху громкій голосъ Патапа Максимыча.

— Лѣзь-полѣзай, милости просимъ, — громко отозвался дядя Онуфрій.

Показалась изъ створокъ нога Патапа Максимыча, за ней другая, потомъ широкая спина его, обтянутая въ мурашкинскую дубленку. Слѣзъ наконецъ Чапуринъ.

За нимъ такимъ же способомъ слѣзъ паломникъ Стуколовъ, потомъ молчаливый купецъ Дюковъ, за ними два работника. Не вдругъ прокашлялись наѣзжіе гости, глотнувши дыма. Присѣвъ на полу, едва переводили они духъ и протирали поневолѣ плакавшіе глаза.

— Кого Господь даровалъ? — спросилъ дядя Онуфрій. — Зиму-зименскую отъ чужихъ людей духу не было, на конецъ лѣсованья гости пожаловали.

— Заблудились мы, почтенный, въ вашихъ лѣсахъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ, снимая промерзшую дубленку и подсаживаясь къ огню.

— Откуда Богъ занесъ въ наши палестины? — спросилъ дядя Онуфрій.

— Изъ Красной Рамени, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

---

*) Оптовые лѣсопромышленники изъ Лыскова. Ихъ не любятъ лѣсники за обманы и обиды.

— А путь куда держите? — продолжалъ спрашивать старшой артели.

— На Ветлугу пробираемся, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Думали на Ялокшинскій зимнякъ свернуть, да оплошали. Теперь не знаемъ, куда и заѣхали.

— Ялокшинскій зимнякъ отсель рукой подать, — молвилъ дядя Онуфрій: — какихъ-нибудь верстъ десятокъ, и того не будетъ, пожалуй. Только дорога не приведи Господи. Вы подн на саняхъ?

— Въ пошевняхъ, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— А пошевни-то, небось, большія да широкія... Еще поди съ волочками *)? — продолжалъ свои разспросы дядя Онуфрій.

— Да, съ волочками, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А что̀?..

— А то, что съ волочками отсель на Ялокшу вамъ не проѣхать. Лѣса густые, лапы на просѣки рублены невысоко, волочки-то, пожалуй, не пролѣзутъ, — говорилъ дядя Онуфрій.

— Какъ же быть? — въ раздумьѣ спрашивалъ Патапъ Максимычъ.

— Да въ какое мѣсто вамъ на Ветлугу-то? — молвилъ дядя Онуфрій, оглядывая лёзу топора.

— Ѣзда намъ не близкая, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — За Усту надо къ Уреню, коли слыхалъ.

— Какъ не слыхать, — молвилъ дядя Онуфрій. — Сами въ Уренѣ не разъ бывали... За хлѣбомъ ѣздимъ... Такъ вѣдь вамъ напередъ надо въ Нижне Воскресенье, а тамъ ужъ вплоть до Уреня пойдетъ большая дорога...

— Ровная, гладкая, хоть кубаремъ катись, — въ одинъ голосъ заговорили лѣсники...

— За Воскресеньемъ слѣпой съ пути не собьется...

— По Ветлугѣ до самаго Варнавина степь пойдетъ, а за Варнавиномъ, какъ рѣку переѣдете, опять лѣса, — тамъ ужъ и скончанья лѣсамъ не будетъ...

— Это мы, почтенный, и безъ тебя знаемъ, а вотъ вы научите насъ, какъ до Воскресенья-то намъ добраться? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Развѣ къ нашимъ дворамъ, на Лыковщину, отсель свернете, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Отъ насъ до Воскресенья путь торный, просѣка широкая, только крюку дадите: верстъ сорокъ, коли не всѣ пятьдесятъ.

— Эко горе какое! — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Вечоръ цѣлый день плутали, цѣлу ночь, не знай куда ѣхали, а

*) Волочокъ, или волчокъ — верхъ повозки или кибитки, обитый циновкой. Иначе: лучокъ.

тутъ еще пятьдесятъ верстъ крюку!.. Вѣдь это лишнихъ полтора сутокъ наберется.

— А вамъ нешто къ спѣху? — спросилъ дядя Онуфрій.

— Къ спѣху не къ спѣху, а неохота по вашимъ лѣсамъ безъ пути блудить, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Да вы коли изъ Красной-то Рамени поѣхали? — спросилъ дядя Онуфрій.

— На разсвѣтѣ. Теперь вотъ цѣлы сутки маемся, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Гляди-ка, дѣло какое! — говорилъ, качая головой, дядя Онуфрій. — Видно, впервой въ лѣсахъ-то?

— То-то и есть, что допрежь николи не бывали. Ну, ужъ и лѣса ваши — нечего сказать! Провалиться-бъ имъ, проклятымъ, совсѣмъ! — съ досадой промолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Лѣса наши хорошіе, — перебилъ его дядя Онуфрій.

Обидно стало ему, что невѣдомо какой человѣкъ такъ объ лѣсахъ отзывается. Какъ морякъ любитъ море, такъ коренной лѣсникъ любитъ родные лѣса, невпримѣръ горячѣй, чѣмъ пахарь пашню свою.

— Лѣса наши хорошіе, — хмурясь и понуривъ голову, продолжалъ дядя Онуфрій. — Наши поильцы-кормильцы... Самъ Господь выростилъ лѣса на пользу человѣку, самъ Владыка Свой садъ разсадилъ... Здѣсь каждо дерево Божье, зачѣмъ же лѣсамъ проваливаться?.. И кѣмъ они кляты?.. Это ты нехорошее, черное слово молвилъ, господинъ купецъ... Не погнѣвайся, имени-отчества твоего не знаю, а лѣса бранить не годится — потому они Божьи.

— Дерево-то пускай его Божье, а волки-то чьи? — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Какъ мы заночевали въ лѣсу, набѣжало проклятаго звѣрья видимо-невидимо — чуть не сожрали, каленый ножъ имъ въ бокъ. Только огнемъ и оборонились.

— Да, волки теперь гуляютъ — ихня пора, — молвилъ дядя Онуфрій: — Господь имъ эту пору указалъ... Не однимъ людямъ, а всякой твари сказалъ Онъ: «раститеся и множитесь». Да... ихня пора... — И потомъ, немного помолчавъ, прибавилъ: — Значитъ, вы не въ коренномъ лѣсу заночевали, а гдѣ-нибудь на рамени. Сѣрый въ теперешнюю пору въ лѣсахъ не держится, больше въ поле норовитъ, теперь ему въ лѣсу голодно. Безпремѣнно на рамени ночевали, недалече отъ селенья. Къ намъ-то съ какой стороны подъѣхали?

— Да мы все на сиверъ держали, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Кажись бы, такъ не надо, — молвилъ дядя Онуфрій. —

Какъ же такъ на сиверъ? Къ зимницѣ-то, говорю, съ коей стороны подъѣхали?

— Съ правой.

— Такъ какой же тутъ сиверъ? Ѣхали вы, ста̀ло-быть, на осенникъ, — сказалъ дядя Онуфрій.

— Какъ же ты вечоръ говорилъ, что мы ѣдемъ на сиверъ? — обратился Патапъ Максимычъ къ Стуколову.

— Такъ по маткѣ выходило, — насупивъ брови и глядя исподлобья, отозвался паломникъ.

— Вотъ тебѣ и матка! — крикнулъ Патапъ Максимычъ. — Пятьдесятъ верстъ крюку, да на придачу волки чуть не распластали!.. Эхъ, ты, голова, Якимъ Прохорычъ, право, голова!..

— Чѣмъ же матка-то тутъ виновата? — оправдывался Стуколовъ. — Развѣ по ней ѣхали; вѣдь я глядѣлъ въ нее, когда ужъ съ пути сбились.

— Не сговоришь съ тобой, — горячился Патапъ Максимычъ. — Хоть колъ ему теши на лысинѣ: упрямъ, какъ чортъ карамышевскій, прости Господи!..

— Ой, ваше степенство, больно ты охочъ *его* поминать! — вступился дядя Онуфрій. — Здѣсь вѣдь лѣсъ, зимница... У насъ *его* не поминаютъ! Нехорошо... чернаго слова не говори... Неровенъ часъ — пожалуй, недоброе случится... А про каку это матку вы поминаете? — прибавилъ онъ.

— Да вонъ у товарища моего матка какая-то есть... Шутъ ее знаетъ!.. — досадливо отозвался Патапъ Максимычъ, указывая на Стуколова. — Всякія дороги, слышь, знаетъ. Коробочка, а въ ней какъ въ часахъ стрѣлка ходитъ, — пояснялъ онъ дядѣ Онуфрію. — Такъ пустое дѣло одно.

— Знаемъ и мы эту матку, — отвѣтилъ дядя Онуфрій, снимая съ полки крашеный ставешокъ и вынимая оттуда компасъ. — Какъ намъ, лѣсникамъ, матки не знать? Безъ нея ину пору можно пропасть... Такая, что ли? — спросилъ онъ, показывая свой компасъ Патапу Максимычу.

Диву дался Патапъ Максимычъ. Столько лѣтъ на свѣтѣ живетъ, книги тоже читаетъ, съ хорошими людьми водится, а доселъ не слыхалъ, не вѣдалъ про такую штуку... Думалось ему, что паломникъ изъ-за̀ моря вывезъ свою матку, а тутъ закоптѣлый лѣсникъ, послѣдній, можетъ-быть, человѣкъ, у себя въ зимницѣ такую же вещь держитъ.

— Въ лѣсахъ матка вещь самая пользительная, — продолжалъ дядя Онуфрій. — Безъ нея какъ разъ заблудишься, коли пойдешь по незнакомымъ мѣстамъ. Дорогая по нашимъ промысла̀мъ эта штука... Зайдешь ину пору далёко, лѣсъ-отъ

густой, частый да рослый — въ небо дыра. Ни солнышка ни звѣздъ не видать, опознаться на мѣстѣ нечѣмъ. А съ маткой не пропадешь: отколь хошь на волю выведетъ.

— Значитъ, твоя матка попортилась, Якимъ Прохорычъ? — сказалъ Патапъ Максимычъ Стуколову.

— Отчего ей попортиться? Коли стрѣлка ходитъ, значитъ, не попортилась, — отвѣчалъ тотъ.

— Да слышишь ты аль нѣтъ, что вечоръ ей надо было на осенникъ казать, а она на сиверъ тянула, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Покажь-ка, ваше степенство, твою матку, — молвилъ дядя Онуфрій, обращаясь къ Стуколову.

Паломникъ вынулъ компасъ. Дядя Онуфрій положилъ его на столъ рядомъ со своимъ.

— Ничѣмъ не попорчена, — сказалъ онъ, разсматривая ихъ. — Да и портиться тутъ нечему, потому что въ стрѣлкѣ не пружина какая, а одна только Божія сила... Видишь, въ одну сторону обѣ стрѣлки тянутъ... Вотъ сиверъ, тутъ будетъ полдень, тутъ закатъ, а тутъ востокъ, — говорилъ дядя Онуфрій, показывая рукой страны свѣта по направленію магнитной стрѣлки.

— Отчего-жъ она давеча не на осенникъ, а на сиверъ тянула? — спросилъ у паломника Патапъ Максимычъ, разглядывая компасы.

— Не знаю, — отвѣчалъ Стуколовъ.

— А я такъ знаю, — молвилъ дядя Онуфрій, обращаясь къ паломнику. — Знаю, отчего вечòръ твоя матка нà сторону воротила... Коли хочешь, скажу, чтобы могъ ты понимать тайную силу Божію... Когда смотрѣлъ въ матку-то, въ которомъ часу?

— Съ вечера, — отвѣчалъ Стуколовъ.

— Такъ и есть, — молвилъ дядя Онуфрій. — А нà небо въ ту пору глядѣлъ?

— Нà небо? Какъ нà небо?.. — спросилъ удивленный паломникъ. — Не помню... Кажись, не глядѣлъ.

— И никто изъ васъ не видалъ, что нà небѣ въ ту пору дѣялось? — спросилъ дядя Онуфрій.

— Чему нà небѣ дѣяться? — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Ничего не дѣялось — небо какъ небо.

— То-то и есть, что дѣялось, — сказалъ дядя Онуфрій. — Мы видѣли, чтò нà небѣ передъ пòлночью было. Тутъ-то вотъ и премудрая, тайная сила Творца Небеснаго... И про ту силу великую не то что мы, люди старые, подростки у насъ знаютъ... Петряйка! Чтò вечоръ на небѣ дѣялось? — спросилъ онъ племянника.

— Пазори играли, — бойко тряхнувъ бѣлокурыми кудрями, отвѣтилъ Петряй. — Вечо̀ръ, какъ намъ съ лѣсованья ѣхать, о̀тбѣль по небу пошла, а тамъ и зо̀ри заиграли, лучи засвѣтили, столбы задышали, багрецами налились и заходили по̀ небу. Споло̀хи даже били, какъ мы ужинать сѣли, ровно громъ по лѣсу-то, такъ и загудѣли... Оттого матка и дурила, что па̀зори *) въ небѣ играли.

— Значитъ, не въ ту сторону показывала, — пояснилъ дядя Онуфрій. — Это завсегда такъ бываетъ: еще о̀тбѣлей не видать, а ужъ стрѣлка вздрагивать зачнетъ, а потомъ и пойдетъ то туда, то сюда воротить.. Видишь ли, какая тайная Божія сила тутъ совершается? Слыхалъ, поди, какъ за всенощной-то поютъ: «вся премудростію сотворилъ еси!..» Вотъ она премудрость-то!.. Это завсегда надо крещеному человѣку въ понятіи содержать... Да, ваше степенство, «вся премудростію сотворилъ еси!..» Кажись, вотъ хоть бы эта самая матка — что̀ такое?.. Ребячья игрушка, слѣпой человѣкъ подумаетъ! Анъ нѣтъ, тутъ премудрость Господня, тайная Божія сила... Да.

«Экій дошлый народецъ въ эти лѣса забился, — самъ про себя думалъ Патапъ Максимычъ. — Мальчишка, материно

---

*) *Пазори* — сѣверное сіяніе. Слова «сѣверное сіяніе» народъ не знаетъ. Это слово дѣланное, искусственное, придуманное въ кабинетѣ, едва ли не Ломоносовымъ, а ему, какъ холмогорцу, не могло быть чуждымъ настоящее русское слово «пазори». Сѣверное сіяніе — буквальный переводъ нѣмецкаго Nordlicht. У насъ каждый переходъ столь обычнаго на Руси небеснаго явленія означается особымъ мѣткимъ словомъ. Такъ, начало пазорей, когда на сѣверной сторонѣ неба начинаетъ какъ бы разливаться блѣдный бѣлый свѣтъ, подобный Млечному пути, зовется *отбѣлью* или *бѣлью*. Слѣдующій затѣмъ переходъ, когда отбѣль, сначала принимая розовый оттѣнокъ, потомъ постепенно багровѣетъ, называется зорями *(зори, зорники)*. Послѣ зорей начинаютъ обыкновенно раскидываться по небу млечныя полосы. Это называютъ *лучами*. Если явленіе продолжается, *лучи* багровѣютъ и постепенно превращаются въ яркія, красныя и другихъ цвѣтовъ радуги, *столбы*. Эти столбы краснѣютъ болѣе и болѣе, что̀ называется: *багрецы наливаются*. Столбы сходятся и расходятся — объ этомъ говорится: *столбы играютъ*. Когда сильно играющіе столбы сопровождаются перекатнымъ трескомъ и какъ бы громомъ — это называется *сполохами*. Если во время сѣвернаго сіянія зори или столбы мерцаютъ, то-есть дѣлаются то свѣтлѣй, то блѣднѣй, тогда говорится: «зори и столбы *дышатъ*». Наши лѣсники, равно какъ и поморы, обращающіеся съ компасомъ, давнымъ-давно знаютъ, что, «на пазоряхъ матка дуритъ», то-есть магнитная стрѣлка дѣлаетъ уклоненія. Случается, что небо заволочено тучами, стоитъ непогодь, либо мятель мететъ, и вдругъ «матка задуритъ». Лѣсники тогда знаютъ, что на небѣ пазори заиграли, но за тучами ихъ не видать. Замѣчательно, что, какъ у поморовъ, такъ и у лѣсниковъ нѣтъ повѣрья, будто сѣверное сіяніе предвѣщаетъ войну либо моръ. Свойство магнитной стрѣлки и вліяніе на нее сѣвернаго сіянія они называютъ «тайной Божьей силой».

молоко на губахъ не обсохло, и тотъ премудрость понимаетъ, а старый отъ писанья такой горазлый, что, пожалуй, Манееѣ такъ въ пору».

— Отъ кого это ты, малецъ, научился? — спросилъ онъ Петряя.

— Дядя училъ, дядя Онуфрій, — бойко отвѣтилъ подсыпка, указывая на дядю.

— А тебя кто научилъ? — обратился Патапъ Максимычъ къ Онуфрію.

— Отъ отцовъ, отъ дѣдовъ научены; они тоже вѣкъ свой лѣсовали, — отвѣтилъ дядя Онуфрій.

— Мудрости Господни! — молвилъ въ раздумьѣ Патапъ Максимычъ.

Проговоривъ это, вдругъ увидѣлъ онъ, что лѣсникъ Артемій, присѣвъ на корточки передъ тепленкой и вынувъ уголекъ, положилъ его въ носогрѣйку *) и закурилъ свой тютюнъ. За нимъ Захаръ, потомъ другіе, и вотъ всѣ лѣсники, кромѣ Онуфрія да Петряя, усѣвшись вкругъ огонька, задымили трубки.

Стуколова индо передернуло. За Волгой-то, въ семъ искони древле-благочестивомъ краѣ, въ семъ Аѳонѣ старообрядства, да еще въ самой-то глуши, въ лѣсахъ, курильщики треклятаго зелья объявились... Отсторонился паломникъ отъ тепленки и, сѣвъ въ углу зимницы, повернулъ лицо въ сторону.

— Поганитесь? — съ легкой усмѣшкой спросилъ Патапъ Максимычъ, кивая дядѣ Онуфрію на курильщиковъ.

— А какое-жъ тутъ поганство? — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Никакого поганства нѣтъ. Сказано: «всякъ злакъ на службу человѣкомъ»... Чего-жъ тебѣ еще?.. И табакъ Божья трава, и ее Господь создалъ въ пользу, какъ и всѣ иные древа, цвѣты и травы...

— Такъ нѐшто про табачное зелье это слово сказано въ писаніи? — досадливо вмѣшался насупившійся Стуколовъ. — Аль не слыхалъ, что̀ такое есть «корень горести въ выспрь прозябаяй»? Не слыхивалъ, откуда табакъ-отъ выросъ?

— Это что̀ келейницы-то толкуютъ? — со смѣхомъ отозвался Захаръ. — Врутъ онѣ, смо̀тницы **), пустое плетутъ... Мы вѣдь не старовѣры, въ бабье не вѣруемъ.

— Нешто церковники? — спросилъ Патапъ Максимычъ дядю Онуфрія.

---

*) Трубка, большею частью корневая, выложенная внутри жестью, на коротенькомъ деревянномъ чубучкѣ.

**) Смотникъ, смотница — то же, что̀ сплетникъ, а также человѣкъ, всякій вздоръ говорящій.

— Всѣ во церкви, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — У насъ по всей Лыковщинѣ старовѣровъ споконъ вѣку не важивалось. И дѣды и прадѣды, всѣ при церкви были. Потому люди мы бѣдные, работные, достатковъ у насъ нѣтъ такихъ, чтобъ старовѣрничать. Вонъ по раменямъ, и въ Черной Рамени, и въ Красной, и по Волгѣ, тамъ, почитай, всѣ старой вѣры держатся... Потому — богачество... А мы что?.. Люди маленькіе, худые, бѣдные... Мы по церкви!

— А молитесь какъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Кто въ два перста, кто щепотью, кто какъ сызмала обыкъ, такъ и молится... У насъ этого въ важность не ставятъ, — сказалъ дядя Онуфрій.

— И табачничаете всѣ? — продолжалъ спрашивать Патапъ Максимычъ.

— Всѣ почитай веселой травки держимся, — отвѣчалъ, улыбаясь, дядя Онуфрій и самъ сталъ набивать трубку. — Намъ, ваше степенство, безъ табаку нельзя. Потому лѣтомъ пойдешь въ лѣсъ — столько тамъ этого гаду: оводу, слѣпней, мошекъ и всякой комариной силы — только табачнымъ дымомъ себя и полегчишь, не то съѣдятъ, пусто-бъ имъ было. По нашимъ промысламъ безъ курева обойтись никакъ невозможно — всю кровь высосутъ, окаянные. Оно, конечно, и лѣсники не сплошь табачничаютъ, есть тоже по инымъ лѣснымъ деревнямъ, зато ужъ и маются же, сердечные. Посмотрѣлъ бы ты на нихъ, какъ они послѣ соку *) домой приволокутся. Узнать человѣка нельзя, ровно стѣнь ходитъ. Боро̀нятся и они отъ комариной силы: смолой, дегтемъ мажутся, да не больно это мазанье помогаетъ. Нѣтъ, по нашимъ промысламъ безъ табачнаго курева никакъ нельзя. А побывали бы вы, господа купцы, въ ветлужскихъ верхотинахъ у Верхняго Воскресенья **). Тамъ и въ городу, и вкругъ города по деревнямъ такіе ли еще табачники, какъ у насъ: спятъ даже съ трубкой. Маленькій парнишка, отъ земли его не видать, а ужъ дымитъ изъ тятенькиной трубчонки... Въ гостяхъ, на свадьбѣ, аль на крестинахъ, въ праздники тоже храмовые, у людей первымъ дѣломъ брага да сусло... а тамъ горшки съ табакомъ гостямъ на столъ — горшокъ молотаго да горшокъ крошенаго... Надымятъ въ избѣ, индо у самихъ глаза выѣстъ... Вотъ это

*) Послѣ драныя мочала, луба и бересты.

**) Въ Ветлужскомъ краѣ городъ Ветлугу до сихъ поръ зовутъ Верхнимъ Воскресеньемъ, какъ назывался онъ до 1778 года, когда былъ обращенъ въ уѣздный городъ... Нижнее Воскресенье — большое село на Ветлугѣ въ Макарьевскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Иначе — Воскресенское. Это два главные торговые пункта по Ветлугѣ.

настоящіе табачники, заправскіе, а мы чтò — помаленьку балуемся.

— Оттого Ветлугу-то и зовутъ «поганой стороной», — скрививъ лицо язвительной усмѣшкой, молвилъ Стуколовъ.

— Да вѣдь келейницы же дурнымъ словомъ обзываютъ ветлужскую сторону, а глядя на нихъ и старовѣры, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Только вѣдь это однѣ пустыя рѣчи... Какую онѣ тамъ погань нашли? Таки же крещены, какъ и вездѣ...

— Въ церковь-то часто ли ходите? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ же въ церковь не ходить?.. Чать мы крещеные. Безъ церкви прожить нельзя, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Кое время дома живемъ, храмъ Божій не забываемъ, оно, пожалуй, хоть не каждо воскресенье ходимъ, потому приходъ далеко, а все-жъ церкви не чуждаемся. Вотъ здѣсь, въ лѣсахъ, праздниковъ ужъ нѣтъ. Съ топоромъ не до моленья, особливо въ такой годъ, какъ нонѣшній... Зима-то нынѣ стала поздняя, только за два дня до Николы лѣсовать выѣхали... Много-ль тутъ времени на работу-то останется, много-ль наработаешь?.. Тутъ и праздники забудешь, какіе они у Бога есть, и день и ночь только и думы, какъ бы побольше деревъ сронить. Да вѣдь и то надо сказать, ваше степенство, — промолвилъ, лукаво улыбаясь, дядя Онуфрій: — часто въ церковь-то ходить нашему брату накладно. Это вонъ келейницамъ хорошо на всемъ на готовомъ Богу молиться, а по нашимъ достаткамъ того не приходится. Вѣдь повадишься къ вечернѣ, все едино чтò въ харчевню: нонѣ свѣча, завтра свѣча — глядишь, анъ шуба съ плеча. Съ нашего брата Господь не взыщетъ — потому недостатки... Мы вѣдь люди простые, а простыхъ и Богъ проститъ... Одначе закалякался я съ вами, господа купцы... Ребятушки, ладь дровни, проворь лошадей... Лѣсовать пора!.. — громко крикнулъ дядя Онуфрій.

Лѣсники одинъ за другимъ полѣзли вонъ.

Дядя Онуфрій, оставшись съ гостями въ зимницѣ, помогалъ Петряю прибирать посуду, заливать очагъ и приводить ночной притонъ въ нѣкоторый порядокъ.

— Сами-то отколь будете? — спросилъ онъ Патапа Максимыча.

Патапъ Максимычъ назвалъ себя и немало подивился, что старый лѣсникъ доселѣ не слыхалъ его имени, столь громкаго за Волгой, а, кажись, чуть не шабры.

— Нешто про насъ не слыхалъ? — спросилъ онъ дядю Онуфрія.

— Не доводилось, ваше степенство, — отвѣчалъ лѣсникъ. — Вѣдь мы «раменскихъ-то» *) мало знаемъ — больше все съ лыковскими да съ ветлужскими купцами хороводимся, съ понизовыми тоже.

— Экая однако глушь по вашимъ мѣстамъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Глухая сторона, ваше степенство, это твоя правда, какъ есть глушь, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Мы и въ своемъ-то городу только раза по два на году бываемъ: подушны казначею свезти да билетъ у лѣсного выправить. Особнякомъ живемъ, ровно отрѣзанные, а все-жъ не промѣняемъ своей глуши на чужу сторону. Хоть и бѣдны наши деревни, не то, что̀ на Волгѣ, али, можетъ, и по вашимъ раменя̀мъ, однакожъ свою сторону ни на каку не смѣняемъ... У васъ хоть и веселье, хоть жилье и привольное, да чужое, а у насъ по лѣсамъ хоть и горе, да свое... Пускай у насъ глушь, да не пошто намъ далеко, и здѣсь хорошо.

— Да, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ: — всякому своя сторона мила... Только какъ же у насъ будетъ, почтенный?.. Ужъ вы какъ-нибудь выведите насъ на свѣтъ Божій, покажите дорогу, какъ на Ялокшу выѣхать.

— По̀што не указать — укажемъ, — сказалъ дядя Онуфрій: — только не знаю, какъ съ волочками-то вы сладите. Не пролѣзть съ ними сквозь лѣсину... Опять же поди дорогу-то теперь перемело, на масленицѣ все вѣтра̀ дули, деревья-то чай обтрясло, снѣгу навалило... Да постойте, господа честные, вотъ я молодца одного кликну — онъ ту дорогу лучше всѣхъ насъ знаетъ... Артемушка! — крикнулъ дядя Онуфрій изъ зимницы: — Артемъ!.. погляди-ка на сани-то: проѣдутъ на Ялокшу аль нѣтъ, да слѣзь, родной, ко мнѣ не на долгое время...

Артемій слѣзъ и объявилъ, что санямъ надо бы пройти, потому отводы невеликіе, а волочки непремѣнно надо долой.

— Ну долой, такъ долой, — рѣшилъ Патапъ Максимычъ: — положимъ ихъ въ сани, а не то и здѣсь покинемъ. У Воскресенья новы можно купить.

— У Воскресенья этого добра вволю, — сказалъ дядя Онуфрій: — завтра же вы туда какъ разъ къ базару попадете. Вы не по хлѣбной ли части ѣдете?

— Нѣтъ, ѣдемъ по своему дѣлу, къ пріятелямъ въ гости, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ, — проговорилъ дядя Онуфрій. — Инъ велите своимъ

---

*) Раменскими лѣсники зовутъ жителей Черной и Красной Рамени.

парнямъ волочки снимать — вмѣстѣ и поѣдемъ, намъ въ ту же сторону версты двѣ либо три ѣхать.

— Ну вотъ и ладно. Оттоль, значитъ, верстъ съ восемь до зимняка-то останется, — молвилъ Патапъ Максимычъ и послалъ работниковъ отвязывать волочки.

— Верстъ восемь, можетъ, и десять, а пожалуй, и больше наберется, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Какія здѣсь версты! дороги не мѣрены: гдѣ мужикъ по первопуткѣ проѣхалъ — тутъ на всю зиму и дорога...

— А какъ намъ разставанье придетъ, вы ужъ, братцы, кто-нибудь проводите насъ до зимняка-то, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— На этомъ не погнѣвись, господинъ купецъ. По нашимъ порядкамъ этого нельзя — потому артель, — сказалъ дядя Онуфрій.

— Что-жъ артель?.. Отчего нельзя?.. — съ недоумѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да какъ же? Поѣдетъ который съ тобой, кто за него работать станетъ?.. Тѣмъ артель и крѣпка, что у всѣхъ работа вровень держится, одинъ передъ другимъ ни на макову росинку не долженъ передѣлать аль не додѣлать... А какъ ты говоришь, чтобъ изъ артели кого въ вожатые дать, того никоимъ образомъ нельзя... Тотъ же прогулъ выйдетъ, а у насъ прогуловъ нѣтъ, такъ и сговариваемся на суймѣ *), чтобъ прогуловъ во всю зиму не было.

— Да мы заплатимъ, что слѣдуетъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— А кому заплатишь-то?.. Платить-то некому!.. — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Развѣ возможно артельному лѣснику съ чужанина хошь малость какую принять?.. Развѣ артель спуститъ ему хоть одну копейку взять со стороны?.. Да вотъ я старшо́й у нихъ, «хозяинъ» называюсь, а возьми-ка я съ вашего степенства хоть мѣдну полушку, ребята не поглядятъ, что я у нихъ голова, что борода у меня сѣда, разложатъ да таку вспарку зададутъ, что и-и... У насъ на это строго.

— Мы всей артели заплатимъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Это ужъ не мое дѣло, съ артелью толкуй. Какъ она захочетъ, такъ и прикажетъ, я тутъ не при чемъ, — отвѣтилъ дядя Онуфрій.

— Коли такъ, сбирай артель, потолкуемъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

---

*) Суймъ или суемъ (однородно со словами сонмъ и сеймъ) — мірской сходъ, совѣщанье о дѣлахъ.

— Скликнуть артель не мудрое дѣло, только не знаю, какъ это сдѣлать, потому что такого дѣла у насъ николи не бывало. Болѣ тридцати годовъ съ топоромъ хожу, а никогда того не бывало, чтобъ изъ артели кого на сторону брали, — разсуждалъ дядя Онуфрій.

— Да ты только позови, можетъ, сойдемся какъ-нибудь, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Позвать отчего не позвать! Позову — это можно, — говорилъ дядя Онуфрій: — только у насъ николи такъ не водилось...—И, обратясь къ Петряю, все еще перемывавшему въ грязной водѣ чашки и ложки, сказалъ: — Кликни ребятъ, Петряюшка, всѣ, молъ, идите до единаго.

Артель собралась, спросила дядю Онуфрія, зачѣмъ звалъ; тотъ не отвѣчалъ, а молча показалъ на Патапа Максимыча.

— Что требуется, господинъ купецъ?.. — спросили лѣсники, оглядывая его съ недоумѣніемъ.

— Да видите ли, братцы, хочу я просить вашу артель дать намъ проводника до Ялокшинскаго зимняка, — началъ Патапъ Максимычъ.

— Въ умѣ-ль ты, ваше степенство?.. Какъ же возможно изъ артели работника брать?.. Гдѣ это слыхано?.. Да кто пойдетъ провожать тебя?.. Никто не пойдетъ... Экъ что вздумалъ!.. Чудакъ же ты, право, господинъ купецъ!.. — кричали лѣсники, перебивая другъ дружку.

Насилу втолковалъ имъ Патапъ Максимычъ, что артели ущерба не будетъ, что онъ заплатитъ цѣну работы за весь день.

— Да какъ ты учтешь, чего стоитъ работа въ день?.. Этого учесть нельзя, — говорили лѣсники.

— Какъ не учесть, учтемъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Сколько васъ въ артели-то?

— Одиннадцать человѣкъ, Петряй двѣнадцатый.

— А много-ль денъ въ зиму работать?

— Смекай: выѣхали за два дня до Николы, уйдемъ на Плющиху, — сказалъ Захаръ.

Посчиталъ Патапъ Максимычъ — восемьдесятъ семь дней выходило.

— Ты, ваше степенство, недѣлями считай: мы вѣдь люди неграмотные — считать по днямъ не горазды, — говорила артель.

— Двѣнадцать недѣль съ половиной, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ну, это такъ, — загалдѣли лѣсники. — Намедни мы считали, то же выходило.

— Ну, ладно, хорошо... Теперь сказывайте, много-ль за

зиму на каждаго человѣка заработка причтется? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— А кто его знаетъ! — отвѣчали лѣсники. — Вотъ къ Святой сочтемся, такъ будемъ знать.

Безпорядицы и безтолочи въ переговорахъ было вдоволь. Считали барыши прошлой зимы, выходило безъ гривны полтора рубля на ассигнаціи въ день человѣку. Но этотъ счетъ въ толкъ не пошелъ, потому, говорилъ Захаръ, что зимушняя зима была сиротская, хвилеватая *), а нонѣшняя морозная да вѣтреная. Сулилъ артели Патапъ Максимычъ цѣлковый за проводника, — и слушать не хотѣли. Какъ, дескать, наобумъ можно ладиться. Надо, говорятъ, всякое дѣло по чести дѣлать, потому — артель. А дядя Онуфрій туритъ да туритъ кончать скорѣй переговоры, на всю зимницу кричитъ, что заря совсѣмъ занялась — нечего пустяки городить — лѣсовать пора...

Потерялъ терпѣнье Патапъ Максимычъ. Такъ и подмываетъ его обойтись съ лѣсниками по-свойски, какъ въ Осиповкѣ середь своихъ токарей навыкъ... Да во-время вспомнилъ, что въ лѣсахъ этимъ ничего не возьмешь, пожалуй, еще хуже выйдетъ. Не такой народъ, окрикомъ его не проймешь... Однакожъ не вытерпѣлъ — крикнулъ:

— Да берите, дьяволы, сколько хотите... Сказывай, сколько надо?.. За деньгами не стоимъ... Хотите три цѣлковыхъ получать?..

— Сказано тебѣ, въ зимницѣ *его* не поминать, — строго, притопнувъ даже ногой, крикнулъ на Патапа Максимыча дядя Онуфрій. — Такъ въ лѣсахъ не водится!.. А ты еще *его* чернымъ именемъ крещеный народъ обзываешь... Есть на тебѣ крестъ-отъ аль нѣтъ?.. Хочешь ругаться да вражье имя поминать, убирайся, покамѣстъ цѣлъ, по добру по здорову.

— Народецъ! — съ досадой молвилъ Патапъ Максимычъ, обращаясь къ Стуколову. — Что тутъ станешь дѣлать?

Не отвѣчалъ паломникъ.

— Говорите же, сколько надо вамъ за проводника? Три цѣлковыхъ хотите? — сказалъ Патапъ Максимычъ, обращаясь къ лѣсникамъ.

Зачала артель галанить пуще прежняго. Спорамъ, крикамъ, безтолочи ни конца ни середки... Видя, что толку не добиться, Патапъ Максимычъ хотѣлъ уже бросить дѣло и ѣхать на авось, но Захаръ, что-то считавшій все время по пальцамъ, — спросилъ его:

— Безъ двугривеннаго пять цѣлковыхъ дашь?

*) Хвилеватая — мокрая, дождливая и вьюжная.

— За что-жъ это пять цѣлковыхъ? — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Сами говорите, что въ прошлу зиму безъ гривны полтора рубля на монету каждому топору пришлось.

— Такъ и считано, — молвилъ Захаръ. — Въ артели двѣнадцать человѣкъ, по рублю — двѣнадцать рублей, по четыре гривны — четыре рубля восемь гривенъ — всего, значитъ, шестнадцать рублей восемь гривенъ по старому счету. Оно и выходитъ безъ двугривеннаго пять цѣлковыхъ.

— Да вѣдь ты на всю артель считаешь, а поѣдетъ съ нами одинъ, — возразилъ Патапъ Максимычъ.

— Одинъ ли, вся ли артель, это для насъ все единственно. — отвѣтилъ Захаръ. — Ты вѣдь съ артелью рядишься, потому артельну плату и давай... а не хочешь, вотъ тѣ Богъ, а вотъ и порогъ. Толковать намъ недосужно — лѣсовать пора.

— Да вѣдь не вся-жъ артель провожать поѣдетъ? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Это ужъ твое дѣло... Хочешь, всю артель бери — слова не молвимъ — всѣ до единаго поѣдемъ, — заголосили лѣсники. — Да зачѣмъ тебѣ сустолько народу?.. И одинъ дорогу знаетъ... Не мудрость какая!

— А вы скорѣй, скорѣй, ребятушки, — день на дворѣ, лѣсовать пора, — торопилъ дядя Онуфрій.

— Кто дорогу укажетъ, тому и заплатимъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Этого нельзя, — заголосили лѣсники. — Деньги при всѣхъ подавай, вотъ дядѣ Онуфрію на̀ руки.

Дѣлать было нечего, пришлось согласиться. Патапъ Максимычъ отсчиталъ деньги и подалъ ихъ дядѣ Онуфрію.

— Стой, погоди, еще не совсѣмъ въ расчетѣ, — сказалъ дядя Онуфрій, не принимая денегъ. — Волочки-то здѣсь покинете, аль съ собой захватите?

Куда съ собой брать!.. Покинуть надо, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ ихъ надо долой скостить... Лишняго намъ не надо, — молвилъ дядя Онуфрій. — Ребята, видѣли волочки-то?

— Глядѣли, — заговорили лѣсники. — Волочки — ничего, гожіе, циновкой крыты, кошмой подбиты — рубля три на монету каждый стоитъ... пожалуй, и больше... Клади по три рубля съ тремя пятаками.

— Что̀ вы, ребята? Да я за нихъ по пяти цѣлковыхъ платилъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— На базарѣ? — спросилъ Захаръ.

— Извѣстно, на базарѣ.

— На базарѣ дешевле не купишь, а въ лѣсу какая имъ

цѣна? — подхватили лѣсники. — Здѣсь этого добра у насъ вдоволь... Хочешь, господинъ купецъ, скинемъ за волочки для твоей милости шесть рублевъ три гривны... Какъ разъ три цѣлковыхъ выйдетъ.

Патапъ Максимычъ согласился и отдалъ зеленую бумажку дядѣ Онуфрію. Тотъ поглядѣлъ бумажку на свѣтъ, показалъ ее каждому лѣснику, даже Петряйкѣ. Каждый пощупалъ ее, потеръ руками и посмотрѣлъ на свѣтъ.

— Чего разглядываешь? Небойсь, справская, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Видимъ, что справская, настоящая государева, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — А оглядѣть все-таки надо — безъ того нельзя, потому — артель, надо, чтобъ всѣ видѣли... Нонѣ же этихъ проклятыхъ краснопрокъ *) больно много развелось... Не поскорби, ваше степенство, не погнѣвайся... Безъ того, чтобъ бумажку не оглядѣть, въ артели нельзя.

— О чемъ же спорили вы да сутырили **) столько времени? — сказалъ Патапъ Максимычъ, обращаясь къ артели. — Сулилъ я вамъ три цѣлковыхъ, объ волочкàхъ и помина не было, у васъ же бы остались. Теперь тѣ же самыя деньги берете. Изъ-за чего-жъ мы время-то съ вами попусту теряли?

— А чтобъ никому обиды не было, — рѣшилъ дядя Онуфрій. — Теперича, какъ до истиннаго конца дотолковались, оно и свято дѣло, и думы нѣтъ ни тебѣ ни намъ, и сомнѣнья промежъ насъ никакого не будетъ. А не разберись мы до послѣдней нитки, свара, пожалуй, въ артели пошла бы, а это ужъ послѣднее дѣло... У насъ все на согласьѣ, все на порядкахъ... потому артель.

Патапу Максимычу ничего больше не доводилось, какъ замолчать передъ доводами дяди Онуфрія.

— Тайную силу въ маткѣ да въ пàзоряхъ знаютъ, а безтолочи середь ихъ не оберешься, — сказалъ онъ полушопотомъ, наклонясь къ Стуколову.

— Табачники...еретики!..—сквозь зубы процѣдилъ паломникъ.

Патапъ Максимычъ, выйдя на середку зимницы, спросилъ, обращаясь къ артели:

— Кто-жъ изъ васъ лучше другихъ дорогу на Ялокшу знаетъ?

— Всѣ хорошо дорогу знаютъ, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — А вотъ Артемій, я тебѣ, ваше степенство, и давѣ сказывалъ, лучше другихъ знаетъ, потому что недавно тутъ проѣзжалъ.

*) Въ поволжскомъ краѣ такъ зовутъ фальшивыя ассигнаціи.

**) Сутырить, сутырничать — спорить, вздорить, придираться, а также кляузничать. Сутырь — безтолковый споръ.

— Такъ пущай Артемій съ нами и поѣдетъ, — рѣшилъ Патапъ Максимычъ.

— Этого нельзя, ваше степенство, — отвѣчалъ, тряхнувъ головой, дядя Онуфрій.

— Отчего же нельзя? — спросилъ удивленный Патапъ Максимычъ.

— Потому нельзя, что артель, — молвилъ дядя Онуфрій.

— Какъ такъ? — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Да сами же вы сказали, что, заплативши деньги на всѣхъ, могу я хоть всю артель тащить...

— Можешь всю артель тащить... Слово скажи — всѣ до единаго поѣдемъ, — отвѣчалъ дядя Онуфрій.

— Такъ вѣдь и Артемій тутъ же будетъ? — съ досадой спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно, тутъ же будетъ, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Изъ артели парня не выкинешь.

— Артемья одного и беру, а другихъ мнѣ и не надо, — горячился Патапъ Максимычъ.

— Этого нельзя, — спокойно отвѣчалъ дядя Онуфрій.

— Почему же нельзя?.. Чтò за безтолочь у васъ такая!.. Господи Царь Небесный!.. Вотъ народецъ-отъ!.. — восклицалъ, хлопая о полы руками, Патапъ Максимычъ.

— А оттого и нельзя, что артель, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — Кому жребій выпадетъ, тотъ и поѣдетъ. Кусай гроши, ребята.

Вынулъ каждый лѣсникъ изъ зѣпи *) по грошу. На одномъ Захаръ накусилъ мѣтку. Дядя Онуфрій взялъ шапку, и каждый парень кинулъ туда свой грошъ. Потрясъ старшòй шапкой, и лѣсники одинъ за другимъ стали вынимать по грошу.

Кусаный грошъ достался Артемью.

— Экій ты удатной какой, господинъ купецъ, — молвилъ дядя Онуфрій. — Кого облюбовалъ, тотъ тебѣ и достался... Ну, ваше степенство, съ твоимъ бы счастьемъ да по грибы ходить... Что-жъ, одного Артемья берешь, аль еще конаться **) велишь? — прибавилъ онъ, обращаясь къ Патапу Максимычу.

— Лишній человѣкъ не мѣшаетъ, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Въ пути всяко случиться можетъ: сани въ снѣгу загрузнутъ аль чтò другое.

— Дѣло говоришь, — замѣтилъ дядя Онуфрій: — лишній

*) Зепь — кожаная, иногда холщевая мошна привѣсная, а если носится за пазухой, то прикрѣпленная къ зипуну тесемкой или ремешкомъ. Въ зепи держатъ деньги и паспортъ.

**) Конаться — жребій метать.

человѣкъ въ пути не помѣха. Кидай, ребята! — промолвилъ онъ, обращаясь къ лѣсникамъ, снова принимаясь за шапку.

Жребій выпалъ Петряю.

— Ишь ты дѣло-то какое! — съ досадой молвилъ дядя Онуфрій, почесывая затылокъ. — Петряйкѣ досталось! Эко дѣло-то какое!.. Смотри же, парень, поспѣвай къ вечеру безпремѣнно, чтобы намъ безъ тебя не лечь спать голодными.

Патапъ Максимычъ, посмотрѣвъ на Петряя, подумалъ, что отъ подростка въ пути большого проку не будетъ. Замѣтивъ, что не только дядя Онуфрій, но вся артель недовольна, что подсыпкѣ ѣхать досталось, сказалъ, обращаясь къ лѣсникамъ:

— Коли Петряй вамъ нуженъ, пожалуй, иного выбирайте, мнѣ все едино...

— Нельзя, ваше степенство, — возразилъ дядя Онуфрій. — Никакъ невозможно, потому артель. Вынулся кусаный грошъ Петряйкѣ, значитъ, ему и ѣхать.

— Да не все-ль равно, что̀ одинъ, что̀ другой? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Оно, конечно, все едино, да ужъ такіе у насъ порядки, — говорилъ дядя Онуфрій. — Су̀противъ нашихъ порядковъ идти нельзя, потому что артель ими держится. Я бы самъ съ великой радостью замѣсто мальца поѣхалъ, да и всякій бы за него поѣхалъ, таково онъ нуженъ намъ; только этому быть не можно, потому что жеребій ему достался.

— Коли на то пошло, конайте третьяго, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Отъ мальчугана по̀соби немного будетъ, коли въ дорогѣ что̀ приключится.

— Третьяго бери, четвертаго бери, хочешь — всю артель за собой волочи — твое дѣло, — отвѣчалъ дядя Онуфрій. — А чтобъ Петряйкѣ не ѣхать — нельзя.

— Чудаки вы, право, чудаки, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Эки порядки уставили!.. Ну, конайте живѣй.

Третьимъ ѣхать вышло самому дядѣ Онуфрію.

Но тѣмъ дѣло не кончилось: надо было теперь старшого выбирать намѣсто уѣзжавшаго Онуфрія. Тутъ ужъ такой шумъ да гамъ поднялись, что хоть вонъ бѣги, хоть святыхъ выноси.

— Да ты замѣсто себя кого бы нибудь самъ выбралъ, тутъ бы и дѣлу конецъ, а то галдятъ-галдятъ, а толку нѣтъ какъ нѣтъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ дядѣ Онуфрію, не принимавшему участія въ разговорѣ лѣсниковъ. Артемья и Петряя тоже тутъ не было, они ушли ладить дровешки себѣ и дядѣ Онуфрію.

— Нельзя мнѣ вступаться теперь, — отвѣчалъ дядя Онуфрій.

— Отчего-жъ?

— Оттого что на седнешній день я не въ артели. Какъ знаютъ, такъ и рѣшать, а мое дѣло сторона, — отвѣчалъ дядя Онуфрій, одѣваясь въ путь.

Нескоро сговорились лѣсники. Снова пришлось гроши въ шапку кидать. Достался жеребій краснощекому коренастому парню, Архипомъ звали. Только ему кусаный грошъ достался, онъ, дотолѣ стоявшій, какъ нѣмой, живо началъ командовать.

— Проворь, ребята, проворь лошадей! — закричалъ онъ на всю зимницу. — И то гляди-ка, сколько времени проваландались. Чтобъ у меня все живой рукой!.. Ну!..

Лѣсники засуетились. Пяти минутъ не прошло, какъ всѣ ужъ ѣхали другъ за дружкой по узкой лѣсной тропѣ.

— Ну ужъ артель, будь они прокляты, — съ досадой молвилъ Стуколову Патапъ Максимычъ, садясь въ сани. — Такой сутолочи, такой безтолочи сродясь не видывалъ.

— Извѣстно, табачники, церковники! Чего путнаго ждать?.. Бѣсъ мутитъ, доступны они дьяволу, — отозвался паломникъ.

— Ваше степенство! — крикнулъ со своихъ дровешекъ дядя Онуфрій. — Ужъ ты сдѣлай милость, языкъ-отъ укороти да и другимъ закажи... Въ лѣсахъ не слѣдъ *его* поминать.

— Слышишь: не велятъ поминать, — тихонько сказалъ Патапъ Максимычъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ паломнику.

— Это такъ по ихней жидовской вѣрѣ, — шепталъ Стуколовъ. — Когда я по турецкимъ землямъ странствовалъ, а тамъ жидовъ, что̀ твоя Польша, видимо-невидимо, такъ отъ достовѣрныхъ людей тамъ я слыхалъ, что жиды своего Бога по имени никогда не зовутъ, а все *онъ* да *онъ*... Вотъ и табачники по ихнему подобію... Едина вѣра!.. Нехристь!.. Вынеси только Господи поскорѣй отселѣ!.. Невпримѣръ лучше по-вчерашнему съ волками ночевать, чѣмъ быть на совѣтѣ нечестивыхъ... Паче змія губительнаго, паче льва стрегущаго и гласомъ велíимъ рыкающа, страшны сѣдалища злочестивыхъ, — сказалъ въ заключеніе паломникъ и съ головой завернулся въ шубу.

«Такъ вотъ она какова артель-то у нихъ, — разсуждалъ Патапъ Максимычъ, лежа въ саняхъ рядомъ съ паломникомъ. — Межъ себя дѣло честно ведутъ, а попадись посторонній, обдерутъ, какъ липку... Ай да лѣсники!.. А безтолочи-то что̀, галдѣнья-то!.. Съ часъ мѣста попусту проваландали, а кончили тѣмъ же, чѣмъ я зачалъ... Правда, что артели думой не вла-

дати... На работѣ артель золото, на сходкѣ хуже казацкой сумятицы!..»

Дорога шла узенькая, легкія дровешки лѣсниковъ бойко катились впереди, не запряженныя гусемъ пошевни то и дѣло завязали межъ раскидистыхъ еловыхъ лапъ, какъ бѣлымъ руномъ покрытыхъ пушистымъ снѣгомъ. Въ иныхъ мѣстахъ приходилось ихъ прорубать, чтобъ сдѣлать просѣку для проѣзда. Не покинь Патапъ Максимычъ высокіе волочки́, пошевнямъ не проѣхать бы по густо разросшемуся краснолѣсью. Сначала дорога шла одна; не успѣли полверсты проѣхать, какъ пошли отъ нея и вправо и влѣво частые поверты и узенькія тропы. По нимъ лѣсники бревна изъ чащи вывозятъ. Безъ вожака небывалый какъ разъ заплутался бы межъ ними и лыжными ма̀ликами *), которыхъ сразу отъ саннаго слѣда и не различишь. А попробуй-ка пустить по ма̀лику, такъ и наткнешься либо на медвѣжью берлогу, либо на пу̀тикъ, ставленный для лосинаго лова **).

Доѣхавъ до своей повертки, передніе лѣсники стали. За ними остановился и весь поѣздъ. Собралась артель въ кучу, опять галдовня зачалась... Судили-рядили, не лучше-ль вожакамъ одну только подводу съ собой брать, а двѣ отдать артели на перевозку бревенъ. Поспорили, покричали, наконецъ рѣшили — быть дѣлу такъ.

Своротили лѣсники. Долго они аукались и перекликались съ Артемьемъ и Петряемъ. Впереди Патапа Максимыча ѣхалъ на дровешкахъ дядя Онуфрій, Петряй присоединился къ храпѣвшему во всю ивановскую Дюкову, Артемій примостился на облучкѣ пошевней, въ которыхъ лежалъ Патапъ Максимычъ и спалъ, повидимому, богатырскимъ сномъ паломникъ Стуколовъ.

— Эка, парень, безтолочь-то какая у васъ, — заговорилъ Патапъ Максимычъ съ Артемьемъ. — Неужель у васъ завсегда такое галдѣнье бываетъ?

— Артель! — молвилъ Артемій, — Безъ того нельзя, чтобъ не погалдѣть... Сколько головъ, столько умовъ... Да еще каждый норовитъ по-своему. Какъ же не галдѣть-то?

— Да вы бы одному дали волю всяко дѣло рѣшать, хоть бы старшому.

---

*) Слѣдъ на снѣгу отъ лыжъ.

**) Путикъ — прямая длинная городьба изъ пряселъ. По обоимъ концамъ путика вырываютъ ямы и прикрываютъ ихъ хворостомъ либо еловыми лапами. Лось или олень, подойдя къ путику, никогда не перескочитъ черезъ него, но непремѣнно пойдетъ вдоль, ища прохода. Такимъ образомъ звѣрь и попадаетъ въ яму.

— Нельзя того, господинъ купецъ, — отвѣчалъ Артемій. — Другимъ станетъ обидно. Вѣдь это, пожалуй, на ту же стать пойдетъ, какъ по другимъ мѣстамъ, гдѣ на хозяевъ изъ-за ряженой платы работаютъ...

— Ну да, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Толку тутъ больше бы было.

— Обидно этакъ-то, господинъ купецъ, — отвѣчалъ Артемій. — Пожалуй, вотъ хоть нашего дядю Онуфрія взять... Такого артельнаго хозяина днемъ съ огнемъ не сыскать... Обо всемъ старанье держитъ, обо всякой малости печется, душа-человѣкъ: прямой, правдивый и по всему надежный. А дай-ка ты ему волю, тотчасъ величаться зачнетъ, потому — человѣкъ не ангелъ. Да хоша и по правдѣ станетъ поступать, все ужъ ему такой вѣры не будетъ, и слушаться его, какъ теперь, не станутъ. Нельзя, потому что артель суймомъ держится.

— А въ деревнѣ какъ у васъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Въ деревнѣ свои порядки, артель только въ лѣсахъ, — отвѣтилъ Артемій.

— Какъ же она у васъ собирается? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно какъ. Придетъ осень, зачнемъ сговариваться, какъ лѣсовать зимой, какъ артель сбирать. Соберется десять либо двадцать топоровъ, — больше не бываетъ. Наберутся скоро, потому что всякому лѣсовать надо, безъ этого деньгу не добудешь... Ну, соберутся, зачнутъ другъ у друга спрашивать, кому въ хозяевахъ сидѣть. Одинъ на того мекаетъ, другой на другого... Такъ и толкуемъ день, два, иную пору и въ недѣлю не сговоримся... Тутъ-то вотъ галдѣнья-то послушалъ бы ты... Тогда вѣдь вино да хмельное пиво пьютъ! народъ-отъ въ задорѣ, рѣдко безъ драки обходится... Положатъ наконецъ идти кланяться такому-то — вотъ хоть бы дядѣ Онуфрію. Ну, и пойдемъ, придемъ въ избу, а онъ сидитъ, ровно ничего не знаетъ: «Что, говоритъ, скажете, ребятушки? Какая вамъ до меня треба?» А ему въ отвѣтъ: «такъ, молъ, и такъ, столько-то насъ человѣкъ въ артель собралось, будь у насъ за хозяина». Тотъ, извѣстно дѣло, зачнетъ ломаться, безъ этого ужъ нельзя: «и ума-то, говоритъ, у меня на такое дѣло не хватитъ, и старъ-отъ я сталъ, и топоръ-отъ у меня изъ рукъ валится», ну и все такое. А мы стоимъ да кланяемся, покамѣстъ не уломаемъ его. Какъ согласился, тотчасъ складчину по рублю аль по два — значитъ, у лѣсничаго билеты править да попенныя платить. А которы на купцовъ работаютъ, тѣ старшого въ Лысково посылаютъ

рядиться. Это ужъ его дѣло. Оттого и выбираютъ человѣка ловкаго, бывалаго, чтобъ въ городѣ не запропалъ и чтобъ въ Лысковѣ купцы его не больно обошли, потому что эти лысковцы народъ дошлый, всячески норовятъ нашего брата огрѣть... Ну, выправитъ старшой билеты, отводное мѣсто намъ укажутъ. Тутъ, собравшись, и ждемъ первопутки. Только снѣгъ выпадетъ, мы въ лѣсъ... Тутъ и зачинается артель... Какъ выѣхали изъ деревни за околицу, старшой и сталъ всему дѣлу голова, что велитъ, то и дѣлай. А коли какое стороннее дѣло подойдетъ, вотъ хоть бы ваше, тутъ онъ не при чемъ, тутъ ужъ артель, что хочетъ, то и дѣлаетъ.

— А расчеты когда? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Послѣ Евдокіи-плющихи, какъ домой воротимся, — отвѣчалъ Артемій. — У хозяина кажда малость на счету... Оттого и выбираемъ грамотнаго, чтобъ умѣлъ счетъ записать... Да вотъ бѣда—грамотныхъ-то маловато у насъ: зачастую такого выбираемъ, чтобъ хоть бирки-то умѣлъ хорошо рѣзать. По этимъ биркамъ, аль по записямъ, и живетъ у насъ расчетъ. Сколько кто харчей изъ дома за зиму привезъ, сколько кто овса на лошадей, другого прочаго — все ставимъ въ цѣну. Получимъ заработки, поровну дѣлимъ. На Страшной и деньги по рукамъ.

— А безъ артелей въ лѣсахъ работаютъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Мало,—отвѣчалъ Артемій.—Тамъ ужъ не такая работа. Почитай, и выгоды нѣтъ никакой... Какъ можно съ артелью сровнять! Въ артели всѣмъ лучше, и сытнѣй, и теплѣй, и прибыльнѣй. Опять же завсегда на-людяхъ... Артелью лѣсовать невпримѣръ веселѣй, чѣмъ бродить одиночкой аль въ двойникахъ.

— А лѣтней порой ходите въ лѣсъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ не ходить? И лѣтомъ ходимъ, — отвѣчалъ Артемій.— Вдаль однако не пускаемся, все больше по раменямъ... Бересту деремъ, лубъ. Да ужъ это иная работа: тутъ жизнь бѣдовая, комары больно одолѣваютъ.

— Самъ-отъ ты ходишь ли по лѣтамъ?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Я-то?.. Какъ же!.. Иной годъ въ лѣса хожу, а иной на плотахъ до Астрахани и на самое Каспійское море сплываю. Чегѐнь туда да дрючки гоняемъ... А въ лѣса больше на рябка да на тетерю хожу... Ружьишко есть у меня немудрящее, грѣшнымъ дѣломъ похлопываю. Только по нынѣшнимъ годамъ эту охоту бросать приходится; порохъ вздорожалъ, а дичины

стало меньше. Вотъ въ осилье да въ пленку *) птицу ловить еще туда-сюда... Такъ и тутъ отъ звѣрья большая обида бываетъ, придешь, силки спущены, а отъ рябковъ только перышки остались; подлая лиса либо куница прежде тебя успѣла убрать... Нѣтъ, кака нонѣ охота!.. Само послѣднее дѣло!.. А то ходятъ еще лѣтней порой въ лѣса золото копать, — прибавилъ Артемій.

— Какъ золото?.. — быстро привскочивъ въ саняхъ, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ же... Золота да серебра по нашимъ лѣсамъ много лежитъ, — отвѣчалъ Артемій. — Записи такія есть, гдѣ надо искать... Хаживалъ и я.

— Что́ же?—съ нетерпѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Не дается, — отвѣчалъ Артемій.

— Какъ не дается?

— Такъ же и не дается. Слова такого не знаю... Вѣщбы **) не знаю, — отвѣчалъ Артемій.

— Да ты про что сказываешь? Говори толковѣй, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Про клады говорю, — отвѣчалъ Артемій. — По нашимъ лѣсамъ кладовъ много зарыто. Издалека люди приходятъ клады копать...

— Клады!.. —проговорилъ Патапъ Максимычъ и спокойно развалился на перинѣ, разосланной въ саняхъ.

— Ну, разсказывай, какіе у васъ тутъ клады, — черезъ нѣсколько времени сказалъ онъ, обращаясь къ Артемью.

— Всякіе клады тутъ лежатъ,—отвѣчалъ Артемій.

— Какъ же такъ?—спросилъ Патапъ Максимычъ.—Развѣ клады розные бываютъ?

— А какъ же, — отвѣчалъ Артемій. — Есть клады, самимъ Господомъ положенные — тѣ даются человѣку, кого Богъ благословитъ... А гдѣ, въ которомъ мѣстѣ тѣ Божьи клады положены, никому невѣдомо. Кому Господь захочетъ богатство даровать, тому тайну Свою и откроетъ. А иные клады людьми положены, и къ нимъ приставлена темная сила. Объ этихъ кладахъ записи есть: тамъ прописано, гдѣ кладъ зарытъ, какимъ видомъ является и съ какимъ зарокомъ положенъ... Эти клады страшные...

---

*) *Осилье*, затяжной узелъ, куда птица попадаетъ ногой. *Пленка*—то же, но узелъ дѣлается изъ свитаго вдвое или втрое конскаго волоса. Осилья или пленки ставятся по одной на колышкахъ либо на лубочкѣ, на который посыпается примама.

**) Вѣщба — тайное слово и тайный обрядъ, употребляемые при заговорахъ, рытьѣ кладовъ, ворожбѣ и т. п.

— Отчего? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Кровь на нихъ, — отвѣчалъ Артемій. — Съ бою богатство было брато, кровью омыто, много душъ христіанскихъ за ту казну въ стары годы загублено.

— Когда-жъ это было? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Давно... — сказалъ Артемій. — Еще втѣпоры, какъ купцами да боярами посконна рубаха владала.

— Когда-жъ это было? При царѣ Горохѣ, какъ грузди съ опенками воевали?.. — смѣялся Патапъ Максимычъ.

— Въ казачьи времена, — степенно отвѣтилъ Артемій.

— Что̀ за казачьи времена такія? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Развѣ не слыхивалъ? — сказалъ Артемій. — Вѣдь въ стары-то годы по всей Волгѣ народъ казачилъ... Было время, господинъ купецъ, золотое было времечко, да по грѣхамъ нашимъ миновало оно... Сѣрые люди жили на всей вольной волюшкѣ, ѣли сладко, пили пьяно, цвѣтно платье носили — житье было разудалое, развеселое... Вонъ теперь по Волгѣ пароходы взадъ и впередъ снуютъ, ладьи да барки ходятъ, плоты плывутъ... Чьи пароходы, чьи плоты да барки? Купецкіе все. Завладала ваша братья купцы Волгой-матушкой... А въ стары годы не купецкіе люди волжскимъ раздольемъ владали, а наша братья, голытьба.

— Что̀ ты за чуху несешь? — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Никогда не бывало, чтобъ Волга у голытьбы въ рукахъ была.

— Была, господинъ купецъ. Не спорь—правду сказываю,— отвѣчалъ Артемій.

— Стара баба съ похмелья на печкѣ валялась да во снѣ твою правду видѣла, а ты зря тѣ бабьи сказки и мелешь, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Вранью да небылицамъ короткій вѣкъ, а эта правда отъ старинныхъ людей до насъ дошла. Отцы, дѣды про нее намъ сказывали, и пѣсни такія про нее поются у насъ... Значитъ, правда истинная.

— Мало ли что̀ въ пѣсняхъ поютъ? Развѣ можно деревенской пѣсни вѣру дать? — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Можно, господинъ купецъ, потому что «сказка складка, а пѣсня — быль», — отвѣтилъ Артемій. — А ты слушай, что̀ я про здѣшню старину тебѣ разсказывать стану: занятное дѣло, коли не знаешь.

— Ну, говори, разсказывай, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Смолоду охотникъ я до сказокъ бывалъ... Отчего на досугѣ да на старости лѣтъ и не послушать вашихъ розсказней.

— Голытьба въ стары годы по лѣсамъ жила, жила голытьба и промежъ полей, — началъ Артемій. — Кормиться стало нечѣмъ: хлѣба недороды, подати большія, отъ бояръ, отъ приказныхъ людей утѣсненье... Хоть въ землю зарывайся, хоть заживо въ гробъ ложись... И побѣжала голытьба врозь, и стала она вольными казаками... Тутъ и зачинались казачьи времена... Котора голытьба на Украйну пошла — та ляховъ да басурмановъ побивала, свою казацкую кровь за Христову вѣру проливала... Котора голытьба въ Сибирь махнула — та сибирскія мѣста полонила и великому государю Сибирскимъ царствомъ поклонилась... А на Волгу на матушку посыпала что̀ ни на есть сама послѣдняя голытьба. На своей-то сторонѣ у ней не было ни кола ни двора, ни угла ни притула *); одно только и оставалось за душой богачество: наготы да босоты изувѣшаны шесты, холоду да голоду анбары полны... Вотъ ладно, хорошо — высыпала та голытьба на Волгу, казаками назвалась... Атаманы да есаулы снаряжали легки лодочки косныя и на тѣхъ на лодочкахъ пошли по матушкѣ по Волгѣ разгуливать... Не попадай навстрѣчу суда купецкія, не попадайся бояре да приказные: людей въ воду, казну на себя!.. Весломъ махнутъ — корабли возьмутъ, кистенемъ махнутъ — караванъ разобьютъ... Вотъ каковы бывали удальцы казаки поволжскіе...

— Это ты про разбойниковъ? — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— По-вашему разбойники, по-нашему есаулы-молодцы да вольные казаки, — бойко отвѣтилъ Артемій, съ удальствомъ тряхнувъ головой и сверкнувъ черными глазами. — Спѣть, что ли, господинъ купецъ? — спросилъ Артемій. — Словами не разскажешь.

— Пой, пожалуй, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

Запѣлъ Артемій одну изъ разинскихъ пѣсенъ, ихъ такъ много сохраняется въ Поволжьѣ:

Какъ повыше было села Лыскова,
Какъ пониже было села Юркина,
Супротивъ села Богомолова:
Въ луговой было во сторонушкѣ,
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, омутистая,
Омутистая Лѣва Керженка **).

---

*) Притулъ или притулье — пріютъ, убѣжище, кровъ, происходитъ отъ глагола «притулять», имѣющаго три значенія: прислонить или приставить, прикрыть и пріютить.

**) Юркино, Богомолово, Лысково — села на правомъ, возвышенномъ берегу Волги. Противъ нихъ впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны Керженецъ. Эту рѣку мѣстные жители зовутъ иногда «Лѣвой Керженкой», то-

— Наша рѣченька голубушка! — съ любовью молвилъ Артемій, перервавъ пѣсню. — Въ стары годы и наша Лѣва Керженка славной рѣкой слыла, суда ходили по ней, косныя плавали... Въ казачьи времена атаманы да есаулы въ нашу родну рѣченьку зимовать заходили, тутъ они и дуванъ дуванили, нажитое на Волгѣ добро, значитъ, дѣлили... А теперь и званья нашей рѣки не стало: завалило ее, голубушку, каршами, занесло замоинами *), пошли по ней мели да перекаты... Такъ и пропала прежняя слава Керженца.

Громче прежняго свистнулъ Артемій и, тряхнувъ головою, запѣлъ:

Выплывала легка лодочка,
Легка лодочка атаманская,
Атамана Стеньки Разина.
Еще всѣмъ лодка изукрашена,
Казаками изусажена.
На ней парусы шелко̀вые,
А веселки позолочены.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ.
На носу стоитъ есаулъ съ багромъ,
Посередь лодки парчевой шатеръ.
Какъ во томъ парчевомъ шатрѣ
Лежатъ бочки золотой казны.
На казнѣ сидитъ красна дѣвица —
Атаманова полюбовница,
Есаулова сестра ро̀дная,
Казакамъ-гребцамъ — тетушка.
Сидитъ дѣвка, призадумалась,
Посидѣвши, стала сказывать:
„Вы послушайте, добры молодцы,
Вы послушайте, милы племяннички,
Ужъ какъ мнѣ младой мало спалося,
Мало спалося, много видѣлось,
Не корыстенъ же мнѣ сонъ привидѣлся:
Атаману-то быть разстрѣлену,
Есаулу-то быть повѣшену,
Казакамъ-гребцамъ по тюрьмамъ сидѣть,
А мнѣ, вашей родной тетушкѣ,
Потонуть въ Волгѣ-матушкѣ“.

— Вишь, и дѣвки втѣпоры пророчили! — сказалъ Артемій, оборотясь къ Патапу Максимычу. — Атаманова полюбовница вѣщій сонъ провидѣла... Вѣщая дѣвка была... Сказываютъ, Соломонидой звали ее, а родомъ была отъ Стараго

есть впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны. Въ пѣсняхъ тоже придается ей названіе лѣвой. Замѣчательно, что по-мордовски *керже, керженъ* значитъ лѣвый. Въ глубокую старину по всему Поволжью отъ Оки до Суры жила мордва. Отъ нея и пошло названіе Керженца.

*) Замоина — лежащее въ руслѣ подъ пескомъ затонувшее дерево; карша, или карча — то же самое, но поверхъ песка.

Макарья, купецкая дочь... И все сбылось по слову ея, какъ видѣла во снѣ, такъ все и сталось... Съ ней самой атаманъ тутъ же порѣшилъ — матушкѣ-Волгѣ ее пожертвовалъ. «Тридцать лѣтъ, говоритъ, съ годикомъ гулялъ я по Волгѣ-матушкѣ, тридцать лѣтъ съ годикомъ тѣшилъ душу свою молодецкую, и ничѣмъ еще поилицу нашу кормилицу я не жаловалъ. Не пожалую, говоритъ, Волгу-матушку ни казной золотой ни дорогимъ перекатнымъ жемчугомъ, пожалую тѣмъ, чего на свѣтѣ краше нѣтъ, что̀ намъ, есаулы-молодцы, дороже всего». Да съ этимъ словомъ хвать Соломониду поперекъ живота, да со всего размаху какъ метнетъ ее въ Волгу-матушку... Вотъ каковъ былъ удалой атаманъ Стенька Разинъ, по прозванью Тимоѳеевичъ!..

— Разбойникъ, такъ разбойникъ и есть,—сухо промолвилъ Патапъ Максимычъ.—Задаромъ погубилъ христіанскую душу... Изъ озорства да изъ непутной похвальбы... Какъ есть разбойникъ — недаромъ его на семи соборахъ проклинали...

Тутъ пошевни заѣхали въ такую чащу, что ни вбокъ ни впередъ. Мигомъ выскочили лѣсники и работники и въ пять топоровъ стали тяпать еловые сучья и лапы. Съ полчаса провозились, покамѣстъ не прорубили свободной просѣки. Артемій опять присѣлъ на облучкѣ саней Патапа Максимыча.

— А что-жъ ты про клады-то хотѣлъ разсказать? —молвилъ ему Патапъ Максимычъ. — Заговорилъ про Стеньку Разина да и забылъ.

— Про клады-то! — отозвался Артемій. — А вотъ слушай... Когда голытьба за Волгой владала, атаманы съ есаулами каждо лѣто на косныхъ разъѣзжали, боярски да купечески суда очищали. И не только суда они грабили, доставалось городамъ и большимъ селамъ, деревень только да приселковъ не трогали, потому что тамъ голытьба свой вѣкъ коротала. Церквамъ Божьимъ да монастырямъ тоже спуску не было: не любили есаулы монаховъ, особенно «посельскихъ старцевъ», что̀ монастырскими крестьянами правили... Вотъ нашъ Макарьевъ монастырь, сказываютъ, отъ нихъ отборонился; брали его огненнымъ боемъ, да крѣпокъ — устоялъ... Ну, вотъ есаулы-молодцы лѣто по Волгѣ гуляютъ, а осенью на Керженецъ въ лѣса зимовать. И теперь по здѣшнимъ мѣстамъ ихнія землянки знать... Такія же были, какъ наши. Въ тѣхъ самыхъ зимницахъ, а не то въ лѣсу на примѣтномъ мѣстѣ нажитое добро въ землю они и закапывали. Оттого и клады.

— Гдѣ-жъ эти землянки? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— По разнымъ мѣстамъ, — отвѣчалъ Артемій. — Много ихъ

тутъ по лѣсамъ-то. Вонъ хоть между Дорогучей да Першей *) два дикихъ камня изъ земли торчатъ, одинъ поболѣ, другой поменѣ, оба съ виду на коней похожи. Такъ и зовутъ ихъ Конь да Жеребенокъ. Промежъ тѣхъ камней казацки зимницы бывали, тутъ и клады зарыты... А то еще озёра тутъ по лѣсу есть, Нестіаръ, да Култай, да Пекшеяръ прозываются, вкругъ нихъ казацки зимницы, и тоже клады въ нихъ зарыты... И по Ялокшѣ тоже и по нашей лысковской рѣчонкѣ, Вишней прозывается... Между Конемъ и Жеребенкомъ большая зимница была, срубы до сей поры знать... Грѣшнымъ дѣломъ, и я тутъ копалъ.

— Что-жъ, дорылся до чего? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Гдѣ дорыться!.. Есаулы-то вѣдь съ зарокомъ казну хоронили, — отвѣчалъ Артемій. — Надо слово знать, вѣщбу такую... Кто вѣщбу знаетъ, молви только ее, кладъ-отъ самъ выйдетъ наружу... А въ томъ мѣстѣ важный кладъ положонъ. Если-бъ достался, внукамъ бы, правнукамъ не прожить... Двѣнадцать бочекъ золотой казны на серебряныхъ цѣпяхъ да пушка золотая.

— Какъ пушка золотая? — съ удивленіемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ же золотая, изъ чистаго золота лита... И ядра при ней золотыя лежатъ, и жеребьи золотые, которыми Стенька Разинъ по басурманамъ стрѣлялъ... Вѣдь онъ Персіянское царство заполонилъ. Ты это слыхалъ ли?

— Нестаточное дѣло вору царство полонить, хоша бы и басурманское, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Вѣрно тебѣ говорю, — рѣшительно сказалъ Артемій. — Кого хочешь спрошай, всякъ тебѣ скажетъ. Видишь ли, какъ дѣло-то было. Волга матушка въ Каспійское море пала, самъ я на то море не разъ съ чеѓенникомъ да съ дрючками хаживалъ. По сю сторону того моря сторона русская, крещеная, по ту басурманская, персіянская. Услыхалъ Стенька Разинъ, что за̀ моремъ у басурмановъ много тысячей крещенаго народа въ полону̀ живетъ. Собираетъ онъ казачій кругъ, говоритъ казакамъ такую рѣчь: — «Такъ и такъ, атаманы-молодцы, такъ и такъ, братцы-товарищи: пали до меня слухи, что за моремъ у персіяновъ много тысячей крещенаго народу живетъ въ полону, въ тяжкой работѣ, въ великой нуждѣ и горькой неволѣ; надо бы намъ, братцы, не полѣниться, за море съѣздить потрудиться, ихъ сердечныхъ изъ той неволи выру-

*) Лѣсныя рѣки, впадающія въ Ветлугу.

чить!» Есаулы-молодцы и всѣ казаки въ одинъ голосъ гаркнули: — «Веди насъ, батька, въ басурманское царство, русскій полонъ выручать!..» Стенька Разинъ радъ тому радешенекъ, а самъ первымъ дѣломъ къ колдуну. Спрашиваетъ, какъ ему русскій полонъ изъ басурманской неволи выручить. Колдунъ говоритъ ему: — «За великое ты дѣло, Стенька, принимаешься; басурманское царство осилить — не мутовку облизать. Одной силой-храбростью тутъ не возьмешь, надо вѣщбу̀ знать...» — «А какая же на то вѣщба̀ есть?» — спросилъ у колдуна Стенька Разинъ. Тотъ ему тайное слово сказалъ да примолвилъ: — «И съ вѣщбо̀й далеко не уѣдешь, а вылей ты золоту пушку, къ ней золоты ядра да золотые жеребья, да чтобъ золото было все церковное, а и лучше того монастырское... И какъ станешь палить, вѣщбу̀ говори, тутъ и заберешь въ свои руки царство басурманское». Стенька Разинъ такъ все и сдѣлалъ, какъ ему колдуномъ было наказано.

— Что-жъ потомъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Извѣстно что̀, — отвѣчалъ Артемій. — Зачалъ изъ золотой пушки палить да вѣщбу̀ говорить — басурманское царство ему и покорилось. Молодцы-есаулы крещеный полонъ на Русь вывезли, а всякаго добра басурманскаго столько набрали, что въ лодкахъ и положить было некуда: много въ воду его пометали. Самого царя басурманскаго на колъ посадилъ, а дочь его царевну въ полюбовницы взялъ. Дошлый казакъ былъ, до дѣвокъ охочъ...

— Эту самую пушку ты и копалъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Эту самую, — сказалъ Артемій. — Когда атаманъ воротился на Русскую землю, привезъ онъ ту пушку съ жеребьями да съ ядрами въ наши лѣса и зарылъ ее въ большой зимницѣ межъ Коня и Жеребенка. Записи такія есть.

— Какъ же это до сихъ поръ никто той пушки не вынулъ? Вѣдь всѣ знаютъ, въ какомъ мѣстѣ она закопана, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Экій ты, господинъ купецъ! — отвѣчалъ Артемій. — Мало знать, гдѣ кладъ положо̀нъ, надо знать, какъ взять его... Да какъ и владать-то имъ — тоже надо знать...

— А какъ же кладомъ владать? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Это дѣло мудренѣе, чѣмъ кладъ достать, — отвѣчалъ Артемій. — Сколько ни было счастливыхъ, которымъ клады доставались, всѣмъ почитай богатство не въ пользу пошло: тотъ сгорѣлъ, другой всѣхъ дѣтей схоронилъ, третій самъ прогорѣлъ да съ кругу спился, а иной до палачовыхъ рукъ до-

шелъ... Прахомъ больше такія деньги идутъ... Счастливаго человѣка, что̀ вынулъ кладъ, врагъ день и ночь караулитъ и на всякое худое дѣло наталкиваетъ... Знамо, хочется окаянному душой его завладать, чтобъ душой своей расплатился онъ за богатство. Потому, какъ только ты вырылъ кладъ, поповъ позови, молебенъ отпой, на церкву Божію вклады не пожалѣй, бѣднымъ половину денегъ раздай, и какого человѣка въ нуждѣ ни встрѣтишь, всякому поступишь — недобрая сила тебя не ко̀снется, и богатство твое какъ вешняя вода на поемахъ каждый день, каждую ночь зачнетъ у тебя прибывать. Сколько денегъ нищимъ ты ни раздашь, а ихъ опять, какъ снѣгу въ степи, къ тебѣ въ домъ нанесетъ. Такъ и въ старинныхъ записяхъ писано: «А вынутый кладъ въ прокъ бы пошелъ, ино церковь Божью не забыть, нищей братьѣ расточить, вдову-сироту призрѣть, страннаго удоволить, алчнаго напитать, хладнаго обогрѣть». Какъ и про золоту пушку писано *). Хоша бы тотъ кладъ и лихимъ человѣкомъ былъ положо̀нъ на чью голову — заклятье его не подѣйствуетъ, а вынутый кладъ вмѣнится тебѣ за кладъ, самимъ Богомъ на счастье твое положенный.

— Развѣ Богъ-отъ кладетъ клады? — съ усмѣшкой молвилъ Патапъ Максимычъ. — Эка что̀ городишь!

— Какъ же не кладетъ? — возразилъ Артемій. — Зарываетъ!.. Господь въ землю и золото, и серебро, и всяки дорогіе камни тайной силой Своей зарываетъ. То и есть Божій кладъ... Золото вѣдь изъ земли же роютъ — а кто его туда положилъ?.. Вѣстимо, Богъ.

Патапъ Максимычъ насторожилъ уши, не перебивая Артемьева разсказа, привсталъ съ перины и, склонивъ къ Артемью голову, ухватился руками за облучокъ.

— Когда Господь поволитъ мать сыру землю наградить, — продолжалъ Артемій: — пошлетъ Онъ ангела небеснаго на солнце и велитъ ему ѝверень **) отъ солнца отщербить ***) и вложить его въ громовую тучу... И Господнею силой тотъ солнечный ѝверень разольется въ тучѣ чистымъ золотомъ. И по Божьему велѣнью пойдетъ та туча надъ землею и въ молоньяхъ золото на землю посыплетъ. Какъ только та молонья ударитъ, такъ золото и польется на землю и въ ней пескомъ разсыплется... Это и есть Божій кладъ... А серебро ангелъ

*) Взято буквально изъ записи кладовъ.

**) Иверень—осколокъ, черепокъ, небольшая отбитая часть отъ какой-нибудь вещи.

***) Отщербить — отбить, отломить, говоря о посудѣ и вообще о хрупкой вещи.

Господень съ яснаго мѣсяца беретъ, а камни самоцвѣтные со звѣздъ небесныхъ... Вотъ какова чудна сила Божія...

— Да вѣдь грозы-то вездѣ бываютъ, — отчего-жъ не вездѣ роютъ золото? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Не во всяку тучу Богомъ золото кладется, — отвѣтилъ Артемій: — а только въ ту, котору Его святой волѣ угодно. Въ обиходной молоньѣ не золото, не серебро, а стрѣлка громовая кладется... Видалъ, что ли? Еще въ пескѣ находятъ, воду съ той стрѣлки пьютъ отъ рѣзи въ животѣ... А въ солнечной тучѣ стрѣлки нѣтъ, одно золото разсыпчатое. Молонья молоньѣ рознь. Солнечная молонья разсыпается по небу ровно огненными волосами, бьетъ по землѣ не шибко, а ровно манна небесная сходитъ, и громъ отъ нея совсѣмъ другой... Тутъ не громъ гремитъ, а Господни ангелы воспѣваютъ славу Божію...

— А можно-ль узнать такое мѣсто, гдѣ золотая молонья пала? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

При этомъ вопросѣ спавшій Стуколовъ потянулся и, раскрывъ воротникъ шубы, захрапѣлъ пуще прежняго.

— Господь да небесные ангелы знаютъ, гдѣ она выпала. И люди, которымъ Богъ благословитъ, находятъ такія мѣста. По тѣмъ мѣстамъ и роютъ золото, — отвѣчалъ Артемій. — Въ Сибири, сказываютъ, много такихъ мѣстовъ...

— А ты бывалъ нешто въ Сибири-то? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Самому быть не доводилось, — отвѣчалъ Артемій: — а слыхать слыхалъ: у одного изъ нашихъ деревенскихъ сродники на Горахъ живутъ *), наши шабры **) дѣвку оттоль брали. Каждый годъ ходятъ въ Сибирь на золоты пріиски, такъ они сказывали, что золото только въ лѣсахъ тамъ находятъ... На всемъ бѣломъ свѣтѣ золото только въ лѣсахъ.

— Въ лѣсахъ? — переспросилъ Патапъ Максимычъ.

— Въ лѣсахъ, — подтвердилъ Артемій. — Никогда Господь солнечную молонью близко отъ жила не пуститъ... Людей ему жалко, чтобъ ихъ не загубить.

— Чѣмъ же загубить? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— А какъ же? — молвилъ Артемій. — Вѣдь солнечна-то молонья не простой чета. Хлыщетъ не шибко, а на которо мѣсто падетъ, отъ того мѣста верстъ на десятокъ кругомъ живой души не останется...

— Отчего-жъ такъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

---

*) То-есть на правой сторонѣ Волги.

**) Сосѣди

— У Бога спроси!.. Его тайна, — намъ грѣшнымъ разумѣть ее не дано!.. — отвѣчалъ Артемій. — Гроза вѣдь тайна-то сила Божія.

— А по здѣшнимъ лѣсамъ такая молонья выпадала? — послѣ нѣкотораго молчанья спросилъ Патапъ Максимычъ.

Паломникъ опять шевельнулся во снѣ.

— По нашимъ мѣстамъ не слыхать, — отозвался Артемій. — А тамъ на сиверъ, въ ветлужскихъ верхотинахъ, сказываютъ, бывало Божіе проявленье. Хвастать не стану, самъ не видалъ, а слыхать слыхалъ, что по тамошнимъ лѣсамъ Божьихъ кладовъ довольно.

— И золотой песокъ? — торопливо спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Есть и пески золотые, — отвѣчалъ Артемій.

— Которо мѣсто? — съ нетерпѣньемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

Спавшій Стуколовъ вздрогнулъ и пересталъ всхрапывать.

— Доподлинно сказать тебѣ не могу, потому что тамошнихъ лѣсовъ хорошо не знаю, — сказалъ Артемій. — Всего раза два въ ту сторону ѣздилъ и то дальше Уреня не бывалъ. Доѣдешь, Богъ дастъ, поспрошай тамъ у мужиковъ — скажутъ.

— Донесъ Богъ!.. Вотъ и зимнякъ!.. Ялокша!.. — крикнулъ дядя Онуфрій, сворачивая въ сторону, чтобы дать дорогу пошевнямъ.

На разставаньи Патапъ Максимычъ за сказки, за пѣсни, а больше за добрыя вѣсти, хотѣлъ подарить Артемью цѣлковый. Тотъ не взялъ.

— Спасибо на ласкѣ, господинъ купецъ, — молвилъ онъ: — а денегъ твоихъ не возьму.

— Экій, парень, чудной ты какой, — говорилъ ему Патапъ Максимычъ. — Бери, коли даютъ. На дорогѣ не поднимешь, пригодится.

— Какъ не пригодиться? — сказалъ Артемій. — Только брать твои деньги мнѣ не приходится, потому артель...

— Нельзя Артемію съ тебя малу росинку взять, — подтвердилъ дядя Онуфрій. — Онъ въ артели.

— Ну, на артель примите, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Артель лишку не беретъ, — сказалъ дядя Онуфрій, отстраняя руку Патапа Максимыча. — Что̀ слѣдовало — взято, лишняго не надо... Счастливо оставаться, ваше степенство!.. Путь вамъ чистый, дорога скатертью!.. Да вотъ еще что̀ я скажу тебѣ, господинъ купецъ; послушай ты меня, старика: пока лѣсами ѣдешь, не говори ты чернаго слова. Въ степи какъ хочешь, а въ лѣсу не поминай его. До бѣды недалече...

Даромъ, что зима теперь, даромъ, что темная сила спитъ теперь подъ землей... На это не надѣйся! Хитеръ вѣдь *онъ*!..

Распрощались. Пошевни взяли вправо по ялокшинскому зимняку, и путники засвѣтло добрались до Нижняго Воскресенья.

Глава шестнадцатая.

На постояломъ дворѣ, на одной изъ широкихъ улицъ большого торговаго села Воскресенскаго, въ задней, чисто прибранной горенкѣ, за огромнымъ самоваромъ сидѣлъ Патапъ Максимычъ съ паломникомъ и молчаливымъ купцомъ Дюковымъ. Рѣшили они заночевать у Воскресенья, чтобы дать роздыхъ лошадямъ, вдосталь измученнымъ отъ непривычной ѣзды по зимнякамъ и лѣснымъ тропамъ.

— Горазды-жъ вы оба спать-то, — молвилъ Патапъ Максимычъ, допивая пятый либо шестой стаканъ чаю. — Вѣдь ты отъ зимницы до Ялокши глазъ не разскрылъ, Якимъ Прохорычъ, да и послѣ того спалъ вплоть до Воскресенья.

— Сонъ что̀ богатство, — отвѣтилъ паломникъ: — больше спишь, больше хочется.

— А со мной все время лѣсникъ калякалъ, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — И пѣсни пѣлъ и сказки сказывалъ: затѣйный парень, молодецъ на всѣ руки.

— Слава Тѣ, Господи, что сонъ меня одолѣлъ, — отозвался Стуколовъ. — Не осквернилися по крайней мѣрѣ уши мои, не слыхали бѣсовскихъ пѣсенъ и нечестивыхъ рѣчей треклятаго табачника.

— Пошелъ расписывать! — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Вездѣ-то у него грѣхи да ереси, шагу ты не ступишь, не осудивши кого... Что̀ за бѣда, что они церковники? И между церковниками зачастую попадаютъ хорошіе люди, зато и межъ старовѣрами такіе есть, что снаружи-то «блаженъ мужъ», а внутри «вскуе шаташася».

— Правая вѣра все покрываетъ, — сказалъ паломникъ: — а общеніе съ еретикомъ въ погибель вѣчную ведетъ... Не смотрѣли бы глаза мои на лица враговъ Божіихъ.

— Нашему брату этого нельзя, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Живемъ въ міру, со всякимъ народомъ дѣла бываютъ у насъ; не токма̀ съ церковниками, съ татарами иной разъ хороводимся... И то мнѣ думается, что хорошій человѣкъ завсегда хорошъ, въ какую бы вѣру онъ ни вѣровалъ... Вѣдь Господь повелѣлъ каждаго человѣка возлюбить.

— Да не еретика, — подхватилъ Стуколовъ. — Не слыхалъ

развѣ, что̀ въ писаніи про нихъ сказано: «и тати, и разбойницы, и волхвы, и человѣкоубійцы, и всякіе другіе грѣшники внидутъ въ царство небесное, только еретикамъ, врагамъ Божіимъ, нѣтъ мѣста въ горняхъ обителяхъ»...

— Надоѣлъ ты мнѣ, Якимъ Прохорычъ, пуще горькой рѣдьки такими разговорами,— съ недовольствомъ промолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Обмірщился ты весь, обмірщился съ головы до ногъ, обошли тебя еретики, совсѣмъ обошли,— горько отвѣчалъ на то Стуколовъ.— Подумай о души спасеніи. Годы твои не молодые, пора о Богѣ помышлять.

— Береги ты свои рѣчи про другихъ, мнѣ онѣ не пригожи,— съ сердцемъ отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.— Хочешь, на обратномъ пути въ Комаровъ завернемъ? Толкуй тамъ съ матерью Манеѳой... Ты съ ней какъ разъ сойдешься: что̀ ты, что̀ она — одного сукна епанча, одного лѣсу кочерга.

Стуколовъ нѣсколько смутился.

— А знаешь ли, что̀ пѣсенникъ-отъ сказывалъ?— спросилъ послѣ недолгаго молчанія Патапъ Максимычъ.

— Почемъ я знаю? У соннаго нѣтъ ушей,— отвѣчалъ Стуколовъ.

— Про Стеньку Разина сказки разсказывалъ, про клады, по лѣсамъ зарытые, а потомъ на земляное масло свелъ,— сказалъ Патапъ Максимычъ.

Сонный Дюковъ вспрянулъ, уставивъ удивленные глаза на Патапа Максимыча. А Стуколовъ преспокойно студилъ вылитый на блюдечко чай.

— Слышишь?— обратился къ нему Патапъ Максимычъ.— Про золотой песокъ парень-отъ сказывалъ. На Ветлугѣ, дескать, подлинно есть такія мѣста.

— И безъ него знаемъ,— безучастно промолвилъ Стуколовъ.

— Въ лѣсахъ, говоритъ, золото лежитъ, ото всякаго жила далече, а которо мѣсто оно въ землѣ лежитъ, того не знаетъ,— продолжалъ Патапъ Максимычъ.

— Хошь и зналъ бы, такъ не сказалъ,— замѣтилъ Стуколовъ.— Про такія дѣла со всякимъ встрѣчнымъ не болтаютъ.

— Сказалъ же про клады, гдѣ зарыты, и въ какомъ мѣстѣ золотая пушка лежитъ. Вотъ бы вырыть-то, Якимъ Прохорычъ, пожалуй, бы лучше пріисковъ дѣло-то выгорѣло.

— Пустое городишь, Патапъ Максимычъ,— сказалъ паломникъ.— Мало-ль чего народъ ни вретъ? За вѣтромъ въ полѣ не угоняешься, такъ и людскихъ рѣчей не переслушаешь. Да хоть бы то и правда была, развѣ намъ слѣдъ за клады приниматься. Тутъ врагъ рода человѣческаго дѣй-

ствуетъ, самъ треклятый сатана... Душу свою, что ли, губить!.. Клады — приманка дьявольская; золотая розсыпь — Божій даръ.

— Въ одно слово съ лѣсникомъ! — воскликнулъ Патапъ Максимычъ. — То же самое и онъ говорилъ.

— Правдой, значитъ, обмолвился злочестивый языкъ еретика, врага Божія, — сказалъ Стуколовъ. — Иную пору и это бываетъ. Самъ бѣсъ, когда захочетъ человѣка въ сѣти уловить, праведное слово иной разъ молвитъ. И корчится самъ, и въ три погибели отъ правды-то его гнетъ, а все-таки ее вымолвитъ. И трепещетъ, а сказываетъ. Таковъ ужъ проклятый ихъ родъ!..

— Да полно-ль тебѣ, Якимъ Прохорычъ! — вставая съ лавки, съ досадой промолвилъ Патапъ Максимычъ. — О чемъ съ тобой ни заговори, все-то ты на дьявола своротишь... Ишь какъ бѣсу-то полюбилось на твоемъ языкѣ сидѣть, сойти долой окаянному не хочется.

Паломникъ плюнулъ и, сердито взглянувъ на Патапа Максимыча, пробормоталъ какую-то молитву, глядя на иконы.

— Вѣсть Господь пути праведныхъ, путь же нечестивыхъ погибнетъ!.. — сказалъ онъ потомъ громкимъ голосомъ.

— Нѣтъ, Якимъ Прохорычъ, съ тобой толковать надо поѣвши, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Да кстати и объ ужинѣ не мѣшаетъ подумать... Здѣсь, у Воскресенья, стерляди первый сортъ, не хуже васильсурскихъ. Спосылать, что ли, къ ловцамъ на Лёвиху *)?

— Въ Великій-отъ постъ? — испуганно воскликнулъ Стуколовъ.

— Въ пути сущимъ постъ разрѣшается, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Поганься, коли Бога забылъ, а мы и хлѣбца пожуемъ, — молвилъ паломникъ сдержаннымъ голосомъ, не глядя на Патапа Максимыча.

— Эхъ, вы, постники безгрѣшные!.. Знавалъ я на своемъ вѣку такихъ, — шутилъ Патапъ Максимычъ. — Есть такія спасенныя души, что не только въ середу, въ понедѣльникъ даже молока не хлебнетъ, а молочницѣ и въ велику пятницу спуску не дастъ.

Плюнулъ съ досады Стуколовъ.

— Какъ же будетъ у насъ? — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Благословляй, что ли, святъ мужъ, къ ловцамъ посылать?.. Рыбешка здѣсь рѣдкостная, янтарь янтаремъ... Ну,

---

*) Деревня въ верстѣ отъ Воскресенья на Ветлугѣ, гдѣ ловятъ лучшихъ стерлядей.

Якимъ Прохорычъ, такъ ужъ и быть, опоганимся да вплоть до Святой и закаемся... Право же говорю, дорожнымъ людямъ постъ разрѣшается... Хоть Маноѳу спроси... На что мастерица посты разбирать, и та въ пути разрѣшаетъ.

— Отстань отъ меня ради Господа, — молвилъ Стуколовъ. — Дѣлай, какъ знаешь, а другихъ во грѣхъ не вводи.

Патапъ Максимычъ махнулъ рукой и вышелъ къ хозяевамъ въ переднюю горницу, чтобъ спосылать ихъ къ ловцамъ за рыбой.

Только - что вышелъ онъ, Дюковъ торопливо сказалъ паломнику:

— Про мѣста разспрашивалъ!

— Не спозналъ и не спознаетъ, — рѣшительно отвѣтилъ Стуколовъ. — Я все слышалъ, что лѣсникъ разсказывалъ...

— То-то, чтобъ намъ въ дуракахъ не остаться, — сказалъ Дюковъ.

— Будь покоенъ: попалъ карась въ нерето *), не выскочитъ.

Патапъ Максимычъ запоздалъ на Ветлугѣ. Проѣхали путники въ Урень, подъ видомъ закупки дешеваго яранскаго хлѣба. И въ самомъ дѣлѣ Патапъ Максимычъ сдѣлалъ тамъ небольшую закупку. Потомъ отправились въ лѣсную деревушку, къ знакомому Якима Прохорыча, оттуда въ другую, Лукерьиной прозывается, къ зажиточному баклушнику **) Силантью. Оба знакомца Стуколова завѣряли Патапа Максимыча, что по ихнимъ лѣсамъ вправду золотой песокъ водится. Силантій показалъ даже стеклянный пузырекъ съ такимъ добромъ. На видъ песокъ, ни дать ни взять, такой же, какъ стуколовскій.

— Пробовали плавить его, — сказывалъ Силантій: — топили въ горну на кузницѣ, однако толку не вышло, гарь одна остается.

Къ великой досадѣ паломника, разболтавшійся Силантій показалъ Патапу Максимычу и гарь, вовсе не похожую на золото.

Какъ ни старался Стуколовъ замять Силантьевы рѣчи, на Патапа Максимыча напало сомнѣнье въ добротности ветлужскаго песка... Онъ купилъ у Силантья пузырекъ, а на придачу и гарь взялъ.

Когда совершалась эта покупка, Стуколовъ съ досадой

---

*) Нерето, рыболовный снарядъ, сплетенный изъ сѣти на обручахъ въ видѣ воронки.

**) Тотъ, что̀ баклуши дѣлаетъ. Баклуши — чурки для токарной выдѣлки ложекъ и деревянной посуды.

всталъ съ мѣста и, походивъ по избѣ спѣшными шагами, вышелъ въ сѣни. Дюковъ осовѣлъ, сидя на мѣстѣ.

На другой день, рано поутру, Патапъ Максимычъ случайно подслушалъ, какъ паломникъ съ Дюковымъ ругательски ругали Силантья за «лишнія слова»... Это навело на него еще больше сомнѣнья, и, сидя со спутниками и хозяиномъ дома за утреннимъ самоваромъ, онъ сказалъ, что ветлужскій песокъ ему что-то сумнителенъ.

— У меня въ городу̀ дружокъ есть, баринъ, по всякой наукѣ человѣкъ дошлый, — сказалъ онъ. — Семъ-ка я съѣзжу къ нему съ этимъ пескомъ да покучусь ему испробовать, можно-ль изъ него золото сдѣлать... Если выйдетъ изъ него заправское золото — ничего не пожалѣю, что̀ есть добра, все въ оборотъ пущу... А до той поры, гнѣвись не гнѣвись, Якимъ Прохорычъ, къ вашему дѣлу не приступлю, потому что оно покамѣстъ для меня потемки... Да!

— Съѣзди, пожалуй, къ своему барину... — молвилъ паломникъ. — Только не проболтайся ради Бога, гдѣ эта благодать родится. А то разнесутся вѣсти, узнàетъ начальство, тогда намъ за наши хлопоты шишъ и покажутъ... Самъ знаешь, земля вѣдь не наша.

— Купимъ ее, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Зѐмли здѣсь не дòроги.

— Легко сказать — купимъ, — перервалъ Стуколовъ. — Ежели бы земли-то здѣшнія были барскія, нечего бы и толковать, купилъ и шабашъ, а тутъ вѣдь казна. Годы пройдутъ, пока разрѣшатъ продажу. По здѣшнимъ мѣстамъ казенныхъ земель споконъ вѣку никто не покупывалъ, такъ...

— Не казенна здѣсь земля, удѣльная, — перебилъ Силантій.

Стуколовъ искоса взглянулъ на него: «Не суйся, дескать, куда не спрашиваютъ», и продолжалъ, обращаясь къ Патапу Максимычу:

— Съ удѣльной и того хуже. Удѣлъ земель не продаетъ. Да что̀ объ этомъ толковать прежде времени? Коли дѣло пойдетъ, какъ уговорились, въ Питерѣ отхлопочемъ за себя пріиски, а коли ты, Патапъ Максимычъ, на попятный, такъ послѣ пеняй на себя...

— Кто на попятный? — вскрикнулъ Патапъ Максимычъ. — Никогда я на попятный ни въ какомъ дѣлѣ не поворачивалъ, не таковъ я человѣкъ, чтобъ на попятный идти. Мнѣ бы только увѣриться... Обожди маленько, окажется дѣло вѣрное, тотчасъ подпишу условіе, и деньги тебѣ въ руки. А до тѣхъ поръ я несогласенъ.

— Да ты не всякому пузырекъ-отъ показывай, — сказалъ

паломникъ.— А то могутъ заподозрѣть, что это золото изъ Сибири, краденое. Насчетъ этого теперь строго, — какъ разъ въ острогъ.

— Малаго ребенка, что ли, вздумалъ учить?—вспыхнулъ Патапъ Максимычъ.—Развѣ мы этого не понимаемъ?.. Баринъ вѣрный: дружокъ мнѣ — не выдастъ. Отсюда прямо въ городъ къ нему.

— А вотъ что̀, Патапъ Максимычъ, — сказалъ паломникъ. — Городъ городомъ, и ученый твой баринъ пущай его смотритъ, а вотъ я что̀ еще придумалъ. Торопиться тебѣ вѣдь некуда. Съѣздили бы мы съ тобой въ Красноярскій скитъ къ отцу Михайлу. Отсель рукой подать, двадцати верстъ не будетъ. Не хотѣлъ я прежде про него говорить, — а вѣдь онъ у насъ въ долѣ, — съѣздимъ къ нему на денекъ, ради увѣренья...

— По мнѣ пожалуй—для че не съѣздить,—сказалъ Патапъ Максимычъ.—Да что это за отецъ Михаилъ?

— Игуменъ Красноярскаго скита,—отвѣтилъ Стуколовъ.—Увидишь, что̀ за человѣкъ,—поискать такихъ старцевъ!..

По совѣту Стуколова, уговорились ѣхать въ скитъ пообѣдавши. Передъ самымъ обѣдомъ паломникъ ушелъ въ заднюю, написалъ тамъ письмецо и отдалъ его Силантію. Черезъ полчаса какіе-нибудь хозяйскій сынъ верхомъ на лошади съѣхалъ со двора задними воротами и скорой рысью погналъ къ Красноярскому скиту.

Совсѣмъ уже стемнѣло, когда путники добрались до скита Красноярскаго. Стоялъ онъ въ лѣсной глуши, на берегу Усты, а кругомъ обнесенъ былъ высокимъ деревяннымъ частоколомъ. По срединѣ часовня стояла, вокругъ нея кельи, совсѣмъ непохожія на кельи Каменнаго вражка и другихъ чернораменскихъ женскихъ скитовъ. Все здѣсь было построено шире, выше, суразнѣе и просторнѣй; кельи другъ отъ дружки стояли подальше; не было на нихъ ни теремковъ, ни свѣтелокъ, ни вышекъ, ни смотриленъ. Не будь середь обители высокой часовни да вкругъ нея намогильныхъ голубцовъ, Красноярскій скитъ больше бы походилъ на острогъ, чѣмъ на монастырь. Такой же высокій частоколъ вокругъ, такія же большія ворота, мѣстами обитыя желѣзомъ, такія же длинныя, высокія, однообразныя кельи съ маленькими окнами и вставленными въ нихъ желѣзными рѣшетками. Внѣ ограды хоть бы какой хлѣвушекъ.

Подъѣхавъ къ скиту, путники остановились у воротъ и дернули висѣвшую у калитки веревку. Вдали послышался звонъ колокола; залаяли собаки, и черезъ нѣсколько времени чей-то голосъ сталъ изнутри опрашивать:

— Кого Господь дару̀етъ?

— Люди знакомые, отецъ вратарь, — отозвался паломникъ. — Стуколовъ Якимъ съ дорогими гостями! Доложись игумну, Якимъ, молъ, Прохорычъ гостей привезъ.

— Отецъ игуменъ повечеріе правитъ. Обождите малехонько, схожу благословлюсь... — отвѣтилъ за воротами привратникъ.

— Да ты поскорѣй, отецъ вратарь, мы вѣдь издалека. Кони пріустали, да и самимъ отдохнуть охота, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ладно, поспѣшу, — отвѣчалъ голосъ за воротами. — А много-ль васъ народу-то?

— Пятеро, — сказалъ Стуколовъ: — ты молви только отцу игумну: Якимъ, дескать, Прохорычъ Стуколовъ съ гостями пріѣхалъ.

— Ладно, ладно, скажу.

Привратникъ ушелъ и долго не возвращался. Набѣжавшіе къ воротамъ псы такъ и заливались свирѣпымъ лаемъ внутри монастыря. Тутъ были слышны и сиплый, глухой лай какого-то стариннаго стража Красноярской обители, и тявканье задорной шавки, и завыванье озлившагося волкопеса, и звонкій лай выжлятника... Все сливалось въ одинъ оглушительный содомъ, а вдали слышались ржанье стоялыхъ коней, мычанье коровъ и какія-то невразумительныя людскія рѣчи.

— Ну, братъ, въ этотъ скитъ, какъ въ царство небесное, сразу не попадешь, — сказалъ Патапъ Максимычъ паломнику.

— Нельзя въ лѣсахъ иначе жить,—отвѣчалъ Стуколовъ.— Съ большой опаской здѣсь надо жить... потому глушь; верстъ на десять кругомъ никакого жилья нѣтъ. А недобрыхъ людей немало, — какъ разъ пограбятъ... Старцы же здѣшніе — народъ пуганый.

— А что? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Мучили ихъ. Забрались одинова разбойники—грабили.

— Какъ такъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ же, — отвѣчалъ паломникъ. — Пошла слава про монастырь, что богатъ больно, а богатъ-отъ онъ точно богатъ, отъ того самаго дѣла — смекаешь... Вотъ погоди, самъ своими глазами увидишь... Годовъ десять тому и польстись на Красноярскую обитель невѣдомо какіе злодѣи, задумали старцевъ пограбить... Сговорились съ бѣльцомъ ихняго же монастыря, тотъ у привратника ключи укралъ и впустилъ ночью разбойниковъ. Человѣкъ пятнадцать ихъ было, народъ молодой, здоровенный... Которыхъ старцевъ въ кельяхъ за-

перли, которыхъ по рукамъ по ногамъ перевязали, да этакъ распорядившись, зачали по-своему хозяйничать... Часовню разбили, образа ободрали, къ игумну пришли. Всѣ мышиныя норки у него перерыли, а денегъ два съ полтиной только нашли. Принялись за отца Михаила, говорятъ, подавай деньги... Тотъ уперся... Никакихъ, говоритъ, денегъ у меня нѣтъ опричь тѣхъ, что̀ вы отобрали. Разбойники его пытать: ужъ чего они надъ нимъ ни творили, и били-то его всячески, и арапникомъ-то стегали, и подошвы-то на берестѣ палили, и гвозди-то подъ ногти забивали... Вытерпѣлъ старецъ — слова не проронилъ, только молитву читалъ, какъ они его мучили. Замертво бросили въ чуланъ, думали, не живъ. Но помиловалъ Богъ — отдышался. За келейника игуменскаго принялись. Тотъ, не стерпя мукъ, можетъ-статься, и сказалъ бы, да, Богу благодаренье, самъ не зналъ, куда игуменъ деньги запряталъ. Такъ и не покорыстовались... Разыскали послѣ разбойниковъ, сослали...

— Этакъ, пожалуй, старцы насъ и не пустятъ, подумаютъ — опять разбойники нагрянули, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Пустятъ, какъ не пустить. Меня знаютъ, — отвѣчалъ Стуколовъ.

Прошло немало времени, какъ въ монастырѣ снова послышались людскіе голоса.

— Отецъ вратарь, скоро ли ты? Отпирай! — крикнулъ Стуколовъ.

— Да вотъ отецъ казначей пришелъ поспрошать, что̀ за люди? — послышалось изъ-за ограды.

— Ты, что-ль, будешь отецъ Михей? — крикнулъ Стуколовъ.

— Я грѣшный инокъ Михей, — отвѣчалъ казначей. — А вы кто такіе?

— Да вѣдь сказано было вра̀тарю, что Стуколовъ Якимъ гостей привезъ... Сказывали отцу игумну али нѣтъ еще?

— Отецъ Михаилъ повечеріе правитъ — нельзя съ нимъ теперь разговаривать, — отвѣчалъ привратникъ. — Потому я отцу казначею и доложился.

— Аль меня по̀ голосу-то не признаешь, отецъ Михей? — спросилъ паломникъ.

— Какъ черезъ воро̀та человѣка признать по̀ голосу? Я же и на ухо крѣпонекъ.

— Ахъ, вы, старцы Божьи! — крикнулъ Стуколовъ. — Не воры къ вамъ пріѣхали, свои люди, знакомые. Благослови, отецъ Михей, ворота̀ отворить.

— Да гости-то кто такіе съ тобой? — спросилъ казначей,

— Дюковъ Сампсонъ Михайлычъ, дружокъ отцу-то Ми-

хаплу, — сказалъ Стуколовъ: — да еще Патапъ Максимычъ Чапуринъ изъ Осиповки.

— Не братецъ ли матушки Манеѳы Комаровской? — спросилъ отецъ Михей.

— Онъ самый, — отвѣчалъ Стуколовъ.

— Инъ обождите маленько, пойду благословлюсь у отца игумна, — сказалъ казначей, и вскорѣ послышались шаги удалявшихся внутрь монастыря. Притихшій собачій лай поднялся пуще прежняго.

Изъ себя вышелъ Патапъ Максимычъ, браниться зачалъ. Бранилъ игумна, бранилъ казначея, бранилъ вра̀таря, бранилъ собакъ и всю красноярскую братію. Пуще всего доставалось Стуколову.

— Къ какому ты лѣшему завезъ меня! — кричалъ онъ на весь лѣсъ. — Понесла же меня нелегкая въ это гнѣздо проклятое... Чтобъ ихъ всѣхъ тамъ свело да скорчило!.. Ночевать, что ли, тутъ въ лѣсу-то?.. Шайтанъ бы побралъ ихъ, этихъ чернецовъ окаянныхъ!.. Что̀ они морозить насъ вздумали?.. Аль деревенскихъ дѣвокъ прячутъ по подпольямъ?..

— Не грѣши празднымъ словомъ на Божьихъ старцевъ, — уговаривалъ его паломникъ. — Потерпи маленько. Иначе нельзя — на то уставъ... Опять же народъ пуганый — недобрыхъ людей опасаются. Самъ знаешь: кого медвѣдь дралъ, тотъ и пенька въ лѣсу боится.

Не внималъ уговорамъ Патапъ Максимычъ, ругани его конца не видѣлось. До того дошло, что онъ, харкнувъ на воро̀та и обозвавъ весь монастырь нехорошими словами, хотѣлъ садиться въ сани, чтобъ ѣхать назадъ, но въ это время забрякали ключами, и продрогшихъ путниковъ впустили въ монастырскую ограду. Тамъ встрѣтили ихъ четверо монаховъ съ фонарями.

До десятка собакъ съ разнообразнымъ лаемъ, ворчаньемъ и хрипѣньемъ бросилось на вошедшихъ. Псы были здоровенные, жирные и презлые. Кромѣ маленькой шавки, съ визгливымъ лаемъ задорно бросавшейся гостямъ подъ ноги, каждая собака въ одиночку на волка ходила.

— Лыска!.. Орелка!.. Жучка!.. По мѣстамъ, проклятыя!.. Цыма, Шарикъ!.. Что̀ подъ ноги-то кидаешься?.. По мѣстамъ!.. — кричали на собакъ монахи и насилу-насилу успѣли ихъ разогнать.

— Чего съ такой псарней разбою бояться, — ворчалъ не уходившійся еще Патапъ Максимычъ. — Эти псы цѣлый станъ разбойниковъ перегрызутъ.

— Повечеріе на отходѣ, — чуть не до земли кланяясь Па-

тапу Максимычу, сказалъ отецъ Спиридоній, монастырскій гостинникъ, здоровенный старецъ, съ лукавыми, хитрыми и быстро, какъ мыши, бѣгающими по сторонамъ глазками. — Какъ угодно вамъ будетъ, гости дорогіе — въ часовню прежде, аль на гостиный дворъ, али къ батюшкѣ отцу Михаилу въ келью? Получаса не пройдетъ, какъ онъ со службой управится.

— По мнѣ все едино, — сухо отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Въ часовню такъ въ часовню, въ келью такъ въ келью.

— Такъ ужъ лучше въ часовню пожалуйте, — сказалъ отецъ Михей. — Посмотрите, какъ мы, убогіе, Божію службу по силѣ-возможности справляемъ... А пожитки ваши мы въ гостиницу внесемъ, коней уберемъ... Пожалуйте, милости просимъ.

И казначей отецъ Михей повелъ гостей по расчищенной между сугробами, гладкой, широкой, усыпанной краснымъ пескомъ дорожкѣ, межъ тѣмъ какъ отецъ гостинникъ съ повозками и работниками отправился на стоявшій отдѣльно въ углу монастыря большой, ставленный на высокихъ подклѣтахъ, гостиный домъ, для богомольцевъ и пріѣзжавшихъ въ скитъ по разнымъ дѣламъ.

Войдя въ часовню, Патапъ Максимычъ пораженъ былъ благолѣпіемъ убранства и стройнымъ чиномъ службы. Старинный, ярко раззолоченный иконостасъ возвышался подъ самый потолокъ. Передъ мѣстными въ золоченыхъ ризахъ иконами горѣли ослопныя свѣчи, всѣ паникадила были зажжены, и синеватый клубъ ладана носился между ними. Старцы стояли рядами, всѣ въ соборныхъ мантіяхъ съ длинными хвостами, всѣ въ опущенныхъ низко, на самые глаза камилавкахъ и ка̀фтыряхъ. За ними ряды по̀слушниковъ и трудниковъ изъ міряпъ; всѣ въ черныхъ суконныхъ подрясникахъ съ широкими черными усменными *) поясами. На обоихъ клиросахъ стояли пѣвцы; славились они не только по окрестнымъ мѣстамъ, но даже въ Москвѣ и на Иргизѣ. Середи часовни, предъ аналогіемъ, въ соборной мантіи, стоялъ высокій, широкій въ плечахъ, съ длинными сѣдыми волосами и большой окладистой, какъ серебро, бѣлой бородой, старецъ и густымъ голосомъ дѣлалъ возгласы. Это былъ самъ игуменъ — отецъ Михаилъ.

Служба шла такъ чинно, такъ благоговѣйно, что сердце Патапа Максимыча, до страсти любившаго церковное благолѣпіе,

---

*) *Усма* — выдѣланная кожа, *усменный* — кожаный.

разомъ смягчилось. Забылъ, что его чуть не битыхъ полчаса заставили простоять на морозѣ. Съ сіявшимъ на лицѣ довольствомъ разсматривалъ онъ красноярскую часовню.

«Вотъ это служба такъ служба,— думалъ, оглядываясь на всѣ стороны, Патапъ Максимычъ.— Мастера Богу молиться, нечего сказать... Эко благолѣпіе-то какое!.. Рогожскому мало чѣмъ уступитъ... А нашей городецкой часовнѣ — куда! тѣхъ же щей да пожиже влей... Божье-то милосердіе какое, иконы-то святыя!.. Просто заглядѣнье, а служба-то, служба-то — первый сортъ!.. Въ Иргизѣ такой службы не видывалъ!..»

Наружность игумна тоже понравилась Патапу Максимычу. Еще не сказавъ съ нимъ ни слова, полюбилъ ужъ онъ старца за порядки. Прежней досады какъ не бывало.

«Эка здоровенный игуменъ-отъ какой, ровно изъ матёраго дуба вытесанъ...— думалъ, глядя на него, Патапъ Максимычъ.— Ему бы не лѣстовку въ руку, а пудовый молотъ... Чудное дѣло, какъ это онъ съ разбойниками-то не справился... Да этакому старцу хоть на пару медвѣдей въ одиночку идти... Лапища-то какая!.. А молодецъ Богу молиться!.. Какъ это все у него стройно да чинно выходитъ...»

Кончилось повечеріе. Проговорилъ отпустъ отецъ Михаилъ и обратился къ старцамъ.

— Отцы и братіе и служебницы сея честныя обители!.. Возвѣщаю вамъ радость велію: убогое жительство наше посѣтили благочестивые христолюбцы, крѣпкіе ревнители святоотеческой вѣры нашея древляго благочестія. Чѣмъ воздадимъ за таковую милость къ намъ бывшую? Помолимся убо о здравіи ихъ и спасеніи и воспоемъ Господу Богу молебное пѣніе за милости творящихъ и заповѣдавшихъ намъ недостойнымъ молиться о нихъ.

Братія, обернувшись зàразъ, чуть не до земли поклонились гостямъ, а отецъ Михаилъ замолитвовалъ канонъ о здравіи и спасеніи. Головщикъ праваго клироса звонкимъ голосомъ поаминилъ и дробно началъ чтеніе канона.

Тутъ ужъ совсѣмъ растаялъ Патапъ Максимычъ. Любилъ почетъ, особенно почетъ церковный. Пуще всего дорожилъ онъ тѣмъ, что съ самой кончины родителя, многіе годы бывшаго попечителемъ городецкой часовни, самъ постоянно былъ выбираемъ въ эту должность. Льстило его самолюбію, когда, бывая въ той часовнѣ за службой, становился онъ впереди всѣхъ, первый подходилъ къ цѣлованію евангелія или креста, получалъ отъ бѣглаго попа въ крещенскій сочельникъ первый кувшинъ богоявленской воды, въ вербну заутреню первую вербу, въ Свѣтло Воскресенье перву свѣчу.. Но такого по-

чета, какой былъ оказанъ ему въ Красноярскомъ скиту, никогда ему и во снѣ не грезилось. Какъ было не растопиться сердцу, какъ не забыть досады, что̀ взяла-было его у воротъ монастырскихъ? Слеза даже прошибла Патапа Максимыча.

«Сторублевой мало! — подумалъ онъ. — Игуменъ человѣкъ понимающій. По крайности сторублевую съ двумя четвертными надо вкладу положить».

Слушаетъ, а отецъ Михаилъ поминаетъ о здравіи и спасеніи рабовъ Божіихъ Патапія, Ксеніи, дѣвицы Анастасіи, дѣвицы Параскевы, инокини Манеоы, рабы Божіей Агриппины.

«Глядь-ка, глядь-ка, — удивлялся Патапъ Максимычъ: — всѣхъ по именамъ такъ и валяетъ... И Груню не забылъ... Отъ кого это провѣдалъ онъ про моихъ сродниковъ?.. Двѣ сотенныхъ надо да къ Христову празднику мукѝ съ масломъ на братію послать».

Когда же наконецъ сталъ отецъ Михаилъ поминать усопшихъ родителей Чапурина и перебралъ ихъ чуть не до седьмого колѣна, Патапъ Максимычъ какъ баба расплакался и рѣшилъ на обитель три сотни серебромъ дать и каждый годъ муко̀й съ краснораменскихъ мельницъ снабжать ее.

Такимъ раемъ, такимъ богоблагодатнымъ жительствомъ показался ему Красноярскій скитъ, что не будь жены да дочерей, такъ хоть вѣкъ бы свѣковать у отца Михаила. «Нѣтъ, — думалъ Патапъ Максимычъ: — не чета здѣсь Городцу, не чета и бабьимъ скитамъ!.. Съ Рогожскимъ потягается!.. Вотъ благочестіе-то!.. Вотъ они, земные ангелы, небесные же человѣки... А я-то окаянный еще выругалъ ихъ непригожими словами!.. Прости, Господи, мое согрѣшеніе!»

Послѣ службы игуменъ, подойдя къ Патапу Максимычу, познакомился съ нимъ.

— Любезненькій ты мой! Касатикъ ты мой! — привѣтствовалъ онъ, ликуясь съ гостемъ. — Давно была охота повидаться съ тобой. Давно наслышанъ, много про тебя наслышанъ, вотъ и привелъ Господь свидѣться.

— Случая до сей поры не выдавалось, отецъ Михаилъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Рѣдко бываю въ здѣшнихъ мѣстахъ, а на Устѣ совсѣмъ вперво̀й.

— Ну, спаси тебя Господи, что надумалъ насъ убогихъ посѣтить, — говорилъ игуменъ. — Матушка-то Манеѳа комаровская по плоти сестрица тебѣ будетъ?

— Сестра ро̀дная, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Дивная старица! — сказалъ отецъ Михаилъ. — Духовной

жизни, опять же отъ писанія какая начетчица, а ужъ домостроительница какая!.. Поискать другой такой старицы, во всемъ христіанствѣ не найдешь!.. Ну, гости дорогіе, въ тра̀пезу не угодно ли?.. Сегодня день недѣльный, а ради праздника Сорока Мучениковъ поліелей — по уставу вечерняя тра̀пеза полагается: разрѣшеніе елея. А въ прочіе дни святыя четыредесятницы ядимъ единожды въ день.

Пошли въ келарню игуменъ, братія, служебницы, работные трудники и гости. Войдя въ тра̀пезу, всѣ разомъ положили уставные поклоны передъ иконами и сѣли по мѣстамъ. Патапа Максимыча игуменъ посадилъ на почетное мѣсто, рядомъ съ собой. Между соборными старцами усѣлись Стуколовъ и Дюковъ. За особымъ столомъ съ бѣльцами и трудниками сѣли работники Патапа Максимыча.

Тра̀пеза совершалась по чину. Чередовой чтецъ заунывнымъ голосомъ протяжно нараспѣвъ читалъ «Синаксарь». Келарь, подойдя къ игумну, благословился первую яству ставить братіи, отецъ чашникъ благословился квасъ разливать, отецъ будильникъ на разносномъ блюдѣ принялъ пять деревянныхъ ставцевъ съ гороховой лапшой, келарь взялъ съ блюда ставецъ и съ поклономъ поставилъ его передъ игумномъ. Отецъ Михаилъ и тутъ воздалъ почетъ Патапу Максимычу: ставецъ передъ нимъ поставилъ, себѣ взялъ другой. Также и чашу съ квасомъ и кашу соковую, поданную келаремъ, все отъ себя переставлялъ гостю.

Когда Патапъ Максимычъ, проголодавшись доро̀гой, принялся-было уписывать гороховую лапшу, игуменъ наклонился къ нему и сказалъ потихоньку:

— Ты, любезненькій мой, на лапшицу-то не больно налегай. Въ гостинницѣ наказалъ я самоварчикъ изготовить да закусочку ради гостей дорогихъ.

— Зачѣмъ это, отче? — отозвался Патапъ Максимычъ. — Были бы сыты и за тра̀пезой, ишь какая лапша-то у васъ вкусная. Напрасно безпокоился.

— Нѣтъ, касатикъ, ужъ прости меня Христа ради, а у насъ ужъ такой уставъ: мірскимъ гостямъ учреждать особную тра̀пезу во утѣшеніе... Вы же путники, а въ пути и постъ разрѣшается... Рыбки не принести ли?

— Нѣтъ, отецъ Михаилъ, не надо — постъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Въ пути и въ морскомъ плаваніи святые отцы постъ разрѣшали, — молвилъ игуменъ. — Благослови рыбку приготовить. — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ. — А рыбка по милости Господней хорошая: осетринки найдется и бѣлужинки.

— Нѣтъ, нѣтъ, отецъ Михаилъ,— продолжалъ отнѣкиваться Патапъ Максимычъ: — и въ грѣхъ не вводи.

— Говорю тебѣ, что святые отцы въ пути сущимъ и въ морѣ плавающимъ постъ разрѣшали, — настаивалъ игуменъ. — Хочешь, въ книгахъ покажу?.. Да что̀ тутъ толковать, касатикъ ты мой, со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ... Твори, брате, послушаніе.

— Охъ, ты, отецъ Михаилъ!.. Какой ты, право... — сказалъ Патапъ Максимычъ, сдаваясь на слова игумна и рѣшаясь по его велѣнью сотворить послушаніе. — Нечего дѣлать, — прибавилъ онъ, улыбаясь: — послушаніе паче поста и молитвы. Такъ, что ли, писано, отче?

— Ахъ, ты, касатикъ мой! охъ, ты, мой любезненькій!.. — молвилъ игуменъ и, подозвавъ отца Спиридонія, велѣлъ ему шепнуть Стуколову и Дюкову, чтобъ и они не очень налегали на лапшу да на кашу.

Тра̀пеза кончилась, отецъ будильникъ съ отцомъ чашникомъ собрали посуду, оставшіеся куски хлѣба и соль. Игуменъ ударилъ въ кандію, всѣ встали и, стоя на мѣстахъ, гдѣ кто сидѣлъ, въ безмолвіи прослушали благодарныя молитвы, прочитанныя канонархомъ. Отецъ Михаилъ благословилъ братію, и всѣ попарно тихими стопами пошли вонъ изъ келарни.

— Ну, гости дорогіе, любезненькіе вы мои, — сказалъ отецъ Михаилъ, оставшись съ ними въ опустѣвшей келарнѣ: — теперь я васъ до гостинаго двора провожу, тамъ и упокоитесь... А ты, отецъ будильникъ, гостямъ-то баньку истопи, съ дороги-то пускай завтра попарятся... Да пожарче, смотри, топи, чтобъ и воды горячей и щелоку было довольно, а вѣники въ квасу распарь съ мяткой, а въ воду и въ квасъ, что̀ на каменку поддавать, тоже мятки положь да калуферцу... Чтобъ все у меня было хорошо... Не осрами, отче, передъ дорогими гостями, порадѣй, чтобъ возлюбили убогую нашу обитель.

— Въ исправности будетъ, отче святый, — смиренно отвѣчалъ будильникъ, низко кланяясь. — Постараюсь гостямъ угодить.

— Ко̀нямъ-то засыпалъ ли овсеца-то, отецъ казначей? — спрашивалъ игуменъ, переходя изъ келарни въ гостиницу. — Засыпа̀лъ бы безъ мѣры, сколько съѣдятъ... Да молви, не забудь, отцу Спиридонію, пріѣзжихъ-то работниковъ хорошенько бы упокоилъ... Ахъ, вы, мои любезненькіе! ахъ, вы, касатики мои!.. Какихъ гостей-то мнѣ Богъ даровалъ!.. Бѣги-ка ты, Трофимушка, — молвилъ игуменъ проходившему мимо бѣльцу: — бѣги въ гостиницу, поставь фонарь на лѣстницѣ, да молви, самоваръ бы на столъ ставили, да отецъ келарь

медку бы сотоваго прислалъ, да клюковки, да яблочковъ, что ли, моченыхъ... Ненарокомъ пріѣхали-то вы ко мнѣ, гости любезные, — не взыщите... Не изготовился принять васъ какъ надобно.

Въ гостинницѣ, въ углу большой, небогато, но опрятно убранной горницы, поставленъ былъ столъ, и на немъ кипѣлъ ярко вычищенный самоваръ. На другомъ столѣ отецъ гостинникъ Спиридоній разставлялъ тарелки съ груздями, мелкими рыжиками, волнухами и вареными въ уксусѣ бѣлыми грибами, тутъ же явились и сотовый медъ, и моченая брусника, и клюква съ медомъ, моченыя яблоки, пряники, финики, изюмъ и разные орѣхи. Середи этихъ закусокъ и заѣдокъ стояло нѣсколько графиновъ съ настойками и наливками, бутылка рому, другая съ мадерой ярославской работы.

— Садитесь, гости дорогіе, садитесь къ столику-то, любезненькіе мои, — хлопоталъ отецъ Михаилъ, усаживая Патапа Максимыча въ широкое мягкое кресло, обитое черною юфтью, изукрашенное гвоздиками съ круглыми мѣдными шляпками.— Разливай, отецъ Спиридоній... Да что̀ это лампадки-то не зажгли передъ иконами?.. Малѐцъ, — крикнулъ игуменъ молоденькому бѣльцу, съ подобострастнымъ видомъ стоявшему въ передней: — затепли лампадки-то, да и въ боковушахъ у гостей тоже затепли... Передъ чайкомъ-то настоечки, Патапъ Максимычъ, — прибавилъ онъ, наливая рюмку. — Ахъ, ты, мой любезненькій!

— Да не хлопочи, отецъ Михаилъ, — говорилъ Патапъ Максимычъ. — Напрасно.

— Какъ же это возможно не угощать мнѣ такихъ гостей? — отвѣчалъ игуменъ. — Только ужъ не погнѣвитесь ради Христа, дорогіе мои, не взыщите у старца въ кельѣ — не больно-то мы запасливы... Время не такое — пріѣхали на хрѣнъ да на рѣдьку... Отецъ Спиридоній, слетай-ка, родименькій, къ отцу Михею, молви ему тихонько — гости, молъ, утрудились, они же, дескать, люди въ пути сущіе, а отцы святые таковымъ постъ разрѣшаютъ, прислалъ бы сюда икорки, да балычка, да селедочекъ копченыхъ, да провѣсной бѣлорыбицы. Да взялъ бы звено осетринки, что̀ къ масленой изъ Сибири привезли, да бѣлужинки малосольной, да севрюжки, что ли, разварилъ бы еще.

Отецъ Спиридоній низко поклонился и пошелъ исполнить игуменское повелѣніе.

— Что̀ же настоечки-то?.. Передъ чайкомъ-то?.. Вотъ звѣробойная, а вотъ зорная, а эта на трефоли настоена... А не то сладенькой не изволишь ли?.. Якимъ Прохорычъ, ты, любез-

ненькій мой, человѣкъ знакомый, и ты тоже, Сампсонъ Михайловичъ, васъ потчевать много не стану. Кушайте, касатики, сдѣлайте божескую милость.

Выпили по рюмочкѣ, закусили сочными яранскими груздями и мелкими вятскими рыжиками, что̀ зовутся «бисерными»...

— Отецъ Михаилъ, да самъ-то ты что̀ же? — спросилъ Патапъ Максимычъ, замѣтивъ, что игуменъ не выпилъ водки.

— Наше дѣло иноческое, любезненькій, ты, мой Патапъ Максимычъ, а сегодня разрѣшенія на вино по уставу нѣтъ,— отвѣчалъ онъ. — Вамъ, мірянамъ, да еще въ пути сущимъ, разрѣшеніе на вся, а намъ, грѣшнымъ, не подобаетъ.

— Говорится же, что гостей ради постъ разрѣшается? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ахъ, ты, любезненькій мой, ахъ, ты, касатикъ мой, — подхватилъ отецъ Михаилъ. — Оно точно что говорится. И въ уставахъ въ иныхъ написано... Много вѣдь уставовъ-то иноческаго житія: соловецкій, студійскій, Аѳонскія горы, синайскій — да мало ли ихъ, — мы больше все по соловецкому.

— Ну, и выкушалъ бы съ нами чару соловецкую, — шутя сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ахъ, ты, любезненькій мой!.. Какой ты, право!.. Грѣха только не будетъ ли?.. Какъ думаешь, Якимъ Прохорычъ? — говорилъ игуменъ.

— Маленькую можно, — сухо проговорилъ паломникъ.

— Охъ, ты, касатикъ мой! — воскликнулъ игуменъ, обнявъ паломника, потомъ налилъ рюмку настойки, перекрестился широкимъ, размашистымъ крестомъ и молодецки выпилъ.

«Должно-быть, и выпить не дуракъ, — подумалъ Патапъ Максимычъ, глядя на отца игумна. — Какъ есть молодецъ на всѣ руки».

Воротился отецъ Спиридоній, доложилъ, что передалъ игуменскій приказъ казначею.

— Отецъ Михей говоритъ, что есть у него малая толика живенькихъ окуньковъ да язей, да линь съ двумя щучками, такъ онъ хотѣлъ еще уху гостямъ сготовить, — сказалъ отецъ Спиридоній.

— Ну, Богъ его спасетъ, что догадался, а мнѣ старому и невдомекъ, — сказалъ отецъ Михаилъ. — Это хорошо съ дороги-то ушки горяченькой похлебать... Ну, Богъ тебя благословитъ, отецъ Спиридоній!.. Выкушай рюмочку.

— Не подобаетъ, отче, — смиренно проговорилъ гостиникъ, а глаза такъ и прыгаютъ по графинамъ.

— Э-эхъ! всѣ мы грѣшники передъ Господомъ! — наклоняя голову, сказалъ игуменъ. — Охъ, охъ, охъ! грѣхи наши тяж-

кіе!.. Согрѣшилъ и я, окаянный — разрѣшилъ!.. Что̀ станешь дѣлать?.. Благослови и ты, отецъ Спиридоній, на рюмочку — ради дорогихъ гостей Господь проститъ...

Отецъ гостинникъ не заставилъ себя уговаривать. Безпрекословно исполнилъ онъ желаніе отца игумна.

Выпили по чашкѣ чаю, налили по другой. Передъ второй выпили и закусили принесенными отцомъ Михеемъ рыбными снѣдями. И что̀ это были за снѣди! Только въ скитахъ и можно такими полакомиться. Мѣшечная осетровая икра точно изъ черныхъ перловъ была сдѣлана, такъ и блеститъ жиромъ, а зернистая троичная*) какъ сливки — сама во рту таетъ, балыкъ величины непомѣрной, жирный, сочный, такой, что самому донскому архіерею не часто на столѣ подаютъ, а бѣлорыбица, присланная изъ Елабуги, бѣла и глянцовита, какъ атласъ. Хорошо ѣдятъ скитскіе старцы, а лучше того угощаютъ нужнаго человѣка, коли Богъ въ обитель его принесетъ. Мѣдной копейки не тратитъ обитель на эти «утѣшенія» — все усердное даяніе христолюбцевъ.

Живетъ христолюбецъ, вѣкъ свой рабочихъ на пятаки, покупателей на рубли обсчитываетъ. Случится къ казнѣ подъѣхать — и казну не помилуетъ, сумѣетъ и съ нея золотую щетинку сорвать. Плачутся на христолюбца обиженные, а ему и дѣла мало, сколачиваетъ денежку на черный день, подъ конецъ жизни сотнями тысячъ начнетъ ворочать, да разика два обанкрутится, по гривнѣ за рубль заплатитъ и наживетъ милліонъ... Приблизится смертный часъ, толстосумъ сробѣетъ, проситъ, молитъ наслѣдниковъ: «устройте душу мою грѣшную, не быть бы ей во тьмѣ кромѣшной, не кипѣть бы мнѣ въ смолѣ горючей, не мучиться бы въ жупелѣ огненномъ». И начнутъ поминать христолюбца наслѣдники: сгромоздятъ колокольню въ семь ярусовъ, выльютъ въ тысячу пудовъ колоколъ, чтобы до третіяго небеси слышно было, какъ тотъ колоколъ будетъ вызванивать изъ ада душу христолюбца-мошенника. Ризъ нашьютъ парчевыхъ съ жемчугами да съ дорогими каменьями, такихъ, что попу не въ моготу и носить ихъ, да и страшно — поручь одна какая-нибудь впятеро дороже всего поповскаго достоянья. Сотни рублей платятъ наслѣдники христолюбца голосистому протодьякону, чтобы такую «вѣчную память» соралъ онъ по тятенькѣ, отъ какой бы и во адѣ всѣмъ чертямъ стало тошнехонько. И вызвонятъ и выревутъ такимъ способомъ грѣшную душу изъ вѣчныя муки...

*) Бѣлужью зернистую икру лучшаго сорта до желѣзныхъ дорогъ отвозили въ Москву и другія мѣста на почтовыхъ тройкахъ тотчасъ послѣ посо̀ла. Оттого и звали ее «троичной».

Раскольникамъ такъ спасать родителей не доводится — колокола, ризы и громогласные протодьяконы у нихъ возбраняются. Какъ же, чѣмъ же имъ сердечнымъ спасать душу тятенькину?.. Ну и спасаютъ ее отъ муки вѣчныя икрой да балыками, жертвуютъ всѣмъ, что̀ есть на потребу бездоннаго иноческаго стомаха... Посылай неоскудно скитскимъ отцамъ-матерямъ осетрину да севрюжину — несомнѣнно получитъ тятенька во всѣхъ плутовствахъ милосердное прощеніе. Вѣдь старцы да старицы мастера Бога молить: только деньги подавай да кормы посылай; любого грѣшника изъ ада вымолятъ... Оттого и не скудѣетъ въ скитахъ милостыня. Ѣлъ бы жирнѣй да пилъ бы пьянѣй освященный чинъ — спасенье всякаго мошенника несомнѣнно.

Откушалъ Патапъ Максимычъ икорки да балычка, селедокъ переславскихъ, елабужской бѣлорыбицы. Вкусно — нахвалиться не можетъ, а игуменъ радъ-радехонекъ, что удалось почествовать гостя дорогого. Дюковъ долго глядѣлъ на толстое звено балыка, крѣпился, взглядывая на паломника, — прорвало-таки, забылъ Великій постъ, согрѣшилъ — оскоромился. Врагу дѣйствующу согрѣшили и старцы честные. Первымъ согрѣшилъ самъ игуменъ, глядя на него Михей со Спиридоніемъ. Паломникъ укрѣпился, не осквернилъ устъ своихъ рыбнымъ ядѣніемъ.

Покончивъ съ рыбными снѣдями, принялись за чай съ постнымъ молокомъ, то-есть съ ромомъ. Тутъ старцы отъ мірянъ не отстали, воздержнѣй другихъ оказался тотъ же паломникъ.

Поразвеселились, языки развязались, пошла бесѣда откровенная, даже Дюковъ помаленьку зачалъ разговаривать.

— Что̀, отецъ Михаилъ, скучно чай въ лѣсу-то жить? — спросилъ Патапъ Максимычъ у игумна.

— Распрелюбезное дѣло, касатикъ ты мой, — отвѣчалъ онъ. — Какъ бы отъ недобрыхъ людей не было опаски, лучше бы лѣсного житья во всемъ свѣтѣ, кажись, не сыскать... Злодѣи-то вотъ только шатаются иной разъ по здѣшнимъ мѣстамъ... Десять годовъ тому, какъ они гостить пріѣзжали къ намъ... Памятки отъ тѣхъ гостинъ до сей поры у меня знать... Погляди-ка, вотъ ухо-то какъ было разсѣчено, — прибавилъ онъ, снимая камилавку и приподнимая сѣдые волосы. — А вотъ еще ихняя памятка, — продолжалъ игуменъ, распахивая грудь и указывая на оставшіеся послѣ ожога бѣлые рубцы: — да вотъ еще перстами не двигаю съ тѣхъ поръ, какъ они гвоздочки подъ ноготки забивали мнѣ.

И показалъ Патапу Максимычу два сведенные въ суставахъ пальца лѣвой руки.

— Какъ бы не страхъ отъ этихъ людей, какой бы еще жизни! — продолжалъ отецъ Михаилъ. — Придетъ лѣто, птичекъ Божьихъ налетитъ видимо-невидимо; отъ зари до зари распѣваютъ онѣ на разные гласы, прославляютъ Царя Небеснаго... Въ воздухѣ таково легко да пріятно, благоуханіе несказанное, цвѣточки цвѣтутъ, травки растутъ, звѣрки бѣгаютъ... А выйдешь на Усту, бредень закинешь, окуньковъ наловишь, линей, щучекъ, налимъ иной разъ въ вершу попадетъ... Какого еще житья?.. Зимней порой поскучнѣе, а все же нашего лѣсного житья не промѣнять на ваше городское... Вѣдь я, любезненькій мой, пятьдесятъ годовъ въ здѣшнихъ-то лѣсахъ живу. Четырнадцати лѣтъ въ пустыню пришелъ; неразумный еще былъ, голоусый, грамотѣ не зналъ... Такъ промежъ людей въ міру-то болтался: бѣдность, нужда, нищета, выросъ сиротой, самый послѣдній былъ человѣкъ, а привелъ же вотъ Богъ обителью править: безъ году двадцать лѣтъ игуменствую, а допрежь того въ келаряхъ десять лѣтъ высидѣлъ... Какъ же не любить мнѣ лѣсовъ, болѣзный ты мой, какъ мнѣ не любить ихъ?.. Вѣдь они родные мои.

— Конечно, привычка, — замѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Да, касатикъ мой, истинное слово ты молвилъ, — отвѣчалъ отецъ Михаилъ. — Это, какъ у васъ въ міру говорится: «привычка не рукавичка, на спичку ее не повѣсишь». Всякому свое, до чего ни доведись... Въ книгѣ животнѣй, яже на небеси, овому писано грады обладати, овому рать строити, овому въ корабляхъ моря преплывати, овому же куплю дѣяти, а наше дѣло о имени Христовѣ подаяніемъ христолюбцевъ питаться и о всѣхъ истинныхъ христіанахъ древляго благочестія молитвы приносити. Свѣтъ истинный вездѣ, и въ морѣ далече, и во градахъ, и въ весяхъ, а нѣтъ мѣста ближе ко Христу-Свѣту, какъ въ лѣсахъ да въ пустыняхъ, въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. Такъ-то, касатикъ, такъ-то, родненькій!..

— Такъ у васъ въ обители, говоришь, соловецкій чинъ содержится? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Чинъ соловецкій, любезненькій ты мой, а также и по духовной грамотѣ преподобнаго Іосифа Волоцкаго. Прежде всего о томъ тщаніе имѣемъ, како бы во обители все было благообразно и по чину... А ты, миленькій отецъ Спиридоній, налей-ка гостямъ еще по чашечкѣ да ромку-то не жалѣй, старче!.. Ну, опять же, касатикъ ты мой, Патапъ Максимычъ, блюдемъ мы опасно, дабы въ трапезѣ всѣ сидѣли со благоговѣніемъ и въ молчаніи... Вѣдь святые-то отцы что̀ написали о монастырской трапѐзѣ? «Яко, глаголютъ, святый жертвен-

никъ, тако и братская трапѐза во время обѣда — равны суть»... Да ты что̀ осовѣлъ, отецъ Спиридоній, подливай гостямъ-то, не жалѣй обительскаго добра... Ахъ, ты, любезненькій мой, Патапъ Максимычъ!.. Вотъ принесъ Христосъ гостя нежданнаго да желаннаго!.. А ужъ сколько заботъ да хлопотъ о потребахъ монастырскихъ, и разсказать всего невозможно. И о пищѣ-то попекись и о питіи, объ одеждѣ и ѻбущи *), и о монастырскомъ строеніи, и о ко̀няхъ, и о скотномъ дворѣ, обо всемъ... А братіей-то править, думаешь, легкое дѣло?.. О-охъ, любезненькій ты мой, какъ бы зналъ ты нашу монастырскую жизнь... Грѣхи, грѣхи наши!.. Потчуй а ты, отецъ Спиридоній!.. Да что̀ же ушйцу-то, ушйцу?.. Отецъ Михей, давай скорѣе, торопи на поварнѣ-то, гости, молъ, ужинать хотятъ.

Минутъ черезъ пять казначей воротился, и за нимъ принесли уху изъ свѣжей рыбы, паровую севрюгу, осетрину съ хрѣномъ и кислую капусту съ квасомъ и свѣжепросольной бѣлужиной. Ужинъ, пожалуй, хоть не у старца въ кельѣ Великимъ постомъ.

И старцы и гости, кромѣ паломника, всѣ согрѣшили — оскоромились. И вина разрѣшили во утѣшеніе довольно. Кончивъ трапѐзу, отецъ Михей да отецъ Спиридоній начали носомъ окуней ловить. Сильно разбирала ихъ дремота.

— Ты бы, отче, благословилъ отцамъ-то успокоиться, смотри, глаза-то у нихъ совсѣмъ слипаются, — молвилъ Стуколовъ, быстро взглянувъ на игумна.

— Инъ подите въ самомъ дѣлѣ, отцы, успокойтесь, Богъ благословитъ, — молвилъ игуменъ.

Положивъ уставные поклоны и простившись съ игумномъ и гостями, пошли отцы вонъ изъ кельи. Только-что удалились они, Стуколовъ на лѣса свелъ рѣчь. Словоохотливый игуменъ разсказывалъ, какое въ нихъ всему изобиліе: и грибовъ-то какъ много, и ягодъ-то всякихъ, помянулъ и про дрова, и про лыки, потомъ тихонько, вкрадчивымъ голосомъ молвилъ:

— А посмотрѣлъ бы ты, касатикъ мой, Патапъ Максимычъ, что̀ въ нѣдрахъ-то земныхъ сокрыто, отдалъ бы похвалу нашимъ палестинамъ.

— А что̀ такое? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Отъ другихъ потаю, отъ тебя не скрою, любезненькій ты мой, — отвѣчалъ игуменъ. — Опять же у васъ съ Якимомъ Прохорычемъ, какъ вижу, дѣла-то одни... Золото водится по нашимъ лѣсамъ — брать только надо умѣючи.

*) Обувь.

— Слыхалъ я про ваше ветлужское золото, — сказалъ Патапъ Максимычъ: — только вѣры что-то неймется, отче святый. Пробовали, слышь, топить его, одна гарь выходитъ.

— Это ему вечоръ Силантій насудачилъ, — вступился Стуколовъ.

— Какой Силантій? — спросилъ игуменъ.

— Да въ деревнѣ Лукерьинѣ Силантья Петрова развѣ не знаешь? — молвилъ паломникъ.

— А, лукерьинскій!.. Коротенька-Ножка?.. Какъ не знать! — отозвался игуменъ. — Да чего-жъ онъ въ этомъ дѣлѣ смыслитъ! Навалилъ, поди, песку въ горшокъ, да и ну калить!.. Извѣстно, этакъ окромѣ гари не выйдетъ ничего... Тутъ, любезненькій мой, Патапъ Максимычъ, науку надо знать. Кого Богъ наукой умудрилъ, тотъ и можетъ за это дѣло браться, а темному человѣку, невѣгласу оно никогда не дается... Читалъ ли «Шестодневъ» Василья Великаго? Тамъ о премудрыхъ-то хитрецахъ что̀ сказано? «Тайны Господни имъ вѣдомы, еже въ пучинахъ морскихъ, еже въ нѣдрахъ земныхъ».

— Это такъ, отче, это ты вѣрно говоришь, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Ну, такъ ка̀къ же изъ того песку золото дѣлать?

— Не умудрилъ меня Господь наукой, касатикъ ты мой... Куда мнѣ темному человѣку! Говорилъ вѣдь я тебѣ, что и грамотѣ-то здѣсь въ лѣсу научился. Кой-какъ бреду. Писаніе читать могу, а насчетъ грамматическаго да философскаго ученія тутъ ужъ, разлюбезный ты мой, я не при чемъ... Да, признаться, и не разумѣю, что̀ такое за грамматическое ученье, что̀ за философія такая. Читалъ про нихъ и въ книгѣ «Вѣрѣ», и въ «Максимѣ Грекѣ», а что̀ такое оно обознача̀етъ, прости Христа ради, не знаю.

— Почему-жъ ты знаешь, отче, что изъ того песку можно золото дѣлать? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Ахъ, ты, любезненькій мой!.. Ахъ, ты, касатикъ!..—восклицалъ отецъ Михаилъ. — А вотъ я тебѣ все по̀-ряду скажу. Ты вотъ у насъ въ часовнѣ-то за службой былъ, святыя иконы видѣлъ?

— Видѣлъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Хороши? — спросилъ игуменъ.

— Нечего и толковать, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Такого благолѣпія сроду не видалъ. У насъ, въ Городецкой часовнѣ, супротивъ вашей — плевое дѣло.

— То-то же, — сказалъ игуменъ. — А чѣмъ наши иконы позолочены? Все своимъ ветлужскимъ золотомъ. Погоди, вотъ завтра покажу тебѣ ризницу, увидишь и кресты золотые, и

чаши, и оклады на евангеліяхъ, все нашего ветлужскаго золота. Знамо дѣло, такую вещь надо втайнѣ держать; сказываемъ, что все это приношеніе благодѣтелей!.. А какіе тутъ благодѣтели?.. Свое золото, доморощенное.

— Такъ неужель у тебя въ скиту про это дѣло вся братія знаетъ? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ возможно, любезненькій ты мой!.. Какъ возможно, чтобы весь монастырь про такую вещь зналъ?.. — отвѣчалъ отецъ Михаилъ. — Въ огласку такихъ дѣловъ пускать не годится... Слухъ-отъ по скиту ходитъ, много болтаютъ, да пустыя рѣчи пустыми завсегда и остаются. Видятъ песокъ, а силы его не знаютъ, не умѣютъ, какъ за него взяться... Пробовали, какъ Силантій же, въ горшкѣ топить; ну, извѣстно, ничего не вышло; послѣ того сами же на̀ смѣхъ стали поднимать, кто по лѣсу золотой песокъ сбираетъ.

— Какъ же, честный отче, сами-то вы съ нимъ справляетесь? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Охъ, ты, любезненькій мой! охъ, ты, касатикъ мой!.. Что̀ мнѣ сказать-то ужъ, я, право, и не знаю, — заминаясь, отвѣчалъ отецъ Михаилъ, поглядывая то на паломника, то на Дюкова.

— Сказывай, какъ есть, — молвилъ Стуколовъ. — Таиться нечего: Патапъ Максимычъ въ долѣ по этому дѣлу.

— По золотому? — спросилъ игуменъ, кидая смутный взглядъ на паломника.

— А по какому же еще? — быстро подхватилъ Стуколовъ и, слегка нахмурясь, строго взглянулъ на отца Михаила. — Какія еще дѣла могутъ у тебя съ Патапомъ Максимычемъ быть? Не службу у тебя въ часовнѣ будетъ онъ править... Другихъ дѣловъ съ нимъ нѣтъ и быть не должно.

— А я думалъ, что ты, любезненькій мой, съ Патапомъ Максимычемъ по всѣмъ дѣламъ заодно, — нѣсколько смутившись, молвилъ игуменъ.

Быстро Стуколовъ съ мѣста всталъ и торопливыми шагами прошелся по кельѣ. Незамѣтно для Патапа Максимыча, легонько толкнулъ онъ игумна.

— Разскажи ему, отче, какъ вы съ пескомъ тѣмъ справляетесь, — сказалъ онъ потомъ мягкимъ голосомъ.

— Да, ужъ, пожалуйста, повѣдай мнѣ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Богъ дастъ, заодно станемъ работать... Пріиски откроемъ.

— Ахъ, ты, любезненькій мой! Ахъ, ты, касатикъ!.. — воскликнулъ отецъ Михаилъ, обнимая Патапа Максимыча. — А ты вотъ облѣпихи-то рюмочку выкушай... Изъ Сибири прислали благодѣтели, хорошая наливочка, попробуй... Расчудесная!

Патапъ Максимычъ выпилъ облѣпихи. Наливка оказалась въ самомъ дѣлѣ расчудесною.

— Ну, такъ какъ же, отче?.. — сказалъ онъ. — Какъ у васъ песокъ-отъ въ золото передѣлываютъ?

— Теперь у насъ такого знатока нѣтъ, — отвѣчалъ игуменъ. — Былъ, да годовъ съ десятокъ померъ. — А нонѣ, любезненькій ты мой, Патапъ Максимычъ, вотъ какъ мы дѣлаемъ. Я, грѣшный, да еще двое изъ братіи только и знаемъ про это дѣло. Лѣтней порой, тайкомъ отъ другихъ, мы и сбираемъ сколько Богъ приведетъ песочку да по зимѣ въ Москву его и справляемъ... А на Москвѣ есть у насъ други-пріятели, въ этомъ дѣлѣ силу они разумѣютъ. Господь ихъ вѣдаетъ, какою хитростью дѣлаютъ они изъ нашего песку золото, а на нашу долю сколько его причтется, деньгами высылаютъ... По наукѣ, касатикъ ты мой, по наукѣ до этого доходятъ, а мы что? Люди слѣпые, темные, куда намъ разумѣть такую силу!..

Задумался Чапуринъ... Обращаясь къ отцу Михаилу, сказалъ онъ:

— Вотъ и я то же говорю Якиму Прохорычу: прежде испытать надо, а потомъ за дѣло браться.

— Справедлива рѣчь твоя, любезненькій ты мой, — отвѣчалъ игуменъ: — справедливая рѣчь!.. «Искуси и познай», въ писаніи сказано. Безъ испытанія нельзя.

— Вотъ и думаю я съѣздить въ городъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ: — тамъ дружокъ у меня есть, по эвтой самой наукѣ доточный. На царскихъ золотыхъ промыслахъ служилъ... Дамъ ему песочку, чтобъ испробовалъ, можно-ль изъ него золото дѣлать.

— Что-жъ, съѣзди, съѣзди, любезненькій ты мой!.. Увѣрься!.. Не соваться же и въ самомъ дѣлѣ въ воду, не спросясь броду? — говорилъ игуменъ.

Паломникъ съ досады опять вскочилъ; пройдясь раза два по кельѣ, сердито онъ взглянулъ на отца Михаила и вышелъ.

— А много-ль примѣрно каждый годъ наберете вы этого песку? — спросилъ Патапъ Максимычъ игумна.

— Да что наше дѣло! Совсѣмъ пустое, — отвѣчалъ отецъ Михаилъ. — Ино лѣто чуть не полпуда наберешь, а пользы всего цѣлковыхъ на сто, либо на полтораста получишь...

— Что такъ мало? — спросилъ Патапъ Максимычъ. — Вѣдь золота пудъ на плохой конецъ двѣнадцать тысячъ цѣлковыхъ.

— Ахъ, ты, любезненькій мой!.. Что же намъ дѣлать-то? — отвѣчалъ игуменъ. — Дѣло наше заглазное. Кто знаетъ, много-ль у нихъ золота изъ пуда выходитъ?.. Какъ повѣрить?.. Что

дадутъ, и за то спаси ихъ Христосъ, Царь Небесный... А вотъ какъ бы намъ съ тобой да настоящіе промыслà завести, да дѣло-то бы дѣлать не тайкомъ, а съ вѣдома начальства, куда бы много пользы получили... Можетъ-статься, не одну бы сотню пудовъ чистаго золота каждый годъ получали...

Смолкъ Патапъ Максимычъ. Погрузился онъ въ расчеты. Между тѣмъ вошелъ Стуколовъ и еще суровѣй взглянулъ на отца Михаила. Тотъ вздохнулъ тяжело, опустилъ на лобъ камилавку и потупилъ глаза.

— Чтò же? Какое теперь будетъ твое рѣшенье? — спросилъ у Патапа Максимыча Стуколовъ.

— Да я не прочь, только напередъ съѣзжу увѣриться, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Когда поѣдешь? — спросилъ паломникъ.

— Отсюда прямо, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

Пѣтухи запѣли, отецъ Михаилъ съ мѣста поднялся.

— Ахти, закалякался я съ тобой, разлюбезный ты мой Патапъ Максимычъ, — сказалъ онъ. — Слышь, вторы кочета поютъ, а мнѣ къ утрени надо вставать... Простите, гости дорогіе, усните, успокойтесь... Отецъ Спиридоній все изготовилъ про васъ: тебѣ, любезненькій мой Патапъ Максимычъ, вотъ въ этой келійкѣ постлано, а здѣсь налѣво Якиму Прохорычу съ Сампсономъ Михайлычемъ. Усни во здравіе, касатикъ мой, а завтра съ утра въ баньку пожалуй... А чтò, на сонъ-отъ грядущій мадерцы рюмочку не искушаешь ли?

Патапъ Максимычъ съ Дюковымъ выпили по рюмкѣ, выпилъ и гостепріимный хозяинъ. Паломникъ мрачно простился съ отцомъ Михаиломъ.

Крѣпко полюбился игуменъ Патапу Максимычу. Больно по нраву пришлись и его простодушное добросердечіе, его на каждомъ шагу замѣтная домовитость и умѣнье вести хозяйство, а пуще всего то, что умѣетъ людей отличать и почетъ воздавать кому слѣдуетъ. «На все гораздъ, — думалъ онъ, укладываясь спать на высоко взбитой перинѣ: — молебенъ ли справить, за чарочкой ли побесѣдовать... Постоянный старецъ!.. Надо наградить его хорошенько!»

Увѣренія игумна насчетъ золота пошатнули нѣсколько въ Патапѣ Максимычѣ сомнѣнье, возбужденное разговорами Силантья. «Не станетъ же врать старецъ Божій, не станетъ же душу свою ломать — не таковъ онъ человѣкъ», — думалъ про себя Чапуринъ и рѣшилъ непремѣнно приняться за золотое дѣло, только испробуетъ купленный песокъ. «Самъ игуменъ

совѣтуетъ, а онъ человѣкъ обстоятельный, не то что̀ Якимъ торопыга. Ему бы все то̀тчасъ вынь да положь».

Въ думахъ о ветлужскихъ сокровищахъ сладко заснулъ Патапъ Максимычъ, богатырскій храпъ его скоро раздался по гостиницѣ. Паломникъ и Дюковъ еще не спали и, заслышавъ храпъ сосѣда, тихонько межъ собой заговорили.

— Экъ его, стараго хрѣна, дернуло! — шепталъ паломникъ. — Чѣмъ бы завѣрять да уговаривать, а онъ въ городъ совѣтуетъ: «Поѣзжай, увѣрься!». Кажется, все толкомъ писалъ къ нему съ Силантьевымъ сыномъ — такъ вотъ поди же ты съ нимъ... Совсѣмъ съ ума выступилъ.

— Что-жъ, пущай его съѣздитъ, — молвилъ Дюковъ.

— Пущай съѣздитъ! — передразнилъ паломникъ пріятеля. — А что̀ Силантій-отъ продалъ ему? Какой у него песокъ-отъ?

— Мяконькій? — улыбнувшись, спросилъ Дюковъ.

— То-то и есть, — отвѣтилъ Якимъ Прохорычъ. — Надо дѣло поправлять.

— Надо, — согласился Дюковъ.

— Ты вотъ что̀ сдѣлай, — говорилъ паломникъ. — Въ баню съ нимъ вмѣстѣ ступай, подольше его задерживай, я управлюсь тѣмъ временемъ. Смекаешь?

— Ладно, — сказалъ Дюковъ.

— Сибирскимъ подмѣню, настоящимъ.

— Понимаю.

— Цѣлковыхъ на триста отсыпать придется, — ворчалъ Стуколовъ. — Ишь оно пустое-то мелево чего сто̀итъ!.. Триста цѣлковыхъ не щепки... Поди-ка выручай потомъ.

— Выручишь! — сказалъ Дюковъ.

— Выручимъ ли съ Патапа, нѣтъ ли, а завтра же я триста цѣлковыхъ со стараго болтуна справлю... Эка языкъ-отъ не держится... Слышалъ?.. Вѣдь онъ чуть-чуть про картинку не брякнулъ...

— Да... Я, признаться, струхнулъ, — молвилъ Дюковъ.

— Писано было ему, старому псу, подробно все писано; и какъ у воротъ подольше держать, и какую службу справить, и какъ принять, и что̀ говорить, и про рыбную пищу писано, и про баню, про все. Прямехонько писано, чтобъ окромѣ золотого песку никакихъ рѣчей не заводилъ. — А онъ гляди-ка ты!

— Да, — согласился Дюковъ.

— Хоть бы тысчонокъ десять съ Патапа слупить, — молвилъ паломникъ. — И за то бы можно было благодарить Создателя... Ну, да утро вечера мудренѣе — прощай, Сампсонъ Михайлычъ.

— Спокойной ночи, — отвѣчалъ, зѣвая, полусонный Дюковъ и, повернувшись на̀ бокъ, заснулъ.

Но паломникъ еще долго ворочался на тюфякѣ — жаль было ему разставаться съ сибирскимъ пескомъ.

Поднялись ранехонько, на зарѣ, часу въ шестомъ. Только узналъ игуменъ, что гости поднимаются, самъ поспѣшилъ въ гостиницу, а тамъ отецъ Спиридоній ужъ возится вкругъ самовара.

— Чтò, гости дорогіе, каково спали-ночевали, весело ли вставали? — радушно улыбаясь, привѣтствовалъ Патапа Максимыча съ товарищами отецъ Михаилъ.

— Важно спали, честный отче! — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Ужъ такъ ты насъ упокоилъ, такъ уважилъ, что вòвѣки не забуду.

— Ахъ, ты, любезненькій мой!.. — говорилъ игуменъ, обнимая Патапа Максимыча. — Касатикъ ты мой!.. Клопы-то не искусали ли?.. Давно гостей-то не бывало, поди гòлодны, собаки... Да не мало-ль у васъ сугрѣву въ кельѣ-то было!.. Никакъ студено?.. Отецъ Спиридоній, вели-ка мальцу печи поскорѣе вытопить, да чтобы скуталъ ихъ вò-время, угару не напустилъ бы.

Молча поклонился гостиникъ и поспѣшилъ исполнить велѣніе настоятеля.

— А въ баньку-то? — спросилъ игуменъ Патапа Максимыча. — Ужъ опарили... Коли жарко любишь, теперь бы шелъ. Мы, грѣшные, за часы пойдемъ, а ты тѣмъ временемъ попарься.

По строгому монастырскому уставу, чтò содержится въ скитахъ, баня не дозволяется. Мыться въ банѣ, купаться въ рѣкѣ, обнажать свое тѣло — великій грѣхъ, а ходить вѣкъ свой въ грязи и всякой нечистотѣ — богоугодный подвигъ, подъятый ради умерщвленія плоти. Возненавидь тѣло свое, смиряй его постомъ, бдѣніемъ, безсчетными земными поклонами, наложи на себя тяжелыя вериги, веселись о каждой ранѣ, о каждой болѣзни, держи себя въ грязи и съ радостью отдавай тѣло на кормленіе насѣкомымъ — вотъ завѣтъ византійскихъ монаховъ, перенесенный святошами и въ нашу страну. Но не весь этотъ завѣтъ исполняется. Старые народные обычаи крѣпко держатся, и баня съ вѣниками, которыми, говорятъ, еще апостолъ Андрей дивовался на Ильмени, удержалась и въ пустыняхъ и въ монастыряхъ, несмотря на греческія проклятья. Не ходятъ въ баню лишь тѣ скитскіе жители, чтò самое подвижное житіе провождаютъ, да и тѣ иную пору не могутъ устоять противъ «демонскаго стрѣлянія» — парятся.

Въ Красноярскомъ скиту отъ бани никто не отрекался, а самъ игуменъ ждетъ, бывало, не дождется субботы, чтобъ хорошенько пропарить грѣшную плоть свою. Оттого банька и

была у него построена на славу: большая, свѣтлая, просторная, съ липовыми полками и лавками, мѣнявшимися чуть не каждый годъ.

Узнавъ изъ письма, присланнаго паломникомъ изъ Лукерьина, что Патапа Максимыча хоть обѣдомъ не корми, только выпарь хорошенько, отецъ Михаилъ тотчасъ послалъ въ баню троихъ трудниковъ съ скобелями и рубанками. и велѣлъ имъ какъ можно чище и глаже выстрогать всю баню — и полки, и лавки, и полъ, и стѣны, чтобы вся была какъ новая. Чуть не съ полночи жарили баню, варили щелоки, кипятили квасъ съ мятой для распариванья вѣниковъ и поддаванья на каменку.

Диву дался Патапъ Максимычъ, войдя въ баню; уваженіе его къ отцу Михаилу удвоилось. Такой баней сроду никто не угощалъ его. Въ передбанникѣ на лавкахъ высоко, въ нѣсколько рядовъ, наложены были кошмы, покрытыя бѣлыми простынями; весь полъ устланъ войлоками, а на нихъ раскидано пахучее сѣно, крытое тоже простынями. Въ банѣ на полкахъ и на лавкахъ настланы были обданные кипяткомъ калуферъ, мята, чаберъ, донникъ *) и другія пахучія травы. На лавкахъ лежали вѣники, стояли мѣдные луженые тазы со щелокомъ и взбитымъ мыломъ, а рядомъ съ ними большіе туеса **), налитые подогрѣтымъ на мятѣ квасомъ для окачиванія передъ тѣмъ, какъ лѣзть на полокъ. На особомъ, крытомъ скатертью столикѣ разложены были суконки, мелко расчесанныя вехотки ***) и куски казанскаго яичнаго мыла.

— Сумѣлъ банькой употчевать отецъ игуменъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ дюжимъ бѣльцамъ, посланнымъ его парить. — Вотъ баня такъ баня, хоть царю въ такой париться. Ай да отецъ Михаилъ!

Двѣ пары вѣниковъ отхлыстали бѣльцы о Патапа Максимыча, а онъ таялъ въ восторгѣ да покрикивалъ:

— Поддавай, поддавай еще!.. Прибавь парку, миленькіе!.. У, жарко!.. Поддавай а ты, поддавай!..

И дюжіе бѣльцы, не жалѣя мятнаго кваса, плескали на спорникъ ****) туесъ за туесомъ и, не жалѣя Патапа Максимыча, изо всей силы хлыстали его какъ огонь жаркими вѣниками.

Вдругъ Патапъ Максимычъ прыгнулъ съ полка и стрем-

---

*) Калуферъ, или капуферъ balsamita vulgaris; чаберъ — satureja hortensis; донникъ — melilotus officinalis.

**) Буракъ, сдѣланный изъ бересты, съ тугою деревянною крышкой.

***) Вехотка— пучокъ расчесаннаго мочала. Суконка — лоскутъ сукна или байки, которымъ мылятся.

****) Крупный булыжникъ въ банной каменкѣ; мелкій зовется «копоплянникомъ».

главъ кинулся къ дверямъ, распахнувъ ихъ, вылетѣлъ вонъ изъ бани и бросился въ сугробъ. Снѣгъ обжегъ раскаленное тѣло, и съ громкимъ гоготаньемъ началъ Чапуринъ валяться по сугробу. Минуты черезъ двѣ вбѣжалъ назадъ и прямо на полокъ.

— Хлыщи жарче, ребятушки!.. Поддавай, поддавай, миленькіе!.. — кричалъ онъ во всю мочь, и бѣльцы принялись хлыстать еще пуще прежняго.

Три раза валялся въ сугробѣ Патапъ Максимычъ, дюжину вѣниковъ отхлыстали объ него здоровенные бѣльцы, цѣлый жбанъ холоднаго квасу выпилъ онъ, запивая банный паръ, насилу-то насилу отпарился.

И, когда легъ въ передбанникѣ на разостланныя кошмы, совсѣмъ умилился душой, вспоминая гостепріимнаго игумна.

— На все гораздъ отецъ Михаилъ, — говорилъ онъ Дюкову: — а ужъ насчетъ бани, просто сказать, первый человѣкъ на свѣтѣ.

— Старецъ хорошій, — чуть слышно промычалъ Дюковъ и задремалъ на кошмѣ. Онъ тоже упарился.

Между тѣмъ какъ Патапъ Максимычъ наслаждался въ банѣ, паломникъ, разсчитавъ время, тихими стопами вышелъ изъ часовни и отправился въ гостиницу. Тамъ заперся изнутри и вошелъ въ келью, гдѣ ночевалъ Патапъ Максимычъ. Порывшись въ его пожиткахъ, скоро нашелъ пузырекъ, взятый у Силантья. Стуколовъ поспѣшно его опорожнилъ и насыпалъ своимъ пескомъ. Положивъ пузырекъ на прежнее мѣсто, паломникъ преспокойно отправился въ часовню и тамъ усердно сталъ поребирать лѣстовку, искоса взглядывая на игумена. Взоры ихъ наконецъ встрѣтились. Смутившійся игуменъ возвелъ очи горѣ.

Въ келарнѣ потрапезовали, когда Патапъ Максимычъ съ Дюковымъ воротились изъ бани. Игуменъ поспѣшилъ въ гостиницу.

— Ну, банька же у тебя, отче!.. — сказалъ Патапъ Максимычъ, низко кланяясь отцу Михаилу. — Спасибо... Вотъ уважилъ, такъ уважилъ!..

— Ахъ, ты, любезненькій мой! Ахъ, ты, касатикъ мой! — восклицалъ игуменъ, обнимая Патапа Максимыча. — Ужъ не взыщи Христа ради на убогихъ нашихъ недостаткахъ... Мы ото всей души, родненькій... Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Не ложно скажу тебѣ, отче, сроду такъ не паривался. Ужъ такая у тебя банька, такая банька, что разсказать невозможно... — говорилъ Патапъ Максимычъ.

— Послѣ баньки-то выкушать надо, — молвилъ игуменъ,

наливая рюмку сорокотравчатой: — да и за столъ милости просимъ. Не взыщи только, любезненькій ты мой Патапъ Максимычъ.

Обѣдъ былъ поданъ обильный, кушаньямъ счету не было. На первую перемѣну поставили разные пироги постные и рыбные. Была кулебяка съ пшеномъ и грибами, была другая съ вязигой, жирами, молоками и сибирской осетриной. Кругомъ ихъ, ровно малыя дѣтки вкругъ родителей, стояли блюдца съ разными пирогами и пряженцами. Какихъ тутъ ни было!.. И кислые подовые на орѣховомъ маслѣ, и пряженцы съ семгой, и ватрушки съ грибами, и оладьи съ зернистой икрой, и пироги съ тѣльнымъ изъ щуки. Управились гости съ первой перемѣною, за вторую принялись: для постника Стуколова поставлены были лапша соковая да щи съ грибами, а разрѣшившимъ постъ уха изъ жирныхъ ветлужскихъ стерлядей.

— Покушай ушицы-то, любезненькій ты мой, — угощалъ отецъ Михаилъ Патапа Максимыча: — стерлядки, кажись, ничего себѣ, подходящія, — говорилъ онъ, кладя въ тарелку дорогому гостю два огромныя звена янтарной стерляди и налимьи печенки. — За ночь нарочно гонялъ на Ветлугу къ ловцамъ. Отъ насъ вѣдь рукой подать, верстъ двадцать. Заходятъ и въ нашу Усту стерлядки, да не часто... Растегайчиковъ въ ушицѣ-то!.. Кушайте, гости дорогіе.

Отработалъ Патапъ Максимычъ и ветлужскую уху и растегайчики. Потрудились и сотрапезники, не успѣли оглянуться, какъ блюдо растегаевъ исчезло, а въ мискѣ на донышкѣ лежали однѣ стерляжьи головки.

— Винца-то, любезненькій ты мой, винца-то благослови, — потчевалъ игуменъ, наливая рюмки портвейна. — Толку-то я мало въ заморскихъ винахъ понимаю, а люди пили да похваливали.

Портвейнъ оказался въ самомъ дѣлѣ хорошимъ, Патапъ Максимычъ не заставилъ гостепріимнаго хозяина много просить себя.

Новая перемѣна явилась на столъ — блюда разсольныя... Тутъ опять явились стерляди разварныя съ солеными огурцами да морковью, кромѣ того поставлены были осетрина холодная съ хрѣномъ, да бѣлужья тёшка съ квасомъ и капустой, тавранчукъ осетрій, щука подъ чеснокомъ и хрѣномъ, нельма съ солеными подновскими огурцами, а постнику грибы разварные съ хрѣномъ, да тертый горохъ съ орѣховымъ масломъ, да каша соковая съ маковымъ масломъ.

За разсольной перемѣной были поданы жареная осетрина, лещи, начиненные грибами, и непомѣрной величины караси.

Затѣмъ сладкій пирогъ съ вареньемъ, левашники, оладьи съ сотовымъ медомъ, сладкіе кисели, кіевское варенье, ржевская пастила и отваренныя въ патокѣ дыни, арбузы, груши и яблоки.

Такой обѣдъ закатилъ отецъ Михаилъ... А приготовлено все было хоть бы Никитичнѣ впору. А наливки одна другой лучше: и вишневка, и ананасная, и поляниковка, и морошка, и царица всѣхъ наливокъ, благовонная сибирская облѣпиха *). А какое пиво монастырское, какіе меда ставленные — чудо. Таково было «учрежденіе» гостямъ въ Красноярскомъ скиту.

Насилу перетащились отъ стола до постелей. Патапъ Максимычъ, какъ завелъ глаза, такъ и пустилъ храпъ и свистъ на всю гостиницу. Отецъ Михей да отецъ Спиридоній едва въ силу убрались по кельямъ, возсылая хвалу Создателю за дарованіе гостя, ради котораго разрѣшили они надокучившее сухоядѣніе, смѣнили гороховую лапшу на диковинныя стерляди и другія лакомыя яства. Отецъ Михаилъ, угощая другихъ, и себя не забывалъ. Не пошелъ онъ къ себѣ въ келью, а, кой-какъ дотащившись до постели паломника, заснулъ богатырскимъ сномъ, поохавъ передъ тѣмъ маленько и сотворивъ не одинъ разъ молитву: «согрѣшихъ предъ Тобою, Господи, чревоугодіемъ, піанственнаго питія вкушеніемъ, объядѣніемъ, невоздержаніемъ»...

Дюковъ тоже завалился на боковую. Одинъ только Стуколовъ остался свѣжимъ и бодрымъ... Когда сотрапезники потащились къ постелямъ, презрительно поглядѣлъ онъ на объѣвшихся, сѣлъ за столъ и принялся писать.

Часа черезъ полтора игуменъ и гости проснулись. Отецъ Спиридоній притащилъ огромный мѣдный кунганъ съ холоднымъ игристымъ малиновымъ медомъ, его не замедлили опорожнить. Послѣ того отецъ Михаилъ сталъ показывать Патапу Максимычу скитъ свой...

И братскія кельи и хозяйственныя постройки срублены были изъ толстаго кондоваго лѣса, а часовня, келарня и настоятельская «стая» изъ такой лиственницы, что ее облюбовалъ бы каждый строитель корабля. Все было пригнано вплотную, ничего не покосилось, ничего не выдалось ни впередъ ни назадъ. Не было на кельяхъ ни вышекъ, ни теремковъ, никакихъ другихъ украшеній, зато глядѣли онѣ богатырскими покоями. Внутри келій не было такъ приглядно и нарядно, какъ въ женскихъ

---

*) Поляника, или княженика — rubus articus; облѣпиха — hippophaë rhamnoides, растетъ только за Уральскими горами.

скитахъ: большіе, тяжелые столы, широкія лавки на толстыхъ, въ цѣлое бревно ножкахъ, изразцовыя печи и деревянныя, столярной работы, божницы въ углахъ—вотъ и все внутреннее убранство. Ни зеркальца, ни картинки на стѣнѣ, ни занавѣски, ни горшковъ съ бальзаминомъ и розанелью на окнахъ, столь обычныхъ въ Комаровѣ и другихъ чернораменскихъ обителяхъ, въ заводѣ не было у красноярской братіи. Только и было сходства съ женскими скитами въ опрятности и удушливомъ запахѣ ладана и восковыхъ свѣчъ. Въ сѣняхъ между кельями понастроено было несчетное число чулановъ, отдѣлявшихся не жиденькими перегородками, а толстыми мшенными срубами. И вездѣ такъ широко и просторно. Не то что въ кельѣ, въ каждомъ чуланѣ съ привольемъ могла бы помѣститься любая крестьянская семья изъ степныхъ, безлѣсныхъ нашихъ губерній.

У отца Михаила заведенъ былъ особый порядокъ: общежитіе шло на ряду съ собственнымъ хозяйствомъ старцевъ. И монахи и бѣльцы получали отъ обители пищу и одежду, но каждый имѣлъ и свои деньги. На эти деньги и ѣли послаще въ своихъ кельяхъ и платье носили получше того, какое каждый годъ раздавалъ имъ казначей. Большею частью старцы Божьи изводили свои денежки на «утѣшеніе», то-есть на чай да на хмельное и разныя къ нему закуски. Рѣдкій день, бывало, пройдетъ, чтобъ честные отцы не сбирались у кого-нибудь вкупѣ: чайку попить, пображничать да отъ писанія побесѣдовать; а праздникъ придетъ, у игумна утѣшаются, либо у казначея. Такъ и коротали дни свои земные ангелы, небесные же человѣки, проводя время то на молитвѣ, то на работѣ, то за утѣшеніемъ. Монастырь былъ богатый, и братія весело поживала во всякомъ довольствѣ и даже избыткѣ.

На конный дворъ пошли, тамъ стояли лошади рослыя, жирныя, откормленныя, шерсть на нихъ такъ и лоснится. Сыплютъ имъ овса, задаютъ сѣна безъ счета, безъ мѣры, зато и кони были не чета деревенскимъ, мужичьимъ клячамъ, слоны слонами. На что хороши разгонныя лошади у Патапа Максимыча, да нѣтъ, далеко имъ до игуменскихъ. Заглянули въ сараи, тамъ телѣги здоровенныя, кибитки съ кожаными верхами и юфтовыми запонами, казанскіе тарантасы, и все это на желѣзныхъ осяхъ съ шинами въ два пальца толщиной, все таково крѣпко да плотно сработано и все такое новое, ровно сегодня изъ мастерской... Отправились на скотный дворъ, тамъ десятка четыре рослыхъ, жирныхъ холмогорскихъ коровъ, любо-дорого посмотрѣть, каждая корова тамбовской

барыней смотритъ. А на птичномъ дворѣ куры всѣхъ возможныхъ породъ, отъ великановъ голландокъ, до крошекъ шпанокъ. Въ особомъ помѣщеньи содержались гуси, утки, индѣйки, цесарки, это ужъ такъ, для охоты и ради «утѣшенія» мірскихъ гостей, посѣщавшихъ честную обитель во время мясоѣдовъ.

Въ работныя кельи зашли, тамъ на монастырскій обиходъ всякое дѣло дѣлаютъ: въ одной кельѣ столярничаютъ и точатъ, въ другой бондарь работаетъ, въ третьей слесарня устроена, въ четвертой иконописцы пишутъ, а тамъ пекарня, за ней квасная. Въ сторонѣ кузница поставлена. И вездѣ кипитъ безустанная работа на обительскую потребу, а иное что̀ и на продажу... Еще была мастерская у отца Михаила, только онъ ея не показалъ.

— Домовитый же ты хозяинъ, отецъ Михаилъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ, возвращаясь въ гостиницу. — Къ тебѣ учиться ѣздить нашему брату.

— Охъ, ты, любезненькій мой! — восклицалъ игуменъ. — Какой ты, право! Ужъ куда тебѣ у нашего брата, убогаго чернца, учиться. Это ты такъ, только ради любви говоришь... Конечно, живемъ подъ святымъ покровомъ Владычицы, нужды по милости христолюбцевъ, нашихъ благодѣтелей, не терпимъ, а чтобъ учиться тебѣ у насъ хозяйствовать, это ты напрасное слово молвилъ.

— Не обыкъ я зря, съ вѣтру говорить, отецъ Михаилъ, — рѣзко подхватилъ Патапъ Максимычъ. — Коли говорю, значитъ, дѣло говорю.

— Ну, ну, касатикъ ты мой! — ублажалъ его игуменъ, замѣтивъ подавленную вспышку недовольства. — Ну, Христосъ съ тобой... На утѣшительномъ словѣ благодаримъ.

И низко-пренизко поклонился Патапу Максимычу.

— Живетъ у меня молодой парень, на всѣ дѣла руки у него золотыя, — спокойнымъ голосомъ продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Приказчикомъ его сдѣлалъ по токарнямъ, отчасти по хозяйству. Больно приглянулся онъ мнѣ — башка разумная. А я старъ становлюсь, сыновьями Господь не благословилъ, помощниковъ нѣтъ, вотъ и хочу я этому самому приказчику не вдругъ, а такъ, знаешь, исподволь, помаленьку домовое хозяйство на руки сдать... А тамъ что̀ Богъ дастъ...

— Что-жъ, дѣло доброе, коли человѣкъ надежный. Облегченіе отъ трудовъ получишь, болѣзный ты мой, — говорилъ отецъ Михаилъ.

— Надежный человѣкъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — А говорю это тебѣ, отче, къ тому, что если, Богъ дастъ, увѣ-

рюсь я въ нашемъ дѣлѣ, такъ я этого самаго Алексѣя къ тебѣ съ извѣстьемъ пришлю. Онъ про это дѣло знаетъ, передъ нимъ не таись. А какъ будетъ онъ у тебя въ монастырѣ, покажи ты ему все свое хозяйство, поучи парня-то... И ему пригодится, и мнѣ на пользу будетъ.

— Ладно, хорошо, любезненькій ты мой, все покажу, обо всякомъ дѣлѣ разскажу, — отвѣчалъ игуменъ. — Что-жъ, какъ ты располагаешься?.. Въ городъ отсюда?

— Сегодня же въ городъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Погости у насъ убогихъ, гость нежданный да желанный, побудь съ нами денекъ-другой, дай наглядѣться на себя, любезненькій ты мой, — уговаривалъ отецъ Михаилъ.

Но Патапъ Максимычъ не внималъ уговорамъ и велѣлъ запрягать лошадей.

На разставаньи написалъ онъ записочку и подалъ ее отцу Михаилу.

— Пошли ты, отче, съ этой запиской работника ко мнѣ въ Красную Рамень на мельницу, — сказалъ онъ: — тамъ ему отпустятъ десять мѣшковъ крупчатки... Это честнôй братіи ко Христову дню на куличи, а вотъ это на сыръ да на красны яйца.

И вручилъ отцу Михаилу четыре сотенныхъ.

— Ахъ, ты, любезненькій мой!.. Ахъ, ты, кормилецъ нашъ! — восклицалъ отецъ Михаилъ, обнимая Патапа Максимыча и цѣлуя его въ плечи. — Пошли тебѣ Господи добраго здоровья и успѣха во всѣхъ дѣлахъ твоихъ за то, что памятуешь сира и убога... Ахъ, ты, касатикъ мой!.. Да что̀ это, право, мало ты погостилъ у насъ? Проглянулъ какъ молодой мѣсяцъ, глядь, анъ ужъ и нѣтъ его.

— Нельзя, отче, нельзя, пора мнѣ, и то замѣшкался... Дома есть нужныя дѣла, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Не забудь же насъ, убогихъ, не покинь святую обитель... Охъ, ты, любезненькій мой!.. Постой-ка, я на дорогу бутылочку тебѣ въ сани-то положу... Эй! отецъ Спиридоній!.. Положи-ка въ кулечекъ облѣпихи бутылочки двѣ либо три, полюбилась давеча она благодѣтелю-то, да поляниковки положь, да морошки.

— Напрасно, отче, право, напрасно, — отговаривался Патапъ Максимычъ, но долженъ былъ принять напутственные дары отца игумна.

Паломникъ съ утра еще жаловался, что ему нездоровится. За обѣдомъ почти ничего не ѣлъ и вовсе не пилъ. Когда отецъ Михаилъ водилъ Патапа Максимыча по скиту, онъ прилегъ, а теперь слабымъ, едва слышнымъ голосомъ увѣрялъ

Патапа Максимыча, что совсѣмъ разнемогся: головы не можетъ поднять.

— Поѣзжай ты въ городъ съ Сампсонъ Михайлычемъ, — говорилъ онъ: — а я здѣсь, Богъ дастъ, пообмогусь какъ-нибудь... Авось эта хворь не къ великой болѣзни.

— Да какъ же мы безъ тебя, Якимъ Прохорычъ?.. — заговорилъ-было Патапъ Максимычъ. — Съ тобой-то бы лучше, ты бы и самъ увѣрился... Дѣло-то было бы тогда безъ всякаго сумнѣнія.

— И теперь знаю, что оно безо всякаго сумнѣнія, ты вѣдь только Ѳома невѣрный, — сказалъ Стуколовъ. — Нѣтъ, не поѣду... не смогу ѣхать, головушки не поднять... Охъ!.. Такъ и горитъ на сердцѣ, а въ голову ровно молотомъ бьетъ.

— Когда-жъ свидимся? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да ужъ, видно, надо будетъ въ Осиповку пріѣхать къ тебѣ, — со стонами отвѣчалъ Стуколовъ. — Коли Господь подниметъ, праздникъ-отъ я у отца Михаила возьму... Охъ!.. Господи помилуй!.. Стрѣльба-то какая!.. Хворому человѣку какъ теперь по распутицѣ ѣхать?.. Охъ... Заступнице усердная!.. А тамъ на Ѳоминой къ тебѣ буду... Охъ!.. Уксусу бы мнѣ, что ли, къ головѣ-то, либо капустки кочанной?..

Отецъ Спиридоній и уксусу и кочанной капусты принесъ. Стуколову обложили голову, но онъ начиналъ бредить, заговорилъ объ Опоньскомъ царствѣ, объ Египтѣ, о Бѣлой-Криницѣ.

— Эка бѣдняга! Какъ его размочалило! Гляди-ка-сь, — тужилъ, стоя, Патапъ Максимычъ.

Дѣлать нечего, поѣхалъ съ однимъ Дюковымъ.

Отецъ игуменъ со всею братіей соборнѣ провожалъ новаго монастырскаго благодѣтеля. Сначала въ часовню пошли, тамъ канонъ въ путь шествующихъ справили, а тутъ до воротъ шли пѣши. За воротами еще разъ перепрощался Патапъ Максимычъ съ отцомъ Михаиломъ и со старшими иноками. Напутствуемый громкими благословеньями старцевъ и громкимъ лаемъ бросавшихся за повозками монастырскихъ псовъ, рѣзво покатилъ онъ по знакомой уже дорожкѣ.

Проводивъ гостя, отецъ Михаилъ пошелъ въ гостиницу къ разболѣвшемуся паломнику.

— Ахъ, ты, старый дуракъ! — вскричалъ больной, вскочивъ съ мѣста и швырнувъ съ головы капусту. — И рѣчью говорено тебѣ, и на письмѣ тебѣ писано, а ты, кисельная твоя голова, что надѣлалъ?.. А?..

— Что-жъ я такого надѣлалъ, Якимушка?.. Кажись, дѣло-то клеится, — трусливо говорилъ отецъ Михаилъ.

— Клентся! — передразнилъ игумна Стуколовъ. — Клентся! Шайтанъ, что ли, тебѣ въ уши-то дунулъ уговаривать его въ городъ ѣхать? Для того развѣ я привозилъ его? Ахъ, ты, безумный, безумный, шитая твоя рожа, вязаный носъ!

— Да что-жъ ты ругаешься, Якимушка?.. Вѣдь онъ и безъ того хотѣлъ въ городъ ѣхать, — оправдывался игуменъ. — Какъ же бы я перечить-то сталъ ему, самъ разсуди.

— Твое дѣло было увѣрять его, тебѣ надо было говорить, что въ городъ нѐ по что ѣздить... А ты что̀ понесъ?.. Эхъ, ты, фофанъ, въ землю вкопанъ!.. Ну, если-бъ онъ сунулся въ городъ съ силантьевскимъ-то пескомъ?.. Самъ знаешь, каковъ онъ... Пропали-бъ тогда всѣ мои труды и хлопоты.

— Прости Христа ради, — отвѣчалъ отецъ Михаилъ. — Признаться, этого мнѣ и на умъ не вспадало.

— То-то и есть. На умъ ему не вспадало!.. Эхъ, ты, сосновая голова, а еще игуменъ!.. Поглядѣть на тебя съ бороды, какъ есть Авраамъ, а на дѣлѣ сосновый чурбанъ, — продолжалъ браниться паломникъ. — Знаешь ли ты, старый хрычъ, что твоя болтовня худо-худо мнѣ въ триста серебромъ обошлась?.. Да эти деньги у меня, братъ, не пропащія, ты мнѣ ихъ вынь да положь... Много ли далъ Патапъ на яйца?.. Подай сюда...

— Да ты постой, погоди, не сбивай меня съ толку, — молилъ отецъ Михаилъ, отмахиваясь рукою. — Скажи путемъ, про какія ты деньги поминаешь?..

— Какъ бы ты ему не совѣтовалъ въ городъ ѣхать, онъ бы не вздумалъ этого, — сказалъ Стуколовъ. — Чапуринъ совсѣмъ въ тебѣ увѣрился, стоило тебѣ слово сказать, ни за что бы онъ не поѣхалъ... А ты околесную понесъ... Да чуть-было и про то дѣло не проболтался... Не толкни я тебя, ты бы такъ все ему и выложилъ... Эхъ, ты, ворона!..

Творя шопотомъ молитву и перебирая лѣстовку, смиренно слушалъ отецъ Михаилъ брань и попреки паломника. По всему видно было, что онъ ужъ не хозяинъ, а безотвѣтный рабъ Стуколова.

— Про какія же деньги ты спрашиваешь, Якимушка? — робко спросилъ онъ. — Кажись, мы съ тобою въ расчетѣ...

— Силантьевъ песокъ подмѣнить надо было... Понялъ?.. Покамѣстъ Чапуринъ парился, я ему сибирскаго на триста цѣлковыхъ засыпалъ.

— Ловко же спроворилъ ты, Якимушка, — съ довольной улыбкой отвѣтилъ игуменъ. — Подай тебѣ Господи добраго здоровья...

— Деньги подай, — протягивая руку, сказалъ Стуколовъ. —

Для того и хворымъ прикинулся я, для того и остался здѣсь, чтобы кровныя денежки мои не пропали... Триста цѣлковыхъ!..

— Да какъ же это, Якимушка?.. За что-жъ мнѣ платить, касатикъ?.. Полно, любезненькій мой, — лебезилъ передъ паломникомъ отецъ Михаилъ.

— Жалкихъ рѣчей на меня не трать, — сухо отвѣтилъ ему Стуколовъ. — Слава Богу, не вечоръ другъ дружку спознали. Деньги давай!.. Ты наболталъ, ты и въ отвѣтѣ.

— Ну такъ и быть, грѣхъ пополамъ — бери полтораста, Якимушка, — сказалъ отецъ Михаилъ.

— А ты узоровъ-то не разводи!.. Самъ знаешь цѣну сибирскому песку. Сказано, триста, и дѣло съ концомъ, — рѣшительно отвѣчалъ Стуколовъ. — Спорить со мной не годится.

— Да уступи сколько-нибудь, возьми хоть двѣ сотенныхъ, — торговался игуменъ.

— Деньги, — крикнулъ паломникъ, схвативъ его за руку.

— Ну, двѣсти пятьдесятъ, — молилъ игуменъ, жалобно глядя на Стуколова.

— Говорятъ тебѣ, деньги! — на всю гостиницу крикнулъ паломникъ.

Дрогнулъ отецъ Михаилъ, отсчиталъ изъ денегъ, данныхъ Патапомъ Максимычемъ, триста цѣлковыхъ и подалъ ихъ Стуколову. Тотъ, не торопясь, вынулъ изъ кармана истасканный кожаный бумажникъ и спряталъ ихъ туда.

— Теперь о дѣлѣ потолкуемъ, — сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ, садясь на кресло. — Садись, отче!

Игуменъ сѣлъ и опустилъ голову.

— Съ моимъ пескомъ Чапуринъ увѣрится,—началъ паломникъ. — Этотъ песокъ хоть на монетный дворъ — настоящій. Увѣрившись, Чапуринъ бумагу подпишетъ, три тысячи на ассигнаціи выдастъ мнѣ. Недѣли черезъ три послѣ того надо ему тысячъ на шесть ассигнаціями настоящаго песку показать, — вотъ, молъ, на твою долю сколько выручено. Тогда онъ пятидесяти тысячъ цѣлковыхъ не пожалѣетъ... Понялъ?

— Дальше-то что̀ же? — спросилъ игуменъ.

— Чать, не впервой, — отвѣтилъ паломникъ.

— Опасно, Якимушка, боязно. Чапуринъ не кто другой. Со всякимъ начальствомъ знакомъ, къ губернатору вхожъ... Не погубить бы намъ себя, — говорилъ игуменъ.

— Обработаемъ, Богъ милостивъ, — сказалъ на то Стуколовъ.

— Развѣ насчетъ картинокъ *)? Тутъ бы смирно сидѣлъ? — прищурясь, молвилъ игуменъ.

---

*) Фальшивыя ассигнаціи.

— На картинки не пойдетъ. Объ этомъ и поминать нечего, — отвѣчалъ рѣшительно Стуколовъ. — Много-ль у тебя земляного-то масла?

— Немного наберется, — отвѣчалъ игуменъ. — Къ масленицѣ осетровъ привезли — полуфунта не нашлось.

— Ожидаешь еще?

— Къ празднику обѣщались.

— Сколько?

— Вѣрно сказать не могу, — отвѣчалъ игуменъ. — Съ сибиряками-то въ послѣдній разъ я еще у Макарья видѣлся; обѣщали за зиму фунтовъ пятокъ переслать, да вотъ что-то не шлютъ.

— По крайности шесть фунтовъ надо Чапурину предоставить, — раздумывалъ Стуколовъ.

— У Дюкова, можетъ, есть?.. — сказалъ отецъ Михаилъ.

— Ни зернышка, — отвѣчалъ паломникъ.

— Здѣшнимъ досыпать?

— Что̀ пустяки-то городить!.. Хлопочи, на Ѳоминой бы шесть фунтовъ сибирскаго было... А теперь ступай. Къ вечеру подводу наряди!..

— Куда-жъ ты? — спросилъ игуменъ.

— А тебѣ что̀ за дѣло? — сказалъ паломникъ. — Ступай съ Богомъ, не мѣшай... Мнѣ надо еще письмо дописать.

Отецъ Михаилъ помолился на иконы, низко поклонился сидѣвшему паломнику и пошелъ-было изъ гостиной кельи. Стуколовъ воротилъ его съ полудороги.

— Картинокъ много? — спросилъ онъ.

— Есть, — шопотомъ отвѣтилъ отецъ Михаилъ.

— Много-ль?

— Синихъ на двѣ тысячи, красныхъ на три съ половиной...

— Что̀ лѣниво сталъ работа̀ть? — слегка усмѣхнувшись, молвилъ паломникъ.

— Боязно, Якимушка, — прошепталъ игуменъ, наклоняясь къ самому уху Стуколова. — Наѣзды пошли частые: намедни исправникъ двое сутокъ выжилъ, становой пріѣзжалъ... Долго-ль до бѣды?..

— Чать не каждый день наѣзжаютъ, а запоры у тебя крѣпкіе, собаки злыя — больно-то трусить, кажись бы, нечего... Давай красныхъ, за кажду сотню по двадцати рублевъ «романовскими» *).

— По тридцати намедни платили, — молвилъ игуменъ.

---

*) Такъ фальшивые монетчики зовутъ настоящія ассигнаціи, по родовой фамиліи Государя.

— Была цѣна, стала другая. Неси скорѣй, получай семьсотъ рублей государевыхъ, — сказалъ Стуколовъ.

— Обидно будетъ, Якимъ Прохорычъ, право, обидно. Никогда такой цѣны не бывало.

— Мало-ль чего прежде не бывало, — подхватилъ Стуколовъ. — Прежде въ монастыряхъ и картинокъ не писали, а нонѣ вотъ пишутъ. Всякому дневи довлѣетъ злоба его.

— Прикинь хошь пять рубликовъ, — жалобно просилъ отецъ Михаилъ.

— Сказано, двадцать, копейки не прикину.

— Ну, три рублевика!

— Ахъ, отче, отче, — покачивая головой, сказалъ отцу Михаилу паломникъ. — Люди говорятъ — человѣкъ ты умный, на свѣтѣ живешь довольно, а того не разумѣешь, что на твоемъ товарѣ торговаться тебѣ не приходится. Ну, не возьму я твоихъ картинокъ, кому сбудешь?.. Не на базаръ везти!.. Бери да не хнычь... По рублику пристегну беззубому на орѣхи... Неси скорѣе.

— По два бы прибавилъ, касатикъ, — клянчилъ игуменъ. — Любезненькій ты мой!.. Право, обидно!

— Не ври, отче, надоѣлъ — неси скорѣе.

— А синихъ не надо? — спросилъ отецъ Михаилъ.

— Синихъ не надо.

— Что̀ такъ? Взялъ бы ужъ заодно.

— Синихъ не надо? — стоялъ на своемъ паломникъ.

— Не все-ль одно? Взялъ бы ужъ и синія. Я бы по двадцати отдалъ.

— Копейки не дамъ, — рѣшительно сказалъ Стуколовъ.

— Да чѣмъ же онѣ тебѣ стали противны? Кажись, картинки хорошія, — уговаривалъ игуменъ.

— То-то и есть, что не хорошія, — подхватилъ Стуколовъ. — Слѣпой увидитъ, какого завода. Тебѣ бы лучше ихъ вовсе не тяпать. Не ровенъ часъ, влопаешься.

— Сбывали же прежде, Якимушка, — молвилъ игуменъ. — Авось, Богъ милостивъ, и теперь сбудемъ... Дай хоть по восьмнадцати.

— И въ руки такую дрянь не возьму, — отвѣчалъ паломникъ. — Погляди-ка на орла-то — хорошъ вышелъ, нечего сказать!.. Курица, не орелъ, да еще одно крыло меньше другого... Мой совѣтъ: спусти-ка ты до грѣха весь пятирублевый струментъ въ Усту̀, кое мѣсто поглубже. Право...

— Пожалуй, что и такъ, — согласился игуменъ. — А послѣдышки-то взялъ бы, родной, право... Не обидь старика, Якимушка... Такъ ужъ и быть, бери по пятнадцати романовскихъ.

— Не надо... Неси красныя...

Замялся игуменъ на мѣстѣ, но Стуколовъ такъ на него крикнулъ, что тотъ почти бѣгомъ побѣжалъ изъ гостиницы.

Минутъ черезъ пять отецъ Михаилъ принесъ красныя картинки и получилъ отъ паломника семьсотъ рублей. Долго опытный глазъ игумна разсматривалъ на свѣтъ каждую бумажку, мялъ между пальцами и оглядывалъ со всѣхъ сторонъ.

Якимъ Прохорычъ усѣлся дописывать письмо.

Переглядѣвъ бумажки, игуменъ заговорилъ-было съ паломникомъ, называлъ его и любезненькимъ и касатикомъ; но касатикъ, не поднимая головы, махнулъ рукой, и сребровудрый Михаилъ побрелъ изъ кельи на цыпочкахъ, а въ сѣняхъ строго-настрого наказалъ отцу Спиридонію самому не входить и никого не пускать въ гостиную келью, не помѣшать бы Якиму Прохорычу.

Глава семнадцатая.

Пріятель, къ которому изъ Красноярскаго скита проѣхалъ Патапъ Максимычъ, былъ отставной горный чиновникъ Колышкинъ. Громко и честно держалось на Волгѣ имя его. Два парохода у него бѣгало, съ Низу пшеницу до Рыбинска возили. Славно бѣгали, а лучше того зарабатывали. Не то что какіе-нибудь одиночные пароходчики, — общества, компаніи завидовали дѣламъ Сергѣя Андреича. Тѣ сердечные, бывало, бьются на пристаняхъ чуть не до водополи, закликàютъ кладчиковъ, задаютъ пшеничникамъ дорогіе обѣды, дюжинами ставятъ передъ ними отборныя вина, проигрываютъ имъ въ трынку да въ горку, а Сергѣй Андреичъ лежитъ себѣ на диванѣ да сигаркой попыхиваетъ. Еще съ середки зимы у него ни заботъ ни хлопотъ, на всѣ путины клади готовы и условія подписаны. Какъ же пароходчикамъ не завидовать Колышкину, какъ не стараться ему ножку подставить?.. Дѣло извѣстное: счàстливымъ быть — всѣмъ досадить... А Сергѣй Андреичъ будто не замѣчаетъ, что глядятъ на него не дружески, смѣшками да шутками ото всякаго норовитъ отойти... А чтобъ кто Сергѣю Андреичу повредилъ хоть какою малостью, того не случилось. Охота вредить была, да спорыньи не было...

Душевный человѣкъ былъ этотъ Сергѣй Андреичъ. Гдѣ онъ — тамъ и смѣхъ и веселье, вонъ изъ бесѣды — хмара на всѣхъ... Любилъ шутку сшутить, людей посмѣшить, себя позабавить. А кто людей веселитъ, за того свѣтъ стоитъ... И любили его, особливо простой народъ.

Съ рабочими былъ строгъ: всяко лыко у него въ строку. Зорко на дѣло глядѣлъ: малости не спускалъ. Ни прогула ни безпорядка, бывало, не проститъ, зато ко всѣмъ справедливъ былъ. И рвались же къ нему на службу, а кто попалъ, тотъ за хозяина и за его добро радъ бывалъ и въ огонь и въ воду. Тѣмъ любъ былъ простонародью Сергѣй Андреичъ, что не было въ немъ ни спеси, ни чванства, ни гордости... Другой, наживя богатство, вздуется какъ тѣсто на опарѣ... близко не подходи: шагаетъ журавлемъ, глядитъ козыремъ и кромѣ своего же брата богатея знать никого не хочетъ. Сергѣй Андреичъ былъ не таковъ... Приди къ нему въ обѣденный часъ хоть самый послѣдній кочегаръ — честь ему и мѣсто, хоть тутъ губернаторъ сиди. Говорили Колышкину пріятели: зачѣмъ же такъ дѣлаетъ, хорошихъ людей обижаетъ, сажая за одинъ столъ со всякою чернотой да мелкотой. «До̀ Бога намъ далеко,—отвѣтитъ, бывало, Сергѣй Андреичъ.—Верстаться съ Господомъ персти земной не приходится, а у Него Свѣта за небесной трапезой иной нищій выше царей сидитъ... А я-то что̀?.. Знатнѣй Бога-то, что ли?.. Аль родомъ-породой выше Его?.. Нѣтъ, братцы, самъ я не княжой, не дворянской крови, самъ изъ мужиковъ... Родитель мой на заводѣ въ засыпкахъ *) жилъ, такъ мнѣ гордиться чѣмъ стать?» Дивовались Сергѣю Андреичу, за угломъ подсмѣивались, за глаза никогда... Да и совѣстно было смѣяться, глядя на его голубые, лучистые глаза, что̀ искрились умомъ, горѣли добромъ и сіяли Божьею правдой...

Родомъ съ Урала былъ. На одномъ изъ тамошнихъ горныхъ заводовъ родитель его крѣпостнымъ мастеромъ значился. Сызмала до̀ смерти кержачилъ онъ **). Человѣкъ былъ домовитый, залежна копейка у него водилась, хоть и не гораздо большая. Была у Андрея Колышкина жена добрая, смиренная, по хозяйству заботная, — Анной звали, былъ сынъ Сергѣй да дочка Маринушка... Жили себѣ Колышкины тихо да ладно, Бога хваля, ближняго любя. И промаячили бы вѣкъ свой на заводѣ, если-бъ юркость да затѣйность Сережи не повернули вверхъ дномъ всю ихнюю жизнь.

Шустрый мальчонокъ росъ, смѣтливый, догадливый, развеселый такой. Десяти лѣтъ ему не минуло, и онъ ужъ всѣ заводскія пѣсни зналъ наизусть, такъ и заливается, бывало,

*) Засыпкой на горныхъ заводахъ зовется рабочій, что̀ въ доменную печь «товаръ» (уголь, флюсъ, руду и толченый доменный сокъ) засыпаетъ.

**) Кержачить — въ Пермской губерніи значитъ раскольничать, кержакъ — раскольникъ. Это слово произошло отъ того, что первые раскольники, поселившіеся на Уралѣ (въ дачахъ Демидовскихъ заводовъ) въ первыхъ годахъ XVIII вѣка, пришли съ Керженца.

звонкимъ голоскомъ па запольныхъ *) хороводахъ. Сережѣ семь лѣтъ минуло, и отецъ, помолясь пророку Науму, чтобъ отрока Сергѣя на умъ наставилъ, далъ ему въ руки букварь да указку и принялся учить его грамотѣ. По вечерамъ, какъ родитель, бывало, съ домны аль съ вагранки **) домой воротится, долбитъ передъ нимъ Сережа: «Азъ, ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій», а утромъ тихонько отъ матери бѣжитъ въ заводское училище, куда родители его не пускали, потому что кержачили... и думали, что училище то басурманское. Тамъ-де учатъ бритоусы, да еще по гражданской грамотѣ, а гражданская грамота святыми отцами не благословенная, пошла въ міръ отъ антихриста. Опять же въ заводскомъ училищѣ цифирной мудрости учатъ, а цифирь—наука богоотводная... Такъ судили-рядили Сережины отецъ съ матерью, а онъ бѣгаетъ себѣ да бѣгаетъ въ училище, а чему тамъ учится, отъ родителей держитъ въ тайнѣ.

Не дошелъ старикъ Колышкинъ съ сыномъ до «святъ, святитель», а тотъ ужъ по толкамъ и по титламъ читаетъ. Засадилъ за Часословъ, а онъ перву каѳизму такъ и рѣжетъ... Диву засыпка дался, что̀ за сынъ такой у него уродился!.. Десяти годовъ нѣтъ, а онъ псалтырь такъ и деретъ, хоть по мертвымъ читать посылай. «Малъ малышокъ—а мудрые пути въ себѣ кажетъ...» — думаетъ отецъ. Далъ ему минею мѣсячную, далъ минею цвѣтную — Сережѣ все ни почемъ... Чему еще учить?.. Одиннадцати годовъ нѣтъ, а мальчуганъ всю кержацкую мудрость произошелъ... И учиться больше нечему... «И откуда мнѣ сіе?—раздумываетъ старикъ.—Ужъ не въ семъ ли отрочати чаяніе нашей благочестной вѣры лежитъ? Не отъ моего-ль рожденія гласъ вѣщанія произыдетъ, не отъ него-ль послѣдуетъ утвержденіе старой вѣры отцовъ нашихъ?»

А между тѣмъ Сережа, играючи съ ребятами, то меленку-вѣтрянку изъ лутошекъ состроитъ, то круподерку либо толчею сладитъ, и все какъ надо быть: и меленка у него мелетъ, круподерка зерно деретъ, толчея сѣмя на сбойну бьетъ. Сводилъ его отецъ въ шахту ***), онъ и шахту сталъ на завалинкѣ рыть.

Въ то время изъ чужихъ краевъ пріѣзжалъ на заводъ его

---

*) Запольными хороводами зовутся тѣ, что̀ бываютъ внѣ завода (селенія при заводахъ зовутся заводами же). Запольемъ зовется на Уралѣ недальнее поле.

**) Домна — большая чугуноплавильная печь. Вагранкой называется малая чугунолитейная печь.

***) Колодецъ для добыванія рудъ.

владѣлецъ. Лѣтнимъ вечеромъ, проходя мимо дома Колышкиныхъ, замѣтилъ онъ мальчугана, копавшагося подъ окнами. Это Сережа шахту закладывалъ. Полюбилось это барину, понравилась и юркость мальчика, его свѣтлый, умный взоръ. Разговорился онъ съ Сережей, и вспало на мысль ему, что изъ засыпкина сына можетъ онъ сдѣлать знаменитаго человѣка, другого Ломоносова — стòитъ только наукамъ его обучить. Наутро старика Колышкина въ контору позвали, вольную для сына выдали и приказъ объявили: снаряжать его для отправки въ Питеръ съ золотухой *).

День — денской безъ шапки, мрачно понуривъ голову, простоялъ засыпка подъ барскими окнами, съ утра дò вечера возлѣ него выла и голосила Анна, Сережина мать... Баринъ остался непреклоннымъ. Завидѣвъ его, Анна ринулась ницъ и, судорожно хвативъ зà ноги барина, зачала причитать отчаяннымъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Баринъ очень удивился, но не могъ понять материнскаго вопля; по-русски не больно горазд былъ... А мать молила его, заклинала всѣми святыми не басурманить ея рожденія, не поганить безгрѣшную душу непорочнаго отрока нечестивымъ ученьемъ, чтò отъ Бога отводитъ, къ бѣсомъ же на пàгубу приводитъ... Насилу оттащили... Не обошлось безъ пинковъ и потасовки, а когда старикъ хотѣлъ отнять жену у десятскихъ, и ему велѣно было десятка два засыпать... Столь горячо радѣлъ заводскій баринъ о насажденіи наукъ въ Россіи... Взглядывая на озлобленные глаза засыпки, на раскосмаченную Анну и плакавшаго навзрыдъ Сережу, утѣшалъ онъ мальчика сладкими рѣчами, подарилъ ему парижскихъ конфетъ и мнилъ о себѣ, что самому Петру Великому будетъ онъ въ вѐрсту, что онъ прямой продолжатель славныхъ его дѣяній — ввожу, дескать, разума свѣтъ въ темный дикій народъ.

Раннимъ утромъ другого дня тронулась съ завода золотуха. Сережу увезли. Къ вечеру старикъ Колышкинъ съ женой и четырнадцатилѣтнею Маринушкой безъ вѣсти пропали...

Межъ тѣмъ заводскій баринъ, убоясь русской стужи, убрался въ чужіе края, на теплыя воды, забывъ про петровскую свою работу и про маленькаго Колышкина. Забылъ бы и Русь, да не могъ: изъ нѣдръ ея зябкій баринъ получалъ свои доходы.

Попавъ на дорогу, Сережа съ пути не свернулъ. Вышелъ изъ него человѣкъ умный, сильный духомъ, работящій. Кончивъ

---

*) Обозъ (транспортъ) съ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, отправляемый раза по два въ годъ.

ученье, поступилъ онъ на службу на сибирскіе казенные заводы, а потомъ работалъ на золотыхъ промыслахъ одной богатой компаніи.

Проѣзжая въ Сибирь, цѣлый мѣсяцъ Сергѣй Андреичъ прожилъ на родномъ Уралѣ. Про отца съ матерью все развѣдывалъ: куда дѣлись, что съ ними сталось... Но ровно вихремъ снесло съ людей память про Колышкиныхъ.

Потужилъ Сергѣй Андреичъ, что не привелъ его Богъ поклониться сѣдинамъ родительскимъ, поплакать на изсохшей груди матери, привѣтить любовью сестру родимую, и поѣхалъ на старое пепелище, на родной заводъ — хоть взглянуть на мѣста, гдѣ протекло дѣтство его...

И на заводѣ про его стариковъ ни слуху ни духу. Не нашелъ Сергѣй Андреичъ и дома, гдѣ родился онъ, гдѣ позналъ первыя ласки матери, гдѣ явилось въ душѣ его первое сознаніе бытія... На мѣстѣ стараго домика стоялъ высокій каменный домъ. Изъ раскрытыхъ оконъ его неслись пѣсни, звуки торбана, дикіе клики пьяной гульбы... Вверхъ дномъ поворотило душу Сергѣя Андреича, бѣжалъ онъ отъ трактира и тотчасъ же уѣхалъ изъ завода.

Въ Сибири Колышкинъ работалъ умно, неустанно и откладывалъ изъ трудовыхъ денегъ копейку на черный день. Но не мимо пословица молвится: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ»... Свѣковать бы въ денно-нощныхъ трудахъ Сергѣю Андреичу, если-бъ нежданно-негаданно не повернула его судьба на иной путь. Вспомнили про сынка родители, за гробомъ его вспомнили.

Какъ-то разъ зимнимъ вечеромъ сидѣлъ Колышкинъ одинъ въ своей рабочей комнатѣ, тишина была мертвая, только изъ сосѣдней горницы раздавались мѣрные удары маятника... Вдругъ кто-то кашлянулъ сзади его. Обернулся Сергѣй Андреичъ — видитъ старика въ длиннополой, осыпанной снѣгомъ сибиркѣ съ заиндивѣлой отъ мороза густой бородой. У него въ рукахъ сундучокъ тагильскаго дѣла *), окованный расписною жестью.

— Что тебѣ? — вскочивъ съ мѣста, спросилъ старика Колышкинъ.

— До твоей милости, Сергѣй Андреичъ, — хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ отвѣчалъ старикъ.

— Кто ты, откуда?

---

*) Въ Тагилѣ (Верхотурскаго уѣзда) дѣлаютъ желѣзные подносы и сундуки изъ кедроваго дерева, обиваютъ желѣзомъ или жестью, раскрашиваютъ яркими красками и кроютъ прочнымъ лакомъ. Эти произведенія зовутся «тагильскимъ дѣломъ».

— Странникъ о Христѣ Іисусѣ, — отозвался невѣдомый гость. — Посылочку принесъ, — прибавилъ онъ, ставя передъ Колышкинымъ сундучокъ и возлѣ него ключъ.

— Отъ кого? — спросилъ Сергѣй Андреичъ.

— Изъ лѣсовъ, — отвѣчалъ странникъ.

— Изъ какихъ лѣсовъ?.. Отъ кого?.. — спрашивалъ Колышкинъ, а самъ, наклонясь, сталъ разсматривать сундучокъ.

Отвѣта не было. Оглянулся Сергѣй Андреичъ, странника слѣдъ простылъ. Ни на дворѣ ни на улицѣ не нашли его. Прислуга Колышкина не видала даже, ни какъ онъ въ домъ вошелъ, ни какъ вышелъ.

Отперъ сундучокъ Сергѣй Андреичъ. Въ немъ свертокъ и письмо, писанное уставомъ.

Сталъ читать:

«Его благородію господину Сергѣю Андреичу Колышкину грѣшнаго инока Серапіона землекасательное поклоненіе съ пожеланіемъ добраго здравія и всякаго земнаго благополучія. За извѣстіе даемъ вашему благородію, что мимошедшаго септемврія въ седьмый день, проживавшій въ нашемъ убогомъ братствѣ болѣе тридцати годовъ инокъ схимникъ Агапитъ отъ сея временныя жизни въ вѣчныя преселися... А отходя сего свѣта, заповѣдалъ мнѣ, недостойному, молитися о немъ, къ вашему благородію, яко сыну по плоти, справить сію посылку. Засимъ прекратя письмо сіе, остаемся доброжелатели вашего благородія, грѣшный инокъ Серапіонъ съ братіею».

Ни числа, ни мѣсяца, ни мѣста, откуда письмо.

Въ сверткѣ лежало пятнадцать тысячъ рублей. Шесть тысячъ были завернуты въ особую бумажку, съ надписью: «лѣта 7343, іулія въ 21 день преставися инокиня Агнія... Лѣта 7345, януарія 15 дня преставися дѣвица Марина».

Только!.. Вотъ и всѣ вѣсти, полученныя Сергѣемъ Андреичемъ отъ отца съ матерью, отъ любимой сестры Маринушки. Много воды утекло съ той поры, какъ оторвали его отъ родной семьи, лѣтъ пятнадцать и больше не видался онъ со сродниками, давно привыкъ къ одиночеству, но, когда прочиталъ письмо Серапіона и записочку на сверткѣ, въ сердцѣ у него захолонуло, и Божій міръ пустымъ показался... Кровь не вода.

Гдѣ, въ какихъ лѣсахъ, въ какихъ пустыняхъ дожили свой вѣкъ старики?.. Въ какихъ обителяхъ вѣчный сонъ смежилъ ихъ очи? На склонѣ ли Уральскихъ горъ, въ пустыняхъ ли Невьянскихъ и Тагильскихъ, иль между Осинскими сход-

цами *), иль на славномъ по всему старообрядству Иргизѣ, или въ лѣсахъ Керженскихъ-Чернораменскихъ?.. Никому не узнать!.. Далеко и вширь и вдаль раскинулась земля Святорусская... Кто изочтетъ въ ней дебри, лѣса и пустыни? Кто извѣдалъ въ ней всѣ «сокровенныя мѣста», гдѣ живутъ и долго еще будутъ жить «люди подъ скрытіемъ», кинувшіе постылую родину «сходцы», доживающіе вѣкъ свой въ незнаемыхъ міру дебряхъ, вдали отъ людей, отъ большихъ городовъ и селеній?.. Развѣ вольный вѣтеръ, что̀ летаетъ о̀тъ моря до̀ моря, да солнце ясное знаютъ про всѣ мѣста сокровенныя!.. Да, они только вѣдали, гдѣ кончили жизнь старики Колышкины...

Но отчего-жъ они, посылая единородному сыну наслѣдство, не послали ему ни привѣтнаго слова, ни родительской ласки, ни даже благословенья?.. Понималъ это Сергѣй Андреичъ... Схимнику Агапиту, инокинѣ Агніи горный чиновникъ былъ чужъ человѣкъ. Не рознь сословія — рознь вѣры разлучила стариковъ съ любимымъ сыномъ... Суровъ, жестокъ завѣтъ старообрядскій: «не подобаетъ родительское благословеніе преподати сыну никоніанину». Коротенькой запиской отецъ съ матерью какъ будто говорили Сергѣю Андреичу: «прими отъ родившихъ тебя тлѣнное земное наслѣдіе, но за гробомъ нѣтъ тебѣ части съ нами... И блудникъ, и тать, и убійца наслѣдуютъ жизнь вѣчную, еретика же самая кровь мученическая очистить не можетъ. Нѣтъ тебѣ части съ нами... Кое убо общеніе Христу съ Веліаромъ?» Такія жестокія понятія казались бы несовмѣстными съ добродушіемъ мягкосердаго, любвеобильнаго нашего народа. Русскому человѣку нѣтъ ничего на свѣтѣ дороже любви родительской, нѣтъ ничего краше семейнаго лада... Откуда-жъ взялась такая жестокость, столь обычная между старообрядцами?.. Изъ чужихъ краевъ она принесена, чуждыми учителями на Русь навѣяна... Безсердечные византійцы, суровые слагатели отшельническихъ уставовъ, дышащіе злобой обличители еретичества древнихъ лѣтъ, мертвящими буквами своихъ писаній навѣяли на нашу добрую страну тлетворный духъ ненависти... Лукавый духъ злобы, подъ видомъ свѣтлаго благочестія, успѣлъ проникнуть даже въ такую крѣпкую, въ такую твердую и любительную семейную среду, какова русская... Сильна была Византія ковар-

*) Такъ на востокѣ Европейской Россіи и въ Сибири зовутъ выходцевъ изъ разныхъ губерній, поселившихся въ обширныхъ, неизвѣданныхъ еще лѣсахъ. Они живутъ не только въ разбросанныхъ по лѣсу зимницахъ и кельяхъ, но иногда цѣлыми деревеньками, не зная ни ревизій, ни податей и никакихъ повинностей.

ствомъ, лестью да хитростью... «Суть же греци льстиви даже до сего дни» — давно сказано и вѣрно сказано первымъ русскимъ писателемъ. Только за то и спасибо Византіи, что по ея милости Русская земля съ римскимъ папой не зналась...

Прошелъ годъ-другой послѣ полученія наслѣдства. Сергѣй Андреичъ живетъ не попрежнему, онъ былъ ужъ человѣкъ съ достаткомъ и вошелъ въ паи по золотымъ пріискамъ... Счастье повезло ему... Въ тайгахъ нашлись богатыя розсыпи, и онъ, какъ участникъ въ дѣлѣ, въ короткое время сталъ богачомъ... Его товарищи по золотому дѣлу были все кабацкіе богатыри, набившіе карманы спаиваньемъ народа смѣсью водки съ водою и дурманомъ... Не лежало къ этимъ людямъ сердце Сергѣя Андреича, сталъ онъ смотрѣть, какъ бы по добру по здорову да прочь отъ нихъ... Раскольничья кровь заговорила... Извѣстно, что во все время винныхъ откуповъ ни одинъ раскольникъ (а между ними много богачей) не осквернилъ рукъ прибыткомъ отъ народной порчи. Былъ одинъ... но того старообрядцы почитали за прокаженнаго.

Женился Сергѣй Андреичъ на дочери кяхтинскаго «компанейщика» и, взявъ за женой цѣнное приданое, отошелъ отъ кабацкихъ витязей. Наскучила ему угрюмая Сибирь, выѣхалъ въ Россію, поселился на привольныхъ берегахъ широкой Волги и занялся торговыми дѣлами больше по казеннымъ подрядамъ.

Къ торговому дѣлу былъ онъ охочъ, да не больно гораздъ. Пріѣхалъ на Волгу добра наживать, пришлось залежныя деньги проживать. Не пошли ему Господь добраго человѣка, ухнули-бъ у Сергѣя Андреича и родительское наслѣдство, и трудомъ да удачей нажитыя деньги, и приданое, женой принесенное. Все бы въ одну яму.

Тотъ добрый человѣкъ былъ Патапъ Максимычъ Чапуринъ. Спозналъ онъ Сергѣя Андреича, видитъ — человѣкъ хорошій, добрый, да хоть ретивъ и уменъ — а взялся не за свое дѣло, оттого оно у него не клеится, а вонъ изъ рукъ валится. Жалко стало ему безсчастнаго Колышкина, и вывелъ онъ его изъ темной трущобы на широкую дорогу.

— Наплюй ты, Сергѣй Андреичъ, на эти анаѳемскіе подряды, послушай меня, стараго торговца̀, — говорилъ Патапъ Максимычъ. — Не ради себя, ради махонькихъ дѣтокъ своихъ послушайся, не пусти ты ихъ съ сумой подъ о̀конья... Вѣрь моему слову — года не минётъ, какъ взвоетъ у тебя мошна — и вонъ изъ кармана по̀йдетъ... Тебѣ ли, другъ, съ

казенными подрядами возжаться?.. Тутъ, милый человѣкъ, надо плутомъ быть, а коль не быть плутомъ, такъ всякое плутовство знать до пяточки, чтобы самого не оплели, не пустили бы по̀-міру. Кинь, ради Христа, подряды... Хоть убытки понесешь — наплевать, развяжись только съ этимъ проклятымъ дѣломъ скорѣй... Знаю я его вдоль и поперекъ... Испробовалъ... А вотъ построй-ка ты лучше пароходишко, это будетъ тебѣ съ руки, на этомъ дѣлѣ не сорвешься. Право, такъ.

Послушался Колышкинъ, бросилъ подряды, купилъ пароходъ. Патапъ Максимычъ на первыхъ порахъ училъ его распорядкамъ, пріискалъ ему хорошаго капитана, приказчиковъ, водоливовъ, лоцмановъ, свелъ съ кладчиками; самъ даже давалъ клади на его пароходъ, хоть и было ему на чемъ возить добро свое... Съ легкой руки Чапурина разжился Колышкинъ лучше прежняго. Года черезъ два по̀крылъ неустойку за неисполненный подрядъ и воротилъ убытки... Прошло еще три года, у Колышкина по Волгѣ два парохода стало бѣгать.

Толстый, дородный, цвѣтущій здоровьемъ и житейскимъ довольствомъ, Сергѣй Андреичъ сидѣлъ, развалившись въ широкихъ, покойныхъ креслахъ, читая письма пароходныхъ приказчиковъ, когда сказали ему о приходѣ Чапурина. Бросивъ недочитанныя письма, рѣзвымъ ребенкомъ толстякъ кинулся навстрѣчу дорогому гостю. Звонко, радостно цѣлуя Патапа Максимыча, кричалъ онъ на весь домъ:

— Крёстный!.. Ты-ль, родной?.. Здорово!.. Здорово!.. Что̀ запропалъ?.. Видо̀мъ не видать, слыхо̀мъ не слыхать!.. Все ли въ добромъ здоровьѣ?

— Ничего — живемъ да хлѣбъ жуемъ,— отвѣчалъ, улыбаясь, Чапуринъ. — Тебя какъ Господь милуетъ?.. Хозяюшка здорова-ль?.. Дѣточки?

Послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ, послѣ длиннаго разговора о кладяхъ на низовыхъ пристаняхъ, о томъ, гдѣ больше оказалось пшеницы на свалѣ: въ Баронскѣ аль въ Балаковѣ, о томъ, каково будетъ лѣтомъ на Харчевинскомъ перекатѣ да на Телячьемъ бродѣ, о краснораменскихъ мельницахъ и горянщинѣ, послѣ чая и плотной закуски, Патапъ Максимычъ молвилъ Колышкину:

— А вѣдь я къ тебѣ съ докукой, Сергѣй Андреичъ. Нарочно для того и въ городъ меня примчало.

— Приказывай, крёстный, что̀ ни велишь, мигомъ исполнимъ, только бы мочи да умѣнья хватило, — отвѣчалъ Колышкинъ.

— Мое дѣло во всей твоей мочи, Сергѣй Андреичъ,—сказалъ Патапъ Максимычъ. — Окромѣ тебя по этому дѣлу на всей Волгѣ другого человѣка, пожалуй, и нѣтъ. Только ужъ Христа ради не яви въ проносъ тайное мое слово.

— Эка что̀ ляпнулъ!—воскликнулъ Колышкинъ.—Не ухороню я тайнаго слова своего крёстнаго!.. Да не грѣхъ ли тебѣ, толстобрюхому, такое дѣло помыслить?.. Аль забылъ, что живу и дышу тобой?.. Теперь мои ребятки бродили бы подъ оконьемъ, какъ бы Господь не послалъ тебя ко мнѣ съ добрымъ словомъ... Обидно даже, крёстный, такія рѣчи слушать — право.

— Ну, ну, не серчай, — говорилъ Патапъ Максимычъ. — Не въ ту силу говорено, что не вѣрю тебѣ... На всякій случай, опаски ради слово молвилось, потому дѣло такое — проносу не любитъ, надо по тайности.

— Ну, сказывай, какое дѣло?—молвилъ Колышкинъ.

— Дѣло такое, Сергѣй Андреичъ, что тебѣ, по твоей наукѣ, оно солнца яснѣй, а нашему брату, человѣку слѣпому, неученому — потемки, какъ есть потемки... Научи уму-разуму...

— Что-жъ такое?

— Видишь ли: у насъ въ лѣсахъ, за Волгой, рѣка есть, Ветлугой зовется... Слыхалъ?

— Знаю,—отвѣчалъ Колышкинъ.—Какъ Ветлугу не знать?.. Не разъ бывалъ и у Макарья на Притыкѣ и въ Бакахъ *). И сюда, какъ изъ Сибири ѣхали — къ жениной роднѣ на Вятку заѣзжали, а оттоль дорога на Ветлугу...

— Ладно, хорошо, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Такъ въ эту самую рѣку Ветлугу пала рѣка Уста̀.

— И Усту̀ знаю и изъ Усты воду пивалъ, — отозвался Колышкинъ.

— Такъ вотъ что̀: межъ Ветлуги и Усты золото объявилось, золотой песокъ, — полушопотомъ молвилъ Патапъ Максимычъ.

Хоть и вѣрилъ онъ Сергѣю Андреичу, хоть не боялся передать ему тайны, а все-таки слово про золото не по маслу съ языка сошло. И когда онъ съ тайной своей распростался, ровно куль у него съ плечъ скатился... Вздохнулъ даже — до того вдругъ такъ облегчило...

А Колышкинъ такъ и помираетъ со смѣху. Полныя розовыя щеки дороднаго пароходчика задрожали, какъ студень, грудь надрывалась отъ хохота, высокій круглый животъ такъ и подпрыгивалъ. Сергѣй Андреичъ закашлялся даже.

---

*) Селенія на Ветлугѣ, въ Варнавинскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи.

— Ветлужское золото!.. Ха-ха-ха!.. Розсыпи за Волгой!.. Ха-ха-ха!.. Не растутъ ли тамъ яблоки на березѣ, груши на соснѣ?.. Рѣки молочныя въ кисельныхъ берегахъ не текутъ ли?.. Ахъ, ты, крёстный, крёстный — уморилъ совсѣмъ!.. Ха-ха-ха!..

— Зачѣмъ гоготать? — молвилъ, нахмурясь, Чапуринъ. — Не выспросивъ дѣла путемъ, гогочешь, ровно гусь на проталинѣ!.. Не слѣдъ такъ, Сергѣй Андреичъ, не ладно... Ты напередъ выспроси, узнай по порядку, вдосталь, да потомъ и гогочи... А то на-ка поди!.. Не пустыя рѣчи говорю — самъ видѣлъ...

Видя досаду Чапурина, Колышкинъ сдержалъ свой смѣхъ.

— Нестаточное дѣло, Патапъ Максимычъ, — молвилъ онъ. — Покажи мнѣ пѣгаго коня, чтобъ одной масти былъ, тогда развѣ повѣрю, что на Ветлугѣ нашлось золото.

— А это что? — рѣзко сказалъ Патапъ Максимычъ, ставя передъ Сергѣемъ Андреичемъ пузырекъ.

Колышкинъ взялъ и только-что успѣлъ приподнять, какъ смѣющееся лицо его думой подернулось. Необычный вѣсъ изумилъ его. Попробовавъ песокъ на оселкѣ, пуще задумался.

— Что? — спросилъ Патапъ Максимычъ, вставая съ дивана.

Колышкинъ ни слова въ отвѣтъ.

Глазъ не спускаетъ съ него Патапъ Максимычъ. Вынулъ Колышкинъ изъ стола вѣски какіе-то, свѣсилъ песокъ, потомъ на тѣхъ же вѣскахъ свѣсилъ его въ водѣ.

— Что? — спросилъ Патапъ Максимычъ, вставая съ дивана.

Колышкинъ опять ни слова.

Видитъ Патапъ Максимычъ — «крестникъ» взялъ какую-то кастрюльку, налилъ въ нее чего-то, песку подсыпалъ, еще что-то подѣлалъ и, отдавая пузырекъ, сказалъ:

— Золото.

Просіялъ Патапъ Максимычъ.

— Видишь! — сказалъ онъ. — А гогочешь!.. Теперь, баринъ, кому надъ кѣмъ смѣяться-то?.. Ась?..

— Гдѣ-жъ его промывали? — спросилъ Колышкинъ. — Промыто хорошо.

— Какъ промывали? — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Никто не мылъ... Изъ земли такое берутъ.

— Не можетъ этого быть, — рѣшительно сказалъ Сергѣй Андреичъ.

— Какъ не можетъ быть? — возразилъ Патапъ Максимычъ. — Я тебѣ говорю, что песокъ изъ земли накопанъ...

— Самъ видѣлъ? — спросилъ, прищурившись, Колышкинъ.

— Хвастать не хочу—самъ не видалъ,—отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Значитъ, люди сказывали, что они такой песокъ прямо изъ земли берутъ? — перервалъ его Колышкинъ.

— Такъ говорили, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ-таки и сказывали, что въ этомъ самомъ видѣ песокъ изъ земли копанъ? — продолжалъ свои спросы Колышкинъ. — Ни про какую промывку не было рѣчи?

— Да,—подтвердилъ Патапъ Максимычъ.

— Мошенники это тебѣ говорили—вотъ что̀!..—съ сердцемъ крикнулъ Сергѣй Андреичъ.

— Какъ мошенники? — вскочивъ съ мѣста, еще громче вскрикнулъ Патапъ Максимычъ. — Развѣ стану я водиться съ мошенниками?

— Не туда, крёстный, гнешь... — молвилъ Колышкинъ. — Не кипятись, слушай, что̀ скажу. Сдается мнѣ, на плутовъ ты попалъ... Денегъ просили?

— Мое дѣло, — нехотя отозвался Патапъ Максимычъ.

— Не тап, тебя-жъ отъ обмана хочу оберечь, — говорилъ Колышкинъ.—Много ли далъ?

— За пузырекъ-отъ? — послѣ нѣкотораго молчанія спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Ну да.

— Сорокъ цѣлковыхъ дадено, — сквозь зубы процѣдилъ Чапуринъ.

— Съ барышомъ поздравляю!—весело усмѣхнувшись, молвилъ Колышкинъ. — Пять сѣренькихъ въ карманъ попало!.. Э-эхъ, Патапъ Максимычъ!.. Кто таковы знакомцы твои, не вѣдаю, а что плуты они, то знаю вѣрно... И плуты они не простые, а большіе, козырные... Маленькій плутъ двухсотъ пятидесяти цѣлковыхъ зря не кинетъ.

— Какіе двѣсти пятьдесятъ цѣлковыхъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да вѣдь въ этой склянкѣ безъ малаго фунтъ чистаго золота, — сказалъ Колышкинъ: — его фунтъ казенна цѣна триста цѣлковыхъ... Какъ же тебѣ за сорокъ-то продали?.. Смекаешь, каковы подкопы ведутъ подъ тебя?

— Невдомекъ! — почесывая затылокъ, молвилъ Патапъ Максимычъ. — Эка въ самомъ дѣлѣ!.. Да нѣтъ, постой, погоди, зря съ толку меня не сшибай... — спохватился онъ. — На Ветлугѣ говорили, что этотъ песокъ не справское золото; изъ него, дескать, надо еще черезъ огонь топить настоящее-то золото... Такіе люди въ Москвѣ, слышь, есть. А неумѣлыми руками зачнешь тотъ песокъ перекаливать, одна гарь оста-

нется... Я и гари той добылъ, — прибавилъ Патапъ Максимычъ, подавая Колышкину взятую у Силантья изгарь.

Икнулось ли на этотъ разъ Стуколову, нѣтъ ли, зачесалась ли у него лѣвая бровь, загорѣлось ли лѣвое ухо — про то не вѣдаемъ. А подошла такая минута, что силантьевская гарь повернула затѣи паломника внизъ покрышкой. Недаромъ шарилъ онъ ее въ чемоданѣ, когда Патапъ Максимычъ въ банѣ нѣжился, недаромъ пытался подмѣнить ее кускомъ изгари съ обительской кузницы... Но нельзя было всѣхъ концовъ въ воду упрятать — силантьевская гарь у Патапа Максимыча о ту пору въ карманѣ была...

Колышкинъ испробовалъ гарь и сказалъ:

— Не отъ того песку... Это отъ сѣрнаго колчедана... Теперь ихнюю плутню насквозь вижу... Знаешь сѣрный колчеданъ?

— Не знаю, что̀ за колчеданъ такой, не слыхивалъ... — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Дресву знаешь?

— Какъ дресвы не знать! — молвилъ Чапуринъ. — По нашимъ мѣстамъ бабы дресвой полы моютъ.

— А какъ ее дѣлаютъ? — спрашивалъ Колышкинъ.

— Спорникъ съ каменки *), берутъ... потолкутъ въ ступѣ, вотъ тебѣ и дресва, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ладно, а замѣчалъ ты когда, что въ древнѣ-то ровно золотыя искорки свѣтятся? — продолжалъ спрашивать Колышкинъ.

— Какъ не замѣчать!.. «Мышинымъ золотомъ» тѣ блестки зовутъ.

— Ну вотъ это «мышиное золото» и есть колчеданъ, — сказалъ Колышкинъ. — Ветлужское золото тоже «мышиное»... Понялъ?..

— Чудно что-то заговорилъ ты, Сергѣй Андреичъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Мышино золото искорками живетъ, блестками такими, а это гляди-ка что̀... — прибавилъ онъ, указывая на пузырекъ.

— Не про это тебѣ говорю, это золото настоящее и брато не на Ветлугѣ, — сказалъ Колышкинъ. — Говорю тебѣ про сѣрный колчеданъ, про тотъ, что̀ у васъ «мышинымъ золотомъ» зовется. Мѣстами онъ гнѣздами въ землѣ лежитъ и съ виду какъ есть золотой песокъ. Только золота изъ него не добудешь, а коли хочешь купоросно масло дѣлать — иная статья — можно выгоду получить... Эта гарь отъ колчедана, а

*) Въ банѣ.

по-вашему отъ мышинаго золота; а песокъ въ склянкѣ не здѣшній. То съ пріисковъ краденое настоящее промытое золото... Берегись, крёстный, подъ твои кошели подкопы ведутъ...

Задумался Патапъ Максимычъ. Не клеится у него въ головѣ, чтобъ отецъ Михаилъ сталъ обманомъ да плутнями жить, а онъ вѣдь тоже увѣрялъ... «Ну пущай Дюковъ, пущай Стуколовъ — кто ихъ знаетъ, можетъ, и впрямь нечистыми дѣлами занимаются, — раздумывалъ Патапъ Максимычъ: — а отецъ-отъ Михаилъ?.. Нѣтъ, не можно тому быть... старецъ благочестивый, игуменъ домовитый... Какъ ему на мошенствѣ стоять?..»

— А богатъ человѣкъ, что̀ песокъ тебѣ продавалъ? — спросилъ Колышкинъ.

— Мужикъ справный, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ однако?

— Денежный человѣкъ, — изба хорошая, кони, коровы, все въ порядкѣ... Баклушами кормится — баклушникъ.

— Не тысячникъ? — спросилъ Колышкинъ.

— Какое тысячникъ! — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Баклушами въ тысячники не влѣзешь... Сотъ семь либо восемь залежныхъ, можетъ-быть, есть, больше наврядъ...

— Двѣсти пятьдесятъ цѣлковыхъ ему деньги?

— Еще бы не деньги!.. Да Силантью цѣлый годъ такихъ денегъ не выручить. За сорокъ-то цѣлковыхъ онъ мнѣ кланялся-кланялся.

— А давно-ль ты его знаешь? — спросилъ Колышкинъ.

— Впервѳй видѣлъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Ночь у него ночевалъ, пообѣдалъ, вотъ и знакомства всего...

— А въ дѣло тебя звали?.. На золото денегъ просили?.. — приставалъ Колышкинъ.

— Было, — нехотя молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Теперь мнѣ все какъ на ладонкѣ, — сказалъ Колышкинъ. — Подумай, Патапъ Максимычъ, статочно ли дѣло баклушнику бобра замѣсто свиньи продать?.. Фунтъ золота за сорокъ цѣлковыхъ!.. Самъ посуди!.. Заманить тебя хотятъ — вотъ что̀!.. Много-ль просили?.. Сказывай, не таи...

— Да на первый разъ не больно много: три тысячи на монету.

— А потомъ?

— А потомъ, коли дѣло на ладъ пойдетъ, пятьдесятъ тысячъ цѣлковыхъ обѣщался имъ дать, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Э!.. Народъ тёртый!.. На свои руки топора не уронитъ... — молвилъ Колышкинъ. — Сибиряки, надо-быть?

— Народъ здѣшній, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Одинъ, правда, жилъ въ Сибири и на пріискахъ золотыхъ, сказываетъ, живалъ...

— Такъ и есть, — подхватилъ Колышкинъ. — Жилъ въ Сибири да выѣхалъ въ Россію «землянымъ масломъ» торговать... Знаю этихъ проходимцевъ!.. Немало народу по̀ міру они пустили, немало и въ острогъ да въ ссылку упрятали... Нѣтъ, крёстный, воля твоя — это дѣло надо бросить.

Задумался Патапъ Максимычъ. Отецъ Михаилъ съ ума нейдетъ... Какъ же это игумну въ плутовскихъ дѣлахъ бывать?

— А ты бы, крёстный, разсказалъ ужъ мнѣ все по порядку, какъ зачиналось дѣло и какъ шло до сихъ поръ, — сказалъ Колышкинъ. — Подумали бы вмѣстѣ — гнилого совѣта отъ меня не услышишь.

Молчитъ Чапуринъ. Хмурится, кусаетъ нижнюю губу и слегка почесываетъ затылокъ. Начинаетъ понимать, что проходимцы его обошли, что онъ, стыдно сказать, ровно малый ребенокъ, повѣрилъ розсказнямъ паломника... Но какъ сознаться?.. Другъ-пріятель — Колышкинъ, и тому какъ сказать, что плуты стараго воробья на кривыхъ объѣхали? Не три тысячи, тридцать бы въ печку кинулъ, только-бъ не сознаться, какъ его ровно Филю въ лапти обули.

— Отчего не сказать всего по ряду? — приставалъ Колышкинъ. — Вдвоемъ посовѣтуемъ, какъ бы тѣхъ плутовъ изловить?

— А чего ради въ ихнее дѣло обѣщалъ я идти? — вдругъ вскрикнулъ Патапъ Максимычъ. — Какъ мнѣ сразу не увидать было ихняго мошенства?.. Затѣмъ я на Ветлугу ѣздилъ, затѣмъ и маяту принималъ... чтобъ развѣдать про нихъ, чтобъ на чистую воду плутовъ вывести... А къ тебѣ въ городъ зачѣмъ бы пріѣзжать?.. По золоту ты человѣкъ знающій, съ кѣмъ же, какъ не съ тобой, размотать ихнюю плутню... Думаешь, вѣрилъ имъ?.. Держи карманъ!.. Нѣтъ, другъ, еще тотъ человѣкъ на свѣтъ не рожденъ, что̀ проведетъ Патапа Чапурина.

— А я-то про что тебѣ говорю? — сказалъ Колышкинъ, вдоль и поперекъ знавшій своего крёстнаго. — Про что толкую?.. Съ перваго слова я смекнулъ, что̀ у тебя на умѣ... Вижу, хочетъ маленько поглумиться, затѣйное дѣло правскимъ показать... Ну что-жъ, думаю, пущай его потѣшится... Другому не спущу, а крёстному какъ не спустить?..

— А! Понялъ же, значитъ, что шутку хотѣлъ надъ тобой сшутить! — самодовольно улыбаясь, молвилъ Патапъ Максимычъ. — Ишь ты!.. На саврасой, братъ, тебя не объѣдешь!

— Не сразу, Патапъ Максимычъ, не вдругъ,—шутливо отвѣтилъ Колышкинъ.—Сами съ усами, на своемъ вѣку тоже кое-какіе виды видали.

— Да ты у меня умный!.. Золотая головушка!..—сказалъ Патапъ Максимычъ, гладя Сергѣя Андреича по головѣ.—Съ тобой говорить не наскучитъ.

— Ну ладно, ладно. Будетъ шутку шутить... Разсказывай, какъ въ самомъ-то дѣлѣ ихня затѣя варилась,—прервалъ Колышкинъ.—Глазкомъ бы посмотрѣть, какъ плуты моего крёстнаго оплетать задумали, — съ усмѣшкой прибавилъ онъ.—Сидятъ, небось, важно, глядятъ задумчиво, не улыбнутся, толкуютъ чинно, степенно... А крёстный себѣ на умѣ, попираетъ смѣхъ на̀ сердцѣ, а самъ бровью не моргнетъ: «толкуйте, молъ, голубчики, распоясывайтесь, выкладайте, что̀ у васъ на умѣ сидитъ, а мнѣ какъ васъ насквозь не видѣть?..» Ха-ха-ха!..

И звонкій хохотъ Колышкина раскатился по высокимъ комнатамъ.

— Экій догадливый!—тоже смѣясь, молвилъ повеселѣвшій Чапуринъ.—Ровно ты, Сергѣй Андреичъ, ту пору промежъ насъ сидѣлъ... Та̀къ ужъ вѣрно ты разсказываешь.

— Такъ ка̀къ же, ка̀къ дѣло-то было?—спрашивалъ Колышкинъ.

И разсказалъ Патапъ Максимычъ Колышкину, какъ пріѣхали къ нему Стуколовъ съ Дюковымъ, какъ паломникъ при всѣхъ гостяхъ, что̀ случилось, расписывалъ про дальнія свои странствія, а когда не стало въ горницѣ женскаго духа, вынулъ изъ кармана мѣшокъ и посыпалъ изъ него золотой песокъ...

— И такіе пошелъ онъ моты разматывать, только слушай,—говорилъ Патапъ Максимычъ.—И стелетъ и мететъ, и вретъ и плететъ, а самъ глазомъ не смигнётъ, ровно нѣтъ и людей передъ нимъ... Занятно мнѣ стало... Думаю: «Постой ты, баламутъ, точи лясы, морочь людей, вываливай изъ себя все до тла, а затѣекъ твоихъ какъ намъ не видать?..» Сродственникъ на ту пору былъ у меня да пріятель старинный — удѣльнаго голову Захлыстина Михайлу Васильевича не слыхалъ ли?.. Мы тому проходимцу будто и повѣрили, а онъ и говоритъ: — «Золотой, дескать, песокъ неподалеку отъ вашихъ мѣстъ объявился—на Ветлугѣ». И давай насъ умаливать: золоты пріиски заявляйте, компанію заводите, милліоны, говоритъ, наживете. А мы: — «Отчего-жъ, молъ, не завести компаніи, Якимъ Прохорычъ,—для че отъ счастья отказываться? Денегъ-то, скажи, много-ль потребуется?» — «На первый разъ,

говоритъ, тысячи три бумажками, а станетъ дѣло на своихъ ногахъ, тысячъ пятьдесятъ серебромъ будетъ надобно». Для видимости согласились мы, по рукамъ ударили. А мнѣ о ту пору требовалось на Ветлугѣ побывать. Ѣдемъ, говорю Стуколову, кажи, гдѣ такой песокъ водится. Поѣхали... Мѣста не показывалъ, а на Силантья, баклушника, навелъ.

— Ну? — спросилъ Колышкинъ смолкшаго-было Патапа Максимыча.

— Силантій и продалъ песокъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Въ лѣсу нарылъ, говоритъ... И другіе завѣряли, что въ лѣсу роютъ.

Кто эти другіе, не сказалъ Патапъ Максимычъ. Вертѣлся на губахъ отецъ Михаилъ, но какъ вспомнятся красноярскія стерляди, почетъ, воздадный въ обители, молебный канонъ, баня липовая съ калуферомъ — языкъ у Патапа Максимыча такъ и заморозитъ... «Возможно-ль такого старца къ пролазу Якимкѣ приравнивать, къ бездѣльнику Дюкову? — думалъ Патапъ Максимычъ. — Обошли, плуты, честнаго игумна... Да нѣтъ, постой, погоди — выведу я васъ на свѣжую воду!..»

— Всѣ, кто тебя ни завѣрялъ, — одна плутовская ватага, — сказалъ наконецъ Колышкинъ: — всѣ одной шайки. Знаю этихъ воровъ — наглядѣлся на нихъ въ Сибири. Ловки добрыхъ людей облапошивать: кого по̀ міру пустятъ, а кого въ поганое свое дѣло до той мѣры затянутъ, что пойдетъ послѣ въ казенныхъ рудникахъ копать настоящее золото.

— Изловить бы ихъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Ловить плутовъ — дѣло доброе, — замѣтилъ Колышкинъ. — Не одного, чай, облупили, на твоемъ только кошелѣ пришлось напороться... Цѣлы теперь не уйдутъ...

— Не уйдутъ!.. Нѣтъ, съ моей уды карасямъ не сорваться!.. Шалишь, кума, — не съ той ноги плясать пошла, — говорилъ Патапъ Максимычъ, ходя по комнатѣ и потирая руки. — Съ меня не разживутся!.. Да нѣтъ, ты то̀ посуди, Сергѣй Андреичъ, живу я, слава Тебѣ, Господи, и дѣла веду не первый годъ... А они со мной ровно съ малымъ ребенкомъ вздумали шутки шутить!.. Я-жъ имъ отшучу!..

— А ты, крёстный, виду не подавай, что разумѣешь ихнюю плутню, — сказалъ Колышкинъ. — Улещай ихъ да умасливай, а самъ мани какъ пташку на силокъ. Да смотри — ловки вѣдь мошенники-то, какъ разъ вьюномъ изъ рукъ выскользнутъ... Вильнетъ хвостомъ, поминай какъ звали.

— Не сорвутся! — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Нѣтъ, не сорвутся! А какъ подумаешь про народъ-отъ!.. — приба-

вилъ онъ, глубоко вздохнувъ и разваливаясь на диванѣ. — Слабость-то какая по̀ людямъ пошла!..

— На скорые прибытки стали падки, — отвѣтилъ Колышкинъ. — А слышалъ ты, какъ ветлужскіе же плуты Максима Алексѣича Зубкова обработали?.. Знаешь Зубкова-то?

— Какъ не знать Максима Алексѣича! — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ. — Ума палата...

— Да денежка щербата, — перебилъ Колышкинъ. — Мягкую бумажку возлюбилъ — переводитъ... И огрѣли-жъ его ветлужскіе мастера — въ острогѣ теперь сидитъ.

— Полно! Какъ такъ? — съ удивленьемъ спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Приходитъ къ нему какой-то проходимецъ изъ вашего скита — Красноярскій никакъ прозывается?..

— Красноярскій! — воскликнулъ Патапъ Максимычъ. — Есть такой... Знаю тотъ скитъ... Что-жъ тако? — спрашивалъ онъ съ нетерпѣньемъ.

— Приходитъ къ Зубкову изъ того скита молодой парень, — продолжалъ Колышкинъ. — О томъ, о семъ они покалякали, знамо — темныя дѣла разомъ не дѣлаются. Подъ конецъ парень двѣ сѣренькихъ Максиму Алексѣичу показываетъ: «купите, дескать, ваше степенство, дешево уступлю, по пятнадцати цѣлковыхъ казенными». Разгорѣлись глаза у Максима Алексѣича — взялъ. Сбылъ безъ сумнѣнія. Да только сбылъ, парень опять лѣзетъ съ сѣренькими, только дешевле двадцати пяти за каждую не беретъ. Максимъ Алексѣичъ и эти взялъ — видитъ — товаръ хорошій. Да для пущаго увѣренья понесъ одну въ казначейство... Приняли... Онъ другую, и ту приняли... Максимъ Алексѣичъ и остальныя понесъ — всѣ взяли. «Эка работа-то важнецкая, — думаетъ: — да съ такой работой можно по скорости милліонъ зашибить». Самъ сталъ красноярскаго парня разыскивать, а тотъ какъ листъ передъ травой. «Такія дѣла, говоритъ, выпали, что надо безпремѣнно на Низъ съѣхать на долгое время, а у меня, говоритъ, на двадцать тысячъ сѣренькихъ водится — не возьмете ли?» Максимъ Алексѣичъ радехонекъ да десять тысячъ настоящими взамѣнъ и отсчиталъ... Да на первой же бумажкѣ и попался — всѣ фальшивыя... Дѣло завязалось — обыскъ... Красноярскія денежки сыскались у Зубкова въ сундукѣ, а парня и слѣдъ простылъ — ищи его, какъ вѣтра въ полѣ... И сидитъ теперь Максимъ Алексѣичъ въ каменныхъ палатахъ за желѣзными дверями...

— Поди же вотъ тутъ! — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Первы-то бумажки парень давалъ ему настоящія, —

продолжалъ Колышкинъ:—а какъ увѣрился Зубковъ, онъ и подсунулъ ему самодѣльщины... Вотъ каковы они, ветлужскіе-то!..

Патапъ Максимычъ задумался. «Какъ же такъ? — было у него на умѣ. — Отецъ-отъ Михаилъ чего смотритъ?.. Морочатъ его, старца Божія!..»

— Да, избаловался народъ, избаловался, — сказалъ онъ, покачивая головой. — Слабость да шаткость по людямъ пошла — отца обмануть во грѣхъ не поставятъ.

— Навострились, крёстный, навострились, — отозвался съ усмѣшкой Колышкинъ. — Всякъ норовитъ на грошъ пятаковъ намѣнять.

— Ослѣпила корысть, — думчиво молвилъ Чапуринъ. — Ослѣпила она всѣхъ отъ большого до малаго, отъ перваго до послѣдняго. Зависть на чужое добро свѣтъ кольцомъ обвила... Послѣдни времена!

— Ну! Заговори съ тобой, тотчасъ доберешься до антихриста, — сказалъ Колышкинъ. — Каки послѣдни времена?.. До насъ люди жили не ангелы, и послѣ насъ не черти будутъ. Правда съ кривдой споконъ вѣка однимъ колесомъ по міру катится.

Замолчалъ Патапъ Максимычъ, а самъ все про отца Михаила размышляетъ. «Неужель и впрямь у него такія дѣла въ скиту дѣлаются!» Но Колышкину даже имени игумна не помянулъ.

Воротясь на квартиру, Патапъ Максимычъ нашелъ Дюкова на боковой. Измаявшись въ дорогѣ, молчаливый купецъ спалъ непробуднымъ сномъ и такіе храпы запускалъ по горницѣ, что сосѣди хотѣли ужъ посылать въ полицію... Нескоро дотолкался его Патапъ Максимычъ. Когда наконецъ Дюковъ проснулся, Чапуринъ объявилъ ему, что песокъ оказался добротнымъ.

— Какъ же теперь дѣло будетъ? — спросилъ, зѣвая во весь ротъ, Дюковъ.

— Какъ лажено, такъ и будетъ, — рѣшилъ Патапъ Максимычъ. — Получай три тысячи. «Куда не шли три тысячи ассигнаціями, — думалъ онъ: — а ужъ изловлю же я васъ, мошенники!»

— Ладно,—отозвался Дюковъ, взялъ деньги, сунулъ въ карманъ и, повернувшись на другой бокъ, захрапѣлъ пуще прежняго.

Вечеромъ выѣхали изъ города. Отъѣхавъ верстъ двадцать, Патапъ Максимычъ разстался съ Дюковымъ. Молчаливый купецъ поѣхалъ во-свояси, а Патапъ Максимычъ поспѣшилъ въ Городецъ на субботній базаръ. Да надо еще было ему хозяйскимъ глазомъ взглянуть, какъ готовятъ на пристани къ погрузкѣ «горянщину».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая.

Лѣса, что̀ кроютъ песчаное Заволжье, прежде сплошнымъ кряжемъ между рѣками Унжей и Вяткой тянулись далеко на сѣверъ. Тамъ соединялись они съ Устюжскими и Вычегодскими дебрями. Въ старые годы тѣ лѣсныя пространства были заселены только по южнымъ окраинамъ — по «раменямъ» — вдоль лѣваго берега Волги, да отчасти по берегамъ ея притоковъ: Линды, Кѐрженца, Ветлуги, Кокша̀ги. По этимъ рѣкамъ изрѣдка стояли деревушки, верстахъ на двадцати и больше одна отъ другой. Тамошній людъ жилъ какъ отрѣзанный отъ остального крещенаго міра. Церквей тамъ вовсе почти не было, и русскіе люди своими дикими обычаями сходствовали съ сосѣдними звѣроловами, черемисой и вотяками; только языкомъ и отличались отъ нихъ. Дѣтей крестили у нихъ бабушки-повитухи, свадьбы-самокрутки вѣнчали въ лѣсу вокругъ ракитова кустика, хоронились заволжа̀не зря, гдѣ попало. «Жили въ лѣсу, молились пенью, вѣнчались вкругъ ели, а черти имъ пѣли», — такъ говаривали московскіе люди про лѣсныхъ обитателей Заволжскаго края...

Иной разъ наѣзжали къ нимъ хлыновскіе попы съ Вятки, но тѣ попы были самоставленники, сплошь да рядомъ вѣнчали они не то что четвертые, шестые да седьмые браки, отъ живой жены или въ близкомъ родствѣ. «Молодецъ попъ-хлыновецъ за пару лаптей на родной матери обвѣнчаетъ» — доселѣ гласитъ пословица про такихъ поповъ. Духовныя власти не признавали ихъ правильными и законными пастырями... Упрекая вятскихъ поповъ въ самочиніи, московскій митрополитъ говорилъ: «Не вѣмы како и нарицати васъ и отъ кого имѣете поставленіе и рукоположеніе» *). Но попы-хлыновцы знать не

---

*) Митрополитъ Геронтій въ восьмидесятыхъ годахъ XV столѣтія.

хотѣли Москвы: пользуясь отдаленностью своего края, они вели дѣла по-своему, не слушая митрополита и не справляясь ни съ какими уставами и чиноположеніями. Такимъ образомъ почва для церковнаго раскола въ заволжскихъ лѣсахъ издавна приготовлена была. И нынѣшніе старообрядцы того края такіе точно, что̀ ихъ предки — духовныя чада наѣзжихъ поповъ-хлыновцевъ. Очень усердны они къ православію, свято почитаютъ старые книги и обряды, но держатся самоставленныхъ или бѣглыхъ поповъ, знать не хотятъ нашихъ архіереевъ. Архіереевъ и поповъ австрійской іерархіи тоже знать не хотятъ.

Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Попы-хлыновцы знать не хотѣли Москвы съ ея митрополитомъ. ихъ духовныя чада — знать не хотѣли царскихъ воеводъ, уклонялись отъ платежа податей, управлялись выборными, судили самосудомъ, московскимъ законамъ не подчинялись. Чуть являлся на краю лѣса посланецъ отъ воеводы или патріаршій десятильникъ, они покидали дома и уходили въ лѣсныя трущобы, гдѣ не сыскали-бъ ихъ ни самъ воевода ни самъ патріархъ.

Съ XVII столѣтія въ непроходимыя заволжскія дебри стали являться новые насельники. Остатки вольницы, что̀ во времена самозванцевъ и лихолѣтья разбоемъ да грабежомъ исходили вдоль и поперекъ чуть не всю Русскую землю, находили здѣсь мѣста безопасныя, укрывавшія удальцовъ отъ припасенныхъ для нихъ кнутовъ и висѣлицъ. Бѣглые холопы, пашенные крестьяне, не смогшіе примириться съ только-что возникшимъ крѣпостнымъ правомъ, отягощенные оброками и податьми, слобожане, лишенные промысловъ, посадскіе люди, бѣглые рейтары, драгуны, солдаты и иные ратные люди ненавистнаго имъ иноземнаго строя: все это вало̀мъ валило за Волгу и ставило свои починки и заимки по такимъ мѣстамъ, гдѣ до того времени человѣкъ ноги не накладывалъ. Смуты и войны XVII вѣка въ корень расшатали народное хозяйство; неизбѣжнымъ послѣдствіемъ явилось множество людей, задолжавшихъ въ казну и частнымъ людямъ. Имъ грозили правежъ или вѣковѣчное холопство; избѣгая того и другого, они тоже стремились въ заволжскіе лѣса. Тогда-то и сложилась пословица: «нечѣмъ платить долгу, дай пойду за Волгу».

Такова была закваска населенія заволжскихъ лѣсовъ, когда во второй половинѣ XVII вѣка явились туда новые насельники, бѣжавшіе изъ селъ и городовъ раскольники.

По скитскимъ преданьямъ, начало старообрядскихъ поселеній въ заволжскихъ лѣсахъ началось чудеснымъ образомъ. Во время «Соловецкаго сидѣнья», когда царскій воевода Ме-

щериновъ обложилъ возмутившихся старообрядцевъ въ монастырѣ Зосимы и Савватія и не выпускалъ оттуда никого, древній старецъ инокъ-схимникъ Арсеній дни и ночи проводилъ на молитвѣ передъ иконой Казанской Богородицы. А та икона была прежде комнатною царя Алексѣя и пожалована имъ въ Соловки еще до патріаршества Никона. Наканунѣ взятія монастыря царскою ратью истомился Арсеній, стоя на молитвѣ, задремалъ. И, будучи въ тонкомъ снѣ, слышалъ онъ гласъ отъ иконы: «Гряди за Мною ничто же сумняся, и гдѣ Я остановлюся, тамо поставь обитель, и пока икона Моя будетъ въ той обители, древлее благочестіе будетъ въ ней процвѣтать». И видѣлъ Арсеній, что икона Богородицы въ выспрь поднялась и въ небесной высотѣ исчезла... Проснулся инокъ-схимникъ, иконы на мѣстѣ не было... На другой день взятъ былъ монастырь. «Соловецкихъ сидѣльцевъ» въ кандалахъ перевезли на матерую землю, и здѣсь Арсенію удалось бѣжать изъ-подъ царскаго караула въ лѣса. Только-что ступилъ онъ въ лѣсную чащу, видитъ икону, передъ которой молился, грядетъ та икона поверхъ лѣса на воздусѣхъ... Идетъ за нею изумленный и трепетный Арсеній. Передъ нимъ деревья разступаются, передъ нимъ сохнутъ непроходныя болота, передъ нимъ невидимая сила валежникъ врознь раскидываетъ. «Чудяся бывшему о немъ», Арсеній идетъ да идетъ за иконою. И стала та икона въ лѣсахъ Чернораменскихъ, неподалеку отъ починка Ларіонова, на урочищѣ Шӑрпанъ. И поставилъ тутъ Арсеній первый скитъ *).

Съ легкой руки соловецкаго выходца старообрядскіе скиты одинъ за другимъ возникали въ лѣсахъ Заволжья. Вскорѣ ихъ появилось больше сотни въ Черной Рамени, въ лѣсахъ Керженскихъ, въ лѣсахъ Рымскихъ и за рѣкой Ветлугой.

Въ скитахъ селились старообрядцы разнаго званія. Въ первыя десятилѣтія существованія раскола, отъ «Никоновыхъ нӧвшествъ» бѣгали не одни крестьяне и посадскіе люди, не одни простые монахи и сельскіе попы. Уходили и люди знатныхъ родовъ, изъ духовенства даже одинъ архіерей сбѣжалъ въ лѣса **). И въ Черной Рамени являлись и знатные люди:

---

*) Шарпанскій скитъ существовалъ сто семьдесятъ лѣтъ и окончательно уничтоженъ въ 1853 году. Въ 1718 году въ немъ было 7 монаховъ и 44 монахини. Въ послѣднее время мужской обители въ немъ уже не было, но женщинъ жило больше сотни. Это былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ строгихъ скитовъ. Икона Казанской Богородицы, почитаемая старообрядцами чудотворною, находится съ 1849 года въ мужскомъ Керженскомъ Благовѣщенскомъ единовѣрческомъ монастырѣ.

**) Александръ, первый епископъ вятскій, бѣжалъ въ 1674 году въ Вычегодскіе лѣса.

изъ предѣловъ Смоленскихъ бѣжали туда Салтыковы, Потемкины и другіе. Основали они свой скитъ неподалеку отъ первоначальнаго скита Шарпанскаго. Давно лѣсомъ поросло старинное жилье богатыхъ и вліятельныхъ старообрядцевъ; но остатки грядъ, погребныхъ ямъ, заросшихъ бурьяномъ могилъ и двѣнадцать надгробныхъ камней до сихъ поръ видны на урочищѣ, прозванномъ «Смольяны»... Въ XVIII столѣтіи въ Комаровскомъ скиту была основана обитель Бояркина, названа такъ отъ того, что была основана княжной Болховской и первоначально вся состояла изъ боярышень. Въ ея часовнѣ на вѣнцѣ иконы Спаса Нерукотвореннаго до послѣдняго времени висѣла Александровская лента съ орденскимъ крестомъ, ее носилъ Лопухинъ, дядя основательницы обители... Въ Оленевскомъ скитѣ одна обитель была основана Анѳисой Колычевой, родственницей святого Филиппа митрополита... Когда старый Улангерскій скитъ въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія сгорѣлъ отъ молніи, ударившей въ пору необычайную, въ самый крещенскій сочельникъ, галицкая помѣщица Акулина Степановна Свѣчина, со своею племянницей Ѳедосьей Ѳедоровной Сухониной, собрала разбѣжавшихся отъ ужаса матушекъ, привела ихъ на рѣчку Козленецъ и поставила тутъ донынѣ существующій Улангерскій скитъ. Всѣ скитскіе жители съ умиленьемъ вспоминали, какое при «боярынѣ Степановнѣ» въ Улангерѣ житіе было тихое да стройное, да такое пространное, небоязное, что заразъ у нея по двѣнадцати поповъ съ Иргиза живало, и полиція пальцемъ не смѣла ихъ тронуть *).

Пребываніе въ нѣкоторыхъ обителяхъ лицъ изъ высшихъ сословій, не прекращавшееся со временъ смоленскихъ выходцевъ, а больше того тѣсныя связи «матерей» съ богатыми купцами столицъ и большихъ городовъ возвышали тѣ обители передъ другими, куда поступали только бѣдныя, хотя и грамотныя крестьянки изъ окрестныхъ селеній. Такія обители считались какъ бы аристократическими, имѣли свои преданія. Этихъ преданій крѣпко держались и за ихъ сохраненіемъ

*) Въ Улангерскомъ скиту, Семеновскаго уѣзда, лѣтъ тридцать тому назадъ жилъ раскольничій инокъ, отецъ Іовъ, у котораго въ томъ же Семеновскомъ уѣздѣ, а также въ Чухломскомъ, были имѣнія съ крѣпостными крестьянами. Этотъ старикъ (Іона Михайловичъ Сухонинъ) былъ родственникъ Свѣчиной, едва ли не племянникъ ея. Въ Улангерѣ, до самой высылки изъ скитовъ постороннихъ лицъ (то-есть не приписанныхъ къ скиту по ревизіи), жили двѣ дворянки, одна еще молоденькая, дочь прапорщика, другая старуха, которую мѣстные старообрядцы таинственно величали «дамою двора его императорскаго величества». Дама эта дѣйствительно по мужу принадлежала къ разряду придворныхъ, но была вдова гофъ-фурьера.

зорко смотрѣли настоятельницы и старшія матери. Входъ въ такія обители, даже въ число работницъ, «трудницъ», не всѣмъ былъ доступенъ. Нужны были для того связи, чье-нибудь покровительство. Большею частью игуменьи и старшія матери наполняли такія обители близкими и дальними своими родственниками. Бѣдныя обители и небольшіе скиты не очень дружелюбно смотрѣли на эти «прегордыя» общины, завидовали ихъ богатству, связямъ и почету, которымъ ото всѣхъ онѣ пользовались.

Спервоначалу скиты Керженскіе, Чернораменскіе были учрежденіями чисто-религіозными, какъ и наши монастыри. Они служили убѣжищемъ, «не хотѣвшимъ новины Никоновы пріяти», но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ религіозный фанатизмъ ослабѣвалъ въ средѣ раскольниковъ, скиты теряли первоначальный характеръ, превращаясь въ рабочія общины съ артельнымъ хозяйствомъ. На дѣлѣ оказалось, что женскіе скиты были способнѣй усвоить такое хозяйство, чѣмъ мужскіе. Въ женскихъ твердо сохранялись и повиновеніе старшимъ и подчиненіе разъ заведеннымъ порядкамъ, тогда какъ въ мужскихъ своеволіе, непокорность старшинамъ и неподчиненіе артельнымъ уставамъ въ корень разрушали общинное устройство. По мѣрѣ того, какъ женскія общежитія умножались и годъ отъ году пополнялись, ряды скитниковъ рѣдѣли, обители ихъ пустѣли и, если не переходили въ руки женщинъ, разрушались сами собою, безо всякаго вмѣшательства гражданской или духовной власти. Ко времени окончательнаго уничтоженія Керженскихъ и Чернораменскихъ скитовъ *) не оставалось ни одного мужского скита; были монахи, но они жили по деревнямъ у родственниковъ и знакомыхъ или шатались изъ мѣста въ мѣсто, не имѣя постояннаго пребыванія. Искатели иноческихъ трудовъ и созерцательной жизни удалялись въ лѣсныя трущобы и тамъ жили совершенными отшельниками въ вырытыхъ землянкахъ, иные въ срубленныхъ коекакъ старческими руками кельяхъ. Но такихъ пустынниковъ было очень немного.

Во всѣхъ общежительныхъ женскихъ скитахъ хозяйство шло впереди духовныхъ подвиговъ. Правда, служба въ часовняхъ и моленныхъ отправлялась скитницами усердно и неопустительно, но она была только способомъ добыванія денежныхъ средствъ для хозяйства. Каждая скитская артель жила подаяніями богатыхъ старообрядцевъ, щедро даваемыми за то, чтобы «матери хорошенько молились». И матери доб-

*) Въ 1853 году.

росовѣстно исполняли свои обязанности: нелѣностно отправляли часовенную службу, молясь о здравіи «благодѣтелей», поминая ихъ сродниковъ за упокой, читая по покойникамъ псалтырь, исправляя сорочины, полусорочины, годины и другія обычныя поминовенія. Подъ именемъ «канонницъ», или «читалокъ», скитскія артели отправляли въ Москву и другіе города молодыхъ бѣлицъ къ богатымъ одновѣрцамъ «стоять негасимую свѣчу», то-есть день и ночь читать псалтырь по покойникамъ «на мѣстѣ ихъ преставленія» и учить грамотѣ малолѣтнихъ дѣтей въ домахъ «христолюбивыхъ благодѣтелей». Отправляли по разнымъ мѣстамъ и сборщицъ съ книжками. Ежегодно къ празднику Пасхи такія сборщицы съѣзжались въ скитъ и привозили значительныя суммы денегъ и цѣлые возà съ припасами разнаго рода и съ другими вещами, нужными въ хозяйствѣ.

Въ стѣнахъ общины каждый день, кромѣ праздниковъ, работа кипѣла съ утра дò ночи. Пряли ленъ и шерсть, ткали новины, пестряди, сýкна; занимались и бѣлоручными работами: ткали шелковые пояски, лѣстовки, вышивали по канвѣ шерстями, синелью и шелкомъ, шили золотомъ, искусно переписывали разныя тетради духовнаго содержанія, писали даже иконы. Но никто на себя работать не смѣлъ, все поступало въ общину и, по назначенью настоятельницы, развозилось въ подарки и на благословенье «благодѣтелямъ», а они сторицею за то отдаривали.

Главною распорядительницей работъ и всего обительскаго хозяйства была игуменья. Ей помогали: уставщица, по часовенной службѣ и по всему, чтò касалось по религіозной части; казначея, у ней на рукахъ было обительское имущество, деньги и всякаго рода запасы, кромѣ съѣстныхъ, — тѣми завѣдывала мать-келарь, въ распоряженіи которой была келарня, то-есть поварня, столовая. Уставщица, казначея, келарь и еще три-четыре, иногда и больше старшихъ матерей, называясь «соборными», составляли нѣчто въ родѣ совѣта настоятельницы, рѣшавшаго обительскія дѣла. При настоятельницѣ обыкновенно «ходила въ ключахъ» особая инокиня, завѣдывавшая частнымъ ея хозяйствомъ — ибо игуменьѣ дозволялось имѣть частную собственность. Мать «ключница» обыкновенно вела обительскую переписку и имѣла не послѣднее мѣсто въ обительскомъ совѣтѣ — «соборѣ», какъ называли его. Иногда въ ключницахъ бывали и бѣлицы. Выборъ ключницы зависѣлъ отъ одной игуменьи.

Таково было внутреннее устройство скитскихъ обителей. Таково было устройство и въ обители Манеѳиной, богатѣй-

шей и многолюднѣйшей изо всѣхъ обителей Комаровскаго скита, стоявшаго на Каменномъ Вражкѣ.

Въ лѣсахъ Черной Рамени, въ верхотинахъ Линды, что̀ пала въ Волгу немного повыше Нижняго, середи лѣсовъ, промежъ топкихъ болотъ выдался сухой островъ. «Каменнымъ Вражкомъ» зовутъ его.

Въ самомъ дѣлѣ, мѣсто тутъ каменистое. Бѣлоснѣжнымъ кварцовымъ пескомъ и разноцвѣтными гальками усыпаны отлогіе берега рѣчекъ, а на поляхъ и по болотамъ тамъ и сямъ торчатъ изъ земли огромные валуны гранита. То осколки Скандинавскихъ горъ, на плававшихъ льдинахъ занесенные сюда въ давнія времена образованія земной коры. За Волгой иное толкуютъ про эти каменныя громады: послѣдніе-де русскіе богатыри, побивъ силу татарскую, похвалялись здѣсь бой держать съ силой небесною и за гордыню оборочены въ камни.

Еще недавно на Каменномъ Вражкѣ стояло обширное селеніе; остатки его цѣлы. Съ виду селеніе то непохоже было на окрестныя деревеньки. Вокругъ его хоть бы крохотная полоска пашни. Не сѣяли, не жали на Каменномъ Вражкѣ, а въ каждомъ амбарѣ закромы̀ круглый годъ ломились отъ насыпного хлѣба. И золотистая пшеница-кубанка, и чистая рожь яранская, и отборное сызранское пшено, и крупная греча, и тяжеловѣсный вятскій овесъ доверха наполняли скитскіе сусѣки. Въ клѣтяхъ и чуланахъ тѣсно бывало отъ мѣшковъ съ пушистою казанской крупчаткой, съ разными солодами и крупа̀ми, тогда какъ споконъ вѣка ни въ единомъ домѣ на Каменномъ Вражкѣ ни сохи ни бороны не бывало. Въ тамошнихъ рѣчонкахъ кромѣ рыбки-молявки ничего не водилось, а въ погребахъ засѣченные въ ледъ пересѣки стаивали полнымъ-полнехоньки съ осетриной, съ бѣлужиной, съ сибирскими рыбами: нельмой, муксунами и другими, а въ кладовыхъ бывали навѣшены жирные донскіе балыки, толстые пуки вязиги, вяленые судаки, лещи, сазаны. Никакого промысла на Каменномъ Вражкѣ не бывало, ни завода ни фабрики, а всякаго добра водилось вдоволь. Люди тамъ какъ въ раю жили — никому не гребтѣлось, какъ концы съ концами по хозяйству свести, откуда добыть деньгу — Богу на свѣчу, себѣ на рукавицы, на соль, на деготь, на ковъ, на приваръ да на штофъ зелена вина, какъ гребтится мужику рядовому. Выдайся годъ дородный, выдайся годъ голодный, стой въ межень на Волгѣ десять четвертей, бреди черезъ нее курица, на Каменномъ Вражкѣ ни думушки нѣтъ ни заботы: будетъ день, будетъ и пища.

Внутри околицы обширнаго селенья не было ни улицы, ни односторонки, ни курмыша. Обнесенныя околицей жилыя строенья и разныя службы были расположены кругомъ обширнаго двора, середи котораго возвышалась часовня. Строенья стояли задомъ наружу, лицомъ на внутренній дворъ. Такое расположеніе домовъ очень давнее: въ старые годы русская община всегда такъ строилась; теперь рѣдко гдѣ сохранился круговой порядокъ стройки, всѣ почти наши селенья какъ по стрункѣ вытянулись въ длинныя улицы или односторонки. За Волгой и въ сѣверныхъ лѣсныхъ пространствахъ кое-гдѣ сохранились еще круговыя поселенья, напоминающія древнюю общинную жизнь предковъ. Таковы были и скиты.

На Каменномъ Вражкѣ въ послѣднее время было до двѣнадцати общинъ «обителей», стоявшихъ отдѣльно. Между ними стояли избенки, гдѣ жили не принадлежавшія къ общинамъ— «сиротами» звались онѣ. Каждое сиротское строенье на свою сторону смотрѣло: избы, обычной деревенской постройки, то жались въ кучу, то отдѣлялись другъ отъ друга и отъ обителей просторными пустырями, огородами, кладбищами. Пустыри покрыты были луговиной, на ней паслись гуси, куры и другія домашнія птицы обительскія, тутъ же стлали новины для бѣленья. Въ огородахъ, окружавшихъ со всѣхъ почти сторонъ каждую обитель, много было грядъ съ овощами, подсолнечниками и макомъ, но ни единаго деревца: великоруссъ—прирожденный врагъ лѣса, его дѣло рубить, губить, жечь, но не садить деревья. Чуть ли не въ одной Манефиной обители на кладбищѣ и возлѣ него росли березы, рябины и черемуха. Плодовыхъ деревьевъ въ скитахъ не бывало — за Волгой земля холодна, не родима, ни яблоковъ, ни вишенъ, ни грушъ не родится. Кладбища середи строеній были и старыя, запущенныя, заросшія бурьяномъ, и новыя, съ покрытыми свѣжимъ дерномъ холмиками и съ деревянными, почернѣвшими отъ дождей и снѣжныхъ сугробовъ столбиками, къ которымъ прибиты мѣдные кресты. Изрѣдка попадались на тѣхъ кладбищахъ деревянные голубцы, еще рѣже надгробные камни.

Строенье въ обителяхъ на Каменномъ Вражкѣ не похоже было ни на городское ни на деревенское. Обыкновенно пять-шесть большихъ бревенчатыхъ избъ на высокихъ подклѣтахъ ставились одна вплоть къ другой, либо отдѣленныя однѣ отъ другихъ тесовыми холодными сѣнями. Строены подъ одну кровлю, соединялись межъ собою сѣнями и крытыми переходами. Такое строенье называлось «стаей» и напоминало допетровскія городскія хоромы зажиточныхъ людей. Въ каждой стаѣ было по пяти, по шести, иногда до десяти теплыхъ гор-

ницъ, каждая съ перегородками чистой столярной работы, иногда ольховыми, иногда ясеневыми. Вокругъ, по стѣнамъ каждой горницы стояли вдѣланныя въ стѣны широкія деревянныя лавки, но въ иныхъ покояхъ были и диваны, и кресла, и стулья краснаго дерева, обитые шерстяной или шелковой матеріей. Въ переднемъ углу каждой горницы поставлена была деревянная божница съ иконами и лампадами, подъ нею висѣла шелковая пелена съ крестами изъ позумента. Свѣтло, сухо было въ тѣхъ горницахъ, а чистота и опрятность такая, что развѣ только домамъ Голландіи можно было поспорить со скитскими кельями.

Кромѣ теплыхъ покоевъ, въ каждой стаѣ много бывало холодныхъ сѣней съ темными чуланами и каморками, переходовъ, тайниковъ. Внизу подъ жилыми покоями устроены были теплыя повалушки, а подъ сѣнями глухіе подклѣты; наверху чердаки, теплыя свѣтелки и холодные лѣтники, вышки и смотрильни, въ которыхъ подъ самою кровлей порублены были на всѣ четыре стороны едва видныя окошечки. Крыши дѣлались обыкновенно въ два теса со «скалой» *), утверждались на застрѣхахъ и по большей части бывали съ «полицами», то-есть съ небольшими переломами въ видѣ полокъ для предупрежденія сильнаго тока дождевой воды. Нѣсколько высокихъ крылецъ и едва видныхъ выходовъ окружали каждую стаю.

Двѣ, три, иногда до десяти стай съ разбросанными между ними избами обычной деревенской постройки, амбарами, погребами, житницами, съ стоявшими ѳдаль сараями, конюшнями, коннымъ и скотнымъ дворами, съ примыкавшими къ строенью огородами, съ однимъ или двумя кладбищами обносились особою изгородью или пряслами изъ дрючковаго лѣса. Это составляло особую общину и называлось «обителью».

Нѣсколько такихъ обителей составляли *скитъ*.

Часовни, саженъ по пятнадцати въ длину, по шести, по семи въ вышину, строились на одинъ ладъ: каждая составляла огромный четырехугольный, бревенчатый, не обшитый тесомъ домъ, съ окнами иногда въ два, иногда въ три ряда, подъ огромною крутою на два ската тесовою кровлей съ крестомъ вмѣсто конька и съ обширною папертью, на которой возвышались небольшія колокольни, давно, впрочемъ, стоявшія безъ колоколовъ. Для призыва къ часовенной службѣ запрещенные колокола замѣнялись «билами» и «клепалами», то-есть повѣ-

---

*) Береста, рядъ которой кладутъ между двумя рядами теса, для прочности крыши, чтобъ не скоро гнила. Въ городахъ запрещено употреблять скалу на крыши въ предупрежденіе пожаровъ, но по деревнямъ она до сихъ поръ въ большомъ употребленіи.

шенными на столбахъ досками, въ которыя колотили деревянными молотками. Въ обителяхъ, не имѣвшихъ часовенъ, внутри главной стаи устраивались обширныя моленныя. Это были тѣ же часовни, но, такъ сказать, домашнія, стоявшія въ одной связи съ кельями.

Вотъ что̀ извѣстно изъ скитскихъ преданій про начало скита Комаровскаго и про обитель матери Манеѳы.

Вскорѣ послѣ «Соловецкаго сидѣнья» на Каменномъ Вражкѣ поселился пришлый изъ города Торжка богатый старообрядецъ, по прозвищу Комаръ. По имени его и скитъ прозвали Комаровымъ. Сначала тутъ было четыре обители, къ концу прошлаго столѣтія было ихъ до̀ сорока, а жителей считалось до двухъ тысячъ.

Долгое время, около ста лѣтъ, Комаровскій скитъ на Каменномъ Вражкѣ былъ незнаменитымъ скитомъ. Въ годъ московской чумы и начала старообрядскихъ кладбищъ въ Москвѣ — Рогожскаго и Преображенскаго *) — началась слава скита Комаровскаго. Въ томъ году пришли на Каменный Вражекъ Игнатій Потемкинъ, Іона Курносый и Манеѳа Старая.

Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ смоленскіе старообрядцы знатныхъ родовъ, Сергій Салтыковъ, Спиридонъ и Ефремъ Потемкины и многіе другіе переселились въ Черную Рамень, неподалеку отъ первоначальнаго скита Шарпанскаго. Впослѣдствіи родственница Сергія, Анна Ивановна, сдѣлалась императрицей, а при Екатеринѣ родственникъ Ефрема и Спиридона сдѣлался великомощнымъ княземъ Тавриды... Во времена силы Салтыковыхъ, въ лѣсахъ заволжскихъ не оставалось родичей Сергія, но Потемкины живали въ Черной Рамени до дней князя Таврическаго. Тамъ, сказываютъ скитскія преданія, жилъ старецъ Игнатій изъ рода Потемкиныхъ, внукъ Спиридонова племянника. Былъ онъ смолоду на службѣ, воевалъ подъ начальствомъ Миниха съ турками и татарами, весь израненный удалился въ Черную Рамень «спасаться» и, будучи старообрядцемъ, постригся въ иноки съ именемъ Игнатія. Когда родичъ его, князь Потемкинъ, возвысился, Игнатій поѣхалъ къ нему въ Петербургъ, показалъ какія-то бумаги, и «великолѣпный князь Тавриды» призналъ раскольничьяго инока своимъ родственникомъ. Съ богатыми дарами щедраго фаворита воротился смиренный инокъ въ лѣса заволжскіе и на Каменномъ Вражкѣ, въ Комаровскомъ скиту, построилъ обитель, прозванную по имени его Игнатьевою. Впослѣдствіи мужская обитель не устояла; подобно другимъ и она сдѣлалась

*) 1771 годъ.

женскою... До послѣдняго времени существованія скитовъ Керженскихъ и Чернораменскихъ хранилась память о томъ, будто старецъ Игнатій Потемкинъ, представленный своимъ родичемъ императрицѣ Екатеринѣ, получилъ какія-то письма императрицыной руки, на основаніи которыхъ нельзя будто бы было никогда уничтожить заведенной имъ обители. По поводу этихъ мнимыхъ писемъ была немалая молва во время уничтоженія скитовъ въ 1853 году... У настоятельницы Игнатьевой обители матери Александры требовали ихъ, но она не могла ничего представить.

До того лѣтъ за двадцать, въ первые годы Елизаветинскаго царствованія, поселилась въ Комаровѣ старая дѣва, княжна Болховская. Она основала обитель Бояркиныхъ, составленную первоначально изъ бѣдныхъ дворянокъ и изъ ихъ крѣпостныхъ женщинъ. На родовой, древняго письма, иконѣ Спаса Нерукотвореннаго повѣсила княжна орденъ Александра Невскаго, принадлежавшій дядѣ ея, сосланному въ Сибирь, Лопухину.

Потемкинъ!.. Княжна!.. Обитель Бояркина!.. Александровскій орденъ!.. Эти слова имѣли сильное обаяніе на раскольниковъ... Со всѣхъ сторонъ текли новые насельники и еще болѣе новыя насельницы на Каменный Вражекъ. И съ тѣхъ поръ Комаровъ скитъ сталъ расти, прочимъ же скитамъ оставалось малитися.

Въ числѣ знаменитыхъ пришельцевъ былъ многоначитанный старецъ Іона, по прозванью Курносый, пришедшій изъ Зауралья, съ заводовъ Демидовскихъ, ублажаемый и доселѣ старообрядцами за ревность по вѣрѣ, за писанія въ пользу старообрядства и за строгую жизнь. Имя его не осталось безслѣднымъ въ исторіи русскаго раскола. Этотъ Іона былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей московскаго старообрядскаго собора 1779 года, утвердившаго «перемазыванье» приходящихъ отъ великороссійской церкви. Его считаютъ праведнымъ. Въ давно запустѣлой и развалившейся обители Іониной, стоявшей рядомъ съ Игнатьевою, цѣла еще могила его, осѣненная огромною елью... «Іонина ель» — предметъ почитанія старообрядцевъ: стволъ ея чуть не весь изгрызенъ. Страдающіе зубною болью приходятъ сюда, молятся за умершаго или умершему и грызутъ растущее надъ могилой его дерево въ чаяніи исцѣленія. И вѣрующіе, какъ сказываютъ, исцѣлѣваютъ.

Тогда же пришла на Каменный Вражекъ Манеѳа Старая. Была она изъ купеческаго рода Осокиныхъ, города Балахны, богатыхъ купцовъ, имѣвшихъ суконную фабрику въ Казани

и мѣдноплавильные заводы на отрогахъ Урала. Управляющіе Демидовскими заводами на Уралѣ были ей также свойственники. Когда Осокины стали дворянами, откинулись они отъ скита раскольничьяго, обитель обѣдняла, и обитель Осокиныхъ прозвалась обителью Разсохиныхъ. Бѣдна и скудна была, милостями матери Манееы только и держалась...

Эти насельники возвысили Комаровскій скитъ передъ другими. Разнеслась о немъ слава по всѣмъ мѣстамъ, отъ Петербурга до Сибири и Кубани, и въ обители его отовсюду полились щедрыя даянія «благодѣтелей». Но самою богатою, самою знатною обителью стала обитель Манееы, отъ того, что въ ней прочно основано было общежительство, строги были уставы общины и не видано, не слыхано было про какое-нибудь отъ нихъ отступленіе. По имени первой настоятельницы называлась она «Манееиной» и своимъ благосостояніемъ обязана была цѣлому ряду домовитымъ, бережливыхъ, распорядительныхъ игуменій, слѣдовавшихъ одна за другой въ продолженіе цѣлаго почти столѣтія.

Но не одна домовитость, не одна бережливость были источниками богатствъ, скопленныхъ въ Манееиной обители въ первые годы ея существованія. Манееа Старая и ея преемница Назарета обогащали обитель свою иными способами.

Шарташъ, Уктусъ, пустыни Висимскихъ лѣсовъ *) были въ постоянныхъ сношеніяхъ со Старой Манееой. Во время оно нерѣдко приходили оттуда на Каменный Вражекъ въ ея обитель возы съ сибирскими осетрами и съ коровьимъ масломъ. Потрошила тѣхъ осетровъ и перетапливала масло всегда сама Манееа Старая, и никого тогда при ней не бывало, а когда померла она, преемница ея игуменья Назарета принялась за то же дѣло... Хоть ни та ни другая объ алхиміи не слыхивали, но изъ осетровыхъ потроховъ и подонковъ растопленнаго масла умѣли добывать чистое золото. Дѣломъ тѣмъ занимались онѣ въ подземельѣ, куда уходили черезъ тайникъ, устроенный въ игуменской стаѣ... Назарета была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда насталъ французскій годъ. Разсказывали, что въ ту страшную пору купцы, бѣжавшіе изъ Москвы отъ непріятеля, привезли Назаретѣ много всякихъ сокровищъ и всякой святыни, привезли будто они это добро на пятистахъ возахъ, и Назарета самое цѣнное спрятала въ таинственное подземелье, куда только передъ большими праздниками одна опускалась и пробывала тамъ по̀ двое, по̀ трое

*) Шарташъ и Уктусъ — большіе скиты по близости Екатеринбурга. Висимскіе лѣса, гдѣ много было скитовъ, — недалеко отъ Нижне-Тагильскаго завода.

сутокъ. Всѣмъ это было на удивленіе. Какъ ни пытались обительскія матери развѣдать тайну игуменьи, никто развѣдать не могъ. Какъ ни спрашивали ее, какъ у ней ни допытывались, молчитъ, бывало, строгая старица, отмалчивается богомольница, никому своей тайны не повѣдая. Много было зависти отъ того по другимъ обителямъ и по малымъ скитамъ. Пошла недобрая молва про матушку Назарету Комаровскую... Въ своей-то обители толковали, что она черезчуръ скупа, что у ней въ подземельѣ деньги зарыты, и ходитъ она туда передъ праздниками казну считать, а за стѣнами обители говорили, что мать Назарета просто-напросто запоемъ пьетъ и, какъ на нее придетъ время, съ боченкомъ отправляется въ подземелье и сидитъ тамъ, покамѣстъ не усидитъ его. Много и другихъ нехорошихъ сплетенъ плели про мать Назарету... Межъ тѣмъ французы ушли изъ Москвы, купцы уѣхали изъ скита, но пожитки оставили у Назареты до лѣта, чтобъ взять ихъ, когда отстроятъ погорѣлые дома въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ Пасхи Назарета умерла и благословила быть въ обители настоятельницей своей племянницѣ Вѣрѣ Іевлевнѣ, съ тѣмъ, чтобъ она постриглась. Хоть молода была Вѣра Іевлевна, тридцати лѣтъ тогда ей не минуло, но всѣ у одра умиравшей Назареты согласились быть подъ ея началомъ. Хотѣли тѣмъ угодить Назаретѣ, очень ее уважая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то у матерей на умѣ было: уйдетъ Вѣра изъ обители, теткины богатства съ собой унесетъ, а останется, такъ все съ ней въ обители останется... Въ самый смертный часъ подозвала мать Назарета Вѣру Іевлевну, велѣла ей вынуть изъ подголовка ключъ отъ подземелья и взяла съ нея зарокъ со страшнымъ заклятьемъ самой туда ходить, но другихъ никого не пускать. «Тамъ найдешь бумагу, въ ней все написано»,—сказала умиравшая, и это были послѣднія слова ея... Когда Вѣра, схоронивъ тетку, въ первый разъ спустилась въ подземелье, воротилась отъ страха полумертвая, но потомъ однакоже чаще да чаще стала туда похаживать... Зачали говорить ей матери: «Вѣра Іевлевна, не пора-ль тебѣ, матушка, ангельскій чинъ воспріять, черную рясу надѣть, чтобы быть настоящей игуменьей по благословенію покойницы матушки». Но Вѣра Іевлевна недѣлю за недѣлей откладывала, и такъ прошло мѣсяца съ три... И случился тутъ соблазнъ, какого не бывало въ скитахъ Керженскихъ, Чернораменскихъ, съ тѣхъ поръ, какъ зачинались они... Молодая настоятельница ушла въ подземелье и нѣсколько дней не возвращалась... Ждутъ-пождутъ ее, съ недѣлю времени прошло, слышатъ, что Вѣра повѣнчана въ Пучежѣ съ купецкимъ сыномъ Гудковымъ, и

повѣнчана-то въ православной церкви... Прямо изъ-подъ вѣнца она уѣхала съ мужемъ въ Москву... Выбрали матери новую настоятельницу, мать Екатерину, ту самую, при которой Манеѳа Чапурина въ обитель вступила. Когда Екатерина, нѣсколько дней погодя, вмѣстѣ со старшими матерями чрезъ тайникъ спустилась въ подземелье, кромѣ пустыхъ сундуковъ тамъ ничего не нашли... Въ углу подземелья была отыслана дверь, отворили ее, а тамъ ходъ. Пошли тѣмъ ходомъ, шлишли, и вышли въ лѣсъ, на самое дно Каменнаго Вражка... Матери перепугались, исправникъ, молъ, узнàетъ, бѣда; зарыли и ходъ и подземелье. И только-что кончили это дѣло, на другой же день, Богъ знаетъ отчего, загорѣлась келья матери Назареты, и стая сгорѣла до тла... Пріѣхали купцы изъ Москвы за своимъ добромъ. Чтò въ обительскихъ кладовыхъ было спрятано, получили обратно, но золото, серебро, жемчуги и другія драгоцѣнныя вещи такъ и пропали. Зато мужъ Вѣры Іевлевны переѣхалъ въ Петербургъ, богачомъ сдѣлался... коммерціи совѣтникъ, въ орденахъ, знатные люди у него обѣдывали... Но чужое добро въ прокъ нейдетъ: саломъ на биржѣ большія дѣла дѣлалъ, но прогорѣлъ, самъ умеръ въ недостаткахъ, дѣти чуть не по міру ходили.

Темная исторія Вѣры Іевлевны не повредила Манеѳиной обители. Мать Екатерина, умная и строгая женщина, сумѣла поддержать былую славу ея. Ни съ Москвой, ни съ Казанью, ни съ уральскими заводами связи не были ею порваны. Правда, къ матери Екатеринѣ не привозили осетровъ и масла съ золотомъ, а изъ Москвы именитые купцы перестали наѣзжать за добытымъ въ скитскомъ подземельѣ песочкомъ, но подаянія не оскудѣвали, новая игуменья съ нужными людьми ладить умѣла.

Мать Манеѳа была вся въ свою предшественницу Екатерину. Обитель при ней процвѣла.

Она считалась лучшей обителью не только во всемъ Комаровѣ, но и по всѣмъ скитамъ Керженскимъ, Чернораменскимъ. Середи ея, на широкой полянѣ, возвышалась почернѣвшая отъ долгихъ годовъ часовня, съ темной, поросшей бѣлесоватымъ мхомъ кровлей. До трехъ тысячъ иконъ мѣстныхъ, среднихъ и штилистòвыхъ стояли въ большомъ и въ двухъ малыхъ придѣльныхъ иконостасахъ, а также на полкахъ по всѣмъ стѣнамъ часовни. Въ серединѣ большого пятиируснаго иконостаса, поставленнаго у задней стѣны на возвышенной солеѣ, находились древнія царскія двери замѣчательной рѣзьбы, по сторонамъ ихъ стояли мѣстныя иконы въ серебряныхъ ризахъ съ подвѣшенными пеленами, парчевыми или бархатными,

расшитыми золотомъ, украшенными жемчугомъ и серебряными дробницами. Передъ ними ставлены были огромные серебряные подсвѣчники съ пудовыми свѣчами. Древній Деисусъ съ ликами апостоловъ, пророковъ и праотцевъ возвышался на вызолоченномъ тяблѣ старинной искусной рѣзьбы. Съ потолка спускалось нѣсколько паникадилъ съ прорѣзными золочеными яблоками, съ серебряными перьями, съ рѣпьями и витыми усами. Малые образа древней иконописи, разставленные по полкамъ, были украшены ризами оброннаго, сканнаго и басменнаго дѣла съ жемчужными цатами и ряснами *). Тутъ были иконы новгородскаго пошиба, иконы строгановскихъ писемъ перваго и второго, иконы фряжской работы царскихъ кормовыхъ зографовъ Симона Ушакова, Николы Павловца и другихъ. Все это когда-то хранилось въ старыхъ церквахъ и монастыряхъ или составляло завѣтную родовую святыню знатныхъ людей до-петровскаго времени. Доброхотные датели и невѣжественные настоятели, ревнуя не по разуму о благолѣпіи дома Божія, замѣняли въ своихъ церквахъ драгоцѣнную старину живописными иконами и утварью въ такъ-называемомъ новомъ вкусѣ. Напудренные внуки бородатыхъ бояръ сбывали лежавшее въ ихъ кладовыхъ дѣдовское благословеніе, какъ ненужный хламъ, и на вырученныя деньги накупали севрскаго фарфора, парижскихъ гобеленовъ, рѣдкостныхъ табакерокъ и породистыхъ рысаковъ, или растранжиривали ихъ съ заморскими любовницами. Старообрядцы, не жалѣя денегъ, спасали отъ истребленія неоцѣненныя сокровища родной старины, собирая ихъ въ свои домà и часовни. Немало такихъ сокровищъ хранилось въ обители матери Манеѳы. Были тутъ и комнатныя иконы старыхъ царей, и наслѣдственныя святыни знатныхъ до-петровскихъ родовъ, и драгоцѣнныя

*) *Дробница* — металлическая бляха съ священными изображеніями, служила въ старину украшеніемъ богослужебныхъ облаченій, пеленъ, образныхъ окладовъ, архіерейскихъ шапокъ и пр. *Оброннымъ дѣломъ* называлось въ старину такое металлическое производство какой-либо утвари, когда посредствомъ глубокой рѣзьбы получались выпуклыя рельефныя изображенія. *Сканное* или филиграновое дѣло объясняется самымъ названіемъ отъ слова «скать», то-есть сучить: «сканье» — сученье, «сканный» — сученый. Въ сканномъ дѣлѣ обыкновенно свивали, или скручивали вмѣстѣ двѣ металлическія проволоки, изъ чего потомъ составляли разные узоры въ сѣтку. Сканнымъ дѣломъ называлась вообще всякая сквозная сѣтчатая работа. Сканное дѣло — самая изящная работа изо всѣхъ старинныхъ русскихъ металлическихъ работъ. *Басменнымъ дѣломъ* называлась выбивка фигуръ и узоровъ на тонкихъ плющенныхъ металлическихъ листахъ. *Цата* — полукруглая или сердцеобразная металлическая подвѣска у иконъ подъ ликомъ, прикрѣпленная къ краямъ вѣнца. *Рясно* — ожерелье или подвѣски, поднизи.

рукописи, и всякаго рода древняя церковная и домашняя утварь.

Вкругъ часовни были расположены обительскія стаи. Та, что̀ стояла прямо противъ часовенной паперти, была и выше и обширнѣй другихъ. Здѣсь жила сама игуменья со своими наперсницами. Изъ этой стаи выдавалась впередъ большая пятистѣнная *) ея келья, съ пятью окнами по лицу, по два на каждой боковой стѣнѣ. Съ одной стороны въ келью вело высокое, широкое крыльцо подъ навѣсомъ, съ другой былъ маленькій выходъ изъ подклѣта. Надъ самой игуменьиной кельей возвышалась свѣтлица въ видѣ теремка, съ двумя окнами, убранными вокругъ рѣзнымъ узорочьемъ. Здѣсь въ лѣтнее время живали племянницы матушки Манееы и Дуня, дочь богатаго купца, рыбнаго торговца Смолокурова, когда онѣ воспитывались въ ея обители.

Поближе къ часовнѣ стоялъ небольшой новенькій деревянный домикъ, вовсе непохожій на скитскіе. Онъ былъ строенъ по-городскому. Пять большихъ лицевыхъ оконъ этого домика съ бемскими стеклами и блестящимъ мѣднымъ приборомъ весело глядѣли на сумрачную обитель. Сквозь стекла виднѣлись шелковыя занавѣски съ аграмантомъ, клѣтки съ канарейками, горшки съ цвѣтами. Домикъ обшитъ былъ тесомъ, выкрашеннымъ въ дикую краску, крыша желѣзная ярко-зеленаго цвѣта. Передъ окнами невысокимъ рѣшетчатымъ заборомъ огороженъ былъ палисадникъ, занесенный теперь сугробомъ, изъ котораго поднималось десятка полтора обверченныхъ въ кошмы и рогожи молодыхъ деревьевъ. Въ томъ уютномъ домикѣ жила двадцатисемилѣтняя бездѣтная вдова изъ богатаго купеческаго дома, Марья Гавриловна Масляникова. Овдовѣвъ, поселилась она у Манеоы въ обители, не вступая въ общежительство. Домъ построила на свой счетъ и жила въ немъ своимъ хозяйствомъ. Ее всѣ любили, уважали за строгую жизнь и доброту, а еще больше за ея богатство.

Неподалеку отъ игуменьиной стаи стояла обширная, почернѣвшая отъ времени изба на высокомъ подклѣтѣ, но безъ свѣтлицъ и повалушъ. Это «келарня». Тутъ была общая обительская трàпеза, стряпущая и кладовая съ разными запасами. Рядомъ съ келарней стояли погреба. Въ трàпезѣ на темныхъ бревенчатыхъ стѣнахъ повѣшены были иконы съ горѣвшими передъ ними лампадами, отъ входа до самыхъ почти переднихъ оконъ въ три ряда поставлены были длинные столы, вокругъ нихъ переметныя скàмьи. Здѣсь не только

*) Пятистѣнною избой, пятистѣннымъ домомъ зовутъ строеніе, состоящее изъ двухъ срубовъ.

могли обѣдать всѣ жительницы Манеѳиной обители, — а было ихъ до сотни, — доставало мѣста и постороннимъ, приходившимъ изъ деревень на богомолье, или погостить у гостепріимныхъ матерей и послаще поѣсть за иноческою трапезой. Въ переднемъ концѣ средняго стола стояли старинныя кресла, обитыя побурѣвшею отъ времени, бывшею когда-то черной кожей съ мѣдными гвоздиками. Передъ креслами на столѣ стояла кандія съ крестомъ на верхушкѣ. Въ переднемъ углу келарни, подъ кіотомъ съ иконами, лежало нѣсколько книгъ въ старыхъ черныхъ переплетахъ, стояли кацѣя и ладанница *). Передъ образами стоялъ складной кожаный налой, за нимъ во время трапезы читали положенное Уставомъ на тотъ день поученіе или житіе святого, память котораго въ тотъ день праздновалась.

Келарня служила и сборнымъ мѣстомъ жительницъ обители. Сюда сходились старшія матери на соборы для совѣщаній о хозяйственныхъ дѣлахъ, для раздачи по рукамъ денежной милостыни, присылаемой благодѣтелями, здѣсь на общемъ сходѣ игуменья съ казначеей учитывала сборщицъ и канонницъ, возвращавшихся изъ поѣздокъ, сюда сбѣгались урвавшіяся отъ «трудовъ» бѣлицы промежъ себя поболтать, здѣсь же бывали по зимнимъ вечерамъ «сўпрядки». Съ гребнями, съ прялками, съ пяльцами, съ разнымъ шитьемъ и всякимъ рукодѣльемъ послѣ вечеренъ бѣлицы и инокини, которыя помоложе, работали вмѣстѣ вплоть до ужина подъ надзоромъ матушки-келаря. На сўпрядки прихаживали дѣвицы и изъ другихъ обителей. Поэтому обители чередовались сўпрядками: въ одну сбирались по понедѣльникамъ, въ другую по вторникамъ, кромѣ субботы и кануновъ праздничныхъ дней. Въ Манеѳиной келарнѣ сўпрядки по четвергамъ бывали.

Глава вторая.

Въ одинъ изъ такихъ четверговъ, незадолго передъ масляницей, собралось бѣлицъ до двадцати. Тутъ были и свои и гостьи отъ Бояркиныхъ, отъ Жжениныхъ и другихъ обителей. Рядами сидѣли онѣ по скамьямъ. Кто за пяльцами, кто

---

*) *Кандія* — мѣдная чашка, служащая въ монастырскихъ трапезахъ колокольчикомъ. Звономъ ея назначаютъ начало и конецъ трапезы, перемѣну блюдъ и пр. Въ нее ударяетъ старшее лицо, присутствующее за трапезой. *Кацѣя* или ручная кадильница — родъ жаровенки съ крестомъ на кровлѣ и длинною рукояткою. Она дѣлается изъ двухъ чашъ, соединяющихся у рукоятки посредствомъ вертлюга. *Ладанница* — металлическая коробка на ножкахъ съ шатровою крышечкой. Въ ней хранится ладанъ.

за кружевной подушкой, а кто и за гребнемъ, другія, отложивъ работу къ сторонкѣ, весело пересмѣивались съ подругами. Маленькая, юркая старушка, съ выразительными черными глазками, со слѣдами былой красоты, взадъ и впередъ бродила по келарнѣ и напрасно старалась унять разболтавшихся бѣлицъ отъ веселыхъ криковъ и хохота. Это была мать Виринея, келарь обители. Какъ ни хотѣлось старушкѣ положить конецъ «мірской», «грѣховной» бесѣдѣ, какъ ни хлопотала она, ходя вокругъ молодыхъ дѣвушекъ, — все было напрасно. Слушать ея никто не хотѣлъ. Не скупилась мать Виринея ни на брань ни на угрозы, но это дѣвицамъ было какъ къ стѣнѣ горохъ. Знали онѣ, что добродушная, любящая всѣхъ и каждаго, мать Виринея поворчитъ-поворчитъ, да тѣмъ дѣло и кончитъ.

— Искушеніе съ вами, дѣвицы, бѣда да и только, — бранилась она. — Эти ваши бесѣды, эти ваши сѝпрядки — просто Господне наказаніе. Чѣмъ бы изъ Пролога что̀ почитать, али пѣсню духовную спѣть, у васъ на умѣ только смѣшки да баловство. Этакія вы непутныя, этакія безстыжія!.. Погоди, погоди, вотъ пріѣдетъ матушка, все ей доложу, все доложу, безстыдницы вы этакія!.. Слышь, говорю, замолчите!.. Оглохли, что-ль? — крикнула она наконецъ, топнувъ ногой.

Смолкли дѣвицы, но шушуканье вполголоса не прекращалось.

— Завтра что̀? Какого святого? — спрашивала мать Виринея, дергая за рукавъ бѣлицу Евдокеюшку, свою племянницу, жившую при ней въ келарнѣ.

— Преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина, — глухо отвѣчала молчаливая и всегда, на общемъ даже весельѣ, сумрачная Евдокеюшка.

— Такъ, Ефрема Сирина, — продолжала мать Виринея. — А знаете ли вы, срамницы, что̀ это за святой, знаете ли, что̀ на святую память его дѣлать надобно?

— Домового закармливать, — бойко отвѣчала красивая, пышущая здоровьемъ и силой Марьюшка, головщица праваго клироса, послѣ Фленушки первая баловница всей обители. На рукахъ ее носили и старыя матери и молодыя бѣлицы за чудный голосъ. Подобнаго ему не было по всѣмъ скитамъ Керженскимъ, Чернораменскимъ.

На слова Марьюшки дѣвицы покатились со смѣху.

— Что̀-о-о?.. Что̀ ты сказала?.. — быстро подойдя къ ней, закричала мать Виринея.

— На Ефрема Сирина по деревнямъ домового закармливаютъ, каши ему на загнетокъ кладутъ, чтобы добрый былъ во весь годъ, — отвѣчала Марья, смѣясь въ глаза Виринеѣ.

Пуще прежняго захохотали дѣвицы.

— А вотъ я тебя за такія слова на поклоны поставлю, — вскричала мать Виринея: — да недѣли двѣ опричь черствой корки ты у меня въ келарнѣ ничего не увидишь!.. Во святой обители про идольскія басни говорить!.. А!.. Вотъ постой ты у меня, непутная, погоди, дай только матушкѣ Манееѳѣ пріѣхать... Посидишь у нея въ темномъ чуланѣ, посидишь!.. Все скажу, все.

— Ну и посижу, — бойко отвѣчала Марья. — Эка бѣда!.. А кто на клиросѣ-то будетъ запѣвы запѣвать? Ты, что ли, козьимъ своимъ голосомъ?..

— А вотъ я гребень-то изъ донца выну да бока-то тебѣ наломаю, такъ ты у меня не то что козой, коровой заревешь... Съ глазъ моихъ долой, безстыжая!.. Чтобы духомъ твоимъ въ келарнѣ не пахло!.. Чтобы глаза мои на тебя, безстыжую дѣвчонку, не глядѣли!..

— Ну, и пойду, — смѣясь, отвѣчала Марья, накидывая на голову большой ковровый платокъ. — Ну, и пойду... Благодаримъ покорно за угощенье, матушка Виринея, — низко поклонившись, прибавила она и, припрыгивая, побѣжала къ двери.

— Постой, постой, Марьюшка, погоди, не уходи, — ласково заговорила вслѣдъ уходившей добродушная Виринея. — Ну, полно, дѣвка, дурить, — образумься... Ахъ, ты, озорная!.. Гляди-ка!.. Ну, клади поклоны — давай прощаться.

— Аль ужъ въ самомъ дѣлѣ попрощаться съ матушкой-то? — смѣясь, молвила, обращаясь къ подругамъ, головщица и, принявъ степенный видъ, стала передъ образàми класть земные поклоны, творя вполголоса обычную молитву прощенія. Кончивъ ее, Марьюшка обратилась къ матушкѣ Виринеѣ, чинно сотворила передъ нею два уставныя метанія, проговоривши вполголоса: — Матушка, прости меня грѣшную, въ чемъ передъ тобой согрѣшила... Матушка, благослови.

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — чинно отвѣтила мать Виринея.

Напущённаго гнѣва на лицѣ мягкосердой старушки какъ не бывало. Добродушно положивъ руку на плечо озорной головщицѣ, а другою поглаживая ее по головѣ, кротко, ласкающимъ, даже заискивающимъ голосомъ спросила ее:

— Скажи же, Марьюшка, скажи, голубушка, потѣшь меня, скажи про святаго отца нашего Ефрема Сирина. Чѣмъ онъ Господу угодилъ?.. А?.. Скажи, моя дѣвонька, скажи, умница.

— Святыя книги писалъ, матушка, о пустынномъ житіи, объ антихристѣ, о послѣднихъ временахъ, — скромно опустивъ глаза, отвѣчала шаловливая головщица.

— То-то, дѣвка, — вздохнувъ, сказала мать Виринея и,

сѣвъ на скамью, склонила щеку на руку. — То-то, родная моя, о пустынномъ житіи писалъ преподобный Ефремъ, какъ въ послѣдніе дни отъ антихриста станутъ люди бѣгать въ дебри и пустыни, хорониться въ вертепы и пропасти земныя. Про наше время, дѣвонька, про насъ писалъ преподобный. Хотя мы и на каждый часъ грѣшимъ передъ Господомъ, хоть и нѣтъ на свѣтѣ грѣшниковъ паче насъ, но по вѣрѣ мы чисты и непорочны, а по благочестію нѣтъ на свѣтѣ первѣе насъ... За вѣру и благочестіе чаемъ и грѣховъ отпущенія и вѣчныя жизни въ селеніяхъ праведныхъ... Вѣдь и мы, бѣгая сѣтей антихристовыхъ, зашли въ сіи лѣса и пустыни, все какъ есть по слову преподобнаго Ефрема. Потому и надо намъ почитать святую его память... Такъ-то, дѣвоньки, такъ-то, разумницы!.. Вотъ бы и вы почитали отъ книгъ преподобнаго Ефрема Сирина, а я бы, старуха, послушала... Подай-ка мочку, Евдокеюшка, — промолвила мать Виринея, обращаясь къ племянницѣ и садясь за гребень.

— Такъ-то, мои ластовицы, — продолжала она, быстро вертя веретеномъ: — такъ-то, разумницы. Чѣмъ смѣхотворничать да празднословить, вы бы о душахъ-то своихъ подумали... О грѣхахъ надо помышлять, дѣвушки, сердцемъ къ молитвѣ горѣть, вражескихъ сѣтей беречься. А вамъ все смѣшки да шутки. Нехорошо это, голубушки вы мои, больно нехорошо. Не живутъ такъ во святыхъ обителяхъ. Того развѣ не знаете, что смѣхъ наводитъ на грѣхъ? Отъ малаго небреженія въ великія грѣхопаденія не токмо мы грѣшницы, но и великіе подвижники, строгіе постники, святые праведные частехонько впадали... О-о-охъ-охъ-охъ!.. Грѣхи-то наши, грѣхи тяжкіе!.. А вы, дѣвушки, не забывъ Бога, живите, не буянно поступайте... Да ты, Устинья, что̀ это выдумала!.. Опять хохотать!.. Въ Москвѣ, что ли, научилась? Смотри у меня!

— Да я ничего, матушка, — молвила, едва сдерживая смѣхъ, молоденькая канонница, только-что воротившаяся изъ Москвы, гдѣ у богатыхъ купцовъ читала «негасимую» по покойникамъ да учила по Часослову хозяйскихъ ребятишекъ.

— То-то ничего! Сама грѣшишь и другихъ на грѣхъ наводишь... Охъ, дѣвоньки, дѣвоньки, что-то глазыньки у меня слипаются, — прибавила мать Виринея, кладя веретено и зѣвая: — хоть бы спѣли что-нибудь, а то скучно что-то.

— Мы тòтчасъ, матушка, — лукаво подхватила Марья головщица и, переглянувшись съ подругами, начала съ ними:

Не свивайся, не свивайся трава съ повиликой,
Не свыкайся, не свыкайся мòлодецъ съ дѣвицей,
Хорошо было свыкаться, тошно разставаться.

— Охъ, искушеніе!.. Ахъ, вы, безпутныя!.. Очумѣли вы, дѣвицы, аль съ ума спятили? — въ источный голосъ кричала мать Виринея, изо всей силы стуча по столу кленовымъ гребнемъ. — Да перестаньте же, безстыжія, перестаньте, непутныя!.. Сейчасъ у меня перестаньте, не то возьму кочергу да всѣхъ изъ келарни вонъ.

Насилу-насилу добилась старушка, чтобъ смолкла пѣсня грѣховная. Зато шутливая болтовня и веселый хохотъ поднялись пуще прежняго. Повскакали дѣвицы изъ-за работы, и пошла у нихъ такая возня, что хоть святыхъ вонъ неси.

Устала мать Виринея. Задыхаясь, сѣла на лавку, опустила руки на колѣна.

— Ахъ, вы, безстыжія! — изнемогая, ворчала она. — Ахъ, вы, разбойницы! Уморили меня, старуху... Услышитъ Марья Гавриловна, что̀ тогда будетъ?.. Что̀ про васъ подумаетъ!.. А?.. Погодите у меня, дайте срокъ: все матушкѣ Манеѳѣ скажу, все, все... Задастъ она вамъ, непутныя!.. Заморитъ на поклонахъ да въ темныхъ чуланахъ.

Нашалившись до̀сыта, усталыя дѣвицы, черезъ силу переводя духъ, разсѣлись по лавкамъ, гдѣ кто попало. Пристаютъ къ Виринеѣ:

— Матушка, не сердись! Преложи гнѣвъ на милость!.. Мы вѣдь только маленько... Прости Христа ради... Да пожалуйста, матушка... Мы тебѣ хорошую пѣсню споемъ, духовную.

Такъ говорили дѣвицы, перебивая другъ дружку и ласкаясь къ матери Виринеѣ.

— Ахъ, вы, злодѣйки, злодѣйки!.. Совсѣмъ вы меня измучили... Бога вы не боитесь. Совѣсти нѣтъ у васъ въ глазахъ... Что̀ вы, деревенскія, что ли, мірскія?.. Ахъ, вы, грѣховодницы, грѣховодницы...

И голосъ Виринеи все мягче и мягче становился; не прошло трехъ-четырехъ минутъ, обычнымъ добродушнымъ голосомъ говорила она пристававшимъ къ ней дѣвицамъ:

— Полно же, полно... Ну, Богъ проститъ... Спойте же хорошее что-нибудь... Живете въ обители, грѣхъ бѣса тѣшить грѣховными безстыдными пѣснями.

Марья головщица сильнымъ груднымъ голосомъ завела унылую скитскую пѣсню. Другія бѣлицы дружно покрыли ее хоромъ:

Воззримте мы, людіе, на сосновы гробы,
На наши превѣчные домы.
О житіе наше маловременное!
О слава, богатство суетное!
И слезы убожества и гордость завистная,
На семъ вольномъ свѣтѣ все минётъ.

Богъ намъ даетъ много, а намъ то все мало,
Не можемъ мы, людіе, ничѣмъ ся наполнить!
И ляжемъ мы въ гробы, прижмемъ руки къ сердцу,
Души наши пойдутъ по дѣламъ своимъ,
Кости наши пойдутъ землѣ на преданіе,
Тѣлеса наши пойдутъ червямъ на съѣденіе,
А богатство, гордость, слава куда пойдутъ?

Покинемъ же гордость,
Возлюбимъ мы кротость,
За всѣхъ потрудимся,
И тѣмъ себѣ купимъ
Небесное царство.

Стихли уныло-величавые звуки пѣсни о смертномъ часѣ, и дума хмарой подернула веселыя лица. Никто ни слова. Мать Виринея, облокотясь руками и закрывъ лицо, сидѣла у края стола. Только и слышна̀ была неустанная, однообразная пѣсня сверчка, пріютившагося за огромною келарскою печкой.

— Спаси васъ Господи, ро̀дненькія! — подымая голову, дрожащимъ сквозь слезы голосомъ говорила мать Виринея. — Ну вотъ такъ и хорошо, вотъ такъ и прекрасно... Теперь и ангелы Божіи прилетѣли на нашу бесѣду да, глядя на васъ, радуются... А то все у васъ скоки да го̀лки... Нехорошо, дѣвушки... Какъ дымъ отгоняетъ пчелы, такъ безчинныя бесѣды и безстыдныя пѣсни ангеловъ Божіихъ отгоняютъ. Отходящимъ же имъ приходитъ бѣсъ тѐменъ, сѣя свой злосмрадный дымъ посредѣ бесѣдующихъ. Слышанія же чтенія и пѣсенъ духовныхъ врагъ стерпѣти не можетъ, далече бѣжитъ отъ бѣсѣдъ благочестивыхъ. Такъ-то, дѣвоньки!.. Нуте-ка, спойте еще, красавицы, утѣшьте старуху... Зачинай-ка, Марьюшка!

Началась новая пѣсня:

Ахъ, увы, бѣда,
Приходитъ чреда,
Не вѣмъ когда
Отсель возьмутъ куда...
Боюся страшнаго суда,
И гдѣ явлюся я тогда?..
Плоть-то моя немощна̀,
А душа вельми грѣшна,
Ты же, смерте, безобразна и страшна̀!..
Образомъ своимъ страшишь,
Скоро ты ко мнѣ спѣшишь,
Скрыты твои трубы и коса,
Ходишь всюду нага и боса.
О, смерте! Нѣтъ отъ тя обороны —
И у царей отъемлешь ты короны,
Со архіереи и вельможи не медлишь,
Даровъ и посуловъ не пріемлешь;

Скоро и мою ты хощешь душу взяти
И на страшный судъ Богу отдати.
О лютѣ въ тотъ часъ и горцѣ возопію,
Когда воззрю на грознаго Судію.

Въ глубокое умиленіе пришла мать Виринея. Лицо ея, выражавшее душевную простоту и прямоту, сіяло теперь внутреннимъ ощущеніемъ сладостной жалости, радостнаго смиренія, умильнаго, сердечнаго сокрушенья.

— Касатушки вы мои!.. Милыя вы мои дѣвчурочки!.. — тихонько говорила она любовно и довѣрчиво окружавшимъ ее дѣвицамъ: — живите-ка, голубки, по-божески, пуще всего — никого не обидьте, ссоръ да свары ни съ кѣмъ не заводите, всякому человѣку добро творите — не страшенъ тогда будетъ смёртный часъ, оттого, что любовь всѣ грѣхи покрываетъ.

Въ порывѣ добраго, хорошаго чувства ласкались дѣвицы къ доброй Виринеѣ. Озорная Марьюшка прильнула губами къ морщинистой рукѣ ея и кропила ее слезами.

Рѣзкій скрипъ полозьевъ у окна послышался.

Всѣ подняли головы, стали оглядываться.

— Взглянь-ка, Евдокеюшка, — молвила племянницѣ мать Виринея. — Кого Богъ принесъ? Кой грѣхъ, не изъ судейскихъ ли?

Накинувъ на̀ голову шубейку, вышла Евдокеюшка изъ келарни и то̀тчасъ воротилась.

— Матушка пріѣхала! — воскликнула она.

— Ну, слава Богу! Насилу-то, — сказала, вставая со скамьи, мать Виринея. — Идти-было къ ней. Здорова ли то пріѣхала?

Поспѣшно стали разбирать свои рукодѣлія дѣвицы и скоро одна за другой разошлись. Въ келарнѣ осталась одна Евдокеюшка и стала разставлять по столамъ чашки и блюда для подоспѣвшей ужины...

Въ игуменской кельѣ за перегородкой сидѣла мать Манеѳа на теплой изразцовой лежанкѣ, медленно развязывая и снимая съ себя платки и платочки, наверченные на ея шею. Рядомъ, заложивъ руки за̀ спину и грѣя ладони о жарко натопленную печь, стояла ея наперсница, Фленушка, и потопывала о̀ полъ озябшими ногами. Передъ игуменьей съ радостными лицами стояли: мать Софія, ходившая у нея въ ключахъ, да мать Виринея. Прежде другихъ матерей прибѣжала она въ заячьей шубейкѣ въ накидку встрѣтить пріѣхавшую мать-настоятельницу. Дверь въ келью то и дѣло отворялась, и морозный воздухъ клубами бѣлаго пара каждый разъ врывался въ жарко натопленную келью. Здоровенная Анафролія, воро-

тившаяся съ игуменьей изъ Осиповки, да еще двѣ келейныя работницы, Минодора да Наталья, втаскивали пожитки пріѣхавшихъ, вмѣстѣ съ ними узлы, мѣшки, кадочки, ставешки съ гостинцами Патапа Максимыча и его домочадцевъ. Одна за другой приходили старшія обительскія матери здороваться съ игуменьей: пришла казначея, степенная, умная мать Таифа, пришла уставщица, строгая, сумрачная мать Аркадія, пришли большаго образа соборныя старицы: мать Никанора, мать Филарета, мать Евсталія. Каждая при входѣ молилась иконамъ, каждая прощалась и благословлялась у игуменьи, спрашивая объ ея спасеніи — все по чину, по уставу... Вскорѣ боковуша за перегородкой наполнилась старицами.

— Да скоро-ль вы переносите? — хлопотала Виринея около Анафроліи и келейныхъ работницъ. — Совсѣмъ келью-то выстудили. Матушка и безъ того съ дороги иззябла, а вы тутъ еще валандаетесь... Иное бы что̀ и въ сѣняхъ покинули.

— Истоплено хорошо, — вступилась мать Софія. — Передъ вечерней печи-то только скутаны, боюсь, развѣ не угарно ли?

— Угару нѣтъ, кажись, — замѣтила мать Виринея: — а ты бы, матушка Софія, чайку поскорѣй собрала. Самоварчикъ-отъ у тебя поставленъ ли?

— Какъ не поставленъ, — отвѣчала мать Софія: — поди, чай кипитъ.

И, выйдя въ сѣни, сама притащила въ келью шипящій «самоварчикъ» ведра въ полтора.

— Ну, какъ вы, матушка, время проводили? Все-ль по добру, по здорову? — сладенькимъ заискивающимъ голосомъ спрашивала казначея, мать Таифа, едва отогрѣвшуюся на горячей лежанкѣ игуменью.

— Не больно крѣпко здоровилось, — разбитымъ голосомъ отвѣчала Манеѳа.

— Что-жъ такъ, матушка? — спросила Таифа. — Чѣмъ же домогали? Поясница, что ли, опять?

— Головушку разломило. Извѣстно: дѣло мірское — суета, содомъ съ утра до̀ ночи, — говорила Манеѳа.

— Много, чай, гостей-то понаѣхало на именины? — спросила уставщица мать Аркадія.

— Было довольно всякихъ гостей, — сухо отвѣтила ей мать Манеѳа.

— Изъ городу, поди, наѣхали? Купцы были? — спросила мать Никанора.

— И изъ городу были, и изъ деревень были, и купцы были: всякіе были. Да ну ихъ — Господь съ ними. Вы-то какъ безъ меня поживали? — спросила Манеѳа.

— Благодареніе Господу. За вашими святыми молитвами все было хорошо и спокойно, — сказала уставщица Аркадія.— Службу каждодневно справляли какъ слѣдуетъ. На преподобную Ксенію, по твоему приказу, утреннее бдѣніе съ поліелеемъ стояли. Пѣли канонъ преподобнымъ общій на два лика съ катавасіями.

— Съ котораго часу зачали службу? — спросила игуменья.

— Въ два часа за полночь велѣла я въ било ударить, — отвѣчала мать Аркадія. — Когда собрались, когда что̀ — въ половинѣ третьяго пѣніе зачали. А пѣли, матушка, утреню по Минеи. У мѣстныхъ образовъ новы налѣпы горѣли, что̀ къ Рождеству были ставлены, паникадила черезъ свѣчу зажигали.

— А на тра̀пезѣ, — подхватила мать Виринея: — ставлено было четыре яствы: капуста съ осетриной да съ бѣлужиной, да щи съ головизной, да къ нимъ пироги съ вязигой да съ семгой, что̀ отъ Филатовыхъ прислана была еще до вашего, матушка, отъѣзда, да лещи были жареные, да пшенники съ молокомъ. Браги и квасу сыченаго на трапезу тоже ставили. А на вечери три яствы горячихъ подавали.

— А трудники въ тотъ день дѣла не дѣлали, — прибавила казначея Таифа.

— А на утріе, на Григорія Богослова, тоже съ поліелеемъ служба была, икону святителя, строгановскаго письма, на поклонъ становили, — докладывала уставщица.

— Богъ васъ спасетъ, ма̀тери, — поклонясь, молвила игуменья. — Добро, что порядокъ блюли и Божію службу справляли какъ слѣдуетъ. А что̀ Марья Гавриловна, здорова ли?— освѣдомилась мать Манеѳа.

— Здорова, матушка, слава Богу, — отвѣчала Таифа. — Въ часо̀внѣ у службъ бывала, у часовъ и къ повечерію. Къ утренѣ-то лѣнивенька вставать, развѣ только что въ праздники.

— Ея дѣло, — строго замѣтила Манеѳа. — А ты бывала-ль у ней въ дому-то?

— Какъ же, матушка, раза три ходила, — отвѣчала казначея: — да вотъ и мать Аркадія къ ней захаживала, а Марьюшку такъ почти каждый день Марья Гавриловна къ себѣ призывала.

— Не слыхали-ль чего, не гнѣвается ли она на Патапа Максимыча? — обращаясь ко всѣмъ, спросила мать Манеѳа.— За хлопотами совсѣмъ позабылъ къ ней письмо отписать, въ гости позвать ее... Ужъ такъ онъ кручинится, такъ кручинится...

— Нѣтъ, матушка, кажись, ничего не замѣтно, чтобы гнѣвалась на кого Марья Гавриловна, — молвила мать Таифа.

Аркадія подтвердила слова казначеи.

— Какой гнѣвъ, матушка! — подхватила Марья головщица. — Сколько разъ она со мной и Настеньку съ Парашей и Патапа Максимыча поминала, и все таково любовно да пріятно.

— Завтра послѣ часовъ надо сходить къ ней, повидаться, гостинцы снести, — озабоченно говорила Манеѳа. — А вамъ, матери и дѣвицы, Аксинья Захаровна тоже гостинцевъ прислала, за то, что хорошо ея ангелу праздновали, по рублю на сестру пожаловала, опричь иного. Завтра, мать Таифа, — прибавила она, обращаясь къ казначеѣ: — возы придутъ. Прими по росписи... Фленушка, у тебя никакъ роспись-то?

Фленушка порылась въ дорожномъ мѣшкѣ и, вынувъ сложенный начетверо листъ бумаги, подала его Манеѳѣ.

— Читай-ка, мать Таифа, — сказала игуменья, подавая казначеѣ роспись. — Благо, всѣ почти матери въ сборѣ, читай, чтобы всѣмъ было вѣдомо, какое нашей святой обители сдѣлано приношенье.

Мать Таифа, съ трудомъ разбирая скоропись, медленно стала читать:

«Рыбы осетрины свѣжей шесть пудовъ, да бѣлужины столько-жъ, да севрюги соленой четыре пуда. Тешки бѣлужьей да потроховъ осетровыхъ по пуду. Икры садковой полпуда, осетровой салфеточной пудъ. Жировъ да молокъ два пуда съ половиной, балыковъ донскихъ три. Муки крупичатой четыре мѣшка, гороху четыре четверти, ветчины окорокъ...»

Мать казначея руками развела, дочитавшись до такого приношенія.

— Какъ ветчины? — строго спросила игуменья.

— Ветчина писана, матушка, — отвѣчала Таифа, показывая роспись Манеѳѣ.

— Охъ, искушеніе!.. — послышалось между инокинями.

Бѣлицы улыбались, отворачиваясь въ сторону, чтобы матушка не замѣтила и не вздумала-бъ началить ихъ за нескромность.

— Ты писала? — нахмурившись, обратилась Манеѳа къ Фленушкѣ.

— Настенька это приписала, — отвѣчала Фленушка. — На смѣхъ. А какъ стали укладываться, она и въ самомъ дѣлѣ сунула въ возъ не то окорокъ, не то два.

— Верченая дѣвка! Егоза!.. — заворчала Манеѳа и, обращаясь къ матерямъ, прибавила: — давно ли, кажись, изъ обители, а поглядѣли бы вы, какова стала моя племяненка.

— Что-жъ, матушка, дѣло молодое — шутки да смѣхи еще

на умѣ... Судьбы Господь не посылаетъ ли? — умильно спросила мать Евсталія. — Женишка не пріискали-ль родители-то?

— Нѣтъ, — сухо отвѣтила Манеѳа.

— А намедни мужичокъ проѣзжалъ изъ Осиповки въ Баки за хлѣбомъ, — продолжала Евсталія: — у Бояркиныхъ приставалъ, говорилъ, что женихъ пріѣзжалъ къ Патапу Максимычу. Изъ Самары, слышь, купеческій сынъ.

— Пріѣзжать пріѣзжалъ, — нехотя отвѣчала Манеѳа: — только про сватовство не то что рѣчи, и думы не бывало. Навралъ тебѣ, Евсталія, твой мужичонка съ три короба, а ты и плетешь. Похожаго ничего не бывало. Да.

Мать Евсталія замолчала и ушла въ уголъ, замѣтивъ, что игуменья маленько на нее осерчала.

— Извѣстно дѣло, матушка, деревенскій народъ завсегда пустого много городитъ, — отозвалась уставщица Аркадія. — Пусти уши въ люди — чего ни наслушаешься.

— То-то и есть, — внушительно молвила Манеѳа: — коль мірскихъ пустыхъ рѣчей не переслушаешь, такъ нечего и разговоры съ проѣзжими заводить... Не погнѣвайся, мать Евсталія.

Евсталія вышла изъ угла и, подойдя къ игуменьѣ, смиренно поклонилась. Та молча отвѣтила малымъ поклономъ.

— Какъ благоволите, матушка, утреню править? — спросила Аркадія. — Завтра память преподобнаго Ефрема Сирина... съ поліелеемъ, аль рядовую?

— Какъ прежде бывало? — спросила Манеѳа.

— Всяко бывало, матушка, — отвѣчала уставщица. — Служили съ поліелеемъ. служили и рядовую. Въ уставѣ сказано: «аще волитъ настоятель».

— Такъ служи, мать Аркадія, рядовую, — рѣшила игуменья. — Послѣзавтра надо еще поліелей справлять и службу съ величаньемъ Тремъ Святителямъ. А у насъ и безъ того свѣчей-то, кажись, не ахти много?

— За Пасху, матушка, хватитъ, а къ лѣту надо будетъ новыхъ доспѣть, — отвѣчала казначея.

— То-то же, — примолвила игуменья: — поберегать свѣчи-то надо. Великій постъ на дворѣ, службы большія, длинныя, опять же стоянья со свѣчами.

— А насчетъ ветчины-то какъ же, матушка, прикажете? — спросила казначея: — собакамъ выкинуть, аль назадъ отослать? Сиротамъ бы мірскимъ подать — да молва про обитель пойдетъ.

— Спрячь подальше, соблазну бы не было, — сказала игуменья. — Не погань — пригодится: исправникъ пріѣдетъ, али кто изъ чиновниковъ — сопрутъ... Устинья Московка пріѣхала?

— Пріѣхала, матушка, въ ту пятницу прибыла, — отвѣтила казначея. — Расчетъ во всемъ подала, какъ слѣдуетъ — сто восемьдесятъ привезла, за негасимую оставались. Да гостинцу вамъ, матушка, Силантьевы съ нею прислали: шубку бѣличью, камлоту на ряску, ладану роснаго пять фунтовъ съ походомъ, да масла бутыль, фунтовъ, должно-быть, пятнадцать вытянетъ. Завтра обо всемъ подробно доложу, а теперь не пора ли вамъ и покою дать? Устали, чай. съ дороги-то?

— И то устала, матери, — отвѣчала Манееа: — костоньки всѣ разломило.

— Матушка-то и въ Осиповкѣ совсѣмъ больнёшенька была, — молвила Фленушка, прибирая чайную посуду. — Послѣдніе дни больше лежала, изъ боковуши не выходила.

— Вамъ, матушка, завтра въ баньку не сходить ли? Да рѣдечкой велѣли бы растереть себя, — сказала, обращаясь къ игуменьѣ, ключница, мать Софія.

— Поглядимъ, что̀ завтра будетъ, — отвѣчала мать Манееа: — а къ утренѣ, матушка Аркадія, меня не ждите. Въ самомъ дѣлѣ что-то неможется. Рада-рада, что домой добралась... Прощайте, матери.

И стали матери одна за другой по старшинству подходить къ игуменьѣ прощаться и благословляться. Пошли за ними и бывшія въ кельѣ бѣлицы. Остались въ кельѣ съ игуменьей мать Софія да Фленушка съ головщицей Марьей.

— Топлено-ль у Фленушки-то? — спросила Манееа у ключницы.

— Топлено, матушка, топлено, — отвѣчала она. — Заразъ обѣ кельи топили, заразъ и кутали.

— Спаси тебя Христосъ, Софьюшка, — отвѣчала игуменья: — постели-ка ты мнѣ на лежаночкѣ да потри-ка мнѣ ноги-то березовымъ маслицемъ. Ноютъ что-то. Ну что̀, Марьюшка, — ласково обратилась Манееа къ головщицѣ: — я тебя и не спросила: какъ ты поживала? Здорова-ль была, голубка?

— Слава Богу, матушка, вашими святыми молитвами, — отвѣчала, цѣлуя Манееину руку, головщица.

— Больно вотъ налегкѣ ходитъ, — ворчала ключница, постилая на лежанку толстый киргизскій войлокъ. — Ты бы, Марьюшка, когда выходишь на волю, платокъ бы, что ли, на шею-то повязывала. Долго-ль простудить себя? А какъ съ голосу спадешь — что̀ мы тогда безъ тебя будемъ дѣлать?

— Э, матушка Софія, что̀ мнѣ дѣлается? Я не изъ нѣженокъ. Авось Богъ милостивъ, — отвѣтила головщица.

— Не говори такъ, Марьюшка, — остановила ее Манееа. — На Бога надѣйся, сама не плошай... Безъ меня гдѣ ночевала — у Таифы, что ли?

— Къ Таифѣ не пускала я ее, матушка, — отвѣтила за головщицу Софія: — у ней келья угарная, и тѣсновато. Мы съ Марьюшкой въ твоей кельѣ домовничали. Минодорушка съ Натальей ночевать къ намъ прихаживали.

— Ну, ступайте-ка, дѣвицы, спать-ночевать,—сказала Манееа, обращаясь къ Фленушкѣ и Марьюшкѣ.—Въ келарню-то ужинать не ходите, снѣжно, студено... Ѣхали мы, мать Софія, такъ лѣсомъ-то ничего, а на поляну какъ выѣхали, такая мятель поднялась, что свѣту Божьяго не стало видно. Теперь такъ и мететъ... Молви-ка, Фленушка, хоть Натальѣ, принесла бы вамъ изъ келарни поужинать да яичекъ бы, что ли, сварили, аль яиченку сдѣлали, молочка бы принесла. Ну, подите со Христомъ.

Фленушка и Марьюшка простились и благословились на сонъ грядущій у матушки и пошли черезъ сѣни въ другую келью.

— Ну, Софьюшка, разсказывай, какъ безъ меня поживала,—спросила игуменья свою ключницу, оставшись съ нею вдвоемъ.

— Да ничего такого не случалось, матушка, — отвѣчала Софія. — Все слава Богу. Только намедни мать Филарета съ матерью Ларисой пошумѣли, да на другой день ничего, попрощались, смирились...

— Чего дѣлили? — строго спросила Манееа.

— Видишь ли, съ чего дѣло-то зачалось, — продолжала Софія, растирая игуменьѣ ноги березовымъ масломъ. — Проѣзжали этто изъ Городца съ базара колосковскіе мужики, матери Ларисы знакомые, она вѣдь сама родомъ тоже изъ Колоскова. Часы у насъ мужички отстояли, потрапезовали, чѣмъ Богъ послалъ, да межъ разговоровъ и молвили, будто ихней деревни Михайла Коряга въ попы ставленъ.

— Слышала и я, слышала, Софьюшка, — вздыхая, промолвила Манееа. — Экій грѣхъ-то!.. Стяжателю такому, корыстолюбцу дали священство!.. Какой онъ попъ?.. Отца родного за гривну продастъ.

— Ну вотъ, матушка, ты въ одно слово съ Филаретой сказала,—а мать Лариса за Корягу горой. Ну и пошли. Да вѣдь обѣ онѣ горячія, неговорливыя, другъ передъ другомъ смириться не хотятъ, и зачалась межъ ними свара, шумное дѣло. Столько было грѣха, столько грѣха, что упаси Царь Небесный. Мать Лариса доказывать стала, что не намъ, дескать, о такомъ великомъ дѣлѣ разсуждать, каковъ бы, дескать, Коряга ни былъ, все же законно поставленъ въ попы; а Филарета: «коли, говоритъ, такого сребролюбца владыка Софроній поста-

вилъ, значитъ-де, и самъ онъ того же поля ягода, недаромъ-де молва пошла, что онъ святыней ровно калачами на базарѣ торгуетъ». А Лариса такая вѣдь огненная, развернись да матушку Филарету въ ухо. Та едва отскочить успѣла.

— Гдѣ-жъ это было?.. Въ келарнѣ?.. При мужикахъ?.. — вставъ съ лежанки и выпрямляясь во весь ростъ, строгимъ, твердымъ голосомъ спросила Манеѳа.

— Случилось это, матушка, у Аркадіи въ кельѣ,—отвѣтила мать Софія. — Такъ матери въ два вѣника и метутъ — шумъ, гамъ, содомъ такой, что вся обитель сбѣжалась. Просто, матушка, какъ есть вавилонское языковъ смѣшеніе!.. И ужъ столько было промежъ нихъ сраму, столько было искушенія, что и сказать тебѣ не могу. Какъ пошли онѣ другъ дружкѣ вычитывать, такъ и Михайлу Корягу съ епископомъ забыли, и такіе у нихъ пошли перекоры, такія дѣла стали поминать, что и слушать-то стало грѣшно... Что̀ и смолоду водилось, а чего, можетъ статься, и не бывало — все подняли. Ужъ судачили онѣ, судачили, срамили себя, срамили — съ добрый часъ времени прошло. Мать Таифа ихъ было-уговаривать — и слышать не хотятъ. Насилу-то насилу мать Аркадія ихъ развела, а то бы, пожалуй, въ драку полѣзли, искровянились бы.

— Марья Гавриловна слышала?—спросила игуменья.

— Какъ не слыхать, матушка. Приходить не приходила, а Таня, дѣвица ея, прибѣгала,—отвѣчала Софія.

— Злочинницы! — рѣзко сказала Манеѳа, ходя взадъ и впередъ по кельѣ.—Бога не боятся, людей не стыдятся!.. На короткое время обители нельзя покинуть!.. Чѣмъ бы молодыхъ учить, а онѣ гляди-ка?.. Какъ смирились?

— Извѣстно, миротворица наша, мать Виринея, въ дѣло вступилась... ну и помирила. На другой день цѣлое утро она сердечная то къ той, то къ другой бѣгала, стряпать даже забыла. Часа три уговаривала: ну, смирились, у нея въ келарнѣ и попрощались.

— То-то Филарета давеча стояла, глазъ не поднимаючи, а Лариса даже и не пришла встрѣтить меня,—молвила Манеѳа.

— Хвораетъ, матушка, другой день съ мѣста не встаетъ,— подхватила Софія: — горло перехватило, и сама вся ровно въ огнѣ горитъ. Мать Виринея и бузиной ее, и малиной, и шалфеемъ, и кочанной капусты къ головѣ ей прикладывала, мало облегчило.

— Не погляжу я на хворь ея,—молвила гнѣвно Манеѳа.— Не посмотрю, что соборныя онѣ старицы: обѣихъ на поклоны въ часовнѣ поставлю и за трапезой... Въ чуланъ запру!.. Изъ чужихъ обителей не было-ль при томъ кого?

— Нѣтъ, матушка, никого не было.

— А толки пошли?

— Какъ толкамъ не пойти, — отвѣчала мать Софія. — Извѣстно, обитель немалая: къ намъ люди и наши къ чужимъ. Случился грѣхъ, въ кулькѣ его не спрячешь.

— Обитель срамить!.. — продолжала Манеѳа. — Вотъ я завтра съ ними поговорю... А дѣвицы въ порядкѣ держали себя?

— Все слава Богу, матушка, никакого дурна не было.

— Су́прядки бывали?

— Бывали, матушка, и сегодня вплоть до твоего пріѣзда у Виринеи въ келарнѣ дѣвки сидѣли.

— Чужія приходили?

— Бывали, матушка, и чужія: отъ Жжениныхъ прихаживали, отъ Бояркиныхъ.

— А отъ Игнатьевыхъ?—быстро спросила Манеѳа.

— Какъ можно, матушка! Статочно ли дѣло супротивъ твоего приказа идти?—отвѣчала мать Софія.

— Деревенскихъ парней не пускали-ль?

— Ай, что̀ ты, матушка! Да сохрани Господи и помилуй! Развѣ мать Виренея не знаетъ, что на это нѣтъ твоего благословенья, — сказала Софія.

— Хорошая она старица, да ужъ добра черезъ мѣру, — молвила Манеѳа, нѣсколько успокоившись и ложась на войлокъ, постланный на лежанкѣ. — Уластить ее не много надо. У меня пуще всего, чтобъ негодныхъ толковъ не пошло про обитель, молвы бы не было.. А таракановъ въ скотной морозили?

— Выморозили, матушка, выморозили. Вчера только перешли,—отвѣчала мать Софія.

— А Пестравка отелилась?

— Телочку принесла, матушка, а Черногубка бычка.

— И Черногубка? Гм! Теперь что̀ же у насъ шестнадцать стельныхъ-то? — спросила Манеѳа.

— Да должно-быть, что шестнадцать, матушка, — отвѣчала Софія.

— Масла много-ль напахтали? — продолжала разспросы Манеѳа.

— Не могу вѣрно тебѣ доложить, — отвѣчала Софія: — а вечоръ мать Виринея говорила, что на Сырную недѣлю масла будетъ достаточно, съ завтрашняго дня хотѣла творогъ да сметану копить.

— Сапоги работникамъ купили?

— Купили, матушка, еще на той недѣлѣ съ базару привезли.

— Зажилъ глазъ у Трифины?

— Все болитъ у сердечной, — отвѣчала Софія: — совсѣмъ врозь глазокъ-отъ у нея разнесло... Выльется онъ у нея, матушка, безпремѣнно выльется.

— Лѣкарство-то прикладываетъ ли? — спросила Манееа. — Недаромъ за него деньги плачены.

— Прикладываетъ, матушка, только пользы не видится. Ужъ одинъ бы конецъ, — отвѣчала мать Софія.

— Изъ господъ не наѣзжалъ ли кто? — спросила Манееа.

— Третьяго-дня окружный на короткое время пріѣзжалъ, — отвѣчала Софія. — На въѣзжей не бывалъ, напился чаю у Глафириныхъ, да и поѣхалъ въ городъ. А то еще невѣсть какіе-то землемѣры наѣзжали, двѣ ночи ночевали на въѣзжей... Да вотъ что̀, матушка, доложу я тебѣ: намедни встрѣтилась я съ матерью Меропеей отъ Игнатьевыхъ, такъ она говоритъ, что на Евдокеинъ день выйдетъ имъ срокъ въѣзжу держать, а какъ, дескать, будетъ собранье, такъ, говоритъ, безпремѣнно на вашу обитель очередь наложимъ: вы, говоритъ, ужъ сколько годовъ въѣзжу не держите.

— Этому не бывать, — сказала Манееа. — Покамѣстъ жива, не будетъ у меня въ обители въѣзжей. Съ ней только грѣхъ одинъ.

— Извѣстно дѣло, матушка, какъ ужъ тутъ безъ грѣха, — сказала Софія. — И расходы, и хлопоты, и безпокойство, да и келью табачищемъ такъ прокурятъ, что года въ три смраду изъ нея не выживешь. Иной разъ и хмѣльные чиновники-то бываютъ: шумъ, безчинство...

— Нельзя, нельзя, — говорила игуменья. — Можетъ-статься, Настя опять пріѣдетъ погостить, опять же Марьѣ Гавриловнѣ не понравится... Разсохины пусть держатъ, что̀ надо — заплачу̀. Побывай у нихъ завтра, поговори съ Досиѳеей.

— Дѣвицы, матушка, сказывали, закурила, слышь, матушка-то Досиѳея опять, — отвѣчала мать Софія.

— Опять?

— Другу недѣлю во хмелю. Такой грѣхъ.

— Съ Евстихіей поговори, — сказала Манееа. — На ней же и лежитъ все у нихъ. Спроси, что̀ возьмутъ за годъ въѣзжу держать. Деньгами не поскуплюсь, припасы на угощенья мои. Да скажи еще Евстихіи, ко мнѣ бы пришла: братецъ Патапъ Максимычъ по пяти цѣлковыхъ на кажду бѣдну обитель прислалъ. Разсохинымъ, Напольнымъ, Солоникеинымъ, Мароинымъ, Зарѣчнымъ... Всѣхъ повѣсти... Да повѣсти еще сиротамъ, заутра бы къ часамъ приходили; раздача, молъ, на блины будетъ... Охъ, Господи помилуй, Господи помилуй!..— примолвила

Манеѳа, зѣвая и крестя открытый ротъ. — Подай-ка мнѣ, Софьюшка, келейную манатейку да лѣстовку... Помолюсь-ка я да лягу, что-то ужъ очень сонъ сталъ клонить.

Мать Софія подала игуменьѣ все нужное, простилась съ ней и, поправивъ лампадки, ушла въ свою боковушу.

Манеѳа стала на молитву.

Глава третья.

Пока Манеѳа разспрашивала ключницу, въ сосѣднихъ горницахъ Фленушка сидѣла за ужиномъ съ Марьей головщицей.

Во Фленушкиныхъ горницахъ, гдѣ передъ тѣмъ жили и дочери Патапа Максимыча, было четыре комнаты, убранныя гораздо наряднѣй, чѣмъ келья игуменьи. Стѣны оклеены были обоями, полъ крашеный, лавокъ не было, вмѣсто нихъ стояла разнообразная мебель, обитая шерстяной матеріей. Семь оконъ заставлены были цвѣточными горшками и убраны кисейными занавѣсками. Стояли пяльцы, швейки, кружевныя подушки и маленькій станокъ для тканья шелковыхъ поясковъ. По стѣнамъ въ крашеныхъ деревянныхъ рамкахъ висѣли незатѣйливыя картины. То были виды Аѳонской горы, Иргизскихъ монастырей, Рогожскаго кладбища; рядомъ съ ними висѣли картины, изображавшія апокалипсическія видѣнія, страшный судъ и Паскевича съ Дибичемъ на коняхъ.

За столомъ, уставленнымъ келарскимъ кушаньемъ и сластями, привезенными изъ Осиповки, сидѣли дѣвушки, толкуя о разныхъ разностяхъ. Сначала бесѣда ихъ шла вяло, Фленушкѣ не совсѣмъ было весело. Досада разбирала ее. Очень хотѣлось ей недѣльку-другую еще погостить въ Осиповкѣ, да не удалось. Спервоначалу Манеѳа и соглашалась-было оставить ее у Патапа Максимыча до Пасхи, но, заболѣвъ въ день невѣсткиныхъ именинъ и пролежавъ послѣ того три дня, заговорила другое. «Богъ знаетъ, буду-ль жива я до Пасхи-то,— отвѣчала старица на просьбы Фленушки и племянницъ:—а безъ того не хочу помереть, чтобы Фленушка мнѣ глазъ не закрыла». И, казалось, никогда еще мать Манеѳа не была такъ ласкова, такъ нѣжна къ своей любимицѣ, какъ въ эти дни. Фленушкѣ хоть и очень, очень не хотѣлось ворочаться въ кельи на скуку и однообразную жизнь, но, беззавѣтно любя Манеѳу, не рѣшилась ее огорчить. Патапъ Максимычъ былъ не прочь, чтобъ боевая Фленушка поскорѣй убралась изъ его дома. Не то чтобъ онъ подозрѣвалъ что-нибудь, а сдавалось ему, что сбиваетъ она съ толку его Настю. «Какая прежде тихая, какая сговорчивая была у насъ Настасья,—говорилъ

онъ женѣ: — а проявилась эта Фленушка — сорочій хвостъ, — ровно ее перевернуло всю. И не думай, Аксинья, унимать ту егозу, не упрашивай Манеѳу здѣсь ее оставлять, авось безъ нея дѣвка-то выкинетъ дурь изъ головы». Пыталась-было защищать Аксинья Захаровна и Фленушку и дочь, но Патапъ Максимычъ цыкнулъ, и та замолчала. Наканунѣ Манеѳина отъѣзда завела-было рѣчь Фленушка, чтобъ отпустили Настю съ Парашей въ обитель гостить да кстати ужъ и поговѣть Великимъ постомъ. Сама Аксинья Захаровна, видя, что Настѣ хочется побывать въ скиту, сказала мужу, отчего бы и не отпустить ихъ. Придутъ, дескать, великіе дни, дѣвки къ службѣ Божьей привыкли, а живучи въ деревнѣ гдѣ помолятся, особенно же на Страстной недѣлѣ? Патапъ Максимычъ отказалъ наотрѣзъ. Настя знала, что стòитъ ей захотѣть, такъ она переупрямитъ отца и во всемъ поставитъ на своемъ; хотѣла взяться за дѣло, но Фленушка остановила ее. «Молчи, не приставай къ отцу, — сказала она, — пожалуй, испортишь все. Пущай его маленько повеличается, а ужъ я жива быть не хочу, коли не будешь ты у насъ въ скиту Великимъ постомъ, не то весною». Какъ ни твердо была увѣрена Фленушка въ успѣхѣ своего намѣренья, все же ей было скучно теперь и досадно. Не люба, не привѣтна показалась ей родная келья съ ея обстановкой, непохожей на убранство богатаго дома Патапа Максимыча.

— Разсказывай, Фленушка, все пò ряду, какъ наши дѣвицы въ міру живутъ. Помнятъ ли насъ грѣшныхъ, аль изъ памяти вонъ? — спрашивала Марьюшка.

— Какъ не помнить, — отвѣтила Фленушка. — Тебѣ особенно кланяться наказывали.

— Богъ ихъ спасетъ, коль и насъ изъ людей не выкинули, — молвила головщица.

— Кончила подушку-то, чтò въ Казань шила? — спросила Фленушка.

— Дошила, вечоръ изъ пялецъ выпорола, — отвѣчала Марьюшка.

— Нову зачинай. Настя подарокъ прислала тебѣ: канвы, шерстей, синели, разныхъ бисеровъ, стеклярусу. Утрѣ разберусь, отдамъ.

— Благодаримъ покорно, — отвѣтила головщица. — Только нову-то подушку врядъ ли придется мнѣ шить. Матушка омофоръ епископу хотѣла вышивать.

— Когда это будетъ, про то еще сорока на водѣ хвостомъ писала, — молвила Фленушка. — Матушка не одинъ годъ еще продумаетъ да по всѣмъ городамъ письма отписывать будетъ,

подобаетъ, нѣтъ ли архіерею облаченье строить изъ шерсти. Покамѣстъ будутъ рыться въ книгахъ, дюжину подушекъ успѣешь смастерить.

— Инъ спроситься завтра у матушки, — сказала головщица.

— Спросись, а Настя тебѣ и новыхъ узоровъ прислала, — замѣтила Фленушка.

— Ну, вотъ за этотъ за подарочекъ такъ оченно я благодарна, — молвила Марьюшка. — А то узорами-то у насъ больно ужъ стало бѣдно, все старые да рваные... Да что-жъ ты, Фленушка, не разскажешь, какъ наши дѣвицы у родителей поживаютъ. Скучненько поди: дѣвицъ подъ пару имъ нѣтъ, все однѣ да однѣ.

— Параша-то не скучаетъ, — молвила Фленушка.

— Чтò такъ? — спросила головщица.

— Да чтò она? Увалень, — отвѣтила Фленушка. — Какъ здѣсь сонуля была, такъ и въ міру. Пухнетъ индо со сна-то, глаза совсѣмъ почти заплыли.

— Что-жъ это она? Со скуки поди? — сказала Марьюшка.

— Не разберешь, — отвѣтила Фленушка. — Молчитъ все больше. День-денской только и дѣла у нея, что поѣсть да на кровать. Каждый Божій день до обѣда проспала, встала — обѣдать стала, помолилась да опять спать завалилась. Здѣсь все-таки маленько была поворотливѣй. Ну, бывало, хоть къ службѣ сходитъ, въ келарню, туда, сюда, а дома ровно сурокъ какой.

— Поди же ты, какая стала, — покачивая головой, молвила Марьюшка. — Ну, а Настасья Патаповна чтò? Такая же все думчивая, молчаливая?

— Поглядѣла бы ты на нее! — усмѣхнувшись, отвѣтила Фленушка. — Бывало, здѣсь ее водой не замутишь, а въ деревнѣ такъ развернулась, что только ой.

— Полно ты! — удивилась головщица. — Бойка стала?

— Меня бойчѣй — вотъ какъ, — оживляясь, отвѣтила Фленушка. — Чуть не всѣмъ домомъ вертитъ. На что родитель — медвѣдь, и того къ рукамъ прибрала. Такая стала отважная, такая удалая, что бѣда.

— Поди вотъ тутъ, — говорила Марьюшка. — Долго ли, кажись, въ міру пожила, на волѣ-то. Здѣсь-то, бывало, смотритъ тихоней, словечко не часто проронитъ.

— На людяхъ и теперь не больно говорлива, — молвила Фленушка. — А на своемъ захочетъ поставить — поставитъ. Люта стала, вотъ ужъ, чтò называется, вьется ужомъ, топорщится ежомъ.

— Платьевъ, поди, чтò нашили имъ? — спросила головщица.

— Полны сундуки, — отвѣтила Фленушка. — А какія платья-то, посмотрѣла бы ты, Марьюшка! Одно другого приглянѣе. И по буднямъ въ шелку ходятъ. Отродясь не видала я нарядовъ такихъ: сережки брильянтовыя, запонки такъ и горятъ огнями самоцвѣтными. Параша что̀! На нее, какъ на пень, что̀ ни напяль, все кувалдой смотритъ. А ужъ Настя! Надо чести приписать, разрядится — просто король. Въ именины-то, знаешь, у нихъ столы народу ставили, ста два человѣкъ кормились: день-отъ былъ ясный да теплый, столы-то су̀противъ дома по улицѣ стояли. Вотъ тутъ посмотрѣла бы ты на ихніе наряды, какъ съ родителями да съ гостями онѣ вышли народъ угощать.

— Въ чемъ Настенька-то была? — спросила головщица.

— Былъ на ней сарафанъ шелковый голубой съ золотымъ кружевомъ, — разсказывала Фленушка: — рукава кисейные, передникъ батистовый, голубой синелью расшитый, на головѣ невысокая повязка съ жемчугами. А какъ выходить на улицу, на̀ плечи шубейку накинула алаго бархата, на куньемъ мѣху, съ собольей опушкой. Смотрѣть заглядѣнье!

— Хоть бы глазкомъ взглянула! — сказала, вздохнувъ, Марьюшка.

— А вотъ погоди; къ намъ въ гости пріѣдутъ, увидишь, — молвила Фленушка.

— Гдѣ увидать? — покачавъ головой, отвѣтила головщица. — Развѣ въ скиту въ такомъ уборѣ ходятъ дѣвицы?

— А можетъ статься, и въ міру увидишь ее, — прищурившись и зорко глядя на головщицу, сказала Фленушка.

— Гдѣ ужъ намъ, Флена Васильевна, мірскія радости видѣть!.. — съ горькимъ чувствомъ, вздохнувъ, молвила Марьюшка. — Хорошо имъ при богатыхъ родителяхъ, а у нашей сестры что̀ въ міру? Бѣднота, пить-ѣсть нечего, тутъ не до веселья. И то денно и нощно Бога благодаришь, что матушка Манеѳа призрѣла меня сироту. По крайности не голодаешь какъ собака. А и то сказать, Флена Васильевна, развѣ легко мнѣ у матушки-то жить: чужой-отъ вѣдь обѣдъ хоть сладокъ, да не споръ, чужіе-то хлѣба живутъ пріѣдчивы. Медъ чужой и тотъ горекъ, Фленушка.

— Ну, разрюмилась, что̀ Радуница, — подхватила Фленушка. — Нечего хныкать, радость во времени живетъ, и на нашу долю когда-нибудь счастливый часокъ выпадетъ... Изъ Саратова нѣтъ ли вѣстей? — спросила Фленушка, лукаво улыбаясь. — Семенушка не пишетъ ли?..

— А ну, песъ его дери! — съ досадой отвѣтила Марьюшка. — Забыла объ немъ и думать-то.

— Врешь! По глазамъ вижу! — приставала Фленушка.

— Ей-Богу, право, — продолжала головщица. — Да что̀? Одно пустое это дѣло, Фленушка. Вѣдь безъ малаго цѣлый годъ глазъ не кажетъ окаянный... Ему что̀? Чай, и думать забылъ... А тутъ убивайся, сохни... Не хочу, ну его къ ляду!.. Эхъ, бѣднота, бѣднота!.. — прибавила она, горько вздохнувъ. — Распроклятая жизнь!

— Полно тебѣ!.. Меня, дѣвка, не обморочишь, — усмѣхнувшись, сказала Фленушка. — Получила вѣсточку?.. А?.. По глазамъ вижу, что получила.

— Ну, получила!.. Ну что̀ же? — рѣзко отвѣтила головщица.

— Письмо, что ли, прислалъ?

— Ну, письмо прислалъ... Еще что̀ будетъ?.. Тебѣ изъ Казани не пришло ли письмеца отъ Петрушки черномазаго?

— Мое дѣло, голубушка, иное, — усмѣхаясь, отвѣтила Фленушка. — Мнѣ только слово сказать, за̀ разъ свадьбу уходомъ сыграемъ... Матушку только жаль, — вздохнувъ, прибавила она: — вотъ что̀... Въ гробъ уложишь ее.

— А мнѣ и гадать про свадьбу нечего, — желчно сказала Марьюшка. — Не ровны мы съ тобой, Флена Васильевна. Тебѣ въ ларцахъ у матушки Манеѳы кое-что припасено, а у меня, сироты, приданаго-то голикъ лѣсу да кузовъ земли.

— Да полно тебѣ, надоѣла съ своей бѣднотою какъ горькая рѣдька, — молвила Фленушка. — Хнычетъ-хнычетъ, точно на̀ смерть ведутъ ее. Скажи-ка лучше: сходились безъ меня на су̀прядки?

— Сходились, — отвѣтила головщица. — И сегодня вплоть до вашего пріѣзда сидѣли.

— Что-жъ? Весело? — спросила Фленушка.

— Какое веселье! Развѣ не знаешь? — молвила Марьюшка. — Какъ допрежь было, такъ и безъ тебя. Поба̀луются маленько дѣвицы, мать Виринея ворчать зачнетъ, началить... Ну, какъ водится, подмаслимъ ее, стихеру споемъ, расхныкается старуха, смякнетъ — вотъ и веселье все. Надоѣла мнѣ эта анаѳемская жизнь... Хоть бы умереть ужъ, что ли!.. Одинъ бы конецъ.

— Это кровь въ тебѣ бродитъ, Марьюшка, — внушительно замѣтила Фленушка. — Знаю по себѣ. Иной разъ до того доходитъ, такъ бы вотъ взяла да руки на себя и наложила... Пріѣдетъ, что ли, Семенъ-отъ Петровичъ?

— Обѣщался... Да кто его знаетъ, можетъ, обманетъ; у ихняго брата завсегда такъ — на словахъ какъ на саняхъ, а на дѣлѣ какъ на копылѣ. Тутъ сиди себѣ, сохни да со̀крушайся, а онъ и думать забылъ, — сказала Марьюшка.

— Обѣщался, такъ пріѣдетъ, — утѣшала ее Фленушка. — Не кручинься... Завсегда онъ наѣзжаетъ, только Волга вскроется. Гляди, послѣ Пасхи пріѣдетъ. Вотъ, Марьюшка, веселье-то у насъ тогда пойдетъ: къ тебѣ Семенушка пріѣдетъ, моего чучелу изъ Казани шутъ принесетъ, Настеньку залучимъ да ея дружка приманимъ...

— Шибаева-то, что ли? — спросила головщица.

— Ну его къ лѣшему! — молвила Фленушка. — Поближе найдемъ.

— Про самарскаго жениха говоришь? — сказала Марьюшка. — Болтали намедни, Снѣжковъ-де какой-то свататься къ ней пріѣзжалъ. Богатый, слышь!

— Какой тутъ Снѣжковъ! — молвила Фленушка. — Не всякъ голова, у кого борода, не всякъ женихъ, кто присватался, иному отъ невѣстиныхъ воротъ живетъ и поворотъ. Погоди — завтра все разскажу... Видишь ли, Марьюшка, дѣльце затѣяно. И по тому дѣлу безъ тебя не обойтись. Ты вѣдь вostруха, дѣвка хитроватая, глаза отводить да концы хоронить мастерица, за уловками дѣло у тебя не станетъ. Какъ хочешь, помогай.

— Что-жъ? Рада помочь, коли смогу... Для Настеньки на все я готова, — отвѣтила Марьюшка.

— Она на тебя, что на каменну гору надѣется, — молвила Фленушка. — Ай, батюшки!.. Забыла сказать... Про шерсти да бисерà помянула, а про самые-то первые подарки забыла. Платокъ шелковый прислала тебѣ, ситцу на сарафанъ, колечко съ бирюзой, цѣпочку.

— Напрасно это, — съ ужимкой отвѣтила Марьюшка. — Развѣ я изъ корысти? Ситецъ-отъ какой?

— Розовый съ разводами.

— Ой ли! Такого давно мнѣ хотѣлось. А платочекъ?

— Голубой съ цвѣточками да съ изюминками, — сказала Фленушка.

— Спаси ее Христосъ, что не забываетъ меня, сироту, — сказала, довольная подарками, Марьюшка.

— И впредь обижена не будешь, — молвила Фленушка. — Удалось бы только намъ дѣльце наше состряпать, будутъ у тебя и шелковы сарафаны.

— Ну ужъ и шелковы! — улыбнулась Марьюшка.

— Я тебѣ говорю, — молвила Фленушка. — Только молчи да ухо держи востро... Видишь ли, какое дѣло вышло — слушай. Только пріѣхали мы въ Осиповку, гляжу я на Настю, думаю, что̀ это такое сталось съ ней. Ровно не она; заговоришь съ ней, то заревомъ вспыхнетъ, то мукѝ бѣлѣй станетъ,

глаза горятъ, а вдругъ ни съ того ни съ сего затуманятся. Зачнетъ говорить — въ рѣчахъ путается, видимо, другое что̀ въ мысляхъ держитъ... Думаю я, тутъ что-нибудь да не такъ, это не то, что̀ съ Васькой Шибаевымъ соловьевъ у перелѣска слушать. Стала пытать, созналась дѣвка.

— Слюбилась? — живо спросила Марьюшка.

— Посмотрѣла бы ты, Марьюшка, парень-отъ какой, — сказала Фленушка. — Такой молодецъ, что хоть прямо во дворецъ. Высокій да статный, самъ кровь съ молокомъ, волосъ-отъ черный да курчавый, глаза-то какъ угли, за одно поглядѣнье рубля не жаль. А умница-то какая, смышленый какой...

— Кто-жъ онъ таковъ? Изъ купцовъ? Заѣзжій? — спрашивала Марьюшка.

— Деревенщина, голь перекатная, — отвѣтила Фленушка. — И вовсе не заѣзжій, у нихъ въ дому живетъ.

— Кто-жъ такой? — допытывалась Марьюшка.

— Токарь, въ работники его Патапъ-отъ Максимычъ нанялъ, — отвѣтила Фленушка. — Деревнюшка отъ нихъ есть неподалеку, Поромова прозывается, — оттолѣ. Незадолго до нашего пріѣзда и нанятъ-то былъ.

— Стало-быть, Настенька допрежь водилась съ нимъ? — спрашивала Марьюшка.

— Слыхомъ не слыхала, что есть на свѣтѣ Алешка Лохматый, — отвѣтила Фленушка.

— Алексѣемъ зовутъ?

— Да. А ты слушай: только увидѣла она его, сердце у ней такъ и закипѣло... Да безъ меня бы не вышло ничего, глаза бы только другъ на дружку пялили... А что̀ въ ней, въ сухой-то любви?.. Терпѣть не могу... Надо было смастерить... я и смастерила — сладились.

— Какъ же?

— Какъ водится, — сказала Фленушла. — По веснѣ надо дѣло до конца довести, — прибавила она, немножко помолчавъ.

— Какъ довести? — спросила Марьюшка.

— Окрутить Алешку съ Настасьей, — отвѣчала Фленушка.

— Уходомъ? — спросила Марьюшка.

— Да.

— Смотри, Фленушка, не обожгись, — молвила Марьюшка. — Патапа Максимыча я мало знаю, а толкуютъ, что ежели онъ на кого ощетинится, тому лучше съ бѣла̀ свѣта долой. Не то что насъ съ тобой, всю обитель вверхъ дномъ повернетъ.

— У медвѣдя лапа-то пошире, да и тотъ въ капканъ попадаетъ, — смѣючись, подхватила Фленушка. — Сноровку надо

знать, Марьюшка... А это ужъ мое дѣло, ты только помогай. Твое дѣло будетъ одно: гляди въ два, не въ полтора, однимъ глазомъ спи, другимъ стереги, а что̀ устережешь, про то мнѣ доводи. Кто мигнулъ, кто кивнулъ, ты догадывайся да мнѣ сказывай. Вотъ и вся недолга̀...

— Да я готова; боязно только,—говорила Марьюшка.

— Э! Перестань. Прежде смерти не умрешь! — сказала ей Фленушка. — Зубастъ Патапъ Максимычъ, да насъ съ тобой не съѣсть ему, а и захотѣлъ бы, такъ не по горлу придемся — подавится. Говорила тебѣ, хочешь въ шелковыхъ сарафанахъ ходить?

— Да такъ-то оно такъ, Фленушка,—въ раздумьѣ говорила Марьюшка. — Ну, а какъ Патапъ Максимычъ провѣдаетъ, тогда что̀?

— А какъ же это ему провѣдать-то? — возразила Фленушка.—Лѣтомъ на̀ Низъ сплыветъ, тогда все и сработаемъ. Пріѣзжай послѣ на готовое-то, встрѣчай зятя съ молодой женой. Готовь пиры, созывай гостей — это ужъ его дѣло...

Чуть не до по̀лночи протолковали дѣвицы, какъ бы половчѣй состряпать Настину свадьбу уходомъ.

На утро, еще до̀ свѣта, по всей Манеѳиной обители поднялась обычная, не суетливая, но спорая работа. Едва сѣверовостокъ небосклона зардѣлъ тонкой розовой полосой, какъ пятеро пожилыхъ, но еще крѣпкихъ и бодрыхъ трудниковъ съ лопатами на плечахъ пришли въ обитель съ коннаго двора, стоявшаго за околицей, и начали расчищать снѣжные сугробы, нанесенные за̀ ночь едва стихшею подъ утро мятелью. Прочистили они дорожку отъ часовни къ келарнѣ, и пошли по ней только-что отпѣвшія утреню инокини и бѣлицы, прочистили еще дорожки къ игуменской кельѣ, къ домику Марьи Гавриловны и отъ одной стаи до другой, къ погребамъ, къ амбарамъ и къ другимъ обительскимъ строеньямъ. Послѣ заутрени по всѣмъ кельямъ огоньки засвѣтились. Толстыя, здоровенныя бѣлицы изъ рабочихъ сестеръ, скинувъ коты и башмаки, надѣли мужскіе сапоги и нагольные тулупы, подпоясались кушаками и, обернувъ головы шерстяными платками, стали таскать охапки дровъ, каждая въ свою стаю, а всѣ вмѣстѣ въ келарню и къ крыльцу матушки-игуменьи. Черезъ полчаса высокіе столбы дыма высо̀ко вились надъ трубами въ тихомъ, недвижномъ, морозномъ воздухѣ. Трудницы межъ тѣмъ таскали изъ колодца воду по кельямъ, скоблили скребками крыльца, подтирали въ кельяхъ и въ сѣняхъ натоптанные съ вечера слѣды. Мать Виринея со своими подручницами

хлопотала въ келарнѣ, оттаивала принесенную изъ кладовой рыбу, перемывала рубленую капусту, засыпала въ чугуны горохъ и гречневую крупу. А въ обитель межъ тѣмъ собирался посторонній людъ. Мать Софія не выходила еще изъ Манеѳиной кельи, но сироты ужъ Богъ ихъ знаетъ какъ провѣдали о предстоящей раздачѣ на блины и на масло, пришли къ заутренѣ и, отслушавъ ее, разбрелись по обители: кто на конный дворъ, кто въ коровью избу, а кто и въ келарню, дожидаться, когда позоветъ ихъ мать игуменья и велитъ казначеѣ раздавать подаянье, присланное Патапомъ Максимычемъ.

Совсѣмъ разсвѣло. Въ сѣняхъ уставщицы раздался серебристый звонъ небольшого колокольчика. Ударили девять разъ, затѣмъ у часовни послышался рѣзкій звукъ деревяннаго била. Мѣрные удары его разносились по обители. Вдалекѣ по сторонамъ послышались такіе же звуки билъ и клепалъ изъ другихъ обителей. Это былъ скитскій благовѣстъ къ часамъ.

Вскорѣ Манеѳина часовня наполнилась народомъ. Инокини въ черныхъ мантіяхъ и креповыхъ наметкахъ чинно становились рядами передъ иконостасомъ, пѣвицы по клиросамъ, впереди всѣхъ Марьюшка. Сироты тоже прибрели въ часовню, но стали въ притворѣ, мужчины по одну сторону, женщины по другую. Еще раздались три удара въ колокольчикъ уставщицы, а за нимъ учащенные звуки била, и входныя двери часовни распахнулись настежь. Вошли рядомъ двѣ сгорбленныя древнія старушки, въ черной одеждѣ, расшитой красными крестами и буквами молитвы «Святый Боже». То были инокини-схимницы. Опираясь на деревянный костыль, медленно выступала за ними мать Манеѳа, въ длинной черной мантіи, въ апостольникѣ и камилавкѣ съ черною креповой наметкой. Ровною поступью проходила она между рядами склонявшихся передъ нею до земли инокинь и бѣлицъ и стала на свое игуменское мѣсто. За нею, склоня голову, шла Фленушка и стала за правымъ клиросомъ. Вслѣдъ за Манеѳой вошла Марья Гавриловна, высокая, стройная, миловидная женщина, въ шерстяномъ сѣромъ платьѣ и въ шелковой кофейнаго цвѣта шубейкѣ, подбитой куньимъ мѣхомъ, и въ темной бархатной шапочкѣ, отороченной соболемъ. Вдовушка прошла сторонкой подлѣ стѣнъ и стала рядомъ съ Фленушкой.

— За молитвы святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ,—громко возгласила Манеѳа.

— Аминь,—отвѣтила стоявшая середи часовни за налоемъ бѣлица, исправлявшая должность канонарха. Неспѣшно, истово отчеканивая каждое слово, начала она чтеніе часовъ.

Чинно, уставно, съ полнымъ благоговѣньемъ справляли келейницы службу. Мать Аркадія, какъ уставщица, стояла у аналоя, поставленнаго середи солеи и, подобно церковному престолу, покрытаго со всѣхъ сторонъ дорогою парчой. Въ положенное время, поклонясь игуменьѣ, Аркадія дѣлала возгласы. Всѣ стояли рядами недвижно, всѣ были погружены въ богомысліе и молитву, никто слова не молвитъ, никто на̀ сторону не взглянетъ — оборони Богъ увидитъ матушка Манеѳа, а она зоркая, даромъ что черный крепъ покрываетъ половину лица ея. Увидитъ, тутъ же при всѣхъ осрамитъ — середи часовни на поклоны поставитъ, не посмотритъ ни на лѣта ни на почетъ провинившейся. Всѣ разомъ крестились и кланялись въ положенное уставомъ время, всѣ въ разъ бросали передъ поклонами на полъ подручники, всѣ въ разъ поднимали ихъ, всѣ въ разъ перебирали лѣстовки. Часа полтора продолжалось протяжное чтеніе часовъ и медленное пѣніе на клиросахъ. Наконецъ Манеѳа сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и прочитала «про̂щу». Всѣ до земли поклонились ей, и она также. Затѣмъ рядами пошли всѣ вонъ изъ часовни.

Сойдя съ паперти, шедшая впереди всѣхъ Манеѳа остановилась, пропустила мимо себя ряды инокинь, и, когда вслѣдъ за ними пошла Марья Гавриловна, сдѣлала три шага ей навстрѣчу. Обѣ низко поклонились другъ другу.

— Здравствуете ли, сударыня Марья Гавриловна?—ласково спросила у нея мать Манеѳа.—Какъ васъ Господь Богъ милуетъ, все-ль по добру по здорову?

— Вашими святыми молитвами, матушка,—отвѣчала Марья Гавриловна. —Вы какъ съѣздили?

— Что̀ про меня, старуху, спрашивать? — отвѣтила Манеѳа.—Мои годы такіе: скорби да болѣзни. Все почти время прохворала, сударыня... Братецъ Патапъ Максимычъ приказалъ вамъ поклониться, Аксинья Захаровна, Настя съ Парашей...

— Благодаримъ покорно, — съ улыбкой отвѣтила Марья Гавриловна. — Здоровы ли всѣ они?

— Слава Богу, сударыня, — сказала Манеѳа и, понизивъ голосъ, прибавила:—Братецъ-отъ очень скорбитъ, что вы его не посѣтили... Самъ себя бранитъ, желательно было ему самому пріѣхать къ вамъ позвать къ себѣ, да дѣла такія подошли, задержали. Очень ужъ онъ опасается, не оскорбились бы вы...

— Э, полноте, матушка, — отвѣтила Марья Гавриловна. — Развѣ за тѣмъ я въ обитель пріѣхала, чтобъ по гостямъ на пиры разъѣзжать? Спокой мнѣ нуженъ, тихая жизнь... Про-

стите, матушка, — прибавила она, поклонясь игуменьѣ и намѣреваясь идти домой.

— До свиданья, сударыня,—отвѣтила Манеѳа.—Вотъ я не на долгое время въ келарню схожу, люди тамъ меня ждутъ, а послѣ къ вамъ прибреду, коли позволите.

— Милости просимъ, удостойте, — отвѣчала Марья Гавриловна.—Будемъ ждать. Фленушка,—прибавила она, обращаясь къ ней:—пойдемъ ко мнѣ... Марьюшка! Ко мнѣ на чашку чаю.

И, поклонясь еще разъ матери Манеѳѣ, Марья Гавриловна пошла къ своему домику, а за ней Фленушка съ головщицей.

Мать Манеѳа съ инокинями, бѣлицами и сиротами прошла въ келарню. Тамъ столы были уже накрыты, но кушанье еще не подано. Въ дверяхъ встрѣтила игуменью мать Виринея съ своими подручницами и поклонилась до земли. Клирошанки запѣли тропарь преподобному Ефрему Сирину, Манеѳа проговорила «прощу» и сѣла на свое мѣсто. Инокини разсѣлись по сторонамъ по старшинству, бѣлицы стояли за ними. Лицомъ къ игуменьѣ у самыхъ дверей рядами стали пришедшіе сироты. Легкій шопотъ раздавался по келарнѣ. Мать Манеѳа ударила въ кандію, и все смолкло.

— Здравствуйте о Христѣ Іисусѣ,—сказала она, обращаясь къ сиротамъ.

Тѣ въ разъ поклонились ей до земли.

— Богъ вамъ милости прислалъ, — продолжала Манеѳа: — а Патапъ Максимычъ Чапуринъ кланяться велѣлъ.

Еще разъ сироты молча до земли поклонились.

— Говорила я ему про вашу бѣдность и нужды, вотъ приходитъ, молъ, Сырная недѣля, къ Великой Четыредесятницѣ пріуготовленіе, а нашимъ сиротамъ не на что гречневой мучки купить да маслица. И Патапъ Максимычъ пожаловалъ вамъ, братія и сестры, по рублю ассигнаціями на дворъ.

— Дай Богъ многолѣтняго здравія Патапу Максимычу и всему дому его,—проговорили сироты, опять кланяясь до земли.

Бабы отирали слезы, мужики гладили бороды, ребятишки, выставленные впередъ, разинувъ ротъ, удивленными глазами смотрѣли на игуменью и на сидѣвшихъ вокругъ нея инокинь.

— По муку да по крупу на базаръ вамъ ѣздить не надо,— продолжала мать Манеѳа не допускающимъ противорѣчія голосомъ.—Нечего время попусту тратить. Отпусти, Таифа, сиротамъ на каждый дворъ муки да масла. Снѣточковъ прибавь, судачка вяленаго да пшеничной мучки на пряженцы. Разочти, чтобъ на каждый дворъ по рублю съ четвертью приходилось. По четверти отъ нашей худости примите, — промолвила Манеѳа, обращаясь къ сиротамъ.

Почесалъ иной мужикъ-сирота затылокъ, а бабы скорчили губы, ровно уксусу хлебнули. Сулили по рублю деньгами — кто чаялъ шубейку починить, кто соли купить, а кто думалъ и о чарѣ зелена вина. А все-таки надо было еще разъ земной поклонъ матушкѣ Манеѳѣ отдать за ея великія милости...

— Молитесь же за здравіе рабовъ Божіихъ Патапія, Ксеніи, Анастасіи и Параскевы,—продолжала мать Манеѳа.—Дѣвицы, возьмите по бумажкѣ да пишите на память сиротамъ, за кого имъ молиться. Кромѣ семьи Патапа Максимыча еще благодѣтели будутъ.

Три бѣлицы принесли бумаги и стали писать «памятки» на раздачу сиротамъ. Манеѳа вынула изъ кармана три письма и, подавъ казначеѣ, сказала:

— Читай, мать Таифа.

Надѣвъ на носъ очки въ мѣдной оправѣ, казначея стала читать:

«Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Крайняго и пресвѣтлаго, грядущаго града небеснаго Іерусалима взыскательницѣ, любозрительныхъ же и огнелучныхъ ангельскихъ силъ ревнительницѣ, плоть свою Христа ради изнуривішей, твердому и незыблемому адаманту древлеблагочестивыя отеческія нашея вѣры, пресвѣтло аки луча солнечная сіяющей во благочестіи и христоподражательномъ пребываніи, пречестной матушкѣ Манеѳѣ, о еже во Христѣ съ сестрами пречестныя обители святыхъ, славныхъ и всехвальныхъ, верховныхъ апостолъ Петра и Павла земнокасательное поклоненіе и молитвенное прошеніе о еже приносити Подателю всѣхъ благъ, Всевышнему Богу о насъ грѣшныхъ и недостойныхъ святыя и пріятныя ваши молитвы. По семъ возвѣщаемъ любви вашей о Божіемъ посѣщеніи на домъ нашъ бывшемъ, ибо сего января въ 8 день на память преподобнаго отца нашего Георгія Хозевита возлюбленнѣйшій сынъ нашъ Герасимъ Никитичъ отъ сего тлѣннаго свѣта отыде и преселился въ вѣчный покой. И вамъ бы его поминати на двадцатый и на сороковой день, полугодовыя и годовыя памяти творити, и вписати бы его въ сенаникъ и вѣчно поминати его, а въ день кончины его и на тезоименитство, 4-го марта, кормы ставить: по четыре яствы горячихъ и квасы сыченые, и кормити опричь обительскихъ и сиротъ, которые Бога ради живутъ въ скитѣ вашемъ. Пятьсотъ рублевъ на серебро вкладу на вѣчное поминовеніе пришлемъ съ Ростовской ярмарки, а теперь посылаемъ двѣсти пятьдесятъ рублевъ ассигнаціями въ ручную раздачу по обители и по сиротамъ и по всѣмъ старымъ и убогимъ, которые Бога боящеся живутъ постоянно:

на человѣка на каждаго поскольку придется и вы по нимъ по рукамъ раздайте. А насъ письменно увѣдомьте, всѣ ли получили деньги, и означьте въ письмѣ вашемъ доподлинно имена обительскихъ, а также и сиротъ, которымъ раздадите наше усердное приношеніе. Только тѣмъ подавайте, которые хорошо молятся и живутъ постоянно, помолились бы хоть по три поклона на день на всѣ шесть недѣль за Гарашу покойника и за насъ о здравіи Никиты и Евдокіи и о вдовицѣ Гарашиной Анисіи съ чадами. А здѣсь у насъ на дому молятся хорошо—негасимую и всенощную читаетъ ваша читалка, Аринушка, прилежно и усердно, все чередомъ идетъ. У Богдановыхъ она годовую отчитала, и мы ее взяли къ себѣ. А какъ у насъ отчитаетъ, то мы пришлемъ въ вашу обитель еще приношеніе по силѣ возможности. За симъ, припадая къ стопамъ ногъ вашея честности и паки прося святыхъ вашихъ молитвъ, остаемся ваши доброжелатели Никита Зарубинъ съ сожительницею, снохою и внучатами».

— Пишите, дѣвицы, — сказала Манеѳа: — въ рядъ послѣ Патапа Максимыча семейства: «за здравіе Никиты, Евдокіи, Анисіи съ чадами», а на затылкѣ пишите: «за упокой Герасима новопреставленнаго». Другое письмо читай, мать Таифа.

«Пречестная матушка Манеѳа Максимовна, съ собранными о Христѣ сестрами, здравствуйте. Когда мы видѣлись съ вами, матушка, послѣдній разъ у Макарья въ прошедшую ярмарку въ лавкѣ нашей на Стрѣлкѣ, сказывалъ я вашей чести, чтобы вы хорошенько Богу молились, даровалъ бы Господь мнѣ благое поспѣшеніе по рыбной части, такъ какъ я впервые еще тогда въ рыбную коммерцію попалъ и очень боялся, чтобы мнѣ въ карманъ не наклали, потому что доселѣ все больше по подрядной части маялся, а рыба для насъ было дѣло закрытое. И теперь вижу, что Бога молили вы какъ не надо лучше, потому что, вотъ какъ передъ самимъ истиннымъ Христомъ, вовсе не думалъ по рыбѣ займоваться, потому думалъ, дѣло плевое, а вышло дѣло-то способное. И вашими святыми молитвами на судакѣ взялъ я по полтинѣ барыша съ пуда да на коренной двадцать три копейки съ деньгой. А Егоръ Трифоновъ хотѣлъ перебить у меня эту часть да и проторговался. Такъ ему хорошо въѣхала судачина, что копеекъ по двѣнадцати съ пуда скостить должонъ, а икра вся прогоркла, да, почитай, и совсѣмъ протухла; развѣ что въ Украйну сбуритъ, а здѣсь на Москвѣ никто такой икры и лизнуть не захочетъ. И такое Божіе милосердіе вашимъ святымъ молитвамъ приписуючи, шлю вамъ, матушка, сто рублевъ на серебро на раздачу обительскимъ да сиротамъ по рукамъ, которые хорошо

Бога молили. А Игнатьевымъ въ обитель отнюдь не давайте для того, что онѣ за Егорку Трифонова Бога молятъ, онъ еще у Макарья при моихъ глазахъ деньги имъ давалъ и судаками. Только ихняя-то молитва, видимо, не такъ до Бога доходна, какъ ваша. Просимъ и впредь не оставить, молиться хорошенько, чтобъ Господь по нашей торговлѣ больше барышей намъ подавалъ. А поминать за здравіе меня да супругу нашу Домну Григорьевну. Засимъ, пожелавъ вамъ всякаго благополучія, остаемся извѣстный вамъ Сергѣй Орѣховъ».

— Пишите, дѣвицы: «за здравіе Сергія и Домны», — проговорила обычнымъ, невозмутимымъ голосомъ Манеѳа.—Третье письмо читай, мать Таифа.

«Любезненькая наша матушка Манеѳа, ангельскія твои уста, серафимскія твои очи!.. Чтò это вы, матушка, давно намъ не отписываете, каково въ трудахъ своихъ подвизаетесь, и о здоровьѣ вашемъ и о Фленушкѣ милой ничего мы не знаемъ, какъ она, голубушка наша, поживаетъ, и про племяненокъ вашихъ про Настасью Патаповну, Прасковью Патаповну. А мы съ Варенькой каждый день васъ поминаемъ, какъ лѣтось гостили въ вашей обители и ужъ такъ вами были обласканы и ужъ такъ всѣмъ были удовольствованы, что остается только Богу молиться, чтобъ и еще когда сподобилъ въ вашемъ честномъ пребываніи насладиться спасительною вашею бесѣдой. Извѣщаю васъ, матушка, что Варенькѣ моей Богъ судьбу посылаетъ. Сосватана она за Петра Александрыча Саблукова — въ нашемъ городу чтò ни на есть первые люди, а Петръ Александрычъ хоша и вдовецъ, однакоже бездѣтенъ, и самому всего двадцать седьмой годочекъ пошелъ. У отца у ихняго фабрика здѣсь кумачевая, два сына да дочка замужемъ, отдѣленная, а въ капиталѣ они въ хорошемъ. Одно только, что по единовѣрію они, по новоблагословенной, значитъ, какъ въ Москвѣ у Салтыкова моста, аль по вашимъ мѣстамъ Медвѣдевской церкви, а, впрочемъ, люди хорошіе. Свадьбу сыграемъ въ пятницу передъ Масленой, хоша и не все приготовлено, да не ждать же Ѳоминой недѣли, — чтò хорошаго томить жениха съ невѣстой?.. А присватался-то поздненько, на самое Богоявленье по рукамъ били. При семъ посылаю вамъ, матушка, сто двадцать рублевъ на серебро, помолились бы вы и ваши богоугодныя сестры, а также которые сироты живутъ постоянно, за дочку за нашу и за жениха, чтобы послалъ имъ Господь бракъ честенъ, ложе нескверно и житіе безмятежно. А бисерную лѣстовку и подручникъ, шитый по канвѣ, мы получили и много за то благодарствуемъ. Засимъ, прося вашихъ святыхъ и дò Бога доходныхъ молитвъ и уповая на ми-

лость вашу, остаюсь доброжелательница ваша Наталья Шарымова».

— Пишите: «за здравіе Петра, Варвары и Наталіи», — сказала Манеѳа.

— Можно ли, матушка, жениха-то поминать? Вѣдь онъ не нашего согласа, — наклонясь къ игуменьѣ, шопотомъ спросила уставщица, мать Аркадія.

— Поминайте жениха безъ сумнѣнія, — громко отвѣтила Манеѳа. — Инославныхъ за упокой поминать не подобаетъ, а за здравіе можно. Молимся же за Державнаго, за боляры и за вои.

— Такъ то̀ вѣдь власти, матушка, — продолжала полушопотомъ мать Аркадія. — За всяку власть предержащую по Апостолу молимся. А шарымовскій женихъ что̀ намъ за власть?

— Зато благодѣтель, — молвила Манеѳа. — А за благодѣтелей первѣе всего подобаетъ молиться. Впрочемъ, вольному воля, — прибавила она, немного помолчавъ: — кому не по совѣсти молиться за Петра Александрыча, тотъ не молись. Сказывайте, кому не по совѣсти, того мы выключимъ изъ раздачи шарымовскихъ денегъ.

Всѣмъ было по совѣсти. Никто не отказался отъ части въ шарымовской присылкѣ.

— Мать Таифа, — сказала игуменья, вставая съ мѣста. — Тысячу двадцать рублевъ на ассигнаціи разочти какъ слѣдуетъ и, по чемъ придется, сиротамъ раздай сегодня же. И ты имъ на масленицу сегодня же все раздай, матушка Виринея... Да голодныхъ изъ обители не пускай, накорми сиротъ, чѣмъ Богъ послалъ. А я за трапезу не сяду. Неможется что-то съ дороги-то, — лечь бы мнѣ, да боюсь: поддайся одной боли да лягъ — другую наживешь, ужъ какъ-нибудь, бродя, перемогусь. Прощайте, матери, простите, братія и сестры.

Провожаемая низкими поклонами и громкими благодарностями сиротъ, мать Манеѳа медленно удалилась изъ келарни.

Проводя игуменью, всѣ стали вокругъ столовъ. Казначея мать Таифа, какъ старѣйшая, заняла мѣсто настоятельницы. Подали въ чашкахъ кушанье, Таифа ударила въ кандію, прочитали молитву передъ трапезой, сѣли и стали обѣдать въ строгомъ молчаньи. Только одинъ рѣзкій голосъ канонницы, нараспѣвъ читавшей житіе преподобнаго Ефрема Сирина, уныло раздавался въ келарнѣ.

Глава четвертая.

Въ Казани, за Булакомъ, несмотря на частые пожары, и до сихъ поръ чуть ли не цѣлъ небольшой каменный домъ ста-

ринной постройки, гдѣ родилась Марья Гавриловна. Во время оно принадлежалъ тотъ домъ купцу третьей гильдіи Гаврилѣ Маркелычу Залетову.

Не былъ Гаврила Маркелычъ въ числѣ первостатейныхъ купцовъ, не ворочалъ милліонами, но считался весьма зажиточнымъ. Въ Плетеняхъ на Кабанѣ былъ у него мыловаренный заводъ, рядомъ съ нимъ китаечная фабрика. Заведены были они не на широкую ногу, зато устроены исправно и держались въ хорошемъ порядкѣ. У Макарья Залетовъ торговалъ, тамъ у него было двѣ лавки; въ понизовыхъ городахъ дѣла велъ, въ степи да за Уралъ за сырьемъ ѣзжалъ. Опричь того двѣ расшивы у него возили по Волгѣ пшеницу отъ Балакова до Рыбинска. Въ это дѣло самъ онъ не вступался, предоставивъ его старшему женатому сыну, жившему съ отцомъ за одну семью. Очень хотѣлось Гаврилѣ Маркелычу пароходъ завести, потому что видѣлъ онъ скорый конецъ неуклюжимъ росшивамъ, баркамъ, коломенкамъ и ладьямъ, что̀ изстари таскали кладь по Волгѣ. Изъ головы у него не выходилъ пароходъ: цѣлые часы, бывало, ходитъ взадъ и впередъ и думаетъ о немъ; спать ляжетъ, и во снѣ ему пароходъ грезится; раздумается иной разъ, и слышатся ему то свистокъ, то шумъ колесъ, то мѣрный стукъ паровой машины... Но не могъ Гаврила Маркелычъ исполнить завѣтной, долгіе годы занимавшей его мечты — денегъ не хватало на постройку, а онъ сроду ничего въ долгъ не дѣлывалъ и ни за какія блага не сталъ бы дѣлать займа... Зато ничего не пожалѣлъ бы, жену, дѣтей радъ бы, кажется, былъ продать, если-бъ только можно было ему пароходъ свой доспѣть.

Ходила молва по купечеству, что у Залетова денегъ много, и хоть не пишется онъ въ первую гильдію, а будетъ богаче иныхъ первогильдейцевъ. Какъ сказано, долженъ онъ сроду никому не бывалъ, торговалъ всегда на наличныя. Выпадали случаи, столь обычные въ жизни торговаго человѣка, что Гаврилѣ Маркелычу деньги бывали нужны до зарѣзу; тогда всякій бы съ радостью готовъ былъ одолжить его, но Залетовъ ни за что на свѣтѣ копейки у чужихъ людей не бралъ. «Нѣтъ, — гаваривалъ онъ:— чужи-то денежки зубасты, возьмешь лычко, отдашь ремешокъ, займы та же кабала». Сынъ приставалъ иной разъ, уговаривалъ вести торговлю на кредитъ.

— Батюшка,— скажетъ, бывало, ему:—сами вы у себя деньги отнимаете, — иной разъ какой бы можно было оборотъ сдѣлать, а нѣтъ въ наличности денегъ—дѣло и пропустишь... На иномъ дѣлѣ можно бы такой барышъ взять, что пароходъ бы выстроили.

— Не смущай ты меня, Антипъ, — отвѣчалъ обыкновенно на это Гаврила Маркелычъ. — Экій лукавый — знаетъ, чѣмъ смутить... Не поминай, не моги смущать родителя... Побольше тебя на свѣтѣ живемъ, побольше твоего и видали. Зачни-ка дѣлать долги, — втянешься такъ, что по уши завязнешь... Слыхалъ, какіе въ прежни годы въ нашемъ городу богатѣи были? Вихляевыхъ къ примѣру взять, Круподеровыхъ — какими дѣлами ворочали, какіе были у нихъ заводы, а какъ пошли по этому чайному дѣлу да стали на пустышку дѣло вести, все прахомъ пошло. Вонъ вихляевскій-то внукъ въ извозчикахъ на биржѣ стоитъ, а дѣдъ, прадѣдъ первыми людьми по всей Казани были... Нѣтъ, Антипъ, покамѣстъ на свѣтѣ живу, копейки ни у кого не возьму, да и тебѣ нѣтъ моего благословенья ни въ долги входить ни людямъ давать... Это все заморски купцы выдумали кредитъ этотъ — нѣмцы... Ну ихъ къ бѣсовой матери!.. Одно навожденье!.. Будутъ у тебя залежныя, строй пароходъ — дѣло выгодное, не чета твоимъ расшивамъ. А построивши пароходъ, коли еще лишнихъ денегъ наживешь — другой выстрой, третій, а не то ужъ лучше по-старинному — въ кубышку да въ подполье. Тамъ крѣпче деньгамъ лежать, зà море не улетятъ... А пуще всего въ люди денегъ давать не моги, потому это баловство одно, какъ есть малодушіе и больше ничего. Коли видишь человѣка въ нуждѣ, а человѣкъ онъ добрый, стòящій, — дай ему — только не въ долгъ, а безъ отдачи. Справится по времени, принесетъ деньги — прими, не принесетъ — не поминай. А давай не грошъ, не гривну, а чтобы справиться можно было человѣку. Пуще всего роднѣ взаймы не давай да друзьямъ-пріятелямъ, потому что долгъ — остуда любви и дружбы. А случится, надоѣстъ какой человѣкъ, и не сможешь ты отъ него ничѣмъ отдѣлаться, дай ему взаймы, глазъ не покажетъ... Это завсегда такъ: вѣрь отцовскому слову... Помни это, Антипъ, во всю твою жизнь помни и дѣтямъ своимъ заповѣдай, говаривалъ-де мнѣ покойникъ родитель, «плутъ, кто беретъ, глупъ, кто даетъ»...

Такъ думалъ и такъ поступалъ Гаврила Маркелычъ, оттого и жилъ въ своей средѣ особнякомъ. Не то, чтобы люди его бѣгали, али-бъ онъ отъ людей сторонился, но дружество ни съ кѣмъ у него не клеилось.

А скрягой нельзя было назвать его. Никто честнѣй Залетова съ рабочими не раздѣлывался. Въ заводѣ не бывало того у Гаврилы Маркелыча, чтобъ обсчитать бѣднаго человѣка. Да, если бы паче чаянія случилось, чтобы сынъ его сдѣлалъ такое дѣло, гривну бы какую при расчетѣ утянулъ, Гаврила Маркелычъ ему голову бы, кажется, сорвалъ. У него было такъ: не-

ладенъ работникъ, аль лѣнтяй какой, сейчасъ расчетъ, отдастъ ему, что̀ слѣдуетъ, до копейки, да тутъ же и на порогъ укажетъ, а хорошему рабочему сверхъ уговора что-нибудь дастъ, только накажетъ ему строго-на̀строго о прибавкѣ никому не сказывать... А въ часовню, что̀ у Татарскаго моста на Булакѣ стояла (раскольничалъ Гаврила Маркелычъ, по бѣглому священству былъ), кто больше всего жертвовалъ?.. Кто ризы на иконахъ золотилъ, кто ослопныя свѣчи къ каждой Пасхѣ, къ каждому Рождеству передъ мѣстными образами ставилъ, кто сиротъ и странниковъ въ часовенной богадѣльнѣ всѣмъ удоволить старался?... Гаврила Маркелычъ Залетовъ, даромъ что изъ часовеннаго общества другіе невпримѣръ богаче его были... У кого кажду субботу нищимъ ручная раздача милостыни? У Гаврилы Маркелыча... Кто каждо воскресенье, каждый праздникъ въ острогъ калачи посылаетъ? Гаврила Маркелычъ... У кого на окнахъ снаружи приворотной свѣтелки кажду ночь хлѣбъ, пироги и другую, какая случится, пищу кладутъ, ради тайной милостыни? У Гаврилы Маркелыча...

Въ гостиномъ дворѣ аль на Бакалдѣ *) зачнутъ, бывало, купцы къ нему приставать.

— Чтой-то ты, Гаврила Маркелычъ, дѣлаешь? Всѣмъ, сударь мой, ты на удивленье! Съ такими деньгами, съ этакимъ твоимъ капиталомъ сидишь, братецъ мой, въ третьей гильдіи. Дляче въ перву не пишешься?

— Эхъ, други мои любезные,—молвитъ на то Гаврила Маркелычъ. — Что̀ за невидаль ваша первая гильдія? Мы люди сѣрые, намъ, пожалуй, она не подъ стать... Говорите вы про мой капиталъ, такъ чужая мошна темна, и денегъ моихъ никто не считалъ. Можетъ статься, капиталу-то у меня и много поменьше того, какъ вы разсуждаете. Да и какой мнѣ припѣнъ въ первой гильдіи сидѣть? Кораблей за море не отправлять, сына въ рекруты все едино не возьмутъ, коль и по третьей запишемся, изъ-за чего же я стану лишни хлопоты на себя принимать?

— Почету больше, Гаврила Маркелычъ,—говорятъ ему торговцы.

— Ну ужъ почетъ — нечего сказать!—отвѣтитъ, бывало, Залетовъ. — Свысока-то станешь глядѣть — глаза запорошишь. Невпримѣръ лучше по-нашему, по-сѣрому: лежи низенько, ползи помаленьку, и упасть некуда, а хоть и упадешь, не зашибешься. Такъ-то, други вы мои любезные.

Въ семейномъ быту Гаврила Маркелычъ былъ съ головы

---

*) Бакалдою называется пристань на Волгѣ близъ Казани.

до ногъ домовладыка старо-русскаго завѣта. Любилъ жену, любилъ дѣтей, но по-своему... Всегда казался къ нимъ холоденъ, бывалъ даже суровъ ни за̀ что, ни про что, такъ — здорово живешь. «Хозяинъ всему голова,—говаривалъ онъ:—жена и дѣти мои: хочу, ихъ милую, хочу, въ гробъ заколочу». Воля Гаврилы Маркелыча была закономъ, малѣйшее проявленіе своей воли у дѣтей считалъ онъ непокорствомъ, непочтеньемъ, влекущимъ за собой скорую и строгую расправу. Когда сыну его пришла пора жениться, онъ сказалъ ему:

— Антипушка, пора тебѣ законъ свершить, а невѣсту тебѣ я сыскалъ. Матвѣя Петровича Солодова дочку, Аннушку, видалъ?.. Хозяйка по тебѣ: смиренная, работящая, изъ себя казиста — видная такая, кость широкая, собой дѣвка здоровенная, на̀долго тебѣ ее хватитъ, небось, не овдовѣешь... Говорю тебѣ, по всѣмъ статьямъ останешься доволенъ... Завтра сватовъ надо засылать, для того, что мясоѣду остается немного... Скорымъ дѣломъ васъ окрутимъ, благо попъ съ Иргиза наѣхалъ.

Хоть объ Аннушкѣ Солодовой Антипу Гавриловичу и въ голову никогда не приходило, но, не поморщившись, исполнилъ онъ волю родительскую, пошелъ подъ вѣнецъ, съ кѣмъ приказано... И послѣ ничего... Не нахвалится, бывало, женой. Ладно жили между собою.

Дочка еще была у Гаврилы Маркелыча — дѣтище моленное, прошенное и страстно, до безумія любимое матерью. И отецъ до Маши ласковъ бывалъ, рѣдко когда пожуритъ ее. Да, правду сказать, и журить-то ее было нѐ за что. Дѣвочка росла умненькая, добрая, послушная, а изъ себя такая красавица, какихъ на свѣтѣ мало родится. Заневѣстилась Марья Гавриловна, семнадцатый годокъ ей пошелъ, сталъ Гаврила Маркелычъ про жениховъ думать-гадать.

Въ старинныхъ русскихъ городахъ до сихъ поръ хранится обычай «невѣстъ смотрѣть». Для того взрослыхъ дѣвицъ одѣваютъ въ лучшія платья и отправляются съ ними въ извѣстный день на условное мѣсто. Молодые люди приходятъ на выставку дѣвушекъ, высматриваютъ суженую. Въ новомъ Петербургѣ такія смотрины бываютъ на гуляньѣ въ Лѣтнемъ саду, въ старыхъ городахъ — на крестныхъ ходахъ. Такъ и въ Казани водится.

Приближался день приноса чудотворной иконы изъ Семиозерной пустыни, когда казанскіе женихи невѣстъ высматриваютъ. Гаврила Маркелычъ велѣлъ женѣ Машу вырядить и отправляться на смотръ *). Разрядилась Маша въ шелки-бар-

*) На смотринахъ при крестныхъ ходахъ и старообрядцы принимаютъ участіе. Въ своихъ часовняхъ и моленныхъ не могутъ они устраивать

хаты и рано утромъ съ матерью и невѣсткой пошла на широкую луговину, что̀ разстилается между кремлемъ и Кижицами. Черезъ нее должны были проносить икону Богородицы. Прихватили Залетовы съ собой бабушку Абрамовну, двоюродную тетку Гаврилы Маркелыча, кочевавшую по роднымъ и знакомымъ, гдѣ подомовничать, гдѣ за больнымъ походить, гдѣ по хозяйству передъ праздниками пособить. Маленько и сватаньемъ занималась Абрамовна.

Дѣло было въ іюнѣ. Съ ранняго утра гудѣлъ торжественный звонъ колоколовъ съ пятидесяти казанскихъ колоколенъ. Погода стояла теплая, ясная; поднимавшееся на небосклонъ солнце ярко освѣщало городскія зданія и кремлевскія стѣны и переливчатымъ блескомъ играло на золотомъ шарѣ Сумбекиной башни. Разряженные горожане густыми толпами спѣшили по луговинѣ къ Кижицкому монастырю, туда еще съ вечера принесли икону изъ Семиозерной обители. Женщинъ, какъ всегда и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, было гораздо больше чѣмъ мужчинъ; бѣлые, красные, голубые и другихъ яркихъ цвѣтовъ наряды, цвѣтные зонтики, распущенные надъ головами богомолокъ, придавали необычный въ другое время, праздничный видъ луговинѣ, весной заливаемой водопольемъ, а потомъ посѣщаемой развѣ только косцами да охотниками за болотной дичью. Чѣмъ ближе къ монастырю, тѣмъ гуще и пестрѣй становились толпы. Народный говоръ, гиканье казаковъ, летавшихъ взадъ и впередъ по дорогѣ, крики полицейскихъ, въ потѣ лица работавшихъ надъ порядкомъ, стукъ экипажей, несшихся къ монастырю, и колокольный благовѣстъ — все сливалось въ одинъ праздничный гулъ, далеко разносившійся по окрестностямъ. Семейство Гаврилы Маркелыча остановилось у того мѣста, гдѣ должны были встрѣтиться два крестные хода: одинъ изъ города, другой изъ монастыря. Шестнадцатилѣтняя Маша сіяла красотой: черные, какъ смоль, волосы оттѣняли смуглое, румяное личико, огневые черные глаза такъ и горѣли изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Высокая, стройная, статная дѣвушка скромно стояла на мѣстѣ, глазъ не поднимаючи, а молодежь такъ и кружится вокругъ нея,

---

смотрииъ «страха ради іудейска», то-есть, попросту говоря, страха ради полиціи, не допускающей большихъ раскольничьихъ сборищъ. А смотрѣть невѣстъ надо — безъ того нельзя обойтись. И вспомянули ревнители древляго благочестія изреченныя лѣтъ полтораста тому назадъ словеса своего «страдальца», протопопа Аввакума Петровича, разрѣшившаго поклоняться чудотворнымъ иконамъ, хранимымъ никоніанами, но не иначе, какъ на открытомъ мѣстѣ, напримѣръ, на крестныхъ ходахъ, а отнюдь не подъ церковными сводами.

такъ на нее и заглядывается. На всемъ полѣ не было красивѣе Маши Залетовой.

Но вотъ вмѣсто мѣрнаго благовѣста въ монастырѣ затрезвонили. Затрезвонили тотчасъ и на городскихъ колокольняхъ. Толпы пришли въ движеніе: кто спѣшилъ къ монастырю, кто къ мѣсту встрѣчи крестныхъ ходовъ. Изъ Кижицъ показалось церковное шествіе: хоругви, кресты и наконецъ всѣми ожидаемая икона, во время оно, какъ гласитъ преданіе, спасшая Казань отъ моровой язвы. Несли икону на рукахъ священники, сопровождаемые пришлыми изъ дальнихъ и ближнихъ мѣстъ богомольцами... Запылены тѣ богомольцы въ пути, навьючены котомками и пещерами... Въ то же время по крутому спуску къ рѣкѣ Казанкѣ, изъ Тайницкихъ воротъ кремля, двинулось другое шествіе. Тамъ развѣвались цеховые значки и церковныя хоругви, блестѣли на солнцѣ дородоровыя ризы духовенства, расшитые золотомъ мундиры казанскихъ властей и штыки гарнизоннаго батальона, разставленнаго рядами по сторонамъ пути. Звонъ колоколовъ, грохотъ барабановъ, военная музыка, пѣніе клира и глухой перекатный топотъ многотысячной толпы сливались въ нестройные, но торжественные звуки.

На приготовленномъ мѣстѣ встрѣтились крестные ходы. Все смолкло: и звонъ, и пѣніе, и барабанный бой, и музыка, и народный топотъ, и говоръ. Всякій звукъ замеръ въ громадной толпѣ, и далеко по луговинѣ раздалось бряцанье серебрянаго кадила въ рукѣ архіерея, привѣтствовавшаго ѳиміамомъ пришествіе Владычицы. Слышались еще шумный шорохъ отъ движенья десятковъ тысячъ рукъ крестившагося народа да звонкая, вольная пѣсня жаворонка, лившаяся на землю изъ лазурнаго пространства. Но вотъ архіерей, принявъ на свои руки принесенную святыню, передалъ ее городскому головѣ, и клиръ торжественно воскликнулъ: «Днесь свѣтло красуется градъ сей, яко зарю солнечную воспріемше, Владычице, чудотворную Твою икону!»... Блеснули слезами взоры молящейся толпы, и десятки тысячъ повергнись ницъ предъ ликомъ Дѣвы Маріи. Опять загудѣли колокола, опять загрохотали барабаны, опять раздалось громкое пѣніе, опять грянула военная музыка. Шествіе двинулось въ кремль. И у всѣхъ на душѣ было свѣтло, легко и радостно.

— Ну, вотъ и привелъ Господь проводить Владычицу! Слава Тѣ, Господи,—говорили пришедшіе издалека богомольцы, собираясь во-свояси, иные за сотню верстъ и больше отъ Казани.

— Слава Тѣ, Господи! Дождались матушку Пресвятую Богородицу! Привелъ Богъ встрѣтить Царицу Небесную, — на-

божно крестясь, говорили расходившіеся по домамъ горожане. И, встрѣчаясь съ знакомыми, весело и радостно поздравляли они другъ друга съ великимъ праздникомъ. У всѣхъ лица сіяли чистой, свѣтлой радостью. На что толстый, широкоплечій, со здоровенными кулаками, частный приставъ Хоменко, долго и неустанно возбуждавшій православныхъ къ благоговѣнію и порядку, даже и тотъ, остановясь у Тайницкихъ воротъ, раза два перекрестился усталою рукою... А затѣмъ, окинувъ съ высоты горы орлинымъ взоромъ разстилавшуюся внизу луговину и замѣтивъ на ней кучки богомольцевъ, тамъ и сямъ разсѣвшихся по травѣ, подозвалъ квартальнаго и зычнымъ голосомъ отдалъ приказъ:

— Ишь ихъ чертей что̀ тамъ насѣло!.. Взять трехъ хожалыхъ да казаковъ. Для усиленія четырехъ подчасковъ — черезъ полчаса чтобъ не было народу на̀ полѣ. У меня не зѣвать!

И меньше чѣмъ черезъ полчаса народу на полѣ не оставалось ни одного человѣка.

По случаю торжества въ городской думѣ былъ завтракъ, стоившій двухъ обѣдовъ. Это городской голова угощалъ архіерея съ духовенствомъ, губернатора со властями и почетное купечество. Стерляди были уму помраченіе, разварной осетръ глядѣлъ богатыремъ, а кулебяка вышла такая, что первый знатокъ повареннаго дѣла, дюжій помѣщикъ, Петръ Александровичъ Кострильцовъ, хотѣлъ-было пальчики облизать, да застыдился. Онъ ограничилъ восторгъ свой тѣмъ, что издали низенько поклонился головѣ, сдѣлалъ ему ручкой и щелкнулъ языкомъ. Голова, погладивъ бороду, собственноручно подлилъ хорошему человѣку вина и промолвилъ: «пожалуйте-съ»... Тостовъ было множество, пили всѣхъ и за вся. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, а въ Швейцаріи *), на дачѣ губернатора составился танцовальный вечеръ. Черезъ день въ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатана была умилительная и въ высшей степени благонамѣренная статья о минувшемъ торжествѣ. Все въ ней было сказано, ни о чемъ не забыто — говорилось и о лазурныхъ небесахъ, и о майскомъ зефирѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ, не были забыты ни яркое солнце, сочувствовавшее ликованію благочестивыхъ жителей богоспасаемаго града, ни пѣсни жаворонка, ни осетры на завтракѣ, ни благочестіе монаховъ Кижицкаго и особенно Зилантова монастыря, ни восхитительные наряды дамъ на танцовальномъ

---

*) Швейцаріей въ Казани называется загородное мѣсто, гдѣ устроены дачи горожанъ. Швейцаріи двѣ — нѣмецкая и русская.

вечерѣ въ Швейцаріи, ни слезы умиленія, ни превосходный полицейскій порядокъ. Въ заключеніе упомянуто, что всѣ жители города, безъ малѣйшаго исключенія, безпредѣльно преданы душой и сердцемъ его превосходительству господину губернатору и видятъ въ немъ не начальника, а отца. Статья понравилась, и всѣ были увѣрены, что ее перепечатаютъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Губернаторъ, читая статью, прослезился, читали ее даже казанскія дамы, а редакторъ въ первое воскресенье былъ приглашенъ къ губернатору обѣдать, и послѣ обѣда губернаторша имѣла съ нимъ разговоръ о поэзіи въ чувствахъ.

Дѣла давно минувшихъ дней! А давно ли, кажется, были они?

Но возвратимся къ семейству Гаврилы Маркелыча. Тамъ жизнь не краснѣе, зато цѣльнѣе и невпримѣръ своеобразнѣй.

Когда на луговинѣ передъ Кижицами встрѣтились крестные ходы, сдѣлалась такая тѣснота, такая толкотня и давка, что Маша не успѣла оглянуться, какъ ее оттѣснили отъ матери и чуть не сбили съ ногъ. Не видя вкругъ ни одного знакомаго лица, дѣвушка заплакала... Положеніе Маши, никогда не бывавшей на многолюдствѣ, въ самомъ дѣлѣ было трудное... Но нашелся избавитель. Красивый, статный молодой незнакомецъ взялъ трепетавшую отъ страха дѣвушку подъ руку, сильной рукой раздвинулъ толпу и вывелъ на просторъ полуживую Машу. Она оправляла помятое платье и, глядя по сторонамъ, искала своихъ. Растерявшись, не догадалась даже поблагодарить молодого человѣка, не взглянула даже на него хорошенько.

— Вы съ кѣмъ-съ? Съ маменькой, что-ли-съ? — спрашивалъ Марью Гавриловну ея избавитель, любуясь красотой плачущей дѣвушки.

— Съ маменькой... съ сестрицей... да еще бабушка съ нами... — отвѣчала Маша, всхлипывая.

— Не плачьте-съ... онѣ придутъ... сейчасъ придутъ-съ, — успокаивалъ ее молодой человѣкъ. — Будемте стоять здѣсь на одномъ мѣстѣ, непремѣнно придутъ-съ.

Взглянула Маша на молодаго человѣка, и сердце у нея упало. Сроду не видала она такихъ красавцевъ. Да и гдѣ было видѣть ихъ, сидя дома, чуть не взаперти?

Скоро замѣтила она и мать и невѣстку, успѣвшихъ коекакъ выдраться изъ толпы. Она подбѣжала къ нимъ. Когда всѣ ахали и охали, а Маша сказывала, что ее совсѣмъ было задавили, да спасибо добрый человѣкъ выручилъ, онъ подошелъ къ Залетовымъ. Мать поблагодарила его, но разговоръ

у нихъ не клеился. Узнали однакожъ, что это былъ купеческій сынъ изъ Москвы, Евграфъ Макарычъ Масляниковъ, наканунѣ пріѣхавшій въ Казань, гдѣ знакомыхъ у него не было ни единаго человѣка. Машина мать сказала Масляникову, кто они такіе и гдѣ живутъ. Затѣмъ разстались.

Не вздумай самъ Гаврила Маркелычъ послать жену съ дочерью на смотрины, была бы въ домѣ немалая свара, когда бы узналъ онъ о случившемся. Но теперь дѣло обошлось тихо. Ворчалъ Гаврила Маркелычъ вплоть до вечера, зачѣмъ становились на такое мѣсто, зачѣмъ не отошли вò-время, однако все обошлось благополучно — смякъ старикъ. Сказали ему про Масляникова, что, если-бъ не онъ, совсѣмъ бы задавили Машу въ народѣ. Поморщился Гаврила Маркелычъ, но шумѣть не сталъ.

— Какъ его зовутъ, говоришь ты? — спросилъ онъ жену.

— Евграфомъ Макарычемъ, — отвѣтила она.

— Изъ Москвы?

— Московскій, сказывалъ.

— Гм! Ужъ не тотъ ли это Масляниковъ, чтò домъ въ Сыромятникахъ? Макарычъ по отчеству-то? — спрашивалъ Гаврила Маркелычъ.

— Макарычъ.

— Пожалуй, что изъ нихъ, — молвилъ Гаврила Маркелычъ. — Старика-то Макаръ Тихонычъ зовутъ; люди богатые, въ милліонѣ... Вотъ бы тебѣ, Маша, такого молодца подцѣпить, — прибавилъ онъ, обращаясь къ дочери.

Маша поникла головой и зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ.

— Чего краснѣть-то? — молвилъ отецъ: — дѣло говорю, нечего голову-то гнуть, чтò кобыла къ овсу... Да если-бъ такое дѣло случилось, я бы тебя со всякимъ моимъ удовольствіемъ Масляникову отдалъ: одно слово, милліонеры, опять же и по нашему согласію — значитъ, по Рогожскому. Это по нашему состоянію дѣло не послѣднее... Ты это должна понимать... Чего глаза-то куксишь?.. Дура!

— Да я... тятенька... право, не знаю... — безсвязно говорила Маша, а у самой такъ и волнуется грудь, такъ и замираетъ сердце, такъ и подступаютъ рыданья, напрасно силится она сдержать ихъ, глядя на отца перепуганными глазами.

— Чего тутъ — тятенька! — ворчалъ свое Гаврила Маркелычъ. — Подчаль такого жениха, коль на самомъ дѣлѣ сыномъ Макару Тихонычу приходится, я тебѣ, кажись, въ ноги поклонюсь, даромъ что отецъ, а ты мое рожденье... Ей-Богу, право, поклонился бы... Чего рюмишь? Понимаешь ли ты, глупая, чтò такое означаетъ одно слово: Масляниковъ?.. Тò

пойми — милліонеры... Вѣдь если бы Господь такую благодать послалъ, не то что тебя, насъ бы тогда рукой не достать!.. Чужихъ денегъ не бирывалъ, а отъ тебя, отъ своего рожденія, завсегда могу взять... Потому я тебя на свѣтъ породилъ... Пароходище какой бы я тогда сляпалъ — понимаешь ты это, аль нѣтъ?.. Строятъ теперь на Балахнѣ «Сампсона», чуть не въ пятьсотъ силъ, я бы въ тысячу выстроилъ... Ты это понимать должна!.. Потому что ты дочь — мое рожденье... Такъ ли говорю?.. А?.. Такъ, аль не такъ?

Маша только рыдала.

— Хныкать-то нечего! — продолжалъ свое Гаврила Маркелычъ. — За умъ берись. Говорятъ тебѣ: причаливай жениха — лучше этого въ жизнь не будетъ... Богъ дастъ, завернетъ къ намъ, а не завернетъ, самъ пойду, разыщу, заманю... Смотри-жъ у меня, Марья, — скачи передъ нимъ задомъ и передомъ — это ужъ ваши дѣвичьи ухватки, тутъ вашу сестру учить нечего, а чтобъ у меня этотъ женихъ былъ на причалѣ... Слышала?.. Мнѣ бы только пароходъ, а все прочее, какъ знаетъ Господь, такъ и устроитъ... Его святая воля!.. Только ты у меня смотри, Марья, хоть и сказано тебѣ отъ отца, отъ родителя значитъ: причаливай Масляникова, а того не забывай — коли прежде вѣнца до грѣха дойдешь, живой тебѣ не быть. Мужа прилучай, а дѣвичью честь не порушай... Помни мое слово, ты ужъ не махонькая — все понимать должна.

Дня черезъ два молодой Масляниковъ пріѣхалъ къ Гаврилѣ Маркелычу будто китайку торговать, хоть ему ни до какой китайки дѣла не было. Китайки у Гаврилы Маркелыча не оказалось, работали ее только по заказамъ. Зашли разговоры о томъ, о семъ, и Гаврила Маркелычъ съ удовольствіемъ узналъ, что гость его въ самомъ дѣлѣ сынъ московскаго богача Масляникова. Знакомство завязалось. Гаврила Маркелычъ частенько зазывалъ Евграфа Макарыча на вольномъ воздухѣ чайкомъ побаловаться, въ саду, въ бесѣдкѣ. Хоть Масляниковъ въ Казани былъ проѣздомъ и никакихъ дѣлъ у него тамъ не было, однако прожилъ недѣли три и чуть не каждый вечеръ распивалъ чаи въ бесѣдкѣ Гаврилы Маркелыча, а иногда оставался на короткое время одинъ-на-одинъ съ Машей. Сначала они молчали, потомъ разговорились... Прошла недѣля, другая, третья, и — зоркій глазъ бабушки Абрамовны, лазившей зачѣмъ-то на чердакъ, подкараулилъ, какъ въ темномъ уголкѣ сада, густо заросшемъ вишеньемъ, Масляниковъ не то шепталъ что-то Машѣ на ухо, не то цѣловалъ ее. Сослѣпа старуха хорошенько не разглядѣла...

Пока Абрамовна раздумывала, сказать аль нѣтъ родителямъ про то, что̀ подглядѣла, Масляниковъ, собравшись въ путь, попросилъ Гаврилу Маркелыча переговорить съ нимъ наединѣ о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Долго говорили они въ бесѣдкѣ, и кончился разговоръ ихъ тѣмъ, что Евграфъ Макарычъ весело распростился со всѣми, а Гаврила Маркелычъ обѣщался на другой день проводить его до пристани.

Воротясь домой, Залетовъ говоритъ женѣ:

— Помнишь, какъ вы тогда со смотринъ изъ Кижицъ пришли? Шутки я тогда съ Марьей шутилъ, хорошо бы, молъ, Евграфа Макарыча подчалить? Шутки-то на правду стали походить.

— Что̀ ты, Маркелычъ? — вскрикнула жена его.— Неужли въ самомъ дѣлѣ?

— Врать, что ли, стану? — закричалъ Гаврила Маркелычъ, да такъ, что жена маленько вздрогнула. —Посватался,— прибавилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Что-жъ ты сказалъ, Маркелычъ? Какъ рѣшилъ? — спросила взволнованная мать.

— Нечего пока рѣшать-то, — отвѣтилъ Гаврила Маркелычъ. — Сказалъ, что тутъ прежде всего воля родительская, если, молъ, Макаръ Тихонычъ пожелаетъ съ нами родниться, мы, молъ, не прочь... Станемъ ждать вѣстей изъ Москвы... Да ты Марьѣ-то покамѣстъ не говори... нечего прежде времени дѣвку мутить. Да никому ни гу-гу, лучше будетъ.

Но Маша смекнула, что Масляниковъ сватался. Видя, что отецъ былъ необычайно ласковъ на прощаньи съ Евграфомъ Макарычемъ, даже на пароходъ проводилъ его, съ радостнымъ трепетомъ сердца она догадалась, что дѣло на ладъ пошло. Расцвѣла, повеселѣла дѣвушка, стала краше прежняго. Съ ранняго утра до поздняго вечера вольной пташкой распѣвала она, бѣгая по отцовскому садику, вспоминая, на какомъ мѣстѣ какія сладкія рѣчи говаривалъ ея желанный. Отецъ гораздо мягче сталъ, крику его больше не слышно, даже ласкалъ то и дѣло Машу. Бывало, придетъ въ садъ, взглянетъ на нее и молвитъ, улыбаясь:

— Не пріустала-ль, Машенька? Что̀ это день-денской ты по̀ саду все строчишь?

— Нѣтъ, тятенька. Какая мнѣ усталь? Не работа какая.

— Ну, гуляй, дѣвка, гуляй, пой свои пѣсенки, — молвитъ Гаврила Маркелычъ и своей дорогой пойдетъ.

Письмо изъ Москвы пришло, писалъ Евграфъ Макарычъ, что отецъ согласенъ дать ему благословенье, но напередъ хочетъ познакомиться съ Гаврилой Маркелычемъ и съ будущей

невѣсткой. Такъ какъ наступала Макарьевская ярмарка, Евграфъ Макарычъ просилъ Залетова пріѣхать въ Нижній съ Марьей Гавриловной. Тутъ только сказали Машѣ про сватовство. Отвѣтила она обычными словами о покорности родительской волѣ: за кого, дескать, прикажете, тятенька, за того и пойду, а сама рѣзвѣй забѣгала по саду, громче и веселѣй запѣла пѣсни свои.

— Человѣкъ онъ хорошій, — какъ-то сказалъ ей отецъ. — Любъ онъ тебѣ, Маша?

— Онъ добрый... пригожій такой... — краснѣя, проговорила Маша.

— Что̀ пустяки-то городишь! — крикнулъ Гаврила Маркелычъ. — Пригожій!.. А какого шута тебѣ въ его пригожествѣ? Съ мужнина лица не воду пить; какого Богъ уродилъ, таковъ и будетъ — все едино... Тутъ главна причина, что одинъ сынъ у отца: рано ли, поздно ли всѣ капиталы ему безъ раздѣлу достанутся. Опять же люди они постоянные, благочестивые. Домъ богобоязненный, отъ кого ни послышишь. Вотъ это статья!.. Ты не на рожу, въ мошну гляди. Ужъ выдать бы мнѣ только тебя, Марья, за Масляникова, какой бы мы съ тобой пароходъ спустили!.. Первый по Волгѣ былъ бы!..

Старикъ Масляниковъ былъ старый вдовецъ. Схоронивъ Евграфову мать, женился онъ на молоденькой дѣвушкѣ, изъ бѣднаго семейства, но и та пожила недолго. Поговаривали, будто обѣ жены пошли въ могилу отъ кулаковъ благовѣрнаго. Въ третій разъ Макаръ Тихонычъ жениться не хотѣлъ.

— Куда мнѣ, старому грибу, съ молодой женой возиться!.. Пора душу спасать, вѣкъ мой на исходѣ, — говаривалъ онъ свахамъ, зачастившимъ-было къ богатому вдовцу съ предложеньями своего товара. — Правда, — продолжалъ онъ: — безъ бабьяго духа въ домѣ пустымъ что-то пахнетъ, такъ у меня сыну двадцать первый пошелъ, выберу ему хорошу невѣсту, сдамъ дѣла и капиталъ, а самъ запрусь да Богу молиться зачну. Мы свое изжили, наше время прошло, — молодымъ надо дорогу давать. Да и то сказать надо, не хочу отъ врага рода человѣческаго жену себѣ пояти, потому сказано: «перва жена отъ Бога, втора отъ людей, третья отъ бѣса».

Воротясь изъ Казани, Евграфъ Макарычъ, замѣтивъ однажды, что недоступный, мрачный родитель его былъ въ веселомъ духѣ, осторожно повелъ рѣчь про Залетовыхъ и сказалъ отцу:

— Есть, молъ, у нихъ дѣвица очень хорошая, и если-бъ на то была родительская воля, такъ мнѣ бы лучше такой жены не надо.

— Ишь ты! — усмѣхнулся отецъ. — Я его на Волгу за дѣломъ посылалъ, а онъ дѣвокъ тамъ разыскивалъ. Счастливъ твой Богъ, что поставку хорошо обладилъ, не то бы я за такое твое малодушіе спину-то нагрѣлъ бы. У меня думать не смѣй самому невѣсту искать... Каку дастъ отецъ, таку и бери... Вотъ тебѣ и сказъ... А женить тебя въ самомъ дѣлѣ пора. Безъ бабы и по хозяйству все не ходко идетъ, да и въ дому жиломъ не пахнетъ... По осени безпремѣнно надо свадьбу сварганить, надоѣло безъ хозяйки въ домѣ.

— А развѣ, тятенька, у васъ есть на примѣтѣ? — взволнованнымъ голосомъ спросилъ Евграфъ.

— А тебѣ что̀ за дѣло? Сыщу, такъ скажу.

Замолкъ Евграфъ Макарычъ, опустилъ голову, слезы на глазахъ у него выступили. Но не смѣлъ супротивъ родителя словечка промолвить. Цѣлу ночь онъ не спалъ, горюя о судьбѣ своей и на разные лады передумывая, какъ бы устроить, чтобъ отецъ его узналъ Залетовыхъ, чтобы Маша ему понравилась, и согласился бы онъ на ихъ свадьбу. Но ничего придумать не могъ. Одолѣла тоска, хоть руки наложить, такъ въ ту же пору.

Прошло съ недѣлю времени. Пріѣхалъ однажды Макаръ Тихонычъ изъ города развеселый. Сѣли обѣдать, говоритъ онъ сыну:

— Сегодня намъ съ тобой, Евграфъ, счастья Богъ послалъ — всю за̀лежь, что̀ ея въ лавкѣ ни было, съ рукъ спустилъ. Что̀ ни было стараго, негодящаго товару, весь сбылъ, да еще за наличныя. Думалъ убытки нести, выпалъ барышъ, да какой!

— Кому же, тятенька, продали? — робко спросилъ Евграфъ Макарычъ.

— Послалъ Господь олуха. Благодарю Создателя!.. Изъ Сибири дуракъ пріѣхалъ. Дѣла-то свои только-что начинаетъ, толку-то ни въ чемъ еще не смыслитъ. Молоденькій, вотъ какъ твое же дѣло, легковѣрный такой, что̀ ему ни ври, всему вѣритъ... Ужъ и объегорилъ же я его, обулъ, какъ Филю въ чортовы лапти!.. Ха-ха-ха!.. Не забудетъ до вѣку... Надо будетъ завтра на Рогожское съѣздить, Господа поблагодарить... Вели-ка послѣ обѣда приказчику пшеничной муки̇ туда свезти, по кулю на кажду палату, да масла деревяннаго бутыли двѣ Богу на лампадки.

— Слушаю, батюшка.

— А вѣдь тебѣ дураку не удастся этакъ съ алтыномъ подъ полтину подъѣхать! — хвалился Макаръ Тихонычъ. — Посмотрю я на тебя, Евграфъ, толку-то въ тебѣ нисколько нѣтъ — ни

на маково зернышко... Помру — въ прахъ проторгуешься. Ей-Богу, помяни мое слово. Сноровки, братецъ, до сихъ поръ не знаешь, какъ обойти покупателя, какъ ему намолоть съ три короба, чтобъ у него въ глазахъ помутило, въ мысляхъ бы затуманило. Да что̀ про это толковать, — со вздохомъ прибавилъ Макаръ Тихонычъ: — извѣстно дѣло, что глупому сыну и родной отецъ ума къ кожѣ не пришьетъ... Развѣ вотъ какъ женю тебя, не будешь ли маленько поумнѣе?.. Да, чуть-было не забылъ спросить... Намедни ты про Залетовыхъ поминалъ... Ѣздитъ онъ къ Макарью, аль нѣтъ?

— Какъ же, тятенька! Ѣздитъ, — немного оторопѣвъ отъ неожиданнаго вопроса, отвѣтилъ Евграфъ Макарычъ.—Въ казенномъ гостиномъ дворѣ въ китаечномъ ряду лавка у него, да въ деревянныхъ рядахъ мыломъ торгуетъ.

— Такъ. Въ китаечномъ да въ мыльномъ...—раздумывалъ Макаръ Тихонычъ. — Это хорошо... Фабрика у него, сказываешь, да заводъ?

— Такъ точно, тятенька.

— Ладно... Оборотъ великъ?

— Не могу сказать, а, должно-быть, немалый... Гаврила же Матвѣичъ только на наличныя торгуетъ, грошомъ не кредитуется, — отвѣчалъ Евграфъ.

— Дуракъ, значитъ, хоть его сегодня въ Новотроицкомъ за чаемъ и хвалили, — молвилъ Макаръ Тихонычъ. — Какъ же въ кредитъ денегъ аль товару не брать? Въ долги давать, пожалуй, не годится, а коль тебѣ деньги даютъ, да ты ихъ не берешь, значитъ, ты безмозглая голова. Бери, да коль статья подойдетъ, сколь можно и утяни, тогда настоящее будетъ дѣло, потому купецъ тотъ же стрѣлецъ, чужой оплошки долженъ ждать. На этомъ вся коммерція зиждется... Много-ль за дочерью Залетовъ даетъ?

— Не знаю, тятенька, о томъ рѣчи не было. Какъ же бы смѣлъ я безъ вашего приказанья спросить?—отвѣчалъ Евграфъ Макарычъ.

— Это ты умно сказалъ!.. Обмолвился, должно-быть,—проговорилъ Макаръ Тихонычъ, выпивъ стаканъ холоднаго квасу и погладивъ сѣдую бороду. — Одинъ сынъ, говоришь, да дочь, только всего и дѣтей?

— Только, тятенька!

— Сынъ-отъ отдѣленъ?

— Нѣтъ еще, не отдѣленъ, — отвѣчалъ Евграфъ Макарычъ. — Далъ родитель ему расшивы на весь отчетъ, а прочее все при немъ.

— Такъ... — промычалъ Макаръ Тихонычъ. — Много хоро-

шаго про Залетова я наслышанъ,—продолжалъ онъ, помолчавъ и поглядывая искоса на сына.—Съ кѣмъ въ городѣ ни заговоришь, опричь добраго слова ничего объ немъ не слыхать... Вотъ что̀: у Макарья мы повидимся, и коли твой Залетовъ по мысли придется мнѣ, такъ и быть, благословлю—бери хозяйку... Дѣвка, сказываютъ, по всѣмъ статьямъ хороша... Почитала бы только меня да изъ моей воли не выходила, а про другое что̀, какъ сами знаете.

На этотъ разъ тѣмъ разговоръ и кончился. Но и этого много было Евграфу. На другой же день отписалъ онъ Гаврилѣ Маркелычу.

Поѣхали на ярмарку и Масляниковы и Залетовы. Свидѣлись. Макару Тихонычу и самъ Залетовъ по нраву пришелся. «Человѣкъ обстоятельный»,—сказалъ онъ сыну по уходѣ его. Хотя слово то было брошено мимоходомъ, но, зная отцовскій нравъ, Евграфъ такъ обрадовался, что хоть въ присядку.

Дня черезъ три завернулъ старикъ Масляниковъ въ китаечный рядъ, свидѣлся тамъ съ Гаврилой Маркелычемъ. Слово за слово. Залетовъ позвалъ гостя наверхъ въ палатку чайку напиться. Поломался маленько Макаръ Тихонычъ, однако пошелъ. Тутъ увидалъ семейныхъ Гаврилы Маркелыча. Маша ему приглянулась.

— Дѣвка придется намъ ко двору,—молвилъ онъ сыну, воротясь домой.—Экій ты плутъ какой, Евграшка! Кажись, и не доспѣлъ разумомъ, а какую паву выслѣдилъ—умному такъ въ пору. Какъ бы ты по торговой-то части такой же дока былъ, какъ на дѣвокъ, тебя бы, кажется, озолотить мало... Засылай сваху, дуракъ!..

— Тятенька!—внѣ себя отъ радости вскричалъ Евграфъ, кидаясь отцу въ ноги и цѣлуя его руки.—Тятенька! Благослови васъ Господи!

— Дуракъ! Не тебѣ меня благословлять, а мнѣ тебя... Ноги выше головы не растутъ,—угрюмо отвѣтилъ Макаръ Тихонычъ, отстраняя Евграфа.—Чего лижешься, ровно теленокъ?.. Очумѣлъ?.. Ишь, какъ его прорвало!.. Сказано: сваху засылай—чего еще тебѣ?.. По всему видно, каковъ ты разумомъ: люди говорятъ: «дуракъ и посуленому радъ». Такъ и ты.

— Тятенька, тятенька!—говорилъ Евграфъ и смѣясь и заливаясь слезами.—Вы родитель мой... вы отецъ... глава... Не отталкивайте меня... Какъ Богъ, такъ и вы... батюшка!

— Да чего визжать-то? Сказано, есть на то воля родительская... Какого тебѣ еще лѣшаго?

Отыскалъ Евграфъ Макарычъ знакомую купчиху, попросилъ ее за сваху быть. Безъ свахи нельзя—старозавѣтный

обычай соблюсти необходимо. Рѣшили послѣ ярмарки ѣхать въ Москву и тамъ свадьбу играть. По настоящему-то, жениху бы съ родней надо было ѣхать къ невѣстѣ, да на это Макаръ Тихонычъ не пошелъ бы... Гордыня!.. Поѣдетъ такой богатей къ купцу третьей гильдіи!.. Какъ же!..

Полная свѣтлыхъ надеждъ на счастье, радостно покидала родной свой городъ Марья Гавриловна. Душой привязалась она къ жениху и, горячо полюбивъ его, ждала впереди длиннаго ряда ясныхъ дней, счастливаго житья-бытья съ милымъ избранникомъ сердца. Не омрачала тихаго покоя дѣвушки никакая дума, беззавѣтно отдалась она мечтамъ объ ожидавшей ее долѣ. Хорошее, счастливое было то время! Довѣрчиво, весело глядѣла Марья Гавриловна на міръ Божій.

Макаръ Тихонычъ непомѣрно былъ радъ дорогимъ гостямъ. Къ свадьбѣ все уже было готово, и, по пріѣздѣ въ Москву, отцы рѣшили повѣнчать Евграфа съ Машей черезъ недѣлю. Уряжали свадьбу пышную. Хоть Макаръ Тихонычъ и далеко не миллліонеромъ былъ, какъ думалъ сначала Гаврила Маркелычъ, однакожъ на половину милліона все-таки было у него въ домахъ, въ фабрикахъ и въ капиталахъ — человѣкъ, значитъ, въ Москвѣ не изъ послѣднихъ, а сынъ одинъ... Стало-быть, надо такую свадьбу справить, чтобы долго о ней потомъ толковали.

Въ свадебныхъ хлопотахъ помолодѣлъ старикъ Масляниковъ, нравомъ даже ровно переродился. Незамѣтно стало въ немъ порывовъ своенравія, всячески угождалъ онъ назва̀ннымъ роднымъ, а къ невѣстѣ такъ былъ ласковъ, что всѣмъ знавшимъ крутой и мрачный нравъ его было то на великое удивленіе.

Вѣнчанье назначено. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Залетовъ, какъ водится, сдѣлалъ сговоръ на своей квартирѣ. Немало гостей съѣхалось, и все шло обычной чередой: пѣли дѣвушки свадебныя пѣсни, величали жениха со невѣстою, величали родителей, сваха плясала, дружка балагурилъ, молодежь веселилась, а рядомъ въ особой комнатѣ почетные гости сидѣли, пуншевали, въ трынку *) играли, про свои дѣла толковали. Макаръ Тихонычъ верховодилъ и, видя воздаваемый ему со всѣхъ сторонъ почетъ, вполнѣ благодушествовалъ. Нерѣдко выходилъ онъ въ комнату, гдѣ молодежь справляла свое дѣло, подшучивалъ надъ товарищами Евграфа «нуте-ка, де-

*) «Трынка» — карточная игра, въ старину была изъ «подкаретныхъ» (кучера подъ каретами игрывали), но впослѣдствіи очень полюбилась купечеству, особенно московскому. Задорная игра.

скать, сыщите другую такую королеву», подсаживался къ Машѣ, называлъ ее милою дочкой и, шутя, низко кланялся и просилъ, чтобъ она, сдѣлавшись хозяйкою, не согнала его, стараго хрыча, со двора долой, а покоила-бъ и берегла старость его да поскорѣй бы внучатъ народила ему. Маша краснѣла отъ шутокъ нареченнаго свекра, ласкалась къ нему робко, но такъ довѣрчиво, какъ не всякая дочь къ родному отцу ласкается. Глядя на жениха, утопала она въ счастьѣ.

Ужинать сѣли. Какъ водится, жениха съ невѣстой рядомъ посадили, по другую сторону невѣсты усѣлся Макаръ Тихонычъ. Бесѣда шла веселая, вино рѣкой лилось — хорошо пировали. Вдсволь угостился Макаръ Тихонычъ, поминутно сыпалъ шутками. Въ концѣ стола, взглянувъ на невѣсту, сказалъ, обращаясь къ Гаврилѣ Маркелычу:

— Ну, сватушка, нечего сказать — умѣлъ дочку родить, умѣлъ и вырастить. Такой красавицы, такой умницы, пройди Москву насквозь съ огнемъ, не отыщешь.

— Какова есть—вся тутъ,—шутилъ Гаврила Маркелычъ.— Отдаемъ безъ обману.

— И молодцовъ такихъ, какъ Евграфъ Макарычъ, тоже съ огнемъ поискать,—думая польстить Макару Тихонычу, молвила Машина мать.—Тоже по всей Москвѣ другого такого, пожалуй, не найдется.

— Такихъ-то здѣсь непочатой уголъ,—отвѣтилъ Макаръ Тихонычъ. — Много почище найдется.

— Гдѣ же много?—сказала Залетова. — Что-то ровно такихъ и не видать.

— А хоть бы я, напримѣръ?—отразилъ Масляниковъ, облокотясь на столъ и прищурясь на Машу. — Куда-жъ ему ровняться со мной? У меня голова на плечахъ, а у него что̀? Тыква, не голова!

— Про это что̀ говорить,—молвила Машина мать.—Только ужъ не прогнѣвайтесь, Макаръ Тихонычъ, старый молодому не ровня, наше съ вами время прошло.

— Про это бабушка-то на̀ двое сказала,—ляпнулъ подгулявшій Макаръ Тихонычъ. — Хоть сѣда борода, а за молодого еще постою. Можно развѣ Евграшку со мной ровнять? Да онъ ногтя моего не сто̀итъ... А гляди, какую королевну за себя брать вздумалъ... Не по себѣ, дуракъ, дерево клонишь — выбирай сортомъ подешевле,—прибавилъ онъ, обратясь къ оторопѣвшему сыну.

— Чтой-то вы, Макаръ Тихонычъ?—вступился Залетовъ.— Какъ же можно такъ обижать?

— Какая тутъ обида? — кричалъ Масляниковъ. — Кому?..

Чать, Евграшка маленько сродни мнѣ приходится? Что̀ хочу, то съ нимъ и дѣлаю — хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло изъ него пахтаю. Какая ему отъ меня обида быть можетъ?

Всѣ замолчали, видя разгорячившагося Макара Тихоныча.

— Что̀ за шутки, сватушка?.. — молвила Машина мать. — Время-ль теперь?

— Какія шутки!—на всю комнату крикнулъ Макаръ Тихонычъ.—Никакихъ шутокъ нѣтъ. Я, матушка, слава Тебѣ, Господи, седьмой десятокъ правдой живу, шутомъ сроду не бывалъ... Да что̀ съ тобой, съ бабой, толковать — съ родителемъ лучше рѣшу... Слушай, Гаврила Маркелычъ, плюнь на Евграшку, меня возьми въ зятья — дѣло то впримѣръ будетъ ладнѣе. Завтра же за Марью Гавриловну домъ запишу, а опричь того пятьдесятъ тысячъ капиталу чистоганомъ вручу... Идетъ, что ли?

Женихъ пополовѣлъ — въ лицѣ ни кровинки. Зарыдала Марья Гавриловна. Увели ее по̀дъ руки. Гаврила Маркелычъ совсѣмъ растерялся, захмелѣвшій Масляниковъ на сына накинулся, бить его вздумалъ. Гости одинъ по другому вонъ. Тѣмъ и кончился Машинъ сговоръ.

Всѣ думаютъ, захмелѣлъ старикъ за ужиномъ и, не помня себя, наговорилъ глупыхъ рѣчей. Но хмель со сномъ прошелъ, а блажь изъ головы Макара Тихоныча не вылѣзла. Шальная мысль, засѣвъ въ голову пьянаго самодура, ровно клиномъ забита была... «А дай-ка распотѣшу всѣхъ, — думалъ, проснувшись и потягиваясь на одинокой постели, Макаръ Тихонычъ:— семъ-ка женюсь въ самомъ дѣлѣ на Марьѣ. Пущай Москва двѣ недѣли про мою свадьбу толкуетъ... Дѣвка же сдобная, важная — грудь копной, глаза такъ и прыгаютъ. Крѣпышъ дѣвка, ровно рѣпа — знатная будетъ жена!» —думалъ, подзадоривая себя, Макаръ Тихонычъ.

На утро вырядился, прямо къ Залетовымъ.

— Коли хочешь со мной родниться,—сказалъ Гаврилѣ Маркелычу:—выдавай дочь за меня. Мой молокососъ рыломъ не вышелъ, перстика ея не сто̀итъ — какой онъ ей мужъ?... Толковать много нечего, не люблю... Кончать, такъ разомъ кончай, дѣломъ не волочи... Угостилъ ты меня вечоръ на славу, Гаврила Маркелычъ, развеселое было у тебя пированье... Спасибо за угощенье... Ну, грѣшнымъ дѣломъ хоть и шумѣло у меня въ головѣ, и хоть то слово во хмелю было сказано, однакожъ я завсегда правдой живу: отъ слова не пячусь. Отдашь за меня Марью Гавриловну, сегодня-жъ ей домъ и пятьдесятъ тысячъ въ опекунскій совѣтъ на ея имя внесу... Ты это понимай, какъ оно есть, Гаврила Маркелычъ: все будетъ запи-

сано на дѣвицу Марью Гавриловну Залетову, значитъ, если паче чаянія помретъ бездѣтна, тебѣ въ родъ пойдетъ... А пароходъ мой, что на Волгѣ бѣгаетъ, знаешь, чать, *Смѣлый* прозывается, въ шестьдесятъ силъ, да двѣ баржи при немъ — это у меня тестю въ подарокъ сготовлено.

Вотъ онъ пароходъ-отъ!.. Вѣкъ думалъ, гадалъ про него Гаврила Маркелычъ, совсѣмъ было-отчаялся, а онъ ровно съ неба упалъ. Затуманилось въ головѣ — все забылъ, — одинъ пароходъ въ головѣ сидитъ.

— Какъ же это будетъ?—раздумывалъ Гаврила Маркелычъ.

— Такъ же и будетъ, какъ сказываю,—отозвался Макаръ Тихонычъ. — А то, пожалуй, отдавай свою дочь и за Евграшку, перечить не стану, твое дѣтище, твоя надъ нимъ и воля. Только знай, что ему отъ меня мѣднаго гроша не будетъ ни теперь ни послѣ... Бери зятя въ домъ, въ чемъ мать на свѣтъ его родила — гроша, говорю, Евграшкѣ не дамъ, — самъ женюсь, на комъ Богъ укажетъ, и все, что есть у меня, перепишу на жену. А не женюсь, все добро до копейки размытарю... Съ цыганками пропью, въ трынку спущу, а Евграшкѣ мѣдной пуговицы не оставлю. Слово мое крѣпко.

Пароходъ, домъ, пятьдесятъ тысячъ, а пуще всего пароходъ... Взглянулъ Гаврила Маркелычъ на иконы, перекрестился, и, подавая руку Масляникову, сказалъ:

— Видно, есть на то воля Божія. Будь по-твоему, любезный зятюшка.

Обнялись старики, поцѣловались.

— Когда-жъ невѣстѣ-то станешь объявлять? — спросилъ новый женихъ.

— Какъ хочешь, — отвѣтилъ Гаврила Маркелычъ. — Хоть сегодня же. Привози только напередъ купчія да билеты. Тутъ ей и скажемъ.

Нашла коса на камень. Попалъ топоръ на сучокъ... Думалъ Масляниковъ посуломъ отъѣхать, да не на такого напалъ... А сердце стариковское по красавицѣ разгорѣлось; крякнулъ Макаръ Тихонычъ, поморощился, однакожъ поѣхалъ купчія совершать и деньги въ совѣтъ класть.

На другой день отдалъ онъ бумагу и билеты нареченному тестю. Продали Машу, какъ буру корову.

Свадьбу сыграли. Передъ тѣмъ Макаръ Тыхонычъ послалъ сына въ Урюпинскую на ярмарку. Маша такъ и не свидѣлась съ нимъ. Старый приказчикъ, приставленный Масляниковымъ къ сыну, съ Урюпинской повезъ его въ Тифлисъ, оттоль на Крещенскую въ Харьковъ, изъ Харькова въ Ирбитъ, изъ Ирбита въ Симбирскъ на Сборную. Такъ дѣло и протянулось до

Пасхи. На возвратномъ пути Евграфъ Макарычъ гдѣ-то захворалъ и померъ. Болтали, будто руки на себя наложилъ, болтали, что опился съ горя. Богъ его знаетъ, какъ на самомъ дѣлѣ было.

Восемь лѣтъ выжила Марья Гавриловна съ ненавистнымъ мужемъ. Что̀ мукъ стерпѣла, что̀ брани перенесла, попрековъ, побоевъ отъ суроваго старика... Тому только удивляться надо, какъ жива осталась... Восемь лѣтъ какъ въ затворѣ сидѣла, изъ дому ни разу не выходила: старый ревнивецъ подъ страхомъ потасовки къ окнамъ даже запретилъ ей подходить. Только и жила бѣдная памятью о миломъ сердцу да о тѣхъ немногихъ, какъ сонъ пролетѣвшихъ дняхъ сердечнаго счастья, что̀ выпали на ея долю передъ свадьбой. Истаяла вся, стала худа, желта и совсѣмъ опротивѣла мужу. Макаръ Тихонычъ ядреныхъ, дородныхъ любилъ.

Совсѣмъ одичала Марья Гавриловна, столько лѣтъ никого не видя, окромѣ скитскихъ старицъ, пріѣзжавшихъ въ Москву за сборами. Другихъ женщинъ никого не позволялось ей принимать. Отецъ съ матерью померли, братнина семья далеко̀, а Масляниковъ строго-настрого запретилъ женѣ съ братомъ переписываться.

Впрочемъ, Макаръ Тихонычъ человѣкъ былъ благочестивый, набожный, богомольный. На сгибахъ указательныхъ и середнихъ пальцевъ отъ земныхъ поклоновъ мозоли у него наросли, и любилъ онъ выставлять на показъ эти признаки благочестія. Много денегъ жертвовалъ на скиты и часовни, не только всѣ посты соблюдалъ, понедѣльничалъ даже, потому и вѣровалъ безъ сомнѣнія въ спасеніе души своей. Чтобъ это было еще повѣрнѣе, въ домѣ читалку ради повседневной божественной службы завелъ. Случалось, что читалка, послѣ келейныхъ молитвъ, съ Макаромъ Тихонычемъ куда-то ночью въ его каретѣ ѣздила, но что-жъ тутъ подѣлаешь? — врагъ силёнъ, крѣпкихъ молитвенниковъ всегда наводитъ на грѣхъ, а бренному человѣку какъ устоять противъ демонскаго стрѣлянія? И то надо помнить, что этотъ грѣхъ замолить — плевое дѣло. Клади шесть недѣль по сту поклоновъ на̀ день, отпой шесть молебновъ мученицѣ Ѳомандѣ, ради избавленія отъ блудныя страсти, все какъ съ гуся вода, — на томъ свѣтѣ не помянется.

Пріѣхала разъ въ Москву мать Манефа. Заговорили объ ней на Рогожскомъ. Макаръ Тихонычъ давно ее зналъ и почиталъ чуть не за святую. Молилъ онъ матушку посѣтить его, тутъ-то и познакомилась съ нею Марья Гавриловна.

Мать Манеѳа наслышана была про судьбу бѣдной женщины и, вспоминая свое прошлое, поняла ея страданья. Коротко онѣ сблизились, Марья Гавриловна вполнѣ высказалась Манеѳѣ; ни съ кѣмъ никогда такъ по душѣ она не разговаривала, какъ съ нею. Игуменья плакала съ ней и утѣшала не мертвыми изреченіями старыхъ книгъ, а задушевными словами женщины, испытавшей сердечное горе. Тихонько отъ Макара Тихоныча и отъ его читалки молилась Манеѳа съ Марьей Гавриловной за упокой раба Божія Евграфа. Молитвой, терпѣньемъ, упованьемъ на милость Господню Манеѳа учила ее врачевать наболѣвшее сердце. И слезы Марьи Гавриловны, послѣ каждой бесѣды съ игуменьей, казались ей не такъ горькі, какъ прежде, а на душѣ становилось свѣтлѣй. Не водворялось въ этой душѣ сладкаго, мирнаго покоя, что̀ бываетъ удѣломъ немногихъ страдающихъ, зато холодное безстрастіе, мертвенная притупленность къ ежедневнымъ обидамъ проникли все ея существо. Мало-по-малу перестала Марья Гавриловна ненавидѣть своего злодѣя, стала думать о немъ съ сожалѣньемъ. Даже на молитвѣ стала поминать мужа, а прежде и въ голову ей того не приходило.

Тогда Манеѳа бывала въ Москвѣ нерѣдко, и съ каждымъ пріѣздомъ ея Марья Гавриловна сильнѣй къ ней привязывалась. Дѣло понятное: кромѣ Евграфа, никто еще не относился къ ней съ истинной любовью. Отецъ продалъ ее за пароходъ, мать любила, но сама же уговаривала идти за старика, что̀ хочетъ ихъ всѣхъ осчастливить, братъ... да что̀ и поминать его, самъ онъ былъ у отца забитый сынъ, а теперь, разбогатѣвъ отъ вырученнаго за счастье сестры парохода, живетъ себѣ припѣваючи въ своей Казани, и нѣтъ объ немъ ни слуху ни духу. Мать Манеѳа всѣхъ дороже стала Марьѣ Гавриловнѣ.

На девятый годъ третьяго своего супружества, въ понедѣльникъ на масленицѣ, Макаръ Тихонычъ, накушавшись первыхъ блиновъ съ икрой у знакомаго и запивъ блины холодненькимъ, воротился домой, обругалъ хозяйку, прилегъ на диванъ и отдалъ Богу спасенную душу свою.

На волю вышла Марья Гавриловна... Фабрика, домъ, деньги — все ея. Богатство, свобода, а не съ кѣмъ слова перемолвить...

Куда дѣваться двадцатипятилѣтней вдовѣ, гдѣ преклонить утомленную бѣдами и горькими напастями голову? Нѣтъ на свѣтѣ близкаго человѣка, одна, какъ перстъ, одна головня въ полѣ, не съ кѣмъ поговорить, не съ кѣмъ посовѣтоваться. На другой день похоронъ писала къ брату и къ матери Манеѳѣ, увѣдомляя о перемѣнѣ судьбы, звала ихъ въ Москву. Манеѳа

долго ждать себя не заставила. Много съ ней толковала молодая вдова, какъ и гдѣ лучше жить — къ брату ѣхать не хотѣлось Марьѣ Гавриловнѣ, а одной жить не приходится. Сказала Манеѳа:

— Да къ намъ милости просимъ, въ нашу святую обитель: мы бы васъ успокоили.

— Не могу я, матушка, снести иноческой жизни, — не въ силахъ черной рясы надѣть.

— А зачѣмъ ее надѣвать? — возразила игуменья. — У насъ обитель большая, мѣста вдоволь, желательно со мной жить, мѣсто найдется, хоть, правду сказать, тѣсненько вамъ покажется, послѣ этихъ хоромъ неприглядно. Не то поставьте себѣ келью, какую знаете, и живите въ ней со своими дѣвицами. Угодно къ службѣ Божіей — ходите, не угодно — не взыщемъ. Будете жить на своемъ отчетѣ и на полной своей волѣ. А если насчетъ пищи или одежды безпокоитесь, такъ вы не въ числѣ обительскихъ будете: у насъ свой уставъ, у васъ будетъ свой, и скоромное кушайте на здоровье, и цвѣтное носите.

Такъ расхвалила Манеѳа жизнь монастырскую, что Марьѣ Гавриловнѣ понравилось ея приглашенье. Жить въ уединеніи, въ тихомъ пріютѣ, средь добрыхъ людей, возлѣ матушки Манеѳы, бывшей во дни невзгодъ единственной ея утѣшительницей, — чего еще лучше?..

— А вы, сударыня Марья Гавриловна, вотъ какъ сдѣлайте, — совѣтовала ей Манеѳа. — Сорочины по покойникѣ придутся въ понедѣльникъ на шестой. До того изъ дому вамъ уѣхать нельзя: и люди осудятъ, и передъ Богомъ грѣшно... Каковъ ни былъ Макаръ Тихонычъ, царство ему небесное, все же супругъ — простить надо его, сударыня, за всѣ озлобленія... молиться надо, успокоилъ бы Господь многомятежную душу его... Вотъ мы вмѣстѣ съ вами и помолимся... Если угодно, останусь у васъ до сорочинъ. Въ то время устройте дѣла, а на шестой недѣлѣ, если рѣки пропустятъ, поѣдемте къ намъ за Волгу. Пасха-то нынче ранняя, кажись бы, къ тому времени дорогамъ не надо испортиться. Страстную службу у насъ послушаете, Воскресеніе Христово встрѣтимъ, а потомъ и гостите у насъ, сколько заблагоразсудится... Посмотрите на наши обычаи, узнаете наше житье-бытье, а коли поправится, ставьте къ зимѣ келью себѣ, мѣстечко отведу хорошее, возлѣ самой часовни, и садикъ разведете, и все, что вамъ по мысли придется.

Марья Гавриловна согласилась. Когда братъ ея пріѣхалъ изъ Казани и сталъ уговаривать богатую сестру ѣхать къ

нему на житье, она ему наотрѣзъ отказала. Обѣщалась, впрочемъ, лѣтомъ побывать къ нему на короткое время въ Казань.

Явились наслѣдники, были предъявлены векселя покойника. Марья Гавриловна продала фабрику, раздѣлалась со всѣми безъ споровъ. У ней осталось больше двухсотъ тысячъ наличными да домъ полная чаша.

Къ Пасхѣ Манееа воротилась въ Комаровъ съ дорогою гостьей. Марьѣ Гавриловнѣ скитское житье показалось. И не мудрено: всѣ ей угождали, всѣ старались предупредить малѣйшее ея желанье. Непривыкшая къ свободной жизни, она отдыхала душой. Лѣтомъ купила въ сосѣднемъ городкѣ на своз деревянный домъ, поставила его на обительскомъ мѣстѣ, убрала, разукрасила и по первому зимнему пути перевезла изъ Москвы въ Комаровъ все свое имущество.

Москву, кромѣ горя, нечѣмъ было ей помянуть, и она прервала съ нею всѣ сношенія. Наслѣдники, очень довольные ея непритязательностью, хоть и называвшіе ее за то дурой, кредиторы, которымъ съ другого безъ споровъ и скидокъ врядъ ли бы можно было получить свои деньги, писали къ ней ласковыя письма, она не отвѣчала. На родину, въ Казань, къ брату ѣздила. Тамъ и братняя семья и другіе родные и знакомые, помня Марью Гавриловну еще дѣвочкой, наперерывъ другъ передъ дружкой за ней ухаживали. И женихи закружились вкругъ богатой молодой вдовушки. Выгоднѣе ея по всему Поволжью врядъ ли другая невѣста была, но она никому ни словомъ ни взглядомъ не подала на успѣхъ надежды. Свахамъ отъ нея былъ одинъ отвѣтъ: «изъ скитовъ замужъ не выходятъ». И братъ и невѣстка пытались уговаривать Марью Гавриловну выбрать друга по мысли, но она на рѣчи ихъ только головой качала. Несмотря на неудачи, искатели не оставляли въ покоѣ богатой невѣсты... Надоѣло ей, и поспѣшила она уѣхать въ мирный пріютъ на Каменномъ Вражкѣ.

Тихо, спокойно потекла жизнь Марьи Гавриловны, заживали помаленьку сердечныя раны ея, время забвеньемъ крыло минувшія страданья. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то новая, небывалая, не испытанная дотолѣ тоска съ каждымъ днемъ росла въ тайникѣ души ея... Чего-то недоставало Марьѣ Гавриловнѣ, а чего, и сама понять не могла, все какъ-то скучно, невесело... Ни степенныя рѣчи Манееы, ни рѣзвыя шалости Фленушки, ни разговоры съ Настей, которую очень полюбила Марья Гавриловна, ничто не удовлетворяло... Куда дѣваться?.. Что дѣлать?

Ото всѣхъ одаль держалась Марья Гавриловна. Съ другими обителями вовсе не водила знакомства и въ своей только у Манеѳы бывала. Мать Виринея ей пришлась по душѣ, но и у той рѣдко бывала она. Жила Марья Гавриловна своимъ домкомъ, была у нея своя прислуга — привезенная изъ Москвы, молоденькая, хорошенькая собой дѣвушка Таня, было у ней отдѣльное хозяйство и свой столъ, на которомъ въ скоромные дни ставилось мясное.

Дочери Патапа Максимыча, жившія у тетки, понравились ей. Съ самаго пріѣзда въ скитъ, Марья Гавриловна ласкала дѣвушекъ, особенно Настю. Бывали у нея еще Фленушка съ Марьюшкой, другія рѣдко, и то развѣ по дѣлу какому.

Патапъ Максимычъ очень былъ доволенъ ласками Марьи Гавриловны къ дочерямъ его. Льстило его самолюбію, что такая богатая, изъ хорошаго рода женщина отличаетъ Настю съ Парашей отъ другихъ обительскихъ жительницъ. Сталъ онъ частенько навѣщать сестру и посылать въ скитъ Аксинью Захаровну. И Марья Гавриловна раза по два въ годъ ѣзжала въ Осиповку навѣстить добраго Патапа Максимыча. Принималъ онъ ее какъ самую почетную гостью, благодарилъ, что «дѣвчонокъ его» жалуетъ, учитъ ихъ уму-разуму.

Добрà была до Патапа Максимыча Марья Гавриловна и во всемъ ему вѣрила... Капиталъ ея лежалъ въ опекунскомъ совѣтѣ, и часто предлагала она Чапурину взять у нея хоть всѣ двѣсти тысячъ на его обороты... Патапъ Максимычъ не соглашался, но, взявши не по силамъ подрядъ на горянщину, поклонился Марьѣ Гавриловнѣ, и она дала ему двадцать тысячъ по векселю, срокомъ по 8-е іюля... По веснѣ увидалъ Патапъ Максимычъ, что къ сроку денегъ ему не собрать, сказалъ про то Марьѣ Гавриловнѣ, и она его обнадежила, что готова хоть годъ, хоть и больше ждать, а когда придетъ срокъ — вексель она перепишетъ.

Глава пятая.

За круглымъ столомъ въ уютной и красиво разубранной «кельѣ» сидѣла Марья Гавриловна съ Фленушкой и Марьей головщицей. На столѣ большой томпаковый самоваръ, дорогой чайный приборъ и серебряная хлѣбница съ такими кренделями и печеньями, какихъ при всемъ стараньи ужъ, конечно, не сумѣла бы изготовить въ своей келарнѣ добродушная мать Виринея. Марья Гавриловна привезла искусную повариху изъ Москвы — это ея рукъ дѣло.

Заспала ли Фленушка свою досаду, въ часовнѣ ли ее про-

молила, но, сидя у Марьи Гавриловны, была въ такомъ развеселомъ, въ такомъ разбитномъ духѣ, что чуть не плясать готова была. Да и заплясала бы и запѣла бы залихватскую пѣсенку, да стыдно было ей передъ Марьей Гавриловной. Недолюбливала вдовушка шумнаго веселья; опять же обитель — можно тамъ и поплясать, можно и пѣсенку спѣть, но все-жъ опасаючись, слава не пошла бы, не было бы на обитель нареканія. Все можно, все позволительно, только втайнѣ, чтобъ иголки никто не подточилъ. Тогда ничего: «тайно содѣянное тайно и судится». Такъ говорится въ обителяхъ.

Развеселая Фленушка такъ и заливалась, разсказывая Марьѣ Гавриловнѣ про гостины у Патапа Максимыча. Пересыпая рѣчь насмѣшками и издѣвками, описывала она именинный пиръ и пересмѣивала пировавшихъ гостей. Всѣхъ перецыганила, и Манеѳу не помиловала. Очень ужъ расходилась, не стало удержу. До того увлеклась смѣхотворными разсказами, что, выскочивъ на середь горницы, пошла въ лицахъ представлять гостей, подражая голосу, походкѣ и ухваткамъ каждаго. Весело слушала Марья Гавриловна болтовню баловницы обительской и улыбалась на ея выходки. Марья головщица держала себя сдержанно.

— Матушка идетъ, — выглядывая изъ передней, молвила хорошенькая, свѣженькая Таня, одѣтая не по-скитски, а въ «нѣмецкое» платье.

Поджала хвостъ Фленушка, какъ ни въ чемъ не бывало, чиннехонько усѣлась за столъ и скромно принялась за сахарную булочку... Марья Гавриловна спѣшила въ переднюю навстрѣчу игуменьи.

Войдя въ комнату, Манеѳа уставно перекрестилась передъ иконами, поздоровалась съ Марьей Гавриловной, а та, какъ слѣдуетъ по чину обительскому, сотворила передъ нею два обычныхъ метанія.

— Садитесь-ка, матушка, — приглашала ее Марья Гаврилова, придвигая къ столу мягкое кресло. — Утомились въ келарнѣ-то. Покорно прошу чайку покушать, а мы ужъ, простите Христа ради, по чашечкѣ, по другой пропустили, васъ дожидаючи...

— На здоровье!.. Богъ благословитъ, — промолвила мать Манеѳа. — Гдѣ меня дожидаться?.. Дѣловъ-то у меня немало — совсѣмъ измаялась въ келарнѣ. Стара становлюсь, сударыня Марья Гавриловна, устаю: не прежни года̀. Видно, стары кости захотѣли деревяннаго тулупа... Живымъ прахомъ брожу — вотъ что̀ значатъ стары-то годы.

— Какіе еще ваши годы, матушка? — отвѣтила Марья Га-

вриловна, подавая чашку и ставя передъ игуменьей серебряную хлѣбницу. — Развѣ вотъ отъ хлопотъ отъ вашихъ? Это пожалуй... Оченно вы ужъ заботны, матушка, всяку малость къ сердцу близко принимаете.

— Хлопоты, заботы само по себѣ, сударыня Марья Гавриловна, — отвѣчала Манеѳа. — Конечно, и онѣ не молодятъ, ину пору отъ думы-то и сонъ бѣжитъ, на молитвѣ даже умъ двоится, да это бы ничего — съ хлопотами да съ заботами можно бы при Господней помощи какъ-нибудь сладить... Да... Смолоду здоровьемъ я богата была, да молодость-то моя не радостями цвѣла, горемъ да печалями меркла. Теперь вотъ и отзывается. Да и годы ужъ немалые — на шестой десятокъ давно поступила.

— Что-жъ это за годы, матушка? — сказала Марья Гавриловна.

— Не въ годахъ сила, сударыня, — отвѣтила Манеѳа. — Не годы человѣка старятъ, горе, печали да заботы... Какъ смолоду горя принято вдоволь, да потомъ какъ изъ заботъ да изъ хлопотъ ни день ни ночь не выходишь, поневолѣ раньше вѣку состаришься... Къ тому-жъ дѣло наше женское — слабое, недаромъ въ людяхъ говорится: «сорокъ лѣтъ — бабій вѣкъ». Какъ на шестой-отъ десятокъ перевалитъ, трудъ да болѣзнь только останутся... Поживите съ мое, увидите... вспомните слова мои... Ну, да ваше дѣло иное, Марья Гавриловна, хоть и знали горе, все-таки ваша жизнь иная была, — глубоко вздохнувъ, прибавила Манеѳа.

— Матушка! — быстро подхватила Марья Гавриловна, вскинувъ черными своими глазами на Манеѳу. — Жизнь мою вы знаете — это-ль еще не горе!..

— Всякому человѣку только свой крестъ тяжелъ, сударыня, — внушительно отвѣтила Манеѳа. — Все же видали вы красные дни, хоть недолгое время, а видали... И вотъ теперь, привелъ Богъ, живете безъ думы, безъ заботы, аки птица небесная... Печали человѣка только крушатъ, заботы сушатъ. Горе проходчиво, а забота какъ ржа ѣстъ человѣка до смерти... А такихъ заботъ, какъ у меня грѣшной, у васъ и прежде не бывало и теперь не предвидится... Конечно, все во власти Божіей, а, судя по человѣчеству, кажись бы, и напередъ такихъ заботъ вамъ не будетъ, какія на мнѣ лежатъ. Вѣдь обителью править развѣ легкое дѣло? Семейка-то у меня, сами знаете, какая: сто почти человѣкъ — обо всякой подумай, всякой пить, ѣсть припаси, да порядки держи, да смотри за всѣми. Нѣтъ, не легко начальство держать... Такъ тяжело, сударыня, такъ тяжело, что, самой не испытавши, и понять

мудрено... Такъ вотъ какое мое дѣло, далеко не то, что ваше, Марья Гавриловна... Какія вамъ заботы? Все у васъ готово, чего только ни вздумали!.. Опять же и здоровьемъ не такія, какъ я въ ваши годы была. Оттого и старость позднѣй къ вамъ придетъ.

— Какъ про то знать напередъ? — сказала Марья Гавриловна: — все во власти Господней.

— Вѣстимо такъ, — отвѣтила Манеѳа и, немного помолчавъ, заговорила ласкающимъ голосомъ: — А я все насчетъ братца-то, сударыня Марья Гавриловна. Очень ужъ онъ скорбитъ, что за суетами да недосугами не отписалъ къ вамъ письмеца, на именины-то не позвалъ. Такъ скорбитъ, такъ кручинится, не поставили бы ему въ вину.

— Полноте, матушка, — отвѣчала Марья Гавриловна. — Вѣдь я еще давеча сказала вамъ... Затѣмъ развѣ я въ обители поселилась, чтобъ по пирамъ разъѣзжать... Бывала прежде у Патапа Максимыча и еще какъ-нибудь сберусь, только не въ такое время, какъ много у него народу бываетъ...

— Да такъ-то оно такъ, — продолжала мать Манеѳа: — все-жъ однако гребтится ему — не оскорбились ли?.. Такъ ужъ онъ васъ уважаетъ, сударыня, такъ почитаетъ, что и сказать невозможно... Фленушка, поди-ка, голубка, принеси коробокъ, что Марьѣ Гавриловнѣ присланъ.

— Напрасно это, матушка, право, напрасно, — говорила Марья Гавриловна, между тѣмъ какъ Фленушка, накинувъ шубейку, побѣжала по приказанію Манеѳы. — Скажите-ка лучше, какъ поживаетъ Патапъ Максимычъ? Аксинья Захаровна что?.. Дѣвочки ихнія какъ теперь?

— Слава Богу, — отвѣчала Манеѳа: — дѣла у братца, кажись, хорошо идутъ. Поставку новую взялъ на горянщину, надѣется хорошіе барыши получить, только не знаетъ, какъ къ сроку поспѣть. Много ли времени до весны осталось, а работниковъ мало, новыхъ взять негдѣ. Принанялъ кой-кого, да не знаетъ, управится ли... Къ тому-жъ передъ самымъ Рождествомъ горемъ Богъ его посѣтилъ.

— Что такое случилось? — озабоченно спросила Марья Гавриловна.

— Знавали-ль вы у него приказчика Савельича? — спросила мать Манеѳа.

— Какъ не знать, матушка, славный такой старичокъ, — отвѣтила Марья Гавриловна.

— Померъ вѣдь...

— Полноте?

— Померъ сердечный, — продолжала Манеѳа. — На Вве-

деньевъ день въ Городецъ на базаръ поѣхалъ, на обратномъ пути застань его вьюга, сбился съ дороги, плуталъ цѣлу ночь, промерзъ. Много-ль надо старику? Недѣльки три поболѣлъ и преставился...

— Царство небесное!.. — набожно перекрестясь, молвила Марья Гавриловна: — добрый былъ человѣкъ, хорошій. Марьюшка,—прибавила она, обращаясь къ головщицѣ:—возьми-ка тамъ у меня въ спальнѣ у иконъ поминанье. Запиши, голубушка, за упокой. Егоромъ никакъ звали? — обратилась она къ Манеѳѣ.

— Такъ точно, Георгіемъ.

— Прошу я васъ, матушка, соборнѣ канонъ за единоумершаго по новопреставленномъ рабѣ Божіемъ Георгіѣ отпѣть, — сказала Марья Гавриловна. — И въ сенаникъ извольте записать его и трапезу на мой счетъ заупокойную по душѣ его поставьте. Все, матушка, какъ слѣдуетъ, исправьте, а потомъ, хоть завтра, что ли, дамъ я вамъ денегъ на раздачу, чтобъ годъ его поминали. Ужъ вы потрудитесь, раздайте, какъ кому заблагоразсудите.

— Благодаримъ покорно, сударыня, — молвила, слегка поклонясь, Манеѳа. — Все будетъ исправлено... Да, плохо, плохо стало братцу Патапу Максимычу безъ Егора Савельича, — продолжала она. — Одно то сказать — двадцать лѣтъ въ дому жилъ, не шутка въ нынѣшнее время... Хоть не родня, а дороже родного сталъ. Правой рукой братцу былъ: и токарни всѣ у него на отчетѣ были, и красильни, и присмотръ за рабочими, и на торги ѣздилъ, — вѣрный былъ человѣкъ, — хозяйскую копейку пуще глаза берегъ. Такихъ людей нынѣ что-то мало и видится... Тужитъ по немъ братецъ, очень тужитъ.

— Какъ, матушка, не тужить по такомъ человѣкѣ! — отозвалась Марья Гавриловна. — Жаль, очень жаль старика. Какъ же теперь безъ него Патапъ Максимычъ? Нашелъ ли кого на мѣсто его?

— Взялъ человѣка, да не знаю, выйдетъ ли толкъ, — отвѣчала Манеѳа. — Парень, сказываютъ, по ихнимъ дѣламъ искусный, да молодъ больно... И то мнѣ за диковинку, что братецъ такъ скоро рѣшился приказчикомъ его сдѣлать. По всякимъ дѣламъ, по домашнимъ ли, по торговымъ ли, кажись, онъ у насъ не торопыга, а тутъ его ровно шиломъ кольнуло, прости Господи, сразу рѣшилъ... Каку-нибудь недѣлю выжилъ у него парень въ работникахъ, вдругъ какъ нежданный карась въ вёршу попалъ... Приказчикомъ!..

— Откуда-жъ онъ добылъ его? — спросила Марья Гавриловна.

— Изъ окольныхъ, — отвѣтила Манеѳа. — Нанималъ въ то-

кари, да ровно онъ обошелъ его: недѣли, говорю, не жилъ— въ приказчики. Парень умный, смиренный и грамотникъ, да все-таки развѣ возможно человѣка узнать, когда у него губы еще не обросли? Двадцать лѣтъ съ чѣмъ-нибудь... Надо бы, надо бы постарше... Да что съ нашимъ Патапомъ Максимычемъ подѣлаешь, сами знаете, каковъ. Нравный человѣкъ — чего захочетъ, вынь да положь, никто перечить не смѣй. Вотъ хоть бы насчетъ этого Алексѣя...

— Какого Алексѣя?—спросила Марья Гавриловна.

— Да я все про новаго-то приказчика, — продолжала Манефа. — Хоть бы про него взять. Аксиньѣ Захаровнѣ братецъ хоть бы единое слово напередъ сказалъ, беру, молъ, парня въ домъ, нѣтъ, сударыня. При гостяхъ къ слову пришлось, такъ молвилъ, тутъ только хозяюшка и узнала. Говорила ему послѣ того Аксинья Захаровна: «Хоть, молъ, Алексѣй человѣкъ и хорошій, кроткій, и тихій, да ладно ли, говоритъ, будетъ молодому парню быть у насъ въ приближеньи? Уѣдешь ты на Низъ, аль въ Москву, останется онъ въ домѣ одинъ, другого мужчины нѣтъ. Долго-ль до славы? Ну, какъ зачнуть люди пустыя рѣчи про дочерей нести?.. Дѣвки на возрастѣ...» Такъ и слушать, сударыня, не хочетъ: — «Никто, говоритъ, не смѣетъ про моихъ дочерей пустыхъ рѣчей говорить; голову, говоритъ, сорву тому, кто посмѣетъ».

— Напрасно, — молвила Марья Гавриловна. — Живучи въ мірѣ, отъ сплетенъ да отъ напраслины мудрено уйти. Падки люди до клеветы, матушка!

— Да не то что въ міру, сударыня, — сказала Манефа: — у насъ по обителямъ, кажись бы, этого и быть не должно, а развѣ мало клеветы да напраслинъ живетъ?.. Нѣтъ, гордостенъ больно Патапъ-отъ Максимычъ, такъ гордостенъ, что сказать невозможно. Не разъ я ему говаривала и отъ писанія вычитывала: «Послушай меня скудоумную, не хуже тебя люди рѣчи мои слушаютъ: не возносися гордостью. Сатана на небесѣхъ сидѣлъ, а загордился, куда свалился? Навуходоносоръ царь превыше себя никого быть не чаялъ, гордостью аки волъ наполнился, за то Господь въ вола его обратилъ; фараонъ, царь египетскій, за гордость въ морѣ потопъ. Вотъ, говорю, цари были, а гордостью проклятой до чего дошли? Мы-то какъ, молъ, загордимся, такъ куда годимся?»... И ухомъ не ведетъ, сударыня.

Вошла Фленушка съ увѣсистымъ коробомъ. Вскрыли его, два фунта цвѣточнаго чаю вынули, голову сахару, конфеты, сушеные плоды, пастилу, варенье и другія сласти.

— Напрасно это, право, напрасно, — говорила Марья Гаври-

ловна, когда Фленушка, вынимая изъ коробка̀ гостинцы, раскладывала ихъ по столу. — Что̀ это такъ безпокоится Патапъ Максимычъ?

— Нельзя, сударыня, — молвила Манеѳа. — Какъ же бы я съ именинъ безъ гостинцовъ пріѣхала? Такъ не водится. Да и Патапъ Максимычъ что̀ бы за человѣкъ былъ, если-бъ васъ не уважилъ? И то кручинится — не оскорбились ли.

— Да перестаньте, пожалуйста, говорить про это, матушка,— возразила Марья Гавриловна. — На умѣ у меня не было сѣтовать на Патапа Максимыча. Скажите-ка лучше, дѣвицы наши какъ поживаютъ, Настя съ Парашей?

— Живутъ помаленьку, — отвѣчала Манеѳа. — Въ Парашѣ мало перемѣны, такая же, а Настенька, на мои глаза, много измѣнилась съ той поры, какъ изъ обители уѣхала.

— Чѣмъ же, матушка? — спросила Марья Гавриловна.

— Да какъ вамъ сказать, сударыня? — отвѣтила Манеѳа. — Вы ее хорошо знаете, дѣвка всегда была скрытная, а въ головѣ думъ было много. Какихъ, никому, бывало, не выскажетъ... Теперь пуще прежняго — теперь и не сговоришь съ ней... Живши въ обители, все-таки подъ смиреньемъ была, а какъ отецъ съ матерью потачку дали, власти надъ собой знать не хочетъ... Вся въ родимаго батюшку — гордостная, нравная, своебычная — все бы ей надъ какимъ ни на есть человѣкомъ покуражиться...

— Что̀ вы, матушка? — возразила Марья Гавриловна. — Настенька дѣвица такая скромная.

— Нѣтъ въ ней смиренья ни на капельку, — продолжала Манеѳа: — гордыня, одно слово, гордыня. Такъ-то на нее посмотрѣть — ровно-бъ и скромная и кроткая, особливо при чужихъ людя̀хъ, опять же и сердца добраго, зато, коли что̀ не по ней — такъ строптива, такъ непокорна, что не глядѣла-бъ на нее... На что отецъ, много-то съ нимъ никто не сговоритъ, и того, сударыня, упрямствомъ гнетъ подъ свою волю. Онъ же души въ ней не чаетъ — Настасья ему дороже всего.

— Значитъ, Настенька не дастъ изъ себя дѣлать, что̀ другіе хотятъ? — молвила Марья Гавриловна.

Потомъ помолчала немного, съ минуту посидѣла, склоня голову на руку, и, быстро поднявъ ее, молвила:

— Не худое дѣло, матушка. Сами говорите: дѣвица она умная, добрая — и, какъ я ее понимаю, на правдѣ стоитъ; лжи, лицемѣрія капли въ ней нѣтъ.

— Да такъ-то оно такъ, сударыня, — сказала, взглянувъ на Марью Гавриловну и понизивъ голосъ, Манеѳа. — Къ тому только рѣчь моя, что, живучи столько въ обители, ни смире-

нію ни послушанію она не научилась... А это маленько обидно. Кому ни доведись, всякъ осудить меня можетъ: тетка-де родная, а не сумѣла племянницу научить... Вотъ про что говорю я, сударыня.

— Ну, матушка, хорошо смиренье въ обители, а въ мірy иной разъ никуда не годится, — взволнованнымъ голосомъ сказала Марья Гавриловна, вставая изъ-за стола.

Заложивъ руки за спину, быстро стала она ходить взадъ и впередъ по горницѣ.

— И въ міру смиреніе хвалы достойно, — говорила Манееа, опустивъ глаза и больше прежняго понизивъ голосъ. — Сказано: «Смиреніемъ міръ стоитъ: кичение губитъ, смиреніе же пользуетъ... Смиреніе есть Богу угожденіе, уму просвѣщеніе, душѣ спасеніе, дому благословеніе, людямъ утѣшеніе»...

— Нѣтъ, нѣтъ, матушка, не говорите мнѣ этого, — съ горечью отвѣтила Марья Гавриловна, продолжая ходить взадъ и впередъ. — Мнѣ-то не говорите... Не терзайте душу мою... Не поминайте!..

Манееа стихла и заговорила ласкающимъ голосомъ:

— Не въ ту силу молвила я, сударыня, что надо совсѣмъ безотвѣтной быть, а какъ же отцу-то съ матерью не воздать послушанія? И въ писаніи сказано: «Не поживетъ дней своихъ, иже прогнѣвляетъ родителей».

— А написано ли гдѣ, матушка, чтобъ родители по своимъ прихотямъ дѣтей губили? — воскликнула Марья Гавриловна, становясь передъ Манееой. — Сказано-ль это въ какихъ книгахъ?.. Ахъ, не поминайте вы мнѣ, не поминайте!.. — продолжала она, опускаясь на стулъ противъ игуменьи. — Забыть, матушка, хочется... простить, — не поминайте же...

И навзрыдъ заплакала Марья Гавриловна. Фленушка съ Марьюшкой вышли въ другую горницу. Манееа, спустивъ на̀ лобъ креповую наметку, склонила голову и, перебирая лѣстовку, шопотомъ творила молитву.

— Нѣтъ, матушка, — сказала Марья Гавриловна, отнимая платокъ отъ глазъ: — нѣтъ... Мало ли развѣ родителей, что̀ изъ расчетовъ, аль въ угоду богатому, сильному человѣку своихъ дѣтей приводятъ на закланіе?.. Счастье отнимаютъ, въ пагубу кидаютъ ихъ?

— Бываетъ, — скорбно и униженно молвила мать Манееа.

— Не бываетъ развѣ, что отецъ по своенравію на всю жизнь губитъ дѣтей своихъ? — продолжала какъ полотно побѣлѣвшая Марья Гавриловна, стоя передъ Манееой и опираясь рукою на столъ. — Найдетъ, примѣромъ сказать, дѣвушка человѣка по̀ сердцу, хорошаго, добраго, а родителю

забредетъ въ голову выдать ее за нужнаго ему человѣка, и начнется тиранство... дѣвка въ воду, парень въ петлю... А родитель руками разводитъ да говоритъ: «Судьба такая! Богу такъ угодно».

Слова Марьи Гавриловны болѣзненно отдались въ самомъ глубокомъ тайникѣ Манеѳина сердца. Вспомнились ей затѣйныя рѣчи Якимушки, свиданья въ лѣсочкѣ, и кулаки разъяреннаго родителя... Вспомнился и паломникъ, бродящій по бѣлу свѣту... Взглянула игуменья на вошедшую Фленушку, и слезы заискрились на глазахъ ея.

— Нездоровится что-то, сударыня Марья Гавриловна, — сказала она, поднимаясь со стула. — И въ дорогѣ утомилась и въ келарнѣ захлопоталась — я ужъ пойду... Прощенья просимъ, благодаримъ покорно за угощеніе... Къ намъ милости просимъ... Пойдемъ, Фленушка.

И, придя въ келью, Манеѳа заперлась и стала на молитву... Но умъ двоится, и не можетъ она выжить изъ мыслей какъ изъ мертвыхъ возставшаго паломника.

Разговоръ съ Манеѳой сильно взволновалъ и Марью Гавриловну. Горе, что̀ хотѣлось ей схоронить отъ людей въ тиши полумонашеской жизни, переполнило ея душу, истерзанную долгими годами страданій и еще не совсѣмъ исцѣленную. По уходѣ Манеѳы, оставшись одна въ своемъ домикѣ, долго бродила она по комнатамъ. То у одного окна постоитъ, то у другого, то присядетъ, то опять зачнетъ ходить изъ угла въ уголъ. Вспоминались ей то минуты свѣтлой радости, что̀ быстролетной молніей мелькнули на ея житейскомъ поприщѣ, то длинный рядъ черныхъ годовъ страдальческой жизни. Ручьемъ катились слезы по блѣднымъ щекамъ, когда-то сіявшимъ пышной красотой, цвѣтущимъ здоровьемъ, свѣтлымъ счастьемъ.

На другой день по возвращеніи Манеѳы изъ Осиповки, нарядчикъ Патапа Максимыча, старикъ Пантелей, пріѣхалъ въ обитель съ двумя возами усердныхъ приношеній. Сдавая припасы матери Таифѣ, Пантелей сказалъ ей, что у нихъ въ Осиповкѣ творится что-то неладное.

— Пятнадцать лѣтъ, матушка, въ домѣ живу, — говорилъ онъ: — кажется, всѣ бы ихніе порядки долженъ знать, а теперь ума не приложу, что̀ у насъ дѣлается... Послѣ Крещенья нанялъ Патапъ Максимычъ работника-токаря, деревни Паромовой, крестьянскій сынъ. Парень молодой, взрачный такой изъ себя, Алексѣемъ зовутъ... И какъ будто здѣсь не спроста, матушка, ровно околдовалъ этотъ Алексѣй Патапа Максимыча: недѣли не прожилъ, а хозяинъ ему и токарни и красильни

на весь отчетъ... Какъ покойникъ Савельичъ былъ, такъ онъ теперь: и обѣдаетъ, и чаи распиваетъ съ хозяевами, и при гостяхъ больше все въ горницахъ... Ровно сына родного возлюбилъ его Патапъ Максимычъ. Право, нѣтъ ли ужъ тутъ какого навожденія.

— Слышала, Пантелеюшка, слышала, — отвѣтила мать Таифа. — Фленушка вечоръ про то же болтала. Сказываетъ однакожъ, что этотъ Алексѣй умный такой и до всякаго дѣла доточный.

— Про это что̀ и говорить, — отвѣчалъ Пантелей. — Парень — золото!.. Всѣмъ взялъ: и уменъ, и грамотей, и душа добрая... Самъ я его полюбилъ. Вовсе непохожъ на другихъ парней — худого слова аль пустошныхъ рѣчей отъ него не услышишь: годами молодъ, разумомъ старъ... Только все же, сама посуди, возможно-ль такъ приближать его? Парень холостой, а у Патапа Максимыча дочери.

— Правда твоя, правда, Пантелеюшка, — охая, подтвердила Таифа. — Молодымъ дѣвицамъ съ чужими мужчинами въ одномъ домѣ жить не годится... Да не только жить, видаться-то почасту и то опасливое дѣло, потому человѣкъ не камень, а молодая кровь горяча... Поднеси свѣчку къ сѣну, нешто не загорится?.. Такъ и это... Долго-ль тутъ до грѣха? Недаромъ люди говорятъ: «береги дѣвку, что̀ стеклянну посуду, грѣхомъ расшибешь — ввѣкъ не починишь».

— Пускай до чего до худого дѣло не дойдетъ, — сказалъ на то Пантелей: — потому дѣвицы онѣ у насъ разумныя, до пустяковъ себя не доведутъ... Да вѣдь люди, матушка, кругомъ, народъ же все непостоянный, зубоскалъ, только бы посудачить имъ да всякаго пересудить... А къ богатымъ завистливы. На глазахъ лебезятъ хозяину, а чуть за уголъ, и пошли его ругать да цыганить... Чего добраго, такихъ сплетокъ наплетутъ, таку славу распустятъ, что не приведи Господи. Сама знаешь, каковы нынѣшни люди.

— Что̀ и говорить, Пантелеюшка! — вздохнувъ, молвила Таифа. — Разсѣялъ врагъ по людямъ злобу свою да неправду, гордость, зависть, человѣконенавидѣніе! Охо-хо-хо-хо!

— Теперь у насъ какое дѣло еще!.. Просто бѣда — всѣ можемъ пропасть, — продолжалъ Пантелей. — Не знаемо какой человѣкъ съ Дюковымъ съ купцомъ наѣхалъ. Сказываетъ, отъ епископа насланъ, а на мои глаза ровно бы какой проходимецъ. Сидитъ съ ними Патапъ Максимычъ, съ этимъ проходимцемъ да съ Дюковымъ, замкнувшись въ подклѣтѣ, чуть не съ утра до ночи... И такія у нихъ дѣла, такія затѣи, что подумать страшно... Не епископомъ, а бѣсомъ смущать

на худыя дѣла посланъ къ намъ тотъ проходимецъ... Теперь хозяинъ ровно другой сталъ: ходитъ одинъ, про что-то самъ съ собой бормочетъ, зачнетъ по пальцамъ считать, ходитъ-ходитъ, да вдругъ и станетъ на мѣстѣ, какъ вкопанный, постоитъ маленько, опять зашагаетъ... Не къ добру, не къ добру, къ самой послѣдней погибели!.. Боюсь я, матушка, охъ, какъ боюсь!.. Сама посуди, живу въ домѣ пятнадцать лѣтъ, пріобыкъ, я же безродный, ни за мной ни передо мной никого, я ихъ замѣсто своихъ почитаю, голову готовъ положить за хозяина... Ну, да какъ бѣда-то стрясется?.. Охъ, Ты, Господи, Господи, и подумать такъ страшно.

— Что-жъ они затѣваютъ? — спросила Таифа.

— Затѣваютъ, матушка... охъ, затѣваютъ... А зачинщикомъ этотъ проходимецъ, — отвѣчалъ Пантелей.

— Что-жъ за дѣло такое у нихъ, Пантелеюшка? — выпытывала у него Таифа.

— Кто ихъ знаетъ?.. Понять невозможно, — отвѣчалъ Пантелей. — Только сдается, что дѣло нехорошее. И Алексѣй этотъ тоже цѣлыя ночи толкуетъ съ этимъ проходимцемъ, прости Господи. Въ одной боковушѣ съ нимъ и живетъ.

— Да кто-жъ такой этотъ человѣкъ? Откуда?.. Изъ какихъ мѣстовъ? — допытывалась мать Таифа.

— Родомъ будто изъ здѣшнихъ. Такъ сказывается, — отвѣчалъ Пантелей. — Патапу Максимычу, слышь, сызмальства былъ знаемъ. А зовутъ его Якимъ Прохорычъ, по прозванью Стуколовъ.

— Слыхала я про Стуколова Якима, слыхала смолоду, — молвила мать Таифа. — Только тотъ безъ вѣсти пропалъ, годовъ двадцать тому, коли не больше.

— Пропадалъ, а теперь объявился, — молвилъ Пантелей. — Про странства свои намедни разсказывалъ мнѣ, гдѣ-то, гдѣ ни бывалъ, какихъ земель ни видывалъ, коли только не вретъ. Я, признаться, ему больше на лобъ да на скулы гляжу. Думаю, не клалъ ли ему палачъ отмѣтинъ на площади...

— Ну ужъ ты! Епископъ, говоришь, прислалъ? — сказала Таифа. — Пошлетъ развѣ епископъ каторжнаго!..

— Говоритъ, отъ епископа, — отвѣчалъ Пантелей: — а можетъ, и вретъ.

— А если отъ епископа, — замѣтила Таифа: — такъ, можетъ, толкуютъ они, какъ ему въ наши мѣста прибыть. Дѣло опасное, надо тайну держать.

— Коли-бъ насчетъ этого, таиться отъ меня бы не стали, — сказалъ на то Пантелей. — Попа ли привезти, другое ли что — завсегда я справляю. Нѣтъ, матушка, тутъ другое что-нибудь...

Опять же, если-бъ насчетъ пріѣзда епископа — стали бы развѣ отъ Аксиньи Захаровны таиться, а то вѣдь и отъ нея тайкомъ... Опять же матушка Манеѳа гостила у насъ, съ кѣмъ же бы и совѣтоваться, какъ не съ ней... Такъ нѣтъ, она всего только разъ и видѣла этого Стуколова... Гости два дня гостили, а онъ все время въ боковушѣ сидѣлъ... Нѣтъ, матушка, тутъ другое, совсѣмъ другое... Охъ, боюсь я, чтобъ онъ Патапа Максимыча на недоброе не навелъ!.. Оборони, Царю Небесный!

— Да что-жъ ты полагаешь? — сгорая любопытствомъ, спрашивала Таифа. — Скажи, Пантелеюшка... Сколько лѣтъ меня знаешь?.. Безъ пути лишнихъ словъ болтать не охотница, всяка тайна у меня въ груди, какъ огонь въ кремнѣ, скрыта. Опять же и сама я Патапа Максимыча какъ родного люблю, а ужъ дочекъ его, такъ и сказать не умѣю, какъ люблю, ровно бы мои дѣти были.

— Да такъ-то оно такъ! — мялся Пантелей: — все же опасно мнѣ... Развѣ вотъ что̀... Матушкѣ Манеѳѣ самъ я этого сказать не посмѣю, а такъ полагаю, что если-бъ она хорошенько поговорила Патапу Максимычу, остерегла бы его да поначалила, можетъ статься, онъ и послушался бы.

— Наврядъ, Пантелеюшка! — отвѣтила, качая головой, Таифа. — Не такого складу человѣкъ. Наврядъ послушаетъ. Упрямъ вѣдь онъ, упоренъ, такихъ самонравовъ поискать. Не больно матушки-то слушаетъ.

— Дѣло-то такое, что если матушка ему какъ слѣдуетъ выскажетъ, онъ, пожалуй, и послушается, — сказалъ Пантелей. — Дѣло-то вѣдь такое!.. Къ палачу въ лапы можно угодить, матушка, въ Сибирь пойти на каторгу!..

— Что̀ ты, Пантелеюшка! — испугалась Таифа. — Ай, какія ты страсти сказалъ!.. На душегубство, что ли, совѣтуютъ?

— Экъ тебя куда хватило!.. — молвилъ Пантелей. — За одно развѣ душегубство на каторгу-то идутъ? Мало-ль передъ Богомъ да передъ великимъ государемъ провинностей, за которы ссылаютъ... Охо-хо-хо!.. Только вздумаешь, такъ сердце ровно кипяткомъ обваритъ.

— Да сказывай все по̀ ряду, Пантелеюшка, — приставала Таифа. — Коли такое дѣло, матушка и впрямь его разговорить можетъ. — Тоже сестра, кровному зла не пожелаетъ... А поговорить учительно да усовѣстить человѣка въ напасть грядущаго, гдѣ другую сыскать супротивъ матушки?

Долго колебался Пантелей, но Таифа такъ его уговаривала, такъ его умасливала, что тотъ наконецъ подѣлился своей тайной:

— Только смотри, мать Таифа, — сказалъ напередъ: — опричь матушки Манеѳы словечка никому не моги проронить, потому, коли молва разнесется — бѣда... Ты мнѣ напередъ передъ образомъ побожись.

— Божиться не стану, — отвѣтила Таифа. — И мірскимъ великій грѣхъ божиться, а иночеству паче того. А если изволишь, вотъ тебѣ по евангельской заповѣди, — продолжала она, поднимая руку къ иконамъ: — буди тебѣ: ей, ей.

И, положивъ семипоклонный началъ, взяла изъ кіота мѣдный крестъ и поцѣловала.

Потомъ, сѣвъ на лавку, обратилась къ Пантелею.

— Говори же теперь, Пантелеюшка, заклятà душа моя, запечатана...

— Дюкова купца знаешь? — спросилъ Пантелей: — Сампсона Михайловича?

— Наслышана, а знать не довелось, — отвѣтила Таифа.

— Слыхала, что годовъ десять али больше тому судился онъ по государеву дѣлу, въ острогѣ сидѣлъ?

— Можетъ, и слыхала, вѣрно сказать не могу.

— Судился онъ за мягкую денежку, — продолжалъ Пантелей. — Хоша Дюкова въ томъ дѣлѣ по суду выгородили, люди толкуютъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ тѣмъ дѣломъ займовался. Хоть самъ, можетъ, монеты и не ковалъ, а съ монетчиками дружбу водилъ и работу ихнюю переводилъ... Про это всѣ тебѣ скажутъ — кого ни спроси... Недаромъ каждый годъ разъ по десяти въ Москву ѣздитъ, хоть торговыхъ дѣлъ у него тамъ сроду не бывало, недаромъ и на Ветлугу частенько наѣзжаетъ, хоть ни лѣсомъ ни мочалой не промышляетъ. Да и скрытный такой — все молчитъ, слова отъ него не добьешься.

— Такъ чтò же? — спросила Таифа.

— А то, что этотъ самый Дюковъ того проходимца къ намъ и завезъ, — отвѣчалъ Пантелей. — Дѣло было наканунѣ именинъ Аксиньи Захаровны. Пріѣхали нежданные, незванные — ровно съ неба свалились. И все-то шепчутся, ото всѣхъ хоронятся. Добрые люди такъ развѣ дѣлаютъ?.. Коли нѣтъ на умѣ дýрна, зачѣмъ людей таиться?

— Извѣстно дѣло, — отозвалась Таифа. — Что-жъ они Патапа-то Максимыча на это на самое дѣло и смущаютъ?

— Похоже на то, матушка, — сказалъ Пантелей: — по крайности такъ моимъ глупымъ разумомъ думается. Словно другой хозяинъ сталъ, въ раздумьѣ все ходитъ... И ночью, подмѣтилъ я, встанетъ да все ходитъ, все ходитъ и на пальцахъ считаетъ. По дѣлу какому къ нему и не подступайся — чтò ни говори, ровно не понимаетъ тебя, махнетъ рукой, либо

зарычитъ: «убирайся, не мѣшай!»... А чего мѣшать-то?.. Никакого дѣла пятый день не дѣлаетъ... И по токарнямъ и по красильнямъ все стало... Новый-отъ приказчикъ Алексѣй тоже ни за чѣмъ не смотритъ, а Патапу Максимычу это ни почемъ. Все по тайности съ нимъ толкуетъ... А работники, извѣстно дѣло, народъ вольница, видятъ, нѣтъ призору, и пошли чѣрезъ пень колоду валить.

— Да почему-жъ ты думаешь, что они насчетъ фальшивыхъ денегъ? — спросила Таифа.

— А видишь ли, матушка, — сказалъ Пантелей. — Третьягодня, ходивши цѣлый день по хозяйству, зашелъ я въ сумерки въ подклѣтъ и прилегъ на полати. Заснулъ... только меня ровно кто въ бокъ толкнулъ — слышу разговоры. Рядомъ тутъ приказчикова боковуша. Слышу, тамъ говорятъ, а сами впотьмахъ... Слышу Стуколова голосъ и Патапа Максимыча. Дюковъ тутъ же былъ, только молчалъ все, и Алексѣй тутъ же. Ну и наслушался я, матушка.

— Что-жъ они, Пантелеюшка? — съ нетерпѣньемъ спрашивала Таифа. — Про эти самыя фальшивыя деньги и толкуютъ?.. Ахъ, Ты, Господи, Господи, Царь Небесный!..

— Вѣрно такъ, — отвѣтилъ Пантелей. — Начала-то ихняго разговора я не слыхалъ — проспалъ, а очнулся, пришелъ въ себя, слышу, толкуютъ про золотые пески, что̀ по нашимъ мѣстамъ будто бы водятся; Ветлугу поминаютъ. Стуколовъ высчитываетъ, какіе капиталы они наживутъ, если примутся за то дѣло... Не то что тысячи, милліоны, говоритъ, будете имѣть... Про какіе-то снаряды поминалъ... Такъ и говоритъ: «мыть золото» надо этими снарядами... И про то сказывалъ, что люди къ тому дѣлу есть у него на примѣтѣ, да и самъ, говоритъ, я того дѣла маленько мерѐкаю... Смущаетъ хозяина всячески, а хозяинъ тому и радъ — торопитъ Стуколова, такъ у него и загорѣлось — сейчасъ же вынь да положь, сейчасъ же давай за дѣло приматься. Стуколовъ говоритъ ему: пока снѣгъ не сойдетъ, къ дѣлу приступать нельзя. А потомъ, слышу, на Ветлугу хозяинъ собирается... Вотъ и дѣла!..

— Ахъ дѣла, дѣла!.. Ахъ, какія дѣла! — охаетъ мать Таифа. — Такъ-таки и говорятъ: «станутъ фальшивы деньги дѣлать»?

— Напрямикъ такого слова не сказано, — отвѣчалъ Пантелей: — а понимать надо такъ — какой же по здѣшнимъ мѣстамъ другой золотой песокъ можетъ быть? Опять же Ветлугу то и дѣло поминаютъ... Не знаешь развѣ, чѣмъ на Ветлугѣ народъ займуется?

— А чѣмъ, Пантелеюшка? — спросила мать Таифа.

— Лѣса тамъ большущіе — такая палестина, что верстъ по пятидесяти ни жила ни дорогъ нѣту, — развѣ гдѣ тропинку найдешь. По этимъ по самымъ лѣсамъ землянки ставлены, въ однихъ старцы спасаются, въ другихъ мужики мягку деньгу куютъ.... Вотъ что̀ значитъ Ветлуга... А ты думала, тамъ только мочаломъ да лубомъ промышляютъ?

— Ахъ, дѣло-то, какое дѣло-то!.. Матушка Царица Небесная!... — причитала мать Таифа.

— То-то и есть, что̀ значитъ наша-то жадность? — раздумчиво молвилъ Пантелей. — Чего еще надо ему? Такъ нѣтъ, все мало... Хотѣлъ-было поговорить ему, боюсь... Скажи ты при случаѣ матушкѣ Манееѣ, не отговоритъ ли она его... Думалъ молвить Аксиньѣ Захаровнѣ, да пожалѣлъ — станетъ убиваться, а зачнетъ ему говорить, на грѣхъ только наведетъ... Не больно онъ рѣчи-то ея принимаетъ... Развѣ матушку не послушаетъ ли?

— Не знаю, Пантелеюшка, — сомнительно покачавъ головою, отвѣчала Таифа. — Сказать ей скажу, да врядъ ли послушаетъ матушку Патапъ Максимычъ. Вѣдь онъ какъ заберетъ что̀ въ голову, указчики ступай прочь да мимо.... А сказать матушкѣ скажу... Какъ не сказать!..

Въ тотъ же день вечеромъ Таифа была у игуменьи. Доложивъ ей, что присланные припасы приняты по росписи, а ветчина припрятана, она, искоса поглядывая на ключницу Софію, молвила Манееѣ вполголоса:

— Мнѣ бы словечко вамъ сказать, матушка.

— Говори, — отвѣтила Манееа.

— Съ глазу бы на глазъ.

— Что̀ за тайности? — не совсѣмъ довольнымъ голосомъ спросила Манееа. — Ступай покамѣстъ вонъ, Софьюшка, — прибавила она, обращаясь къ ключницѣ.

— Ну, какія у тебя тайности? — спросила игуменья, оставшись вдвоемъ съ Таифой.

— Да насчетъ Патапа Максимыча, — зачала-было Таифа.

— Что̀ такое насчетъ Патапа Максимыча? — быстро сказала Манееа.

— Не знаю, какъ и говорить вамъ, матушка, — продолжала Таифа. — Такое дѣло, что и придумать нельзя.

— Толкомъ говори... Мямлитъ, мямлитъ, понять нельзя!.. — нетерпѣливо говорила Манееа.

— Смущаютъ его недобрые люди, на худое дѣло смущаютъ, — отвѣчала мать казначея.

— Сказано: не мямли, — крикнула игуменья, даже ногой топнула. — Кто наущаетъ, на какое дѣло?

— Фальшивы деньги ковать...—шопотомъ промолвила мать Таифа.

— Съ ума сошла?—вся побагровѣвъ, вскрикнула Манеѳа и, строго глядя въ глаза казначеѣ, промолвила: — Кто навралъ тебѣ?

— Пантелей, матушка, — опустя голову, смиренно сказала Таифа.

— Пустомеля!.. Стыда во лбу нѣтъ!.. Что̀ городитъ!.. Онъ отъ кого узналъ?—въ тревогѣ и горячности, быстро взадъ и впередъ ходя по кельѣ, говорила Манеѳа.

— Ихній разговоръ подслушалъ...—отозвалась мать Таифа.

— Подслушалъ? Гдѣ подслушалъ?

— На палатяхъ лежалъ, въ подклѣтѣ у нихъ... Спалъ, а проснулся и слышитъ, что Патапъ Максимычъ въ боковушѣ съ гостями про анаѳемское дѣло разговариваетъ.

— Ну?

— И толкуютъ, слышь, они, матушка, какъ добывать золотыя деньги... И снаряды у нихъ припасены ужь на то... Да все Ветлугу поминаютъ, все Ветлугу... А на Ветлугѣ тѣ плутовскія деньги только и работаютъ... По тамошнимъ мѣстамъ самый корень этихъ монетчиковъ. Къ нимъ-то и сбираются ѣхать. Жалѣючи Патапа Максимыча, Пантелей про это мнѣ за великую тайну сказалъ, чтобы кромѣ тебя, матушка, никому я не открывала... Самъ чуть не плачетъ... Молви, говоритъ, Христа ради, матушкѣ, не отведетъ ли она братца отъ такого поскуднаго дѣла...

— Съ кѣмъ же были разговоры?—угрюмо спросила Манеѳа.

— А были при томъ дѣлѣ, матушка, трое, — отвѣчала Таифа: — новый приказчикъ Патапа Максимыча, да Дюковъ купецъ, а онъ прежде въ острогѣ за фальшивыя деньги сидѣлъ, хоть и не уличонъ остался.

— Третій кто? — перебила Манеѳа.

— А третій всему дѣлу заводчикъ и есть... Привезъ его Дюковъ, а Дюковъ по этимъ деньгамъ первый здѣсь воротила... Стуколовъ какой-то, отъ епископа будто присланъ...

Подкосились ноги у Манеѳы, и тяжело опустилась она на лавку. Голова поникла на плечо, закрылись очи, чуть слышно шептала она:

— Господи помилуй!.. Господи помилуй!.. Царица Небесная!.. Что-жъ это такое?.. Въ умѣ мутится... Ахъ, злодѣй онъ, злодѣй!..

И судорожныя рыданья перервали рѣчь. Манеѳа упала на лавку. Кликнула Таифа ключницу и вмѣстѣ съ нею отнесла на постель безчувственную игуменью.

Засуетились по кельямъ... «Съ матушкой попритчилось!..

Матушка умираетъ!»,—передавали однѣ келейницы другимъ, и черезъ нѣсколько минутъ вѣсть облетѣла всю обитель... Сошлись матери въ игуменьину келью, пришла и Марья Гавриловна. Всѣ въ слезахъ, въ рыданьяхъ. Фленушка, стоя на колѣняхъ у постели и склонивъ голову къ рукѣ Манеѳы, ровно окаменѣла...

Софья говорила матерямъ, что, когда съ игуменьей случился припадокъ, съ нею осталась одна Таифа, хотѣвшая разсказать ей про какое-то тайное дѣло... Стали спрашивать Таифу. Молчитъ.

Недѣли три пролежала въ горячкѣ игуменья и все время была безъ памяти. Не будь въ обители Марьи Гавриловны, не быть бы Манеѳѣ въ живыхъ.

Матери хлопотали вкругъ начальницы, каждая предлагала свои лѣкарства. Одна совѣтовала умыть матушку водой съ громовой стрѣлы*), другая — напоить ее виномъ, напередъ заморозивъ въ немъ живого рака, третья учила деревяннымъ масломъ изъ лампадки всю ее вымазать, четвертая — накормить овсянымъ киселемъ съ воскомъ, а пятая увѣряла, что нѣтъ ничего лучше, какъ достать живую щуку, разрѣзать ее вдоль и обложить голову матушкѣ, подпаливая рыбу богоявленской свѣчой. Потомъ зачали всѣ въ одно слово говорить, что надо безпремѣнно въ Городецъ за чернымъ попомъ посылать, или поближе куда-нибудь за старцемъ какимъ, потому что всегдашнее желаніе матушки Манеѳы было передъ кончиной принять великую схиму... Много было суеты, еще больше болтанья и пустыхъ разговоровъ. Больная осталась бы безъ помощи, если-бъ Марья Гавриловна отъ себя не послала въ городъ за лѣкаремъ. Лѣкарь пріѣхалъ, осмотрѣлъ больную, сказалъ, что опасна. Марья Гавриловна просила лѣкаря остаться въ скитѣ до исхода болѣзни, но, хоть предлагала за то хорошія деньги, онъ не остался, потому что былъ одинъ на цѣлый уѣздъ. Успѣла однако упросить его Марья Гавриловна пробыть въ Комаровѣ, пока не привезутъ другого врача изъ губернскаго города. Пріѣхалъ другой врачъ и остался въ обители, къ немалому соблазну келейницъ, считавшихъ лѣченье дѣломъ Господу неугоднымъ, а для принявшихъ иночество даже грѣховнымъ.

Марья Гавриловна на своемъ настояла. Что̀ ни говорили матери, какъ ни спорили онѣ, лѣченье продолжалось. Больше огорчалась, сердилась и даже бранилась съ Марьей Гаври-

*) Песокъ, скипѣвшійся отъ удара молніи. Вода, въ которую онъ пущенъ, считается въ простонародьѣ цѣлебною.

ловной игуменьина ключница Софія. Она вздумала-было выливать лѣкарства, приготовленныя лѣкаремъ, и поить больную какимъ-то взваромъ, что̀, по ея словамъ, отъ сорока недуговъ пользуетъ. А сама межъ тѣмъ, въ надеждѣ на скорую кончину Манеѳы, къ сундукамъ ея подобралась... За то Марья Гавриловна, при содѣйствіи Аркадіи, правившей обителью, выслала вонъ изъ кельи Софію и не велѣла Фленушкѣ пускать ее ни къ больной ни въ кладовую... Старанія искуснаго врача, заботливый и умный уходъ Марьи Гавриловны и Фленушки, а больше всего хоть надорванное, но крѣпкое отъ природы здоровье Манеѳы подняли ее съ одра смертной болѣзни...

Когда пришла она въ сознаніе и узнала, сколько заботъ прилагала о ней Марья Гавриловна, горячо поблагодарила ее, но тутъ же промолвила:

— Ахъ, Марья Гавриловна, Марья Гавриловна!.. Зачѣмъ вы, голубушка, старались поднять меня съ одра болѣзни? Лучше-бъ мнѣ отойти сего свѣта... Охъ, тяжело мнѣ жить...

— Полноте, матушка!.. Можно-ль такъ говорить? Жизнь ваша другимъ нужна... Вотъ хоть Фленушка, напримѣръ... — говорила Марья Гавриловна.

— Ахъ, Фленушка, Фленушка!.. Милое ты мое сокровище, — слабымъ голосомъ сказала Манеѳа, прижимая къ груди своей голову дѣвушки. — Какъ бы знала ты, что̀ у меня на̀ сердцѣ.

И зарыдала.

— Успокойтесь, матушка, это вамъ вредно, — уговаривала Манеѳу Марья Гавриловна. — Теперь пуще всего вамъ надо беречь себя.

Успокоилась ненадолго Манеѳа, спросила потомъ:

— Отъ братца нѣтъ ли вѣстей?

— Патапъ Максимычъ уѣхалъ, — отвѣчала Фленушка.

— Куда?

— На Ветлугу... говорятъ.

— На Ветлугу!.. — взволнованнымъ голосомъ сказала Манеѳа. — Одинъ?

— Нѣтъ,—молвила Фленушка:—съ купцомъ Дюковымъ да съ тѣмъ, что̀ тогда свои похожденья разсказывалъ...

Поблѣднѣла Манеѳа, вскрикнула и лишилась сознанья.

Ей стало хуже. Осмотрѣвъ больную и узнавъ, что она взволновалась отъ разговоровъ, врачъ строго запретилъ говорить съ ней, пока совсѣмъ не оправится.

Только къ Пасхѣ встала Манеѳа съ постели. Но здоровье ея съ тѣхъ поръ хизнуло. Вся какъ-то опустилась, задумчива стала.

Однажды, когда Манеѳѣ стало получше, Фленушка пошла

посидѣть къ Марьѣ Гавриловнѣ. Толковали онѣ о матушкѣ и ея болѣзни, о томъ, что хоть теперь она и поправилась, однакожъ при ея слабости необходимъ за ней постоянный уходъ.

— Лѣкарь говоритъ, — сказала Марья Гавриловна: — что надо отдалить отъ матушки всякія заботы, ничѣмъ не безпокоить ея... А одной тебѣ, Фленушка, не подъ силу день и ночь при ней сидѣть... Надо бы еще кого изъ молодыхъ дѣвицъ... Марьюшку развѣ?

— У Марьюшки свое дѣло, — отвѣчала Фленушка. — Безъ нея клиросъ станетъ, нельзя безотлучно ей при матушкѣ быть.

— Право, не придумаю, какъ бы это уладить, — сказала Марья Гавриловна. — Анафролія да Минодора съ Натальей только слава одна... Работницы онѣ хорошія, а куда-жъ имъ за больной ходить? Я-было свою Таню предлагала матушкѣ — слышать не хочетъ.

— Вотъ какъ бы Настя съ Парашей пріѣхали, — молвила Фленушка.

— И въ самомъ дѣлѣ! — подхватила Марья Гавриловна. — Чего бы лучше? Тутъ главное, чтобъ до матушки, пока не поправится, никакихъ заботъ не доводить... А изъ здѣшнихъ кого къ ней ни посади, каждая зачнетъ сводить рѣчь на дѣла обительскія. Чего бы лучше Настеньки съ Парашей... Только отпуститъ ли ихъ Патапъ-отъ Максимычъ? Не слыхала ты, воротился онъ домой аль еще нѣтъ?

— Къ Страстной ждали, должно-быть, дома теперь, — сказала Фленушка.

— Отпуститъ ли онъ ихъ, какъ ты думаешь? — спросила Марья Гавриловна.

— Не знаю, какъ сказать, — отвѣчала Фленушка. — Сами станутъ проситься, не пустятъ.

— А если матушка попроситъ? — спросила Марья Гавриловна.

— Наврядъ чтобъ отпустилъ, — отвѣчала Фленушка.

— Попробовать развѣ, поговорить матушкѣ, что̀ она на то скажетъ — согласится, такъ напиши отъ нея письмецо къ Патапу Максимычу, — молвила Марья Гавриловна.

— Тогда ужъ навѣрно не отпуститъ, — сказала Фленушка. — Не больно онъ меня жалуетъ, Патапъ-отъ Максимычъ... Еще скажетъ, пожалуй, что я отъ себя это выдумала. Вотъ какъ бы вы потрудились, Марья Гавриловна.

— Я-то тутъ при чемъ? — возразила Марья Гавриловна. — Для дочерей не сдѣлаетъ, для сестры больной не сдѣлаетъ, а для меня-то съ какой же стати?

— А я такъ полагаю, что для васъ однѣхъ онъ только это

и сдѣлаетъ, — сказала Фленушка. — Только вы припишите, что вамъ самимъ желательно Настю съ Парашей повидать, и попросите, чтобъ онъ къ вамъ отпустилъ ихъ, а насчетъ того, что за матушкой станутъ приглядывать, не поминайте.

— Понять не могу, Фленушка, съ чего ты взяла, чтобы Патапъ Максимычъ для меня это сдѣлалъ. Что̀ я ему? — говорила Марья Гавриловна.

— А вы попробуйте, — отвѣтила Фленушка. — Только напишите, попробуйте.

— Право, не знаю, — раздумывала Марья Гавриловна.

— Да пишите, пишите скорѣе, — съ живостью заговорила Фленушка, ласкаясь и цѣлуя Марью Гавриловну. — Хоть маленько повеселѣй съ ними будетъ, а то совсѣмъ околѣешь съ тоски. Миленькая Марья Гавриловна, напишите сейчасъ же, пожалуйста, напишите... Вѣдь и вамъ-то съ ними будетъ повеселѣе... Вѣдь и вы совсѣмъ извелись отъ здѣшней скуки... Голубушка!.. Марья Гавриловна!

— Чтобъ онъ не осердился? — сказала Марья Гавриловна.

— На васъ-то?.. Что̀ вы?.. Что̀ вы?.. — подхватила Фленушка, махая на Марью Гавриловну обѣими руками. — Полноте!.. Какъ это возможно?.. Да онъ будетъ радъ-радехонекъ, самъ привезетъ дочерей, да вамъ же еще кланяться станетъ. Очень уважаетъ васъ. Посмотрѣли бы вы на него, какъ кручинился, что на именинахъ-то васъ не было... Онъ васъ маленько побаивается...

— Чего ему меня бояться? — засмѣялась Марья Гавриловна.— Я не кусаюсь.

— А боится—вѣрно говорю... Съ вашимъ братцемъ, что ли, дѣла у него,—вотъ онъ васъ и боится.

— Изъ чего же тутъ бояться?—сказала Марья Гавриловна.— Какія у нихъ дѣла, не знаю... И что̀ мнѣ такое братъ? Пустое городишь, Фленушка.

— Ужъ я вамъ говорю,—настаивала Фленушка. — Попробуйте, напишите —сами увидите... Да пожалуйста, Марья Гавриловна, миленькая, душенька, утѣшьте Настю съ Парашей— имъ-то вѣдь какъ хочется у насъ побывать — порадуйте ихъ.

Марья Гавриловна согласилась на упрашиваніе Фленушки и на другой же день обѣщалась написать къ Патапу Максимычу. Къ тому-жъ она получила отъ него два письма, но не успѣла еще отвѣтить на нихъ въ хлопотахъ за больной Манеоой...

Манеоа рада была повидать племянницъ, но не надѣялась, чтобъ Патапъ Максимычъ отпустилъ ихъ къ ней въ обитель.

— Безъ того ворчитъ, будто я племянницъ къ келейной

жизни склоняю, — сказала она. — Пошумѣлъ онъ однова на Настю, а та дѣвка огонь—сама ему наотрѣзъ. Онъ ей слово, она пятокъ, да вдругъ и брякни отцу такое слово: «я, дескать, въ скиты пойду, иночество надѣну»... Ну какая она черноризица, сами посудите!.. То ли у ней на умѣ?.. Попугать отца только вздумала, иночествомъ ему пригрозила, а онъ на меня какъ напустится: «это, говоритъ, ты ей такія мысли въ уши напѣла, это, говоритъ, твое дѣло»... И ужъ такъ шумѣлъ, такъ шумѣлъ, Марья Гавриловна, что хоть изъ дому вонъ бѣги... И послѣ того не разъ мнѣ выговаривалъ: «У васъ, дескать, обычай въ скитахъ повелся: богатенькихъ племянницъ сманивать, такъ ты, говоритъ, не надѣйся, чтобъ дочери мои къ тебѣ въ черницы пошли. Я, говоритъ, теперь ихъ и близко къ кельямъ не допущу, не то чтобы въ скиту имъ жить»... Такъ и сказалъ... Нѣтъ, не послушаетъ онъ меня, Марья Гавриловна, не отпуститъ дѣвицъ ни на малое время... Напрасно и толковать объ этомъ...

— А если-бъ Марья Гавриловна къ нему написала?.. Къ себѣ бы Настю съ Парашей звала?—вмѣшалась Фленушка.

— Это дѣло другое,—отвѣтила Манеѳа.—Къ Марьѣ Гавриловнѣ какъ ему дочерей не пустить? Супротивъ Марьи Гавриловны онъ не пойдетъ.

— Я бы написала, пожалуй, матушка, попросила бы Патапа Максимыча,—сказала Марья Гавриловна.

— Напишите въ самомъ дѣлѣ, сударыня Марья Гавриловна,—стала просить мать Манеѳа.—Утѣшьте меня, хоть послѣдній бы разокъ поглядѣла я на моихъ голубушекъ. И имъ-то повеселѣе здѣсь будетъ; дома-то онѣ все однѣ да однѣ — поневолѣ одурь возьметъ, подругъ нѣтъ, повеселиться хочется, а не съ кѣмъ... Здѣсь Фленушка, Марьюшка... И вы, сударыня, не оставите ихъ своей лаской... Напишите въ самомъ дѣлѣ, Марья Гавриловна. Ужъ какъ я вамъ за то благодарна буду, ужъ какъ благодарна!

Проводивъ Марью Гавриловну, Фленушка повертѣлась маленько вкругъ Манеѳиной постели и шмыгнула въ свою горницу. Тамъ Марьюшка сидѣла за пяльцами, дошивая подушку по новымъ узорамъ.

Подбѣжала къ ней сзади Фленушка и, схвативъ за плечи, вскрикнула:

— Гуляемъ, Маруха!

И, подперевъ руки въ боки, пошла плясать середь комнаты, припѣвая:

Я по жердочкѣ иду,
Я по тоненькой бреду,

Я по тоненькой, по еловенькой.
Тонка жердочка погнется,
Да не сломится.
Хорошо съ милымъ водиться,
По лугамъ съ дружкомъ гулять.
Ужъ я дѣвка разгуляюсь,
Разгуляюся пойду
За новыя ворота̀,
За новыя кленовыя
За рѣшетчатыя.

— Что̀ ты, что̀ ты?—вскочивъ изъ-за пялецъ, удивлялась головщица.

Съ начала болѣзни Манеѳы Фленушка совсѣмъ-было другая стала: не только звонкаго хохота не было отъ нея слышно, не улыбалась даже и съ утра до ночи съ наплаканными глазами ходила.

— Рехнулась что-ль ты, Фленушка?—спрашивала головщица.—Матушка лежитъ, а ты гляди-ка что̀.

— Что̀ матушка!.. Матушкѣ, слава Богу, совсѣмъ облегчало,—прыгая, сказала Фленушка.—А у насъ праздникъ отъ какой!

— Что̀ тако?—спросила ее Марьюшка.

— Съ праздникомъ поздравляю, съ похмелья умираю, нѣтъ ли гривенъ шести, душу отвести?—кривляясь и кобенясь, кланялась Фленушка головщицѣ и потомъ снова зачала прыгать и пѣть.

— Да полно же тебѣ юродствовать!—говорила головщица.—Толкомъ говори, что̀ тако?

— А вотъ что̀: дёнъ черезъ пять, аль черезъ недѣлю, въ этихъ самыхъ горницахъ будутъ жить

Двѣ дѣвицы,
Двѣ сестрицы,
Дѣвушки подруженьки:
Настенька съ Парашенькой,—

напѣвала Фленушка, вытопывая дробь ногами.

— Полно?—изумилась Марьюшка.

— Вѣрно!—кивнувъ головой, сказала Фленушка.

— Какъ такъ случилось?—спрашивала Марьюшка.

— Да такъ и случилось,—молвила Фленушка.—Ты всегда, Марьюшка, должна понимать, что если чего захочетъ Флена Васильевна — быть по тому. Слушай—да говори правду, не ломайся... Есть ли вѣсти изъ Саратова?

— Ну его! Забыла и думать,—съ досадой отвѣтила Марьюшка.

— Да ты глаза-то на сторону не вороти, дѣломъ отвѣчай... Писалъ еще аль нѣтъ?—спрашивала Фленушка.

— Писать-то писалъ, да вретъ все,—отвѣчала Марьюшка.

— Не все же вретъ — иной разъ, пожалуй, и правдой обмолвится,—сказала Фленушка. — Когда пріѣдетъ?

— Къ Троицѣ обѣщалъ — да вретъ, не пріѣдетъ, — отвѣчала Марьюшка.

— Къ Троицѣ!.. Гм!.. Кажись, можно къ тому времени обладить все,—раздумывала Фленушка.—Мы твоего Семенушку за бока. Его же мало знаютъ здѣсь, дѣло-то и выходитъ подходящее.

— Куда еще его?—спросила Марьюшка. — Что̀ еще затѣвать вздумала?

— Да я все про Настю. Сказывала я тебѣ, что надо ее безпремѣнно окрутить съ Алешкой... Твоего саратовца въ поѣзжане возьмемъ — кулаки у него здоровенные... Да мало-ль будетъ хлопотъ, мало-ль къ чему пригодится. Мой анаѳема къ тому же времени въ здѣшнихъ мѣстахъ объявится. Надо всѣмъ заодно дѣлать. Какъ хочешь, уговори своего Семена Петровича. Сказано про шелковы сарафаны, то и помни.

— Не знаю право, Фленушка. Боязно... — промолвила головщица.

— Кого боязно-то?

— Патапа-то Максимыча. Всѣмъ шкуру спуститъ, — сказала Марьюшка.

— Ничего не сдѣлаетъ, — подхватила Фленушка. — Такъ подстроимъ, что пикнуть ему будетъ нельзя. Сказано: жива быть не хочу, коль этого дѣла не состряпаю. Значитъ, такъ и будетъ.

— Экая ты безстрашная какая, Фленушка! — говорила Марьюшка.—Аль грому на тя нѣтъ?..

— Можетъ, и есть, да не изъ той тучи, — сказала Фленушка. —Полно-ка, Марьюшка: удало̀й долго не думаетъ, то ли, сё ли будетъ, а коль вздумано, такъ отлынивать нечего. Помни, что смѣлому горохъ хлебать, а несмѣлому и рѣдьки не видать... А въ шелковыхъ сарафанахъ хорошо щеголять?.. А?.. Загуляемъ, Маруха?.. Отписывай въ Саратовъ: пріѣзжай, молъ, скорѣй.

— Ужъ какая ты, Фленушка! Какъ это Господь терпитъ тебѣ! Всегда ты на грѣхъ меня наведешь,—говорила Марьюшка.

— И грѣха въ томъ нѣтъ никакого, —отвѣтила Фленушка.— Паденіе — не грѣхъ, хоть матушку Таифу спроси. Сколько книгъ я ни читала, сколько отъ матерей ни слыхала — паденіе, а не грѣхъ... И святые падали, да угодили же Богу. Безъ того никакому человѣку не прожить.

— Ну ужъ ты!..

— Э! нечего тутъ! Гуляй, пока молода, состаришься, и песъ на тебя не взлаетъ, — во все горло хохоча, сказала Фленушка и опять заплясала, припѣвая:

Дьячокъ меня полюбилъ
И звонить позабылъ;
По часовнѣ онъ прошелъ,
Мнѣ на ножку наступилъ,
Всю ноженьку раздавилъ:
Посулилъ онъ мнѣ просфирокъ рѣшето:
Мнѣ просфирокъ-то хочется,
Да съ дьячкомъ гулять не хочется.
Полюбилъ меня молоденькій попокъ:
Посулилъ мнѣ въ полтора рубля платокъ,
Мнѣ платочка-то хочется...

Глянула въ дверь Анафролія и позвала Фленушку къ Манееѣ. Мигомъ бросилась та вонъ изъ горницы...

— Эка воструха какая! — идя слѣдомъ за ней, ворчала Анафролія. — Матушка головушки еще поднять не можетъ, а она, глядь-ка поди, — скачетъ аки бѣсъ... Ну ужъ дѣвка!.. Поискать такихъ!..

Глава шестая.

Въ Осиповкѣ всѣ глядятъ сумрачно, чѣмъ-то всѣ озабочены. У каждаго своя дума, у каждаго своя кручина.

Аксинья Захаровна въ хлопотахъ съ утра до̀ ночи, и хоть старымъ костямъ не больно подъ силу, а день-денской бродитъ взадъ и впередъ по дому. Двѣ заботы у ней: перва забота, чтобъ Алексѣй безъ нужнаго дѣла не слонялся по̀ дому и отнюдь бы не ходилъ въ верхнія горницы, другая забота: не придумаетъ, что̀ дѣлать съ братцемъ любезнымъ... Только успѣлъ Патапъ Максимычъ со двора съѣхать, Волкъ закурилъ во всю ивановскую. Нахлебается съ утра хлѣбной слезы и пойдетъ на весь день куролесить: съ сестрой бранится, вздоритъ съ работниками, и чуть завидитъ Алексѣя, тотчасъ хоть въ драку... И за старый промыселъ принялся: что̀ плохо лежитъ, само ему въ руку лѣзетъ, само въ кабакъ подъ закладъ просится. Согнать со двора хотѣла его Аксинья Захаровна, нейдетъ: «меня-де самъ Патапъ Максимычъ къ себѣ жить пустилъ, я-де ему въ Узеняхъ нуженъ, а ты мнѣ не указчица»... И денегъ ужъ Аксинья Захаровна давала ему, уйди только изъ деревни вонъ, но и тѣмъ не могла избавиться отъ собинки: пропьянствуетъ на сторонѣ дня три-четыре да по милымъ роднымъ и стоскуется — опять къ сестрѣ на дворъ...

Настя и Параша сидятъ въ своихъ свѣтелкахъ сумрачныя, грустныя. На что Параша, ко всему безучастная, лѣнивая

толстуха, и ту скука до того одолѣла, что хоть руки на себя поднимать. За одно дѣло примется—не клеится, за другое — изъ рукъ вонъ валится; что̀ ни зачнетъ, то̀тчасъ броситъ, и опять за новое берется. Только и отрады, какъ завалится спать...

У Насти другая скорбь, иная назола. Тоскуетъ она по Фленушкѣ, безъ нея не съ кѣмъ словомъ ей перекинуться. Тоскуетъ она, не видя по цѣлымъ днямъ Алексѣя; тоскуетъ, видя его думчиваго, угрюмаго. Видѣться имъ рѣдко удается, наверхъ ходу ему нѣтъ, а если когда и придетъ, такъ Аксинья Захаровна за нимъ по пятамъ... Тоскуетъ Настя днемъ, тоскуетъ ночью, мочитъ подушку горючими слезьми... Томятъ ее думы... что-то съ ней будетъ, какая-то судьба ей выпадетъ?.. Будетъ ли она женой Алексѣя, иль на роду ей писано изныть въ одиночествѣ, сокрушаясь по миломъ и кляня судьбу свою горе-горькую?..

«Что̀ такое съ нимъ подѣялось? — думаетъ и передумываетъ Настя, сидя въ своей свѣтелкѣ. — Что̀ за грусть, за тоска у него на̀ сердцѣ? Спросишь—молчитъ, и ровно хмарой лицо у него вдругъ подернется... И такой молчаливый сталъ, самъ не улыбнется... Разлюбить, кажись бы, еще некогда — да и не за что... За что же, за что разлюбить меня?.. Все ему отдала беззавѣтно, дѣвичьей чести не пожалѣла, стыда-совѣсти не побоялась, не устрашилась грознаго слова родительскаго... Думаю, не придумаю... Раскину умомъ-разумомъ, разгадать не могу — откуда такая остуда въ немъ?.. Новой зазнобы не завелось ли у него?..»

И отъ одной мысли о новой зазнобѣ у Насти въ глазахъ туманится, сверкаютъ глаза зловѣщимъ блескомъ, а сердце ровно кипяткомъ обливается...

Запала черная дума. Какъ ни бьется Настасья Патаповна, отогнать ее — не можетъ... Небывалая разлучница то и дѣло мерещится въ глазахъ ея...

У Алексѣя свои думы. Золотой песокъ не сходитъ съ ума. «Денегъ, денегъ, казны золотой!—думаетъ онъ самъ про себя.— Богатому вездѣ ширь да гладь, чего захочетъ, все передъ нимъ само выкладается. Ино дѣло бѣдному... Ему только на умъ какое дѣло вспадетъ, и то страшно покажется, а богатый тѣшь свое хотѣнье — золотымъ молотомъ онъ и желѣзны ворота прокуетъ. Тугая мошна не говоритъ, а чудеса творитъ— крякни да денежкой брякни, все тебѣ поклонится, все по-твоему сдѣлается».

Люба Настя Алексѣю, да съ пустымъ карманомъ какъ добыть ее? Хоть и сталъ онъ въ чести у Патапа Максимыча,

а попробуй-ка, заикнись ему про дочку любимую, такой задаст поворотъ, что только охнешь. «У тестя казны закрома полны, а у зятя ни хижи ни крыши. На свѣтѣ такъ не водится, такія свадьбы не ладятся... Уходомъ развѣ, какъ Фленушка говорила?.. Такъ это затѣя опасная. Не таковъ человѣкъ Патапъ Максимычъ, чтобъ такую обиду стерпѣть — не пришибетъ что собаку, такъ съ тюремнымъ горемъ заставитъ спознаться... Золота, золота!.. Чѣмъ бы денегъ ни добыть, а безъ нихъ нельзя жить!..»

Такія мысли туманили Алексѣеву голову. Тянетъ его на Ветлугу, тамъ золото въ землѣ, слышь, разсыпано... Греби-загребай, набивай мошну дорогой казной, тогда не лиха бѣда и посвататься. Другимъ тогда голосомъ заговорилъ бы спѣсивый тысячникъ... Не приходятъ Алексѣю на умъ ни погорѣлый отецъ, ни мать, душу свою положившая въ сыновьяхъ своихъ, ни сёстры, ни любимый братецъ Саввушка... Черствое себялюбіе завладѣло Алексѣемъ: гнететъ его забота объ одномъ себѣ, до другихъ ему и нуждушки нѣтъ... Раздумывая о богатствѣ, мечтая, какъ онъ развернется и заживетъ на славу,— не думаетъ и про Настю Алексѣй... Золото, золото да жажда людского почета заслоняли въ думахъ его образъ дѣвушки, въ пылу страстной любви беззавѣтно ему предавшейся.

А если не наростъ онъ на Ветлугѣ дорогой казны?.. Пропадай тогда жизнь бѣдовая, доля горькая!.. А если помимо Ветлуги выпадутъ ему несмѣтныя деньги, во всемъ обилье, житье-бытье богатое?.. И если за такую счастливую долю надо будетъ покинуть Настасью Патаповну... забыть ее, другую полюбить?..

Думаетъ-передумываетъ Алексѣй думы тяжелыя. Алчность богатства, жадная корысть съ каждымъ днемъ разрастаются въ омраченной душѣ его... И смотритъ онъ на свѣтъ Божій ровно хмара темная. Не слыхать отъ него ни звонкихъ пѣсней ни прежнихъ веселыхъ рѣчей, не свѣтятся глаза его ясной радостью, не живитъ игривая улыбка туманнаго лица его.

Съ тяжкой тоской на душѣ, облокотясь на столъ и склонивъ голову, сидѣлъ Алексѣй въ своей боковушѣ. Роются думы въ умѣ его, наяву грезится желанное житье-бытье богатое.

Вдругъ надъ нимъ три раза ногой топнули. То былъ условный знакъ, придуманный Фленушкой. Въ тотъ вечеръ, какъ справляли канунъ именинъ Аксиньи Захаровны, она такую уловку придумала.

Отодвинулъ Алексѣй оконницу и сталъ глядѣть, какъ прилетитъ къ нему птичка, про которую говорила тогда Фленушка.. Не впервой было Алексѣю такихъ птичекъ ловить...

Изъ окна Настиной свѣтлицы, приходившейся какъ разъ надъ Алексѣевой боковушей, спустилась на шнуркѣ записочка... Окна выходили на огородъ, занесенный сугробами, замѣтить некому.

Прочелъ Алексѣй записку. Пишетъ Настя, что стосковалась она, долго не видя милаго, и хочетъ сейчасъ сойти къ нему. Благо пора выдалась удобная: набродившись съ утра, Аксинья Захаровна заснула, работницы, глядя на нее, тоже завалились сумерничать... Черкнулъ Алексѣй на бумажкѣ одно слово: «приходи», подвязалъ ее на шнурокъ. Птичка полетѣла кверху.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь въ боковушу растворилась, и вошла Настя. Тихой поступью, медленно ступая, подошла она къ Алексѣю, обвила его шею бѣлоснѣжными руками и, припавъ къ плечу, зарыдала...

— Голубчикъ ты мой!.. Ненаглядный... — всхлипывая и трепетно прижимаясь къ милому, говорила она. — Стосковалась я по тебѣ, измучилась!.. Не милъ сталъ мнѣ вольный свѣтъ!.. Тошнехонько!..

Алексѣй ласкалъ Настю, но ласки его были не такъ горячи, не такъ страстны и порывисты, какъ прежде...

— Чтой-то, Алеша, — покачавъ головой, молвила Настя.— Ровно ты мнѣ и не радъ.

— Чтой-то ты вздумала, Настасья Патаповна!.. Какъ же мнѣ твоему приходу не раду быть? — сухо проговорилъ Алексѣй, гладя Настю по головкѣ.

— Настасья Патаповна! — съ укоромъ прошептала дѣвушка. — Развѣ я тебѣ Настасья Патаповна?.. — вскрикнула она вслѣдъ затѣмъ.

— Ну, не сердись, не гнѣвайся, моя разлапушка, — съ притворной нѣжностью заговорилъ Алексѣй, цѣлуя Настю. — Такъ съ языка сорвалось.

— Разлюбилъ ты меня!.. Вотъ что̀!.. — стиснувъ зубы и отстраняясь отъ него, молвила Настя.

— Что̀ ты, что̀ ты?.. Настенька... Милая!.. Подумай, какое слово ты молвила! — говорилъ Алексѣй, взявъ ее за руку.

— Нечего думать! — нахмуря брови, отрывисто сказала Настя, выдергивая руку. — Вижу я, все вижу... Меня не проведешь! Сердце вѣщунъ — оно говоритъ, что ты...

— Да послушай... — началъ-было Алексѣй.

— Тебѣ меня слушать!.. Не мнѣ тебя!.. Молчи! — строго сказала Настя, отступивъ отъ него и скрестивъ руки... Глаза ея искрились гнѣвомъ... — Все вижу, меня не обманешь... Такой ли ты прежде бывалъ?.. Чѣмъ я передъ тобой провини-

лась?.. А?.. Чѣмъ?.. Говори... Говори же скорѣе... Что-жъ, наругаться ты, что ли, вздумалъ надо мной?.. А?..

— Въ умѣ-ль ты, Настя?.. Съ чего ты это взяла? — говорилъ совсѣмъ растерявшійся Алексѣй.

— Молчи, говорятъ тебѣ, — топнувъ ногой, не своимъ голосомъ крикнула Настя. — Безсовѣстный ты человѣкъ!.. Думаешь, плакаться буду, убиваться?.. Не на такую напалъ!.. Ни по чемъ сокрушаться не стану... Слышишь — ни по чемъ... Только вотъ что скажу я тебѣ, молодецъ... Коль заведется у тебя другая — разлучницѣ не жить... Да и тебѣ не корыстно будетъ... Помни мое слово!

И, презрительно взглянувъ на Алексѣя, выбѣжала изъ боковуши.

Какъ стоялъ, такъ и остался Алексѣй, опустя руки и поникнувъ головою...

На другой день послѣ размолвки Настасьи съ Алексѣемъ воротился изъ Комарова Пантелей и привезъ извѣстіе о внезапной болѣзни Манеѳы. Всѣ переполошились, особенно Аксинья Захаровна. Только выслушала она Пантелея, кликнула канонницу Евпраксею, охая и всхлипывая, сказала ей печальную вѣсть, велѣла зажигать большія свѣчи и лампады передъ всѣми иконами въ моленной и начинать канонъ за болящую. Дочерямъ приказала помогать Евпраксеюшкѣ, а сама, бродя по горницамъ, раздумывала, какому бы святому вѣрнѣе службу отправлять ради исцѣленія матушки Манеѳы. «Вѣдь отъ каждой болѣзни, — думала она: — своему святому молиться слѣдуетъ: зубы заболятъ — Антипію, глаза заболятъ — Лаврентію, оспа прикинется — молись преподобному Конону Исаврійскому, а отъ виннаго запойства мученикъ Вонифатій исцѣленіе подаетъ... А какъ доподлинно не знаешь болѣзни, какому угоднику станешь молиться?.. Ну какъ не тому каноны-то справишь — тогда, пожалуй, и толку не выйдетъ».

Разъ по пяти на каждый часъ призывала Аксинья Захаровна Пантелея и переспрашивала его про матушкину болѣзнь. Но Пантелей и самъ не зналъ хорошенько, чѣмъ захворала Манеѳа, слышалъ только отъ матерей, что лежитъ безъ памяти, голова какъ огонь, а сама то и дѣло вздрагиваетъ.

Послѣ долгаго совѣщанія съ Евпраксіей, Аксинья Захаровна рѣшила гнать Пантелея на тройкѣ обратно въ Комаровъ и спросить уставщицу мать Аркадію, кому въ обители за матушку богомольствуютъ, а до тѣхъ поръ на всякій случай читать каноны Іоанну Предтечѣ, скорому помощнику отъ

головной боли да преподобному Марою, цѣлителю трясавичной болѣзни.

Прибыло у Насти тоски и думы: то Алексѣй на умѣ, то Фленушка. «Что̀ съ ней-то будетъ, что̀ будетъ съ Фленушкой, коли помретъ тетенька? — думаетъ она, стоя въ моленной за канономъ. — Черной рясы она не надѣнетъ, а бѣлицей въ обители будетъ ей не житье... Заѣдятъ сердечную матери... Нѣтъ, не житье Фленушкѣ въ Комаровѣ... Возьметъ ли ее казанскій женихъ, Самоквасовъ, еще Богъ знаетъ, а до вѣнца куда ей будетъ голову приклонить?.. У насъ бы — чего, кажется, ближе, — да тятенька не приметъ, не любитъ онъ Фленушку... Къ Грунѣ развѣ идти?.. Ахъ, ты бѣдная моя, бѣдная Фленушка!.. Хоть минуточку съ тобой бы побыть, хоть глазкомъ бы на тебя посмотрѣть!.. Авось бы вмѣстѣ печали-то свои мы размыкали, и твое горе и мою бѣду... Эхъ, Фленушка, Фленушка!.. Нужно было тебѣ сводить меня съ этимъ лиходѣемъ...»

И Фленушку-то жаль, и у смертнаго одра больной тетки хочется хоть часокъ посидѣть... «Покаялась бы я во всемъ тетенькѣ, — думаетъ Настя: — во всемъ бы ей покаялась... Изъ могилы тайны она бы не выдала, а грѣху все-таки прощенье получила бы. Прочитала бы она мнѣ предсмертную про̀щу, и спа̀ла-бъ у меня съ души тоска лютая... Закрыла бы я глаза матушкѣ, отдала бы ей послѣднее цѣлованіе... А пуще всего изъ дому, изъ дому вонъ!.. Бѣжать бы куда-нибудь далѐко - далѐко — хоть въ пучину морскую, хоть въ вертепы земные, не видать бы только глазамъ моимъ врага-супротивника, не слыхать бы ушамъ моимъ постылыхъ рѣчей его!.. Вотъ судьба-то!.. Вотъ моя доля недобрая!.. «Скоро свыкалися, скорѣе того расходилися» — такъ, кажется, въ пѣснѣ-то поется... И какъ этотъ грѣхъ случился, ума приложить не могу... Кого винить, на кого жалиться!.. На Фленушкины проказы, аль на свой глупый дѣвичій разумъ?.. Нѣтъ, ужъ такая, видно, судьба мнѣ выпала... Супротивъ судьбы не пойдешь!..»

И много и долго размышляла Настя про злую судьбу свою, про свою долю несчастную. Стоитъ въ моленной, перебираетъ рукой шитую бисеромъ и золотомъ лѣстовку, а сама все про бѣду свою думаетъ, все врагъ Алешка на умъ ей лѣзетъ. Гонитъ Настя прочь докучныя мысли про лиходѣя; не хочетъ вспомнить про губителя, а онъ тутъ какъ тутъ...

Воротился Пантелей, сказалъ, что въ обители молебствуютъ преподобной Фотиніи Самарянынѣ, и что матушка Манеѳа стала больно плоха — лежитъ въ огневицѣ, день ото дня ей хуже, и матери не чаютъ ей въ живыхъ остаться. Съ него-

дованіемъ узнала Аксинья Захаровна, что Марья Гавриловна послала за лѣкаремъ.

— Бога она не боится!.. Умереть не даетъ Божьей старицѣ какъ слѣдуетъ, — роптала она. — Въ черной рясѣ да къ лѣкарямъ лѣчиться — грѣхъ-то какой!.. Чего матери-то глядятъ, зачѣмъ даютъ Марьѣ Гавриловнѣ въ обители своевольничать!.. Слыхано-ль дѣло, чтобы старица, да еще игуменья, у лѣкарей лѣчилась?.. Передъ самою-то смертью праведную душеньку ея опоганить вздумала!.. Охъ, злодѣйка, злодѣйка ты, Марья Гавриловна... Еще нѣмца, пожалуй, лѣчить-то привезутъ — нехристя!.. Ой!.. Тошнехонько и вздумать про этакій грѣхъ...

И цѣлый день съ утра дô ночи пробродила Аксинья Захаровна по горницамъ. Вздыхая, охая и заливаясь слезами, все про лѣченье матушки Манееы она причитала.

Стала Настя проситься у матери.

— Отпусти ты меня въ обитель къ тетенькѣ, — съ плачемъ молила она. — Поглядѣла-бъ я на нее сердечную, хоть маленько бы походила за ней... Больно мнѣ жалко ея!

И, рыдая, припала къ плечу матери.

— Полно-ка ты, Настенька, полно, моя болѣзная,— уговаривала ее Аксинья Захаровна, сама едва удерживая рыданья.— Посуди, дѣвонька, могу-ль я отпустить тебя? Отецъ воротится, а тебя дома нѣтъ... Чтô тогда?.. Аль не знаешь, каковъ онъ во гнѣвѣ бываетъ?..

— Мамынька, да вѣдь это не такое дѣло... Не на гулянье прошусь, не ради какихъ пустяковъ поѣду... За что-жъ ему гнѣваться?.. Тятенька разсудливъ, похвалитъ еще насъ съ тобой.

— Много ты знаешь своего тятеньку!.. — тяжело вздохнувъ, молвила ей Аксинья Захаровна. — Тридцать годовъ съ нимъ живу, получше тебя знаю норовъ его... Ты его намедни разстроила, молвивши, что хочешь въ скиты идти... Да коль я отпущу тебя, такъ онъ и не знай чего со мной натворитъ. Нѣтъ, и не думай про ѣзду въ Комаровъ... Чтô дѣлать?.. И рада бы пустила, да не смѣю...

— Да право же, мамынька, не будетъ ничего, — приставала Настя. — Вѣдь матушка Манееа и мнѣ и тятенькѣ не чужая... Серчать не станетъ... Отпусти Христа ради... Пожалуйста.

— Да полно-жъ тебѣ!.. Сказано нельзя, такъ и нельзя, — съ досадой крикнула, топнувъ ногой, Аксинья Захаровна. — Пріѣдетъ отецъ, просись у него, а мнѣ и не говори, и словъ понапрасну не трать... Не пущу!

— А какъ тетенька-то помретъ?.. Тогда чтô?.. Развѣ не

будешь втѣпоры каяться, что не хотѣла пустить меня проститься съ ней?.. — тростила свое Настя.

— Отвяжешься ли ты отъ меня, непутная? — въ сердцахъ закричала наконецъ Аксинья Захаровна, отталкивая Настю.— Сказано, не пущу, значитъ, и не пущу!.. Экая нравная дѣвка, экая вольная стала!.. На-ка поди... Нѣтъ, голубка, пора тебя къ рукамъ прибрать, ужъ больно ты высоко̀ голову стала носить... Въ моленную!.. Становись за канонъ... Слышишь?.. Тебѣ говорятъ!..

Съ сердцемъ повернулась Настя отъ матери, быстро пошла изъ горницы и хлопнула изо всей мочи дверью.

— Э!.. Жизнь каторжная!.. — пробормотала она, выходя въ сѣни.

— Эка дѣвка-то непутная выросла!.. — оставшись одна, ворчала Аксинья Захаровна.— Ишь какъ дверью-то хлопнула... А вотъ я тебя самое такъ хлопну... погоди ты у меня!.. Ишь ты!.. И страху нѣтъ на нее, и родительской грозы не боится... Отпусти ее въ скитъ безъ отцовскаго позволенья... Да онъ голову съ меня сниметъ... А любитъ же Настасья матушку... Такъ и разливается-плачетъ, и сама ровно не въ себѣ ходитъ. Охъ, охъ, охъ!.. И сама бы я съѣздила, да домъ-отъ на кого покинуть?.. Не Алексѣя же съ дѣвками оставить... А ихъ взять въ Комаровъ — тоже бѣда... Охъ, дѣвоньки мои, дѣвоньки!.. Была бы моя воля, отпустила-бъ я васъ... Не смѣю... А матушка-то Манеѳа!.. Поганятъ голубушку лѣкарствами передъ смертью-то!..

И горько зарыдала Аксинья Захаровна, припавъ къ столу головою...

Шли у Насти дни за днями въ тоскѣ да въ думахъ.

Словомъ не съ кѣмъ перекинуться: сестра по̀ходя дремлетъ, Евпраксеюшка каноны читаетъ, Аксинья Захаровна деньденской бродитъ по горницамъ, охаетъ, хнычетъ да ключами побрякиваетъ, и все дочерей молиться за тетку заставляетъ.

О врагѣ-лиходѣѣ ни слуху ни духу... Вспомнитъ его Настя, сердце такъ и закипитъ, такъ взяла бы его да своими руками и порѣшила... Не хочется врага на умѣ держать, а что-то тянетъ къ окну поглядѣть, нейдетъ ли Алексѣй, и грустно ли смотритъ онъ, али весело.

Не видно Алексѣя... Никто не поминаетъ про него Настасьѣ Патаповнѣ.

«Да что̀-жъ это за врагъ такой,—думаетъ она.—Ему и горюшка мало, и думать забылъ про меня!.. Что-жъ, молъ?.. Подвернулась дѣвчонка неразумная, не умѣла сберечь себя,

сама виновата!.. А наше, молъ, дѣло молодецкое—натѣшился да и мимо, другую давай!.. Нѣтъ, мо̀лодецъ!.. Постой!.. Еще не знаешь меня!.. Покажу я тебѣ, какова Настасья Патаповна!.. Ввѣкъ не забудешь меня... Подъ солдатскую шапку упрячу, сто̀итъ только тятенькѣ во всемъ повиниться... А змѣѣ-разлучницѣ, только-бъ узнать, кто она такова... ножъ въ бокъ—и дѣлу конецъ... Въ Сибирь такъ въ Сибирь, а ужъ ей, подколодной гадинѣ, на бѣломъ свѣтѣ не жить».

Почти бѣгаетъ взадъ и впередъ по свѣтлицѣ взволнованная дѣвушка, на разные лады обдумывая мщенье небывалой разлучницѣ. Лицо горитъ, глаза зловѣщимъ пламенемъ блещутъ, рукава засучены, руки крѣпко сжаты, губы трепещутъ судорогами.

Однажды въ сумерки, когда Аксинья Захаровна, набродившись досыта, прiустала и легла въ боковушѣ посумерничать, Настя вышла изъ душной, прокуренной ладаномъ моленной въ большую горницу и тамъ, сто̀я у окна, глядѣла на догоравшую въ небѣ зарю. Было тихо, какъ въ могилѣ, только изъ сосѣдней комнаты раздавались мѣрные удары маятника.

Скрипнула дверь, Настя оглянулась. Передъ ней стоялъ Алексѣй.

— Чего тебѣ здѣсь надо? — строго спросила его Настя, не двигаясь съ мѣста и выпрямившись во весь ростъ.

— Къ Аксиньѣ Захаровнѣ, — робко проговорилъ Алексѣй, глядя въ полъ и повертывая въ рукахъ шапку.

— Спитъ... Теперь не время, — сказала Настя и повернулась къ окну.

— Дѣло-то такое, Настасья Патаповна, сегодня бы надо было мнѣ доложиться ей, — молвилъ Алексѣй, переминаясь у двери.

— Сказано, спитъ. Чего еще?.. Ступай!—горделиво сказала Настя, не оборачиваясь къ Алексѣю.

Онъ не уходилъ. Настя молчала, глядя на зарю, а сердце такъ и кипитъ, такъ и рвется. Силится сдержать вздохи, но грудь, какъ волна, подымаетъ батистовую сорочку.

Разъ двадцать ударилъ маятникъ. Оба ни слова, оба недвижны...

Ступилъ шагъ Алексѣй, другой, третiй... Настя быстро обернулась, поднявъ голову...

Ни слова ни тотъ ни другая.

Еще ступилъ Алексѣй, приближаясь къ Настѣ... Она протянула руку и, указывая на дверь, твердо, холодно, какими-то мѣдными звуками сказала ему:

— Вонъ!

Онъ схватилъ ее за руку и, припавъ къ ней лицомъ, навзрыдъ заплакалъ.

— Настенька!.. Золотая моя!.. За что гнѣваешься?.. Пожалѣй ты меня горькаго... Тошнехонько!.. Хоть руки на себя наложить!..

— Тише!.. тише... мамынька услышитъ... — шопотомъ отвѣтила Настя.

И жгучій поцѣлуй заглушилъ ея рѣчи.

Страсть мгновенно вспыхнула въ сердцѣ дѣвушки... Какъ въ чаду какомъ, безсознательно обвила она «врага-лиходѣя» бѣлоснѣжными руками...

Безъ рѣчей, безъ объясненій промелькнули сладкія минуты примиренья. Размолвка забыта, любовь въ Настиномъ сердцѣ загорѣлась жарче прежняго.

Послѣ недолгаго молчанья Алексѣй, не выпуская Настиной руки, сказалъ ей робкимъ голосомъ, запинаясь на каждомъ словѣ:

— Про какую разлучницу ты поминала? Кто это наплелъ на меня?..

— Не поминай, — шептала Настя, тихо склоняясь на грудь лиходѣя. — Что̀ поминать?.. Зачѣмъ?

— Да нѣтъ, съ чего ты взяла? — продолжалъ Алексѣй. — Мнѣ въ голову не приходило, на разумѣ не бывало...

— Да перестань же, голубчикъ!.. Такъ спросту сказалось: ты невеселый такой, думчивый... Мнѣ и вспало на умъ...

— То-то и есть: «думчивый, невеселый»! А откуда веселью-то быть, гдѣ радостей-то взять? — сказалъ Алексѣй.

— Такъ моя любовь тебѣ не на радость? — быстро, взглянувъ ему въ глаза, спросила Настя.

— Не про то говорю, ненаглядная, — продолжалъ Алексѣй. — Какой мнѣ больше радости, какого счастья?.. А спадетъ какъ на умъ, что̀ впереди будетъ, сердце кровью такъ и обо̀льется... Слюбились мы, весело намъ теперь, радостно, а какой конецъ тому будетъ?.. Вотъ мои тайныя думы, вотъ отъ чего невеселый брожу...

— Какъ какой конецъ? — молвила удивленная Настя. — Будемъ мужъ да жена. Тѣмъ и дѣлу конецъ...

— Легко сказать, Настенька, каково-то сдѣлать? — уныло промолвилъ Алексѣй.

— Какъ люди, такъ и мы, — отвѣтила Настя. — Нечего о томъ сокрушаться.

— А родители? — чуть слышно сказалъ Алексѣй.

— Чьи?

— Извѣстно, не мои.

— Ты про тятеньку, что ли? —спросила Настя.

— Да...

— Повѣнчавшись, придемъ да въ ноги ему, — усмѣхнулась Настя. — Посерчаетъ, поломается да и смилуется... Старину вспомнитъ... Вѣдь самъ онъ мамыньку-то уходомъ свелъ, самъ свадьбу-самокрутку игралъ ..

— Мало ли что̀ старики смолоду творятъ, а дѣтямъ не велятъ?..—сказалъ Алексѣй.—То, золотая моя, дѣло было давнишнее, дѣло позабытое... Случись-ка что̀ — вспомнитъ развѣ онъ про себя съ Аксиньей Захаровной?..

— Вспомнитъ! — молвила Настя. — Безпремѣнно вспомнитъ и проститъ...

— Не таковъ человѣкъ, — отвѣтилъ Алексѣй. — Тутъ до бѣды недолго.

— До какой бѣды?

— До кровавой бѣды, моя ненаглядная. до смертнаго убойства, — сказалъ Алексѣй. — Гордъ и кичливъ Патапъ-отъ Максимычъ... Страшенъ!.. На погибель мнѣ твой родитель!.. Не снести его душѣ, чтобы дочь его любимая за нищимъ голышомъ была... Быть мнѣ отъ него убитому!.. Помяни мое слово, Настенька!..

— Пустое городишь,—сухо отвѣтила Настя.—Играютъ же свадьбы уходомъ: не мы первые, не мы и послѣдніе... Да съ чего ты взялъ это, голубчикъ?.. Тятенька вѣдь не медвѣдь какой... Да что̀ пустое толковать!.. Дѣло кончено — раздумывать поздно, — рѣшительно сказала Настя. — Вотъ тебѣ кольцо, вотъ тебѣ и лента.

Сняла золотой перстень съ руки, вырвала изъ косы ленту и отдала Алексѣю. Таковъ обычай передъ свадьбами-самокрутками. Это нѣчто въ родѣ обрученья.

Медленно принялъ Алексѣй свадебный даръ и, какъ водится, поцѣловалъ невѣсту.

И поникъ Алексѣй головою. Жалкій такой, растерянный стоитъ передъ Настей.

— Это Фленѣ Васильевнѣ съ руки про самокрутки-то расписывать, — молвилъ онъ: — а намъ съ тобой не приходится.

Шагъ сдѣлала Настя впередъ. Мгновенно алымъ румянцемъ вспыхнуло лицо ея, чело нахмурилось, глаза загорѣлись.

— Не любишь ты меня!.. — отрывисто сказала она полушопотомъ и вырвала изъ рукъ Алексѣя ленту и перстень.

— Настенька!.. Другъ ты мой сердечный!.. — умоляющимъ голосомъ заговорилъ Алексѣй, взявъ за руку дѣвушку. — Какое ты слово опять молвила!.. Я-то тебя не люблю!.. Отдай, отдай

ленту да колечко, отдай назадъ, моя ясынька, солнышко мое ненаглядное... Я не люблю?.. Да я за тебя и въ огонь и въ воду пойду...

— Въ водѣ глубоко, въ огнѣ горячо, — съ усмѣшкой сказала Настасья Патаповна. — Берегись, молодецъ: потонешь, не то сгоришь.

— Тебѣ смѣхи да издѣвки, а знала бы что̀ на душѣ у меня!.. Какъ бы вѣдала, отчего боюсь я Патапа Максимыча, отчего денно и нощно страшусь гнѣва его, не сказала бы обиды такой... Погибели боюсь... — началъ-было Алексѣй.

— Знаю, — перебила Настя. — Все знаю, что̀ у парня на умѣ: и хочется, и колется, и болитъ, и матушка не велитъ... Такъ, что ли?.. Нечего глазами-то хлопать, — правду сказала.

— Тѣшь свой обычай, смѣйся, Настасья Патаповна, а я говорю дѣло, — переминаясь на мѣстѣ, сказалъ Алексѣй. — Безъ родительскаго благословенья мнѣ тебя взять не приходится... А какъ я сунусь къ нему свататься?.. Вѣдь отъ него погибель... Пришелъ бы я къ нему не голышомъ, а брякнулъ бы золотой казной, другія-бъ рѣчи тогда отъ него услыхалъ...

— А гдѣ тебѣ добыть золотой казны? На большую дорогу, что ли, съ кистенемъ пойдешь, аль нечистому душу заложишь? — желчно усмѣхнулась Настя.

— Оборони Господи объ этомъ и помыслить. Обидно даже отъ тебя такую рѣчь слышать мнѣ! — отвѣчалъ Алексѣй. — Не каторжный я, не бѣглый варнакъ. Въ Бога тоже вѣрую, имѣю родителей — захочу-ль я ихъ старость срамить? Вотъ тебѣ Никола Святитель, ничего такого у меня на умѣ не бывало... А скажу словечко по тайности, только, смотри, не въ проносъ: въ одно ухо впусти, въ друго выпусти. Хочешь слушать тайную рѣчь мою?.. Не промолвишься?

— Не изъ таковскихъ, чтобы зря болтать, — небрежно отвѣтила Настя.

— Наслышанъ я, Настенька, что недалеко отъ нашихъ мѣстовъ золото есть, — началъ Алексѣй.

— Ну?..

— Выкопать можно его...

— Ну?..

— Столько можно нарыть, что первымъ богачомъ будешь, — продолжалъ Алексѣй.

— Кладъ, что̀ ли? — спросила Настя.

— Не кладъ, а песокъ золотой въ землѣ разсыпанъ лежитъ, — шепталъ Алексѣй. — Мнѣ показывали... Стуколовъ этотъ показывалъ, что̀ съ Патапомъ Максимычемъ поѣхалъ... За тѣмъ они на Ветлугу и поѣхали... Не проговорись только,

Христа ради, не погуби... Вотъ и думаю я — не пойти ли мнѣ на Ветлугу... Накопавши золота, пришелъ бы я къ Патапу Максимычу свататься...

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ-былъ мужикъ, — перебила Настя, подхвативъ батистовый передникъ рукой и подбоченясь ею. — Прогноилась у того мужика на дому кровля, середь избы капель пошла. Напилилъ мужикъ драни, вырубилъ застрѣхи, конекъ вытесалъ — все припасъ кровлю перекрыть. И вздумалось тутъ ему ставить каменны палаты. Думаетъ день, думаетъ другой, много годовъ прошло, а онъ все думаетъ, откуда денегъ на палаты достать. Денегъ не сыскалъ, палатъ не построилъ, дрань да застрѣхи погнили, а избенка развалилась... Хороша-ль моя сказочка, Алексѣй Трифонычъ?.. Ась?..

И, задорно прищуривъ горѣвшіе глазки, быстро кивнула Настя головой и птичкой порхнула въ боковушу. Алексѣй опѣшилъ. Стоитъ да глядитъ, ровно глоткомъ подавился.

Вдругъ большая дверь быстро распахнулась. Ввалился пьяный Волкъ, растерзанный, растрепанный, все лицо въ синякахъ и рубцахъ съ запекшейся кровью, губы разбиты, глаза опухли, самъ весь въ грязи: по всѣмъ статьямъ кабацкій завсегдатель.

— А! Дѣвушникъ-ушникъ!.. — крикнулъ онъ Алексѣю. — И сюда забрался!.. Постой ты у меня, я те отпотчую.

— Молчать, пьяная рожа! — накинулся на него Алексѣй. — Только слово пикни, дò смерти разражу.

— Нечего грозиться-то. Ахъ, ты, анаѳема!

Алексѣй хотѣлъ-было схватить Никифора, но тотъ извернулся и бросился въ боковушу, куда убѣжала Настя.

Въ дверяхъ боковуши стояла канонница Евпраксеюшка съ пукомъ восковыхъ свѣчей.

Залился веселымъ хохотомъ Никифоръ.

— Ай да приказчикъ!.. Да у тебя, видно, цѣлому скиту спуску нѣтъ... Намедни съ Фленушкой, теперь съ этой толстухой!.. То-то я слышу голосà: твой голосъ да чей-то дѣвичій... Ха-ха-ха! Прилипчивъ же ты, парень, къ женскому полу!.. На такую рябую рожу и то польстился!.. Ну ничего, ничего, паренекъ: быль молодцу не покоръ, всяку дрянь къ себѣ чаль, Богъ увидитъ, хорошеньку пошлетъ.

— Постой ты у меня, кабацкая затычина!.. Я те упеку въ добро мѣсто!.. — кричалъ Алексѣй. — Я затѣмъ и къ хозяйкѣ шелъ, чтобъ про новыя твои проказы ей доложить... Кто пѣгу-то кобылу въ Кошелевскомъ перелѣскѣ зарѣзалъ?.. Кто кобылью шкуру въ Захлыстинскомъ кабакѣ заложилъ?.. А?..

— Нешто я?—съ наглостью отозвался Никифоръ.

— А нешто не ты? — наступая на него, закричалъ Алексѣй.—Шкура-то у меня, а цѣловальникъ налицо... Ахъ, ты, Волкъ этакій, прямой волкъ!..

Вышла на шумъ Аксинья Захаровна. Узнавъ о новомъ подвигѣ любезнаго братца, согласилась она съ Алексѣемъ, что его до пріѣзда Патапа Максимыча, на запоръ слѣдуетъ.

Такъ и сдѣлали. Заперъ Алексѣй нареченнаго дядюшку во мшенникъ на хлѣбъ на воду.

Новыя напасти, новыя печали съ того дня одолѣли Настю. Не чаяла она, что въ возлюбленномъ ея нѣтъ ни удальства молодецкаго ни смѣлой отваги. Гадала сокола поймать, поймала сѣру утицу.

Дивомъ казалось ей, понять не могла, какъ это она вдругъ съ Алексѣемъ поладила. Въ самое то время, какъ сердце въ ней разгорѣлось, когда гнѣвомъ такъ и рвало душу ея, вдругъ ни съ того ни съ сего помирились, ровно допрежь того и ссоры никакой не бывало... Увидала слезы, услыхала рыданья — воскомъ растаяла. Не видывала до той поры она, ни отъ кого даже не слыхивала, чтобъ парни передъ дѣвицами плакали, — а этотъ...

Думала прежде Настя, что Алеша ея ровно сказочный богатырь: и тѣломъ силенъ и душою могучъ, и что на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ человѣка ему по плечу... И вдругъ онъ плачетъ, рыдаетъ и, еще ничего не видя, труситъ Патапа Максимыча, какъ старая баба домового... Гдѣ же удаль молодецкая, гдѣ сила богатырская?.. Видно, у него только обличье соколъё, а душа-то воронья...

Упалъ въ Настиныхъ глазахъ Алексѣй!.. Жаль ей парня, но жаль какъ беззащитнаго ребенка, какъ калѣку-старика... Плохъ онъ, думаетъ Настя, какъ же за такимъ замужемъ жить?.. Только жизнь волочить да маяться до гробовой доски.

Скучно ей, ждетъ не дождется отца. Выпросилась бы къ больной теткѣ и тамъ бы въ обители развѣяла съ Фленушкой тоску свою. Опостылѣлъ Настѣ домъ родительскій.

Видалась она послѣ того съ Алексѣемъ. Чуть не каждый день видалась, но эти свиданья непохожи были на первыя. Не клеились тайныя бесѣды, не сходили съ устъ слова задушевныя... Сойдутся, разъ-другой поцѣлуются, перекинутъ нѣсколько словъ, глядь, и говорить больше не о чемъ. И поцѣлуи ужъ не такъ горячи и ласки не такъ страстны, какъ прежде бывали. Только и осталось приманчиваго, что тайна свиданій да тревожное опасенье, чтобъ кто не засталъ ихъ на

поцѣлуѣ. Однажды сошла Настя въ подклѣтъ къ Алексѣю. Немножко поговорили и замолкли, а когда Алексѣй, обнявъ станъ Насти, припалъ къ ея плечу, она — зѣвнула.

Зачиналъ-было Алексѣй заводить рѣчь, отчего боится онъ Патапа Максимыча, отчего такъ много сокрушается о гнѣвѣ его... Настя слушать не захотѣла. Такъ бывало не разъ и не два... Алексѣй больше и говорить о томъ не зачиналъ.

Но какъ ни боится онъ Патапа Максимыча, а все-таки прежнюю думу лелѣетъ, какъ бы жениться на богатой Настѣ. У нея въ сундукахъ добра счету нѣтъ, а помретъ отецъ, половина всего имѣнья ей достанется... Другой такой невѣсты ему не сыскать... Краше Настасьи Патаповны тоже ему не найти... Да что̀ краса, что̀ пригожество, не того надо молодцу, не о томъ его думы, заботы, не въ томъ тайныя его помышленья... Съ женина лица не воду пить, красота приглядчива, а приданыя денежки на всю жизнь пригодятся. А богатства Чапуриныхъ не перечесть, — живи, не тужи, — что̀ ни день, то праздникъ... Одна бѣда — сумѣлъ дѣвку достать, какъ жену-то добыть?.. «Родитель-отъ, Патапъ-отъ Максимычъ, — думаетъ Алексѣй: — добръ до меня, ужъ такъ добръ, что не придумаешь, чѣмъ угодить могъ ему, а все же онъ погибель моя... Заикнись ему про Настю, конскимъ хвостомъ пепелъ твой размететъ... Сохрани, Господи, отъ лютаго человѣка и помилуй меня!..»

Спать ляжетъ, во снѣ такіе же сны видятся. Вотъ сидитъ онъ въ своихъ каменныхъ палатахъ, все прибрано и все богато разукрашено... Несмѣтныя сокровища, людской почетъ, домъ полная чаша, а подъ бокомъ жена-красавица, краше ея во всемъ свѣтѣ нѣтъ... Жить въ добрѣ да въ краснѣ и во снахъ хорошо: тѣшатъ Алексѣя золотыя грезы, сладко бьется его сердце при видѣ длиннаго роя сладкихъ призраковъ, обступающихъ его со всѣхъ сторонъ, и вдругъ неотвязная мысль о Чапуринѣ, о погибели... Сонныя видѣнія мутятся, туманятся, все исчезаетъ, и передъ очами Алексѣя темной марой встаетъ страшный образъ разъяреннаго Патапа Максимыча. Какъ зарево ночного пожара пылаетъ грозное лицо его, раскаленными угольями сверкаютъ налитые кровью глаза, по локоть рукава засучены, въ рукѣ дубина, а у ногъ окровавленная, едва дышащая Настя... Кругомъ убійцы толпится рабочій людъ, ожидаетъ хозяйскаго приказа... Грозный призракъ указываетъ на полумертваго отъ страха Алексѣя, кричитъ: — «Давай его сюда: жилы вытяну, ремней изъ спины накрою, въ своей крови онъ у меня захлебнется!..» Толпа кидается на беззащитнаго, ножъ блеснулъ... И съ страшнымъ крикомъ про-

сыпается Алексѣй... Долго не можетъ очнуться и, опомнившись, спѣшно творитъ одно за другимъ крестныя знаменья...

Чуть не каждую ночь такіе тяжелые сны... И западаетъ на мысль Алексѣю: не спроста такіе сны видятся, то вѣщіе сны, Богомъ они насылаются, ангелами приносятся, правду предсказываютъ... Вспоминаетъ про первое свиданье съ Патапомъ Максимычемъ, вспоминаетъ, какъ тогда у него ровно кипяткомъ сердце обдало при взглядѣ на будущаго хозяина, какъ ему что-то почудилось — не то беззвучный голось, не то мысль незванная, непрошенная... И становится Алексѣй день ото дня сумрачнѣй, ходитъ унылый, отъ людей сторонится, иной разъ и по дѣлу какому слова отъ него не добьются. Заѣли Лохматаго думы да страхи... Гдѣ бы смѣлости взять, откуда-бъ набраться отваги?

«Эхъ, далось бы мнѣ это ветлужское золото! — думаетъ онъ. — Другимъ бы тогда человѣкомъ я сталъ!.. Во всемъ довольство, обилье, ото всѣхъ почетъ и самъ себѣ господинъ, никого не боюсь!.. Иль другую бы дѣвицу, либо вдовушку подцѣпить вòвремя, чтобъ у ней денежки водились свои, не родительскія... Тогда... Ну, тогда прости, прощай, Настасья Патаповна — не поминай насъ лихомъ...»

Разъ утромъ, послѣ тревожныхъ сновидѣній, въ подклѣтѣ, возлѣ своей боковуши, сидѣлъ Алексѣй, крѣпко задумавшись. Подсѣлъ къ нему старикъ Пантелей.

— Алексѣюшка, — молвилъ онъ: — послушай, родной, что̀ скажу я тебѣ. Не посѣтуй на меня, старика, не погнѣвайся, кажись, будто творится съ тобой что-то неладное. Всего шесть недѣль ты у насъ живешь, а вѣдь ровно изъ тебя другой парень сталъ... Побывай у своихъ въ Поромовѣ, мать родная не признàетъ тебя... Жалости подобно, какъ ты извелся... Хворь, что-ль, какая тебя одолѣла?

— Нѣтъ, Пантелей Прохорычъ, хвори нѣтъ у меня никакой. Такъ что-то... на душѣ лежитъ... — отвѣчалъ Алексѣй.

— Дума какая? — продолжалъ свой допросъ Пантелей.

— Охъ, Пантелей Прохорычъ! — вздохнулъ Лохматый. — Всѣхъ моихъ думъ не передумать. Мало-ль заботы мнѣ. Люди мы разоренные, семья большая, родитель-батюшка совсѣмъ хизнулъ съ тѣхъ поръ, какъ Господь насъ горемъ посѣтилъ... Поневолѣ крылья опустишь, поневолѣ въ лицѣ помутишься и сохнуть зачнешь: забота людей не краситъ, печаль не цвѣтитъ.

— Не о чемъ тебѣ, Алексѣюшка, много заботиться. Патапъ Максимычъ не оставитъ тебя. Видишь самъ, какъ онъ возлюбилъ тебя. Мнѣ даже на удивленье... Больше двадцати го-

довъ у нихъ въ дому живу, а такое дѣло впервой вижу... О недостаткахъ не кручинься — не покинетъ онъ въ нуждѣ ни тебя ни родителей, — уговаривалъ Пантелей Алексѣя.

— Такъ-то оно такъ, Пантелей Прохорычъ, а все же гребтится мнѣ, — сказалъ на то Алексѣй. — Мало-ль что̀ можетъ быть впереди: и Патапъ Максимычъ смертный человѣкъ, тоже по̀дъ Богомъ ходитъ... Ну какъ не станетъ его, тогда что̀!.. Опять же, какъ погляжу я на него, нравомъ-то больно крутенекъ онъ.

— Есть грѣшокъ, есть, — подтвердилъ Пантелей. — Иной разъ ни съ того ни сего такъ разъярится, что хоть святыхъ вонъ неси... Зато отходчивъ...

— Какъ на грѣхъ чѣмъ не угодишь ему... Человѣкъ я маленькій, робкій... Боюсь я его, Пантелей Прохорычъ... Гроза сильнаго аль богатаго нашему брату полсмерти.

— Не говори такъ, Алексѣюшка, — грѣхъ!.. — внушительно сказалъ ему Пантелей. — Коли жить хочешь по-Божьему, такъ бойся не богатаго грозы, а убогаго слезы... Самъ никого не обидишь, и тебя обидѣть не попуститъ Господь.

— Знаю я это, сызмалу родители тому научили, — молвилъ Алексѣй: — а все же грозенъ и страшенъ Патапъ Максимычъ мнѣ... Скажу по тайнѣ, Пантелей Прохорычъ, вѣдь я тебя какъ родного люблю, знаю, худого отъ тебя мнѣ не будетъ...

— Что̀ же, что̀ такое? — спросилъ Пантелей, думая, что Алексѣй хочетъ разсказывать ему про замыслы Стуколова.

Всталъ Алексѣй съ лавки и зачалъ ходить взадъ и впередъ по подклѣту.

— Тайная дума какая? — допытывалъ Пантелей: — можетъ, неладное дѣло затѣяно?

— Худыхъ дѣлъ у меня не затѣяно, — отвѣчалъ Алексѣй: — а тайныхъ думъ, тайныхъ страховъ довольно... Что̀ тебѣ повѣдаю, — продолжалъ онъ, становясь передъ Пантелеемъ: — никто доселѣ не знаетъ. Не говорилъ я про свои тайные страхи ни попу на духу, ни отцу съ матерью, ни другу, ни брату, ни родной сестрѣ... Тебѣ все разскажу... Какъ на ладонкѣ раскрою... Разговори ты меня, Пантелей Прохорычъ, научи меня, пособи горю великому. Ты много на свѣтѣ живешь, много видалъ, еще больше того отъ людей слыхалъ... Исцѣли мою скорбь душевную.

И, опершись руками на плечи Пантелея, опустилъ Алексѣй на грудь его пылающую голову.

— Чтой-то, парень? — дивился Пантелей. — Голова такъ и палитъ у тебя, а самъ причитаешь, ровно баба въ родахъ!.. Никакъ слезуронишь?... Очумѣлъ, что ли, ты, Алексѣюшка!..

Въ порткахъ, чать, ходишь, не въ сарафанѣ, какъ же тебѣ рюмы-то распускать... А ты разсказывай, размазывай толкомъ, что̀ хотѣлъ говорить.

— Видишь ли, Пантелей Прохорычъ,—собравшись съ силами, началъ Алексѣй свою исповѣдь: — у отца съ матерью былъ я дитятко моленное-прошенное, первенцомъ родился, холили они меня, лелѣяли, никогда того и на умъ не вспадало ни мнѣ ни имъ, чтобы привелось мнѣ когда въ чужихъ людяхъ жить, не свои щи хлебать, чужимъ сугрѣвомъ грѣться, подъ чужой крышей спать... И во снѣ мнѣ такого не грезилось... Посѣтилъ Господь, обездолили насъ люди недобрые — довелось въ чужихъ людяхъ работы искать, — продолжалъ Алексѣй. — Самъ посуди, Пантелей Прохорычъ, каково было мнѣ, какъ родитель посылалъ насъ съ братишкой на чужіе хлѣба, къ чужимъ людямъ въ работники!.. Каково было слышать мнѣ ночныя рыданія матушки!.. Она, сердечная, думала, что мы съ братомъ лежимъ сонные, да всю ночь-ноченскую просидѣла надъ нами, тихонько крестила насъ своей рученькой, кропила лица наши горючо̀й слезой... Охъ, каково было горько тогда... Вздумать не могу!..

И крѣпко обнялъ Алексѣй старика Пантелея.

— Полно... не круши себя, — говорилъ Пантелей, гладя морщинистой рукой по кудрямъ Алексѣя. — Не ропщи... Богъ все къ добру строитъ: мы съ печалями, Онъ съ милостью.

— Не ропщу я на Господа. На Него возверзаю печали мои, — сказалъ, отирая глаза, Алексѣй. — Но послушай, родной, что̀ дальше-то было... Что̀ было у меня на душѣ, какъ пошелъ я изъ дому, того разсказать не могу... Свѣту не видѣлъ я — солнышко высоко̀, а я ровно темной ночью брелъ... Не помню, какъ сюда доволокся... На умѣ было — хозяинъ каковъ? Дотолѣ его я не видывалъ, а слуховъ много слыхалъ: одни сказываютъ — добрый-предобрый, другіе говорятъ — нравомъ крутъ и лютъ какъ звѣрь...

— Мало ль промежъ людей ходитъ слуховъ? Сто лѣтъ живи, всѣхъ не переслушаешь, — сказалъ Пантелей.

— Прихожу я въ Осиповку, — продолжалъ Алексѣй: — Патапъ Максимычъ изъ токарни идетъ... Какъ взглянулъ я на него, сердце у меня такъ и захолонуло...

— Грозёнъ показался? — спросилъ Пантелей.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Алексѣй. — Свѣтелъ лицомъ и добръ. Только ласку да пріятство видѣлъ я на лицѣ его, а какъ вскинулъ онъ на меня глазами, показались мнѣ его глаза родительскими: такіе любовные, такіе заботные. Подхожу къ нему... И тутъ... ровно шепнулъ мнѣ кто-то: «отъ сего человѣка по-

гибель твоя». Такъ и говоритъ: «отъ сего человѣка погибель твоя». Откуда такое извѣщеніе — не знаю.

— Отъ сряща бѣса полуденнаго,—строго сказалъ Пантелей.— Его окаянное дѣло, по всему видно. Отъ него и страхи нощные бываютъ, и вещь, во тьмѣ преходящая, и стрѣла, летящая во дни... Ты, Алексѣюшка, вражьему искушенью не поддавайся. Читай двѣнадцату каѳизму, а не то хоть одинъ псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго», да молись преподобному Нифонту о прогнаніи лукавыхъ ду́ховъ... И отступится отъ тебя бѣсъ полуденный... Это онъ шепталъ и теперь онъ же смущаетъ тебя... Гони его прочь — молись...

— Буду молиться, родной, сегодня-жъ зачну, — отвѣчалъ Алексѣй. — А не выйдетъ у меня изъ головы то извѣщеніе, все-таки буду бояться Патапа Максимыча.

— А отъ страха передъ сильнымъ, слушай, что̀ пользуетъ, — сказалъ Пантелей. — «Вихорево гнѣздо» видалъ?

— Не знаю, что̀ за «вихорево гнѣздо» такое — отвѣчалъ Алексѣй.

— На березѣ живетъ, — сказалъ Пантелей. — Когда вихорь летитъ да кружитъ — это вѣтры небесные межъ себя играютъ... Невѣгласи, темные люди врутъ, что вихорь — бѣсовская свадьба, не вѣрь тѣмъ пустымъ рѣчамъ... Вѣтры идутъ отъ дуновенія устъ Божіихъ, какое же мѣсто врагу, гдѣ играютъ они во славу Божію... Не смущайся — что̀ сказывать стану — въ томъ нѐчисти бѣсовской ни капли нѣтъ... Когда вѣтры небесные вихрями играютъ предъ лицомъ Божіимъ, заигрываютъ они иной разъ и съ видимою тварію — съ цвѣтами, съ травами, съ деревьями. Бываетъ, что, играя съ березой, завиваютъ они клубомъ тонкія верхушки ея... Это и есть «вихорево гнѣздо».

— Видалъ я на березахъ такіе клубы, не зналъ только, отколь берутся они, — молвилъ Алексѣй.

— Возьми ты это «вихорево гнѣздо», — продолжалъ Пантелей: — и носи его на себѣ, не снимаючи. Не убоишься тогда ни сильнаго, ни богатаго, ни князя, ни судіи, ни иной власти человѣческой... Укрѣпится сердце твое, не одолѣетъ тебя ни страхъ ни боязнь... Да смотри, станешь то гнѣздо съ березы брать, станешь на себя вздѣвать — дѣлай все съ крестомъ да съ молитвой... Вѣдь это не ворожба, не колдовство... Читай третій псаломъ царя Давыда, да какъ дойдешь до словъ: «Не убоюся отъ темъ людей окрестъ нападающихъ на мя», перекрестись и надѣвай на шею... Да чтобъ никто на тебѣ «вихорева гнѣзда» не видалъ, не то вся сила его пропадетъ, и станешь робѣть пуще прежняго. Лучше всего возьми ты самую середку гнѣзда, зашей во что ни на есть

и носи во славу Божію на крестѣ нȧузой*)... Носятъ еще отъ страха барсучью шерсть въ нȧузѣ, не дѣлай этого, то не ȯтъ Бога, а отъ злого чарованья. Кто барсучью шерсть носитъ, въ того человѣка дьяволъ намѣсто робости злобу къ людямъ вселяетъ. Казаки, чтȯ въ стары годы по Волгѣ разбоемъ ходили, всѣ барсучью шерсть на шеѣ носили, оттого и были на кровопролитіе немилостивы...

Внимательно слушалъ Алексѣй Пантелея и рѣшилъ съ того же дня искать «вихорева гнѣзда».

Вдругъ благодушное выраженіе лица Пантелея смѣнилось строгимъ, озабоченнымъ видомъ; повернулъ онъ рѣчь на другое.

— А скажи-ка ты мнѣ, Алексѣюшка, не замѣтно-ль у васъ чего недобраго?.. Этотъ проходимецъ, чтȯ у насъ гостилъ, Стуколовъ, что ли... Сдается мнѣ, что онъ каку-нибудь кашу у насъ заварилъ... Куда Патапъ-отъ Максимычъ поѣхалъ съ нимъ?

— Въ Красну Рамень на мельницу, — сказалъ Алексѣй.

— Не ври, парень, по глазамъ вижу, что знаешь про ихнее дѣло... Ты же намедни и самъ шептался съ этимъ проходимцемъ... Да у тебя въ боковушѣ и Патапъ Максимычъ, отъ людей таясь, съ нимъ говорилъ да съ этимъ острожникомъ Дюковымъ. Не можетъ быть, чтобъ не зналъ ты ихняго дѣла. Сказывай... Не ко вреду спрашиваю, а всѣмъ на пользу.

— Торговое дѣло, Пантелей Прохорычъ. Про торговое дѣло вели разговоръ, — сказалъ Алексѣй.

— Да ты, парень, хвостомъ-то не верти, истинную правду мнѣ сказывай, — подхватилъ Пантелей. — Торговое дѣло!.. Мало-ль какихъ торговыхъ дѣлъ на свѣтѣ бываетъ — за иму торговлю чествуютъ, за другую плетьми шлепаютъ. Есть товары заповѣдные, есть товары запретные, бываютъ товары опальные. Боюсь, не подбилъ бы непутный шатунъ нашего хозяина на запретное дѣло... Опять же Дюковъ тутъ, а про этого молчанку по народу недобрая слава идетъ. Безъ малаго годъ въ острогѣ сидѣлъ.

— Не все-жъ виноватые въ острогѣ сидятъ, — замѣтилъ Алексѣй. — Говорится: «отъ сумы да отъ тюрьмы никто не отрекайся»... Оправдали его.

— Такъ-то оно такъ, — сказалъ Пантелей: — а все-жъ недобрая слава сложилась про него...

— Какая слава? — спросилъ Алексѣй.

— Насчетъ серебреца да золотца... — молвилъ Пантелей, пристально глядя на Алексѣя.

---

*) *Науза*, иногда *оберегъ* — привѣска къ тѣльному кресту, амулетъ.

— Золота? — вспыхнулъ Алексѣй. — Изъ какихъ мѣстовъ?

— Песъ ихъ знаетъ, прости Господи, гдѣ они поганое дѣло свое стряпаютъ, на Ветлугѣ, что ли, — молвилъ Пантелей.

— На Ветлугѣ?.. — смутился Алексѣй. — Да они на Ветлугу и поѣхали.

— То-то и есть... А давеча говорилъ — въ Красну Рамень... Самъ знаю, что они на Ветлугѣ, а по какому дѣлу?.. По золотому?.. Такъ, что ли?.. — порывисто спрашивалъ Пантелей.

— Не наведи только погибели на меня, Пантелей Прохорычъ, — отвѣчалъ Алексѣй, поблѣднѣвъ и дрожа всѣмъ тѣломъ...

— Не на погибель веду, отъ погибели отвести хочу... Отвести тебя и хозяина, — заговорилъ Пантелей. — Живу я въ здѣшнемъ домѣ, Алексѣюшка, двадцать годовъ слишкомъ, нѣтъ у меня ни роду ни племени, ни передо мной ни за мной нѣтъ никого — одинъ какъ перстъ... Патапа Максимыча и его домашнихъ за своихъ почитаю, за сродниковъ... Какъ же не убиваться мнѣ, какъ сердцемъ не болѣть, когда онъ въ неминучую бѣду лѣзетъ... Скажи мнѣ правду истинную, не утай ничего, Алексѣюшка, авось поможетъ Господь бѣду отвести... Говори же, говори, Алексѣюшка, словечка не пороню никому.

— Почитаючи тебя замѣсто отца, за твою ко мнѣ доброту и за пользительныя слова твои всю правду, какъ есть передъ Господомъ, открою тебѣ, — медленно заговорилъ въ конецъ смутившійся Алексѣй. — Такъ точно, по этому самому дѣлу, по золоту то-есть, поѣхали они на Ветлугу.

— Ахти, Господи!.. Охъ, Владыка Милостивый!.. Что-жъ это будетъ такое?.. — заохалъ Пантелей. — И не грѣхъ тебѣ, Алексѣюшка, въ такое дѣло входить?.. Тебѣ бы хозяина поберечь... Мнѣ бы хоть, что ли, сказалъ... Ахъ, ты, Господи, Царю Небесный!.. Такъ впрямь на золото поѣхали?

— Да что-жъ тутъ неладнаго, Пантелей Прохорычъ? — спросилъ Алексѣй. — Въ толкъ не могу я принять, какая бѣда тутъ по-твоему...

— Дѣло-то какое!.. — отвѣчалъ Пантелей. — Самъ дьяволъ этого шатуна съ острожникомъ подослалъ смущать Патапа Максимыча, на погибель вести его... Ахъ, ты, Господи, Господи!.. Что же нашъ-отъ сказалъ, какъ зачали они манить его на то дѣло?

— Сначала не соглашался, потомъ рѣшился. Выгодное, говоритъ, дѣло... — отвѣчалъ Алексѣй.

— Выгодное дѣло!.. Выгодное дѣло!.. — говорилъ, покачивая головой, старикъ. — Да за это выгодное дѣло въ прежни годы, при старыхъ царяхъ, горячимъ оловомъ горла заливали... Нонѣ

хоша того не дѣлаютъ, а все-жъ не бархатомъ спину на площади гладятъ...

— Чтò ты, Пантелей Прохорычъ?.. Господь съ тобой!.. — сказалъ удивленный Алексѣй. — Да ты про какое дѣло разумѣешь?

— Извѣстно, про какое!.. За что Дюковъ-отъ въ острогѣ сидѣлъ?.. Увернулся, собачій сынъ, отъ Сибири да, видно, опять за стары промыслы... Опять фальшивы деньги ковать.

— Окстись, Пантелей Прохорычъ!.. Чтой-то ты? — воскликнулъ Алексѣй. — Каки фальшивы деньги? Поѣхали они золотой песокъ досматривать... На Ветлугѣ, слышь, золото въ землѣ родится... Копать его думаютъ...

— Знаемъ мы, какое золото на Ветлугѣ родится, — отвѣчалъ Пантелей. — Тамъ, Алексѣюшка, все родится: и мягкое золото, и цѣлковики, въ подпольѣ работанные, и бумажки-красноярки, своей самодѣльщины... Издавна на Ветлугѣ живутъ тѣмъ промысломъ... Охъ ужъ мнѣ эти треклятые проходимцы!.. На осинѣ бы имъ висѣть — поди-ка ты, какъ отуманили они окаянные нашего хозяина.

— Самъ видѣлъ я ветлужскій золотой песокъ — Стуколовъ показывалъ. Какъ есть заправское золото, — сказалъ Алексѣй.

— Знаемъ мы, знаемъ это золото, — молвилъ Пантелей. — Изъ него-то мягкую деньгу и куютъ. Охъ, этотъ лодырь *) Стуколовъ!.. Недаромъ, только взглянулъ я ему въ рожу-то, сердце у меня повернулось... Вотъ этотъ человѣкъ такъ ужъ истинно на погибель...

Долго убѣждалъ Алексѣя старикъ Пантелей и самому отстать отъ опаснаго дѣла и Патапа Максимыча разговаривать.

Не разъ возобновлялся у нихъ разговоръ объ этомъ, и сердечными, задушевными словами Пантелея убѣдился Алексѣй, что затѣянное ветлужское дѣло чѣмъ-то не чисто... Про Стуколова, пропадавшаго такъ долго бѣзъ вѣсти, такъ они и рѣшили, что не по дальнимъ мѣстамъ, не по чужимъ государствамъ онъ странствовалъ, а, должно-быть, за фальшиву монету сосланъ былъ на каторгу и оттуда бѣжалъ.

— Гляди ему въ лобъ-отъ, — говорилъ Пантелей: — не знать ли, какъ палачъ его на торгу желѣзными губами цѣловалъ.

Глава седьмая.

На шестой недѣлѣ Великаго поста Патапъ Максимычъ домой воротился. Только-что послышался поѣздъ саней его, настежь распахнулись ворòта широкаго двора, и въ домѣ все

*) Лодырь — шатающійся плутъ, бездѣльникъ.

пришло въ движеніе. Дѣло было въ сумерки. Толстая Матренушка суетливо зажигала свѣчи въ переднихъ горницахъ; Евпраксеюшка, бросивъ молебные каноны, кинулась въ стряпущую съ самоваромъ; Аксинья Захаровна заметалась изъ угла въ уголъ, выбѣжала изъ свѣтлицы Настя, и, лѣниво переваливаясь съ ноги на ногу какъ утка, выплывала полусонная Параша. Чинъ чиномъ: помолился Патапъ Максимычъ передъ иконами и промолвилъ семейнымъ: «здравствуйте», предоставивъ женѣ и дочерямъ раздѣвать его. Аксинья Захаровна кушакъ развязывала, Настя съ Парашей шубу снимали. Раздѣвшись, сталъ Патапъ Максимычъ цѣловать сначала жену, потомъ дочерей по старшинству. Все по-писанному, по-наученному, по уставному.

— По добру ли по здорову ли безъ меня поживали? — спрашивалъ онъ, садясь на диванъ и предоставивъ дочерямъ стаскивать съ ногъ его дорожные валеные сапоги.

— Все слава Богу, — отвѣчала Аксинья Захаровна. — Ждали мы тебя, ждали и ждать перестали... Придумать не могли, куда запропастился. Откуда теперь?

— Изъ Городца, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Вечоръ въ Городцѣ видѣлъ Матвѣя Корягу... Зазнался въ попахъ... А ты бы, Захаровна, чайку поскорѣе велѣла собрать.

— Тòтчасъ, тòтчасъ, Максимычъ, — захлопотала она: — мигомъ поспѣетъ... А вамъ бы, дѣвки, накрыть покамѣстъ столъ-отъ да посуду поставить бы... Чтò безъ дѣла-то глаза пялить?..

Всѣ принялись за работу.

— Песъ его знаетъ, какъ и въ попы-то попалъ, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Въ Городцѣ нонѣ мало въ Корягу вѣруютъ и во все это австрійское священство... Такъ я полагаю, что это все московскихъ тузовъ одна пустая выдумка... Архіереевъ какихъ-то, песъ ихъ знаетъ, насвятили! Намъ бы хоть немудренаго попика, да бѣглаго, и тѣмъ бы довольны остались. А они архіерея!.. Блажь одна — съ жиру бѣсятся... Чего намъ съ архіереями-то дѣлать?.. Святости, что ли, прибудетъ отъ тѣхъ, грѣшить меньше станемъ, что ли?.. Какъ же!.. По нашимъ мѣстамъ московская затѣйка въ ходъ не пойдетъ... Завелся вотъ Коряга, полугода не прошло, отъ часовни ему отказъ какъ шестъ... у Войлошниковыхъ теперь на дому службу справляютъ... Тѣ пока принимаютъ, ну и пусть ихъ... А намъ бы въ Городецку часовню бѣгленькаго... Съ бѣглымъ-то невпримѣръ поваднѣе... Перво дѣло, безъ просыпу пьянъ: хошь веревку вей изъ него, хошь щепу щепай... Другое дѣло — страху въ немъ больше, послушанія... А Коряга

и всѣ, слышь, эти австрійскіе — капли въ ротъ не берутъ — зато гордыбачить зачали... «У меня-де свой епископъ, не вы, говоритъ, мужики, онъ мнѣ указъ...» И задали мы Корягѣ указъ: вонъ изъ часовни, чтобъ духа его не было!.. Ну ихъ къ шуту совсѣмъ!..

— Какъ же мы Страшную-то да Пасху безъ попа будемъ? — унылымъ голосомъ спросила у мужа Аксинья Захаровна.

— А Евпраксея-то чѣмъ не попъ?.. Не справитъ развѣ? Чѣмъ она плоше Коряги?.. Дѣла своего мастерица, всяку службу не хуже попа сваляетъ... Опять же теперь у насъ въ дому двѣ подпѣвалы, — сказалъ Патапъ Максимычъ, указывая на дочерей. — Вели-ка, Настасья, Алексѣя ко мнѣ кликнуть. Что̀ нейдетъ до сей поры?

Настя чуть-чуть вспыхнула. Аксинья Захаровна отвѣтила мужу:

— Дома нѣтъ его, Максимычъ. Давеча говорилъ: надо ему въ Марково да въ Березовку зачѣмъ-то съѣздить...

— Ну, инъ ладно, — сказалъ Патапъ Максимычъ и зѣвнулъ, сидя въ креслахъ. Дорога притомила его.

А встрѣча была что-то непохожа на прежнія. Не прыгаютъ дочери кругомъ отца; не заигрываютъ съ нимъ утѣшными словами. Аксинья Захаровна вздыхаетъ, глядитъ исподлобья... Самъ Патапъ Максимычъ то и дѣло зѣваетъ и чаемъ торопитъ...

— Матушка у насъ захворала, — подгорюнясь, молвила Аксинья Захаровна.

— Что̀? — равнодушно спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Матушка Манеѳа больнешенька, — повторила Аксинья Захаровна.

— Нешто спасёной душѣ! Не помретъ — отдышится! — отозвался Патапъ Максимычъ. — Стараго лѣсу кочерга! Скрипитъ, трещитъ, не сломится.

— Нѣтъ, Максимычъ, не говори, — молвила Аксинья Захаровна. — Совсѣмъ помираетъ, лежитъ безъ памяти... А Марья-то Гавриловна!.. Грѣховодница этакая, — промолвила старушка, всхлипывая. — Передъ смертью-то старицу поганить вздумала: лѣкарь въ Комаровѣ живетъ, лѣчитъ матушку-то.

— Дѣло не худое, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Лѣкарь больше вашей сестры разумѣетъ... — И, немного помолчавъ, прибавилъ: — Спосылать бы туда, что̀ тамъ?

— И то я три раза Пантелея въ обитель-то гоняла, — молвила Аксинья Захаровна. — На прошлой недѣлѣ въ послѣдній разъ посылала: плоха, говоритъ, ровно свѣча таетъ, ни рученькой ни ноженькой двинуть не можетъ.

— Кто возлѣ нея? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Кому быть? — отвѣтила Аксинья Захаровна: — знамо, дѣло обительское.

— Чтò смыслятъ эти обительскія! — съ досадой молвилъ Патапъ Максимычъ. — Дура на дурѣ, напередъ смерти всякаго уморятъ... А эта егоза Фленушка поди, чать, пляшетъ да скачетъ теперь безъ призора-то... Лѣкарь развѣ, да не сидитъ же онъ день и ночь у одра болящей.

— Не грѣши на Фленушку, Максимычъ, — заступилась Аксинья Захаровна.—Дѣвка съ печали совсѣмъ ума рѣшилась!.. Самъ посуди, каково ей будетъ житье безъ матушки?.. Куда пойдетъ? Гдѣ голову приклонитъ?

— Гм-да! — промычалъ Патапъ Максимычъ.

— Возлѣ матушки больше Марья Гавриловна,—проговорила Аксинья Захаровна. — Всю обитель пòдъ ноготь подогнула... Мать Софію изъ кельи вытурила, ключи отобрàла, другихъ старицъ къ болящей тоже не пускаетъ...

— И умно дѣлаетъ,—рѣшилъ Патапъ Максимычъ. — Спасибо!.. Хоть она толкомъ позаботилась.

— Я было-вздумала, Максимычъ... — робко, нерѣшительно проговорила Аксинья Захаровна.

— Чего еще? — спросилъ Патапъ Максимычъ, глядя въ сторону.

— Да вотъ Настя пристаетъ: отпусти да отпусти ее за матушкой поводиться.

— Ну? — спросилъ Патапъ Максимычъ, поворотивъ къ женѣ голову.

— Не посмѣла, батька, безъ тебя,—едва пропищала Аксинья Захаровна.

— Еще бы посмѣла!—молвилъ Патапъ Максимычъ.—Прасковья, сползи въ подклѣть, долго-ль еще самовару-то ждать?

Параша пошла поспѣшнѣй обыкновеннаго. Прыти прибыло, видитъ, что отецъ не то въ сердцахъ, не то въ досадѣ, аль просто недобрый стихъ нашелъ на него.

— Отпусти ты меня, тятенька, — тихо заговорила Настя, подойдя къ отцу и наклоня голову на плечо его. — Походила-бъ я за тетенькой и, если будетъ на то воля Божія, закрыла-бъ ей глаза на вѣчный покой... Безъ родныхъ вѣдь лежитъ, одна-одинешенька, кругомъ чужіе.

— Подумать надо, — сказалъ Патапъ Максимычъ, слегка отводя рукой Настю. — Ну, вотъ и самоваръ! Принеси-ка, Настя, тамъ на окнѣ у меня коньяку бутылка стояла, пуншику выпить съ дороги-то...

Выкушалъ Патапъ Максимычъ чашечку, выкушалъ другую, третью... Сталъ веселѣй, разговорчивѣй.

— Вотъ и отогрѣлся,—молвилъ онъ.—Налей-ка еще, Настенька. А знаешь ли, старуха? Вѣдь меня на Львовъ день волки чуть не заѣли!

— Полно ты!..—всплеснувъ руками, воскликнула Аксинья Захаровна.

— Совсѣмъ было-поѣли и лошадей и насъ всѣхъ,—сказывалъ Патапъ Максимычъ.—Сродясь столь великой стаи не видывалъ. Лѣсомъ ѣхали, и набралось этого звѣрья видимо-невидимо, не одна сотня, поди, набѣжала. Мы на мѣстѣ стали... Впередъ ѣхать страшно—разорвутъ... А волки кругомъ такъ и рыщутъ, такъ и прядаютъ, да сядутъ передъ нами и, глядя на насъ, зубами такъ и щелкаютъ... Думалось, совсѣмъ конецъ пришелъ...

— Какъ же отбились-то, какъ вамъ Господь помогъ?—спросила поблѣднѣвшая отъ мысли объ опасности мужа Аксинья Захаровна.

— Отобьешься тутъ!.. Какъ же!..—возразилъ Патапъ Максимычъ.—Тутъ на каждаго изъ насъ, можетъ, десятка по два звѣрья-то было... Стуколову спасибо—надоумилъ огонь разложить... Обложились кострами. На огонь звѣрь нейдетъ—боится.

— Дай Богъ здоровья Якиму, какъ, бишь, его, Прохорычъ, что ли,—набожно перекрестясь, сказала Аксинья Захаровна.—Какъ ему отъ всякаго зла обороны не знать!.. Всѣ страны произошелъ, всякихъ дѣловъ наглядѣлся, всего натерпѣлся.

— Мошенникъ!—сквозь зубы промолвилъ Патапъ Максимычъ.

И жена и дочери смолкли, увидя, что онъ опять нахмурился.

Мало погодя Аксинья Захаровна спросила его:

— Чѣмъ же мошенникъ онъ-отъ? Кажись бы, добрый человѣкъ... Отъ писанія свѣдущій, постный, смиренный... Много золъ ради вѣры Христовой претерпѣлъ.

— Можетъ, и кнутомъ дранъ, только не за Христа,—съ досадой молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ такъ, Максимычъ?—придвигаясь къ мужу, спросила Аксинья Захаровна.

— Не твоего ума дѣло,—отрѣзалъ Патапъ Максимычъ.—У меня про Якимку слова никто не моги сказать... Помину чтобъ про него не было... Ни дома межъ себя ни въ людяхъ никто заикаться не смѣй...

Никто ни звука... Замолкъ и Патапъ Максимычъ.

— Да, съѣли-бъ меня волки, некому бы и гостинцевъ изъ городу вамъ привезти,—черезъ нѣсколько минутъ ласково молвилъ Патапъ Максимычъ.—Дѣвки!.. тащите чемоданъ, что

съ мѣдными гвоздями... Живѣй у меня... Не то осерчаю и гостинцевъ не дамъ.

Дочери побѣжали, хоть это и не больно привычно было облѣнившейся дома Парашѣ.

— Пора бы дѣвокъ-то подъ вѣнецъ,—молвилъ Патапъ Максимычъ, оставшись вдвоемъ съ женой. — У Прасковьи пускай глаза жиромъ заплыли, не вдругъ распознаешь, чтò въ нихъ написано, а погляди-ка на Настю... Мужа такъ и проситъ! Поди, чай, спитъ и видитъ...

— Да чтой-то съ ума, что ли, ты сошелъ, Максимычъ? На родныхъ дочерей чтò плететъ,—вскрикнула Аксинья Захаровна.

— Житейское дѣло, Аксинья Захаровна, — ухмыляясь, молвилъ Патапъ Максимычъ. — Не клюковный сокъ, кровь въ дѣвкѣ ходитъ. Про себя вспомни-ка, какова въ ея годы была. Тоже девятнадцатый шелъ, какъ со мной сошлась?

— Тьфу! — плюнула чуть не въ самого Патапа Максимыча Аксинья Захаровна. — Безстыжій!.. Поминать вздумалъ!..

Патапъ Максимычъ только улыбался.

— А ты слушай-ка, Захаровна, — молвилъ онъ: — насчетъ Настасьи я кое-что вздумалъ...

— Снѣжковъ, что-ль, опять?.. Чужимъ людямъ жену нагишомъ казать? — спросила Аксинья Захаровна.

— Ну его къ шуту, твоего Снѣжкова! — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Не мой, батюшка, не мой, — твое сокровище, твое изобрѣтенье!—скороговоркой затростила Аксинья Захаровна.—Не вали съ больной головы на здоровую!.. Я бы такого скомороха и на глаза къ себѣ близко не пустила... Твое, Максимычъ, было желанье, твоимъ гостемъ гостилъ.

— Заверещала!.. Молчи, дѣло хочу говорить,—молвилъ Патапъ Максимычъ, но, замѣтивъ, что дочери тащатъ чемоданъ, смолкъ.

— Послѣ, — сказалъ онъ женѣ.

Чемоданъ вскрыли. Патапъ Максимычъ вынулъ свертокъ и, подавая Аксиньѣ Захаровнѣ, молвилъ:

— Это тебѣ, сударыня ты моя Аксинья Захаровна, для Христова праздника... Да смотри, шей скорѣй, поторапливайся... Не вздѣнешь этого сарафана въ Свѣтло Воскресенье, и христосоваться не стану. Стой утреню въ этомъ самомъ сарафанѣ. Вотъ тебѣ сказъ...

— Куда мнѣ старухѣ такую одёжу носить! — молвила обрадованная Аксинья Захаровна, развертывая кусокъ толстой, добротной, темно-коричневой шелковой матеріи. Мнѣ бы пора ужъ на саванъ готовить.

— Не смѣй помирать!.. — топнувъ ногой, весело крикнулъ Чапуринъ.—Прежде двѣ дюжины такихъ сарафановъ въ клочья износи, потомъ помирай, коли хочешь.

— Ужъ и двѣ дюжины!—улыбаясь, отвѣтила Аксинья Захаровна. — Не многонько-ль будетъ, Максимычъ?.. Годы мои тоже немалые!..

— А это вамъ, крàсны дѣвицы,—говорилъ Патапъ Максимычъ, подавая дочерямъ по свертку съ шелковыми матеріями. — А вотъ еще подарки... Ихъ теперь только покажу, а дамъ, какъ христосоваться станемъ.

И открылъ коробку, гдѣ лежали сахарныя пасхальныя яйца.

Качая головой, Аксинья Захаровна разсматривала ихъ... Вдругъ сердито вскрикнула на мужа:

— Выкинь, выкинь!.. Ахъ, ты, старый грѣховодникъ!.. Ахъ, ты, окаянный!.. Выбрось сейчасъ же да вымой руки-то!.. Ишь каку погань привезъ!... Это чтò?.. Четвероконечный!.. А?.. Не видалъ?.. Гдѣ глаза-то были?.. Чтобы духу его въ нашемъ домѣ не было... Еретицкими яйцами христосоваться вздумалъ!.. Развѣ можно ихъ въ моленну внести?.. Выбрось, сейчасъ же выкинь на дворъ!.. Экъ обмірщился, экъ до чего дошелъ!

Патапъ Максимычъ не возражалъ. Нельзя... Изстари повелось по вѣрѣ бабѣ порядки блюсти. Онъ только отшучивался и кончилъ тѣмъ, что въ мелкія крошки раздробилъ привезенные подарки.

— Ишь грозная какая у васъ мать-та...—шутливо молвилъ онъ дочерямъ. — Ну, прости, Христа ради, Захаровна, не доглядѣлъ... Право слово, не доглядѣлъ, — сказалъ онъ женѣ.

— То-то не доглядѣлъ, — ворчала Аксинья Захаровна. — Ты такого, батька, натащишь, что послѣ семеро поповъ домъ-отъ не пересвятятъ... Аль не знаешь про Кирьяка преподобнаго?

— Какого тамъ еще Кирьяка? — зѣвнулъ Патапъ Максимычъ, надоѣдать стала ему благочестивая ругань жены.

— Бысть инокъ Киріакъ, — протяжно и съ распѣвомъ, по обычаю старообрядскихъ чтецовъ, зачала Аксинья Захаровна: — подвигомъ добрымъ подвизался, праведенъ же бѣ и благоговѣинъ. И восхотѣ Пресвятая Богородица въ келію къ преподобному внити, обаче не вниде. Преподобный же Киріакъ паде ницъ и моли Владычицу, да внидетъ въ келію. Она же отвѣща ему: «не могу, старче, къ тебѣ внити, поне бо еретическая книга въ келіи твоей лежитъ»... Видишь ли, безумный ты этакій!.. Отъ книги отъ одной не вошла Богородица къ Киріаку, а ты чего натащилъ?.. Поди, поди, вымой руки-то!

— Да полно-жъ тебѣ! Вѣдь ужъ раздробилъ, чего еще простить-то? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Руки вымой, — настаивала Аксинья Захаровна. — Сейчасъ мой... При мнѣ — чтобъ я видѣла!.. Настасья! Принеси отцу руки мыть.

Настя принесла умывальникъ и полотенце. Нечего дѣлать, пришлось Патапу Максимычу смывать съ рукъ великое свое прегрѣшенье.

Аксинья Захаровна, на радости, что выпалъ на ея долю часъ воли и власти, хотѣла-было продолжать свои сказанья, но вошелъ Алексѣй.

— Здорово, Алексѣюшка, — сказалъ, здороваясь съ нимъ, Патапъ Максимычъ. — Что?.. Какъ у насъ?... Все ли благополучно?

— Все, слава Богу, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ приказчикъ. — Посуду докрасили и по сортамъ почитай всю разобрали. Малости теперь не хватаетъ; нарочно для того въ Березовку ѣздилъ. Завтра обѣщались все предоставить. Къ Страстной зашабашимъ. Вся работа будетъ сполна.

— Съ послѣзавтрашго горянщину помаленьку надо въ Городецъ подвозить, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — По всѣмъ примѣтамъ, нынѣшній годъ Волга рано пройдетъ. Наледь *) кònямъ по брюхо... Кого бы послать съ обозомъ-то?

— Да я, коли угодно, съѣздилъ бы, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Тебя въ ино мѣсто надо посылать, — Маркела развѣ?

— Что-жъ, Маркелъ работникъ хорошій, усердный. Кажись, ему можно повѣрить, — отозвался Алексѣй.

— Маркела и пошлемъ, — рѣшилъ Патапъ Максимычъ. — Ступайте однако вы по мѣстамъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ и дочерямъ.

Тѣ вышли.

— Послушай-ка, Алексѣюшка, — тихимъ голосомъ повелъ рѣчь Патапъ Максимычъ. — Ты это должòнъ понимать, что я возлюбилъ тебя и довѣріе къ тебѣ имѣю большое. Понимаешь ты это, аль нѣтъ?

Алексѣй всталъ и, низко кланяясь, проговорилъ:

— Какъ мнѣ не понимать того, Патапъ Максимычъ? Потому, какъ Богъ, такъ и вы... И призрѣли меня и все такое...

Вспоминалъ онъ про «погибель» и путался маленько въ рѣчахъ, не зная, куда клонитъ слова свои Патапъ Максимычъ.

— Садись. Нечего кланяться-то, — молвилъ хозяинъ. — Вижу,

*) Вешняя вода, поверхъ рѣчного льду.

паренъ ты смирный, умный, руки золотыя. Для того самаго довѣріе и показываю... Понимай ты это и чувствуй, потому что я какъ есть по любви... Это ты должо̀нъ чувствовать... Должо̀нъ ли?.. А?..

— Я, Патапъ Максимычъ, чувствую... Какъ же мнѣ не чувствовать! Не чурбанъ же я какой!..

— И чувствуй... Должо̀нъ чувствовать, что хозяинъ возлюбилъ... Понимай... Ну, да теперь не про то хочу разговаривать... Вотъ что̀... Только сохрани тебя Господи и помилуй, коли рѣчи мои въ люди вынесешь!..

— Помилуйте, Патапъ Максимычъ. Какъ это возможно?..— молвилъ Алексѣй, робко взглядывая на хозяина.

— Былъ я на Ветлугѣ-то, — понизивъ голосъ, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Мошенники!

— Кто-съ?—вполголоса спросилъ Алексѣй.

— И Стуколовъ и Дюковъ... Всѣ... Висѣлицы имъ мало!

— Это такъ точно, Патапъ Максимычъ... Дюковъ даже въ острогѣ сидѣлъ.

— Знаю, что сидѣлъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Это бы не бѣда: оправдался, значитъ, оправился — и дѣло съ концомъ. А тутъ на повѣрку дѣло-то другое вышло: они, проходимцы, тѣмъ золотомъ въ бѣду насъ впутать хотѣли... Да.

— Это такъ точно-съ. И то я вашего пріѣзду дожидался, чтобы сказать про ихніе умыслы, Патапъ Максимычъ. Доподлинно узналъ, что на Ветлугѣ они фальшивы деньги работаютъ.

— Кто сказалъ? — пристально взглянувъ на Алексѣя, спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Пантелей Прохорычъ говорилъ, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Пантелей? Онъ отъ кого провѣдалъ?—спросилъ Патапъ Максимычъ. Глаза его засверкали.

— Не могу знать, — опустя глаза, отвѣчалъ Алексѣй. — Сами спросите!

— Кликни его! — сказалъ Патапъ Максимычъ и, вскочивъ со стула, быстро зашагалъ взадъ и впередъ по горницѣ.

«И Алексѣй знаетъ, и Пантелей знаетъ... этакъ, пожалуй, въ огласку пойдетъ,—думалъ онъ.—А народъ нонѣ непостоянный, разомъ наплетутъ... О, чтобъ тя въ нитку вытянуть, шатунъ проклятый!.. Напрасно вздумали мы съ Сергѣемъ Андреичемъ выводить ихъ на свѣжую воду, напрасно и Дюкову деньги я далъ. Наплевать бы на нихъ, на всѣ ихнія затѣйки — одинъ бы конецъ... А пріѣхали-бъ опять, такъ милости просимъ мимо воротъ щи хлебать!..»

— Здорово, Прохорычъ, — сказалъ онъ вошедшему съ Алексѣемъ Пантелею. — Какъ живется-можется?..

— Пеньшимъ помаленьку, батюшка Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ старикъ. — Ты по добру-ль по здорову ли съѣздилъ?

— Слава Богу, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Садись-ка и ты; чего стоять-то?

Усѣлись. Патапъ Максимычъ, пристально глядя на Пантелея, спросилъ:

— Ты что̀ Алексѣю про Стуколова съ Дюковымъ разсказывалъ?

— Нехорошіе они люди, Патапъ Максимычъ, вотъ что̀, — сказалъ Пантелей. — Алексѣюшкѣ молвилъ и тебѣ не потаюсь — не стать бы тебѣ съ такими лодырями знаться... Право слово. Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ твоей милостью.

— А ты толкомъ говори, рѣчь-то не заворачивай!.. Зачѣмъ они нехорошіе люди? Что̀ примѣтилъ за ними? — спрашивалъ Патапъ Максимычъ.

— Самому мнѣ гдѣ примѣчать?.. А по̀ людямъ говоръ нехорошъ ходитъ, — отвѣчалъ Пантелей. — Кого ни спроси, всякъ про Дюкова скажетъ, что вѣкъ свой на воровскихъ дѣлахъ стоитъ.

— На какихъ же такихъ воровскихъ дѣлахъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да хоша-бъ насчетъ фальшивыхъ денегъ, — отвѣчалъ Пантелей. — Ты думаешь, напрасно онъ въ острогѣ-то сидѣлъ?.. Какъ же!.. Зачѣмъ бы ему кажду недѣлю на Ветлугу таскаться?.. За какими дѣлами?.. Ветлуга знамо какая сторона: тамъ по лѣсамъ кто спасается, а кто денежку печатаетъ...

— Спрашиваю я, кто про это тебѣ сказывалъ?.. Какой человѣкъ?.. Сто̀ящій ли? — приставалъ къ Пантелею Патапъ Максимычъ.

— Всѣ говорятъ, кого ни спроси, — отвѣчалъ Пантелей. — По здѣшнимъ мѣстамъ еще мало Дюкова знаютъ, а поѣзжайка въ городъ либо къ Бакй, каждый парнишка на него пальцемъ тебѣ укажетъ и «каторжнымъ» обзоветъ.

— Гм!.. Что-жъ ты мнѣ прежде о томъ не довелъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Прежде что̀ не довелъ?.. — усмѣхнулся старикъ. — А какъ мнѣ было доводить-то тебѣ?.. Когда гостили они, приступу къ тебѣ не было... Хорошо вѣдь съ тобой калякать, какъ добрый стихъ на тебя нападетъ, а въ ино время всякъ отъ тебя норовитъ подальше... Самъ знаешь, каковъ бываешь... Опять же ты съ ними взапертяхъ все сидѣлъ. Какъ-же-бъ я до тебя довелъ?..

— Затвердила сорока Якова! — перервалъ Пантелея Патапъ Максимычъ. — Про Стуколова чтò знаешь?

— Мошенникъ онъ, либо цѣлый разбойникъ, вотъ чтò я про него знаю. Недаромъ про Сибирь все расписываетъ... Не съ каторги-ль и къ намъ объявился?.. Погляди-ка на него хорошенько, рожа-то самая анаѳемская.

Ничего больше не добился Патапъ Максимычъ. Но его тò поразило, что Колышкинъ съ Пантелеемъ, другъ друга не зная, оба въ одно слово: чтò одинъ, то и другой.

Оставшись съ глазу нà глазъ съ Алексѣемъ, Патапъ Максимычъ подробно разсказалъ ему про свои похожденья во время поѣздки: и про Силантья лукерьинскаго, какъ тотъ ему золотой песокъ продавалъ, и про Колышкина, какъ онъ его испробовалъ, и про Стуколова съ Дюковымъ, какъ они разругали Силантья за лишнія его слова. Сказалъ Патапъ Максимычъ и про отца Михаила, прибавивъ, что мошенники и такого Божьяго человѣка, какъ видно, хотятъ оплести.

— Вотъ чтò я вздумалъ, Алексѣюшка. Управимся съ горянщиной, отпразднуемъ праздникъ, пошлю я тебя въ путь-дорогу. Поѣдешь ты спервоначалу въ Комаровъ, тамъ сестра у меня захворала, свезешь письмецо Марьѣ Гавриловнѣ Масляниковой, купеческая вдова тамъ у нихъ проживаетъ. Отдавши ей письмо, поѣзжай ты на Ветлугу въ Красноярскій скитъ, посылочку туда свезешь къ отцу Михаилу да поговоришь съ нимъ насчетъ этого дѣла... Ты у него сначала умненько повыпытай про Стуколова, старикъ онъ простой, разскажетъ, чтò знаетъ. А потомъ и молви ему, что хотя, молъ, песокъ и добротенъ, и Патапъ-де Максимычъ хотя Дюкову деньги и выдалъ, однакожъ, молъ, все-таки сумнѣвается, потому что неладные слухи пошли... А насчетъ фальшивыхъ денегъ не сразу говори, сперва умненько словечко закинь да и послушай, чтò старецъ станетъ отвѣчать... Коли въ примѣту будетъ тебѣ, что ничего онъ не вѣдаетъ, молви: «Жалѣетъ, молъ, тебя Патапъ Максимычъ, боится, чтобъ къ отвѣту тебя не довели. Въ городу, молъ, Зубкова купца — въ острогъ за фальшивыя деньги посадили, а доставилъ-де ему тѣ воровскія деньги незнакомый молодецъ, сказался Красноярскаго скита послушникомъ...» А Стуколова застанешь въ скиту, лишняго съ нимъ не говори... Да тебя учить нечего, парень ты смышленый, догадливый... Вотъ еще чтò!.. Будучи въ скиту, огляди ты все хозяйство отца Михаила, онъ тебѣ все покажетъ, я ужъ ему наказывалъ, чтобы все показалъ... Есть, паренекъ, чему поучиться... Поучись, Алексѣюшка, впередъ пригодится... Да и мнѣ, Богъ дастъ, на пользу будетъ... А воротишься, одну вещь

скажу тебѣ... Ахнешь съ радости!.. Ну, да что̀ до поры поминать!.. Послѣ...

До праздника съ работой управились... Горянщину на пристань свезли и погрузили ее въ зимовавшія по затонамъ тихвинки и коломенки. Раздѣлался Патапъ Максимычъ съ дѣлами, какъ ему и не чаялось. И на мельницахъ работа хорошо сошла, муку̀ тоже до праздника всю погрузили... Съ Низу письма получены: на суда кладчиковъ явилось довольно, а пшеницу въ Баронскѣ купили по цѣнѣ сходной. Благодушествуетъ Патапъ Максимычъ, весело встрѣчаетъ великій праздникъ.

Въ Великую субботу попросился Алексѣй домой — въ Поромово.

Патапъ Максимычъ слегка насупился, но отпустилъ его.

— А я-было такъ думалъ, Алексѣюшка, что ты у меня въ семьѣ праздникъ-отъ Господень встрѣтишь. Вѣдь я тебя какъ есть за своего почитаю, — ласково сказалъ онъ.

— Тятенька съ мамынькой безпремѣнно наказывали у нихъ на праздникѣ быть. Родительская воля, Патапъ Максимычъ.

— Такъ-то оно такъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Про то ни слова. «Чти отца твоего и матерь твою»... Господне слово!.. Хвалю, что родителей почитаешь... За это Господь наградитъ тебя счастьемъ и богатствомъ.

Алексѣй вздохнулъ.

— Да, Алексѣюшка, вотъ нонѣ великіе дни. Въ эти дни праздное слово какъ молвить?.. — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — По душѣ скажу: не наградилъ меня Богъ сыномъ, а если-бъ даровалъ такого, какъ ты, денно-нощно благодарилъ бы я Создателя.

Робко взглянулъ Алексѣй на Патапа Максимыча, и краска сбѣжала съ лица. Поблѣднѣлъ какъ скатерть.

Такой же передъ нимъ стоитъ, какъ въ тотъ день, когда Алексѣй пришелъ рядиться. Такъ же свѣтелъ ликомъ, такимъ же добромъ глаза у него свѣтятся и кажутся Алексѣю очами родительскими... Такъ же любовно, такъ же заботно глядятъ на него. Но опять, слышится Алексѣю, шепчетъ кто-то незнакомый: «отъ сего человѣка погибель твоя». «Вихорево гнѣздо» не помогло...

— Что̀ ты?.. Аль неможется?.. — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Въ красильнѣ все утро былъ, угорѣлъ, надо-быть, — едва внятно отвѣтилъ Алексѣй.

— Эхъ, парень!.. Какъ же это ты, — заботливо сказалъ Патапъ Максимычъ.—Пошелъ бы да прилегъ маленько, капусты кочанной къ головѣ-то приложилъ бы, въ уши-то мерзлой клюквы.

— Нѣтъ, ужъ я лучше, если будетъ ваше позволенье, домой побреду; на морозцѣ угаръ-отъ выйдетъ, — сказалъ Алексѣй.

— Ну, какъ хочешь, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Да неужто тебя пѣшкомъ пустить?.. Вели буланку запрячь, отъѣзжай. Да теплѣй одѣвайся, теперь весна, снѣгъ сходитъ. Долго-ль лихоманку нажить?

— Благодарю покорно, Патапъ Максимычъ, — низко поклонясь, сказалъ Алексѣй. — Ужъ позвольте мнѣ всю Святую у тятеньки пробыть, — молвилъ Алексѣй.

— Всю недѣлю? — угрюмо спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Ужъ всю недѣлю позвольте, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Ну, неча дѣлать... Прощай, Алексѣюшка, — вздохнувъ, промолвилъ Патапъ Максимычъ.

— Счастливо оставаться... — низко кланяясь, сказалъ Алексѣй.

— Постой маленько, обожди... Я сейчасъ, — перервалъ его Патапъ Максимычъ, выходя изъ горницы.

Алексѣй стоялъ, понуривъ голову. «Какъ же онъ ласковъ, какъ же милостивъ, душа такъ и льнетъ къ нему... А страшно, страшно»!..

Воротился Патапъ Максимычъ... Подойдя къ Алексѣю, сказалъ:

— Похристосуемся. Завтра вѣдь не свидимся... Христосъ воскресе!

— Воистину Христосъ воскресе! — отвѣчалъ Алексѣй.

Патапъ Максимычъ крѣпко обнялъ его и трижды поцѣловалъ, потомъ далъ ему деревянное красное яйцо.

— Будешь дома христосоваться — вскрой — и вспомни про меня старика.

Слеза блеснула на глазахъ Патапа Максимыча.

— На праздникѣ-то навѣсти же, — сказалъ онъ. — Отцу съ матерью кланяйся да молви — пріѣзжали бы къ намъ попраздновать, познакомились бы мы съ Трифономъ Михайлычемъ, потолковали. Умныхъ людей бесѣду люблю... Хотѣлъ завтра, ради великаго дня, объявить тебѣ кое-что, да, видно, ужъ послѣ...

Ушелъ Алексѣй, а Патапъ Максимычъ сѣлъ у стола и опустилъ голову на руки.

Совсѣмъ захлопоталась Аксинья Захаровна. Глазъ почти не смыкая послѣ длиннаго «стоянья» Великой субботы, от-

правленнаго въ моленной при большомъ стеченьи богомольцевъ, цѣлый день въ суетахъ бѣгала она по̀ дому. То въ стряпущую заглянетъ, хорошо-ль куличи пекутся, то въ моленной надо посмотрѣть, какъ Евпраксеюшка съ Парашей лампады да иконы чистятъ, крѣпко-ль вставляютъ въ подсвѣчники ослѳпныя свѣчи, и достаточно-ль чистыхъ горшковъ для горячихъ углей и роснаго ладана онѣ приготовили... Изъ моленной въ боковушу къ Настѣ забѣжитъ, поглядѣть, какъ она съ Матренушкой крашены яйца по блюдамъ раскладываетъ... Съ ранней зари по всему дому бѣготня, суетня ни на минуту не стихала... Даже часы Великой субботы Евпраксеюшка одна прочитала. Аксинья Захаровна только и забѣжала въ моленну послушать паремью съ припѣвомъ: «Славно бо прославися!..»

Стало смеркаться, все помаленьку успокоилось, Аксинья Захаровна всѣмъ была довольна... Вездѣ удача, какой и не чаяла... Въ часовнѣ иконы и лампады какъ жаръ горятъ, все выметено, прибрано, вычищено, ска̀мьи коврами накрыты, на длинномъ столѣ, крытомъ камчатною скатертью, стоятъ фарфоровыя блюда съ красными яйцами, съ бѣлоснѣжною пасхой и пышными куличами; весь полъ моленной густо усыпанъ можевельникомъ... Одна бѣда, попа не доспѣли, придется на такой великій праздникъ сиротскую службу отправить... Въ стряпущей тоже все удалось: пироги не подгорѣли, юха курячья съ шафраномъ сварилась на удивленье, солонина съ гусиными полотками подъ чабромъ вышла отличная, а индюшку разсольную да рябчиковъ подъ лимоны и кума Никитична не лучше бы, пожалуй, сготовила. Благодушествуетъ хозяюшка... И пошла-было она къ себѣ въ боковушу, успокоиться до утрени, но, увидавъ Патапа Максимыча въ раздумьѣ, стала передъ нимъ.

— Ты бы, Максимычъ, прилегъ покуда,—молвила она. — Часокъ, другой, третій соснулъ бы до утрени-то.

Патапъ Максимычъ поднялъ голову. Лицо его было ясно, радостно, а на глазахъ сверкала слеза. Не то грусть, не то сердечная забота виднѣлась на крутомъ, высокомъ челѣ его.

— Присядь, старуха, посовѣтовать хочу.

Ни слова не молвивъ, сѣла Аксинья Захаровна возлѣ мужа.

— Я все объ Настѐнкѣ, — сказалъ онъ. — Что̀ ни толкуй, пора ее подъ вѣнецъ.

— Нашелъ время про скоромныя дѣла говорить. Такіе ли дни? — отвѣтила Аксинья Захаровна.

— Не про худо говорю, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Доброму слову всякій день мѣсто... Жениха подыскалъ...

— Кого еще?

— Да хоть бы Алексѣя, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

Аксинья Захаровна всплеснула руками да такъ и застыла на мѣстѣ.

— Въ умѣ ли ты, Максимычъ? — вскрикнула она.

— А ты не верещи какъ свинья подъ ножомъ... Ей говорятъ: «совѣтовать хочу», а она верещать!.. — еще громче крикнулъ Патапъ Максимычъ. — Услышать могутъ, помѣшать... — сдержанно прибавилъ онъ.

— Да я такъ, Максимычъ... — сробѣвъ, отвѣтила Аксинья Захаровна. — Въ умъ взять не могу!.. Хорошаго человѣка дочь, а за мужика!..

— А сама ты за какого князя выходила? — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Какъ же ты его къ себѣ прировнялъ, Максимычъ? — молвила Аксинья Захаровна. — Вѣдь онъ что̀? Нищій, по наймамъ ходитъ...

— Жена богатство принесетъ, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Зачнутъ хозяйствовать богаче, чѣмъ мы съ тобой зачинали...

Всталъ Патапъ Максимычъ, къ окну подошелъ... Ночь темная, небо черное, по̀ небу все звѣзды, звѣзды — счету имъ нѣтъ. Тихо мерцаютъ, будто играютъ въ безконечной своей высотѣ. Задумчиво глядитъ Патапъ Максимычъ то въ темную даль, то въ звѣздное небо. Глубоко вздохнувъ, обратился къ Аксиньѣ Захаровнѣ.

— Помнишь, какъ въ первый разъ мы встрѣчали съ тобой великій Христовъ праздникъ?.. Такая же ночь была, такъ же звѣзды сіяли... Небеса веселились, земля радовалась, люди праздновали... а мы съ тобой въ слезахъ у гробика стояли...

Прослезилась Аксинья Захаровна, вспомня давно потеряннаго первенца.

— Помнишь, каково намъ горько было тогда!.. Кажись, и махонькій былъ, а кручина съ ногъ насъ сбила... Теперь такой же бы былъ!.. Ровесникъ ему, и звали тоже Алешей... Захаровна!.. Не самъ Богъ ли посылаетъ намъ сынка замѣсто того?.. А?..

Аксинья Захаровна молча отерла слезы.

— Парень умный, почтительный, душа добрая. Хорошій будетъ сынокъ... Будетъ на кого хозяйство наложить, будетъ кому и глаза намъ закрыть, — продолжалъ Патапъ Максимычъ.

— Оно, конечно, Максимычъ... — въ нерѣшимости молвила Аксинья Захаровна. — Настя-то какъ?

— Чего ей еще?.. Какого рожна? — вспыхнулъ Патапъ

Максимычъ. — Погляди-ка на него, каковъ изъ себя... Рѣдко сыщешь: и тѣленъ, и дѣленъ, и лицомъ казистъ, и глядитъ молодцомъ... Выряди-ка его хорошенько, дѣвки за нимъ не утонятся... Какъ Настасьѣ не полюбить такого молодца?.. А смиренство-то какое, послушливость-та!.. Гнилого слова не сходитъ съ языка его... Коли Господь приведетъ мнѣ Алексѣя сыномъ назвать, кто счастливѣй меня будетъ?

— Торопокъ ты больно, Максимычъ, — возразила Аксинья Захаровна. — Что влѣзетъ тебѣ въ голову, тотчасъ вынь да положь. Подумать прежде надо, посудить... Тогда хоть бы Снѣжкова привезъ!.. Славы только надѣлалъ, по людямъ говоръ пустилъ, а дѣло-то какое вышло?.. Ты дома не живешь, ничего не слышишь, а мнѣ куда горько слушать людскіе-то пересуды... На что ежовска Акулина, десятникова жена, самая ледащая бабенка, и та зубы скалитъ, и та судачитъ. «Привозили-де къ Настасьѣ Патаповнѣ заморскаго жениха, не то царевича, не то королевича, а женихъ-отъ невѣсты поглядѣлъ да хвостомъ и вильнулъ...» Каково матери такія рѣчи слушать?.. А?..

— Не слушай глупыхъ бабенокъ — и вся недолга, — равнодушно молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Рада бы не слушать, да молва, что вѣтеръ, сама въ окна лѣзетъ, — отвѣчала Аксинья Захаровна. — Намедни безъ тебя крива рожа Пахомиха изъ Шишинки притащилась... Новины *) хотѣла продать... И та подлюха спрашиваетъ: «котору кралю за купецкаго-то сына ладили?» А дѣвицы тутъ сидятъ, при нихъ поскуда тако слово молвила... Ужъ задала же я ей купецкаго сына... Въ другорядь не заглянетъ на дворъ.

— Охота была! — отозвался Патапъ Максимычъ. — Наплевала бы да и полно... Съ дурой чего вязаться? Бабій кадыкъ ничѣмъ не загородишь — ни пирогомъ ни кулакомъ.

— Не стерпѣть, Максимычъ, воля твоя, — возразила Аксинья Захаровна. — Вѣдь я мать, самъ разсуди... Ни корова теля ни свинья порося въ обиду не дадутъ... А мнѣ за дѣвокъ какъ не стоять.

— Да полно тебѣ тростить!.. Плюнь!.. Такіе ли дни теперь! — уговаривалъ раскипятившуюся жену Патапъ Максимычъ. — Лучше совѣтъ совѣтуй... Какъ твои мысли насчетъ Настасьи?..

— Какъ самъ знаешь, Максимычъ!.. Ты въ дому голова, — глубоко вздохнувъ, промолвила Аксинья Захаровна.

*) *Новина* — катокъ крестьянскаго холста *въ три стѣны*, то-есть въ 30 аршинъ длины.

— Тебѣ-то Алексѣй по мысли ли будетъ?.. — спрашивалъ онъ.

— Не все-ль едино — по мысли онъ мнѣ али нѣтъ? — опуская голову, молвила Аксинья Захаровна. — Не мнѣ съ нимъ жить, Настасью спроси.

— И спрошу, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Я-было такъ думалъ — утрѣ, какъ христосоваться станемъ, огорошить бы ихъ: «Цѣлуйтесь, молъ, и во славу Христову и въ сласть — вы, молъ, женихъ съ невѣстой»... Да къ отцу Алексѣй-отъ выпросился. Нельзя не пустить.

— Настасью бы впередъ спросить... — молвила Аксинья Захаровна. — Не станетъ перечить, значитъ — Божья судьба... Тогда бы и дохнуть съ кѣмъ-нибудь потихоньку Трифону Лохматому — сватовъ бы засылалъ. Безъ того какъ свадьбу играть?.. Не по чину выйдетъ...

— А ты по какому чину шла за меня? — съ усмѣшкой молвилъ Патапъ Максимычъ. — Свадьбы-то уходомъ кѣмъ уложены?.. Я Алексѣю загануль загадку — пойметъ.

— Что̀ еще такое? — спросила Аксинья Захаровна.

— Такъ, малехонько, обинякомъ ему молвилъ: «Большое, молъ, дѣло хотѣлъ тебѣ завтра сказать, да, видно, молъ, надо повременить... Ахнешь, говорю, съ радости...» Двѣсти цѣлковыхъ подарилъ на праздникъ — смекнетъ...

— По моему разуму, не слѣдъ бы ему, батька, допрежъ поры говорить, — возразила Аксинья Захаровна.

— Съ твое не знаю, что-ль?.. Рыломъ не вышла учить меня, — вспыхнулъ Патапъ Максимычъ. — Ступай!.. Для праздника браниться не хочу!.. Что̀ стала?.. Подь, говорю, — спокойся!..

Къ свѣтлой заутренѣ въ ярко освѣщенную моленную Патапа Максимыча столько набралось народа, сколь можно было помѣститься въ ней. Не кручинилась Аксинья Захаровна, что свибловскій попъ накроетъ ихъ на тайной службѣ... Пантелей караульныхъ по задворкамъ не ставилъ... Въ великую ночь Воскресенья Христова всякъ человѣкъ на молитвѣ... Придетъ ли на умъ кому мстить въ такіе часы какому ни есть лютому недругу?..

Чинно, уста̀вно правила пасхальную службу Евпраксеюшка. Стройно пѣли дочери Патапа Максимыча съ другими дѣвицами канонъ Воскресенію. Радостно, весело встрѣтили праздникъ Христовъ... Но Аксинья Захаровна, стоя у образо̀въ въ новомъ шелковомъ сарафанѣ съ раззолоченной свѣчой въ рукѣ, на каждомъ ирмосѣ вздыхала, что не привелъ Господь справить великую службу съ «проѣзжающимъ священникомъ»... Вздыхала и, глядя на сіявшую красотой Настю, думала:

«Кому-то, кому красота такая достанется? Не купцу богатому, не хозяину палатъ бѣлокаменныхъ... Доставаться тебѣ, доченька, убогому нищему, голопятому работнику!..»

Настя глядѣла празднично... Изстрадалась она отъ гнета душевнаго... И узнала-бъ, что̀ замыслилъ отецъ, не больно-бъ тому возрадовалась... Жалокъ ей сталъ трусливый Алексѣй!.. И то приходило на умъ: «Ужъ какъ загорѣлись глаза у него, какъ зачалъ онъ сказывать про ветлужское золото... Корыстенъ!.. Не мою, видно, красоту дѣвичью, а мое приданое возлюбилъ погубитель!.. Нѣтъ, парень, постой, погоди!.. Сумѣю справиться. Не хвалиться тебѣ моей глупостью!.. Ахъ, Фленушка, Фленушка!.. Богъ тебѣ судья!..»

Праздники прошли. Виду не подалъ Настѣ Патапъ Максимычъ, что судьба ея рѣшена. Строго-настрого запрещалъ и женѣ говорить про это дочери.

Въ Ѳомино воскресенье воротился Алексѣй. Патапъ Максимычъ пенялъ ему, что не заглянулъ на праздникахъ съ родителями.

— Тятенька всю Святую прохворалъ, — оправдывался Алексѣй. — Опять же такой одёжи нѣтъ у него, чтобъ гостить у вашей милости. Всю вѣдь тогда выкрали...

— Нешто ты, парень, думаешь, что нашъ чинъ не любитъ овчинъ? — добродушно улыбаясь, сказалъ Патапъ Максимычъ. — Полно-ка ты. Сами-то мы какихъ великихъ боярскихъ родовъ?.. Всѣ одной глины горшки!.. А думалось мнѣ на досугѣ душевно покалякать съ твоимъ родителемъ... Человѣкъ, отъ кого ни послышишь, разсудливый, живетъ по правдѣ... Чего еще?.. Разумъ золота краше, правда солнца свѣтлѣй!.. Объ одёжѣ стать ли тутъ толковать?

Вздохнулъ Алексѣй, ни слова въ отвѣтъ.

— Что̀? Справляется-ль отецъ-отъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Справляется помаленьку вашими милостями, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ Алексѣй. — Коней справилъ, токарню поставилъ... Все вашими милостями.

— Трифонъ Михайлычъ самъ завсегда бывалъ милостивъ... А милостивому Богъ подаетъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — А ты справилъ себѣ что̀ изъ одёжи? — спросилъ онъ послѣ недолгаго молчанія.

— Не справлялъ, Патапъ Максимычъ, — потупя глаза, отвѣтилъ Алексѣй...

— Что-жъ это ты, парень! — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Я нарочно тебѣ чуточку въ красное яйцо поло-

жилъ, чтобъ ты одёжей маленько покрасилъ себя... Экій недогадливый!

— Тятенькѣ отдалъ, — еще больше потупясь, сказалъ Алексѣй.

— Что-жъ такъ? — спросилъ Патапъ Максимычъ. — Ты бы шелкову рубаху справилъ, кафтанъ бы синяго сукна, шапку хорошую.

— Не шелковы рубахи у меня на умѣ, Патапъ Максимычъ, — скорбно молвилъ Алексѣй. — Тутъ отецъ убивается, захворалъ отъ недостатковъ, матушка кажду ночь плачетъ, а я шелкову рубаху вдругъ вздѣну! Не такъ мы, Патапъ Максимычъ, въ прежни годы великій праздникъ встрѣчали!.. Тоже были людьми!.. А нонѣ — и гостей угостить не на что, и сестрамъ на улицу не въ чемъ выйти... Не ваши бы милости, разговѣться-то нечѣмъ бы было.

— Хорошо, хорошо, Алексѣюшка, доброе слово ты молвилъ, — дрогнувшимъ отъ умиленія голосомъ сказалъ Патапъ Максимычъ. — Родителей покоить — Божью волю творить... Такой человѣкъ вовѣки не сгибнетъ: «чтый отца очиститъ грѣхи своя».

И крупными шагами зашагалъ Патапъ Максимычъ по горницѣ...

— Слушай-ка, что я скажу тебѣ, — положивъ руку на плечо Алексѣя и зорко глядя ему въ глаза, молвилъ Патапъ Максимычъ. — Человѣкъ ты молодой, будутъ у тебя другой отецъ, другая мать... Ихъ-то ты станешь ли любить?.. Объ нихъ станешь ли такъ же промышлять, будешь ли покоить ихъ и почитать по закону Божьему?..

— Какіе же другіе родители? — смутившись, спросилъ Алексѣй.

— Человѣкъ ты въ молодяхъ. Женишься — тесть да теща будутъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ, любовно глядя на Алексѣя.

Дрогнулъ Алексѣй, пополовѣлъ лицомъ. Попрежнему ровно шепнулъ ему кто на ухо: «отъ сего человѣка погибель твоя»... Хочетъ слово сказать, а языкъ, что брусокъ.

«Догадался, — думаетъ Патапъ Максимычъ: — обезумѣлъ радостью».

— Что-жъ, Алексѣюшка? Отвѣть на мой спросъ! — спрашивалъ его Патапъ Максимычъ.

Съ шумомъ распахнулась дверь. Весь ободранный, всклоченный и облѣпленный грязью, влетѣлъ пьяный Никифоръ.

— Вся власть твоя, батюшка Патапъ Максимычъ, — кри-

чалъ онъ охрипшимъ голосомъ. — Житья не стало отъ паскудныхъ твоихъ работниковъ.

— Молчи, непутный, — крикнулъ на него Патапъ Максимычъ.

— Чего молчать!.. Безъ того молчалъ, да невмоготу ужъ приходится. Бранятся, ругаются, грязью лукаютъ... Все же я человѣкъ!.. — плакался Никифоръ. — Проходу нѣтъ, ребятишки маленьки и тѣ забижаютъ...

— Видишь, до чего дошелъ!.. — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Сколько разъ зарекался? Сколько разъ образъ со стѣны снималъ? Неймется!.. Ступай, непутный, въ подклѣтъ, проспись.

— Яйца, пострѣлята, катаютъ, я говорю: «Святая прошла, грѣхъ яйца катать», — оправдывался Никифоръ. — Ну и разбросалъ яйца, а ребятишки грязью.

— Ступай, говорятъ тебѣ, ступай, проспись!.. — крикнулъ Патапъ Максимычъ.

Тутъ вбѣжала Аксинья Захаровна и свое понесла.

— Закажи ему путь отъ нашего двора, Максимычъ, — кричала она. — Чтобъ не смѣлъ онъ, безпутный, ноги къ намъ накладывать!.. Долго-ль изъ-за тебя мнѣ слезы принимать?..

— Ступай, Захаровна, ступай въ свое мѣсто, — успокаивалъ жену Патапъ Максимычъ. — Крикомъ тутъ не помочь.

— Обухомъ по башкѣ, вотъ ему псу и пóмочь, — плюнула Аксинья Захаровна. — Голову снимаешь съ меня, окаянный!.. Жизни моей отъ тебя не стало!.. Во гробъ меня гонишь!.. — задорно кричала она, наступая на брата.

Такъ и рвется, такъ и наскакиваетъ на него Аксинья Захаровна. Полымемъ пышетъ лицо, разгорается сердце, и порываетъ старушку костлявыми перстами вцѣпиться въ распухшее, багровое лицо родимаго братца... А когда-то такъ любовно она водилась съ Микешенькой, когда-то любила его больше всего на свѣтѣ, когда-то пѣвала ему колыбельныя пѣсенки, суля въ золотѣ ходить, людямъ сéребро дарить...

Не отвѣчая на сестрины слова, Никифоръ пожималъ плечами и разводилъ руками. Насилу развели его съ сестрицей, насилу спровадили въ холодный подклѣтъ.

Такъ и не удалось Патапу Максимычу договорить съ Алексѣемъ.

«Не судьба, не въ добрый часъ началъ, — подумалъ Патапъ Максимычъ. — Ну, воротится — тогда порадую».

Раннимъ утромъ на радуницу поѣхалъ Алексѣй къ отцу Михаилу, а къ вечеру того же дня изъ Комарова гонецъ пригналъ. Привезъ онъ Патапу Максимычу письмо Марьи Га-

вриловны. Пріятно было ему то письмо. Богатая вдова пишетъ такъ почтительно, съ «покорнѣйшими» и «нижайшими» просьбами — любо-дорого посмотрѣть. Прочелъ Патапъ Максимычъ, Аксинью Захаровну кликнулъ.

— Къ утрему дочерей сготовь: къ Манеѳѣ поѣдутъ, — сказалъ онъ.

Ушамъ не повѣрила Аксинья Захаровна — ротъ такъ нараспашку у ней и остался... О чемъ думать перестала, заикнуться о чемъ не смѣла, самъ заговорилъ про то.

— Не съ матушкой ли что̀ случилось, Максимычъ? — тревожно спросила она.

— Ничего, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ. — Ей лучше, въ часовню стала бродить.

— Письмо, что ли? — спросила Аксинья Захаровна.

— Марья Гавриловна пишетъ, проситъ дѣвокъ въ обитель пустить, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Что̀ же, пускаешь?

— Велѣно сряжаться — такъ чего еще спрашивать?.. — отрѣзалъ Патапъ Максимычъ. — Марьѣ Гавриловнѣ развѣ можно отказать? Намедни деньгами ссудила... безъ просьбы ссудила, да впередъ еще сто разъ пригодится.

— Съ кѣмъ пустишь? Самой, что ли, мнѣ собираться? — спросила Аксинья Захаровна.

— Куда тебѣ по этакой грязи таскаться, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Обительскій работникъ говорилъ, возлѣ Кошелева, на вражкѣ, цѣлый день промаялся.

— Съ кѣмъ же дѣвицамъ-то ѣхать? — пригорюнясь, спросила Аксинья Захаровна. — Не однѣмъ же съ работникомъ ѣхать?

— Самому придется, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Недосужно, а дѣлать нечего... Скоро ворочусь: къ вечеру пріѣдемъ, со свѣтомъ домой.

Ровно живой воды хлебнула Настя, когда велѣли ей сряжаться въ Комаровъ. Откуда смѣхъ и пѣсни взялись. Весело бѣгаетъ, радостно суетится — узнать дѣвки нельзя. Параша — та ничего. Хоть и рада въ скитъ ѣхать, но такимъ же увальнемъ сряжается, какимъ завсегда обыкла ходить.

То суетится Настя, то сядетъ на мѣсто, задумается, и насилу могутъ ее доокликаться. То весело защебечетъ, ровно выпущенная изъ неволи птичка, то вдругъ ни съ того ни съ сего взоръ ея затуманится, и на глазахъ слеза навернется.

Отворила она только-что выставленное окно въ свѣтлицѣ и жадно впивала свѣжій весенній воздухъ. Въ тотъ годъ зима

сошла дружно. Хоть Пасха была не изъ позднихъ, но къ Ѳоминой снѣгу нисколько не осталось. Развѣ гдѣ въ глубокомъ овражкѣ бѣлѣлся да узенькими полосками по лѣсной окраинѣ лежалъ. По пригоркамъ, на солнечномъ припекѣ, показалась молодая зелень. Погода хорошая, со всхода до заката свѣтитъ и грѣетъ, въ небѣ ни облачка... Рѣчки и ручьи шумно бурлятъ, луга затоплены, легкій вѣтерокъ рябитъ широкія воды, и дрожащими золотыми переливами ярко горятъ онѣ на вешнемъ солнцѣ.

Какъ въ забытьѣ какомъ стоитъ Настя у раствореннаго окна. Мысли путаются, голова кружится. «Господи! — думаетъ: — скорѣй бы вырваться отсюда... Здѣсь какъ въ могилѣ!»

А какая тутъ могила! По деревнѣ стономъ стоятъ голоса... Послѣ праздника весеннія хлопоты подоспѣли: кто борону вяжетъ, кто соху чинитъ, кто въ кузницѣ сошникъ либо полицу перековываетъ — пахота не за горами... Не налюбуются пахари на изумрудную зелень, пробившуюся на озимыхъ поляхъ. «Поднимайся, рожь зеленая, охрани тебя, матушку, Небесный Царь!.. Уроди, Господи, крещенымъ людямъ вдоволь хлѣбушка!..» — молятъ мужики.

Бабы да дѣвки тоже хлопочутъ: гряды въ огородахъ копаютъ, сѣмена на солнцѣ размачиваютъ, вокругъ коровенокъ возятся и ждутъ не дождутся Егорьева дня, когда на утренней зарѣ святой вербушкой погонятъ въ поле скотинушку, отощалую, истощенную отъ долгаго зимняго холода-голода... Молодежь работаетъ неустанно, а веселья не забываетъ. Звонкія пѣсни разливаются по деревнѣ. Парни, дѣвки весну окликаютъ.

Весна, весна красная,
Приходи къ намъ съ радостью!

Ребятишки босикомъ, въ однѣхъ рубашонкахъ, по-лѣтнему, кишатъ на улицѣ, бѣгаютъ по всполью — обѣдать даже нескоро загонишь ихъ... Стономъ стоятъ тоненькіе дѣтскіе голоса... Жмурясь и щурясь, силятся они своими глазенками прямо смотрѣть на солнышко и, рѣзво прыгая, поютъ ему весеннюю пѣсню:

Солнышко, ведрышко,
Выглянь въ окошечко,
Твои дѣтки плачутъ...
Солнышко, покажись,
Красное, нарядись, —
Къ тебѣ гости на дворъ,
На пиры пировать,
Во столы столовать.

Радуница пришла!.. Красная горка!.. Веселье-то какое!..

А Настя ничего не слышитъ. Стоитъ у окна грустная, печальная... А какъ, бывало, прыгала она, какъ рѣзвилась, встрѣчая весну на Каменномъ Вражкѣ, за обительской околицей, вмѣстѣ съ Фленушкой, съ Марьюшкой и другими дѣвицами Манеѳиной обители... Сколько громкихъ пѣсенъ, сколько свѣтлаго веселья!.. Вспомнилась обитель, вспомнились подружки-игруньи, вспомнилось и то, что черезъ день будетъ она опять съ ними... Побѣжала вонъ изъ свѣтлицы и чуть съ ногъ не сшибла въ сѣняхъ Аксинью Захаровну... Она съ Парашей и Евпраксеюшкой укладывала тамъ пожитки дочерей.

Досадно стало Аксиньѣ Захаровнѣ.

— Посмотрю я на тебя, Настасья, ровно тебѣ немилъ сталъ отцовскій домъ. — Чуть не съ самаго перваго дня, какъ воротилась ты изъ обители, ходишь, какъ воду опущёная, и все ты дѣлаешь рывкомъ да съ сердцемъ... А только молвилъ отецъ: «въ Комаровъ ѣхать» — ногъ подъ собой не чуешь... Спасибо, доченька, спасибо!.. Не чаяла отъ тебя!..

Вспыхнула Настя... Хотѣла что-то молвить, но сдержала порывъ.

— Благодарности нонѣ отъ дѣтокъ не жди, — ворчала Аксинья Захаровна, укладывая чемоданъ. — Правда молвится, что родительское сердце въ дѣтяхъ, а дѣтское въ камешкѣ... Хоша бы стѣнъ-то постыдилась, срамница!.. Мать по дочери плачетъ, а дочь по доскамъ скачетъ!.. Безстыжая!.. Гляди, Прасковья, — мыло-то въ лѣвый уголъ кладу, не запамятуй, тутъ яичное съ духами — умываться, тутъ бѣлое — въ баню ходить, а въ красненькомъ ларчикѣ московское — свези отъ меня Марьѣ Гавриловнѣ... Да полно бѣситься-то тебѣ!.. Чтò за коза такая взялась?.. Чѣмъ бы потужить, что съ матерью разстаешься, она на-ка-сь поди... Батистовы рукава съ кружевомъ не каждый день вздѣвайте... Дорогіе вѣдь, другихъ когда-то еще отъ отца дождетесь... Подай сюда, Параша, платки-то... Суй въ уголъ... Да тише, дурища, — экъ ее ломитъ!.. Претъ ровно лошадь, прости Господи, — изомнешь вѣдь... Да чтò я стѣнамъ, что ли, говорю, Настасья?.. Чтò сложа руки-то стоишь, чтò не пособляешь?.. Погоди, погоди, вотъ мать-то Богъ приберетъ, какъ-то безъ меня будете жить?.. Помянешь, не разъ помянешь!.. Не знаете вы, каково горько безъ матери сиротами-то жить!.. Охъ, не приведи Господи!.. И деньги будутъ и достатки — все купишь, а родной матери не купишь... А ты ровнѣй складывай, Прасковья, — не мни!..

Вслушиваясь въ рѣчи матери, Настя сознавала справедли-

вость ея попрековъ... Но какъ удержаться отъ веселья, потокомъ нахлынувшаго при мысли, что завтра покинетъ она родительскій домъ, гдѣ довелось ей извѣдать столько горя? Одна мысль, что, свидѣвшись съ Фленушкой, она выплачетъ на ея груди свое горе неизбывное, оживляла бѣдную дѣвушку... Вѣдь ей дома ни съ кѣмъ нельзя говорить про это горе... Не съ кѣмъ размыкать его... Мимо ушей пропускала она ворчанье матери... Но, когда Аксинья Захаровна повела рѣчь о смерти, наболѣвшее сердце Насти захолонуло — и стало ей жаль доброй, болѣзной матери. Мысль о сиротствѣ, объ одиночествѣ, о томъ, что по смерти матери останется она всѣми покинутою, что и любимый ею еще такъ недавно Алексѣй тоже покинетъ ее, эта мысль до глубины взволновала душу Насти... Съ рыданьями кинулась она на шею Аксиньѣ Захаровнѣ.

— Мамынька!.. Родимая!.. Не говори такихъ рѣчей, не круши сердца, не томи меня!..

Слезы дочери свѣяли досаду съ сердца доброй Аксиньи Захаровны. Сама заплакала и принялась утѣшать рыдавшую въ ея объятіяхъ Настю.

— Ну, полно, полно же... перестань, дѣвонька... Не слези своихъ глазынекъ... Вѣдь это я такъ только съ досады молвила... Богъ милостивъ, не помру, не пристроивши васъ за добрыхъ людей... Молитесь Богу, дѣвоньки, молитесь хорошенько... Онъ, Свѣтъ, не оставитъ васъ.

— Мамынька! прости ты меня глупую, что огорчила тебя, — заговорила Настя, сдерживая судорожныя рыданья. — Ахъ, мамынька, мамынька!.. Тяжело мнѣ на свѣтѣ жить!.. Какъ бы знала ты да вѣдала!..

— Что̀ ты, что̀ ты, Настенька?.. Что̀ за горе?.. Какое у тебя горе?.. Что̀ за печаль?.. Отколь взялась?.. — тревожно спрашивала Аксинья Захаровна.

— Горе мое, мамынька, великое, бѣда моя неизбывная!.. Не выплакать того горя до смерти!.. А я-то все одна да одна, не съ кѣмъ раздѣлить моего горя-бѣды... Ну и полегчало маленько на сердцѣ... Фленушку увижу, хоть съ ней чуточку развѣю печали мои.

— Развѣ Фленушка ближе матери? — съ тихимъ, но горькимъ упрекомъ молвила Аксинья Захаровна.

— Она все знаетъ... — едва слышно простонала Настя, припавъ къ плечу матери.

— Да что̀ это?.. Мать Пресвятая Богородица!.. Угодники преподобные!.. — засуетилась Аксинья Захаровна, чуя недоброе въ смутныхъ рѣчахъ дочери. — Параша, Евпраксеюшка, — ступайте въ боковушу, укладывайте тотъ чемоданъ... Да

ступайте же, Христа ради!.. Увальни!.. Что ты, Настенька?. Что это?.. Ахъ, Ты, Господи, Батюшка!.. Про что знаетъ Фленушка?.. Скажи матери-то, дѣвонька!.. Материна любовь все покроетъ... Охъ, да скажи же, Настенька... Говори, голубка, говори, не мучь ты меня!..—со слезами молила Аксинья Захаровна.

Настя молчала. Припавъ къ материнской груди, она кропила ее слезами и дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Да скажи-жъ, говорятъ тебѣ... Легче будетъ, —продолжала уговаривать Аксинья Захаровна, цѣлуя Настю въ голову.

— Не цѣлуй меня, мамынька! — едва слышно промолвила Настя.

— Да вымолви словечко Христа ради, — жалобно причитала Аксинья Захаровна...

Догадывалась мать, въ чемъ дѣло, но вѣрить боялась.

— Полюбился, что-ль, кто? — скрѣпя сердце, шепнула наконецъ она дочери на ухо. — Зазнобушка завелась?.. А?

Ни слова Настя... Но крѣпко-крѣпко сжала мать въ своихъ объятіяхъ.

Поняла Аксинья Захаровна безмолвный отвѣтъ. Руки у ней опустились...

Настя къ окну отошла... Сѣла на скамью и, облокотясь, закрыла лицо ладонями.

— Въ скиту, что ли? — спросила Аксинья Захаровна разбитымъ голосомъ.

Настя покачала головой.

— Гдѣ же? — съ удивленьемъ спросила мать.

— Дома, — едва могла прошептать Настя.

— Кто-жъ такой?.. Неужель Снѣжковъ?

Настя опять покачала головой.

— Ума не приложу, — молвила Аксинья Захаровна.

Старушка совсѣмъ растерялась въ мысляхъ... Вспомнился разговоръ съ мужемъ передъ Свѣтлой заутреней, и спросила:

— Ужъ не приказчикъ ли?

Стремительно вскочила Настя и кинулась въ землю передъ матерью... Дрожащими, холодными руками судорожно обвилася ноги.

— Виновата я!.. — задыхаясь отъ волненья, вскрикнула она.

— Судьбы Господни! — набожно сказала Аксинья Захаровна, взглянувъ на иконы и перекрестясь. — Ты, Господи, все строишь ими же вѣси путями!.. Пойдемъ къ отцу, — прибавила она, обращаясь къ дочери. — Онъ радъ будетъ...

— Ни за что!.. Ни за что!.. — вскрикнула Настя, быстро вставъ на ноги. — Петлю на шею, въ колодецъ!.. Нѣтъ, нѣтъ!..

— Опомнись, что̀ говоришь? — уговаривала ее Аксинья Захаровна. — Отецъ радъ будетъ... Знаешь, какъ возлюбилъ онъ Алексѣя...

— Убьетъ онъ его!.. Не сказывай тятенькѣ, не говори... Я не все сказала.

— Не все? — съ ужасомъ вскрикнула Аксинья Захаровна.

— Родная!.. — чуть слышно шептала Настя у ногъ матери. — Не на то ты ростила меня, не на то меня холила!.. Потеряла я себя!.. Нѣтъ чести дѣвичьей!.. Понесла я, мамынька!..

Страшное слово, какъ небесная гроза, сразило бѣдную мать.

— Настенька!.. — только и могла въ ужасѣ и сердечномъ трепетѣ произнести несчастная старушка.

Настя не слыхала вопля матери. Какъ клонится на землю подкошенный безпощадной косой пышный цвѣтокъ, такъ, блѣдная ровно полотно, недвижная, безгласная, склонилась Настя къ ногамъ обезумѣвшей матери...

Глава восьмая.

На Пасхѣ усопшихъ не поминаютъ. Таковъ народный обычай, такъ и церковный уставъ положилъ... Въ великій праздникъ Воскресенья нѣтъ рѣчи о смерти, нѣтъ помина о тлѣніи. «Смерти празднуемъ умерщвленіе!..» — поютъ и въ церквахъ и въ раскольничьихъ моленныхъ, а на обительскихъ трапезахъ и по домамъ благочестивыхъ людей читаются восторженныя слова Златоуста и гремятъ побѣдные клики апостола Павла: «Гдѣ ти, смерте, жало? гдѣ ти, аде, побѣда?»... Нѣтъ смерти, нѣтъ и мертвыхъ — всѣ живы въ воскресшемъ Христѣ.

Но въ русскомъ народѣ, особенно по захолустьямъ, рядомъ съ христіанскими вѣрованьями и строгими обрядами церкви твердо держатся обряды стародавніе, заботно берегутся обломки вѣрованій въ веселыхъ старо-русскихъ боговъ...

Вѣритъ народъ, что Великъ Громъ Гремучій каждую весну поднимается отъ долгаго сна и, сѣвъ на ко̀ней своихъ — сизыя тучи, — хлещетъ золотой вожжой — палючей молоньей Мать Сыру Землю... Мать Земля отъ того просыпается, молодѣетъ, краситъ лицо цвѣтами и злаками, пышетъ силой, здоровьемъ — жизнь по жиламъ ея разливается... Все оживаетъ: и поля, и луга, и темныя рощи, и дремучіе лѣса... Животворящая небесная стрѣла будитъ и мертвыхъ въ могилѣ... Встаютъ они изъ гробовъ и, незримые земнымъ очамъ, носятся середь остающихся въ живыхъ милыхъ людей... Слы-

шатъ гробные жильцы все, видятъ все — что люди на землѣ дѣлаютъ, слова только молвить не могутъ...

Какъ не встрѣтить, какъ не угостить милыхъ гостей?.. Какъ не помянуть сродниковъ, вышедшихъ изъ сырыхъ, темныхъ жальниковъ на свѣтъ поднебесный?.. Услышатъ «окличку» родныхъ, придутъ на зовъ, раздѣлятъ съ ними поминальную тризну...

Встаютъ мертвецы въ радости; выйдя изъ жальниковъ, любуются свѣтлымъ небомъ, краснымъ солнышкомъ, серебрянымъ мѣсяцемъ, частыми мелкими звѣздочками... Радуется и живое племя, разставляя снѣди по могиламъ для совершенія тризны... Оттого и день тотъ зовется Радуницей *).

Стукнетъ Громъ Гремучій по небу горючимъ молотомъ, хлестнетъ золотой вожжой — и пойдетъ по землѣ веселый Яръ **) гулять... Ходитъ Яръ-Хмель по ночамъ, и тѣ ночи «хмелевыми» зовутся. Молодежь въ тѣ ночи пѣсни играетъ, хороводы водитъ, въ горѣлки бѣгаетъ отъ вечерней зари до утренней...

Ходитъ тогда Ярило ночною порой въ бѣломъ объяринномъ ***) балахонѣ, на головушкѣ у него вѣнокъ изъ алаго

---

*) Жальникъ — могила, собственно бугоръ земли, насыпанной надъ нею. Окличка — обращеніе къ мертвымъ на кладбищахъ, зовъ. Объ окличкахъ, бывающихъ на кладбищахъ въ Радуницу, говорится въ Стоглавѣ (25 царскій вопросъ въ главѣ 42). Радуница — въ южныхъ губерніяхъ понедѣльникъ, въ среднихъ и сѣверныхъ — вторникъ Ѳоминой недѣли, когда совершается и церковное поминовеніе по умершимъ. Въ уставахъ поминовенія усопшихъ въ этотъ день не положено, но церковь хотѣла освятить радуницкую тризну своими священнодѣйствіями, чтобъ въ народной памяти загладить языческое ея происхожденіе.

**) Словомъ Яръ означалась весна, а также зооморфическое божество жизни и плодородія, иначе Ярило. Оно же именуется Купалой (отъ стараго слова купить — въ смыслѣ совокупить). Мѣстами зовутъ его «Яръ-Хмель» — отсюда «хмелевыя ночи», то-есть весенніе хороводы и другія игры молодежи, продолжающіяся до утренней зари: Радуница, Красна Горка, Русальная недѣля, Бисериха, Земля-именинница (10-го мая), Семикъ, Зеленыя Святки, Девята пятница, Ярило, Кострома, Клечалы, Кукушки, Купало, хороводы: радуницкіе, русальные, никольщина, зилотовы, семицкіе, троицкіе, всесвятскіе, пятницкіе, ивановскіе или купальскіе, — все это рядъ праздниковъ одному и тому же Ярилѣ или Купалѣ. На Радуницу празднуется его приходъ, на Купалу похороны, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хоронятъ соломенную куклу, называемую Ярилой, Костромой, Кострубомъ и пр. Отъ Ѳоминой недѣли до Иванова дня (Иванъ Купала 24-го іюня) продолжаются «хмелевыя ночи», и это самое веселое время деревенской молодежи. Въ большихъ городахъ и селахъ къ названнымъ праздникамъ пріурочены народныя гулянья, называемыя «полями» — Семиково поле, Ярилино поле и т. п. Каждое происходитъ на особомъ мѣстѣ, гдѣ, быть-можетъ, во время оно совершались языческіе праздники Ярилѣ.

***) Объяръ — волнистая шелковая матерія (муаръ) съ серебряными струями, иногда съ золотыми.

мака, въ рукахъ спѣлые колосья всякой яри *). Гдѣ ступитъ Яръ-Хмель — тамъ несѣянный яровой хлѣбъ выростаетъ, глянетъ Ярило на чистое поле — лазоревы цвѣточки на немъ запестрѣютъ, глянетъ на темный лѣсъ — птички защебечутъ и пѣснями громко зальются, на̀ воду глянетъ — бѣлыя рыбки весело въ ней заиграютъ. Только ступитъ Ярило на̀ землю — соловьи прилетятъ, помретъ Ярило въ Ивановъ день — соловьи смолкнутъ.

Ходитъ Ярилушка по темнымъ лѣсамъ, бродитъ Хмелинушка по сёламъ-деревня̀мъ. Самъ собою Яръ-Хмель похваляется: «Нѣтъ меня, Ярилушки, краше, нѣтъ меня, Хмеля, веселѣе — безъ меня, веселаго, пѣсенъ не играютъ, безъ меня, молодого, свадебъ не бываетъ...».

На кого Ярило воззрится, у того сердце на любовь запросится... По̀ людямъ ходитъ Ярило не то̀ропко, безъ спѣха — ходитъ онъ, веселый — по сѣнямъ, по клѣтямъ, по высокимъ теремамъ, по свѣтлицамъ, гдѣ красныя дѣвицы спятъ. Тронетъ во снѣ мо̀лодца золотистымъ колосомъ — кровь у мо̀лодца разгорается. Тронетъ Яръ-Хмель алымъ цвѣткомъ сонную дѣвицу, заноетъ у ней ретивое, не спится молодой, не лежится, про милаго, желаннаго гребтится... А Ярило стоитъ надъ ней да улыбается, самъ красну дѣвицу утѣшаетъ: «Не горюй, красавица, не печалься, не мути своего ретива сердечка — выходи вечерней зарей на мое на Ярилино поле: хороводы водить, плетень заплетать, съ дружкомъ миловаться, подъ ельничкомъ, березничкомъ сладко цѣловаться».

Жалуетъ Ярило «хмелевыя» ночи, любитъ высокую рожь да темные перелѣски. Что̀ тамъ въ вечерней тиши говорится, что̀ тамъ теплою ночью творится — знаютъ про то Громъ Гремучій, сидя на сизой тучѣ, да Ярило, гуляя по сырой землѣ.

Таковы народныя повѣрья про возстаніе мертвыхъ и про веселаго бога жизни, весны и любви...

Только минетъ Святая и смолкнетъ пасхальный звонъ, по сельщинѣ-деревенщинѣ «помины» и «оклички» зачинаются. Въ «на̀вій день» **) старъ и младъ спѣшатъ на кладбища съ мертвецами христосоваться. Отпѣвъ церковную панихиду, за старо-русскую тризну садятся.

Разсыпается народъ по Божіей нивѣ, зарываетъ въ могилки красныя яйца, поливаетъ жа̀льники сычёной брагой, убираетъ

*) Яровой хлѣбъ: пшеница, ячмень, овесъ, греча, просо и другіе.

**) «Навій день», а въ Малороссіи «мертвецкій велыкъ день» — другое названье Радуницы... Навъ, навье — мертвецъ.

ихъ свѣжимъ дерномъ, раскладываетъ по жа̀льникамъ блины, оладьи, пироги, кокурки *), крашены яйца, пшенники да лапшенники, ставитъ вино, пиво и брагу... Затѣмъ окликаютъ загробныхъ гостей, просятъ ихъ попить-поѣсть на поминальной тризнѣ.

Оклички женщинами справляются, мужчинами никогда. Когда вслушаешься въ эти оклички, въ эти «жальныя причитанья», глубокой стариной пахнетъ!.. Тѣ слова десять вѣковъ переходятъ въ устахъ народа изъ рода въ родъ... Старымъ богамъ тѣ пѣсни поются: Грому Гремучему, да Матери Сырой Землѣ.

Со восточной со сторонушки
Подымались вѣтры буйные,
Расходились тучи черныя,
А на тѣхъ ли на тученькахъ
Громъ Гремучій со молоньями,
Со молоньями да съ палючими...
Ты ударь, Громъ Гремучій, огнемъ полымемъ,
Расшиби ты, громова стрѣла,
Еще матушку — Мать Сыру Землю...
Охъ, ты, матушка Мать Сыра Земля,
Разступись на четыре сторонушки,
Ты раскройся, гробова доска,
Распахнитесь, бѣлы саваны,
Отвалитесь, руки бѣлыя,
Отъ ретиваго сердечушка...
Государь ты нашъ, родной батюшка,—
Мы пришли на твое житье вѣковѣчное,
Пробудить тебя ото сна отъ крѣпкаго.
Мы раскинули тебѣ скатерти браныя;
Мы поставили тебѣ яства сахарныя,
Принесли тебѣ пива пьянаго,
Садись съ нами, молви слово сладкое,
Ужъ мы сядемъ супротивъ тебя,
Мы не можемъ на тебя наглядѣтися,
Мы не можемъ съ тобой набаяться.

Наплакавшись на «жальныхъ причитаньяхъ», за тризну весело принимаются. Вмѣсто раздирающей душу, хватающей за̀ сердце «оклички», веселый говоръ раздается по жа̀льникамъ...

Пошелъ пиръ на весь міръ — Яръ-Хмель на землю ступилъ.

Другія пѣсни раздаются на кладбищахъ... Поютъ про «калинушку съ малинушкой — лазоревый цвѣтъ», поютъ про «кручинушку, крытую бѣлою грудью, запечатанную крѣпкою думой», поютъ про то, «какъ прошли наши вольные веселые дни да наступили слезовы-горьки времена». Не жаркимъ ве-

---

*) Пшеничный хлѣбецъ съ запеченнымъ въ немъ яйцомъ.

сельемъ, тоской горемычной звучатъ онѣ... Нѣтъ, то новыя пѣсни, не Ярилины.

Клонится солнце на западъ... Пусть ихъ старухи да молодки по домамъ идутъ, а батьки да свекры, похмельными головами прильнувъ къ холоднымъ жа̀льникамъ, спятъ богатырскимъ сномъ... Молодцы-удальцы!.. Ярило на поле зоветъ — Красну Горку справлять, пѣсни играть, хороводы водить, просо сѣять, плетень заплетать... Дѣвицы-красавицы!.. Ярило зоветъ — бѣгите невѣститься...

Ша̀ромъ-ва̀ломъ катитъ молодежь съ затихшаго кладбища на зеленѣющія луговины.

Тамъ игры, смѣхи... Всѣхъ обуялъ Ярый Хмель...

— Красну Горку!.. Плетень заплетать!.. Сѣру утицу!.. — раздаются веселые голоса.

И громко заливается пѣсня:

Заплетися, плетень, заплетися,
Ты завейся, труба золотая,
Завернися, камка хрущатая!..
Ой мимо двора,
Мимо широка
Не утица плыла
Да не сѣрая,
Тутъ шла ли, прошла
Красна дѣвица,
Изъ-за Красной Горки,
Изъ-за синя моря,
Изъ-за чиста поля
Утицъ выгоняла,
Лебедей скликала:
„Тига, тига, мои ути,
„Тига, лебеди, домой!..
„А сама я съ гуськомъ,
„Сама съ сѣренькимъ,
„Нагуляюсь, намилуюсь
„Съ милъ-сердечнымъ дружкомъ".

Спряталось за небесный закрой солнышко, алой тканью раскинулась заря вечерняя, заблисталъ синій сводъ яркими, безмолвно сверкающими звѣздами, а веселыя пѣсни льются да льются по полямъ, по лугамъ, по темнымъ перелѣскамъ... По̀ людямъ пошелъ веселый Яръ разгуливать!..

Перелѣски чернѣютъ, пушистыми волнами серебряный туманъ кроетъ Мать Сыру Землю... Грозный Громъ Гремучій не кроетъ неба тучами, со звѣздной высоты любуется онъ на Ярилины гулянки, глядитъ, какъ развеселый Яръ межъ людей увивается...

Холодно стало, но звонкія пѣсни не молкнутъ — стономъ стоятъ голоса... Дохнетъ Яръ-Хмель своимъ жаркимъ, разым-

чивымъ дыханьемъ — кровь у молодежи огнемъ горитъ, ключомъ кипитъ, на сердцѣ легко, радостно, а пѣсня такъ и льется, — сама собой поется, только знай да слушай. Прочь горе, долой тоска и думы!.. Какъ солью сытымъ не быть, такъ горя тоской не избыть, думами его не размыкать. «Гуляй, душа, веселися!.. Нѣтъ слаще веселья, какъ сердечная радость — любовная сласть!»... Таково слово Яръ-Хмель говоритъ. Слово то крѣпко, недвижно стоитъ оно ôтъ вѣку дô вѣку. Гдѣ тотъ день, гдѣ тотъ часъ, когда прейдетъ вѣковѣчное, животворное Ярилино слово? Пока солнце грѣетъ землю, пока дышитъ живая тварь, не минуть словесамъ веселаго бога...

— Въ горѣлки! — кричатъ голоса.

— Въ горѣлки! Въ огарыши! — раздается со всѣхъ сторонъ.

Начинается извѣстная игра, старая, древняя, какъ міръ славянскій. Красны дѣвицы со своими сѣренькими гуськами становятся парами, одинъ изъ мôлодцевъ, по жеребью, всѣхъ впереди.

— Горю, горю пень!.. — кричитъ онъ.

— Чтô ты горишь? — спрашиваетъ дѣвушка изъ задней пары.

— Красной дѣвицы хочу, — отвѣчаетъ тотъ.

— Какой?

— Тебя, молодой.

Пара бѣжитъ, и мôлодецъ ловитъ подругу.

Старый обычай, еще Несторомъ описанный: «Схожахуся на игрища, на плясанья и ту умыкиваху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашеся».

Пары рѣдѣютъ, забѣгая въ перелѣски. Слышатся и страстный лепетъ и звуки поцѣлуевъ. Гуляетъ Яръ-Хмель... Чтô творится, чтô говорится — знаютъ лишь темная ночь да яркія звѣзды.

Стихло на Ярилиномъ полѣ... Развѣ какой-нибудь безталанный, отверженный лебедушками горюнъ, сѣренькій гусекъ, до солнечнаго всхода сидитъ одинокій и, наигрывая на балалайкѣ, заливается ухорскою пѣсней, сквозь которую слышны и горе, и слезы, и сердечная боль:

Эхъ! зять ли про тещу да пиво варилъ,
Кумъ про куму брагу ставленную.
Выпили бражку на Радуницу,
Ломало же съ похмелья до Иванова дня.

На Каменномъ Вражкѣ по-своему Радуницу справляютъ. Съ ранняго утра въ Манефиной обители въ часовню всѣ собрались. Всѣ, кромѣ матушки Виринеи съ келарными приспѣшницами.

Недосужно было добродушной матери-келарю: загодя надо довольную трапезу учредить: двѣ яствы горячихъ, двѣ яствы студеныхъ, пироги да блины, да овсяный кисель съ сытой *). И не ради однѣхъ обительскихъ доводилось теперь стряпать ей, а вдвое либо втрое больше обычнаго. Въ поминальные дни обительскія ворота широко, на весь крещеный міръ распахнуты — приди сильный, приди немощный, приди богатый, приди убогій — всякому за столомъ мѣсто... Сберутся на халтуру **) и «сироты» и матери съ бѣлицами изъ захудалыхъ обителей, придутъ и деревенскіе христолюбцы... Кому не охота сродниковъ на чужихъ харчахъ помянуть?

Тихо, не спѣшно передвигая слабыми еще ногами, брела Манеѳа въ часовню. Въ длинной соборной мантіи изъ чернаго камлота, отороченной краснымъ шнуркомъ, образующимъ, по толкованію старовѣровъ, «Христовы узы», въ черной камилавкѣ съ креповою наметкой, медленно выступала она... Фленушка съ Марьюшкой вели ее подъ руки. Попадавшіяся на пути инокини и бѣлицы до земли творили передъ нею по два «метанія», низко преклонялись и прихожіе богомольцы. Едва склоняя голову, величавая Манеѳа, вмѣсто обычной прощи, привѣтствовала встрѣчныхъ пасхальнымъ привѣтомъ: «Христосъ воскресе!».

Не разъ останавливалась она на короткомъ пути до часовни и радостно-сіявшими очами оглядывала окрестность... Сладко было Манеѳѣ глядѣть на пробудившуюся отъ зимняго сна природу, набожно возводила она взоры въ глубокое синее небо... Свой праздникъ праздновала она, свое избавленье отъ стоявшей у изголовья смерти... Истово творя крестное знаменье, тихо шептала она, глядя на вешнее небо: «Иже ада плѣнивъ и человѣка воскресивъ воскресеніемъ Своимъ, Христе, сподоби мя чистымъ сердцемъ Тебе пѣти и славити»

Черезъ великую силу взобралась она на высокое крутое крыльцо часовни. На паперти присѣла на скамейку и маленько вздохнула. Затѣмъ вошла въ часовню, сотворила уставной семипоклонный началъ, замолитвовала начинъ часовъ и сѣла на свое игуменское мѣсто, преклонясь на посохъ, окрашенный празеленью съ золотыми разводами...

Отправили часы, Манеѳа прочла отпустъ. Уставщица мать Аркадія середи часовни поставила столикъ, до самаго полу

*) Сыта — разварной съ водой, но не бродившій медъ.

**) Халтура (въ иныхъ мѣстахъ хаптура — отъ глагола хапать — брать съ жадностью) — даровая ѣда на похоронахъ и поминкахъ. Халтурой также называется денежный подарокъ архіерею или другому священнослужителю за отправленіе заказной церковной службы.

крытый бѣлоснѣжною полотняною «одеждой» съ нашитыми на каждой сторонѣ осьмиконечными крестами изъ алой шелковой ленты. Казначея мать Таифа положила на немъ икону Воскресенія, воздвизальный крестъ, канунъ *), блюдо съ кутьей, другое съ крашеными яйцами. Чинно отпѣли канонъ за умершихъ...

Большого образа соборныя старицы мать Никанора, мать Филарета, мать Евсталія, мать Лариса, въ черныхъ креповыхъ наметкахъ, спущенныхъ до половины лица, и въ длинныхъ мантіяхъ, подняли кресты и иконы ради крестнаго хода въ келарню. Уставщица съ казначеей взяли поминальныя блюда... Впереди двинулись пѣвицы съ громогласнымъ пѣніемъ стихеръ: «Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его». Марьюшка, какъ головщица праваго клироса, шла впереди; звонкій чистый ея голосъ покрывалъ всю «пѣвчую стаю». Среди крестовъ, иконъ и поминальныхъ блюдъ тихо выступала Манеѳа, склоняясь на посохъ... Ставъ на верхней ступени часовенной паперти, выпрямилась она во весь ростъ и повелительнымъ, давно не слышаннымъ въ обители голосомъ кликнула:

— Стойте, матери.

Крестный ходъ остановился.

— Къ матушкѣ Екатеринѣ,—приказала игуменья.

Ходъ поворотилъ направо. Тамъ, за деревянной ѳгорожью, въ небольшой рощицѣ, середи старыхъ и новыхъ могилъ, возвышались два каменныя надгробія. Подъ однимъ лежала предшественница Манеѳы, мать Екатерина, подъ другимъ мать Платонида, въ кельѣ которой гордая красавица Матренушка стала смиренной старицей Манеѳой...

Поклонясь до земли передъ надгробіемъ, Манеѳа взяла съ блюда пасхальное яйцо и, положивъ его на̀ землю, громко сказала:

— Матушка Екатерина! Христосъ воскресе!

Потомъ съ такимъ же привѣтомъ положила яйцо на могилу Платониды.

Марьюшка завела ирмосъ: «Воскресенія день». Пѣвицы стройно подхватили, и громкое пѣніе пасхальнаго канона огласило кладбище. Матери раскладывали яйца на могилки, христосуясь съ покойницами. Инокини, бѣлицы, сироты и прихожіе богомольцы разсыпались по кладбищу христосоваться со сродниками, друзьями, пріятелями...

Пропѣли канонъ и стихеры. Возгласили «вѣчную память». Съ пѣніемъ «Христосъ воскресе» крестный ходъ двинулся къ келарнѣ.

---

*) *Канунъ*—медъ, поставляемый на столъ при отправленіи панихиды.

Тѣмъ и кончился поминальный обрядъ на кладбищѣ... Причитать надъ могилами въ скитахъ не повелось, то эллинское бѣснованіе, нечестивое богомерзкое дѣло, по мнѣнію келейницъ. Самъ Стоглавъ возбраняетъ окличкн на Радуницу и вопли на жальникахъ...

Въ келарнѣ собралась вся обитель. Много пришло «сиротъ», немало явилось матерей и бѣлицъ изъ скудныхъ обителей: и Напольныя, и Марѳины, и Зарѣчныя, и матери Салоникеи, и погорѣлыя Разсохины, всѣ тутъ были, всѣ собрались подъ гостепріимнымъ кровомъ возставшей отъ смертнаго одра Манеѳы. Хотѣлось имъ хоть глазкомъ взглянуть на сердобольную, милостивую матушку, въ жизни которой совсѣмъ-было отчаялись... А больше всего нашло деревенскихъ христолюбцевъ. Изо всѣхъ окрестныхъ селеній собрались они. Пришли бабы, пришли дѣвки, пришли малые ребята — всѣ привалили помянуть покойниковъ за сытной обительской трапезой.

Сѣвъ на игуменское кресло, Манеѳа ударила въ кандію, и трапеза пошла по чину, стройно, благоговѣйно. Обительскія и сироты сидѣли съ невозмутимымъ безстрастіемъ, пришлые христолюбцы изрѣдка потихоньку покашливали, шептались даже межъ собою, но строгій взоръ угощавшихъ старицъ мгновенно смирялъ безвременное ихъ шептанье... Все шло тихо, благообразно, по чину... Но Богу попущающу, врагу же дѣйствующу, учинилось веліе искушеніе...

Чтеніями на трапезѣ распоряжается уставщица. На Великій постъ выдала мать Аркадія изъ кладовой книгу Лѣствицу, дорогую старообрядцамъ книгу, печатанную при патріархѣ Іосифѣ. До Страстной успѣли прочитать изъ нея тридцать степеней монашескаго подвига и нѣсколько добавленій, помѣщенныхъ въ концѣ книги. Страстной стали Страсти читать, на Пасхѣ Златоуста. Лѣствица осталась недочитанною... На Радуницу надо бы матушкѣ Аркадіи иную книгу въ келарню внести, да за хлопотами ей не удосужилось. Придя въ келарню, и вздумала она сбѣгать за книгой, да на грѣхъ ключъ отъ сундука обронила. Нечего дѣлать, пришлось Лѣствицу дочитывать—самое послѣднее слово отъ Патерика Скитскаго *).

Замолитвовала Манеѳа, и раздалось по келарнѣ мѣрное чтеніе рядовой канонницы:

«Повѣда намъ отецъ Евстаѳій, глаголя...»

Спохватилась знавшая наизусть всю Лѣствицу Манеѳа, но было ужъ поздно. Не въ ея власти прекратить начатое чтеніе. То грѣхъ незамолимый, непрощаемый, то непомѣрный соблазнъ

*) «Лѣствица», печатанная при патріархѣ Іосифѣ въ Москвѣ 1647 года.

передъ своими, тѣмъ паче передъ прихожими христолюбцами. А выкинуть изъ чтенія ни единаго слова нельзя. Какъ смѣть святыя словеса испразднять?.. Это, по мнѣнію старообрядцевъ, значило бы надъ святыней ругаться, дьявольское дѣло творить. Ссылаясь на хворь и на слабость, Манеѳа торопила суетившуюся Виринею скорѣй кончать трапезу, а канонницѣ велѣла читать какъ можно протяжнѣй. То было на мысли у игуменьи, чтобы чтенія не довести до конца. Но у Виринеи столько было наварено, столько было нажарено, людей за столами столько было насажено, что, какъ медленно ни читала канонница, душеполезное слово было дочитано.

Читаетъ канонница, какъ Евстаѳій, накопивъ денегъ, восхотѣлъ на мздѣ хиротонисатися пресвитеромъ и того ради пошелъ изъ пустыни въ великій градъ Александрію. И бысть на пути Евстаѳію отъ бѣса искушеніе. Предсталъ окаянный въ странномъ образѣ...

«Идуще же ми путемъ, — читала среди глубокой тишины канонница: — видѣхъ мужа, высока ростомъ и ноги до конца, чѐрна видѣніемъ, гнýсна образомъ, мàла главою, тонконога, несложна, безколѣнна, грубосоставлена, желѣзнокоготна, чермноока, весь звѣрино подобіе имѣя, бяше же женомужъ, лицомъ чернъ, дебело-устнатъ, вели... вели... великому...»

Споткнулась канонница. Такія видитъ рѣчи, что дѣвицѣ нà людяхъ зазорно сказать. А пропустить нельзя, сохрани Богъ отъ такого грѣха!.. Въ краску бросило бѣдную, сгорѣла вся...

— Говоркомъ вели читать, учащала бы...—строго шепнула Манеѳа уставщицѣ.

Спѣшно и вполголоса прочитала канонница смутившія ее реченія... Матери потупили взоры, бѣлицы тихонько перемигивались, прихожіе христолюбцы лукаво улыбались.

«Азъ же видѣвъ его убояхся,—продолжала, немножко оправясь отъ смущенія, канонница: — знаменахъ себя крестнымъ знаменіемъ».

Изъ дальнѣйшаго чтенія оказалось, что и это не помогло Евстаѳію.

«Абіе бысть,—читала канонница:—аки жена крàсна и благозрачна...»

Опять споткнулась бѣдная... Слезы даже на глазахъ у ней выступили.

— Скорѣй бы кончала,—угрюмо шепнула Манеѳа, бросая суровые взгляды на Аркадію.

Душеполезное слово кончилось. Потупя глаза и склонивъ голову, сгорѣвшая со стыда канонница со всѣхъ ногъ кинулась въ боковушу, къ матери Виринеѣ. Глубокое молчаніе на-

стало въ келарнѣ. Всѣмъ стало какъ-то не по себѣ. Чтобы сгладить впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ о видѣніяхъ Евстаѳія, Манеѳа громко кликнула:

— Пойте Пасху, дѣвицы.

И звучные голоса велегласно запѣли: «Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази Его».

Кончились стихеры, смолкло пѣніе, Манеѳа уставной отпустъ прочла и «прощу» проговорила.

Затѣмъ, стоя у игуменскаго мѣста, твердымъ голосомъ сказала:

— Господу изволившу, обыде мя болѣзнь смертная... Но не хотяй смерти грѣшнику, да обратится душа къ покаянію, Онъ, сый человѣколюбецъ, воздвигъ мя отъ одра болѣзненнаго. Исповѣдую неизреченное Его милосердіе, славлю смотрѣніе Создателя, пою и величаю Творца Жизнодавца, дондеже есмь. Васъ же молю, отцы, братіе и сестры о Христѣ Іисусѣ, помяните ми убогую старицу во святыхъ молитвахъ своихъ, да проститъ ми согрѣшенія моя вольная и невольная и да устроитъ самъ Спасъ душевное мое спасеніе...

И до земли поклонилась Манеѳа на три стороны. Всѣ бывшіе въ келарнѣ отвѣтили ей такими же поклонами.

— А въ раздачу сиротамъ на каждый дворъ по рублю... Каждой сестрѣ, пришедшей въ день сей изъ скудныхъ обителей, по рублю... Прихожимъ христолюбцамъ, кто нужду имѣетъ, по рублю... И та раздача не изъ обительской казны, а отъ моего недостоинства... Раздавать будетъ мать Таифа... А ты, матушка Таифа, прими кромѣ того двѣсти рублей въ раздачу по нашей святой обители.

— Благодаримъ покорно, матушка!.. Дай тебѣ Господи долголѣтняго здравія и души спасенія!.. Много довольны твоей милостью... -загудѣли голоса.

Двинулась съ мѣста Манеѳа. Передъ нею всѣ разступились. Фленушка съ Марьюшкой повели игуменью подъ руки, соборныя старицы провожали ее.

Взойдя за крыльцо своей кельи, Манеѳа присѣла на скамейку подъ яркими лучами весенняго солнца. Матери стояли передъ ней.

— Въ огородахъ просохло? — спросила она казначею.

— Просыхаетъ, матушка, — торопливо отвѣтила Таифа. — Въ бороздахъ только межъ грядокъ грязненько... Да день-другой солнышко погрѣетъ, вездѣ сухо будетъ.

— Молодымъ гряды копать, старымъ сѣмена мочить,—распоряжалась Манеѳа. — Сѣмянъ достанетъ?

— Вдосталь будетъ, матушка —отвѣчала Таифа: — всего по милости Божьей достанетъ.

— Всхожи ли? — спрашивала игуменья.

— Всхожія, матушка, всхожія, — увѣряла мать Таифа. — Всѣ испробовала — хорошо всходятъ.

— Навозъ на гряды возили?

— До праздника еще свезли, на̀ снѣгъ еще возили,—отвѣтила Таифа.

— Въ большомъ огородѣ двадцать грядъ подъ свеклу, двадцать подъ морковь, пятнадцать подъ лукъ-саженецъ, остальныя подъ рѣдьку, — приказывала Манеѳа.

— Слушаю, матушка, — кланяясь, отвѣтила Таифа.

— За коннымъ дворомъ, въ маломъ огородѣ, брюкву да огурцы... Капусту, какъ прежде, на мокромъ лужку... Срубы подъ разсаду готовы?

— Нѣтъ еще, матушка, не справлены,—отвѣтила Таифа.— Когда же было? Праздники...

— Завтра справить. Ирины мученицы въ пятницу — разсады сѣвъ, — сказала Манеѳа.

— Будетъ готово, матушка, все будетъ исправлено,—успокаивала ее казначея.

— А въ четвергъ апостола Пуда, — продолжала игуменья.

— Вынимай пчелъ изъ-подъ спуда, — съ улыбкой подхватила Таифа. — Знаю, матушка, знаю *).

— То-то, не забудь.

— Какъ забыть?.. Что̀ ты, матушка?.. Христосъ съ тобой... Можно-ль забыть!—зачастила мать казначея.

— Марью Гавриловну спроси, не надо-ль ей грядокъ подъ цвѣточки. Если прикажетъ — бѣлицамъ вскопать.

— Велю, матушка.

— А тебѣ, мать Назарета, послушаніе, — сказала Манеѳа, обращаясь къ одной изъ степенныхъ старицъ: — пригляди за бѣлицами. Пусть ихъ маленько сегодня разгуляются, на всполье сходятъ...

— Слушаю, матушка, — низко поклонясь, молвила мать Назарета.

— Ронжинскихъ ребятъ чтобы духу не было, — сказала Манеѳа: — да мірскія пѣсни дѣвицы чтобы не вздумали пѣть.

— Какъ это возможно, матушка? — вступилась Назарета и нѣкоторыя другія матери.—Нашихъ дѣвицъ похаять нельзя— дѣвицы степенныя, разумныя.

— Знаю я ихъ лучше васъ,—строго промолвила Манеѳа.— Чуть не догляди, то̀тчасъ бѣсовскія игрища заведутъ... Пля-

---

*) Иринѣ мученицѣ празднуютъ 16-го апрѣля; народъ называетъ этотъ день «Арины разсадницы», «Арины сѣй капусту на разсадникахъ (въ срубахъ). Апрѣля 15-го апостола Пуда — доставай пчелъ изъ-подъ спуда.

саніе пойдетъ, нечестивое скаканіе, въ долони плесканіе и всякія богомерзкія коби *). Нечего рыло-то кривить, — крикнула она на Марью головщицу, замѣтивъ, что та переглянулась съ Фленушкой.—Телѣгу нову работную купили?—обратилась Манеѳа къ казначеѣ.

— Евстихей Захарычъ изъ Ключева въ поминокъ прислалъ, — отвѣтила Таифа. — Справная телѣга, колеса дубовыя, шины желѣзныя въ палецъ толщиной.

— Спаси его Христосъ, — сказала Манеѳа. — Молились за благодѣтеля?

— Какъ же, матушка, на̀ годъ въ синодикъ записанъ, — вступилась уставщица.

— А сиву кобылу продать, — рѣшила Манеѳа. — Вечоръ Трофимъ проѣхалъ на ней, поглядѣла я, плоха — чуть ноги волочитъ.

— Старая лошадушка, еще при матушкѣ Екатеринѣ вкладомъ дана — много годовъ-то ей будетъ, — замѣтила мать Таифа.

— За что ни стало продать. Велъ бы Трофимъ въ четвергъ на базаръ, — сказала Манеѳа. — Куръ много ли несется?— спросила она подошедшую Виринею.

— Сорокъ молодочекъ, матушка, сорокъ... — отвѣчала Виринея. — Двѣ заклохтали, хочу на яйца сажать.

— Яицъ много?

— Сотъ семь отъ праздника осталось, каждый день по сороку прибываетъ, — сказала Виринея.

— До Петровокъ станетъ?

— Хватитъ, матушка, хватитъ. Какъ до Петровокъ не хватить? — отвѣчала Виринея.

— Масла, сметаны станетъ? — продолжала спрашивать игуменья.

— Уповаю на Владычицу. Всего станетъ, матушка, — говорила Виринея. — Не изволь мутить себя заботами, всего, при милости Божіей, хватитъ. Слава Господу Богу, что поднялъ тебя... Теперь все ладнехонько у насъ пойдетъ: вѣдь хозяюшкинъ глазъ, что̀ твой алмазъ. Хозяюшка въ дому, что̀ оладышекъ въ меду: ступитъ — копейка, переступитъ — другая, а зачнетъ сѣменить—и рублемъ не покрыть. За тобой, матушка, голодомъ не помремъ.

— Ну ужъ сѣменить-то мнѣ, Виринеюшка, не приходится,— улыбнувшись, отвѣтила Манеѳа на прибаутки добродушной Виринеи. — И стара и хила стала. А ты, матушка, ужъ пригляди, порадѣй Бога ради, не заставь голодать обитель.

---

*) Волхованіе, погань, скверность.

— Ахъ, ты, матушка, чтой-то ты вздумала? — утирая выступившія слезы, заговорила добрая Виринея. — Да мы за тобой, какъ за каменной стѣной, была бы только ты здорова, нужды не примемъ...

— Это какъ есть истинная правда, матушка, — заговорили соборныя старицы, кланяясь въ поясъ игуменьѣ. — Будешь жива да здорова — мы за тобой сыты будемъ!..

— Подастъ Господь пищу на обитель нищу!.. — сквозь слезы улыбаясь, прибавила мать Виринея. — Съ тобой одна рука въ меду, друга въ патокѣ...

— Богъ спасетъ за ласковое слово, матери, — поднимаясь со скамейки, сказала игуменья. — Простите ради Христа, а я ужъ къ себѣ пойду.

Матери низко поклонились и стали расходиться. Пошла-было и Аркадія, но мать Манеѳа остановила ее.

— Войди-ка, матушка Аркадія, ко мнѣ на минуточку, — сказала она.

Вошли въ келью, помолились на иконы. Утомленная Манеѳа сѣла, а Фленушкѣ съ Марьюшкой велѣла въ свое мѣсто идти.

— Ты это что̀ надѣлала? — грозно спросила Манеѳа оторопѣвшую уставщицу.

— Прости Христа ради, матушка,—робко молвила Аркадія, кланяясь въ землю передъ Манеѳой.

— Какое ты чтеніе на тра̀пезѣ-то дала?.. А?..

— Прости Христа ради,—съ новымъ земнымъ поклономъ молвила уставщица.

— При чужихъ-то людяхъ!.. Сѡблазны въ обители творить?.. А?..

Глаза Манеѳы такъ и горѣли... Всѣмъ тѣломъ дрожала Аркадія.

— Прости Христа ради, матушка,—едва слышно оправдывалась она, творя одинъ земной поклонъ за другимъ передъ пылавшею гнѣвомъ игуменьей. — Думала я Прологъ вынести, аль Ефрема Сирина, да на грѣхъ ключъ отъ книжнаго сундука невѣдомо куда засунула... Память теряю, матушка, безпамятна становлюсь... Прости Христа ради—не вмѣни оплошки моей во грѣхъ.

— Не знаешь развѣ, что слѡва объ Евстаѳіи не то что при чужихъ, при своихъ читать не подобаетъ?.. Сколько разъ говорила я тебѣ, какихъ статей на тра̀пезѣ не читать?—началила Манеѳа Аркадію.

— Говорила, матушка!.. Много разъ говорила... Грѣхъ такой выпалъ! — оправдывалась уставщица.

— Гдѣ память-то у тебя была? Гдѣ умъ-отъ былъ?.. А?..— продолжала Манеѳа.

— Прости Господа ради, матушка, — кланяясь до земли, говорила Аркадія. — Ни впредь ни послѣ не буду!..

— Еще бы ты и впередъ стала такіе сòблазны заводить!..— грозно сказала Манеѳа. — Нѣтъ, ты мнѣ скажи, чѣмъ загладить то, что̀ случилось?.. Какъ изъ памяти пришлыхъ христолюбцевъ выбить, что̀ имъ было читано на тра̀пезѣ? Вотъ что̀ скажи.

— Что-жъ, матушка? Словеса святыя преподобными отцами составлены, — робко промолвила уставщица. — Какъ ихъ судить?.. Кто посмѣетъ?

Такъ и вспыхнула Манеѳа.

— Дура! — вскрикнула она, топнувъ ногой. — Дожила до старости, а ума накопить не успѣла... Экое ты слово осмѣлилась молвить!.. Преподобные по-твоему виноваты!.. А?.. Безумная ты, безумная!.. Преподобные въ простотѣ сердца писали, намъ съ ними не въ вёрсту стать!.. Преподобныхъ простота намъ грѣшнымъ собла̀знъ... Видѣла, какъ дѣвицы-то перемигивались?.. Видѣла, какъ мужики-то поглядывали?.. Бабы да сироты чуть не хихикали... Что̀ теперь скажутъ, что̀ толковать учнутъ!.. Кто отженитъ отъ нихъ омраченіе помысловъ?.. Кто?.. Въ сòблазнъ, какъ въ тину смердящую, вкинуты, въ яму бездонную, полну грѣховныхъ мерзостей... А кто ихъ вкинулъ?.. Кто ввергъ?.. Ну-ка, скажи!.. Разошлись теперь по домамъ, что̀ говорятъ?.. На̀ людяхъ-то что̀ скажутъ?—«Были, дескать, мы на Радуницу въ Манеѳиной обители, слышали поученье отъ божественнаго писанія — въ кабакъ не ходи, и тамъ середь пьяныхъ такой срамоты не услышишь»... Вотъ что̀ скажутъ по твоей милости... Да... А врагамъ-то никоніанамъ, какъ молва до нихъ донесется, какая слава, ка́кое торжество будетъ!.. Вотъ, скажутъ, у нихъ, у раскольниковъ-то, прости Господи, какова чистота, сорòмныя слова въ поученье читаютъ... Срамница!.. А дѣвкамъ-то нашимъ, даже черницамъ, изъ молодыхъ, развѣ не собла̀знъ было слушать?.. Ахъ, ты, старая, старая!.. Помнишь евангельское слово?.. Лучше камень на шею да въ омутъ головой, чѣмъ слово объ Евстаѳіи дать на трапѐзѣ читать.

— Прости Христа ради, матушка, — говорила, кланяясь въ ноги, Аркадія. Слезы катились у ней по щекамъ — отереть не смѣла.

— Чью должность исправила ты? — приставала къ ней Манеѳа. — Чью?

Аркадія молча рыдала.

— Чье, говорю, дѣло ты правила?.. Чье?..

— Моя вина, матушка, моя вина... Пріими покаяніе, прости меня грѣшную, — молвила уставщица у ногъ игуменьи.

— Чье дѣло творила, спрашиваю?.. — топнула ногой Манеѳа. — Отвѣчай: чье дѣло?

— Не разумѣю учительнаго твоего слова, матушка... Не умѣю отвѣта держать... Прости ради Христа...

— Дьявола!.. Вотъ чье дѣло сотворила ты, окаянная! — грозно сказала ей Манеѳа. — Кто отецъ сблазновъ?.. Кто сблазны чинитъ на пагубу душамъ христіанскимъ?.. Кто?.. Говори — кто?..

— Дьяволъ, матушка, — едва слышно проговорила лежавшая у ногъ игуменьи Аркадія.

— Ему поработала... Врагу Божію послужила... Его волю сотворила.

— Вѣдаю грѣхъ свой великій, исповѣдую его тебѣ... Прости, матушка... меня, скудоумную, прости меня, неключимую, — молила Аркадія.

Долго длилось молчанье. Только звуки маятника стѣнныхъ часовъ въ большой горницѣ Манеѳиной кельи да судорожныя всхлипыванья и тихіе вздохи уставщицы слышны были въ келейной тишинѣ.

— Встань! — повелительно сказала Манеѳа. — Старость твою не стану позорить передо всею обителью... На поклоны въ часовнѣ тебя не поставлю... А вотъ тебѣ епитимья: до дня Пятидесятницы—по тысячѣ поклоновъ на̀ день. Ко мнѣ приходи отмаливать, это тебя же ради, не видали бы. Къ тому-жъ сама хочу видѣть, сколь велико̀ твое послушаніе... Ступай!

— Матушка, прости, матушка, благослови! — обычно сказала уставщица, творя метанія предъ игуменьей.

— Прощу и благословлю, коль жива буду, во святый день Пятидесятницы... — сказала Манеѳа.

Съ поникшей головой вышла Аркадія изъ кельи игуменьи. Лица на ней не было. Потъ градомъ выступалъ на лбу и на морщинистыхъ ланитахъ уставщицы.

До костей проняли ее строгія рѣчи игуменьи...

Оставшись одна, прилечь захотѣла Манеѳа. Но наслалъ же и на нее проклятый бѣсъ искушеніе... То вспоминаются ей слова Лѣствицы, то мерещится образъ Стуколова... Не того Стуколова, что̀ видѣла недавно у Патапа Максимыча, не стараго паломника, а бѣлолицаго, остроглазаго Якимушку, что̀ когда-то, давнымъ-давно, помутилъ ея сердце дѣвичье, того удалаго добра молодца, безъ котораго цвѣты не цвѣтно̀ цвѣли, деревья не красно̀ росли, солнышко въ небѣ сіяло не радостно... Молиться, молиться!.. Но нейдетъ молитва на умъ, расшатанный воспоминаньями о суетномъ мірѣ... Давнишній, забытый, казалось, міръ опять заговорилъ въ остывшей крови. Опять

шепчетъ онъ страстью, опять на грѣховныя думы наводитъ... Бѣсъ, бѣсъ! Отмолиться надо, плоть побороть!..

И стала Манеѳа на поклоны. И клала поклоны до истощенія силъ.

Не помогло старицѣ... Тѣломъ удручилась, душой не очистилась... Столь страшно бываетъ демонское стрѣляніе, столь велика злоба дьявола на облекшихся въ куколь незлобія и въ одежду иноческаго безстрастія!.. Искушеніе!.. Охъ, это искушеніе!.. Придетъ оно, кто въ силахъ отвратить его?.. Царитъ, владѣетъ людьми искушеніе!.. Кто противъ него?..

Но что-жъ это за искушенье, что̀ за бѣсъ, взволновавшій Манеѳину кровь? То веселый Яръ — его чары... Не заказанъ ему путь и въ кельи монастырскія, отъ его жаркаго разымчиваго дыханья не спасутъ ни черный куколь, ни власяница, ни крѣпкіе монастырскіе затворы, ни даже старые годы...

Глава девятая.

Часа черезъ полтора послѣ того, какъ матери разошлись по кельямъ, а бѣлицы съ Назаретой ушли погулять за околицу, на конный дворъ Манеѳиной обители въѣхала кибитка съ кожанымъ верхомъ и наглухо застегнутымъ фартукомъ, запряженная парой толстыхъ съ глянцовитою шерстью скитскихъ лошадей. Изъ работницкой «стаи» вышелъ конюхъ Дементій и весело привѣтствовалъ тщедушнаго старика, сидѣвшаго на козлахъ:

— Родіонъ Данилычъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Матушку, что-ль, какую привезъ?

— Гостя московскаго, распѣвалу, — отвѣчалъ Родіонъ, слѣзая съ козелъ и витаясь *) съ Дементіемъ. — Спитъ, — промолвилъ онъ, заглянувъ подъ фартукъ. — Умаялся, сердечный...

— Видно, лѣсныя путинки не по московскимъ костямъ, — замѣтилъ Дементій.

— И доро̀га же, другъ! — сказалъ Родіонъ. — Къ вамъ-то ближе еще туда-сюда, а у насъ вкругъ Оленева — бѣда!.. На Колосковской гати совсѣмъ завязли... Часа три пробились... Ужъ я на деревню за народомъ бѣгалъ... Не приведи Господи.

— Знамо, распутица, — промолвилъ Дементій, почесываясь спиной объ уголъ крыльца.

Родіонъ сталъ распрягать пріусталыхъ коней.

— Что̀ за гость такой? — спросилъ Дементій.

— А кто его знаетъ? Съ подаяніемъ, должно-быть. Въ Оле-

*) Витаться — здороваться, подавая другъ другу руку.

нево къ намъ еще на шестой недѣлѣ пріѣхалъ... А бывалъ не у всѣхъ, у насъ въ Анѳисиной да у матушки Фелицаты... По другимъ обителямъ ни ногой.

— Что̀ же такъ? — спросилъ Дементій.

— Ихне дѣло. Какъ намъ узнать? — отвѣчалъ Родіонъ. — Пѣть тоже обучалъ, у насъ все съ Анной Сергѣевной пѣлъ, что̀ при матушкѣ Маргаритѣ живетъ, а водился больше съ Аграфеной, что̀ живетъ въ келарныхъ приспѣшницахъ; у Фелицатиныхъ больше съ Анной Васильевной.

— Ишь ты! Съ молоденькими все да съ пригожими, — лукаво улыбаясь, замѣтилъ Дементій.

— Ихне дѣло! Намъ не узнать, наше дѣло черное, трудовое, въ чисты свѣтлицы ходу намъ нѣтъ, — проговорилъ Родіонъ, распрягая лошадей.

— Вѣстимо; въ Чернухѣ были? — спросилъ Дементій.

— Объѣхали, — сказалъ Родіонъ. — Ему, слышь, прописано у насъ быть да у васъ въ Комаровѣ. Поѣдетъ ли, нѣтъ ли въ Ула̀нгеръ — навѣрно тебѣ сказать не могу...

— Охъ, какъ въ Ула̀нгеръ придется!.. Бѣда!.. — сказалъ Дементій. — На Митюшино развѣ будетъ везти... Прямо ѣхать затонешь.

— Не клянчи, Дементьюшка, — отозвался Родіонъ. — У насъ двѣ недѣли гостилъ, коль у васъ столь-жъ погоститъ, дорога-то обсохнетъ.

— Хорошо бы такъ. Пущай бы подольше ему погостилось, — молвилъ Дементій. — Онъ къ кому?.. Не знаешь?.. — спросилъ конюхъ, немного помолчавъ. — Изъ матерей къ которой, аль къ самой матушкѣ Манеѳѣ?

— Къ самой поди, — отозвался Родіонъ. — Что̀ ему до матерей?.. По игуменьямъ ѣздитъ, московскій.

— Наша-то матушка не больно еще оправилась, — сказалъ Дементій. — Хворала... Думали, не встанетъ.

— Слышно было про то, — молвилъ Родіонъ. — Теперь какъ?

— Обошлась, ничего, — отвѣчалъ Дементій. — Лѣкарь изъ города наѣзжалъ... Лѣчили... Грѣха-то что̀ было!..

— А что̀?

— Да лѣкарь-отъ изъ нѣмцевъ аль басурманинъ какой... У людей Великій постъ, а онъ скоромятину, ровно собака, жретъ... Въ обители-то!.. Матери бунтъ подняли, сквернитъ, знаешь, имъ... Печки не давали скоромное-то стряпать. Да тутъ у насъ купчиха живетъ, Марья Гавриловна, тамъ у ней стряпали... Было, было всякаго грѣха!.. Не сразу отмолятъ...

— А вылѣчилъ-таки? — спросилъ Родіонъ.

— Еще бы не вылѣчить! — усмѣхнувшись, отвѣтилъ Дементій. — Вѣдь матери, Родіонушка, не нашъ братъ — голь да перетыка... У нихъ — деньгамъ заговѣнья нѣтъ. А богатыхъ и смерть не сразу беретъ... Рубль не Богъ, а тоже милуетъ.

— И вѣрно такъ, Дементьюшка, — сказалъ Родіонъ: — вѣрно... Дай-ка овсеца кòнямъ-то засыпать, — прибавилъ онъ, отводя лошадей въ конюшню.

— Пойдемъ, — сказалъ Дементій и лѣниво побрелъ за Родіономъ.

Межъ тѣмъ спавшій въ оленевской кибиткѣ московскій пѣвецъ проснулся. Отворотилъ онъ бокъ кожанаго фартука, глядитъ — мѣсто незнакомое, лошади отложены, людей ни души. Живого только и есть, что жирная корова, улегшаяся на солнопёкѣ, да высокій голландскій пѣтухъ, окруженный курами всѣхъ возможныхъ породъ. Склонивъ голову на-бокъ, скитскій горлопанъ стоялъ на одной ножкѣ и гордо поглядывалъ то на одну, то на другую подругу жизни.

Отстегнулъ пріѣхавшій гость фартукъ, поднялся съ груды подушекъ въ ситцевыхъ чехлахъ и тихонько вылѣзъ изъ кибитки.

Это былъ невысокаго роста, черноволосый, съ рѣденькой бородкой и быстро бѣгавшими, черными глазками человѣкъ, въ синей суконной шубкѣ на хорьковомъ мѣху и съ новенькимъ гарусными шарфомъ на шеѣ — должно-быть, подарокъ какой-нибудь оленевской мастерицы... Пѣвецъ догадался, что онъ въ Комаровѣ, но гдѣ же люди? Не въ сонное же царство, не въ мертвый заколдованный городъ пріѣхалъ.

— Охъ, искушеніе!.. — молвилъ онъ серебристымъ звонкимъ голоскомъ и пошелъ въ работницкую поискать, нѣтъ ли хоть тамъ живого человѣка. Изба была пуста.

— Вотъ какое положеніе! — сказалъ онъ, выйдя на крыльцо. — Родіонъ пропалъ... Родіонушка! — крикнулъ онъ, сколько было мочи.

— Ась? — отозвался тотъ изъ конюшни.

Пріѣзжій направился нà голосъ.

— Проснулся, Василій Борисычъ? — спросилъ Родіонъ. — А я ужъ кòней отпрягъ и корму задалъ... Чтò, аль со сна-то головушку разломило?

— И то маленько вздремнулъ!.. Искушеніе!.. — молвилъ Василій Борисычъ.

— Ну, вздремнуть не вздремнулъ, а здорово всхрапнулъ, — замѣтилъ, улыбаясь, Родіонъ. — Отъ самой Клопихи носомъ пѣсни игралъ — пятнадцать верстъ...

— Ужъ и пятнадцать?.. — усомнился Василій Борисычъ.

— Говорю тебѣ, пятнадцать, — сказалъ Родіонъ. — Хоть людей спроси, — прибавилъ онъ, указывая на Дементья.

— До Клопихи точно пятнадцать верстъ отселева будетъ... Больше будетъ — дорога-то вѣдь здѣсь не мѣряная, — подтвердилъ Дементій.

— А матушку Манеѳу можно повидать? — спросилъ его пріѣзжій.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать, господинъ купецъ, — отвѣтилъ Дементій. — Хворала у насъ матушка-то — только-что встала. Сегодня же Радуницу справляли — часы стояла, на могилки ходила, въ келарнѣ за трапѣзой сидѣла. Притомилась. Поди чать теперь отдыхать легла.

— Охъ, искушеніе! — тихонько промолвилъ Василій Борисычъ, покачавъ головой.

— Съ Мо̀сквы *) что-ль будете? — спросилъ его Дементій.

— Изъ Москвы, — отвѣтилъ гость.

— Та-а-къ, — протянулъ Дементій. — Большая, слышь, столиція?

— Побольше вашего скита, — сказалъ, улыбнувшись, Василій Борисычъ.

— Однѣхъ церквей сорокъ сороковъ!

— Такъ говорится — на дѣлѣ-то поменьше будетъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ,

— И все золотоглавыя? — продолжалъ спрашивать Дементій.

— Есть и золотоглавыя, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Эка подумаешь! — удивлялся Дементій. — А Иванъ Великій высокъ будетъ?

— Высокъ, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Диковина! — вскликнулъ Дементій. — А правда-ль, что въ Москвѣ сорокамъ не во̀дъ?

— Не видать.

— Это Алексѣй митрополитъ на сороку заклятіе положилъ, чтобъ она въ Москву не летала... Птица-воръ, а на Москвѣ, сказываютъ, и безъ того много воровъ-то.

— Есть, — подтвердилъ Василій Борисычъ.

— Вотъ и къ Макарью на ярманку воры-то больше все изъ Москвы наѣзжаютъ, — замѣтилъ Дементій. — А правда-ль, что у васъ хлѣбъ по шести да по семи гривенъ на серебро живетъ?

— Случается, — сказалъ Василій Борисычъ.

— То-то и есть: толсто̀ звонятъ да тонко̀ ѣдятъ... — примолвилъ Дементій. — У насъ по лѣсамъ житье-то, видно, при-

*) За Волгой во многихъ мѣстностяхъ говорятъ „Москва“ твердымъ о.

гляднҍй московскаго будетъ, даромъ что воротами въ уголъ живемъ. По крайности ҍшь безъ мҍры, кусковъ не считаютъ.

— Вонъ старица невҍдомо какая бредетъ, ее бы про матушку спросить, — молвилъ Василій Борисычъ, показывая на Таифу, подходившую къ конному двору.

— Эта наша мать казначея, — сказалъ Дементій. — Ругаться поди на конный дворъ идетъ... Ухъ, бҍдовая старица!.. Всяка порошинка у ней на перечетҍ. Одно слово, бҍдовая!..

Василій Борисычъ пошелъ навстрҍчу Таифҍ.

— Что вашей милости угодно? — спросила она.

— Къ матушкҍ Маневѳ письмецо изъ Москвы привезъ, да вотъ еще къ матери Назаретҍ отъ сродницы.

— Матушка Маневѳа теперь започивала,—отвҍтила Таифа.— Скорбна у насъ матушка-то — жизни не чаяли... Развҍ въ сумерки къ ней побываете... А мать Назарета въ перелҍсокъ пошла съ дҍвицами... До солнечнаго заката ей не воротиться.

— Я бы сходилъ къ ней покудова. Чать недалеко?.. — встрепенувшись, подхватилъ Василій Борисычъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, — сказала Таифа. — Пожалуй, Дементій укажетъ дорогу... Да вы обҍдали ли?.. Не то въ келарню милости просимъ.

— Покорно благодарю, матушка, — отвҍтилъ Василій Борисынъ.—Дорогой закусили — сытехонекъ. Благословите къ матушкҍ Назаретҍ сходить.

— Инъ самоварчикъ не поставить ли? — уговаривала гостя мать казначея. — Ко мнҍ бы въ келью пожаловали, побҍсҍдовали маленько, а тҍмъ временемъ и матушка Назарета подошла бы, и матушка Маневѳа проснулась бы.

— Мнҍ бы матушку Назарету поскорҍй повидать, — стоялъ на своемъ Василій Борисычъ и, какъ ни упрашивала его казначея посҍтить ея келью, устоялъ на своемъ.

Какъ истый москвичъ, не прочь бы онъ отъ чашки чаю, пожалуй, и отъ трапезы не отказался бы, но ужъ очень загорҍлось у него поскорҍй идти къ Назаретҍ. Знать ее не зналъ, въ глаза не видывалъ, и покамҍстъ одна читалка на Рогожскомъ не покучилась ему свезти Назаретҍ письмецо съ посылочкой, во сняхъ даже про такую старицу не слыхивалъ. Но, узнавъ, что пошла она съ дҍвицами на гулянку, ногъ подъ собой не заслышалъ Василій Борисычъ... Такъ и тянетъ его поглядҍть на комаровскихъ бҍлицъ, какъ онҍ тамъ въ перелҍскҍ свою Красну Горку справляютъ. Искушеніе!.. Ну да вҍдь человҍкъ не старый, кровь въ жилахъ не ледяная.

Втащили въ работницку избу поклажу Василья Борисыча. Расшнуровалъ онъ чемоданъ; вынулъ суконный кафтанчикъ,

чуйку на ваточной подкладкѣ, шапочку новую, и такимъ молодцомъ вырядился, что любо-дорого посмотрѣть. Затѣмъ отправился съ Дементьемъ за околицу...

Только дошли до Каменнаго Вражка, какъ послышались издали молодые веселые голоса и звонкій хохотъ Фленушки.

Дементій воротился, Василій Борисычъ тихонько пошелъ на голоса.

Звучнымъ, пріятнымъ голосомъ искусно завелъ онъ пѣсню про «младую юность».

Горе мнѣ, увы мнѣ во младой во юности!
Хочется пожити — не знаю, какъ быти,
Мысли побиваютъ, къ грѣху привлекаютъ.
Кому возвѣщу я гибель мое горе?
Кого призову я со мной слезно плакать?
Горе мнѣ, увы мнѣ во юности жити—
Во младой-то юности мнози борютъ страсти.
Плоть моя желаетъ больше согрѣшати;
Юность моя, юность, младое ты время,
Быстро ты стрекаешь, грѣхи собираешь,
Гдѣ бы и не надо—вездѣ поспѣваешь,
Къ Богу ты лѣнива, ко грѣху радива,
Тебѣ угождати—Бога прогнѣвляти!..

Смолкли бѣлицы... Съ усладой любовались онѣ нѣжнымъ голосомъ незнаемаго пѣвца и жаднымъ слухомъ ловили каждый звукъ унылой, но дышавшей страстностью пѣсни. Василій Борисычъ продолжалъ:

Юность моя, юность во мнѣ ощутилась,
Въ разумъ приходила, слезно говорила:
„Кто добра не хочетъ, кто худа желаетъ?
„Развѣ змѣй-соперникъ, добру ненавистникъ!
„Сама бы я рада — силы моей мало,
„Сижу на конѣ я, а конь не обузданъ,
„Смирить коня нечѣмъ — вожжей въ рукахъ нѣту,
„По горамъ, по хо̀лмамъ прямо конь стрекаетъ,
„Меня разрываетъ, умъ мой потребляетъ.
„Внѣ ума бываю, творю что̀—не знаю,
„Вижу я погибель, страхомъ вся объята;
„Не знаю, какъ быти, какъ коня смирити...“

Заслушалась и мать Назарета... Заслоняя ладонью отъ солнца глаза, съ недоумѣніемъ разглядывала она подходившаго незнакомца.

— Кто-бъ это такой? — говорила она. — Не здѣшній, не окольный, а наѣзжихъ гостей, кажись, во всемъ Комаровѣ нѣтъ... Что̀ за человѣкъ?

— Московскимъ глядитъ, — молвила Фленушка.

— А можетъ, изъ самаго Питера, — подхватила Марья головщица.

— Можетъ, и питерскій, — согласилась Фленушка. — А голосокъ-отъ каковъ!.. Какъ есть соловей.

— Вотъ бы на клиросъ въ нашу «пѣвчую стаю» такого пѣвца залучить, — закинувъ бойко голову, молвила молодая, пригожая смуглянка съ пылавшими страстнымъ огнемъ очами. Звали ее Устиньей, прозывали Московкой, потому что не одинъ годъ сряду въ Москвѣ у купцовъ въ читалкахъ жила.

— Молчи, срамница!.. Услышать может... — строго замѣтила ей Назарета.

— Мы бы ему бородку-то выщипали, въ сарафанъ бы его обрядили, — продолжала со смѣхомъ Устинья Московка.

— Замолчишь ли, срамница?.. Аль совѣсти не стало въ глазахъ? — ворчала Назарета.

Василій Борисычъ межъ тѣмъ подошелъ къ старицѣ и, низко поклонившись ей, спросилъ:

— Матушка Назарета не вы ли будете?

— Такъ точно, — отвѣчала она. — Что̀ угодно вашей милости?

— Письмецо къ вамъ съ Рогожскаго привезъ, — сказалъ онъ, вынимая изъ кармана письмо. — Посылочки тоже есть, ужо предоставлю.

— Отъ кого это, батюшка? — недовѣрчиво спросила Назарета, быстрымъ взоромъ окидывая дѣвицъ, столпившихся вокругъ незнакомца.

— Отъ Домны Васильевны, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Въ Антоновской палатѣ въ читалкахъ живетъ...

— Отъ Домнушки! — радостно воскликнула мать Назарета. — Что̀ она, голубушка?.. Какъ живетъ-можетъ?..

— Спасается, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Негасимую у болящихъ читаетъ — любятъ ее старушки...

— Ну, слава Богу!.. На утѣшительномъ словѣ благодарю покорно, батюшка, — сказала мать Назарета. — Какъ имечко-то ваше святое?

— Василій.

— По батюшкѣ?

— Борисовъ.

— Утѣшили вы меня, Василій Борисычъ. Вѣдь Домнушка-то, по плоти, племянница мнѣ доводится — братца-покойника дочка... Вѣдь я тоже московская родомъ-то.

— Очень пріятно, — отвѣтилъ Василій Борисычъ, а черные глазки его такъ и разбѣжались по молодымъ, цвѣтущимъ здоровьемъ бѣлицамъ, со всѣхъ сторонъ окружившимъ его и мать Назарету.

— Къ матушкѣ Манеѳѣ прибыли? — спросила Назарета.

— Такъ точно, — отвѣчалъ Василій Борисычъ: — тоже письма привезъ.

— Отъ кого, батюшка, письма-те? — продолжала свои разспросы старица.

— Отъ разныхъ, — отвѣчалъ онъ. — Отъ матушки Пульхеріи есть письмецо, отъ Гусевыхъ, отъ Мартынова Петра Спиридоныча.

— Великій благодѣтель намъ Петръ Спиридонычъ, дай ему, Господи, добраго здравія и души спасенія, — молвила мать Назарета.—День и ночь за него Бога молимъ. Имъ только и живемъ и дышимъ — много милостей отъ него видимъ... А что̀, дѣвицы, не пора-ль намъ и ко дворамъ?.. Покуда матушка Манеѳа не встала, я бы вотъ чайкомъ Василья-то Борисыча напоила... Пойдемте-ка, умницы, солнышко-то стало низенько...

— Рано еще, матушка!.. Погоди маленько!.. — заголосили бѣлицы.

— Что̀ вы, что̀ вы?... Какъ возможно не угостить дорогого гостя?.. Пойдемте... Будетъ — погуляли, натѣшились.

— Да матушка!.. Да еще маленько!.. Да погоди хоть съ полчасика.

— Вы для меня, матушка, не безпокойтесь, — вступился Василій Борисычъ. — Дайте дѣвицамъ развеселиться... Онѣ намъ споютъ что-нибудь.

— Такому пѣвцу да лѣсныя пѣсни слушать! — бойко подхватила Фленушка, прищуривая глазки и лукаво взглядывая на Василія Борисыча. — Соловью худыхъ птицъ слушать не приходится... Отъ худыхъ птицъ худыя и пѣсни.

— А у матушки Маргариты въ Оленевѣ про васъ не то говорятъ, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Тамъ очень похваляютъ здѣшнее пѣніе, говорятъ, что лучше вашего клира по всѣмъ скитамъ нѣтъ...

— Такъ вы изъ Оленева пожаловали? — спросила мать Назарета.

— Изъ Оленева, матушка, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Тамъ и Страстную пробылъ и праздникъ праздновалъ.

— У кого гостили? Въ какой обители? — спросила Назарета.

— У Анѳисиныхъ больше, съ матушкой-то Маргаритой мы давніе знакомые — она вѣдь тоже наша московка... У Фелицатиныхъ тоже гостилъ.

— Это вамъ Анна Сергѣевна, что ли, наше-то пѣніе славила? — спросила его Марьюшка.

— И Анна Сергѣевна хвалила и Аграфена келарная, а изъ Фелицатиныхъ Анна Васильевна... Всѣ хвалили, — говорилъ Василій Борисычъ.

— Всѣхъ-то что̀ самыхъ ни на есть лучшихъ дѣвицъ въ Оленевѣ спознали, — лукаво усмѣхнувшись и быстро вскинувъ глазами, молвила Фленушка.

— Пѣть обучалъ, — улыбнувшись, замѣтилъ Василій Борисычъ.

— И насъ бы поучили!.. — защебетали и Фленушка, и Марьюшка, и Устинья Московка, и другія крылошанки.

— Отчего-жъ не поучить?.. Съ великою радостью! — сказалъ Василій Борисычъ. — Только вѣдь надо прежде голоса попробовать: какіе у васъ голоса — безъ того нельзя.

— Пробуйте насъ, пробуйте, — приставали бѣлицы.

— Оченно бы радъ попробовать, — сказалъ Василій Борисычъ. — Матушка Назарета, благословите псáльму спѣть.

— Пойте во славу Божію, — молвила Назарета, отрываясь на минутку отъ письма.

— Воскресную надо, дѣвицы... Пасхальную, — сказалъ Василій Борисычъ. — «Велію радость» знаете?

— Знаемъ, знаемъ, — защебетали бѣлицы, окружая московскаго пѣвца.

Высоко̀, чистымъ голосомъ, завелъ онъ:

Велія радость днесь въ мірѣ явися...

Стройно и бойко подхватилъ дѣвичій хоръ:

Христосъ бо воскресе, а смерть умертвися,
Сущіе во гробѣхъ животъ воспріяша!
Воспоемъ же, други, пѣснь радостну нынѣ —
Христосъ бо воскресе отъ смертныя сѣни,
Животъ дарова въ семъ мірѣ человѣку!
Нынѣ вси ликуемъ,
Духомъ торжествуемъ,
Простилъ бо Господь грѣхи наши. Аминь.

Голоса̀ Василья Борисыча и головщицы Марьюшки покрывали остальные. Далеко̀ по перелѣскамъ разносились звуки воскресной псáльмы...

— А мірскія пѣсенки попѣваете, Василій Борисычъ? — бочкомъ подвернувшись къ московскому гостю, спросила Фленушка.

— Флена Васильевна! — строго крикнула на нее, складывая письмо, Назарета. — Матушкѣ доложу.

— Не пужай, мать Назарета!.. Я вѣдь не больно изъ робкихъ, — рѣзко отвѣтила Фленушка и, не смигаючи, съ рьянымъ задоромъ глядѣла въ разгорѣвшіеся глаза Василія Борисыча.

— Вольница этакая!.. Безстыдница!.. — ворчала Назарета.

— Что-жъ, Василій Борисычъ?.. Поете мірскія? — приставала Фленушка, не обращая вниманія на ворчавшую и хлопавшую о полы руками мать Назарету.

— Зачѣмъ мірскія? — переминаясь на одномъ мѣстѣ, сказалъ Василій Борисычъ. — Божественныхъ много, можно и безъ мірскихъ обойтись...

— А мы думали — вы новенькихъ пѣсенокъ намъ привезли, — недовольнымъ голосомъ молвила Фленушка. — У насъ есть, да все старыя. Очень ужъ прискучили. Нѣтъ ли у васъ какого хорошенькаго «романцика»?

— Безпутная!.. Тебѣ-ль говорятъ?.. Замолчи, озорная!.. Забыла, что въ обители живешь?.. — кричала Назарета.

— Мы не черницы! — громко смѣясь, отвѣчала старицѣ Фленушка. — Ты что-ль на насъ манатью-то *) надѣвала?.. Мы бѣлицы, мірское намъ во грѣхъ не поставится...

— Все матушкѣ скажу... Погоди у меня, вострухa! — ворчала Назарета и рѣшительнымъ голосомъ приказала бѣлицамъ домой собираться.

Впереди пошли Василій Борисычъ съ Назаретою. За ними, разсыпавшись кучками, пересмѣиваясь и весело болтая, прыгали шаловливыя бѣлицы, Фленушка подзадоривала ихъ запѣть мірскую. Но что̀ сходило съ рукъ игуменьиной любимицѣ и баловницѣ всей обители, на то другія не дерзали. Только Марьюшка да Устинья Московка не прочь были подтянуть Фленушкѣ, да и то вполголоса.

Фленушка завела плясовую:

Во городѣ во Казани
Полтораста рублей сани.
Дѣвка ходитъ по крыльцу,
Платкомъ машетъ молодцу̀.

Веселый, игривый напѣвъ нерадостно звучитъ въ устахъ скитскихъ пѣвицъ... То ли дѣло льющаяся изъ жаркой, взволнованной Ярь-Хмелемъ груди свободная, опьяняющая пѣснь Радуницы, что̀ раздавалась о ту пору на Руси по ея несчетнымъ лугамъ, полямъ и перелѣскамъ...

Напившись у матери Назареты чаю, Василій Борисычъ въ сумерки отправился къ Манеѳѣ.

Положивъ начáлъ и сотворивъ метанія, Василій Борисычъ сказалъ:

— Съ письмецомъ къ вамъ, матушка, отъ Петра Спиридоныча да отъ Гусевыхъ... Отъ матушки Пульхеріи тоже есть.

— Садиться милости просимъ, — величаво молвила Манеѳа,

*) Манатья (мантія), иначе иночество — черная пелеринка, иногда отороченная краснымъ шнуркомъ, которую носятъ старообрядскіе иноки и инокини. Скинуть ее хоть на минуту считается грѣхомъ, а кто надѣнетъ ее хоть шутя, тотъ уже постригся.

указывая гостю на лавку у стола, на которомъ уже разставлено было скитское угощенье. Икра, балыки и другая соленая, подстрекающая на большую ѣду, снѣдь поставлена была рядомъ съ финиками, урюкомъ, шапталой, пастилой, мочеными въ меду яблоками и всякихъ сортовъ орѣхами.

Василій Борисычъ сѣлъ и, пока Манеѳа читала письма, принялся разсматривать убранство кельи. Келья была просторная, чистая — нигдѣ ни порошинки. Въ переднемъ углу, въ божницѣ изъ простого дерева, съ алой бархатной пеленой, стояло нѣсколько древнихъ иконъ высокихъ писемъ, а въ самой серединѣ образъ Корсунской Богородицы стараго новогородскаго пошиба въ густо позолоченной ризѣ сканнаго дѣла. Та икона была у Манеѳы родовая, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ шла... Передъ нею неугасимо теплилась серебряная лампадка съ бисерными подвѣсками. Стѣны кельи обшиты были ясеневыми досками, поставленными стоймя, гладко выструганными и натертыми воскомъ. Кругомъ широкія деревянныя скамьи съ положенными на нихъ мягкими суконными полавочниками. Въ красномъ углу подъ святыми и по двумъ сторонамъ стола полавочники были кармазинные *), остальные василькового цвѣта. На окнахъ, убранныхъ бѣлоснѣжными кисейными запавѣсками, обшитыми красною бахромкой, стояли горшки съ бальзаминомъ, розанелью, геранью, бѣлокрайкой, чудомъ въ мірѣ и столѣтнимъ деревомъ **). По стѣнамъ развѣшаны были картины въ деревянныхъ рамкахъ, не отличавшіяся, впрочемъ, ни смысломъ ни изяществомъ. То были московскія произведенія, изображавшія апокалипсическія дѣянія антихриста, видѣніе святымъ Макаріемъ бѣса въ тыквахъ, распятіе плоти во образѣ монаха съ замкомъ на устахъ, хожденіе Ѳеодоры по мытарствамъ и другія сказанья византійскаго склада. И на каждой картинѣ непремѣнно бѣсъ сидитъ... Ни одной, гдѣ бы не былъ намалеванъ хоть маленькій чертенокъ...

— Такъ вы и въ Бѣлой-Криницѣ побывали!.. Вотъ какъ!.. — молвила Манеѳа, прочитавъ письма. — Петръ Спиридонычъ пишетъ, что вы многое мнѣ на словахъ перескажете... Рада васъ слушать, Василій Борисычъ... Побесѣдуемъ, а теперь покамѣстъ передъ чайкомъ-то... настоечки рюмочку, не то мадерки не прикажете ли?.. Покорно прошу...

Василій Борисычъ хватилъ какой-то девятисильной ***) и

*) Кармазинный цвѣтъ — ярко-алый.

**) Бальзаминъ — balsamina. Розанель, герань и бѣлокрайка — разные виды pelargonium. Чудо въ мірѣ — mirabilis. Столѣтнее дерево, иначе алой — одинъ изъ видовъ кактуса.

***) Девятисильною зовутъ настойку на травѣ девясилѣ.

откромсалъ добрый ломоть паюсной икры. За дѣвичьими гулянками да за пѣніемъ божественныхъ псальмъ совсѣмъ забылъ онъ, что въ тотъ день путемъ не обѣдалъ. Къ вечеру пронялъ голодъ московскаго посланника. Сдѣлалъ Василій Борисычъ честь донскому балыку, не отказалъ въ ней ветлужскимъ груздямъ и вятскимъ рыжикамъ, ни другому, что̀ добраго передъ нимъ гостепріимной игуменьей было наставлено.

— Давно-ль изъ Москвы? — спросила его Манефа.

— Давненько, матушка, я съ Москвы-то съѣхалъ, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Еще на четвертой недѣлѣ... Доро̀ги — не приведи Господи! Черезъ Волгу пѣшкомъ переходили... Страстную и праздники въ Оленевѣ взялъ.

— У матушки Маргариты? — спросила Манефа.

— У нея, матушка... Еще у матери Фелицаты погостилъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Къ австрійскому-то священству склонныхъ обителей въ Оленевѣ только и есть.

— И у насъ склонныхъ немного, — замѣтила Манефа. — Наши да Жженины, Бояркины да Московкины — вотъ и все... Изъ захудалыхъ обителей еще кой-какія старицы... А по другимъ скитамъ и того нѣтъ. Въ Уланг҆ерѣ только мать Юдиѳа маленько склонна...

— А въ Чернухѣ? — помолчавъ, спросилъ Василій Борисычъ.

— Развѣ самое малое число, — отвѣтила Манефа. — А по деревнямъ и слышать не хотятъ.

— Слѣпотствуютъ, — молвилъ Василій Борисычъ. — Народъ темный, непонимающій.

— Не слѣпота, Василій Борисычъ, со̀блазнъ отъ австрійскаго священства больше отводитъ людей, — сказала Манефа. — Вамъ, московскимъ, хорошо: вы на свѣту живете. Не грѣхъ бы иной разъ и объ насъ подумать. А вы только совѣсть маломощныхъ со̀блазнами мутите.

— Какіе же со̀блазны, матушка?.. Кажись, отъ Москвы со̀блазновъ никогда не бывало, — во̀зразилъ Василій Борисычъ, посматривая на Манефу.

— По письму Петра Спиридоныча, что̀ про васъ пишетъ, да опять же наслышана будучи про васъ отъ батюшки Ивана Матвѣича *) да отъ матушки Пульхеріи, не обинуясь всю правду буду говорить тебѣ, Василій Борисычъ... О чемъ по нашимъ палестинамъ заикнуться не слѣдъ, и про то скажу, — съ замѣтнымъ волненьемъ заговорила Манефа. Ея голосъ дрожалъ негодованьемъ, но говорила она сдержанно, ни на̀ волосъ не нарушая обычной величавости. Царицей смотрѣла.

---

*) Бѣглый попъ, по фамиліи Ястребовъ, жившій на Рогожскомъ кладбищѣ и пользовавшійся большимъ уваженіемъ старообрядцевъ.

— Что-жъ такое, матушка? — тревожно спросилъ игуменью Василій Борисычъ. — Скажите, Господа ради.

— Издали зачну, съ чего все дѣло началось, — сказала Манеоа. — По письмамъ батюшки Ивана Матвѣича склонились-было мы австрійское священство принять. Много было противностей отъ слабыхъ совѣстей, много было и шатости... Трости вѣтромъ колеблемы здѣшніе люди... но, Господу помогающу, склонила я, убогая, обитель нашу къ пріятію и другія немногія обители, въ Оленевѣ матушку Маргариту, матушку Фелицату, въ Улангерѣ матушку Юдиоу. И сначала духовно мы ликовали, Василій Борисычъ, наконецъ-то, говорили, явися благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкамъ... Не нарадовались Господню смотрѣнію... Что́ же?.. Слышимъ, на Москвѣ закипѣли раздоры, одни толкуютъ: «неправиленъ митрополитъ, — облі́ванецъ», другіе Богомъ заклинаютъ, что́ крещенъ въ три погруженія... Кому вѣрить?.. Кого послушать?... У насъ по лѣсамъ народъ темный, силы писанія не разумѣетъ, а новшества́ страшится, дабы въ чемъ не погрѣшить... Сколько было молвы, сколько шатости!.. Разсказать невмѣстимо... Я, убогая, говорила тогда: «потерпите, други любезные, потерпите самое малое время, явитъ Господь благодать Свою, не предайте слуха словесамъ мятежнымъ»... И по милости Господней удержала...

— Знаютъ на Москвѣ про старанія ваши, матушка, — прервалъ-было Василій Борисычъ.

— Славы, другъ, не ищу...— вспыхнула Манеоа. — Что́ дѣлаю, Господа ради дѣлаю, не ради вашей суетной Москвы.

— Праведное дѣло, матушка, — вполголоса замѣтилъ смѣшавшійся немного Василій Борисычъ.

Величаво, но едва замѣтно склонила Манеоа голову, какъ бы въ знакъ согласія. Затѣмъ, отчеканивая каждое слово, продолжала:

— А скажи по совѣсти, чѣмъ намъ пособила Москва?..

— Что-жъ, матушка, кажется, не были оставлены, — промолвилъ Василій Борисычъ.

— Не про деньги рѣчь, — съ усмѣшкой презрѣнья прервала его Манеоа. — Про духовное у тебя спрашиваю... Чѣмъ поддержали меня?.. Со́блазнами?

— Да какими же, матушка, соблаз̀нами? — съ робкимъ удивленьемъ спросилъ Василій Борисычъ.

— Сколько годовъ душевнымъ гладомъ томимы были мы безъ священника?.. Писали-писали на Москву: «пришлите пастыря» — ни отвѣта ни привѣта... Ну, вотъ и дождались...

— Отца Михаила? — сказалъ Василій Борисычъ.

— Да, Михаилу Корягу... По нашимъ мѣстамъ такъ его величаютъ, — отвѣчала Манеѳа. — Онъ-отъ и есть камень сȯблазна для здѣшняго христіанства.

— Человѣкъ начитанный, сказывали, постный, — замѣтилъ Василій Борисычъ.

— Постный-отъ онъ постный, только не піюще, не ядуще, а пенязи беруще, — съ усмѣшкой молвила Манеѳа.

— Гдѣ-жъ безсребренника достать, матушка? Сытыхъ глазъ что-то нонѣ не видится, — сказалъ Василій Борисычъ.

— А чинъ на немъ какой положȯнъ? — возразила Манеѳа. — Благодать, другъ мой Василій Борисычъ, не рѣпа, за деньги ее не стать продавать... Коряга — стяжатель... Пальцемъ безъ денегъ не двинетъ... Да еще торгуется... Намедни просятъ его болящаго исправить, а онъ: — «сколько дашь?». Посулили полтину, народъ бѣдный — больше дать не подъ силу, а Коряга: — «за полтину, говоритъ, я тебѣ и «Господи помилуй» не скажу»... Такъ-то, другъ!.. Вотъ какимъ пастыремъ насъ Москва наградила... Въ Апостолѣ-то чтȯ писано про Симона, восхотѣвша на сребрѣ благодать стяжати?.. А?.. Ну-ка, скажи... Коряга тотъ же Симонъ-волхвъ — потому стяжатель... Такихъ пастырей намъ не надо... Скорѣй душевнымъ гладомъ истомимся, чѣмъ къ такому попу на исправу пойдемъ.

— Какъ же, матушка, возможно пробыть безъ священника!.. — воскликнулъ Василій Борисычъ. — Не въ безпоповы-жъ идти...

— Спасова воля... — твердо сказала Манеѳа. — Какъ Ему Свѣту угодно, такъ съ нами и будетъ... Самъ Онъ спасеніе наше управитъ... А Корягѣ путь къ намъ заказанъ... Такъ и скажи въ Москвѣ...

Не отвѣчалъ Василій Борисычъ.

— Коли на то пошло, я тебѣ, другъ, и побольше скажу, — продолжала Манеѳа. — Достовѣрно я знаю, что Коряга на мздѣ поставленъ. А по правиламъ, такой попъ и епископъ, чтȯ ставилъ его, изверженію подлежатъ, отъ общенія да отречются. Такъ ли, Василій Борисычъ?

— Есть такія правила, точно что есть, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Двадесять девятое апостольское, четвертаго собора двадесятое, на шестомъ и на седьмомъ соборахъ тожъ подтверждено.

— То-то и есть, — продолжала Манеѳа. — Какъ же должно вашего Софрона епископа понимать?.. А?.. Были отъ меня посыланы вѣрные люди по разнымъ мѣстамъ, и письмами обсылалась... Нехорошіе про него слухи, Василій Борисычъ,

охъ, какіе нехорошіе!.. А Москва его терпитъ!.. Да какъ не терпѣть?.. Московскій избранникъ!..

— Это, матушка, вы сказали несправедливо, — возразилъ Василій Борисычъ. — Не было Софрону московскаго избранья. Самъ въ епископы своей волей втесался... Нашего согласія ему дадено не было... Да нонѣ въ Москвѣ его и принимать перестали.

— Съ коихъ поръ?.. — быстро спросила Манефа.

— Я все доподлинно вамъ разскажу, — молвилъ Василій Борисычъ. — Затѣмъ и присланъ — выслушать извольте.

— Слушаю, другъ, слушаю, — медленно проговорила Манефа, облокачиваясь на столъ и устремивъ какъ уголь горѣвшіе черные глаза на Василья Борисыча.

— Епископа Софронія въ міру Степаномъ Трифонычемъ звали, Жировымъ...

— Знаю, — перебила Манеоа. — Дворъ постоялый въ Москвѣ держалъ.

— И бѣглыми попами торговалъ, — добавилъ Василій Борисычъ. — Развозилъ по христіанству... Свелъ онъ, матушка, въ то самое время дружбу съ паломникомъ однимъ... Якимъ Стуколовъ прозывается.

Чуть замѣтно дернуло у Манефы бровь, но подавила она вздохъ и, спустивъ на глаза креповую наметку, судорожно сжала губы...

— Этотъ Стуколовъ по чужимъ землямъ долго странствовалъ, искавши епископа древляго благочестія. Оттого въ Бѣлой-Криницѣ ему ото всѣхъ большое довѣріе было... Вздумалъ тотъ Якимъ Стуколовъ заодно съ Жировымъ деньги добывать — богатства захотѣлось, въ милліонщики вылѣзть пожелалъ. Спервоначалу стали они гдѣ-то въ Калужской губерніи искать золото... Землю купили — заварилось у нихъ дѣло. Каково было то дѣло, говорятъ розно... Господь вѣдаетъ, что у нихъ межъ собой творилось — обманъ ли какой, на самомъ ли дѣлѣ золото сыскали — не могу сказать доподлинно; только Жировъ со Стуколовымъ межъ собой были друзья велики... А у Жирова золото золотомъ, попы попами, прежняго промыслу не покидалъ... Въ самое то время наши московскіе соборнѣ уложили особаго для Россійской державы епископа получить, потому что въ Австріи смуты да войны настали... Не ровенъ часъ — іерархія въ одинъ часъ могла бы порѣшиться; опять бы остались безъ архіерейства... Покамѣстъ на Рогожскомъ судили да рядили, кого послать за архіерействомъ, Степанъ Трифонычъ не будь плохъ, да съ чернымъ попикомъ *),

*) Черный попъ — іеромонахъ.

Егоромъ звали, и махни за границу... «Если, думаетъ, отъ развоза поповъ добрыя деньги въ мошну перепадали, отъ епископа невпримѣръ больше получить ихъ можно»... Ладно, хорошо: взялъ онъ у пріятеля своего у Стуколова письма и повезъ Егора въ Бѣлу-Криницу въ архіереи ставить. Тамъ гостямъ рады, туда ужъ успѣли дохнуть, что московскіе желаютъ своего епископа, и по письмамъ Стуколова скорехонько занялись того попа Егора въ архіереи поставить... Стали исповѣдывать, и нашлись за Егоромъ такіе грѣхи, что ему не то чтобъ епископомъ — въ попахъ-то быть не годится... Монастырскія власти Степану про то объявили — никакъ, дескать, невозможно... Степанъ Трифонычъ туда-сюда — не соглашаются. Тогда и говоритъ ему отецъ Павелъ, настоятель тамошній: — «Да за чѣмъ, говоритъ, дѣло стало? Ты, Степанъ Трифонычъ, человѣкъ вдовый, въ писаніи гораздъ, для че самому тебѣ архіереемъ не быть?.. Якимъ Прохорычъ Стуколовъ про тебя хорошо описалъ, а мы ему вѣримъ во всемъ...» Степанъ радъ-радехонекъ... Не думалъ, не гадалъ — хиротонія сама на него свалилась... На другой же день постригли его во иночество, Софроніемъ нарекли, въ дьяконы поставили, на завтра въ попы, послѣзавтра въ епископы. Такъ его въ трое сутокъ и обмотали... На четвертые домой архіерей отправился... Дорогой-то, правда ли, нѣтъ ли, Егора въ рѣкѣ утопилъ... Москва такъ и ахнула, узнавши, каковъ святитель въ ней проявился... А дѣлать нечего: омофоръ не шуба — съ плечъ не сбросишь... Толки пошли, пересуды, вражда въ обществѣ, свары да ссоры... Однакожъ все помаленьку утишилось... Хочешь не хочешь, къ новому владыкѣ ступай.

— Такъ вотъ онъ каковъ! — едва слышно промолвила Манеѳа.

— Таковъ, матушка, таковъ — поистинѣ говорю, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Про это самое доложить вамъ и велѣно...

— Хороша Москва!.. Можно чести приписать!.. — съ горечью сказала Манеѳа, поднимая наметку и сурово вскинувъ глазами на Василья Борисыча. — Пекутся о душахъ христіанскихъ! Соблюдаютъ правую вѣру!

— Грѣхъ такой вышелъ, матушка, искушеніе!.. Ничего тутъ не подѣлаешь, — разводя руками, чуть слышно проговорилъ Василій Борисычъ и потупилъ взоры передъ горѣвшими негодованьемъ очами величавой игуменьи.

— Истинно грѣхъ вышелъ, да еще грѣхъ-отъ какой! — Горше его нѣтъ!.. — сказала Манеѳа. — Спасибо вамъ, московскимъ, спасибо!.. Сами впали въ яму и другихъ съ собой ввалили... Спасибо!..

Не отвѣчалъ Василій Борисычъ. Не по себѣ ему было. Вынувъ изъ кармана шелковый платокъ, молча отиралъ онъ обильно выступившій на лбу потъ.

— Дальше что? — спросила Манефа послѣ молчанія, длившагося нѣсколько минутъ.

— Святокупецъ святокупцомъ и остался, — слегка запинаясь, отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Попа поставить — пятьсотъ цѣлковыхъ, одигонъ *) — та же цѣна и выше, съ поставленныхъ поповъ меньше ста рублей въ мѣсяцъ оброку не беретъ... Завелъ вѣнечныя пошлины, таковы-де при патріархѣ Іосифѣ бывали: пять цѣлковыхъ съ вѣнца, три за погребенье, по три съ крещенія, со всего.

— Прежде торговалъ попами, теперь благодатью Святаго Духа?.. Такъ, что ли? — язвительно усмѣхнувшись, спросила Манефа.

— Такъ... такъ точно, матушка, — приниженно молвилъ Василій Борисычъ и снова принялся утираться платкомъ.

— Что-жъ это онъ у Макарья лавки не возьметъ себѣ?.. Вывѣску бы повѣсилъ — большую, золотую, размалеванную... Написалъ бы на ней: «Торговля благодатью Святаго Духа московскаго купца епископа Софронія».

— Бывалъ и у Макарья, матушка, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Безъ вывѣски, должно-быть, торговалъ. Такой что-то не видѣлось, — съ желчной улыбкой отвѣтила Манефа. — Такцію бы ему напечатать — за одигонъ, молъ, пятьсотъ, за попа пятьсотъ... Грѣховодники!..

— Не наша вина, матушка... Не Москва Софрона выбирала, — оправдывался Василій Борисычъ. — Аки песъ на престолъ вскочилъ.

— Это ты изъ Гранографа **), — усмѣхнулась Манефа. — Про Гришку Растригу въ Гранографѣ такъ писано... А вѣдь подумать хорошенько, и вашъ Степка, хоть не Гришкиной стезей, а въ его же предѣлы идетъ: — къ Сатанѣ на колѣна — рядомъ съ Іудой предателемъ... Соблазны по христіанству разноситъ!.. Шатость по людямъ пускать!.. Есть ли такимъ грѣхамъ отпущенье?..

— Охъ, искушеніе!.. — глубоко и горько вздохнулъ Василій Борисычъ.

— Хоть не вѣдали мы про такія дѣла Софроновы, а вѣры ему все-таки не было, — послѣ нѣкотораго молчанья проговр-

*) Одигонъ — путевой престолъ, переносный антиминсъ, на которомъ во всякомъ мѣстѣ можно совершать литургію.

**) Хронографъ.

рила Манефа. — Нѣтъ, другъ любезный, Василій Борисычъ... Дорога Москва, а душъ спасенье дороже... Такъ и было писано Петру Спиридонычу, имѣли бы насъ отреченныхъ... Не желаемъ такого свинства — не хотимъ сквернить свои души... Матушка Маргарита въ Оленевѣ что тебѣ говорила?

— Да тѣ же рѣчи, что и ваши, — отвѣчалъ Василій Борисычъ.

— Видишь!.. И не будетъ у насъ согласья съ Москвой... Не будетъ!.. Общенія не разорвемъ, а согласья не будетъ!.. По-старому останемся, какъ при бѣгствующихъ іереяхъ бывало... Какъ отцы и дѣды жили, такъ и мы будемъ жить... Знать не хотимъ вашихъ московскихъ затѣевъ!..

При этихъ словахъ вошла въ келью келейная дѣвица и, низко поклонясь гостю, доложила игуменьѣ:

— Отъ Патапа Максимыча нарочнаго пригнали.

— Пантелей? — спросила Манефа.

— Нѣтъ, матушка, невѣдомо какой человѣкъ. — Молодой еще изъ себя, рослый такой.

— Знаю, — кивнула ей Манефа. — Кликни.

Келейная дѣвица вышла, и минуты черезъ двѣ явился Алексѣй. Сотворя уставной началъ передъ иконами и два метанія передъ игуменьей, поклонился онъ гостю и, подавая Манефѣ письмо, сказалъ:

— Патапъ Максимычъ приказали кланяться.

Не вставая съ мѣста и молча, Манефа низко склонила голову.

— Здоровы-ль всѣ? — спросила она. — Садись, гость будешь, — примолвила она.

— Всѣ, слава Богу, здоровы, — отвѣчалъ Алексѣй, садясь на лавку рядомъ съ Васильемъ Борисычемъ. — Про вашу болѣзнь оченно скорбѣли.

— Патапъ Максимычъ въ отлучкѣ былъ? — спросила Манефа.

— Уѣзжали, на шестой недѣлѣ воротились, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Какъ праздникъ справили? — невозмутимо, ровнымъ голосомъ продолжала разспросы Манефа.

— Все слава Богу, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Ну и слава Богу, — молвила Манефа и, показывая на разставленныя закуски, прибавила: — милости просимъ, покушай, чѣмъ Богъ послалъ...

Алексѣй выпилъ, закусилъ... Чаю подали ему.

— Тамъ кое-что привезено къ вашей святынѣ, матушка... Отъ Патапа Максимыча припасы... Кому прикажете сдать? — спросилъ Алексѣй.

— Завтра, — молвила Манеѳа и ударила въ малую кандію, стоявшую возлѣ нея на окошкѣ. Келейная дѣвица вышла изъ-за перегородки.

— Въ заднихъ кельяхъ прибрано? — спросила Манеѳа.

— Прибрано, матушка.

— А въ свѣтёлкѣ надъ стряпущей?

— И тамъ все какъ надо быть.

— Московскаго гостя дорогого въ заднюю, — сказала Манеѳа: — а его, — прибавила, показывая на Алексѣя: — въ свѣтёлку. Вели постели стлать... Пожитки ихніе туда перенесть. Сейчасъ же.

Низко поклонившись, вышла келейная дѣвица.

— Ты сюда нарочно, аль проѣздомъ? — спросила Манеѳа Алексѣя.

— Въ два мѣста Патапъ Максимычъ послали, — отвѣчалъ онъ: — велѣлъ вамъ да Марьѣ Гавриловнѣ письма доставить, а отсель проѣхать въ Урень.

— На Ветлугу? — быстро спросила Манеѳа, вскинувъ глазами на Алексѣя и нахмуря брови.

— На Ветлугу, матушка, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Марью Гавриловну видѣлъ? — немного помолчавъ, спросила она.

— Нѣтъ еще, матушка.

— Ступай къ ней покуда, — сказала Манеѳа. — Не больно еще поздно, она-жъ полуночница... Долго-ль у насъ прогостишь?

— Благословите, матушка, завтра-жъ пораньше отправиться, — молвилъ Алексѣй.

— Какъ знаешь... Работника послала я въ Осиповку, съ письмомъ отъ Марьи Гавриловны. При тебѣ пріѣхалъ?

— Нѣтъ, матушка.

— Разъѣхались. Ступай съ Богомъ. Завтра позову, — сказала Манеѳа, слегка наклоняя голову.

Положилъ Алексѣй исходный началъ передъ иконами, сотворилъ метанія и вышелъ.

— Помѣшали намъ, — молвила Манеѳа Василью Борисычу. — Суета!.. Что̀ дѣлать?.. Не пустыня Ѳиваидская — съ міромъ не развяжешься!.. Что-жъ еще Петръ Спиридонычъ наказывалъ.

— Да насчетъ того же Софронія, матушка, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Узнавши про нечестивыя дѣла его, кладбищенскіе попечители на первыхъ порахъ келейно его уговаривали, усовѣстить желали... И то было неоднократно... Деньги давали, жалованье положили, перестал бы только торговать благодатью да ставилъ бы въ попы людей достойныхъ, но

выбору общества. А онъ и деньги возьметъ и безпутныхъ поповъ наставитъ... А услѣдить невозможно — все въ разъѣздахъ... Время гонительное, всюду розыски — на одномъ мѣстѣ пребывать нельзя, а ему то и на руку... Этакъ, матушка, безъ малаго четыре года съ нимъ маялись... Отъ того отъ самаго и вамъ добраго священника до сей поры не высылали... Что̀ съ самочинникомъ подѣлаешь?..

— Въ прежни годы обо всѣхъ дѣлахъ и не столь важныхъ съ Рогожскаго къ намъ въ лѣса за извѣстіе посылали, совѣтовались съ нами, а нонѣ изъ памяти насъ убогихъ выкинули, — укоряла Манеѳа московскаго посла. — Въ четыре-то года можно бы, кажись, избрать время хоть одно письмецо написать...

— Все хотѣлось, матушка, келейно, по тайности уладить, чтобъ молва не пошла... Соблазна тоже боялись, — оправдывался Василій Борисычъ. — Хоть малую, а все еще возлагали надежду на Софронову совѣсть, авось, полагали, устыдится... Наконецъ, матушка, позвали его въ собраніе, всѣ вины вычитали: и про святокупство, и про клевету, и про несвойственныя сану оболганія, во всемъ обличили.

— Что-жъ онъ? — спросила Манеѳа.

— А плюнулъ, матушка, да все собраніе гнилыми словами выругалъ... — сказалъ Василій Борисычъ. — «Не вамъ, говоритъ, мужикамъ, епископа судить!.. Какъ смѣть, говоритъ, ногѣ выше головы стать?.. На меня, говоритъ, судъ только на небеси да въ метрополіи»... Погрозили ему жалобой митрополиту и заграничнымъ епископамъ, а онъ на то всему собранію анаѳему.

— Анаѳему! — съ ужасомъ воскликнула Манеѳа.

— Какъ есть анаѳему, матушка, — подтвердилъ Василій Борисычъ. — Да потомъ и говоритъ: «Теперь поѣзжайте съ жалобой къ митрополиту. Вамъ, отлученнымъ и анаѳемѣ преданнымъ, вѣры не будетъ». Да, взявши Кормчую, шестое правило второго собора и началъ вычитывать: «аще которые осуждены или отлучены, симъ да не будетъ позволено обвинять епископа». Наши такъ и обмерли: дѣлу-то не пособили, а клятву съ анаѳемой доспѣли!.. Вотъ те и съ праздникомъ!..

— Ахъ онъ разбойникъ! — вскочивъ съ мѣста, воскликнула Манеѳа. Лицо ея такъ и пылало...

— Истинно такъ, матушка, — подтвердилъ Василій Борисычъ. — Иначе его и понимать нельзя, какъ разбойникомъ... Тутъ, матушка, пошли доноситься объ немъ слухи одинъ другого хуже... И про попа Егора, что̀ въ воду посадилъ, и про

золото, что съ паломникомъ Стуколовымъ подъ Калугой искалъ... Золото, какъ слышно, отводомъ только было, а они, слышь, поганымъ ремесломъ занимались: фальшивы деньги ковали.

Наклонивъ голову, Манеѳа закрыла ее ладонями. Смолкъ Василій Борисычъ.

— Дальше что? — спросила игуменья, поднявъ голову послѣ минутнаго молчанья.

Не думалъ Василій Борисычъ, какими ножами рѣзалъ онъ сердце Манеѳы.

— Жалобу къ митрополиту послали, — продолжалъ онъ: — другого епископа просили, а Софрона извергнуть.

— Ну? — спросила Манеѳа.

— Согласился владыка-митрополитъ, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Другого епископа передъ Богоявленіемъ Господнимъ, нынѣшняго года, поставилъ, нарекъ его владимірскимъ, Софрона же ограничилъ однимъ Симбирскомъ... Вотъ и уставъ новоучрежденной владимірской архіепископіи, — прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана тетрадку и подавая ее Манеѳѣ.

— Потрудитесь почитать, глаза-то у меня послѣ болѣзни плохи, мало видятъ, — сказала Манеѳа.

Василій Борисычъ началъ чтеніе:

«Владимірскій архіепископъ подвѣдомственно себѣ имѣть долженъ всѣ единовѣрныя епархіи нынѣ существующія и впредь учредиться могущія во всей Россійской державѣ, даже до Персіи и Сибири простирающіяся и на сѣверъ до Ледовитаго моря достигающія. И имѣеть право во оныя епархіи поставлять епископовъ по своему усмотрѣнію съ содѣйствіемъ своего намѣстника».

— Какого-жъ это намѣстника? — спросила Манеѳа.

— А другого-то епископа, матушка, что въ Бѣлой-то Криницѣ, — отвѣчалъ Василій Борисычъ.

— Софрона! — воскликнула Манеѳа.

— Нѣтъ, матушка... Какъ возможно... Избави Богъ, — сказалъ Василій Борисычъ. — Софронъ только при своемъ мѣстѣ, въ Симбирскѣ будетъ дѣйствовать — тамъ у него пріятели живутъ: Вандышевы, Мингалевы, Константиновы — пускай его съ ними, какъ знаетъ, такъ и валандается. А въ намѣстникахъ иной — человѣкъ достойный — епископъ Онуфрій браиловскій, а на мѣсто Софрона въ россійскіе предѣлы тоже достойный епископъ поставленъ — Антоній.

— Дальше читай, — молвила Манеѳа.

«А по поставленіи давать только свѣдѣніе Бѣлокриницкой метрополіи», — продолжалъ Василій Борисычъ.

— Это хорошо, — замѣтила Манеѳа. — Что въ самомъ дѣлѣ съ заграничными невѣсть какими водиться!.. Свои лучше.

«Всѣ епископы, подвѣдомственные владимірской архіепископіи, отнынѣ и впредь, по поставленіи своемъ, должны по чину, въ Чиновникѣ *) изображенному, исповѣданіе вѣры и присяжные листы за своимъ подписомъ давать прямо архіепископу владимірскому. Въ дѣйствіи же епископы и прочіе священники въ Россіи сущіе, смотрительнаго ради случая и доколѣ обстоитъ гоненіе, могутъ имѣть пребываніе во всякомъ градѣ и мѣстѣ, гдѣ кому будетъ возможность скрыться отъ мучительскихъ рукъ, и имѣетъ право безвозбранно въ нуждахъ христіаномъ помогать и ихъ требы священническія исполнять. Святительскія же дѣла, сирѣчь поставлять поповъ и дьяконовъ и прочихъ клириковъ, и запрещать или извергать, безъ благословенія архіепископа, да не дерзаютъ. Въ своей же епархіи каждый епископъ полное право имѣетъ распоряжаться и поставлять поповъ и дьяконовъ и прочихъ клириковъ, по его благоусмотрѣнію, яко господинъ въ своемъ домѣ» **).

Долго еще читалъ Василій Борисычъ уставъ владимірской архіепископіи и, кончивъ, спросилъ онъ Манеѳу:

— Какихъ же мыслей будете вы насчетъ этого, матушка? Узнать ваше мнѣніе велѣно мнѣ.

Задумалась Манеѳа. Соображала она.

— А что мать Маргарита? — спросила она.

— Матушка Маргарита склонна, — отвѣчалъ Василій Борисычъ. — Писать къ вамъ собирается... Ваше-то какое рѣшеніе будетъ?

— Что-жъ... По моему разсужденію, дѣло не худое... Порочить нельзя, — сказала Манеѳа. — Дай только Богъ, чтобъ христіанству было на пользу.

— О согласіи вашемъ прикажете въ Москву доложить? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Обожди, другъ, маленько. Скораго дѣла не хвалятъ, — отвѣтила Манеѳа. — Ты вотъ погости у насъ, — добрымъ гостямъ мы рады всегда, — а тѣмъ временемъ пособоруемъ, тебя позовемъ на собраніе — дѣло-то и будетъ въ порядкѣ... Немалое дѣло, подумать да обсудить его надо... Тебѣ вѣдь не къ спѣху?... Можешь недѣльку, другую погостить?

Вспомнилъ Василій Борисычъ про полногрудыхъ, быстро-

---

*) Такъ называется книга, въ которой изложены правила архіерейскихъ священнодѣйствій.

**) Дословно изъ устава владимірской (старообрядской) архіепископіи, составленнаго 4 февраля 1853 года въ Бѣлой-Криницѣ.

глазыхъ бѣлицъ и возрадовался духомъ отъ приглашенія Манееы.

— Сколько будетъ угодно вамъ, матушка, столько подъ вашимъ кровомъ и проживу, — сказалъ онъ. — Дѣло въ самомъ дѣлѣ таково, что надо объ немъ подумать да и подумать. А чтобъ мнѣ у васъ не напрасно жить, благословите въ часовнѣ подьячить.

— Развѣ гораздъ? — спросила Манееа.

— На томъ стоимъ, матушка... Сызмальства обученъ, — сказалъ Василій Борисычъ. — На Рогожскомъ службы справлялъ... Опять же меня и въ митрополію-то съ уставщикомъ Жигаревымъ посылали, потому что службу знаю до тонкости и могъ примѣтить, каково правильно тамъ ее справляютъ... Опять же не въ похвальбу насчетъ пѣнія скажу: въ Оленевѣ у матушки Маргариты да у матушки Фелицаты пѣнію дѣвицъ обучилъ — разводъ демественный имъ показалъ.

— И нашимъ покажи, Василій Борисычъ, — молвила Манееа. — Мы вѣдь поемъ попросту, какъ отъ старыхъ матерей навыкли, по слуху больше... Не больно много у насъ, прости Христа ради, и такихъ, чтобъ путемъ и крюки-то разбирали. Ину пору заведутъ догматикъ — «Всемірную славу», аль другой какой — одинъ соблазнъ: кто въ лѣсъ, кто по дрова... Не то, что у васъ на Рогожскомъ, тамъ пѣніе ангелоподобное... Поучи, родной, поучи, Василій Борисычъ, нашихъ-то дѣвицъ, — много тебѣ благодарна останусь.

— Съ великимъ моимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. Черненькіе глазки его такъ и заискрились при мысли, что средь пригоженькихъ да молоденькихъ онъ не одну недѣлю какъ сыръ въ маслѣ будетъ кататься. «Подольше бы только старицы-то соборовали», — думалъ онъ самъ про себя.

— Ну, гость дорогой, не пора-ль и на покой? — поднимаясь съ мѣста, молвила Манееа. — Выкушай посошокъ... Милости прошу... А тамъ въ задней кельѣ ужинать тебѣ подадутъ.

Василій Борисычъ выкушалъ посошокъ и, помолясь иконамъ, простился съ игуменьей.

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — сказала Манееа, провожая его. — Дай Богъ счастливо ночь ночевать. Утрѣ, какъ встанешь, пожалуй ко мнѣ въ келью, чайку вмѣстѣ изопьемъ да еще потолкуемъ про это дѣло... Дѣло немалое!.. Немалое дѣло!..

— Какого еще дѣла больше того, матушка? — отозвался Василій Борисычъ, выходя изъ кельи.

Въ сѣняхъ со свѣчой встрѣтила его келейница.

— Пожалуйте, гость дорогой... Вотъ сюда пожалуйте, — говорила она, проводя Василья Борисыча по внутреннимъ закоулкамъ игуменьиной «стаи», мимо разныхъ чулановъ и боковушъ, среди которыхъ непривычному человѣку легко было заблудиться.

По уходѣ Василья Борисыча Манефа перестала сдерживаться. Дала просторъ и волю чувствамъ, вызваннымъ рѣчами московскаго посла... Облокотясь на столъ обѣими руками и закрывъ разгорѣвшееся лицо, тяжело и прерывисто вздыхала она. Не столько безобразія святопродавца Софрона и соблазны, поднявшіеся въ старообрядской средѣ, мутили душу ея, сколько *онъ*, этотъ когда-то милый сердцу ея человѣкъ, потомъ совершенно забытый, а теперь ставшій врагомъ, злодѣемъ, влекущимъ людей на погибель... И прежде нерѣдко задумывалась она надъ словами Таифы, поразившими ее чуть не на̀ смерть, но до сей поры не твердо имъ вѣрила, все хотѣлось ей думать, что сказанное казначеей — однѣ пустыя сплетни... Теперь конецъ сомнѣньямъ... *Онъ*, въ самомъ дѣлѣ, лживый, коварный человѣкъ, *онъ* нечестіе свое лживо и лицемѣрно покрываетъ обманной личиной святости и духовности... «Ахъ, Фленушка, Фленушка! — шевелилось въ умѣ Манефы. — Горькая ты моя сиротинушка!.. Благо, что не знаешь, отъ кого ты на свѣтъ родилась!..»

Глава десятая.

Отъ Манефы Алексѣй пошелъ-было къ Марьѣ Гавриловнѣ, но вышедшая изъ домика ея бойкая, быстроглазая, пригоженькая дѣвушка, одѣтая не по-скитски, вся въ цвѣтномъ, остановила его.

— Вамъ кого надобно? — спросила она Алексѣя.

— Марью Гавриловну, — отвѣчалъ онъ. — Письмо къ ней привезъ.

— Отъ кого письмо? — спросила дѣвушка.

— Изъ Осиповки, отъ Патапа Максимыча. Еще посылочка маленькая, — сказалъ Алексѣй.

— Обождите маленько, — молвила дѣвушка. — Сегодня Марьѣ Гавриловнѣ что-то не поздоровилось, сбиралась пораньше лечь... Ужъ не раздѣлась ли... Да я тотчасъ скажу ей. Обождите у воротецъ манехонько...

Минуты черезъ три дѣвушка воротилась и сказала, чтобъ Алексѣй письмо и посылку отдалъ ей, а самъ бы приходилъ къ Марьѣ Гавриловнѣ завтра поутру.

Побродилъ Алексѣй вкругъ домика, походилъ и вокругъ часовни. Но ужъ стемнѣло, и путемъ ничего нельзя было разглядѣть. Пошелъ на огонь къ игуменской «стаѣ», добраться бы до ночлега да поскорѣй на боковую... Только переступилъ порогъ, кто-то схватилъ его за руку.

— Тебя зачѣмъ принесло, пучеглазый? — дернувъ его за рукавъ, вполголоса спросила Фленушка.

— Ахъ, Флена Васильевна! — воскликнулъ Алексѣй. Незамѣтно было въ его голосѣ, чтобъ обрадовался онъ нечаянной встрѣчѣ со старой знакомой. — Все ли въ добромъ здоровьѣ?.. — прибавилъ онъ, заминаясь.

— Зачѣмъ сюда попалъ? — спрашивала Фленушка, сильнѣе дергая его за рукавъ.

— Мимоѣздомъ... — отвѣчалъ онъ. — Съ письмомъ отъ Патапа Максимыча.

— Куда ѣдешь?

— Далеко, — отшучивался Алексѣй.

— Куда, говорятъ?.. Сказывай, совѣсть твоя проклятая!.. — продолжала Фленушка.

— Отсель не видать, — молвилъ Алексѣй, отстраняясь отъ Фленушки.

— Сказывай, безстыжій, куда? — приставала къ нему Фленушка.

— Много будешь знать — мало станешь спать, — съ усмѣшкой отвѣтилъ Алексѣй. — Про что̀ не сказываютъ, того не допытывайся.

— Цыганъ безсовѣстный... Отъ тебя-ль такія рѣчи? — сказала Фленушка. — Что̀ Настя?

— Настасья Патаповна ничего. Кажись, здорова, — равнодушно отвѣтилъ Алексѣй.

— Да ты, другъ ситный, что̀ за разводы вздумалъ передо мной разводить?.. А?.. — изо всей силы трепля за кафтанъ Алексѣя, вскликнула Фленушка. — Сказывай сейчасъ, безстыжіе твои глаза, что̀ у васъ тамъ случилось?

— Ничего не случилось, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Меня не проведешь... Вижу я... Дѣло неладно. Сказывай скорѣй — долго-ль мнѣ съ тобой раздабаривать?..

— Да ничего не случилось, — сказалъ Алексѣй. — Образъ, что ли, тебѣ со стѣны тащить?..

— Ходишь къ ней?

Алексѣй молчалъ.

— Да говори же, непутный... — приставала Фленушка. — Пучеглазый ты этакій, безсовѣстный!.. Говори скорѣй, все-ль у васъ попрежнему?

Сѣни освѣтились — изъ задней со свѣчой въ рукахъ вышла келейная дѣвица. Фленушка быстро отскочила отъ Алексѣя.

— Спрашиваетъ, гдѣ ночевать ему приготовлено, — сказала она. — Это отъ Патапа Максимыча.

— Знаю, — отвѣчала келейница. — Пойдемъ, молодецъ... Сюда вотъ... А тебѣ, Флена Васильевна, не пора-ль на покой?

— Знаю съ твое! — быстро отвернувшись, молвила Фленушка и скорыми, частыми шагами пошла въ свои горницы. Остановясь на полдорогѣ, обернулась она и громко сказала:

— Я съ тобой письмо къ Настенькѣ пошлю... Надо кой-что узнать отъ нея... Передъ отъѣздомъ скажись...

Въ отведенной свѣтелкѣ Алексѣй плотно поужиналъ подъ говоръ келейной дѣвицы. Рада была она радехонька, что пришлось ей покалякать съ новымъ человѣкомъ.

Долго разсказывала она Алексѣю, какъ матушка Манефа, воротясь изъ Осиповки съ именинъ Аксиньи Захаровны, ни съ того ни съ сего слегла и такъ тяжко заболѣла, что съ минуты на минуту ожидали ея кончины, ужъ теплая вода готова была обмывать тѣло покойницы. Горько жаловалась на Марью Гавриловну... И лѣкаря-то выписала поганить нечестивымъ лѣкарствомъ святую душеньку, и власть-то забрала въ обители непомѣрную, такую власть, что даже ключницу, мать Софію, изъ игуменскихъ келій выгнала, не уважа того, что пятнадцать годовъ она въ ключахъ при матушкѣ ходила, а сама Марья Гавриловна безъ году недѣлю въ обители живетъ, да и то особымъ хозяйствомъ... А послѣ того, какъ выздоровѣла матушка, должно-быть, Марьей же Гавриловной наговорено что-нибудь на мать Софію. Не пожелала матушка, чтобъ она при ней въ ключахъ ходила, и пока не придумала, кому быть въ ключахъ, ее при кельѣ держитъ.

И это промолвила старая, рябая келейная дѣвица съ чувствомъ гордости.

Алексѣй слушалъ ее краемъ уха... Думы его были далече.

Не спалось ему на новомъ мѣстѣ. Еще не разгорѣлась заря, какъ онъ ужъ поднялся съ жаркой перины и, растворивъ оконце душной свѣтелки, жадно впивалъ свѣжій утренній воздухъ.

Обитель спала. Только чириканье воробьевъ, прыгавшихъ по скату крутой часовенной крыши, да щебетанье лѣсныхъ птичекъ, гнѣздившихся въ кустахъ и деревьяхъ кладбища, нарушали тишину ранняго утра. Голубымъ паромъ поднимался туманъ съ зеленѣющихъ полей и бурыхъ, желѣзистой ржавчиной крытыхъ, мочажинъ... Съ каждой минутой ярче и шире

алѣла заря... Золотистыми перьями раскидывались по ней лучи скрытаго еще за небосклономъ свѣтила.

Глядитъ Алексѣй на стоявшій отдѣльно отъ обительскихъ строеній домикъ... Вовсе непохожъ онъ на другіе... Крытъ желѣзомъ, обшитъ тесомъ, выкрашенъ. бемскія стекла, мѣдные оконные приборы такъ и горятъ на зарѣ... «Такъ вотъ въ какихъ хоромахъ поживаетъ Марья Гавриловна», — думаетъ Алексѣй, не сводя глазъ съ красиваго, свѣженькаго домика...

Поднялась занавѣсь въ домикѣ, распахнулось окно... Стройная, высокая молодая женщина, вся въ бѣлоснѣжномъ платьѣ, стала у окна, устремивъ взоры на разгоравшуюся зарю... Вздохнувъ нѣсколько разъ свѣжимъ весеннимъ воздухомъ, зорко оглянулась она и запѣла вполголоса:

Кручина ты моя, кручинушка великая,
Никому ты, кручина моя, неизвѣстна,
Знаетъ про тебя одно мое сердце,
Крыта ты, кручинушка, бѣлой моей грудью,
Запечатана крѣпко моей думой.

Дивуется Алексѣй... Что̀ за красота!.. Что̀ за голосъ звонкій, душевный!.. И какая же можетъ быть у нея кручина?.. Какое у нея можетъ быть горе?

Еще тише запѣла Марья Гавриловна:

Не слыхать тебѣ, другъ милый, моихъ пѣсенъ,
Не узнать тебѣ про мою кручину,
Ахъ! Заной же, заной, сердце ретивое.

— Ахъ! — тихо вскрикнула она. Пѣсня оборвалась.

Быстро захлопнулось окно... Внутри опустилась шелковая занавѣска.

Зѣвая и лѣниво всей пятерней почесывая въ затылкѣ, изъ кельи уставщицы Аркадіи выползла толстая, рябая, съ подслѣповатыми гноившимися глазами, канонница. Неспѣшнымъ шагомъ дошла она до часовенной паперти и передъ иконой, поставленной надъ входною дверью, положила семипоклонный нача̀лъ... Потомъ медленно потянулась къ полкѣ, взяла съ нея деревянный молотъ и ударила въ било... Заутреня!

Изъ-за вершинъ дальняго темно-сизаго лѣса сверкнулъ золотистый серпъ. Онъ растетъ, растетъ, и вотъ на безоблачный ясный небосклонъ выкатилось свѣтоносное солнце. Заблестѣли подъ его лучами длинные ряды обительскихъ келій и убогія сиротскія избенки, переливнымъ огнемъ загорѣлись стекла домика Марьи Гавриловны. Ниже и ниже стелется туманъ... Заря потухла, и только вверху небосклона розовымъ свѣтомъ сіяютъ тонкія полосы полупрозрачныхъ перистыхъ облаковъ... Звончѣй, веселѣй щебечутъ птицы въ кустахъ и на деревьяхъ

скитскаго кладбища... Игривыми, радостными криками по дальнимъ перелѣскамъ громко и вольно заливается разноголосная пернатая тварь...

Клеплетъ рябая въ «малое древо», клеплетъ въ «великое», мѣрно ударяетъ въ желѣзное клепало *). Издали со всѣхъ сторонъ послышались такіе-жъ глухіе, но рѣзкіе звуки... По всѣмъ обителямъ сзываютъ на молитву... Смолкли, промчавшись по воздуху, призывные звуки, опять затихло все подъ утренними лучами солнца... Ярко стелются эти лучи по зеленой луговинѣ по бурымъ тропинкамъ, протореннымъ отъ каждой стаи келій къ часовнѣ... Вѣетъ весной, жизнью, волей...

Ровно черныя галицы спѣшатъ по тропинкамъ инокини, собираясь въ часовню... Медленна, величава ихъ поступь... Живо, рѣзво обгоняютъ ихъ по свѣжей зеленой муравѣ бѣлицы... Открылись окна въ часовнѣ... Послышалось заунывное пѣніе.

Обутрѣло... Пошелъ Алексѣй къ Марьѣ Гавриловнѣ... Не краснà на молодцѣ одёжа, самъ собою молодецъ красенъ.

Идетъ дворомъ обительскимъ, черницы на мòлодца поглядываютъ, молоды бѣлицы съ удàлаго не сводятъ глазъ. На пригожество Алексѣево дивуются, сами межъ собой таковы рѣчи поговариваютъ: «откуда, изъ какихъ мѣстовъ такой молодчикъ повыявился, чей таковъ, зачѣмъ къ намъ пожаловалъ?..»

А онъ степеннымъ шагомъ идетъ себѣ по двору обительскому... Нà стороны Алексѣй не озирается, лишь изрѣдка по окнамъ палючими глазами вскидываетъ... И отъ взглядовъ его не одно сердце дѣвичье въ то ясное утро черной тоской и алчными думами мутилось...

---

*) Колокола въ скитахъ запрещены. Вмѣсто колокольнаго звона тамъ сзывали къ богослуженію «билами» и «клепалами», употреблявшимися въ старину повсемѣстно. По большей части у каждой часовни бывало по одному билу, больше трехъ никогда. «Малое древо» дѣлается изъ сухого ясеневаго дерева, аршина въ полтора длины, вершка въ два ширины и въ два пальца толщины; по краямъ его по два или по три отверстія. Малое древо виситъ на веревкахъ, иногда скрученныхъ изъ толстыхъ струнъ. «Великое древо» отличается отъ малаго только размѣромъ, оно въ два съ половиною аршина или въ сажень длины, въ полъ-аршина ширины и вершка въ полтора толщины. Въ малое било колотятъ однимъ деревяннымъ (иногда желѣзнымъ) молотомъ, въ большое двумя. «Желѣзное клепало» — чугунная доска, такая же, что̀ употребляется ночными караульщиками. По немъ бьютъ желѣзнымъ молоткомъ или большимъ гвоздемъ (троетеснымъ). Сначала въ било ударяютъ медленно, потомъ скорѣй и громче, съ повышеніемъ и пониженіемъ звуковъ и разными переливами, что̀ зависитъ отъ болѣе или менѣе сильнаго удара молотомъ. «Деревянный звонъ», какъ называли его въ скитахъ, гармониченъ, особенно издали и если производитъ его опытная рука... Въ скитахъ дорожили искусными «звонарихами», умѣвшими владѣть такими незатѣйливыми инструментами.

Въ скитскихъ обителяхъ не знаютъ ни запоровъ ни затворовъ, только на ночь тамъ замыкаются. Поднялся Алексѣй на разубранное точеными балясинами и раскрашенное въ разные цвѣта крылечко уютнаго домика Марьи Гавриловны, миновалъ небольшія сѣнцы и переднюю, и вошелъ въ первую горницу... Райской свѣтлицей она показалась ему. Хорошо въ хоромахъ у Патапа Максимыча прибрано, богато они у него разукрашены, но далеко имъ до пріютнаго жилья молодой вдовы... И свѣтло и красно въ томъ жильѣ, чисто и ладно все обряжено, цвѣтамъ да заморскимъ деревьямъ счету нѣтъ, на полу разостланы ковры пушистые, по окнамъ въ клѣткахъ прыгаютъ веселыя пташки-канареечки, заливаются громкими пѣснями...

Вспомнилъ Алексѣй, какъ на утренней зарѣ видѣлъ онъ молодую вдову, вспомнилъ про пѣсню ея кручинную, про звонкій, душевный голосъ и про внезапный переполохъ ея... И чего такъ спугалась она?.. Его ли примѣтила?.. Иль, завидя звонариху, спѣшно укрылась отъ нея съ глазъ долой? — Не разгадать Алексѣю.

Распахнулись двери створчатыя — передъ Алексѣемъ во всей красѣ стала Марья Гавриловна.

Въ синемъ шелковомъ платьѣ, съ лазоревымъ левантиновымъ платочкомъ на головѣ, стоитъ она стройная, высокая, будто молодая сосенка. Глаза опущены, а бѣлое лицо тонкимъ багрецомъ подернулось... Чѣмъ-то нежданнымъ-негаданнымъ она взволнована: грудь высоко подымается, полуоткрытыя алыя губки слегка вздрагиваютъ.

Стоитъ Алексѣй, какъ вкопанный, не сводитъ со вдовьей красы своихъ ясныхъ очей. Чѣмъ дольше глядитъ, тѣмъ краше Марья Гавриловна ему кажется.

А у той ровно гири на вѣки повѣшены — глазъ не можетъ поднять, стоитъ опустя взоры летучіе и, ровно дѣвушка-слёточка, ничего на вѣку своемъ не видавшая, перебираетъ рукой оборочку шелковаго передника.

Подалъ Алексѣй ей письмо.

— Отъ Патапа Максимыча? — чуть слышно спросила Марья Гавриловна.

— Отъ Патапа Максимыча, — отвѣтилъ Алексѣй.

Вскинула глазами вдовушка... Будто маленькіе хрусталики, на рѣсницахъ ея блеснули чуть замѣтныя слезки. Зардѣлось лицо пуще прежняго.

— Отвѣтъ пришлю съ дѣвушкой, — тихо она промолвила. — Иль сами послѣ обѣда зайдите.

Забылъ Алексѣй, что надо ему наскорѣ ѣхать къ отцу Михаилу... Разокъ бы еще полюбоваться на такую красоту неопи-

санную... Медленнымъ, низкимъ поклономъ поклонился онъ Марьѣ Гавриловнѣ и не то съ грустью, не то съ робостью промолвилъ ей:

— Счастливо оставаться!

— До свиданья, — тихо отвѣтила Марья Гавриловна и, слегка наклонивъ голову, оставила Алексѣя.

Высокò несъ онъ голову, ровнымъ, неспѣшнымъ шагомъ ступалъ, йдя къ Марьѣ Гавриловнѣ. Потупя взоры, нетвердой поступью, ровно самъ не въ себѣ, возвращался въ кельи игуменьи. Много женскихъ взоровъ изъ келейныхъ оконъ на пригожаго молодца было кинуто, весело щебетали промежъ себя, глядя на него, дѣвицы. Ничего не видалъ, ничего не слыхалъ Алексѣй. Одно «до свиданья» раздавалось въ ушахъ его.

— Пилъ ли чай-отъ, непутный? — спросила Фленушка, схвативъ Алексѣя за рукавъ, когда въ задумчивомъ молчаньи входилъ онъ въ сѣни игуменьиной стаи.

— Ахъ, Флена Васильевна! — вздрогнувъ, сказалъ Алексѣй.

— Чтò, безстыжіе твои глаза? — быстро спросила она. — Нечего рожу-то воротить, гляди прямо, коли совѣсти не потерялъ... Чего вздрогнулъ?.. Сказывай!

— Испугала ты меня, Флена Васильевна! — отозвался Алексѣй. — Подкралась невзначай — дернула вдругъ. Развѣ можно такъ человѣка пужать?..

— Инь какой ты нѣженка! — отвѣтила Фленушка. — Самого съ коломенску версту вытянуло, а онъ ровно малый ребенокъ пужается. Иди ко мнѣ — самоваръ на столѣ.

— Благодарю покорно, Флена Васильевна, — сказалъ Алексѣй, слегка сторонясь отъ Фленушки. — Что-то корёжитъ *) меня — увольте.

— Ахъ, ты, пучеглазый этакій — видно, въ тебѣ совѣсти нѣтъ ни на грошъ! — подхватила Фленушка, крѣпче держа за рукавъ Алексѣя. — Дѣвица чай его пить зоветъ, а онъ носъ нà сторону... Мужланъ ты сиволапый!.. Другой бы за честь поставилъ, а ты глядь-ка, поди!

— Ей-Богу... право, черезъ великую силу брожу, Флена Васильевна, — отговаривался Алексѣй. — Въ другой разъ со всякимъ моимъ удовольствіемъ... А теперь увольте Господа ради. Голова болитъ, ногъ подъ собой не чую, никакъ веснянка **) накатываетъ. Совсѣмъ расхилѣлъ — мнѣ бы отдохнуть теперь.

---

*) Гнететъ лихорадочнымъ ознобомъ.

**) Веснянка — весенняя лихорадка. Осенью зовутъ эту болѣзнь «подосенницей».

— На то ночь была, — подхватила Фленушка.

— Да я, право, Флена Васильевна... — началъ-было Алексѣй.

— Нечего тутъ!—стояла на своемъ Фленушка. — Ишь сахаръ медовичъ какой выискался!.. Нѣтъ, другъ сердечный, ѳтлынью *) здѣсь не возьмешь. Здѣсь наша большина—твори волю дѣвичью, не моги супротивничать. Волей нейдешь — силкомъ сволочёмъ... Марьюшка!

Изъ боковуши выглянула Марія головщица.

— Гляди, каки вѣжливы гости наѣхали. Дѣвица зоветъ чай его пить, пріятную бесѣду съ нимъ хочетъ вести, а онъ ровно быкъ передъ убоемъ — упирается. Хватай подъ руки безстыжаго — тащи въ горницу.

Волей-неволей пришлось Алексѣю зайти къ Фленушкѣ.

— Садись—гость будешь,—съ веселымъ хохотомъ сказала Фленушка, усаживая Алексѣя къ столу съ кипящимъ самоваромъ. — Сядись рядышкомъ, Марьюшка! Ты, Алексѣюшка, при ней не таись, — прибавила она, шутливо поглаживая по головѣ Алексѣя. — Это наша пѣвунья Марьюшка, Настина подружка, — она знаетъ, какъ молодцы по дѣвичьимъ свѣтлицамъ пяльцы ходятъ чинить, какъ они красныхъ дѣвицъ въ подклѣты залучаютъ къ себѣ.

Ни слова въ отвѣтъ Алексѣй. Только брови маленько у него посдвинулись

— Разсказывай про лапушку-сударушку, — молвила Фленушка, подавая Алексѣю чашку чая. — Что она? Какъ все идетъ у васъ? Попрежнему-ль по-хорошему, али какъ поновому?

— Невдомекъ мнѣ ваши рѣчи, Флена Васильевна, — сквозь зубы процѣдилъ Алексѣй.

— А ты лисьимъ-то хвостомъ не верти,— молвила Фленушка, ударивъ Алексѣя по лбу чайной ложечкой. — Сказано, при Марьюшкѣ таиться нечего. Разсказывай же: каково видались, каково разставались. Люблю вѣдь я, парень, про эти дѣла слушать — пряникомъ не корми.

— Чего разсказывать-то?—глядя въ сторону, молвилъ Алексѣй. — Не знаю, чего вамъ требуется?.. Настасья Потаповна при своемъ мѣстѣ, я при своемъ...

— Наверхъ ходишь? — рѣзко спросила Фленушка.

— Какъ наверхъ не ходить? — не глядя на нее, отвѣчалъ Алексѣй:—хозяйски дѣла тоже на рукахъ.

— Ну? — съ нетерпѣньемъ топнувъ ногой, молвила Фленушка.

---

*) Отлынь — отъ глагола отлынивать — уклоняться съ ложью, изъ лѣни...

— Значитъ, каждый день къ хозяину хожу, а не случится его дома, къ хозяйкѣ, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Да ты, парень, нюхомъ-то не увертывайся, у насъ, у дѣвицъ — увертка не вывертка,—сказала Фленушка.—Прямо говори: попрежнему-ль съ Настенькой любишься?

— Отдохнуть бы мнѣ маленько, — молвилъ Алексѣй, покрывая допитую чашку. — Больно что-то недужится — въ глазахъ мутитъ, головушку совсѣмъ разломило.

— Эхъ, ты!—воскликнула Фленушка.—Ударить бы путемъ дурака, да жаль кулака.

Опустя голову на полъ, глядѣлъ Алексѣй.

— Марьюшка, сливки-то совсѣмъ скислись; сбѣгай, голубушка, доспѣй кипяченыхъ,—молвила Фленушка головщицѣ и подмигнула.

Марьюшка степенно поднялась и неспѣшно вышла изъ горницы.

— Часто-ль сходитесь? Сказывай, долговязый! — торопливо спросила Фленушка Алексѣя, когда осталась съ нимъ глазъ на̀ глазъ.

Алексѣй какъ воды въ ротъ набралъ. Смотритъ въ окно, самъ ни словечка.

— Да что-жъ это такое? — воскликнула Фленушка, сверкнувъ на него очами. — Нешто разсохлось?

— Эхъ, Флена Васильевна! — съ тяжкимъ вздохомъ промолвилъ Алексѣй и, облокотясь на подоконникъ, наклонилъ на̀ руку голову.

— Что̀ такое?.. Говори, что̀ случилось, — приставала къ нему встревоженная Фленушка.

Не отвѣчалъ Алексѣй.

— Да говори же, песъ ты этакій!..—крикнула Фленушка.—Побранились, что ли?.. Аль остуда какая?..

— Не въ мѣру горда стала Настасья Потаповна... — едва слышно проговорилъ Алексѣй.

— А что-жъ ей? — воскликнула Фленушка. — Ноги твои мыть да воду съ нихъ пить?.. Ишь зазнайка какой!.. Обули босаго въ сапоги—износить не успѣлъ, а ужь спеси на немъ что̀ сала на свиньѣ наросло!.. Вспомни — стоишь ли весь ты мизиннаго ея перстика?.. Да нечего рыло-то воротить — правду говорю.

Попрежнему склонивъ голову, безсознательно глядѣлъ Алексѣй въ окошко... Изъ него виднѣлся домикъ Марьи Гавриловны.

— Не бросить ли выдумалъ?.. Не вздумалъ ли избезчестить дѣвичью красоту?—крикнула Фленушка, наступая на Алексѣя.

— Что-жъ, Флена Васильевна?.. — съ глубокимъ вздохомъ промолвилъ онъ. — Человѣкъ я сѣрый, неученый, какъ есть неотесаная деревенщина... Ровня-ль я Настасьѣ Патаповнѣ... Ихней любви, можетъ-быть, самые что̀ ни на есть первостатейные купцы, аль генералы какіе достойны... А я что̀?..

— Такъ ты срамить ее? — вскочивъ съ мѣста, вскликнула Фленушка. — Думаешь, на простую дѣвку напалъ?.. Побаловалъ да и бросилъ?!.. Нѣтъ, гусь лапчатый, — шалишь!.. Жива быть не хочу, коль не увижу тебя подъ красной шапкой. Надъ Настей насмѣешься, надъ своей головой наплачешься.

Дверь растворилась — и тихо вошла мать Манеѳа. Помолилась на иконы, промолвила:

— Чай да сахаръ!

Фленушка сотворила уставныя метанія, поцѣловала у игуменьи руку. Потомъ Алексѣй дважды наклонился до земли передъ матушкой Манеѳой.

— А я прибрела на твой уголокъ поглядѣть, — сказала Манеѳа, садясь на широкое, обтянутое сафьяномъ кресло. — А у тебя гости?.. Ну что̀, другъ, видѣлся ли съ Марьей Гавриловной?

— Видѣлся, матушка, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Что-жъ она сказала тебѣ? — спросила Манеѳа.

— Подалъ письмо отъ Патапа Максимыча, послѣ обѣда велѣла за отвѣтомъ придти, — отвѣчалъ Алексѣй, стоя передъ игуменьей.

— Что-жъ это она вздумала? — молвила Манеѳа. — Ты вѣдь отселѣ на Ветлугу?

— На Ветлугу, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Поѣдешь назадъ — тогда бы я могла написать, — сказала Манеѳа. — Говорилъ ей ты, что на Ветлугу посланъ?

— Не сказывалъ, матушка, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Тебѣ бы сказать, — молвила Манеѳа. — Зачѣмъ ей писать безвременно?.. Вечоръ сказала ли я тебѣ, что работника нарядила къ Патапу Максимычу?

— Сказывали, матушка, — молвилъ Алексѣй.

— Не сегодня, такъ завтра съ отвѣтомъ воротится, — сказала Манеѳа. — И такъ я думаю, что сама Аксинья Захаровна съ дочерьми пріѣдетъ ко мнѣ.

Алексѣй немножко смутился.

— Аксинья Захаровна съ недѣлю мѣста пробудетъ здѣсь, она бы и отвезла письмо, — продолжала Манеѳа. — А тебѣ, коли на̀ спѣхъ посланъ, чего попустому здѣсь проживать? Гостя не гоню, а молодому человѣку старушечій совѣтъ даю: коли посланъ по хозяйскому дѣлу, на пути не засиживайся,

бываетъ, что дѣло часомъ опозданное годомъ не наверстаешь... Поѣзжай-ка съ Богомъ, а Марьѣ Гавриловнѣ я скажу, что протурила тебя.

— Слушаю, матушка, — подавляя вздохъ, молвилъ Алексѣй.

— Маленько-то повремени,—сказала Манеѳа.—Безъ хлѣба-соли суща въ пути изъ обители не пускаютъ... Подь въ келарню, потрапезуй чѣмъ Господь послалъ, а тамъ дорога тебѣ скатертью — Богъ въ помощь, Никола въ путь!

Помолился Алексѣй на иконы и сталъ творить прощенные поклоны. Манеѳа, проговоря прощу, молвила:

— На обратномъ пути милости просимъ. Не объѣзжай, другъ, нашей обители.

— Что̀ онъ къ тебѣ съ письмомъ, что-ль, отъ дѣвицъ, аль съ вѣстями какими? — спросила Фленушку Манеѳа, когда Алексѣй затворилъ за собою дверь.

— Настенька на словахъ приказывала, — небрежно выронила слово Фленушка.

— Про что? — спросила Манеѳа.

— Да тамъ насчетъ шерстей да бисеру, — сказала Фленушка. — Обѣщалась къ празднику прислать, да у самой, говоритъ, нѣтъ еще, до сихъ поръ не привезли изъ городу.

— Подушку-то кончила? — спросила Манеѳа, оглядывая Фленушкины и Марьюшкины пяльцы.

— Самая малость осталась,—отвѣтила Фленушка.—Денекъ, другой посидѣть, совсѣмъ готова будетъ.

— Кончай да скорѣе отдѣлывай, изъ Казани гостямъ надо быть. Съ ними отошлю,—сказала Манеѳа, садясь въ кресло.

— А послѣ подушки омофоръ, что ли, начинать?—спросила Фленушка.—Коли Настенька съ Парашей пріѣдутъ, съ ними да съ Марьюшкой какъ разъ вышьемъ.

— Не надо, — отрѣзала Манеѳа.

— Что-жъ такъ, матушка?.. Раздумала? — спросила Фленушка. — Цѣлу зиму работой торопила, чтобъ омофоръ скорѣй зачинать, а теперь вдругъ и не надо...

— Не надо, — повторила игуменья.

— Что̀ же благословишь работать? — сѣвши за пяльцы, спросила Фленушка.

— Что̀ хотите, то и шейте, — тихо сказала мать Манеѳа.

— Такъ мы тебѣ въ келью къ иконамъ новы пелены вышьемъ, — подхватила Фленушка, вскинувъ веселыми глазами на Манеѳу.

— Ладно, хорошо. Господь васъ благословитъ... Шейте съ Богомъ, — молвила игуменья, глядя полными любви глазами на Фленушку. — Ахъ, ты, Фленушка моя, Фленушка! — тихо

проговорила она послѣ долгаго молчанья. — Съ ума ты нейдешь у меня... Вотъ по милости Господней поднялась я съ одра смертнаго... Ну, а если бы померла, что̀ бы тогда было съ тобою?.. Бѣдная ты моя сиротинка!..

— Полно, матушка! — вскочивъ изъ-за пялецъ и ласкаясь къ Манеѳѣ, воскликнула Фленушка.

— Изъ ума у меня не выходишь, — съ озабоченнымъ видомъ продолжала Манеѳа. — Надо мнѣ хорошенько съ тобой посовѣтовать.

— Да полно-жъ, матушка, — наклоняясь головой на плечо игуменьи, сквозь слезы молвила Фленушка. — Что̀ о томъ поминать?.. Осталась жива, сохранилъ Господь... ну, и слава Богу. Зачѣмъ грустить да печалиться?.. Прошли бѣды, минули печали — Бога благодарить надо, а не горевать.

— Впервòй хворала я смертнымъ недугомъ, — сказала Манеѳа: — и все время была безъ ума, безъ памяти. Ну какъ къ смерти-то разболѣюсь да тоже не въ себѣ буду... не распоряжусь какъ надо?.. Потому и хочется мнѣ зàгодя устроить тебя, Фленушка, чтобъ послѣ моей смерти никто тебя не обидѣлъ... Въ мое добро матери могутъ вступиться, вѣдь по уставу имѣнье инокини въ обитель идетъ... А что̀, Фленушка, не надѣть ли тебѣ, голубушка моя, манатью съ черной рясой?..

— Что̀ ты, матушка? — тревожно вскликнула и поблѣднѣла Фленушка. — Да у меня въ мысляхъ этого не бывало, на умъ не приходило...

— Хоть и молода, а я бы тебя, отходя сего свѣта, на игуменство благословила. Тогда матери должны будутъ тебѣ покориться, — не отвѣчая на Фленушкины слова, продолжала Манеѳа. — Все бы мое добро при тебѣ осталось. Во всемъ бы ты была моею наслѣдницей.

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ, — взволнованнымъ голосомъ сказала Фленушка. — Не поминай мнѣ про это... Не бывать мнѣ черницей — не могу и не хочу.

— Напрасно, Фленушка, напрасно такъ говоришь, милая моя, — молвила на то Манеѳа. — Подумай-ка хорошенько, голубка... Помру — куда пойдешь?..

— Въ обители вѣкъ доживу, — отирая глаза, сказала Фленушка. — Отъ твоей могилки куда-жъ мнѣ идти?

— Бѣлицей, Фленушка, останешься — не ужиться тебѣ въ обители, — замѣтила Манеѳа. — Востра ты у меня паче мѣры... Матери поѣдомъ тебя заѣдятъ... Не гляди, что теперь лебезятъ, въ глаза тебѣ смотрятъ... Только духъ изъ меня вонъ, тòтчасъ иныя станутъ — увидишь. А когда бы ты постриглась,

да я бы тебѣ игуменство сдала—другое бы вышло дѣло, изъ-подъ воли твоей никто бы не вышелъ.

— Молода я, матушка, не снести мнѣ иночества,—сказала Фленушка.

— Я моложе тебя иночество приняла,—замѣтила Манеѳа:—а помогъ же Господь — снесла.

— У тебя такое произволеніе было, а у меня его нѣтъ,—рѣшительно сказала Фленушка. — Нѣтъ, матушка, воля твоя, ты мнѣ лучше про это и не поминай — въ черницахъ мнѣ не бывать.

Вздохнула Манеѳа и, поникнувъ головой, задумалась.

— Не тороплю тебя, — послѣ недолгаго молчанья сказала она, поднявъ голову. — Время терпитъ. А ты подумай хорошенько да разсуди. Сказываю: въ бѣлицахъ житья тебѣ не будетъ, куда-жъ ты голову сиротскую преклонишь?.. У братца Патапа Максимыча?.. Да не больно онъ тебя жалуетъ, нравомъ же крутенекъ, — живучи у него, много придется слезъ принимать... Аксинья же Захаровна хилѣть зачала, Настя съ Парашей того гляди замужъ выйдутъ... По-моему ужъ лучше въ Вихорево къ Аграфенушкѣ... Она добрая, жалостливая... А все-таки хоть и Аграфенушку взять, чужой домъ не свой, Фленушка. Люди говорятъ: свой сухарь сытнѣй чужихъ пироговъ... И правда, сущая правда... Святое бы дѣло обителью тебѣ хозяйствовать.

— Нѣтъ, матушка, не могу, — сдерживая рыданья, отвѣтила Фленушка.

— Міръ смущаетъ? — спросила Манеѳа.

— Гдѣ я видѣла его, міръ-отъ, матушка? — покачивая головой, возразила Фленушка. — Развѣ что въ Осиповкѣ, да когда, бывало, съ тобой къ Макарью съѣздишь... Сама знаешь, что я отъ тебя ни на пядь — гдѣ-жъ мнѣ міръ-отъ было видѣть?

Въ ея голосѣ звучали и грусть и укоры судьбѣ.

— Лукавъ міръ, Фленушка,— степенно молвила Манеѳа.— Не то что въ келью, въ пустыни, въ земные вертепы онъ проникаетъ... Много того видимъ въ житіяхъ преподобныхъ отецъ... Не днемъ, такъ нощію во снѣ человѣку козни свои дѣетъ!

Молчала Фленушка.

— Ты въ міръ не захотѣла ли?.. Замужъ не думаешь ли?— спросила Манеѳа.

— Какъ мнѣ замужъ идти?.. За кого?.. — съ грустью сказала Фленушка. — Честью изъ обители подъ вѣнецъ не ходятъ, уходомъ не пойду... Тебя жаль, матушка, тебя огорчить не хочу — оттого и не уйду... уходомъ...

— Ахъ, Фленушка моя, Фленушка! — вздохнула Манефа и, склонивъ голову, тихо побрела вонъ изъ горницы.

Алексѣй въ келарню прошелъ. Тамъ, угощая путника, со сверкавшими на маленькихъ глазкахъ слезами любви и участья, добродушная мать Виринея разспрашивала его про житье-бытье Насти съ Парашей подъ кровомъ родительскимъ. Отъ души любила ихъ Виринея... Какъ по покойницамъ плакала она, когда Патапъ Максимычъ взялъ дочерей изъ обители.

— Разскажи ты мнѣ, Алексѣй Трифонычъ, разскажи, родной, какъ поживаютъ онѣ, мои ластушки, какъ времечко коротаютъ красавицы мои ненаглядныя?—пригорюнясь, спрашивала она гостя, сидѣвшаго за большой сковородкой яичницы-глазуньи.— Какъ-то онѣ, болѣзныя мои, у батюшки въ дому взвеселяются, поминаютъ ли про нашу обитель, про матушекъ да про своихъ совѣтныхъ подруженекъ?

— Какъ же, матушка, не поминать? — отвѣтилъ Алексѣй. — Долго вѣдь жили у васъ, нельзя вдругъ позабыть.

— Богъ ихъ спаси, что помнятъ насъ,—молвила Виринея.— А скажи-ка ты мнѣ, болѣзный ты мой, такая-ль теперь Настенька-то шустрая да бойкая, какъ росла у насъ въ обители? Была она здѣсь первая любимая затѣйница, на всякія игры первая забавница. Взвеселяла насъ старухъ старыхъ, потѣшала нашихъ дѣвушекъ, своихъ милыхъ совѣтныхъ подруженекъ... Соберутся, бывало, мои лебедушки ко мнѣ въ келарню зимнимъ вечеромъ, станутъ шутить разныя шуточки, затѣютъ игры дѣвичьи, не насмотришься на нихъ, не налюбуешься. Есть ли теперь у нихъ подруги-то, есть ли вкругъ нихъ дружныя разговорщицы?

— Нѣтъ, матушка, подругъ у нихъ не видится, — отвѣчалъ Алексѣй. — Съ деревенскими дѣвками дружиться имъ не повелось, а ровни по близости нѣтъ.

— Скучно-жъ имъ, моимъ голубонькамъ,—пригорюнясь, молвила мать Виринея. — Все однѣ да однѣ — этакъ не взмилѣетъ и бѣлый свѣтъ... Жениховъ на примѣтѣ нѣтъ ли?

Замялся Алексѣй, но тотчасъ оправился и отрывисто отвѣтилъ:

— Не слыхать, матушка.

— Не слыхать!.. Что-жъ такъ?.. Ну, да эти невѣсты въ дѣвкахъ не засидятся—перестарками не останутся,—замѣтила Виринея. — И изъ себя красовиты и умомъ-разумомъ отъ Бога не обижены, а приданаго, поди, сундуки ломятся. Такихъ невѣстъ въ мірѣ нарасхватъ берутъ.

Жутко было слушать Алексѣю несмолкаемыя рѣчи словоохотливой Виринеи. Каждое ея слово про Настю мутило душу

его... А межъ тѣмъ иныя думы, иныя помышленья роились въ глубинѣ души его, иныя желанья волновали сердце.

Распрощавшись съ Виринеей, снабдившей его на дорогу большимъ кулькомъ съ крупичатымъ хлѣбомъ, пирогами, кокурками, крашеными яйцами и другими снѣдями, медленными шагами пошелъ онъ на конный дворъ, заложилъ пару добрыхъ вятокъ въ легкую телѣжку, уложился и хотѣлъ-было ужъ ѣхать, какъ ровно невѣдомая сила потянула его назадъ. Самъ не понималъ, куда и зачѣмъ идетъ. Очнулся передъ дверью домика Марьи Гавриловны.

«Зайду... скажу, что за письмомъ... что ѣхать пора...»—подумалъ онъ, не помня приказа Мансѳина, и съ замираньемъ сердца, робкимъ шагомъ взошелъ на крыльцо.

Въ горницѣ встрѣтилъ онъ Таню, прислужницу Марьи Гавриловны.

— Что̀ надобно вашей милости? — спросила она у Алексѣя.

— За письмомъ... Марья Гавриловна зайти велѣли, — отвѣтилъ онъ вполголоса.

— Обождите маленько. Скажу ей, — молвила дѣвушка, окинувъ любопытнымъ взоромъ Алексѣя.

Долго ждалъ онъ возвращенія Тани. Сердце такъ и замирало, такъ и колотилось въ груди, въ ушахъ звенѣло, въ головѣ мутилось... Самъ не свой стоялъ Алексѣй. Сроду не бывало съ нимъ этого.

Вышла дѣвушка, молвила, что Марья Гавриловна письма̀ не изготовила.

— Ѣхать пора мнѣ,—сказалъ онъ задрожавшимъ отъ такой вѣсти голосомъ. — Матушка Манеѳа скорѣй наказывала ѣхать... Путь не ближній... Лошади заложены.

— Скажу... Обождите минуточку, — сказала дѣвушка и скрылась за дверью.

«Выйдетъ ли она?.. Увижу-ль ее? — думалъ Алексѣй.—Голову бы отдалъ на отсѣченье, только бы на минутку повидать ее».

Таня появилась въ дверяхъ и сказала, что письма не будетъ, а когда онъ назадъ черезъ скитъ поѣдетъ, завернулъ бы къ Марьѣ Гавриловнѣ... Къ тому времени она и отвѣтъ напишетъ и посылочку изготовитъ.

— Скоро-ль назадъ-то будете? — спросила Таня.

— Не знаю, — мрачно отвѣтилъ Алексѣй. — Недѣли черезъ полторы либо черезъ двѣ.

— Такъ я и скажу... А вы ужъ безпремѣнно заѣзжайте, — съ улыбкой молвила Таня. — Далеко-ль вамъ ѣхать-то?

— Далеконько, — отвѣчалъ Алексѣй. — На Ветлугу, коли слыхали.

— Про Ветлугу-то?.. Слыхала, — сказала она. — Это вѣдь туда, кажись, за Кѐрженцемъ?

— Да, за Кѐрженцемъ, — молвилъ Алексѣй, жадно глядя на бѣлую какъ мраморъ створчатую дверь, за которой, сдавалось ему, стояла Марья Гавриловна.

— Дай Богъ счастливаго пути, — поклонившись, сказала Алексѣю Таня. — Прощайте.

— Прощайте! — грустно отвѣтилъ онъ, наклоняя голову, и съ тяжелымъ вздохомъ пошелъ вонъ изъ горницы.

Точно по незнаемымъ мѣстамъ возвращался Алексѣй отъ домика Марьи Гавриловны. Весеннее солнце ярко сіяло, подымаясь на полуденную высоту, а ему все казалось въ мутномъ свѣтѣ... На крыльцѣ келарни стояла мать Виринея, справляя уѣзжавшему гостю прощальные поклоны — не видалъ ея Алексѣй... Изъ свѣтелки игуменьиной кельи Фленушка грозила ему кулакомъ и плюнула вслѣдъ, и того не замѣтилъ... Оглянуться-бъ ему на шелковыя занавѣски, что висѣли въ середнемъ окнѣ Марьи Гавриловны, не примѣтилъ ли бы онъ межъ ними свѣтлаго, искрометнаго глаза, зорко слѣдившаго за удалявшимся молодцемъ?..

Сѣлъ Алексѣй въ телѣжку и, выѣхавъ за околицу, съ чувствомъ безсильной злобы жарко хлестнулъ арапникомъ по крутымъ бедрамъ откормленныхъ саврасыхъ вятокъ. Стрѣлой понеслись кони по гладкой извилистой дорожкѣ, и вскорѣ густой перелѣсокъ скрылъ отъ взоровъ уѣзжавшаго и часовни, и келейныя стаи, и сиротскія избенки Каменнаго Вражка. Удары арапника крѣпче и крѣпче раздавались въ лѣсной тиши, телѣжка такъ и подпрыгивала по рытвинамъ и выбоинамъ. Расходилася рука, раззудѣлось плечо, распалилось сердце молодецкое — птицей летитъ Алексѣй по лѣсной дорожкѣ... Того и гляди, что телѣжка зацѣпится о пень либо корневище... Не сдобровать тогда побѣдной головѣ распаленнаго новой страстью и смутной надеждой молодца... Больше версты проскакалъ онъ сломя голову. Тутъ маленько отлегло у него отъ сердца, и громкая, тоскливая пѣсня вырвалась изъ груди:

Ты судьба-ль моя, судьбина некорыстная,
Голова-ль ты моя безталанная!
Сокрушила ты меня, кручинушка,
Ты разсыпала печаль по яснымъ очамъ,
Присушила русы кудри ко буйной головѣ,
Приневолила шататься по чужой сторонѣ.

Прискучила Настя Алексѣю. Чувствуетъ, что согнулъ дерево не по себѣ. Годами молода, норовомъ стара... Добыть ее въ

жены теперь не трудное дѣло, зато тужить да плакать вѣкъ свой доведется. Не ему надъ домомъ власть держать, ей верховодить надъ мужемъ. Во всемъ надо будетъ изъ ея рукъ смотрѣть, не смѣть выступить изъ воли ея, завсегда имѣть голову съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, руки съ подносомъ... А это ужъ послѣднее дѣло: не звѣрь въ звѣряхъ ежъ, не птица въ птицахъ нетопырь, не мужъ въ мужьяхъ, кѣмъ жена владѣетъ. Лучше въ дырявой лодкѣ по морю плавать, чѣмъ жить со властной женой...

А Патапа Максимыча пуще огня боится. Хоть добръ и ласковъ до него казался, а изъ памяти Алексѣя не выходитъ таинственный голосъ, предрекавшій ему гибель отъ руки Патапа Максимыча. Немало думалъ онъ про его слова, сказанныя наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія и еще разъ, какъ, отпраздновавъ Пасху съ родителями, въ Осиповку въ Радуницу онъ воротился... Тогда же догадался, что Патапу Максимычу взбрело на умъ въ зятья его взять. Не порадовался, а устрашился онъ тому. «Тутъ-то и есть погибель моя»,—подумалъ онъ... Страшна стала ему Настя, чуть не страшнѣй самого Патапа Максимыча — горда очень и власть любитъ паче мѣры. А силы въ ней много — какъ разъ мужа подъ ноготь подберетъ. Что-жъ тутъ хорошаго?.. Житье подъ бабьимъ началомъ хуже неволи, горчѣй каторги... — «Эхъ, въ какую-жъ я петлю попалъ,—думаетъ Алексѣй самъ про себя:— ни вонъ ни въ избу, ни въ коробъ не лѣзетъ ни изъ короба нейдетъ. Подсунула тогда нелегкая эту распроклятую Фленушку... А узнаетъ неравно про наши дѣла Патапъ Максимычъ — тогда что?.. Звѣрь вѣдь, не человѣкъ, обиды не спуститъ. А Настасью взять... Нѣтъ, легче въ омутъ головой...»

Въ такомъ тяжкомъ раздумьѣ увидѣлъ Алексѣй Марью Гавриловну. Умильнымъ взоромъ и блескомъ непомеркшей красоты пригрѣла она изболѣвшее его сердце... Просіяло на темной душѣ его.

Первые порывы новой страсти выразились скачкой сломя голову по изрытой и перекрещенной корневищами лѣсной дорожкѣ, затѣмъ разрѣшились громкой горькой пѣснью... Та пѣсня, сперва шумная, порывистая, полная отчаянья и безнадежнаго горя, постепенно стихала и подъ конецъ замерла въ чуть слышныхъ звукахъ тихой грусти и любви. Добрыя вятки дробной рысцой трусили по дорожкѣ, проторенной по лывинѣ *). Въ лѣсу стояло полное затишье, листъ на деревѣ не дрогнетъ, вѣтерокъ не шевельнетъ молодую травку, только

*) Лывина — лѣсъ, растущій по сырому мѣсту или по болоту.

иволги, снѣгири и малиновки на разные голоса межъ собой перекликаются... Гдѣ-то вдали защелкалъ соловей... Славный соловей, мало такихъ за Волгу прилетаетъ... Всѣ-то колѣна звонко и чисто у него выливаются... Вотъ «запулькалъ» онъ, «заклыкалъ» стеклянным колокольчикомъ, раскатился мелкой серебряной «дробью», «запленкалъ», завелъ «юлиную стукотню», громко защелкалъ и, заливпись «дудочкой», смолкъ *). А черезъ минуту опять «починъ» заводитъ, опять колѣно за колѣномъ выводитъ. Дальше гдѣ-то въ трущобѣ еще засвисталъ соловушка... другой, третій. Не слышитъ ничего Алексѣй, ничего не видитъ онъ ни кругомъ ни возлѣ... Въ летасахъ **) какъ въ маревѣ является миловидный обликъ молодой вдовы... видитъ Алексѣй стройный станъ ея, крытый густыми бѣлоснѣжными складками утренней одежды, какъ видѣлъ ее на солнечномъ всходѣ... А жадная мысль о богатой казнѣ вдовушки тоже не спадаетъ съ ума. Помышленье корыстное царитъ надъ его думами. Про Настю ни мысли ни помина... Правду говорила Фленушка, называя Алексѣя безсовѣстнымъ... Шутка ея на дѣло стала похожа.

Хорошей жизни Алексѣю все хочется, довольства, обилья во всемъ; будь жена хоть коза, только-бъ съ золотыми рогами, да смирная, подкладистая, чтобъ не смѣла выше мужа головы поднимать!.. Хорошая жизнь!.. Охъ, эта хорошая жизнь!.. Не то было-бъ тогда!.. Что̀ онъ теперь?.. Батракъ, наймитъ... Самому бы хозяйствовать, да такъ, чтобы ворочать тысячами и ото всѣхъ людей въ почетѣ быть. Не думаетъ про то Алексѣй, что чѣмъ больше почетъ, тѣмъ больше хлопотъ: ему бы только стать тысячникомъ, а людской почетъ, мнится ему, самъ собой придетъ незванный, непрошенный. Да вотъ горе— откуда тысячи-то взять?.. Золото на Ветлугѣ вышло обманнымъ дѣломъ, про Настю и вздумать страшно... Ну ее совсѣмъ и съ приданымъ богатствомъ!.. Эхъ, какъ бы со вдовушкой сладиться; богатства у нея, слышно, счету нѣтъ, сама надо всѣмъ большуха, не глядитъ изъ отцовскихъ рукъ... Дернуть бы свадебкой да скорымъ дѣломъ подальше съ родины, на новыя мѣста... Подальше, какъ можно подальше, куда-бъ не могла досягнуть долгая рука Патапа Максимыча.

Вотъ что̀ думалось, вотъ что̀ гребтѣло измученному душевной истомой Алексѣю, когда онъ въ какомъ-то забытьѣ тихонько

---

*) Всѣхъ колѣнъ соловьинаго пѣнія до двѣнадцати, а у курскихъ соловьевъ еще больше. Каждое колѣно имѣетъ свое названіе: пульканье, клыканье, дробь, раскатъ, пленканье, лѣшева дудка, кукушкинъ перелетъ, гусачокъ, юлиная стукотня, починъ, оттолчка и пр.

**) Летасы — мечты, грезы наяву, иллюзія.

проѣзжалъ по тѣнистымъ лѣсамъ подъ щебетанье и веселые клики разнородныхъ пташекъ.

И вдругъ темнымъ мòрокомъ пала ему на умъ Настя... Вспомнилось, какъ вдвоемъ въ подклѣтѣ посиживали, тайныя любовныя рѣчи говаривали, вспомнилось, какъ гордая красавица не снесла пыла страсти — отдалась желанному и душой и тѣломъ.

Не раскаянье, не сожалѣніе шевельнулись на душѣ его, иная мысль затмила... «Что-жъ?.. Не мы первые, не мы и послѣдніе... Кучился-мучился, доспѣлъ и бросилъ... Не нами заведено, таково дѣло спокопъ вѣка стоитъ. Дѣвка — чужая добыча: не я, такъ другой бы...» Но, какъ ни утѣшалъ себя Алексѣй, все-таки страхомъ подергивало его сердце при мысли: «А какъ Настасья да разскажетъ отцу съ матерью?..» Вспоминались ему тревожные сны: страшный образъ гнѣвнаго Патапа Максимыча съ засученными рукавами и тяжелой дубиной въ рукахъ, вспоминались и грозныя рѣчи его: «Жилы вытяну, ремней изъ спины накрою!..» Жмуритъ глаза Алексѣй, и мерещится ему сверкающій ножъ въ рукахъ Патапа, слышится вой ватаги работниковъ, ринувшихся по приказу хозяина...

«Вѣщій тотъ сонъ, — думаетъ Алексѣй. — Да нѣтъ, быть того не можетъ, не статочное дѣло!.. Не вымолвить Настасьѣ отцу съ матерью ни единаго слова... Безъ мѣры горда, не откроетъ бѣду свою дѣвичью, не захочетъ накинуть покора на свою голову...»

Живучи въ честнòй обители Манеоы, забыла Марья Гавриловна обиды и мỳки, претерпѣнныя ею въ восемь лѣтъ замужества. Во всемъ простила она покойнику, всѣ его озлобленія покрыла забвеньемъ. Записала имя его въ синодики постѣнные и литейные по всѣмъ обителямъ Кѐрженскимъ, Чернораменскимъ. Каждый годъ справляла по немъ уставныя поминки: и на день преставленія и въ день тезоименитства покойника, на память преподобнаго Макарія Египетскаго, поставляла Марья Гавриловна «большіе кормы» на трàпезѣ. Но это ради людей, не ради Бога... Богу принесла она жертву сокрушенную и смиренную — все простила покойнику, все, даже разлуку съ Евграфомъ. Каждый Божій день и утромъ и на сонъ грядущій усердно молилась она на келейной молитвѣ за мучителя, со слезами молила о прощеніи прегрѣшеній его, объ упокоеніи души, отошедшей безъ прòщи, безъ покаянія. Но, предавъ забвенью горькіе дни, не могла забыть немногихъ сладкихъ дней, чтò выпали на ея долю.

И въ могилѣ любила Евграфа. Несомнѣнно вѣря, что въ

награду за земныя страданья прiялъ онъ въ небесахъ вѣнецъ блаженства, даже обращалась къ нему въ молитвахъ. Рѣдкая ночь проходила, чтобъ не видала она во снѣ милаго, и каждый день о немъ думала... Съ утра до вечера цѣлые рои воспоминанiй проносились въ ея памяти. То какъ будто въ ясновидѣньи представлялась ей широкая, зеленѣющая казанская луговина межъ Кремлемъ и Кижицами: гудятъ колокола, шумитъ, какъ бурное море, говоръ многолюдной толпы, но ей слышится одинъ только голосъ, тихiй, ласковый голосъ, отъ котораго упало и впервые сладко заныло сердце дѣвичье... То передъ душевными очами ея предстаетъ темный, густо заросшiй вишеньемъ уголокъ въ родительскомъ саду: жужжатъ пчелки — Божьи угодницы, не внимаетъ она жужжанью ихъ, не видитъ въ слуховомъ окнѣ чердака зоркой Абрамовны, слышитъ одинъ страстный лепетъ наклонившагося Евграфа и, стыдливо опустя глаза, ничего не видитъ кругомъ себя... Вспоминается и то Марьѣ Гавриловнѣ, какъ повеселѣла она, узнавъ про сватовство желаннаго, какъ вольной пташкой распѣвала пѣсенки, бѣгала съ утра до ночи по отцовскому садику... А вотъ и тѣ незабвенные дни, какъ свидѣлась она съ женихомъ у Макарья на ярманкѣ... Жизнь была полна и любви и свѣтлыхъ недеждъ на долгое счастье съ любимымъ человѣкомъ, но пала гроза, и сокрушилось счастье отъ прихоти стараго сластолюбца. Разбилась жизнь, а избранникъ сердца, желанный, любимый женихъ Богъ вѣсть гдѣ и какъ слегъ въ могилу. Свѣтло-радужнымъ колесомъ вращается передъ душевными очами Марьи Гавриловны рядъ свѣтлыхъ воспоминанiй о быстро промелькнувшемъ счастьѣ. И въ каждомъ воспоминаньи неприступнымъ свѣтомъ, неземнымъ блескомъ сiяетъ образъ того, кому беззавѣтно отдала она когда-то молодую душу свою...

Такъ проходили годы... Закрылись понемногу сердечныя раны, забылись страданья, перенесенныя отъ суровости постылаго разлучника. Но по мѣрѣ того, какъ забвенье крыло горечь былого, блѣднѣй и туманнѣй представлялся передъ нею милый образъ. Стало ей какъ будто обидно, досадно какъ-то на себя. Рѣже и рѣже являлся милый во снѣ, какая-то тоска, до того незнаемая, разрасталась въ ея сердцѣ... Болитъ, ноетъ, заныватъ, ничего не сказываетъ... Скучно вдовушкѣ, все надоѣло, ни на что-бъ она не глядѣла. Проситъ чего-то душа, а чего проситъ — не разумѣетъ и сама Марья Гавриловна...

И напала на нее злая кручина, одолѣла ее сердечная истома. Хочется жить, да не такъ, какъ живется — хочется жить жизнью полной, людямъ полезной... Хочется на кого-нибудь

излить всю свою преданность, всю, всю, до крайняго предѣла женскаго самоотверженья... А тутъ въ обители все одно; все вяло, безцвѣтно... Не люба ей стала скитская жизнь... Первое время пребыванія въ тихомъ пристанищѣ подъ крылышкомъ доброй матери Манеѳы принесло Марьѣ Гавриловнѣ несомнѣнную пользу: она сама сознавала, что только обительская жизнь уврачевала ея сердечныя раны и помирила ее съ прошедшимъ. Но когда истерзанной душѣ возвратилось здоровье, зачѣмъ же оставаться въ больницѣ?.. Но куда идти? Въ Москву ли, гдѣ все стало бы поминать ей восьмилѣтнюю горемычную жизнь, гдѣ все отравляло бы дни ея горькими воспоминаньями?.. Въ Казань ли къ брату?.. Но вѣдь онъ чуть не совсѣмъ забылъ ее въ слезо̀вые дни ея замужества, сталъ заботнымъ и ласковымъ лишь съ той поры, какъ сдѣлалась она вольной вдовой съ большимъ капиталомъ... Аль затѣмъ ѣхать къ брату, чтобъ опять женихи закружились вкругъ нея?.. Богъ съ ними!.. Вѣдь были же межъ нихъ и хорошіе люди, но и глядѣть не хотѣлось на нихъ Марьѣ Гавриловнѣ... Какъ вспомянетъ, бывало, Евграфа да сравнитъ его съ подъѣзжавшими женихами — какими нескладными, непригожими они ей покажутся... Кто извѣдалъ сладость полнаго счастья, не захочется тому отвѣдывать горькаго...

А душевная тоска растетъ да растетъ. Что̀ дѣлать, какъ горю пособить?

Ночью послѣ Радуницы съ тоски и раздумья не спалось Марьѣ Гавриловнѣ. На зарѣ встала она съ душной постели и, накинувъ бѣлое батистовое платье, вздумала освѣжиться воздухомъ ранняго утра, полюбоваться на солнечный всходъ. Отворила окно, оглянулась кругомъ — ни души не видать, обитель спала еще. Вперивъ очи на блѣднѣвшую предъ восходящимъ свѣтиломъ зарю, раздумалась она про тоску свою и, сама не помнитъ, какъ это случилось, тихимъ голосомъ завела пѣсню про томившую ее кручину. Свободнѣй и свободнѣй, громче и громче вырывались изъ груди звуки... Ничего кругомъ не видитъ она, неподвижно устремивъ взоръ на разгоравшійся золотистыми лучами восточный край небосклона и на тонкія полосы перистыхъ облаковъ, сіявшихъ вверху неба... Вдругъ поворотила голову и въ окнѣ свѣтелки надъ игуменьиной кельей увидѣла... Евграфа.

Вскрикнула Марья Гавриловна, захлопнула окно, опустила занавѣску.

«Что̀ это? — думаетъ она. — Обаянье-ль какое, мечта ли отъ сряща бѣса полуденнаго?.. Иль видѣнье отъ небесныхъ селеній ниспосланное?.. Или впрямь то живой чело-

вѣкъ?.. Волосъ въ волосъ — двѣ капли воды!.. Что-жъ это за диво такое!»

Растерялась бѣдная, не знаетъ, что и придумать... А сердце такъ и бьется, такъ и ноетъ, тоска такъ и поднимается въ груди.

Долго сидѣла Марья Гавриловна, облокотясь на подоконникъ и склоня голову на руку... Сухимъ лихорадочнымъ блескомъ глаза горѣли, щеки пылали, губы сохли отъ внутренняго жара... Таня вошла.

— Раненько поднялись, Марья Гавриловна, — сказала она. — Утреню не допѣли, а вы ужъ на ногахъ.

— Не спалось мнѣ что-то сегодня, Таня, — поднявъ голову, молвила Марья Гавриловна: — да и теперь что-то неможется.

— Что это съ вами, сударыня? — съ неподдѣльнымъ участьемъ, даже съ испугомъ молвила Таня. Какъ къ матери родной привязана была къ «сударынѣ» своей дѣвушка, взятая изъ семьи, удрученной бѣдностью и осыпанной благодѣяніями Марьи Гавриловны.

— Ничего... такъ... пройдетъ... — успокаивала ее Марья Гавриловна. — Поставь самоваръ... Да вотъ еще что... Не знаешь ли?.. У матушки Манефы есть гости какіе на пріѣздѣ?

— Есть, — отвѣчала Таня. — Вечоръ отъ насъ изъ Москвы какой-то пріѣхалъ... И прокуратъ же парень — ни въ часовнѣ не помолился ни у матушки не благословился, первымъ дѣломъ къ бѣлицамъ за околицу куролесить да пѣсни пѣть... Самъ изъ себя маленекъ да черненекъ, а дѣвицы сказываютъ, голосъ, что соловей.

«Не онъ», — подумала Марья Гавриловна.

— А то еще изъ Осиповки съ припасами къ матушкѣ приказчикъ присланъ отъ Патапа Максимыча... Въ свѣтелкѣ его ночевать положили...

— Въ свѣтелкѣ? — вскрикнула Марья Гавриловна.

— Въ свѣтелкѣ... — подтвердила Таня. — Вотъ что сюда окнами — въ этой... — прибавила она.

— Поди, Таня, поставь самоваръ, — сказала Марья Гавриловна, медленно проводя по лбу ладонью и потомъ закрывъ ею глаза.

Таня вышла. Марья Гавриловна стала ходить взадъ и впередъ по горницѣ.

«Тотъ, тотъ самый, что Фленушка сказывала, — думала она. — Непремѣнно онъ... А похожъ-то какъ!.. Вылитый голубчикъ Евграша!.. Ровно онъ изъ могилы всталъ...»

По-новому сердце забилось... Во что бы ни стало захотѣлось поближе взглянуть на красавца... Рѣшила скорѣй идти

къ Манееѣ, чтобъ увидѣть его. Тотчасъ принялась одѣваться. Надѣла синее шелковое платье, что особенно шло ей къ лицу.

Принесла Таня самоваръ и подивилась, увидя «сударыню» въ нарядномъ платьѣ.

— Что это вы такъ одѣлись? — спросила она, разставляя посуду на чайномъ столикѣ.

— Къ матушкѣ Манееѣ хочу сходить, — отвѣчала Марья Гавриловна.

— А платье-то зачѣмъ такое надѣли?.. Сегодня не праздникъ, — молвила Таня.

Немножко смѣшалась Марья Гавриловна, но тотчасъ оправилась.

— Какая-жъ ты, Таня, недогадливая! — сказала она. — Какъ это ты до сихъ поръ не можешь понять, что когда у матушки бываютъ посторонніе люди, особенно изъ Москвы, такъ, идучи къ ней, надо одѣваться наряднѣй. Всѣ знаютъ про мои достатки — выдь-ка я къ людямъ растрепой, тотчасъ осудятъ, назовутъ скрягой.

— Да, это такъ, — тихо проговорила Таня, удивляясь, какъ это самой ей не пришло того въ голову.

— А ты сбѣгай-ка къ матушкѣ, узнай, не встала ли она, — сказала Марья Гавриловна.

Вышла Таня, но черезъ минуту воротилась.

— Приказчикъ отъ Патапа Максимыча къ вамъ идетъ, — сказала она: — на крылечко ужъ взошелъ.

Опустились руки у Марьи Гавриловны.

— Ступай къ себѣ, — сказала она Танѣ. — Сейчасъ выйду... Да покамѣстъ къ матушкѣ-то не ходи, послѣ часовъ къ ней пойду.

Таня вышла. Марья Гавриловна старалась принять на себя строгій, сдержанный видъ. Проходя мимо зеркала, заглянула въ него и поправила на груди ленточку.

Вошла въ горницу, гдѣ Алексѣй дожидался, — обомлѣла... Евграфъ, съ ногъ до головы Евграфъ.

Смутилась, опустила глаза... Слова не можетъ сказать... Заговорилъ Алексѣй — Евграфовъ голосъ, его говоръ...

Какъ въ туманѣ какомъ пробыла Марья Гавриловна, пока стояла передъ Алексѣемъ, а вышелъ онъ, тяжело опустилась на стулъ и закрыла руками лицо... Тяжело и сладко ей было. Почувствовала она особое біеніе сердца, напомнившее золотыя минуты, проведенныя когда-то въ уголкѣ садика, поросшаго густымъ вишеньемъ.

Таня вошла.

— Что это съ вами, сударыня? — сказала она. — Больно,

видно, неможется — личико-то такъ и горитъ... Легли бы въ самомъ дѣлѣ.

— И то лягу, Таня, — отвѣтила Марья Гавриловна. — Пойдемъ-ка, раздѣнь меня... Нѣтъ, ужъ я не пойду къ матушкѣ. Послѣ, завтра, что ли...

Часа три пролежала Марья Гавриловна. Роями думы носятся въ ея головѣ. Про Евграфа вспоминала, но мысль своевольная на Алексѣя какъ-то все сворачивала.

Вошла Таня, сказала:

— Осиповскій приказчикъ за письмомъ пришелъ.

Вскочила съ постели Марья Гавриловна.

— Одѣваться скорѣй... Скажи, обождалъ бы маленько... Ахъ, нѣтъ... Скажи, письмà, молъ, не успѣла написать... Да вѣдь я сказала, чтобъ онъ послѣ обѣда пришелъ.

Таня вышла. Тутъ только вспомнила Марья Гавриловна про письмо Патапа Максимыча. Оно лежало нераспечатаннымъ.

«Отвѣтъ надо писать», — подумала она и, взявши письмо, стала читать... Не понимаетъ ничего.

Таня пришла, сказала, что приказчикъ уѣзжаетъ, кони заложены, матушка-де Манеѳа ѣхать скорѣй велитъ.

«По скорости не могу письмà написать, никакъ не могу,— думаетъ Марья Гавриловна. — Какъ же быть-то, какъ же быть-то мнѣ?.. Повидать бы его хоть минуточку... Скажу Танѣ... Нѣтъ, не могу».

— Скажи ему, Таня, — молвила: — на обратномъ бы пути зашелъ, теперь, молъ, некогда мнѣ письмà изготовить... Поди, скажи... Посылочку, молъ, еще припасу...

Таня пошла, а Марья Гавриловна, на босу ногу, въ одной сорочкѣ, побѣжала въ горницу, смежную съ той, гдѣ Алексѣй дожидался. Тихонько подвинула она дверцу и, припавъ къ щели глазами, смотрѣла на Алексѣя, говорившаго съ Таней.

Онъ ушелъ, а Марья Гавриловна, чуть-чуть раздвинувъ оконныя занавѣски, вслѣдъ за нимъ смотрѣла. «Онъ, онъ — Евграфъ», — думалось ей.

И когда, завернувъ за уголъ келарни, Алексѣй скрылся изъ глазъ Марьи Гавриловны, закрывъ пылающее лицо холодными руками, она разразилась рыданьями...

И надобно же было такъ случиться, что въ тѣ самые часы, когда двойникъ Евграфа свидѣлся съ Марьей Гавриловной, изстрадавшаяся Настя повѣдала матери про свое неизбывное горе, про свой позоръ, котораго нельзя спрятать отъ глазъ людскихъ.

Глава одиннадцатая.

Пòдъ вечеръ того дня, какъ Алексѣй уѣхалъ изъ Комарова, прискакалъ туда гонецъ изъ Осиповки. Писемъ не привезъ, на рѣчахъ подалъ вѣсть, что Патапъ Максимычъ, по желанью Марьи Гавриловны, снарядилъ-было въ путь обѣихъ дочерей, но вдругъ съ Настасьей Патаповной что-то поприключилось, и теперь лежитъ она безъ памяти, не знаютъ, въ живыхъ останется ли... Христомъ Богомъ велѣлъ Патапъ Максимычъ просить Марью Гавриловну, дала бы посланному письмо къ городскому лѣкарю, что̀ вылѣчилъ Манеѳу, звала бы скорѣй его въ Осиповку. Письмо къ лѣкарю было написано, гонецъ помчался въ городъ.

На другой день скитскій работникъ пріѣхалъ изъ Осиповки. Тѣ же вѣсти: лежитъ какъ пластъ, наврядъ ли встанетъ.

Всполошились въ обители. Матери и бѣлицы любили Настю, всѣ жалѣли объ ней... Строга и сдержанна мать Манеѳа, но, узнавъ о тяжкой болѣзни племянницы, и та при людяхъ заплакала. Фленушка такъ и рвалась, такъ и металась во всѣ стороны. Въ какомъ-то изступленьи бѣгала она изъ кельи въ келью, плакала, рыдала; наконецъ сама слегла... Алексѣевы рѣчи навели ее на мысль, что Настина болѣзнь отъ него пришла. И кляла себя Фленушка всѣми клятвами, что свела Настю съ лиходѣемъ безсовѣстнымъ. У матерей только и рѣчи, что про Настину болѣзнь, а добрая Виринея пòходя плакала, и въ келарнѣ у ней все пошло не попрежнему: то рыба переварится, то пироги въ уголь перегорятъ. Сколько лѣтъ въ келарнѣ хозяйствуетъ, никогда такой бѣды не случалось.

Только-что свѣдала Манеѳа про болѣзнь племянницы, нарядила въ часовнѣ соборную службу ради исцѣленія отъ тѣлесной скорби рабы Божіей дѣвицы Анастасіи служить... Повѣстили о томъ сиротамъ и по всѣмъ обителямъ. И былъ въ келарнѣ большой кормъ, обильная тра̀пеза и велико число прохожихъ молельщиковъ. И большая раздача дана сиротамъ и инымъ скуднымъ людямъ, дабы молились о здравіи болящей дѣвицы. И по другимъ обителямъ Комарова послала Манеѳа денегъ на соборныя службы и на кормы. Послала даже къ Глафиринымъ, къ Игнатьевымъ и къ другимъ пораздорившимъ съ нею изъ-за австрійскаго священства. А на расходы Манеѳа деньги выдавала отъ имени ктитора обители, брата своего родного по плоти, скитскаго заступника и во всемъ оберегателя, Патапа Максимыча.

Ни службы по часовнямъ, ни кормы по келарнямъ не помогали Настѣ. Черезъ каждые два-три дня пересылалась Манеоа съ Осиповкой; каждый разъ одну вѣсть привозили ей: «нѣтъ облегченія».

Въ той самой свѣтлицѣ, куда Фленушка привела Алексѣя пяльцы чинить, безъ чувствъ, безъ памяти, неподвижна и блѣдна лежала Настя. У изголовья больной, погруженная въ думу, стояла сестра ея богоданная — сердобольная, вселюбящая Груня. Въ одномъ углу сидѣла убитая горемъ, потерявшая сознанье Аксинья Захаровна, возлѣ нея Настина крестная, знаменитая повариха Никитична. Въ другомъ углу Параша. Окна были растворены, свѣжесть весны и благовонный запахъ цвѣтущей черемухи обильно вливались въ свѣтлицу. Не слышно было никакого звука, опричь щебетанья птичекъ въ огородѣ да глухихъ вздоховъ больной.

Лежитъ Настя не шелохнется; приустали рѣзвы ноженьки, притомились бѣлыя рученьки, сошелъ бѣлый свѣтъ со ясныхъ очей. Лежитъ Настя, разметавшись на тесовой кроватушкѣ— скосила ее болѣзнь трудная... Не дождёвая вода въ мать сыру землю уходитъ, не бѣлы-то снѣги отъ вешняго солнышка таютъ, не красное солнышко за облачкомъ теряется, таетъ-потухаетъ бездольная дѣвица. Вянетъ майскій цвѣтъ, тускнетъ райскій свѣтъ — красота ненаглядная кончается.

Недвижно лежитъ она на постели, ни шопота ни стона не слышно. Не будь лицо Настино крыто смертной блѣдностью, не запади ея очи въ темныя впадины, не спади алый цвѣтъ съ полураскрытыхъ устъ ея, можно-бъ было думать, что спитъ она тихимъ, безмятежнымъ сномъ.

Патапъ Максимычъ подолгу въ свѣтелкѣ не оставался. Войдетъ, взглянетъ на дочь любимую, задрожатъ у него губы, заморгаютъ слезами глаза, и пойдетъ за дверь, подавляя подступавшія рыданья. Сумрачнѣй осенней ночи бродитъ онъ изъ горницы въ горницу, не ѣстъ, не пьетъ, никто слова отъ него добиться не можетъ... Куда дѣлись горячія вспышки кипучаго нрава, куда дѣлась величавая строгость? Косой подкосило его горе, перемогла крѣпкую волю лютая скорбь сердца отцовскаго.

Лѣкарь пріѣхалъ. Стрѣлой полетѣлъ навстрѣчу къ нему Патапъ Максимычъ. Съ рыданьемъ кинулся ему въ ноги и, охвативъ колѣна, восклицалъ трепетнымъ голосомъ:

— Батюшка!.. Будь отецъ родной!.. Вылѣчи дочку... Тысячъ не пожалѣю... Помоги ради Создателя... Не умерла бы, не покинула-бъ меня горькаго...

— Полноте, Патапъ Максимычъ, перестаньте, — успокоивалъ его лѣкарь, отстраняясь отъ рыдавшаго у ногъ его тысячника. — Вотъ осмотримъ больную, сдѣлаемъ что̀ нужно... Богъ милостивъ, не всякая болѣзнь къ смерти бываетъ.

— Голубчикъ ты мой, Андрей Богданычъ... Всего-то девятнадцатый годокъ!.. Умница-то какая!.. Помоги ты ей, — продолжалъ мольбы свои Патапъ Максимычъ, ведя въ свѣтлицу лѣкаря.

Андрей Богданычъ осмотрѣлъ больную. Груня разсказала ему, что̀ знала про болѣзнь ея отъ Аксиньи Захаровны. Сама Аксинья Захаровна не могла говорить.

— Что̀?.. Что̀, Андрей Богданычъ? — съ нетерпѣньемъ спрашивалъ Патапъ Максимычъ, переходя изъ свѣтлицы въ переднюю горницу. — Можно вылѣчить?.. А?.. Подымется?.. Выздоровѣетъ?..

Молча перебиралъ Андрей Богданычъ въ дорожномъ ящикѣ снадобья.

— Самоваръ бы поставить да плиту развести, — сказалъ онъ.

Патапъ Максимычъ бросился изъ горницы. Оказалось, что и самоваръ на столѣ и плита разведена. Въ ожиданьи лѣкаря, Никитична заранѣе все приготовила, и ветошекъ нарѣзала, и салфетки для нагрѣванья припасла, и ледъ, и горчичники; плита ужъ двое сутокъ не гасла, самоваръ со стола не сходилъ.

Отобравъ нужныя снадобья, Андрей Богданычъ свѣсилъ ихъ и пошелъ на кухню лѣкарство варить.

— Да скажи же мнѣ Христа ради, Андрей Богданычъ, пожалѣй сердце отцовское, — приставалъ Патапъ Максимычъ.

— Что-жъ я скажу, Патапъ Максимычъ? — пожавъ плечами, отозвался лѣкарь. — Все сдѣлаю, что̀ нужно, а ручаться не могу.

— Помретъ! — вскрикнулъ Патапъ Максимычъ.

Ноги у него подкосились, и грузно опустился онъ на лавку. Холодный потъ выступилъ на померкшемъ лицѣ.

Прислуживавшая лѣкарю Никитична закрыла рукой глаза и прошептала молитву.

— Молитесь Богу, Патапъ Максимычъ, — сказалъ Андрей Богданычъ. — Въ его власти и чудеса творить...

— Господи! Господи!.. — закрывая лицо руками и снопомъ повалясь на лавку, завопилъ Патапъ Максимычъ. — Голубонька ты моя!.. Настенька!.. Настя!.. Свѣтикъ ты мой!.. Умильная ты моя!

— Да перестаньте же, не убивайте себя, — успокоивалъ его Андрей Богданычъ.

— Распороли бы вы, батюшка, грудь мою да посмотрѣли на отцовское сердце, — вскочивъ съ лавки, вскричалъ Патапъ Максимычъ.—Есть у васъ дѣтки-то?

— Есть, — отвѣчалъ лѣкарь, ставя на плиту кастрюлю съ лѣкарствомъ.

— А теряли ли вы ихъ?

— Нѣтъ, благодаря Бога, не терялъ... — отвѣчалъ Андрей Богданычъ.

— И не дай вамъ Господи до такого горя дожить, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Тутъ, батюшка, одинъ день десять лѣтъ жизни съѣстъ... Нѣтъ горчѣй слезъ родительскихъ!.. Ахъ, Настенька... Настенька!.. Улетаешь ты отъ насъ, покидаешь вольный свѣтъ!..

И ровно хмельный, качаясь, вышелъ изъ кухни. Постоявъ нѣсколько въ раздумьѣ передъ свѣтлицей, робкой рукой отворилъ дверь и взглянулъ на умиравшую.

— Что́ сказалъ? — быстро вскинувъ на него глазами, шепнула Груня.

Патапъ Максимычъ махнулъ рукой и, чувствуя, что не въ силахъ долѣе сдерживать рыданій, спѣшно удалился. Шатаясь, какъ стѣнь, прошелъ онъ въ огородъ и тамъ въ дальнемъ уголкѣ ринулся на свѣжую, только-что поднявшуюся травку. Долго раздавались по огороду отчаянные его вопли, сердечные стоны и громкія рыданья.

Всталъ Патапъ Максимычъ, въ моленную пошелъ. Тамъ всѣ свѣчи были зажжены, канонница Евпраксія мѣрнымъ голосомъ читала канонъ за болящую.

— Евпраксеюшка, — молилъ Патапъ Максимычъ:— самому мнѣ невмоготу писать, напиши, голубка, письмецо въ Городецъ къ Михаилу Петровичу Скорнякову, проситъ, молъ, Патапъ Максимычъ какъ можно скорѣе попа прислать, а нѣтъ наготовѣ попа, такъ старца какого... дочку, молъ, надо исправить *).

Въ заднемъ углу стонъ раздался. Оглянулся Патапъ Максимычъ—а тамъ съ лѣстовкой въ рукахъ стоитъ на молитвѣ Микешка Волкъ. Слезы ручьями текутъ по багровому лицу его. Съ того дня, какъ заболѣла Настя, пересталъ онъ пить и, забившись въ уголокъ молельной, почти не выходилъ изъ нея.

— Что́ ты, Никифоръ? — грустно спросилъ его Патапъ Максимычъ.

— Помираетъ!..— всхлипывая, молвилъ Никифоръ и горько, по-дѣтски заплакалъ...

---

*) Исповѣдать.

Патапъ Максимычъ не отвѣчалъ ему.

Лѣкарства не помогли. Попрежнему Настя въ забытьѣ лежитъ. Дыханье становилось слабѣй и слабѣй. Андрей Богданычъ сталъ задумываться.

Только пять дней прошло съ пріѣзда лѣкаря, а Патапа Максимыча узнать нельзя; лицо осунулось, опухшіе глаза впали, полусѣдая борода совсѣмъ побѣлѣла.

На шестой день Андрей Богданычъ сказалъ ему:

— Силы упали, лѣкарства не дѣйствуютъ.

— Не дѣйствуютъ? — дрожащимъ голосомъ молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Послѣднее средство употреблю, мускуса дамъ... — продолжалъ Андрей Богданычъ.

— Мускуса? — безсознательно повторилъ за нимъ Патапъ Максимычъ, не понимая слова.

— Да, — подтвердилъ Андрей Богданычъ. — Отъ мускуса на короткое время возвратятся ей силы; тогда дамъ ей рѣшительное средство... Поможетъ — хорошо, не поможетъ — Божья воля.

— Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному, — прошепталъ Патапъ Максимычъ.

Стояло ясное, теплое весеннее утро. Солнце весело горѣло въ небесной выси, въ воздухѣ царила тишина невозмутимая: листочекъ на деревцѣ не шелохнется... Тихо въ Настиной свѣтлицѣ, тихо во всемъ домѣ, тихо и кругомъ его... Только и слышны щебетанье птичекъ, прыгавшихъ по кустикамъ огорода, да лившаяся съ поднебесья вольная пѣсня жаворонка.

Легкій, чуть замѣтный румянецъ показался на блѣдныхъ ланитахъ Насти. Глубже и свободнѣй стала она вздыхать, исхудавшая грудь начала подыматься. Гуще и гуще разыгрывался румянецъ... И вотъ больная открыла глаза, сухіе, какъ стекло блестящіе.

Оглянувъ стоящихъ, улыбнулась Настя ясной улыбкой и голосомъ тихимъ, какъ жужжанье пчелки, сказала:

— Приподнимите меня.

Груня съ Никитичной приподняли подушки, больная осталась въ полусидячемъ положеніи.

Отецъ съ матерью бросились къ ожившей дочери, но Андрей Богданычъ остановилъ ихъ.

— Не тревожьте, — сказалъ онъ. — Вотъ лѣкарство... Дайте скорѣе съ Божьей помощью.

Груня дала лѣкарство. Принявъ его, Настя весело взглянула на нее и молвила:

— Ахъ, Груня!.. И ты здѣсь... Крёстненька!.. И ты... Ну вотъ и хорошо, вотъ и прекрасно, что всѣ собрались... Благодарствуйте, милыя... Тятенька, голубчикъ, что̀ ты такой?.. Мамынька!.. Родная ты моя!..

— Ясынька ты моя, голубушка! — обливаясь слезами, сказала Аксинья Захаровна. — Что̀ это сталось съ тобой?

— Ничего, мамынька, ничего, теперь мнѣ легко... У меня теперь ничего не болитъ... Ничего...

И свѣтлая какъ ясный день улыбка ни на мигъ не сходила съ устъ ея, и съ каждымъ словомъ живѣй и живѣй разгорались глаза ея.

Вдругъ слетѣла улыбка, и глаза стыдливо опустились. Слабо подняла она исхудавшую руку и провела ею по лбу, будто что̀ вспоминая.

— Мамынька, — тихо сказала она: — наклонись ко мнѣ.

Аксинья Захаровна наклонилась.

— Прости ты меня Господа ради, — жалобно прошептала Настя. — Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ, прости меня, родная.

— Что̀ помнить, что̀ помнить? — всхлипывая, тихо молвила Аксинья Захаровна.

— Тятѣ сказывала? — шепнула Настя.

— Охъ, сказала, дитятко; сказала, родная ты моя, — еще тише промолвила Аксинья Захаровна.

— Кто еще знаетъ? — спросила Настя.

— Кому знать? Никто больше не знаетъ, — сказала Аксинья Захаровна.

— Скажи, чтобъ не погнѣвались, вышли бы всѣ, а ты останься съ тятенькой... — младенческимъ какимъ-то голоскомъ пролепетала Настя и закрыла усталые глаза.

Когда вышли всѣ, зорко взглянула она на отца, и слеза сверкнула на рѣсницахъ ея.

— Прости меня, тятя... Согрубила я передъ тобой...

— Не поминай, Настенька, не поминай, Господь проститъ... — заливаясь слезами и наклоняясь къ дочери, проговорилъ Патапъ Максимычъ.

— Горько тебѣ... Обиду какую я сдѣлала!.. — жалобно продолжала Настя.

— Полно, забудь... — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Выздоравливай только... Къ чему поминать?..

— Поцѣлуй же меня, тятя, поцѣлуй, какъ, бывало, маленькую цѣловалъ.

— Охъ, ты, милая моя, ненаглядное мое сокровище, — едва могъ проговорить Патапъ Максимычъ и, припавъ губами къ Настѣ, навзрыдъ зарыдалъ.

— Перестань, тятя, не плачь, голубчикъ, — съ свѣтлой улыбкой говорила Настя.—Исполни мою просьбу... послѣднюю...

— Говори, родная, что̀ ни вымолвишь, все будетъ потвоему...—отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.

— Прости его...

Сверкнулъ глазами Патапъ Максимычъ. Ни слова въ отвѣтъ.

— Не можешь? По крайности зла не дѣлай... Господь съ нимъ!..

Молчитъ Патапъ Максимычъ.

— Тятя, — грустно заговорила Настя: — завтра, какъ будешь стоять у моего гробика да взглянешь на меня — не жаль тебѣ будетъ, что не утѣшилъ ты меня въ послѣдній часъ?.. А?

И она тихо заплакала.

— Добрая ты моя!.. Голубица ты моя!.. — сказалъ до глубины души тронутый Патапъ Максимычъ. — Не сдѣлаю зла... Зачѣмъ?.. Господь съ нимъ!..

— Ну, вотъ и хорошо... вотъ и прекрасно, — улыбнулась Настя. — Гдѣ онъ?

— Не воротился, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Ну и слава Богу... — съ горькой улыбкой прошептала Настя. — Господь съ нимъ!.. Теперь, тятя, благослови ты меня на̀ смерть великимъ своимъ родительскимъ благословеніемъ... благослови и ты, мамынька!

— Да полно, Настя, тебѣ вѣдь лучше... Богъ милостивъ... Онъ подниметъ тебя, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Нѣтъ, тятя, не надѣйся... не вставать мнѣ, — отвѣтила Настя. — Смерть ужъ въ головахъ. Благословите-жъ меня поскорѣе да другихъ позовите... Со всѣми проститься хочу...

Положивъ уставно̀й семипоклонный нача̀лъ, Аксинья Захаровна благоговѣйно подняла изъ божницы икону Богородицы и подала ее мужу. Тотъ благословилъ Настю, потомъ Аксинья Захаровна... Затѣмъ всѣ вошли въ свѣтлицу.

— Прости, Параша... прощай, сестрица милая... — обращаясь то къ одному, то къ другому, говорила Настя тихимъ пѣвучимъ голосомъ: — не забывай меня... Поѣдешь къ тетенькѣ, поклонись ей, и Фленушкѣ отдай поклонъ, и всѣмъ, всѣмъ... Походи вездѣ, гдѣ мы съ тобой, бывало, гуляли, цвѣточки гдѣ рвали, вѣночки плели... Марьюшкѣ голубой сарафанъ, новый шелковый — пусть поминаетъ меня... Груня, ты моя милая сестрица богоданная... прости, голубушка... помолись за меня за грѣшную, твоя молитва чиста... до̀ Бога доходна... Молись же, не забудь меня... Прости, благослови меня

на смерть, крёстненька, великимъ своимъ благословеніемъ... Евпраксеюшка... Матренушка, простите...

И всѣхъ, всѣхъ одарила Настя послѣднимъ привѣтомъ... Свѣтлая, небесная улыбка такъ и сіяла на устахъ умиравшей... Всѣ работники пришли, всѣ работницы — всякому ласковое слово сказала, каждому что-нибудь отказала на память...

Вдругъ кто-то сильными размахами растолкалъ работный людъ, ринулся къ кровати и съ громкимъ рыданьемъ упалъ передъ нею.

— Прости, моя радость!.. Прости, святая душа!..

Онъ поднялся, всплеснулъ руками и дò крови разбился головой о край кровати.

— Дядя, не пей, голубчикъ, — тихо молвила ему Настя.

— Не буду, лебедушка, не буду,—рыдалъ Никифоръ. — Покарай меня Господи, коль забуду зарокъ, что̀ даю тебѣ... Молись обо мнѣ окаянномъ, святая душенька!.. Ахъ, Настенька, Настенька!.. Не знаешь, каково я любилъ тебя... А подойти близко боялся... Что-жъ?.. Пьянъ завсегда, мерзко вѣдь тебѣ было взглянуть на меня... Только издали любовался тобой... Помолись за меня Царю Небесному, передъ Его престоломъ стоючи...

— Полно, дядя, полно... благослови меня, перекрести... — молвила Настя.

— Нѣтъ, святая душа, ты меня благослови на хорошую жизнь... Съ твоимъ благословеньемъ не пропаду, опять человѣкомъ стану, — сказалъ Никифоръ, становясь на колѣни передъ племянницей.

Она перекрестила дядю.

— Тятенька, миленькій, простимся еще разокъ...—сказала упадавшимъ голосомъ Настя.

Стоявшій въ углу Андрей Богданычъ шепнулъ Никитичнѣ, чтобъ лишній народъ вышелъ вонъ... Пока выходили, отецъ съ матерью вдругорядь благословили Настю.

Сталъ сбѣгать румянецъ съ лица Настина, вѣки смежались, дыханье становилось слабѣе и рѣже...

— Тише... Кончается, — шепнулъ Андрей Богданычъ Никитичнѣ, а самъ потихоньку вышелъ изъ свѣтлицы.

Зажгла Никитична свѣчи передъ иконами и вышла вмѣстѣ съ канонницей... Всѣ переглянулись, догадались... Аксинья Захаровна сѣла у изголовья дочери и, прижавшись къ Грунѣ, тихо плакала. Патапъ Максимычъ, скрестивъ руки, глазъ не сводилъ съ лица дочери...

Вошла Никитична. Въ одной рукѣ несла стаканъ съ водой, въ другой кацею съ жаромъ и ладаномъ. Стаканъ по-

ставила на раскрытое окно, было бы въ чемъ ополоснуться душѣ, какъ полетитъ она на небо... Кацеею трижды покадила Никитична пóсолонь передъ иконами, потомъ надъ головой Насти. Вошла съ книгой канонница Евпраксея и, ставъ у иконъ, впóлголоса стала читать «канонъ на исходъ души».

Тише и рѣже вздыхала Настя... Скоро совсѣмъ стихать начала.

Въ это время откуда ни возьмись малиновка — нѣжно, уныло завела она свою пѣсенку, звучнѣй и громчѣй полилась съ поднебѐсья вольная пѣсня жаворонка... Повѣялъ тихій вѣтерокъ и слегка шелохнулъ приподнятыя оконныя занавѣси.

— Молитесь, — оглянувъ всѣхъ, шепнула Никитична: — ангелы за душой прилетѣли.

Всѣ въ глубокомъ молчаньи набожно стали креститься.

Никитична зажгла восковую свѣчу и, вложивъ въ руку умиравшей, шепнула Парашѣ, чтобъ она поддержала ее.

Глубже вздохнула Настя... Еще разъ потише... Еще... и дыханье совсѣмъ прекратилось.

Никитична дернула за рукавъ канонницу. Та перестала читать.

Минутъ пять продолжалось глубокое молчанье... Только и слышно было заунывное пѣніе на землѣ малиновки да веселая пѣсня жаворонка, парившаго въ поднебѐсьѣ.

Наклонилась Никитична щекой къ хладѣвшимъ губамъ Насти и, обратясь къ Аксиньѣ Захаровнѣ, молвила:

— Отошла.

Поднялась со стула Аксинья Захаровна. Закрыла глаза дочери и, перекрестивъ ее, тихо промолвила:

— Прощай, доченька милая, меня дожидайся!..

И поднялись по всему дому крики и вопли... Плачъ заглушилъ и унылую малиновку и поднебесную пѣсню жаворонка...

Насилу выпроводила всѣхъ изъ свѣтлицы Никитична. Оставшись съ канонницей Евпраксеей да съ Матренушкой, стала она готовить Настю «подъ святые», обмывать, чесать и опрятывать *) новопреставленную рабу Божію дѣвицу Анастасію.

Никитична на всѣ руки была мастерица, на всякія дѣла дошлая источница. Похоронной обрядней тоже умѣла распорядиться, Евпраксея съ Матренушкой были ей на подмогу.

Только-что обмыли покойницу, взяла Никитична у Аксиньи

*) Одѣвать.

Захаровны ключи отъ сундуковъ и вынула, что̀ нужно было для погребенья. Дала дѣвицамъ кусокъ тонкаго батиста на шитье савана, а первые три стежка заставила сдѣлать самоё Аксинью Захаровну. Подъ вѣнецъ ли дѣвицу сряжать, во гробъ ли класть ее — всякое шитье мать должна зачинать — такъ повелось на Руси...

Достала Никитична новаго полотна обернуть ноги покойницѣ, новое недержанное полотенце дать ей въ руки, было бы чѣмъ отереть съ лица потъ въ день страшнаго суда Христова. Обмыли, причесали Настю. Чистую сорочку на нее надѣли, въ саванъ окутали, спеленали новымъ разрѣзнымъ полотномъ и положили въ моленной на столѣ... А на томъ столѣ за̀годя наложили соломы и покрыли ее чистой простыней. Парчи наготовѣ не явилось, зато нашелся кусокъ голубого венецейскаго бархата; готовили его въ приданое Настѣ. На тотъ бархатъ изъ золотого позумента нашили большой осьмиконечный крестъ съ копiемъ, съ тростiю и съ подножiемъ и покрыли имъ тѣло покойницы. Канонница Евпраксеюшка достала изъ книжнаго шкапа моленной бумажный вѣнецъ старой московской печати съ надписанiемъ молитвы «Святый Боже», Аксинья Захаровна положила тотъ вѣнецъ на охладѣвшее чело дочери. Зажгли свѣчи передъ всѣми иконами, поставили подсвѣчники съ ослѡпными свѣчами вкругъ тѣла, и канонница Евпраксея, окадивъ образа и покойницу, начала псалтырь читать.

Никитична сама и мѣрку для гроба сняла, сама и постель Настину въ курятникъ вынесла, чтобъ тамъ ее по три ночи пѣтухи опѣли... Управившись съ этимъ, она снаружи того окна, въ которое вылетѣла душа покойницы, привѣсила чистое полотенце, а стаканъ съ водой съ мѣста не тронула. Вѣдь души покойниковъ шесть недѣль витаютъ на землѣ и до самыхъ похоронъ прилетаютъ на то мѣсто, гдѣ разлучились съ тѣломъ. И всякiй разъ душа тутъ умывается, утирается.

И тѣмъ Никитична распорядилась, чтобъ на похоронахъ какъ можно больше дѣвицъ было. Молодость молодостью что̀ подъ вѣнецъ, что̀ въ могилу провожается. Для того разослали работниковъ по окольнымъ деревнямъ ближнимъ и дальнимъ звать-позывать всѣхъ дѣвицъ проводить до вѣковѣчнаго жилья Настасью Патаповну... И скитамъ инымъ повѣстили... Ждали гостей изъ Городца и даже изъ города — повсюду разосланы были посыльные. А дѣвицамъ всѣмъ дары были заготовлены, которымъ по платку, которымъ по переднику, которымъ по лентѣ въ косу. За Волгой ведется обычай на дѣвичьяхъ похоронахъ, какъ на свадьбѣ, дары раздавать.

Не забыла Никитична послать за плакушами *). Не пришлось отпраздновать Настину свадьбу, надо справить ея погребеніе на славу, людямъ бы на долгое время памятно было оно... Нарядила Никитична подводу верстъ за сорокъ, въ село Стародумово, звать-позывать знаменитую «плачею« Устинью Клещиху, что̀ по всему Заволжью славилась плачами, причитаньями и свадебными пѣснями... Золото эта Клещиха была. Свадьбу играютъ, заведетъ пѣсню — сѣдые старики въ присядку пойдутъ, на похоронахъ «плачъ заведетъ» — каменный зарыдаетъ... Кромѣ Устиньи еще шесть «во̀пленницъ» позвала Никитична, чтобъ вся похоронная обрядня справлена была чинно и стройно, какъ отцами, дѣдами заповѣдано.

А межъ тѣмъ на улицѣ передъ домомъ Патапа Максимыча семеро домохозяевъ сосновыя доски тесали, «домовину» изъ нихъ сколачивали **). Изготовивъ, внесли его въ сѣни и обили алымъ бархатомъ съ позументомъ, а стружки и обрубки бережно собрали и отдали Никитичнѣ... Она сама снесла ихъ за околицу и тамъ съ молитвой пустила по живой водѣ — въ рѣчку кинула. Оборони Господи, если малый какой остатокъ гроба въ огонь угодитъ — жарко на томъ свѣтѣ покойнику будетъ... Въ гробъ дѣвушки, какъ подъ брачное ложе, ржаныхъ споповъ настлали и потомъ все нутро новымъ бѣлымъ полотномъ обили.

Хороша лежала въ гробу Настенька... Строгое, думчивое лицо ея какъ кипень бѣло, умильная улыбка недвижно лежитъ на поблеклыхъ устахъ, кажется, вотъ-вотъ откроетъ она глаза и осіяетъ всѣхъ радостнымъ взоромъ... Во гробъ пахучей черемухи наклали... Пріѣхала Марья Гавриловна, рѣдкихъ цвѣтовъ съ собой привезла, обложила ими головку усопшей красавицы.

Фленушку Марья Гавриловна съ собой привезла. Какъ увидѣла она Настю во гробѣ, такъ и ринулась на̀ полъ безъ памяти... Хоть и не знала, отчего приключилась ей смертная болѣзнь, но чуяла, что на душѣ ея грѣхъ лежитъ.

Пріѣхала и Марья головщица со всѣмъ правымъ клиросомъ, мать Виринея, мать Таифа... Еще собралось нѣсколько матерей... Сама Манеѳа порывалась ѣхать, хотѣлось ей про-

*) Плакуши, плачеи, воиленницы — женщины, которыя по найму причитаютъ и поютъ древніе «плачи» на похоронахъ, на поминкахъ и на свадьбахъ.

**) Дѣлаютъ гробъ непремѣнно на улицѣ, обыкновенно родственники умершаго и непремѣнно въ нечетномъ числѣ. За неимѣніемъ родныхъ, дѣлаютъ гробъ домохозяева той деревни, гдѣ умеръ покойникъ.

водить на вѣковѣчное жилье любимую племянницу, да силъ у нея недостало.

Сотня свѣчей горитъ въ паникадилѣ и на подсвѣчникахъ въ моленной Чапурина. Клубами носится голубой кадильный дымъ роснаго ладана; тихо, уныло поютъ пѣвицы плачевныя пѣсни погребальнаго канона. Въ головахъ гроба въ длинной соборной мантіи, съ лицомъ, покрытымъ чернымъ крепомъ наметки, стоитъ мать Таифа — она службу правитъ... Кругомъ родныя и стороннія женщины, всѣ въ черныхъ сарафанахъ, съ платками бѣлаго полотна на головахъ... Патапъ Максимычъ у самаго гроба стоитъ, глазъ не сводитъ съ покойницы и только порой покачиваетъ головою... Покамѣсть жива была Настя, терзался онъ, рыдалъ, какъ дитя, заливался слезами, теперь никто не слышитъ его голоса — окаменѣлъ.

Допѣли канонъ. Дрогнулъ голосъ Марьюшки, какъ завела она запѣвъ прощальной пѣсни: *пріидите послѣднее дадимъ цѣлованіе*... Первымъ прощаться подошелъ Патапъ Максимычъ. Истово сотворилъ онъ три поклона передъ иконами, тихо подошелъ ко гробу, трижды перекрестилъ покойницу, припалъ устами къ холодному челу ея, отступилъ и поклонился дочери въ землю... Но какъ всталъ да взглянулъ на мертвое лицо ея, затрясся весь и въ порывѣ отчаянья вскрикнулъ:

— Родная!..

И расшибся бы на мѣстѣ, если-бъ сильныя руки стоявшаго сзади Колышкина не поддержали его.

Оглянулся Патапъ Максимычъ.

— Сергѣй Андреичъ?.. Какими судьбами? — слабымъ голосомъ спросилъ онъ прискакавшаго въ Осиповку ужъ во время отпѣванья Колышкина.

— Узналъ, крестный, про горе твое, — молвилъ онъ. — Какъ же не пріѣхать-то?

Горячо обнялъ его Патапъ Максимычъ, сдерживая рыданья.

— Плачь а ты, крестный, плачь, не крѣпись, слезъ не жалѣй — легче на сердцѣ будетъ, — говорилъ ему Колышкинъ... А у самого глаза тоже полнехоньки слезъ.

Послѣ прощанья Аксинью Захаровну безъ чувствъ на рукахъ изъ моленной вынесли.

Кончились простины. Изъ дома вынесли гробъ на холстахъ и, поставивъ на черный «одёръ» *), понесли на плечахъ. До кладбища было версты двѣ, несли перемѣняясь, но Никифоръ

---

*) Носилки, на которыхъ носятъ покойниковъ. За Волгой, особенно между старообрядцами, носить покойниковъ до кладбища на холстахъ или же возить на лошадяхъ почитается грѣхомъ.

какъ сталъ къ племянницѣ подъ правое плечо, такъ и шелъ до могилы, никому не уступая мѣста.

Только-что вынесли гробъ за околицу, вдали запылилась дорога и показалась пара добрыхъ саврасокъ, заложенныхъ въ легкую телѣжку. Возвращался съ Ветлуги Алексѣй.

Своротилъ онъ съ дороги, соскочилъ на землю... Видитъ гробъ, крытый голубымъ бархатомъ, видитъ много людей, и люди все знакомые. Въ смущеньи скинулъ онъ шапку.

Приближался шедшій впереди подростокъ лѣтъ четырнадцати, въ черномъ суконномъ кафтанчикѣ, съ двумя полотенцами, перевязанными крестомъ черезъ оба плеча. Въ рукахъ на большой батистовой пеленѣ несъ онъ благословенную икону въ золотой ризѣ, ярко горѣвшей подъ лучами полуденнаго солнца.

— Кого это хоронятъ? — спросилъ у него Алексѣй.

— Настасью Патаповну, — вполголоса отвѣтилъ мальчикъ.

Такъ и остолбенѣлъ Алексѣй... Даже лба перекрестить не догадался.

Какъ въ сонномъ видѣньи проносятся передъ нимъ смутные образы знакомыхъ и незнакомыхъ людей. Вотъ двое высокорослыхъ молодцовъ несутъ на головахъ гробовую крышу. Смотритъ на нее Алексѣй... Алый бархатъ... алый... И вспоминается ему точно такой же алый шелковый платокъ на Настиной головкѣ, когда она, пышная, цвѣтущая красой и молодостью, рѣзво и весело вбѣжала къ отцу въ подклѣтъ и, впервые увидѣвъ Алексѣя, потупила звѣздистыя очи... Аленькій гробокъ, аленькій гробокъ!.. Въ такомъ же аломъ тафтяномъ сарафанѣ съ пышными бѣлоснѣжными рукавами одѣта была Настя, когда онъ по приказу Патапа Максимыча впервые пришелъ къ ней въ свѣтлицу... когда, улыбаясь сквозь слезы, она страстно взглянула ему въ очи и въ порывѣ любви кинулась на грудь его... Вотъ «пѣвчая стая» Манеѳиныхъ крылошанокъ, впереди знакомая головщица Марьюшка. Она знаетъ, что покойница любила его, Фленушка ему о томъ сказывала. Тихо пѣвицы поютъ: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смертъ наступи*... Тутъ только вспомнилъ Алексѣй, что слѣдуетъ перекреститься... А вотъ четверо несутъ «одёръ» на плечахъ... Въ головахъ твердой поступью идетъ Никифоръ... Показалось Алексѣю, что онъ злобно взглянулъ на него... Отъ мѣрныхъ шаговъ носильщиковъ гробъ слегка покачивается, и колышется на немъ голубой бархатный покровъ... Силъ не стало у Алексѣя, потупилъ глаза и низко преклонился передъ покойницей...

Вотъ ведутъ подъ руки убитую горемъ Аксинью Захаровну...

Вотъ неровными шагами, склонивъ голову, идетъ Патапъ Максимычъ... какъ похудѣлъ онъ, сердечный, какъ посѣдѣлъ!.. Вотъ Параша, Фленушка... Увидя Алексѣя, она закрыла глаза передникомъ, громко зарыдала и пошатнулась... Кто-то подхватилъ ее подъ руки... Звѣзды небесныя!.. Да, это она — Марья Гавриловна!.. Вотъ взглянула молодая вдова на Алексѣя, сама зардѣлась, какъ маковъ цвѣтъ, и стыдливо опустила искрометныя очи... Свѣта не взвидѣлъ Алексѣй, и въ глазахъ и въ умѣ помутилось... Видитъ пеструю толпу — мужчины, женщины, дѣти, много, много народу... Слышитъ голосистыя, за душу тянущія причитанья воиленницъ:

Не утай, скажи, касатка моя, ластушка,
Ты чего, моя касатушка, спужалася?
Отчего ты въ могилушку сряжалася?
Знать, того ты спужалася, моя ластушка,
Что нонѣ годочки пошли все слезо̀вые,
Молодые людушки пошли все обманные,
Холосты ребята пошли нонь безсовѣстные.

Какъ ножомъ по̀ сердцу полоснуло Алексѣя отъ этихъ словъ старорусскаго «жа̀льнаго плача»... Заговорила въ немъ совѣсть, ноги подкосились, и какъ осиновый листъ онъ затрясся... Мельтешитъ передъ нимъ длинный поѣздъ кибитокъ, тарантасовъ, крестьянскихъ телѣгъ; шагомъ ѣдутъ онѣ за покойницей.

Жалко ему стало ту, за которую такъ недавно съ радостью сложилъ бы голову... Мутится въ умѣ, двоятся мысли!.. То покойница вспоминается, то Марья Гавриловна на память идетъ.

Опомнился Алексѣй. Вскочивъ въ телѣжку, во весь опоръ помчался за похороннымъ поѣздомъ и, догнавъ, поѣхалъ сзади всѣхъ... Влекло впередъ, хотѣлось взглянуть на Марью Гавриловну, но гробъ не допускалъ.

— Ефремъ, — окликнулъ онъ красильщика, ѣхавшаго въ задней телѣгѣ.

— Чего? — откликнулся тотъ.

— Отъ чего померла?

— Знамо, отъ смерти, — ухмыльнувшись, отвѣтилъ Ефремъ.

— Дѣломъ говори... — строго прикрикнулъ Алексѣй.

— Хворала, болѣла, ну и померла, — встряхнувъ головой, молвилъ Ефремъ.

— Долго-ль хворала? — спросилъ Алексѣй.

— Недѣли съ полторы, не то и болѣ, — отвѣчалъ красильщикъ. — Лѣкаря изъ городу привозили, вечоръ только уѣхалъ... Лѣчилъ тоже, да, видно, на роду ей писано помереть... Тутъ ужъ, братъ, ничего не подѣлаешь.

— А что̀ за болѣзнь была? — перебилъ Ефрема Алексѣй.

— А кто ее знать, дѣло хозяйское,—почесавъ въ затылкѣ, молвилъ красильщикъ. — Безъ памяти, слышь, лежала, безъ языка.

— Безъ языка? — быстро спросилъ Алексѣй.

— Ни словечка, слышь, не вымолвила съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ съ нею попритчилось.

— А что-жъ съ ней такое попритчилось? — продолжалъ свои разспросы Алексѣй.

— Кто ихъ знать... Дѣло хозяйское!.. Мы до того не доходимъ, — сказалъ Ефремъ, но тотчасъ же добавилъ: — болтаютъ на деревнѣ, что собралась она въ Комаровъ ѣхать, уложились, конѐй запрягать велѣли, а она, сердечная, хвать о̀ полъ, ровно громомъ ее сразило.

«Коли такъ, все какъ осенній слѣдъ запало», — подумалъ Алексѣй.

Сталъ Ефремъ разсказывать, что у Патапа Максимыча гостей на похороны наѣхало видимо-невидимо; что угощенье будетъ богатое; что «строятъ» столы во всю улицу; что каждому будетъ по три подноса вина, а пива и браги пей, сколько въ душу влѣзетъ; что на поминки наварено, настряпано, чего и пріѣсть нельзя; что во всѣхъ восемнадцати избахъ деревни Осиповки бабы блины пекутъ, чтобъ на всѣхъ поминальщиковъ стало горяченькихъ.

Мимо ушей пропускалъ Алексѣй разсказы несмолкавшаго Ефрема... Много въ тѣ минуты думъ у него было передумано.

Погребальные «плачи» вѣютъ стариной отдаленной. То древняя обрядня, останки старорусской тризны, при совершеніи которой близкіе къ покойнику, особенно женщины, плакали «плачемъ великимъ». Повсюду на Руси сохранились эти пѣсни, вылившіяся изъ пораженной тяжкимъ горемъ души. По наслуху переходили онѣ въ теченіе вѣковъ изъ одного поколѣнья въ другое, несмотря на запрещенья церковныхъ пастырей творить языческіе плачи надъ христіанскими тѣлами...

Нигдѣ такъ не сберегались эти отголоски старины, какъ въ лѣсахъ Заволжья и вообще на Сѣверѣ, гдѣ, по недостатку церквей, народъ меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, подвергся вліянію духовенства. Плачеи и вопленицы — эти истолковательницы чужой печали — прямыя преемницы тѣхъ вѣщихъ женъ, что̀ «великими плачами» справляли тризны надъ нашими предками. Погребальные обряды свершаются ими чинно и стройно, по уставу, изустно передаваемому изъ рода

въ родъ. На богатыхъ похоронахъ вопленницы справляютъ плачи въ видѣ драмы: главная «заводитъ плачъ», другія, составляя хоръ, отвѣчаютъ ей... Особые бываютъ плачи при выносѣ покойника изъ дому, особые во время переноса его на кладбище, особые на только-что зарытой могилѣ, особые за похороннымъ столомъ, особые при раздачѣ даровъ, если помретъ молодая дѣвушка. Одни плачи поются отъ лица мужа или жены, другіе отъ лица матери или отца, брата или сестры, и обращаются то къ покойнику, то къ роднымъ его, то къ знакомымъ и сосѣдямъ... И на все свой порядокъ, на все свой уставъ... Такимъ образомъ одновременно справляются двое похоронъ: однѣ церковныя, другія древнія старорусскія, вѣющія той стариной, когда предки наши еще поклонялись Облаку ходячему, потомъ Солнцу высокому, потомъ Грому Гремучему и Матери Сырой Землѣ *).

Вотъ за гробомъ Насти, вслѣдъ за родными, идутъ съ поникшими головами семь женщинъ. Всѣ въ синихъ крашеныхъ сарафанахъ съ черными рукавами и бѣлыми платками на головахъ... Впереди выступаетъ главная «плачея» Устинья Клещиха. Хоронятъ дѣвушку, оттого въ рукахъ у ней зеленая вѣтка, обернутая въ красный платокъ.

Завела Устинья плачъ отъ лица матери, вопленницы хоромъ повторяютъ каждый стихъ. Далекò по полю разносятся голосистыя причитанья, заглушая тихое пѣніе воскреснаго тропаря идущими впереди пѣвицами.

На полётѣ летитъ бѣлая лебедушка,
На быстромъ несется касатка — ластушка.
Ты куда, куда летишь, лебедь бѣлая,
Ты куда несешься, моя касатушка?
Не утай, скажи, дитя мое рòдное...
Ты въ какой же путь снарядилася,
Во которую путь-дороженьку,
Въ каки гости незнакомые,
Незнакомые, нежеланные?
Собралася ты, снарядилася
На вѣчное житье безконечное.
Какъ пчела въ меду у меня ты купалася,
Какъ скатнòй жемчугъ на золотѣ блюдѣ разсыпàлася.
Ужъ какъ зарились удалы дòбры мòлодцы
На твою красоту ненаглядную,

---

*) Въ глубокой древности наши предки поклонялись ходячему небу или ходячему облаку — это *Сварогъ*. Потомъ стали поклоняться солнцу — это *Дажбогъ*, и наконецъ грому — это *Перунъ* или *Громъ Гремучій*. То же самое было и у древнихъ эллиновъ: сначала поклоненіе Урану (небо), потомъ Кроносу (время, которое показывается ходомъ солнца) и наконецъ Зевсу (грому). Чтò у эллиновъ Кивилла — то у насъ Мать Сыра Земля.

Говорили-жъ тебѣ совѣтны милы подруженьки:
„Ужъ счастлива-жъ ты, дѣвица таланная,
„Цвѣтнымъ платьемъ ты изнавѣшана,
„Тяжелой работой ты не огружена,
„Браннымъ словечушкомъ не огрублена“.
Не чаялась я, горюша, не надѣялась
Глядѣть на тебя во гробу да въ дубовоимъ.
Ужъ какъ встану я, бывало, по раннему по утрышку,
Потихонечку приду ко твоей ко кроватушкѣ,
Сотворю надъ тобой молитву Іусову,
Принакрою тебя соболинымъ одѣяльчикомъ,
Я поглажу тебя по младой по головушкѣ:
„Да ты спи же, усни, моя бѣла лебедушка,
„Во своемъ во прекрасномъ во дѣвичествѣ,
„На мягкой на пуховой на перинушкѣ“
Не утай, скажи, дитятко мое удатное,
Чѣмъ, побѣдная горюша, тебя я прогнѣвала,
Коимъ словомъ тебѣ я согрубила?
Что не солнышко за облачкомъ потерялося,
Не свѣтёлъ мѣсяцъ за тучку закатался,
Не ясна звѣзда со небушка скатилася —
Отлетала моя доченька родная
За горушки она да за высокія,
За тѣ ли за лѣса да за дремучіе,
За тѣ ли облака да за ходячія,
Ко красному солнышку на бесѣдушку,
Ко свѣтлому мѣсяцу на супрядки,
Ко частыимъ звѣздушкамъ въ хороводъ играть.

Приносили на погостъ дѣвушку, укрывали бѣлое лицо гробовой доской, опускали ее въ могилу глубокую, отдавали Матери Сырой Землѣ, засыпали рудо-желтымъ пескомъ.

Стоитъ у могилки Аксинья Захаровна, ронитъ слезы горькія по лицу блѣдному, не хочется разставаться ей съ новосельемъ милой доченьки... А отецъ стоитъ: скрестилъ руки, склонилъ голову, сизой тучей скорбь покрыла лицо его... Всѣ родные, подруги, знакомые стоятъ у могилы, слезами обливаючись... И, только-что пѣвицы келейныя пропѣли «вѣчную память», Устинья надъ свѣжей могилою новый плачъ завела, обращаясь къ покойницѣ:

Я кляну да свою буйну головушку,
Я корю свое печально скорбно сердечушко!
Ахъ, завѣйте, завѣйте-тка, вѣтры буйные,
Вы развѣйте, развѣйте-тка желты пески,
Что на новой, на свѣжей на могилушкѣ.
Расколите, расколите гробову доску.
Разверните, разверните золоту парчу,
Разверните, разверните бѣлъ тонкой саванъ,
Размахни ты, моя голубонька, ручки бѣлыя,
Разомкни ты, моя ластушка, очи звѣздистыя,
Распечатай, моя лебедушка, уста сахарныя,
Посмотри на меня, на горюшу побѣдную,

Ты промолви-ка мнѣ хоть едино словечушко...
Я надѣялась на тебя крѣпкой надеждушкой:
Растила до хорошаго до возрасту,
Научала уму-разуму
И всякому рукодѣльицу.
Не судилъ мнѣ Господь съ тобой пожить,
Покидала ты меня, горюшу, ранымъ-ранешенько,
Миновалася жизнь моя хорошая,
Наступило горько, слезо̀вое времечко...

Одинъ по одному разошлись съ погоста. Выпрягли и потомъ вновь запрягли коней и поѣхали въ деревню. Безъ этого обряда нельзя съ кладбища ѣхать — не то другую смерть въ домъ привезешь.

Опустѣла Настина могилка, всѣ ее покинули, одинъ не покинулъ. До поздняго вечера, обливаясь слезами, пролежалъ на ней Никифоръ. Хоть Аксинья Захаровна и говорила, что остался онъ на кладбищѣ, чтобъ удалиться отъ искушенія, что̀ предстало бы ему на поминальной тра̀пезѣ; но неправду про брата сказала она. Хоть виду не подавалъ, хоть ни единымъ словомъ никогда никому не высказывалъ, но съ ранняго дѣтства Насти горячо онъ любилъ ее преданной и беззавѣтной любовью. Нежданная смерть племянницы такъ поразила его, что онъ совсѣмъ переродился. Душа-то у него всегда была хороша, губила ее только чара зелена̀ вина.

Дня потомъ не проходило, чтобъ Никифоръ по нѣскольку часовъ не просиживалъ на дорого̀й могилкѣ. На девятый день пришли на кладбище покойницу помянуть и, какъ водится, дерномъ могилу окласть, а она ужъ обложена и крестъ поставленъ на ней. Пришли на поминки въ двадцатый день, могилка вся въ цвѣтикахъ.

Проводивъ за околицу крестницу и предоставивъ дальнѣйшую погребальную обрядню Устиньѣ Клещихѣ, Никитична воротилась въ домъ Патапа Максимыча и тамъ, съ помощью работницъ и позванныхъ деревенскихъ молодухъ, все привела въ порядокъ. Вымыли и мокрыми тряпицами подтерли полы во всѣхъ горницахъ и въ моленной. Тряпицы, вѣники, весь соръ, солому, на которой до положенія во гробъ лежала покойница, горшокъ, изъ котораго ее обмывали, гребень, которымъ расчесывали ей волосы, все собрала Никитична, съ молитвой вынесла за околицу и бросила тамъ на распутіи... Послѣ того, умывшись и переодѣвшись во все чистое, принялась она вмѣстѣ съ приспѣшницами «помины строить». Во всѣхъ горницахъ накрыли столы и разставили на нихъ канунъ, кутью и другія поминальныя снѣди. Вдоль улицы, какъ во время осеннихъ и троицкихъ «кормовъ», длиннымъ рядомъ

выстроили столы и покрыли ихъ столешниками *). На столахъ явились блюда съ кутьей и кануномъ, деревянные жбаны съ сыченой брагой и баклаги съ медовой сытой для поминальнаго овсянаго киселя.

Къ возврату съ погоста досужая Никитична успѣла все обрядить, какъ слѣдуетъ. Гости какъ на дворъ, такъ и за столъ... Устинья Клещиха, взойдя въ большую горницу, положила передъ святыми три поклона, взяла съ «краснаго **) стола» блюдо съ кутьей, сначала поднесла отцу съ матерью, потомъ роднымъ и знакомымъ. На улицѣ за столами усѣлось больше двухсотъ человѣкъ мужчинъ, бабъ, дѣвокъ и подростковъ; тамъ вопленницы тѣмъ же порядкомъ всѣмъ кутью разносили. Ѣли ее въ молчаніи, такъ стародавнимъ обычаемъ установлено.

Послѣ кутьи въ горницахъ родные и почетные гости чай пили, а на улицѣ всѣхъ обносили виномъ, а непьющихъ бабъ, дѣвокъ и подростковъ ренскимъ потчевали. Только-что сѣли за столъ, плачеи стали подъ окнами дома... Устинья завела «поминальный плачъ», обращаясь отъ лица матери къ покойницѣ съ зовомъ ея на погребальную тризну:

Родимая моя доченька,
Любимое мое дитятко,
Настасья свѣтъ Патаповна,
Тебѣ добро принять пожаловать
Стаканъ вина да пьянаго,
Чарочку да зеленà вина
Отъ меня отъ горюши побѣдныя.
Съ моего ли пива пьянаго
Не болитъ буйнà головушка,
Не щемитъ да ретиво сердце;
Веселò да напиватися
И легко да просыпатися.
Ты пожалуй, бѣла лебедушка,
Хлѣба-соли покушати;
Дубовы столы поразставлены,
Яства сахарны наношены.

На улицѣ подавали народу поминальныя яства въ изобиліи. Изо всѣхъ восемнадцати домовъ деревни вынесли гречневые блины съ масломъ и сметаной, а блины были мѣрные, добрые, въ каждый блинъ ломоть завернуть. За блинами угощали народъ пирогами-столовикàми ***), щами съ солониной, лапшой со свининой, пряженцами съ яйцами, а въ концѣ стола

---

*) Скатерть.

**) Главный столъ, приготовленный для почетныхъ гостей.

***) Круглый пирогъ изъ сочней, съ начинкой изъ молочныхъ блиновъ и рѣпы.

подан был кисель с сытой. Вином по-трижды обносили, пива и сыченой браги пили, сколько хотѣли, без угощенья. Послѣ киселя покойницу «тризной» помянули: выпили по доброму стакану смѣси из пива, меду и ставленной браги *). В хоромах за красным столом кушанья были отборныя: там и дорогія вина подавали, и мѣрных стерлядей, и жирных индюков, и разную дичину. Но блины, кисель и тризна, как принадлежности похоронной трапезы, и за красным столом были ставлены.

Только-что отобѣдали, раздача даров началась. Сначала в горницах замѣнявшая мѣсто сестры Параша раздала оставшіеся послѣ покойницы наряды Фленушкѣ, Марьюшкѣ, крылошанкам и нѣкоторым деревенским дѣвицам. А затѣм вмѣстѣ с отцом, матерью и почетными гостями вышла она на улицу. На десяти больших подносах вынесли за Парашей дары. Устинья стала возлѣ нея, и одна без воплениц пропѣла к людям «причет»:

Вы ступайте, люди добрые,
Люди добрые, крещеные,
Принимайте дары великіе,
А великіе да почетные
От Настасьи свѣт Патаповны:
Красны дѣвицы по шириночкѣ,
Молоды молодки по передничку,
Добры молодцы по опоясочкѣ.
Да не будьте вы крикливые,
Да не будьте вы ломливые,
А будьте вы милостивы,
Еще милостивы да жалостливы,
Жалостливы да приступливы.

Спервоначалу дѣвицы одна-за другой подходили к Парашѣ и получали из рук ея: кто платок, кто ситцу на рукава аль на передник. Послѣ дѣвиц молодицы подходили, потом холостые парни, их дарили платками, кушаками, опоясками. Не остались без даров ни старики со старухами, ни подростки с малыми ребятами. Всѣх одарила щедрая рука Патапа Максимыча: поминали-б дорогую его Настеньку, молились бы Богу за упокой души ея.

А во время раздачи даров Устинья с вопленницами пѣла:

Не была я, горюша, заботлива **),
Не была, побѣдна головушка, безпамятна,
Поспрошать родное свое дѣтище,

---

*) Эту смѣсь, в которую прибавляется также и виноградное вино, зовут «тризной», а также «чашей». Поповское или семинарское ея названіе — «пивомедіе».

**) То-есть забывчива.

Какъ раздать кому ея одеженьку.
Вѣдь сотлѣютъ въ сундукахъ платья цвѣтныя,
Потускнѣютъ въ скрынѣ камни самоцвѣтные,
Забусѣетъ въ ларцѣ скатной жемчугъ.
Говорила же мнѣ бѣла лебедушка,
Что Настасья свѣтъ Патаповна:
„Я кладу жемчужны поднизи
„И всѣ камни самоцвѣтные
„Ко иконѣ Пречистой Богородицы —
„Я своей душѣ кладу на спасенье
„И на вѣчное поминаніе.
„А всѣ алы, цвѣтны ленточки
„По душамъ раздамъ по краснымъ дѣвушкамъ:
„Поминали-бъ меня дѣвицу
„На веселыхъ своихъ на бесѣдушкахъ.
„Сарафаны свои мелкоскладные
„Я раздамъ молодыимъ молодушкамъ,
„Поминали-бъ меня красну дѣвицу.
„А шелковые платочки атласные
„Раздарю удалымъ добрымъ молодцамъ,
„Пусть-ка носятъ ихъ по праздникамъ
„Вокругъ шеи молодецкія,
„Поминаючи меня красну дѣвицу“.

А милостыню по нищей братіи раздавали шесть недѣль каждый Божій день. А въ Городецкую часовню и по всѣмъ обителямъ Кѐрженскимъ и Чернораменскимъ разосланы были великія подаянія на службы соборныя, на свѣчи негасимыя и на большіе кормы по трапезамъ... Хорошо, по всѣмъ порядкамъ устроилъ душу своей дочери Патапъ Максимычъ.

И ходила про то молва великая, и были говоры многіе по всему Заволжью и по всѣмъ лѣсамъ Кѐрженскимъ и Чернораменскимъ. Всѣ похваляли и возносили Патапа Максимыча за доброе его устроеніе. Хоть и тысячникъ, хоть и бархатникъ, а, дочку хороня, справилъ все по-старому, по-завѣтному, какъ отцами-дѣдами старорусскому люду заповѣдано.

На кладбищѣ, передъ тѣмъ какъ закрывать гробовую крышку, протѣснился къ могилѣ Алексѣй и сталъ среди окружившихъ Настю для отдачи послѣдняго поцѣлуя... Взглянулъ онъ на лицо покойницы... Свѣта не взвидѣлъ... Злая совѣсть стоитъ палача.

Опомнился, когда народъ съ кладбища пошелъ, послѣднимъ въ деревню пріѣхалъ, отдалъ коней работнику, ушелъ въ подклѣтъ и заперся въ боковушѣ... Доносились до него и говоръ поминальщиковъ и причитанья воплениицъ, но былъ онъ ровно въ чаду, сообразить ничего не могъ.

Ужъ подъ вечеръ, когда разошлись по домамъ поминальщики, вышелъ онъ изъ боковуши и увидалъ Пантелея. Скло-

нивъ голову на руки, сидѣлъ старикъ за столомъ, погруженный въ печальныя думы. Удивился онъ Алексѣю.

— Отколь взялся, Алексѣюшка? — спросилъ онъ.

— Пріѣхалъ вотъ, — сумрачно отвѣтилъ Алексѣй.

— Когда?

— Утромъ давеча... Во время выносу... Навстрѣчу попалась, — сказалъ Алексѣй.

— Вотъ горе-то какое у насъ, Алексѣюшка, — молвилъ, покачавъ головой, Пантелей. — Нежданно - негаданно — вдругъ... Кажется, кому бы и жить, какъ не ей... Молодехонька была, царство ей небесное, изъ себя красавица, какихъ на свѣтѣ мало живетъ, всѣ-то ее любили, опять же во всякомъ довольствѣ жила, чего душа ни захочетъ, все передъ ней готово... Да, видно, человѣкъ гадаетъ по-своему, а Богъ рѣшаетъ по-своему...

— Какъ это случилось, Пантелей Прохорычъ? — спросилъ Алексѣй. — Давеча толку ни отъ кого добиться не могъ. Что̀ за болѣзнь такая съ нею была, отъ чего?

— Богъ ее знаетъ, что̀ за болѣзнь, — отвѣчалъ Пантелей. — На другой никакъ день, какъ ты на Ветлугу уѣхалъ, Патапъ Максимычъ сталъ въ Комаровъ съ дѣвицами сряжаться. Марья Гавриловна, купецкая вдова, коли слыхалъ, живетъ тамъ у матушки Манеѳы, она звала дѣвицъ-то погостить... Покойницѣ, мнится мнѣ, не по себѣ что-то было: то развеселая по горницамъ бѣгаетъ, пѣсни поетъ, суетится, ѣхать торопится, то ровно варомъ ее обдастъ, помутится вся изъ лица, сядетъ у окна грустная такая, печальная... Тамъ наверху въ большихъ сѣняхъ Аксинья Захаровна съ покойницей ихни пожитки въ чемоданы складывала, а Прасковья Патаповна съ Евпраксеюшкой въ свѣтлицѣ была... Вдругъ она, голубушка, ни съ того ни съ сего пала аки мертвая... По̀ дому забѣгали, засуетились, на рукахъ отнесли ее на кровать... И десять денечковъ лежала она недвижимая, и не было отъ нея ни гласа ни послушанія... Передъ смертью только очнулась, и ужъ какъ же она, голубушка, прощалась со всѣми, — камень, кажись, и тотъ бы растаялъ. Всякому-то доброе слово промолвила, никого-то не забыла послѣднимъ своимъ подареньицемъ... Всѣ приходили: и работники, и работницы, и съ деревни много людей приходило, со всѣми прощалась... Одинъ ты, Алексѣюшка, не угодилъ проститься... И только-что успѣла со всѣми попрощаться, ровно заснула голубушка... Тихо взлетѣла чистая ея душенька ко престолу Царя Небеснаго... Да, Алексѣюшка, видалъ я много разъ, какъ люди помираютъ, дожилъ, какъ видишь, до сѣдыхъ волосъ, а такой тихой, блаженной кончины не видывалъ... Ни на землѣ зла не оста-

вила ни за собой людского зла не унесла... Вотъ хоть бы сегодня взять... Сколько было на поминкахъ народу, а былъ ли хоть единъ человѣкъ, кто бы лихомъ ее помянулъ?.. Правду аль нѣтъ говорю?

— Да, — вымолвилъ Алексѣй, отирая платкомъ обильный потъ, выступившій на лицѣ его.

— При жизни, пожалуй, и у ней завистники бывали, — продолжалъ Пантелей. — Кто уму-разуму завидовалъ, кто богатству да почести, кто красотѣ ея неописанной... Самъ знаешь, какова приглядна была.

— Да, — прошепталъ Алексѣй.

— Смертью все смирилось, — продолжалъ Пантелей. — Миръ да покой и вѣчное поминаніе!.. Смерть все миритъ... Когда Господь повелитъ грѣшному тѣлу идти въ гробную тѣсноту, лежать въ холодкѣ, въ темномъ уголкѣ, подъ дерновымъ одѣяломъ, а вольную душеньку выпуститъ на Свой Божій просторъ — перестаютъ тогда всѣ счеты съ людьми, что̀ вживѣ остались... Смерть все кроетъ, Алексѣюшка, все...

— Все? — сказалъ Алексѣюшка, вскинувъ глазами на Пантелея.

— Все, — внушительно подтвердилъ Пантелей. — Только людскихъ грѣховъ передъ покойникомъ покрыть она не можетъ... Кто какое зло покойнику сдѣлалъ, тому до покаянья грѣхъ не прощенъ... Охъ, Алексѣюшка! Нѣтъ ничего лютѣй, какъ злобу къ людямъ имѣть... Каково будетъ на тотъ свѣтъ-отъ нести ее!.. Тяжела ноша, ухъ, какъ тяжела!..

Угрюмо молчалъ Алексѣй, слушая рѣчи Пантелея... Конца бы не было разсужденьямъ старика, не войди въ подклѣтъ Никитична. Любилъ потолковать Пантелей про смерть и послѣдній судъ, про райскія утѣхи и адскія му̀ки. А тутъ какой поводъ-отъ былъ!..

— Забѣгалась я, Пантелеюшка, искавши тебя, — сказала Никитична. — Ступай кверху, Патапъ Максимычъ зоветъ.

— Что̀ онъ? — спросилъ Пантелей, вставая съ лавки.

— Легъ... Вовсе сердечный примучился... Посылать никакъ хочетъ тебя куда-то, — сказала Никитична. — Ты давно ли пріѣхалъ? — обратилась она къ Алексѣю.

— Давеча, во время похоронъ, — молвилъ Алексѣй.

— Вишь на какое горе пріѣхалъ!.. Не чаяли мы, не гадали такого горя... Да что-жъ я давеча тебя не запримѣтила! — спросила Никитична.

— На кладбищѣ-то я былъ, — молвилъ Алексѣй.

— Не про кладбище рѣчь, — сказала Никитична: — за столами тебя не видала.

— Двѣ ночи не спалъ я, Дарья Никитична, притомился очень, — сказалъ Алексѣй. — Пріѣхавши отдохнуть прилегъ да грѣхомъ и заснулъ... Разбудить-то было некому.

— Какъ же это, парень?.. И покойницу не помянулъ и даровъ не принялъ, а еще въ домѣ живешь, — сказала Никитична. — Поѣсть не хочешь ли?.. Иди въ стряпущую.

— Нѣтъ, Дарья Никитична, неохота,—отвѣтилъ Алексѣй.

— Ну какъ знаешь, — молвила Никитична и потомъ спросила: — Патапа Максимыча видѣлъ?

— Нѣтъ еще, — отвѣчалъ Алексѣй. — Не до того, поди, ему теперь.

При этихъ словахъ вошелъ Пантелей и сказалъ Алексѣю, что Патапъ Максимычъ его требуетъ.

— Тебя-то куда посылаетъ? — спросила старика Никитична.

— Въ Городецъ да по скитамъ съ сорокоустами, — отвѣчалъ Пантелей.

И Пантелей и Никитична обошлись съ Алексѣемъ ласково, ничего не намекнули... Значитъ, про него во время Настиной болѣзни особыхъ рѣчей ведено не было... По всему видно, что Настя тайну свою въ могилу снесла... Такими мыслями бодрилъ себя Алексѣй, идя на зовъ Патапа Максимыча. А сердце все-таки тревогой замирало.

Патапъ Максимычъ раздѣтый лежалъ на кровати, когда Алексѣй, тихонько отворивъ дверь, вошелъ въ его горницу. Лицо у Патапа Максимыча осунулось, наплаканные глаза были красны, вѣки припухли, сѣдины много прибыло въ бородѣ. Лежалъ истомленный, изнуренный, но брошенный на Алексѣя взоръ его гнѣвенъ былъ.

— Здорово, Алексѣй Трифонычъ! — сдержанно проговорилъ онъ. — По добру-ль по здорову ли съѣздилъ?

Алексѣй поклонился. Надо бы сказать что-нибудь, да рѣчи на умъ не шли.

— Пантелей сказывалъ, что ты еще утромъ пріѣхалъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ, устремивъ пристальный взоръ на тяжело переводившаго духъ Алексѣя.

— Такъ точно, — едва слышно проговорилъ Алексѣй.

— Вотъ какіе нонѣ у насъ приказчики завелись, — усмѣхнулся Патапъ Максимычъ. — Пріѣдетъ съ дѣломъ, а хозяину и глазъ не кажетъ. Просить его надо, пословъ посылать...

— Такое время, Патапъ Максимычъ, — запинаясь, отвѣтилъ смущенный Алексѣй. — До того ли вамъ было?.. Не посмѣлъ.

— Чего не посмѣлъ?—быстро спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Не посмѣлъ безпокоить васъ, — отвѣчалъ Алексѣй.

— Такъ ли, полно, парень? — сказалъ Патапъ Максимычъ.— А я такъ полагаю, что совѣстно тебѣ было на глаза мнѣ показаться... Видно, совѣсти-то малая толика осталась... Не до конца растерялъ.

Поблѣднѣлъ Алексѣй. Ни живъ ни мертвъ стоитъ передъ Патапомъ Максимычемъ.

— Что̀ молчишь? Аль языкъ-отъ въ цѣпи заковало?.. Говори!..

— Не погубите... — простоналъ Алексѣй, кинувшись въ ноги передъ кроватью.

— Губить тебя?.. Не бойся... А знаешь ли, криводушный ты человѣкъ, почему тебѣ зла отъ меня не будетъ?—сказалъ Патапъ Максимычъ, сѣвъ на кровать. — Знаешь ли ты это?.. Она, моя голубушка, на исходѣ души за тебя просила... Да... Не снесла ея душенька позору... Увидала, что отъ людей его не сокроешь — въ могилу пошла... А кто виноватъ?.. Кто ее погубилъ?.. А она-то, голубушка, лежа на смертномъ одрѣ, Христомъ Богомъ молила—волосомъ не трогать тебя.

Заплакалъ Алексѣй, припавъ къ ногамъ Патапа Максимыча.

— Я-ль тебя не жалѣлъ, я ли не возлюбилъ тебя, — продолжалъ Патапъ Максимычъ.—А ты за мое добро да мнѣ же въ ребро.

— Согрѣшилъ я передъ Богомъ и передъ вами, Патапъ Максимычъ, — простоналъ Алексѣй.

— А передъ ней-то, передъ голубушкой-то моей, нешто не грѣшенъ? — отирая слезы, сказалъ Патапъ Максимычъ. — А у меня, у стараго дурака, еще на мысляхъ было въ зятья тебя взять, выдать ее за тебя... А ты позоромъ накрылъ ее... Да что̀ лежать-то?.. Встань.

— Глазъ не смѣю поднять, Патапъ Максимычъ, — простоналъ Алексѣй.

— Вставай, коли говорятъ, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

Алексѣй всталъ и отеръ слезы.

— Зла не жди, — сталъ говорить Патапъ Максимычъ. — Гнѣвъ держу—зла не помню... Гнѣвъ дѣло человѣческое, злопамятство — дьявольское... Однако знай, что можешь ты меня и на зло навести... — прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанья. — Слушай... Про Настинъ грѣхъ знаемъ мы съ женой, больше никто. Если же, оборони Богъ, услышу я, что ты покойницей похваляешься, если кому-нибудь проговоришься—на днѣ морскомъ сыщу тебя... Тогда не жди отъ меня пощады... Попу станешь каяться—про грѣхъ скажи, а имени называть не смѣй... Слышишь?

— Слушаю, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ Алексѣй. — Умретъ со мной.

— Смотри же, помни, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Не хочу, чтобы срамными рѣчами память ея порочили... Не потерплю ни единаго гнилого слова объ ней... Пойдетъ молва — кровавыми слезами наплачешься... Помни мое слово!..

— Буду помнить, Патапъ Максимычъ, — отвѣчалъ Алексѣй, понуривъ голову.

— Еще тебѣ сказъ, — продолжалъ Патапъ Максимычъ. — Самъ понимать можешь, что тебѣ у меня не житье... Любилъ я тебя, души въ тебѣ не чаялъ, въ зятья прочилъ, а теперь отвратилась отъ тебя душа моя... Сейчасъ дать тебѣ расчетъ нельзя, толки пойдутъ... Нѣкое время побудь при дѣлахъ, а тѣмъ временемъ мѣста ищи... Что̀ у меня забрано—прими на поминъ ея души... Когда отпускать стану тебя—не оставлю... До той поры моей хозяйкѣ глазъ не смѣй показывать!.. Не стерпитъ твоего виду душа ея... Скажу, что послалъ тебя за какимъ ни на есть дѣломъ, а ты ступай, куда знаешь.

— Можно войти? — спросилъ, отворяя дверь, Колышкинъ.

— Войди, Сергѣй Андреичъ... Отчего не войти? — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Можетъ, у тебя дѣла какія?—сказалъ Колышкинъ.

— Какія теперь дѣла! — со вздохомъ молвилъ Патапъ Максимычъ. — На умъ ничего нейдетъ... Это мой приказчикъ, посылалъ его кой-куда, сегодня воротился. Да и слушать не могу его теперь — послѣ.

— А по-моему теперь-то тебѣ про дѣла и поговорить, — замѣтилъ Сергѣй Андреичъ. — Это бы маленько разсѣяло печаль твою, и на̀ сердцѣ полегчало бы.

— Эхъ, другъ ты мой, Сергѣй Андреичъ!.. Моего горя ничѣмъ не размыкаешь, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Развѣ говорю я, что разговорами размыкаешь его? Твое горе только годы размыкать могутъ, — молвилъ Колышкинъ.— А надо тебѣ мыслями перескочить на что на другое... Коли про дѣла говорить не можешь, разспроси парня, каково съѣздилъ, кого видѣлъ, про что говорилъ...

— Пожалуй...—неохотно промолвилъ Патапъ Максимычъ.— Ахъ, да вѣдь ты, Сергѣй Андреичъ, про это дѣло знаешь...

— Про какое? — спросилъ Колышкинъ.

— А помнишь, я у тебя постомъ-то былъ, про золото сказывалъ?

— Про мышиное-то?.. Помню... Что-жъ ты молодца̀-то за нимъ, что ли, посылалъ?.. — улыбнувшись, спросилъ Колышкинъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Патапъ Максимычъ: — тутъ другое... Сказалъ ты мнѣ тогда, что Зубкова Максима Алексѣича за

фальшивы бумажки въ острогъ посадили, и что бумажки тѣ Красноярскаго скита послушникъ ему продавалъ.

— Помню, — молвилъ Колышкинъ. — Теперь по этому дѣлу пропасть народу навезли—цѣлу фабрику, говорятъ, нашли.

— Ну, такъ видишь ли?.. Игуменъ-отъ красноярскій, отецъ Михаилъ, мнѣ пріятель, — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Человѣкъ добрый, хорошій, да старъ сталъ—добротой да простотой его мошенники, надо полагать, пользуются. Онъ, сердечный, ничего не знаетъ—молится себѣ да хозяйствуетъ, а тутъ подъ носомъ у него они воровскія дѣла затѣваютъ... Вотъ и написалъ я къ нему, чтобы онъ лихихъ людей оберегался, особенно того проходимца, помнишь, что̀ въ Сибири-то на золотыхъ пріискахъ живалъ?.. Стуколовъ...

— А сколь давно ты знаешь этого игумена? — спросилъ Колышкинъ.

— Да вотъ тогда, какъ къ тебѣ ѣхать, Великимъ постомъ, впервòй его видѣлъ, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Скоренько же ты пріятелей-то наживаешь, — сказалъ Колышкинъ. — А пословица, кажись, говоритъ, что человѣка узнать — куль соли съ нимъ съѣсть.

— Такого старца видно съ перваго разу, — рѣшилъ Патапъ Максимычъ.—Душа человѣкъ — одно слово... И хозяинъ домовитый и жизни хорошей человѣкъ!.. Нѣтъ, Сергѣй Андреичъ, я вѣдь тоже не первый годъ на свѣтѣ живу—людей различать могу.

— То-то, смотри, не облапошилъ бы онъ тебя, — сказалъ Колышкинъ. — Про этотъ Красноярскій скитъ нехорошая намолвка пошла — бросить бы тебѣ этого игумна... Ну его совсѣмъ!.. Бываетъ, что одни уста и тепломъ и холодомъ дышатъ, таковъ, сдается мнѣ, и твой отецъ Михаилъ... По нонѣшнему времени завсегда надо опаску держать — самъ знаешь, что отъ малаго опасенья живетъ великое спасенье... Кинь ты этого игумна — худа не посовѣтую.

— Полно, Сергѣй Андреичъ!.. Что̀ пустое городить-то? — съ недовольствомъ возразилъ Патапъ Максимычъ. — Не таковъ человѣкъ, чтобъ его беречись...

— Бережно—не до̀лжно, другъ ты мой любезный, — сказалъ на то Колышкинъ. — Опасливаго коня и звѣрь не беретъ, такъ-то...

Надоѣли Патапу Максимычу наставленья Колышкина... Обратился онъ къ Алексѣю.

— Что̀ Якимка-то? Въ скиту еще, аль уѣхалъ?

— Въ встрѣчу попался, — отвѣтилъ Алексѣй.

— Куда ѣхалъ?

— Пѣшкомъ шелъ, не ѣхалъ, — сказалъ Алексѣй.

— Какъ пѣшкомъ? — удивился Патапъ Максимычъ.

— Пѣшкомъ, — молвилъ Алексѣй: — въ кандалахъ.

— Въ кандала-а-хъ? — вскочивъ съ кровати, вскрикнулъ отъ изумленья Патапъ Максимычъ.

— Съ арестантами гнали, — продолжалъ Алексѣй.

— Значитъ, допрыгался!.. — сказалъ Патапъ Максимычъ. — Всякія царства произошелъ, всякія моря переплывалъ, а доплылъ-таки, куда ему слѣдуетъ... Отецъ-отъ Михаилъ знаетъ ли, что Стуколовъ попался?

— Какъ не знать? — молвилъ Алексѣй. — Самъ на одномъ желѣзномъ прутѣ съ нимъ идетъ... И его въ острогъ... До скита и не доѣхалъ, пустой теперь стоитъ — всѣхъ до единаго забрали оттуда...

— Господи, Господи!.. — всплеснувъ руками, вскликнулъ Патапъ Максимычъ. — Часъ ѿтъ часу не легче!..

— Чтò?.. Говорилъ я тебѣ?.. — молвилъ Сергѣй Андреичъ. — Видишь, каковъ твой отецъ Михаилъ... Вотъ тебѣ и душа-человѣкъ, вотъ тѣ и богомолецъ!.. Извѣстное дѣло — воръ завсегда слезливъ, плутъ завсегда богомоленъ... Письмо-то хозяйское гдѣ? — спросилъ онъ Алексѣя.

Вынувъ изъ кармана письмо, Алексѣй подалъ его Патапу Максимычу.

— Ну, слава Богу, — сказалъ Колышкинъ, разорвавъ письмо на мелкіе куски. — Попалось бы грѣхомъ, и тебя бы притянули.

— Ума не приложу... Отецъ Михаилъ!.. — удивлялся Патапъ Максимычъ. — Самъ ты видѣлъ, какъ гнали его? — обратился онъ къ Алексѣю.

— Рядомъ съ паломникомъ къ пруту прикованъ, — отвѣчалъ Алексѣй. — Я вѣдь въ лицо-то его не знаю, да мнѣ сказали: «Вотъ этотъ высокій, ражій, сѣдой — ихній игуменъ отецъ Михаилъ», много ихъ тутъ было, больше пятидесяти человѣкъ — молодые и старые. Стуколова самъ я призналъ.

— Какъ же узналъ ты, что въ скиту всѣхъ забрали? — спросилъ Патапъ Максимычъ.

— На дорогѣ сказали, — отвѣтилъ Алексѣй. — Въ Уренѣ узналъ... Ѣдучи туда, кой-гдѣ по дорогѣ разспрашивалъ я, какъ поближе проѣхать въ Красноярскій скитъ, такъ назадъ-то тѣми деревнями ѣхать поопасился, чтобъ не дать подозрѣнья. Окольнымъ путемъ воротился — восемьдесятъ верстъ крюку далъ.

— Хвалю! — молвилъ Колышкинъ, ударивъ по плечу Алексѣя. — Догадливый у тебя приказчикъ, Патапъ Максимычъ. Хватъ парень!.. Изъ молодыхъ да ранній.

— Да, — сквозь зубы процѣдилъ Чапуринъ. — Однако что-то ко сну меня тянетъ... — сказалъ онъ послѣ короткаго молчанья.

— И распрекрасное дѣло, крёстный!.. — молвилъ Колышкинъ. — Усни-ка въ самомъ дѣлѣ, отдохни...

Но, когда Колышкинъ съ Алексѣемъ ушли, Патапъ Максимычъ даже не прилегъ... Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ по горницѣ, и много разныхъ думъ пронеслось черезъ его сѣдую голову.

Не чаялъ Алексѣй такъ дешево раздѣлаться... Съ первыхъ словъ Патапа Максимыча понялъ онъ, что Настя въ могилу тайны не унесла... Захолонуло сердце, смёртный страхъ обуялъ его: «Вотъ онъ, вотъ часъ моей погибели отъ сего человѣка!..» — думалось ему, и съ трепетомъ ждалъ, что вѣщій сонъ станетъ явью.

И слышитъ незлобныя рѣчи, видитъ, съ какой кротостью переноситъ этотъ крутой человѣкъ свое горе... Не мстить собирается, благодѣянье хочетъ оказать погубителю своей дочери... Размягчилось сердце Алексѣево, а какъ свѣдалъ онъ, что въ послѣдніе часы своей жизни Настя умоляла отца не дѣлать зла своему соблазнителю, такая на него грусть напала, что не могъ онъ слезъ сдержать и разразился у ногъ Патапа Максимыча громкими рыданьями. Не вовсе еще очерствѣлъ онъ тогда.

Надо покинуть домъ, гдѣ его, бѣдняка-горюна, пріютили, гдѣ осыпали его благодѣяньями, гдѣ узналъ онъ радости любви, которую оцѣнить не сумѣлъ... Куда дѣваться?.. Какъ сказать отцу съ матерью, почему оставляетъ онъ Патапа Максимыча?.. Опять же легко молвить — «сыщи другое мѣсто»... А какъ сыщешь его?..

Всю ночь провелъ Алексѣй въ тревожныхъ думахъ и не могъ придумать, чтò дѣлать ему... О возвратѣ къ отцу не помышлялъ. То дѣло нестаточное... Гдѣ же мѣсто сыскать?.. И среди такихъ думъ представлялись его душевнымъ очамъ то Настя во гробѣ, то Марья Гавриловна, устремившая взоры на солнечный всходъ... И каждый разъ, какъ только вспоминалась ему молодая вдова, образъ Насти тускнѣлъ и потомъ совсѣмъ исчезалъ... А больше всего волновали Алексѣя думы про богатство... Денегъ кучу да людской почетъ — вотъ чего ему хочется, вотъ чтò кружитъ ему голову!.. Но какъ добыть богатство?

Рано утромъ пошелъ онъ по токарнямъ и красильнямъ. Въ продолженіе Настиной болѣзни Патапу Максимычу было не

до горянщины, присмотра за рабочими не было. Оттого и работа пошла, что изъ рукъ вонъ. Распорядился Алексѣй, какъ слѣдуетъ, и все закипѣло. Пробылъ въ заведеніяхъ чуть не до полудня и пошелъ къ Патапу Максимычу. Тотъ въ своей горницѣ былъ.

— Что̀ скажешь? — сухо спросилъ его Чапуринъ.

— Насчетъ работы пришелъ доложить, — молвилъ Алексѣй.— Обошелъ красильни и токарни — большіе непорядки, Патапъ Максимычъ.

— Какихъ порядковъ ждать, коли больше двухъ недѣль призору не было! — замѣтилъ Патапъ Максимычъ.

— Ко всѣмъ станкамъ приставилъ работниковъ, — началъ-было Алексѣй.

— Не до нихъ мнѣ теперь, — перебилъ его Патапъ Максимычъ. — Дѣлай, какъ прежде. Дня черезъ два самъ за дѣло примусь.

— Слушаю, — сказалъ Алексѣй.

— Ступай, — молвилъ ему Патапъ Максимычъ.

Алексѣй вышелъ.

Возвращаясь въ подклѣтъ мимо опустѣлой Настиной свѣтлицы, онъ невольно остановился. Захотѣлось взглянуть на горенку, гдѣ въ первый разъ поцѣловалъ онъ Настю и гдѣ, лежа на смертной постели, умоляла она отца не платить зломъ своему погубителю. Еще утромъ отъ кого-то изъ домашнихъ слышалъ онъ, что Аксинья Захаровна въ постели лежитъ. Оттого не боялся попасть ей на глаза и тѣмъ нарушить приказъ Патапа Максимыча... Необоримая сила тянула Алексѣя въ свѣтлицу... Робкой рукой взялся онъ за дверную скобу и тихонько растворилъ дверь.

Только половина свѣтлицы была видна ему. На мѣстѣ Настиной кровати стоитъ крытый бѣлой скатертью столъ, а на немъ въ золотыхъ окладахъ иконы съ зажженными передъ ними свѣчами и лампадами. На окнѣ любимые цвѣточки Настины, возлѣ пяльцы съ неконченной работой... О! у этихъ самыхъ пялецъ, на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ онъ когда-то робкій и несмѣлый, а она, закрывъ глаза передникомъ, плакала сладкими слезами первой любви... На этомъ самомъ мѣстѣ впервые она поцѣловала его. Тоскливо заныло сердце у Алексѣя.

«А гдѣ столъ стоитъ, тутъ померла она, — думалось ему: — тутъ-то въ послѣдній часъ свой молила она за меня». И умилилось сердце его, а на глазахъ слеза жалости выступила... Добрая мысль его осѣнила — вздумалось ему на томъ мѣстѣ положить семипоклонный началъ за упокой Насти.

Несмѣлой поступью вошелъ онъ въ свѣтлицу... Оглянулся — склонивъ на руку голову, у другого окна сидитъ Марья Гавриловна.

Завидя Алексѣя, она слабо вскрикнула.

— Испужалъ я васъ? — робко молвилъ Алексѣй.

— Ахъ, нѣтъ... я задумалась... а вы... невзначай... — опуская глаза, сказала Марья Гавриловна.

На глазахъ-то хоть и стыдно, зато душѣ отрадно... Страстно глядитъ вдовушка на пригожаго молодца... покойнаго Евграфа на памяти нѣтъ.

— Не взыщите... Я не зналъ... думалъ, нѣтъ никого... Я уйду... — говорилъ смущенный Алексѣй и пошелъ-было вонъ изъ свѣтлицы.

— Нѣтъ... зачѣмъ же?.. — вставая съ мѣста, сдержанно молвила Марья Гавриловна. — Вы мнѣ не помѣха.

Молча стоитъ передъ ней Алексѣй... Налюбоваться не можетъ... Настя изъ мыслей вонъ.

— Заѣзжали въ Комаровъ? — съ наружной холодностью спросила Марья Гавриловна.

— Не заѣзжалъ, — отвѣтилъ Алексѣй: — надо было другую дорогу взять.

— А опять на Ветлугу поѣдете? — послѣ короткаго молчанья спросила Марья Гавриловна.

— Не знаю... Можетъ статься, и вовсе не буду тамъ, — отвѣчалъ Алексѣй.

— И въ Комаровѣ не будете?

— Не знаю.

— Здѣсь, стало-быть, останетесь?.. У Патапа Максимыча? — спросила Марья Гавриловна, пристально глядя на Алексѣя.

— Врядъ ли долго у него проживу... Мѣста ищу, — сказалъ Алексѣй.

— Какого? — спросила Марья Гавриловна.

— По торговой части... Въ приказчики, — сказалъ Алексѣй. — Да, сказываютъ, трудно... Пока самъ не знаю, какъ Богъ устроитъ меня.

Не отвѣтила Марья Гавриловна. Опять нѣсколько минутъ длилось молчанье.

— Приведется быть въ Комаровѣ, кельи моей не забудьте, — улыбнувшись слегка, молвила Марья Гавриловна.

— Не премину, — отвѣтилъ Алексѣй.

— А насчетъ мѣста я поразузнаю... Братъ у меня въ Казани недавно искалъ приказчика... Его спрошу, — сказала Марья Гавриловна.

— Покорно васъ благодарю... Вовѣкъ не забуду васъ... — началъ-было Алексѣй.

— Ужъ будто и ввѣкъ, — лукаво улыбаясь и охорашиваясь, молвила Марья Гавриловна.

— По гробъ жизни!.. — горячо вскрикнулъ Алексѣй и сдѣлалъ порывистый шагъ къ Марьѣ Гавриловнѣ.

— Прощайте покамѣстъ... До свиданья, — сдвинувъ брови и отстраняясь отъ Алексѣя, сказала она. — Недѣли черезъ двѣ пріѣзжайте въ Комаровъ... Къ тому времени я отъ брата отвѣтъ получу.

И поспѣшно вышла изъ свѣтлицы.

У Алексѣя изъ головы вонъ, что пришелъ онъ за Настю молиться... Изъ млѣющихъ взоровъ Марьи Гавриловны, изъ дышавшихъ страстью рѣчей ея понялъ онъ, что въ этой свѣтлицѣ въ другой разъ довелось ему присушить сердце женское.

И Марья Гавриловна, и Груня съ мужемъ, и Никитична съ Фленушкой, и Марьюшка съ своимъ клиросомъ до девятинъ *) остались въ Осиповкѣ. Оттого у Патапа Максимыча было людно и не такъ была замѣтна томительная пустота, что въ каждомъ домѣ чуется послѣ покойника. Женщины все почти время у Аксиньи Захаровны сидѣли, а Патапъ Максимычъ по отъѣздѣ Колышкина велъ бесѣды съ кумомъ Иваномъ Григорьичемъ.

Дня черезъ три послѣ похоронъ завела Марья Гавриловна разговоръ съ Патапомъ Максимычемъ. Напомнила ему про послѣднее его письмо, гдѣ писалъ онъ, что сбирается о чемъ-то просить ее.

— Дѣльцо одно у меня затѣвалось, — сказалъ Патапъ Максимычъ: — а на починъ большой капиталъ требовался... Хотѣлъ-было спросить — не согласны ли будете пойти со мной въ складчину?

— Какое-жъ это дѣло, Патапъ Максимычъ? — спросила Марья Гавриловна.

— Вышло на повѣрку, что дѣло-то бросовое. Не стоитъ объ него и рукъ марать, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Невыгодно? — спросила Марья Гавриловна.

— Мало что не выгодно, — дѣло опасное... Теперь неохота и поминать про него, — молвилъ Патапъ Максимычъ.

— Такъ вамъ денегъ теперь не требуется? — спросила Марья Гавриловна.

---

*) Поминки въ девятый день послѣ кончины.

— Нѣтъ, Марья Гавриловна, не требуется, — отвѣчалъ Патапъ Максимычъ.—Признаться, думаю сократить дѣла-то... И старъ становлюсь, и утѣхи моей не стало... Парашѣ съ Груней послѣ меня довольно останется... Будетъ чѣмъ отца помянуть... Зачѣмъ больше копить?.. Одинъ тлѣнъ, суета!..

— Вы дѣла кончаете, а я зачинать вздумала. Какъ вы посовѣтуете мнѣ, Патапъ Максимычъ?—сказала Марья Гавриловна.

— Что-жъ такое задумали вы?—спросилъ Патапъ Максимычъ.

— Да видите ли: есть у меня капиталъ... лежитъ онъ безплодно,—сказала Марья Гавриловна.—Въ торги думаю пуститься... Что̀ деньгамъ даромъ лежать?

— Дѣло доброе,—отвѣтилъ Патапъ Максимычъ.—По какой же части думаете вы дѣла повести?

— Объ этомъ-то и хотѣла я съ вами посовѣтоваться. Научи̂те, наставьте на разумъ.

— Эхъ, матушка Марья Гавриловна... Какой я учитель теперь? — вздохнулъ Патапъ Максимычъ. — У самого дѣло изъ рукъ валится.

— Полноте, Патапъ Максимычъ!.. Вѣдь мы съ вами не первый день знакомы. Не знаю развѣ, какъ у васъ дѣла идутъ?..—говорила Марья Гавриловна.—Вотъ познакомилась я съ этимъ Сергѣемъ Андреичемъ. Онъ прямо говоритъ, что безъ васъ бы ему непремѣнно пропасть, а какъ вы его поучили, такъ дѣла у него какъ не надо лучше пошли...

— Сергѣй Андреичъ — иная статья, — молвилъ Патапъ Максимычъ. — Сергѣй Андреичъ мужчина — самъ при дѣлѣ. А ваше дѣло, Марья Гавриловна, женское—какъ вамъ управиться?

— Возьму приказчика,—сказала Марья Гавриловна.

— Мудреное это дѣло,—возразилъ Патапъ Максимычъ.— Нонѣ вѣрныхъ-то людей мало что-то осталось—всякъ норовитъ въ хозяйскій кошель лапу запустить.

— Авось найду хорошаго, — молвила Марья Гавриловна.

— Можетъ, на ваше счастье и выищется... Земля не клиномъ сошлась, — сказалъ Патапъ Максимычъ.

— Какимъ же дѣломъ посовѣтуете заняться мнѣ? — спросила Марья Гавриловна.

— Коли найдете сто̀ящаго человѣка, заводите пароходы,— сказалъ Патапъ Максимычъ.—По нынѣшнему времени пароходнаго дѣла нѣтъ прибыльнѣй. И Сергѣю Андреичу я тоже пароходами заняться совѣтовалъ.

— И въ самомъ дѣлѣ!.. — молвила Марья Гавриловна. —

У брата тоже пароходы по Волгѣ бѣгаютъ — не нахвалится.

— Дѣло хорошее, сударыня, хорошее дѣло... Убытковъ не бойтесь. Я бы и самъ пароходы завелъ, да куда ужъ мнѣ теперь?.. Не гожусь я теперь ни на что...

Долго толковала Марья Гавриловна съ Патапомъ Максимычемъ. Обѣщалъ онъ на первое время свести ее съ кладчиками, пріискать капитановъ, лоцмановъ и водоливовъ, но указать человѣка, кому бы можно было поручить дѣла, — отказался.

Марья Гавриловна не настаивала. Она уже рѣшила приставить къ дѣламъ Алексѣя.

Подъ конецъ бесѣды молвила она Патапу Максимычу:

— А насчетъ тѣхъ двадцати тысячъ вы не хлопочите, чтобы къ сроку отдать ихъ... Слышала я, что деньги въ получкѣ будутъ у васъ послѣ Макарья — тогда и сочтемся. А къ Казанской не хлопочите — срокъ-отъ, помнится, на Казанскую — смотрите же, Патапъ Максимычъ, не хлопочите. Не то разсержусь, поссорюсь...

Патапъ Максимычъ благодарилъ ее за отсрочку.

Глава двѣнадцатая.

На другой либо на третій день по возвращеніи Марьи Гавриловны изъ Осиповки зашла къ ней мать Манеѳа, вечерокъ посидѣть да чайку попить. Про чудную Настину болѣзнь толковали, погоревали о покойницѣ и свели рѣчь на Патапа Максимыча.

— Очень онъ убивается, — сказала Марья Гавриловна: — смотрѣть даже жалость. Ровно малое дитя плачетъ-разливается. Ничего, говоритъ, мнѣ не надо теперь, никакое дѣло на умъ нейдетъ...

— Что̀ говорить! — молвила на то Манеѳа. — Какъ не тужить по этакой дочери!.. Сызмальства росла любимымъ дѣтищемъ... Раскипятится, бывало, на что — уйму нѣтъ на него, близко не подходи, въ дому всѣ хоронятся, дрожмя дрожатъ, а она — семилѣткой еще была — подбѣжитъ къ отцу, вскочитъ къ нему на колѣни да ручонками и зачнетъ у него на лбу морщины разглаживать. Поглядитъ на нее и ровно растаетъ, смягчится, разговорчивый станетъ, веселый... И въ дому все оживетъ, про гнѣвъ да про шумъ и помину нѣтъ... Любимая дочка, любимая!.. — вздохнула Манеѳа. — Теперь кому его гнѣвъ утолять?..

— Добрый человѣкъ завсегда съ огонькомъ, — замѣтила

Марья Гавриловна. — А злобнаго въ Патапѣ Максимычѣ нѣтъ ни капельки.

— Злобы точно что нѣтъ, — согласилась Манеѳа. — Зато своенравенъ и крутъ, а разумъ кичливый имѣетъ и самомнительный. Забьетъ что̀ въ голову — клиномъ не вышибешь... Весь въ батюшку родителя, не тѣмъ будь помянутъ, царство ему небесное... Гордыня, сударыня — гордыня!.. За то и наказуетъ Господь...

— Не въ примѣту мнѣ, чтобъ горделивъ аль заносчивъ онъ былъ, — молвила Марья Гавриловна.

— Гдѣ-жъ вамъ примѣтить, сударыня? — отвѣтила Манеѳа. — Во всемъ-то куражѣ вы его не видали... Поглядѣть бы вамъ, какъ сцѣпится онъ когда съ человѣкомъ сильнѣй да именитѣй его... Чѣмъ бы голову держать уклонно, а рѣчь вести покорно, ровно коза кверху глядитъ... станетъ фертомъ, ноги-то азомъ распялитъ!.. Что̀ тутъ хорошаго?..

— По моему разсужденью, матушка, — сказала на то Марья Гавриловна: — если человѣкъ гордится передъ слабымъ да передъ бѣднымъ — нехорошо, недобрый тотъ человѣкъ... А кто передъ сильнымъ да передъ богатымъ высо̀ко голову несетъ, добрая слава тому.

— Хорошо такъ судить вамъ, Марья Гавриловна, какъ дѣловъ у васъ нѣтъ никакихъ... — отвѣтила Манеѳа. — А у Патапа и торговля и горянщина, суда на Волгѣ и вдоволь наемнаго народу, — значитъ, начальство всегда можетъ привязку ему сдѣлать... Оттого и не слѣдъ бы ему огрызаться... Опять же въ писанiи сказано: «Всяка душа власти повинуется»... Чего еще?.. За непокорство не хвалю его, за гордость проклятую, а то что̀ говорить, — человѣкъ добрый. Онъ вѣдь, сударыня, — если по правдѣ говорить, — только страхъ на всѣхъ напускаетъ, а самъ-отъ вовсе не страшенъ, не грозенъ... Ну, а любитъ, чтобъ боялись его... Какъ вздумаетъ кого настращать, и не знай чего насулитъ, а потомъ ничего не сдѣлаетъ... Добро еще, пожалуй, сдѣлаетъ... Вотъ съ начальствомъ — тутъ ужъ другое дѣло...

— Не ладитъ? — спросила Марья Гавриловна.

— Всяко бываетъ, — отвѣтила Манеѳа. — Теперь губернатору знакомъ, въ чести у него, въ милости... Малые-то начальники забижать и не смѣютъ... Да вѣдь губернаторъ не вѣченъ, смѣниться можетъ, другой на его мѣсто сядетъ — каковъ-то еще будетъ?.. Опять же наше дѣло взять — обительское. Въ «губернiи» *) всѣ знаютъ, что Патапомъ скиты

---

*) Губернскiй городъ.

держатся, что онъ первая за насъ заступа и по всѣмъ нашимъ дѣламъ коренной ходатай... Ну, какъ за гордыню-то его да на всѣ скиты холодкомъ дунутъ?.. Куда пойдемъ?.. Теперь же гдѣ ни послышишь — строгости: скиты зорятъ, моленны печатаютъ, старцевъ да старицъ по дальнимъ мѣстамъ разсылаютъ... Силёнъ и славенъ былъ Иргизъ, и съ тѣмъ покончили. Лаврентьевъ порѣшенъ, въ Стародубьѣ *) мало что̀ осталось. И на заводахъ **) и на Дону, вездѣ утѣсненіе. Здѣсь покамѣстъ Богъ милуетъ, а надолго-ль, кто можетъ сказать?.. Пожалуй, и нашему Кѐрженцу близка череда... По теперешнему гонительному времени надо бы Патапу Максимычу со всѣми ладить — большое-ль начальство, малое ли — въ черный день всякое сгодится... Охъ, сударыня Марья Гавриловна, настали дни, писаніемъ прореченные: «Искупующе время, яко дни зли суть»... Тутъ не гордостью озлоблять, ублажать надо всякаго, поклоняться всякому — были бы милостивы... А онъ?.. Говорить ему станешь — ругается, просить станешь — хохочетъ... Намедни, какъ передъ масленой у него гостила я, Христомъ Богомъ молила повеселить чѣмъ-нибудь исправника, былъ бы до насъ подобрѣе, а онъ, прости Господи, ржетъ себѣ, ровно кобыла на овесъ.

— А слыхала я, матушка, Комарову скиту царская грамота дана, чтобъ никогда не рушить его? — спросила Марья Гавриловна. — Говорятъ, такая грамота есть у Игнатьевыхъ.

— Нѣтъ такой грамоты, сударыня, — отвѣтила Манефа. — Посулили да не дали.

— Отчего же такъ? — спросила Марья Гавриловна.

— А вотъ какое было дѣло, — начала Манефа разсказывать. — Безъ малаго сто годовъ тому, когда еще царица Катерина землю держала, приходилъ въ здѣшнія мѣста на Каменный Вражекъ старецъ Игнатій. Роду былъ онъ боярскаго, Потемкиныхъ дворянъ, служилъ въ полкахъ, въ походахъ бывалъ, съ туркой воевалъ да съ прусаками, а какъ вышла дворянамъ вольность не носить государевой службы до̀ смерти, въ отставку вышелъ и сталъ ради Бога жить... Воспомянулъ онъ тогда роды своя, какъ въ Никоновы гонительныя времена дѣды его смольяне, отецъ Спиридоній да отецъ Ефремъ, изъ роду Потемкиныхъ, бѣгая церковныхъ новинъ, укрылись въ лѣсахъ Кѐрженскихъ и поставили обитель по близости скита Шарпана... И донынѣ то мѣсто знать, и доселѣ зо-

*) Иргизскіе скиты были въ нынѣшнемъ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи; Лаврентьевъ монастырь въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской, Стародубскія слободы въ Новозыбковскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи.

**) Демидовскіе заводы — на Уралѣ.

вется оно «Смольяны», потому что туда приходили на житье смольяне Потемкины и иныхъ боярскихъ родовъ и жили тутъ до Питиримова разоренья. Памятуя ихъ, поревновалъ отецъ Игнатій по старой вѣрѣ, иночество надѣлъ и въ Комаровѣ обитель завелъ... Спервоначалу та обитель мужскою была, по блаженной же кончинѣ отца Игнатія старцы врозь разбрелись, а часовня да кельи Игнатьева строенья доставались сродницѣ его, тоже дворянскаго рода — Иринархой звали... Съ той поры и зачалась женская обитель Игнатьевыхъ... Вживѣ еще былъ отецъ Игнатій, какъ сродникъ его, Потемкиныхъ же роду, у царицы выслужился и сталъ надо всѣми князьями и боярами первымъ россійскимъ бояриномъ. Тѣмъ временемъ прилучилось батюшкѣ отцу Игнатію въ Петербургѣ за сборомъ быть. Отыскалъ онъ тамо̀й *) и именитаго сродника, побывалъ у него... Тотъ ему возрадовался и возлюбилъ старца Божія... Много бесѣдовалъ съ нимъ про старую вѣру и про наши лѣса Кѐрженскіе. И говорилъ тотъ великій бояринъ отцу Игнатію: «Склони ты мнѣ, старче, тамошнихъ староверовъ на новыя мѣста идти, которыя мѣста я у турка отбилъ. Житье, говоритъ, будетъ тамъ льготное и спокойное. Земли̂, говоритъ, и всякихъ угодьевъ вдоволь дадутъ. Лѣтъ на двадцать ни податей не надо ни рекрутчины. Каждому, говоритъ, староверу казны на проѣздъ и обзаведенье дадутъ... Церкви себѣ стройте, монастыри заводите, поповъ, сколько хотите, держите и живите себѣ на всей своей волѣ... И будетъ, говоритъ, на тѣ льготы вамъ отъ царицы выдана грамота, навѣки нерушимая»... Такія милости великій бояринъ сулилъ... Батюшка отецъ Игнатій обѣщался ему здѣшній народъ приговаривать на новы мѣста идти, и великій бояринъ Потемкинъ съ тѣмъ словомъ къ царицѣ возилъ его, а она, матушка, съ отцомъ Игнатьемъ разговоръ держала, про здѣшнее положенье разспрашивала и къ рукѣ своей царской старца Божія допустила... Воротясь на Кѐрженецъ, сталъ отецъ Игнатій здѣшній народъ на новыя мѣста приговаривать... Охотниковъ объявилось довольно, да спознали по скорости, что великій бояринъ Потемкинъ староверамъ ловушку подстроить хотѣлъ... Такія же рѣчи у него со стародубскими отцами велись... Былъ въ Стародубьѣ тогда инокъ Никодимъ, черезъ него то дѣло происходило. И тотъ Никодимъ подъ власть великороссійскихъ архіереевъ подписался. Какъ спознали о томъ здѣшніе христіане, про новы мѣста и слышать не захотѣли... А тутъ въ скорости бояринъ Потемкинъ по-

*) Тамъ.

меръ — тѣмъ дѣло и разошлось... Такъ видите ли, сударыня, была та грамота на одномъ посулѣ... Народу же, увѣренія ради, говорится, что лежитъ такая у Игнатьевыхъ... А ея никогда не бывало.

— Зачѣмъ же народъ въ обманѣ держать? — рѣзко взглянувъ на Манеѳу, спросила Марья Гавриловна.

— Крѣпче бы въ истинной вѣрѣ стояли, — спокойно отвѣтила игуменья. — Бываетъ, сударыня, что церковны попы учнутъ мужикамъ говорить, а иной разъ и самъ архіерей пріѣдетъ да скажетъ: «Ваша-де вѣра царю неугодна»... Подумайте, каково это слово!.. Легко-ль его вынесть?.. А какъ думаютъ мужики, что лежитъ у Игнатьевыхъ государева грамота, вѣры-то у нихъ тѣмъ словамъ и неймется... Повалятся архіерею въ ноги да въ голосъ и завопятъ: «Какъ родители жили, такъ и насъ благословили — оставьте насъ на прежнемъ положеніи»... А сами себѣ на умѣ: «Не обманешь, дескать, насъ — не искусишь лестчими словами, знаемъ, что въ старой вѣрѣ ничего нѣтъ царю противнаго, на то у Игнатьевыхъ и грамота есть»... И дѣло съ концомъ... А мужикамъ внушено, чтобъ они про ту грамоту зря не болтали, отымутъ, дескать... И теперь любого изъ нихъ хоть повѣсь, хоть въ землю закопай, умирать станетъ — про грамоту слова не выронитъ.

— Стало-быть, деревенскіе-то усердны къ скитамъ? — спросила Марья Гавриловна.

— Усердны! — съ горькой усмѣшкой вскликнула Манеѳа. — Іуда Христа за сребренники продалъ, а наши мужики за ведро вина и Христа и вѣру продадутъ, а скиты на придачу дадутъ...

— Отчего-жъ они такъ крѣпко тайну держатъ? — спросила Марья Гавриловна.

— А имъ внушено, что въ грамотѣ про ихнія земли поминается, чтобы тѣмъ землямъ за ними быть вѣки вѣчные, — сказала Манеѳа. — По здѣшнимъ мѣстамъ ни у кого вѣдь крѣпостей на землю нѣтъ — народъ все набѣглый. Оттого и дорожатъ Игнатьевой грамотой...

— По-моему, неладно бы дѣлать такъ, матушка, — сказала Марья Гавриловна.

— И ложь во спасенье бываетъ, сударыня, — перебила Манеѳа. — Народъ темный, непостоянный — нельзя безъ того.

Задумалась Марья Гавриловна.

— Вотъ теперь Оленевское дѣло подымается... — молвила Манеѳа. — Боюсь я того дѣла при нонѣшнемъ времени.

— Чтȏ за Оленевское дѣло, матушка?.. — спросила Марья Гавриловна.

— А вотъ какое дѣло, — начала Манеѳа. — Лѣтъ пять либо шесть тому назадъ одну оленевскую старочку на Дону въ острогъ посадили за то, что со сборной книгой ходила. А въ книгѣ было прописано: «сборъ-де тотъ на домъ Пресвятой Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія, въ обители Нифонтовыхъ, скита Оленева». Ну, извѣстное дѣло, ходила та старочка безо всякаго паспорта, по простотѣ... До Петербурга дѣло дошло, и рѣшили тамъ дознаться, что̀ за обитель такая Нифонтова, по закону-ль она ставлена, да потому-жъ дознаться и обо всѣхъ скитахъ Кѐрженскихъ... И то дѣло шестой годъ лежитъ въ губерніи, и отъ него безпокойства намъ не было, а теперь, слышимъ, оно поднимается... Слышно еще, будто и насчетъ Ша̀рпана вышелъ указъ... Какой-то злодѣй, прости Господи, послалъ доношеніе: въ Ша̀рпанскомъ-де скиту Казанскую икону Пресвятой Богородицы особнѣ чествуютъ, на ея-де праздники много въ Ша̀рпанъ народу сбирается старообрядцевъ и церковниковъ. И на тѣхъ-де праздникахъ старицы Ша̀рпанской обители поставляютъ кормы великіе, а во время-де кормовъ читаютъ народу про чудеса отъ той иконы бываемыя. И оттого-де многіе отъ церкви отшатилися... Правда ли, нѣтъ ли, а слухи пошли, будто велѣно Казанскую изъ Ша̀рпана взять... Сбудется такое дѣло — конецъ Кѐрженцу... Престанетъ тогда наше житіе пространное!..

— Отчего-жъ скитамъ настанетъ конецъ, коль изъ Ша̀рпана возьмутъ икону Казанскую? — спросила Марья Гавриловна.

— Икона та, сударыня, чудотворная, — отвѣтила Манеѳа. — Стояла она въ комнатѣ у царя Алексѣя Михайловича, когда еще онъ пребывалъ въ благочестіи... Отъ него, великаго государя, Соловецкой киновіи она вкладомъ жалована... Когда же соловецкіе отцы не восхотѣли Никоновыхъ новинъ пріяти и укрѣпились за отеческіе законы и церковное преданіе, тогда въ Соловкахъ былъ инокъ схимникъ Арсеній, старецъ чуднаго и высокаго житія, крѣпкій ревнитель древляго благочестія. По вся нощи со слезами молился онъ передъ тою иконою, прося Бога и Пресвятую Богородицу: да избавитъ святую киновію отъ разоренья облежащихъ воевъ... Нощію же на вселенскую субботу всемірнаго христіанъ поминовенія предъ недѣлею мясопустною бысть тому старцу Арсенію чудное видѣніе... Изыде гласъ отъ иконы: «Гряди за Мною, старче, ничто̃ же сумняся; и гдѣ Азъ стану — тамо создай обитель во имя Мое, и пока сія икона будетъ въ той обители, древлее благочестіе въ оной странѣ процвѣтать будетъ». И по семъ гласѣ поднялась икона на небеса... Въ ту же нощь монахъ нѣкій, Ѳеоктистъ именемъ, поревновавъ Іудѣ Иска-

ріотскому, возвѣстилъ игемону, ратію святую обитель обложившему, что въ стѣнѣ монастырской есть пролазъ... Царскіе воины по слову предателя вошли черезъ тотъ пролазъ въ обитель и учинили въ ней великое кровопролитіе... Инока же схимника Арсенія Господь отъ напрасныя смерти соблюлъ... Когда-жъ воевода перевезъ старца Арсенія съ другими отцами на̀ берегъ, тогда заступленіемъ Пречистыя Богородицы избѣгъ онъ руки мучителевы и, пришедъ въ лѣсъ, узрѣлъ Казанскую чудотворную икону по облакамъ ходящу... Пошелъ за нею старецъ, дивяся бывшему чудеси, а деревья передъ нимъ разступаются, болота передъ нимъ осушаются, черезъ рѣки преходитъ Арсеній яко̀ по̀ суху... И какъ древле Израиль приведенъ бысть столпомъ небеснымъ въ землю обѣтованную, тако и старецъ Арсеній тою святою иконою приведенъ бысть въ лѣса Кѐрженскіе, Чернораменскіе. На томъ мѣстѣ, гдѣ опустилась икона на̀ землю, поставилъ онъ обитель Ша̀рпанскую... и та икона понынѣ въ той обители находится. Пока тамо стоитъ, по тѣхъ поръ, по гласу Богородицы, наши скиты цѣлы и невредимы... Возьмутъ икону изъ Ша̀рпана — всѣмъ скитамъ наступитъ конецъ, и мѣсто свято запустѣетъ.

— Богъ милостивъ, матушка... — начала-было Марья Гавриловна.

— Истину сказали, что Богъ милостивъ, — перебила ее Манеѳа. — Да мы-то, окаянныя, немало грѣшны... Сто̀имъ ли того, чтобъ Онъ насъ миловалъ?.. Смуты вездѣ, споры, свары, озлобленія!.. Христіа̀нское-ль то дѣло?.. Хоть бы эту австрійскую квашню взять... Каковъ человѣкъ попалъ въ епископы!.. Стяжатель, благодатью Святаго Духа ровно горохомъ торгуетъ!.. Да еще вправду ли, нѣтъ ли, обносятся слухи, что въ душегубствѣ повиненъ... За такія-ль дѣла Богу насъ миловать?

— Ахъ, матушка, забыла я сказать вамъ, — спохватилась Марья Гавриловна: — Патапъ-отъ Максимычъ сказывалъ, что тотъ епископъ чуть ли въ острогъ не попалъ... Красноярскій скитъ знаете?

— Бывать тамъ не бывала и отцовъ тамошнихъ не вѣдаю, а про скитъ какъ не знать? — отвѣтила Манеѳа. — Далеко отселева — за Ветлугой, на Устѣ...

— На прошлой недѣлѣ тамошнихъ всѣхъ забрали, — продолжала Марья Гавриловна. — На фальшивыхъ, слышь, деньгахъ попались... Патапъ Максимычъ такъ полагаетъ, что епископу плохо придется, съ красноярскими-де старцами взятъ его посланникъ... За какими-то дѣлами въ здѣшни лѣса его присылалъ... Стуколовъ какой-то...

Сверкнули очи Манеѳы, сдвинулись брови. Легкая дрожь по губамъ пробѣжала, и чуть замѣтная блѣдность на впалыхъ щекахъ показалась... Поспѣшно опустила она на глаза креповую наметку.

Не примѣчая, какъ подѣйствовало на игуменью упоминанье про Стуколова, Марья Гавриловна продолжала разсказывать о красноярской братіи:

— Тотъ Стуколовъ где-то неподалеку отъ Красноярскаго скита искалъ обманное золото и въ томъ обманѣ заодно былъ съ епископомъ. Потому Патапъ Максимычъ и думаетъ, что епископъ и по фальшивымъ деньгамъ не безъ участія... Сердитуетъ очень на нихъ... «Пускай бы, говоритъ, обоихъ по одному каналу за Уральски бугры послали, пускай бы тамъ настоящее государево золото, а не обманное копали»... А игумна Патапъ Максимычъ жалѣетъ и такъ полагаетъ, что попалъ онъ безвинно.

Не отвѣтила Манеѳа, хоть Марья Гавриловна пріостановилась, выжидая ея отзыва.

— И благочестный, говоритъ про него Патапъ Максимычъ, старецъ, и души доброй, и хозяинъ хорошій, — продолжала Марья Гавриловна. — Должно-быть, обманомъ подъ такое дѣло подвели его...

— Гдѣ-жъ они теперь? — какъ бы изъ забытья очнувшись, спросила Манеѳа.

— Въ острогѣ, матушка, — отвѣтила Марья Гавриловна. — Пятьдесятъ человѣкъ, слышь, прогнали... Большая переборка идетъ.

— Охъ, Господи, — съ тяжелымъ вздохомъ молвила игуменья.

И не смогла дольше сдерживать волненья: облокотилась на столъ и закрыла ладонью глаза.

— Что̀ съ вами, матушка? — озабоченно спросила ее Марья Гавриловна.

Помолчала Манеѳа и промолвила взволнованнымъ голосомъ:

— О братѣ вздумала... Патапъ на умъ пришелъ... Знался онъ съ отцомъ-то Михаиломъ, съ тѣмъ красноярскимъ игумномъ... Постомъ къ нему въ гости ѣздилъ... съ тѣмъ... Ну, съ тѣмъ самымъ человѣкомъ...

И, не договоривъ рѣчи, смолкла Манеѳа.

— Со Стуколовымъ? — подсказала Марья Гавриловна.

— Опять же на Ѳоминой недѣлѣ Патапъ посылалъ съ письмомъ къ отцу Михаилу того дѣтину... Какъ бишь его?.. забываю все... — говорила Манеѳа.

Марью Гавриловну теперь въ краску бросило... у ней рѣчь не вяжется, у ней слова̀ съ языка нейдутъ.

— Вотъ что́ въ приказчики-то взялъ къ себѣ... — продолжала Манеѳа. — Еще къ вамъ на Радуницу съ письмомъ заходилъ... Алексѣемъ никакъ зовутъ.

Ни слова Марья Гавриловна... Замолчала и Манеѳа.

— Ну, какъ братнино-то письмо да въ судейскія руки попадетъ! — по маломъ времени зачала горевать игуменья. — По такому дѣлу всякій клочокъ въ тюрьму волочетъ, а у приказныхъ людей тогда и праздникъ, какъ богатаго человѣка къ отвѣту притянутъ... Какъ не притянуть имъ Патапа?.. Матерой осетеръ не каждый день въ ихній неводъ попадаетъ... При его-то спеси, при его-то гордости!.. Да легче ему дочь, жену схоронить, легче самому живому въ могилу лечь!.. Не пережить Патапу такой бѣды!..

— Не безпокойтесь, матушка, — утѣшала Манеѳу Марья Гавриловна. — При мнѣ, какъ я въ Осиповкѣ была, то письмо въ цѣлости назадъ воротилось.

— Какъ такъ? — спросила обрадованная игуменья.

— Тотъ, что... этотъ... приказчикъ-отъ... не доѣхалъ, — отвѣчала Марья Гавриловна, отворотясь отъ Манеѳы и глядя въ окошко. — Дорогой провѣдалъ, что старцевъ забрали... Онъ и воротился.

— Слава Тебѣ, Господи!.. Благодарю Создателя!.. — набожно перекрестясь, молвила Манеѳа. — Эки дѣла-то!.. Эки дѣла!.. — продолжала она, покачивая головой. — Въ обители, во святомъ мѣстѣ, взамѣнъ молитвы да поста чѣмъ вздумали заниматься!.. Себя топятъ и другихъ въ омутъ тянутъ... Всѣмъ теперь быть въ отвѣтѣ!.. Всѣмъ страдать!..

— Чѣмъ же всѣ-то виноваты, матушка? — спросила удивленная рѣчами игуменьи Марья Гавриловна. — Правый за виноватаго не отвѣтчикъ...

— Скитская бѣда не людская, сударыня... И безъ вины виноваты останемся, — сказала Манеѳа. — Давно на насъ пасмурнымъ окомъ глядятъ, давно обители наши въ конецъ порѣшить задумали... Худой славы про скиты много напущено... Въ какой-нибудь захудалой обители человѣкъ безъ виду *) попадется — про всѣ скиты закричатъ, что бѣглыми полнехоньки... Согрѣшитъ негдѣ дѣвица и выйдетъ дѣло наружу, ровно въ набатъ про всѣ скиты забьютъ: «распутство тамъ, развратъ непотребный»... Много напраслины на обители пущено!.. Много... А тутъ такое дѣло, какъ красноярское... Того и гляди на всѣхъ оно бѣду обрушитъ... И все-то одно къ одному — и сборная книга оленевская, и шарпанская

*) Безъ паспорта.

икона, и красноярское дѣло... Всѣхъ погубятъ, всѣ скиты, всѣ обители!..

— Да разберутъ же правду, матушка. Развѣ можно наказывать невиноватаго? — возразила Марья Гавриловна.

— Можно!.. — съ жаромъ сказала Манеѳа. — По другимъ мѣстамъ нельзя, въ скитахъ можно... Давно бы насъ разогнали, какъ иргизскихъ, давно бы весь Кѐрженецъ запустошили, если бы мы безъ бережи жили да не было-бъ у насъ сильныхъ благодѣтелей... Подай Господи имъ добраго здравія и вѣчнаго души спасенія!..

Замолчала на короткое время Манеѳа и опять начала:

— Великъ и славенъ былъ Иргизъ, не нашимъ Кѐрженскимъ обителямъ чета, а въ чьихъ рукахъ теперь?.. Давеча спросили вы про царицыну грамоту. Не бывало у насъ такой грамоты, а тамъ, на Иргизѣ, была... Царь Павелъ Петровичъ нарочно къ иргизскимъ отцамъ своего генерала присылалъ — Руничъ былъ по прозванію, съ милостивымъ словомъ его присылалъ, три тысячи рублевъ на монастырское строенье жаловалъ и грамоту за своей рукою отцу Прохору далъ... А тотъ отецъ Прохоръ самъ былъ великъ человѣкъ — самъ изъ царскаго рода... *) Слыхали, чай?

— Слыхала, матушка, какъ не слыхать, — отозвалась Марья Гавриловна.

— А какъ дошло дѣло, не помогли Иргизу ни царская грамота ни царская порода отца Прохора, — продолжала Манеѳа. — Вживѣ былъ еще отецъ-то Прохоръ, какъ его строенье Воскресенскій монастырь порушили: которыхъ старцевъ въ Сибирь, которыхъ на Кавказъ разослали, а монастырь отдали тѣмъ, что̀ къ никоніанамъ преклонились **). Это Иргизъ... А мы что̀ передъ нимъ?.. Все едино, что комары да малыя мушицы. Вздумаютъ порѣшить — многихъ разговоровъ съ нами не поведутъ... И постоять-то здѣсь за насъ некому... На Иргизѣ, когда монастыри отбирали, хоть народное собранье

*) Прохоръ, игуменъ Нижневоскресенскаго Иргизскаго монастыря, лицо весьма загадочное. Онъ пришелъ на Иргизъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и умеръ въ тридцатыхъ нынѣшняго. Обладалъ огромнымъ богатствомъ, находился въ близкихъ и какихъ-то таинственныхъ сношеньяхъ съ нѣкоторыми вельможами Екатерины, Павла и Александра I. Къ нему-то Павелъ Петровичъ въ 1797 году присылалъ Рунича. Про него между старообрядцами ходили слухи, будто онъ сынъ Грузинскаго царя, другіе называли его даже сыномъ императрицы Екатерины II. Въ самомъ же дѣлѣ Прохоръ былъ сынъ богатаго купца Калмыкова. Отношенія къ нему императора Павла объясняются тѣмъ, что Прохоръ ссужалъ его значительными суммами, когда Павелъ Петровичъ былъ еще великимъ княземъ.

**) Единовѣрцамъ.

было, не хотѣлъ тогда народъ часовенъ отдавать — водой на морозѣ изъ пожарныхъ трубъ людей-то тогда разгоняли... А здѣсь что̀?.. Послушали-бъ вы, сударыня, что̀ сосѣдушки наши любезные толкуютъ... Прошлымъ лѣтомъ у Глафириныхъ нову «стаю» рубили, такъ ронжински ребята да елфимовскіе смѣются съ галками-то *): «Строй, говорятъ, строй хорошенько — келейницъ-то скоро разгонятъ, хоромы тѣ намъ достанутся»... Вотъ что̀ у нихъ на умѣ!.. Христіанами зовутся, сами только и дышатъ обителями, безъ нашего хлѣба-соли давно бы съ голоду церемерли, а вотъ какія слова говорятъ!.. Теперь лебезятъ, кланяются, а случись невзгода — пальцемъ не двинутъ, рта не разинутъ... Не то что скиты — Христа Царя Небеснаго за ведро вина продадутъ!..

— Ну, ужъ это, матушка, кажется, вы на нихъ напрасно, — заступилась Марья Гавриловна.

— Давно живу съ ними, сударыня. лучше васъ знаю ихъ, лоботрясовъ,—съ досадой перервала ее Манееа.— Изъ-за чего они древляго благочестія держатся?.. Спасенія ради?.. Какъ же не такъ!.. Изъ-за выгоды, изъ-за одной только мірской, житейской выгоды... Надо правду говорить, — продолжала Манееа, понизивъ голосъ: — отъ людей утаишь, отъ Бога не спрячешь — иныя матери смолоду баловались съ ребятами, грѣшили... Плоть, сударыня, сильна въ молодые годы бываетъ... Слабъ человѣкъ, не всякому дано плоть побороть... Ну вотъ — старые-то дружки давно поженились, сѐмьями обзавелись, а съ матерями ладовъ не рушатъ... Не въ ту силу говорю, чтобъ матери въ старыхъ грѣхахъ съ ними пребывали... А вѣдь и подъ черной рясой и на старости лѣтъ молодая-то любовь помнится.

Смолкла на минуту игуменья и потомъ сдержаннымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, продолжала:

— И подати платятъ за нихъ, и сыновей отъ солдатчины выкупаютъ, и деньгами ссужаютъ и всѣмъ... Вотъ отчего деревенскіе къ старой вѣрѣ привержены... Не было-бъ имъ отъ скитовъ выгоды, давно бы всѣ до единаго въ никоніанство своротили... Какая тутъ вѣра?.. Не о душѣ, объ мошнѣ своей радѣютъ... Слабы нонѣ люди пошли, нѣтъ поборниковъ, нѣтъ подвижниковъ!.. Забывъ Бога, златому тельцу поклоняются!.. Горькія времена, сударыня, горькія!..

— Неужели въ самомъ дѣлѣ скитамъ конецъ наступаетъ? — въ сильномъ раздумьѣ послѣ долгаго молчанья спросила Марья Гавриловна.

*) Въ заволжскихъ лѣсахъ мѣстныхъ плотниковъ нѣтъ, они приходятъ изъ окрестностей Галича, отчего и зовутся «галками».

— Все къ тому идетъ... — покачавъ головой, со вздохомъ отвѣтила Манеѳа.

— Какъ же вы тогда, матушка? — озабоченно глядя на игуменью, спросила Марья Гавриловна.

— Признаться сказать, давненько я о томъ помышляю, — молвила Манеѳа. — Еще тогда, какъ на Иргизѣ зачали монастыри отбирать, рѣшила я сама про себя, что рано ли, поздно ли, а такой же участи не миновать и намъ. Ради того кой-чѣмъ загодя распорядилась, чтобъ перемѣна врасплохъ не застала.

— Что-жъ вы сдѣлали, матушка? — спросила Марья Гавриловна.

— А видите ли, дѣло въ чемъ, — сказала Манеѳа: — и на Иргизѣ, и въ Слободахъ, и въ Лаврентьевѣ всѣхъ несогласныхъ принять поповъ, великороссійскими архіереями благословенныхъ — по своимъ мѣстамъ разослали, на родину, значитъ. Кто гдѣ въ ревизію записанъ, тамъ и живи до смерти, по другимъ мѣстамъ ѣздить не смѣй... Когда до нашихъ скитовъ чередъ дойдетъ — съ нами то же сдѣлаютъ... Потому и сама я въ купчихи къ нашему городку приписалась и матерей, которы получше да полезнѣе, туда же въ мѣщанки приписала... Когда Керженцу выйдетъ рѣшенье... нашу обитель чуть не всю въ одинъ городъ пошлютъ. Тамъ и настроимъ мы домовъ къ одному мѣсту... Можетъ, позволятъ и здѣшне строенье туда перевезть... Часовни хоть не будетъ, а все же будемъ жить вкупѣ... Не станетъ нынѣшняго пространнаго житія, что же дѣлать, не такъ живи, какъ хочется, а какъ Господь благословитъ... И не я одна такъ распорядилась, во многихъ обителяхъ и въ здѣшнихъ, и въ Оленевскихъ, и въ Улангерскихъ то же сдѣлаютъ... Вкупѣ-то всѣмъ жить будетъ отраднѣе.

— А мнѣ-то какъ быть тогда, матушка? — тревожно спросила Марья Гавриловна.

— Вамъ, сударыня, безпокоиться нечего, ваша статья иная... — сказала Манеѳа. — Не въ обители живете, имени вашего въ спискахъ нѣту... путь вамъ чистый на всѣ четыре стороны.

— А какъ меня въ Москву вышлютъ да выѣздъ оттоль запретятъ?.. Тогда что?.. Жить въ Москвѣ для меня смерти горчѣй—сами знаете,—говорила взволнованная Марья Гавриловна.

— Не сдѣлаютъ этого, — молвила Манеѳа.

— Какъ не сдѣлаютъ? — возразила Марья Гавриловна. — Про Иргизъ поминали вы, а въ Казани я знаю купчиху одну, Замошникова по мужѣ была. Овдовѣвши, что мое же дѣло — поѣхала она на Иргизъ погостить. Тамъ въ Покровскомъ мона-

стырѣ игуменья матушка Надежда, коли слыхали, теткой доводилась ей...

— Знавала я матушку Надежду. Какъ не знать? — молвила Манеѳа.—Знакомы были, письмами обсылались. И племяненку-то ея знала...

— Году у тетки она не прогостила, какъ Иргизу вышло рѣшенье, — продолжала Марья Гавриловна. — И переправили Замошникову въ Казань и запретили ей изъ Казани отлучаться... А родомъ она не казанская, изъ Хвалыни была выдана... За казанскимъ только замужемъ была, какъ я за московскимъ... Ну какъ со мной то же сдѣлаютъ?.. Въ Москву какъ сошлютъ?.. Подумайте, матушка, каково мнѣ будетъ тогда?..

Призадумалась Манеѳа.

— Да, и такъ можетъ случиться, — сказала она. — Вамъ бы, сударыня, къ нашему же городку въ купечество записаться... Если-бъ что̀ и случилось, — вмѣстѣ бы вѣкъ дожили... Схоронили бы вы меня, старуху...

— Капиталъ объявлять надо, — молвила Марья Гавриловна.

— Извѣстно, — подтвердила Манеѳа.

— А капиталъ объявить, надо торговлю вести, — сказала Марья Гавриловна.

— Зачѣмъ? — возразила Манеѳа. — Нашъ городокъ махонькій, а въ немъ болѣ сотни купцовъ наберется... А много-ль, вы думаете, въ самомъ-то дѣлѣ изъ нихъ торгуетъ?.. Четверыхъ не сыщешь, остальные столь великіе торговцы, что передъ новымъ годомъ бьются, бьются сердечные, по міру даже сбираютъ на гильдію. Кто въ долги входитъ, кто последню одежонку съ плечъ долой, только-бъ на срокъ записаться.

— Зачѣмъ же это? — съ удивленіемъ спросила Марья Гавриловна. — Оставались бы въ мѣщанахъ, коли нѣтъ капитала.

— А отъ солдатчины-то ухорониться?...—отвѣтила Манеѳа.— Рекрутски-то квитанціи нонѣ вѣдь до̀роги стали, да и мало ихъ что-то. А какъ заплатилъ гильдію, такъ и не бойся ни бритаго лба ни красной шапки... Которы сродниковъ много имѣютъ — въ складчину гильдію-то выправляютъ. Въ одномъ-то капиталѣ иной разъ душъ пятьдесятъ мужскихъ записано: всего тутъ есть — и купецкихъ сыновей, и купецкихъ братьевъ, и купецкихъ племянниковъ, и купецкихъ внуковъ... А коль скоро всѣ изъ лѣтъ выйдутъ — тогда и гильдію больше не платятъ, въ мѣщанахъ остаются... Этакъ-то невпримѣръ дешевле квитанцій обходится, особенно коли много сродства къ одному капиталу приписано.

— Ну, меня-то пускай въ солдаты не забреютъ, — усмѣх-

нулась Марья Гавриловна. — А коли мнѣ капиталъ вносить, такъ ужъ надо въ самомъ дѣлѣ торговымъ дѣломъ заняться... Я же по третьей не запишусь.

— Вамъ надо по первой, — молвила Манеѳа. — Какъ же можно въ третью съ вашимъ капиталомъ?

— А въ вашемъ городу по первой-то много-ль приписано? — спросила Марья Гавриловна.

— По первой! — усмѣхнулась Манеѳа. — И по второй-то сроду никого не бывало. Какой нашъ городъ!.. Слава только, что городъ... Хуже деревни!..

— То-то и есть, — молвила Марья Гавриловна. — Не то что по первой, по второй если припишусь, толковъ немало пойдетъ. — А какъ дѣловъ-то не стану вести — на что-жъ это будетъ похоже?..

— Какими же вамъ, Марья Гавриловна, дѣлами заниматься? — сказала на то Манеѳа. — Дѣло женское, непривычное... Какія вамъ дѣла?

— Да хоть бы на Волгѣ пароходы завести? — поднявъ голову, съ живостью молвила Марья Гавриловна. — Пароходное дѣло хвалятъ, у брата тоже бѣгаютъ пароходы — и большую пользу онъ отъ нихъ получаетъ.

— Куда вамъ съ пароходами, сударыня! — возразила Манеѳа. — И мужчинѣ не всякому такое дѣло къ рукѣ приходится.

— Приказчика найду, — молвила Марья Гавриловна.

— Развѣ что приказчика, — сказала Манеѳа. — Только народъ-то нонѣ каковъ сталъ!.. Совѣсти нѣтъ ни въ комъ — какъ разъ оберутъ.

— Эхъ, матушка, будто на свѣтѣ ужъ и не стало хорошихъ людей?.. Попрошу, поищу, авось честный навернется... Богъ милостивъ!.. Патапа Максимыча попрошу... Вотъ на похоронахъ сознакомилась я съ Колышкинымъ Сергѣемъ Андреичемъ... Патапъ же Максимычъ ему пароходное дѣло устроилъ, а теперь подите-ка вы... По всей Волгѣ гремитъ имя Колышкина.

— Слыхала про него, — отозвалась Манеѳа. — Дѣла у него точно что хорошо идутъ.

— Благословите-ка, матушка, — молвила Марья Гавриловна.

— На что? — спросила Манеѳа.

— Капиталъ объявлять, пароходы заводить, приказчика искать, — сказала Марья Гавриловна, весело глядя на Манеѳу.

— Суета! — сдержаннымъ, но недовольнымъ голосомъ молвила игуменья, однако, немного помолчавъ, прибавила: — Богъ благословитъ на хорошее дѣло...

— Да вѣдь сами же вы, матушка, и гильдію платите и купчихой числитесь.

— Мое дѣло другое, сударыня. Ради христіанскаго покоя это дѣлаю, ради безмятежнаго житія. Поневолѣ такъ поступаю... А вы человѣкъ вольный, творите волю свою, якоже хощете... А я-было такъ думала, что намъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и помереть... Больно ужъ привыкла я къ вамъ.

— Что-жъ? И я возлѣ васъ въ городу построюсь. Будемъ неразлучны, — сказала Марья Гавриловна.

— Развѣ что такъ, — отвѣтила Манеѳа. — А лучше бы не дожить до того дня, — грустно прибавила она. — Какъ вспадеть на умъ, что раскатаютъ нашу часовню по бревнышкамъ, разломаютъ наши уютныя келейки, сердце такъ и захолонетъ... А быть бѣдѣ, быть!.. Однакожъ засидѣлась я у васъ, сударыня, пора и до кельи брести...

И, простившись съ Марьей Гавриловной, тихими стопами побрела игуменья къ своей «стаѣ».

Изъ растворенныхъ оконъ келарни слышались голоса: то московскій посолъ комаровскихъ бѣлицъ пѣть обучалъ. Завернула въ келарню Манеѳа послушать ихъ.

Глава тринадцатая.

Василій Борисычъ въ Манеѳиной обители какъ сыръ въ маслѣ катался. Умильный голосистый пѣвунъ всѣмъ по нраву пришелъ, всѣмъ угодить успѣлъ.

Съ матерью Манеѳой и съ соборными старицами чуть не каждый день по нѣскольку часовъ бесѣдовалъ онъ отъ писанія, или разсказывалъ про Бѣлую-Криницу, куда ѣздилъ въ лучшую пору ея, при первомъ митрополитѣ Амвросіи. Съ матерью Аркадіей водилъ длинные разговоры про уставную службу на Рогожскомъ кладбищѣ и разсказывалъ ей, какъ справляется чинъ архіерейскаго служенья митрополитомъ. Мать Назарету утѣшалъ разговорами о племянницѣ ея Домнушкѣ и о порядкахъ, какіе заведены въ Антоновской палатѣ, гдѣ она при старухахъ въ читалкахъ живетъ. Съ Таифой бесѣдовалъ о хозяйственныхъ распорядкахъ: оказалось, что Василій Борисычъ и по хозяйству былъ свѣдущъ. Мать казначея наговориться не могла съ такимъ хорошимъ гостемъ... А больше всего дружилъ онъ съ матушкой Виринеей, выучилъ ее, какъ свѣжіе кочни капусты сберегать на зиму, какъ рябину въ меду варить, какъ огурцы солить, чтобъ вплоть до весны оставались зелеными. Разъ до того заговорился съ ней гораздый на все Василій Борисычъ, что даже сталъ поучать

матушку-келаря, какъ ветчину коптить. Мать Виринея плюнула на такія слова, обозвала московскаго посланника оболтусомъ и шибко на него прикрикнула: — «Вздурился, что-ль, батюшка? Развѣ въ обители жрутъ скоромятину?» Это не помѣшало однако добрымъ отношеніямъ Василія Борисыча къ добродушной Виринеѣ; возлюбила она его какъ сына, не нарадуется, бывало, какъ завернетъ онъ къ ней въ келарню о разныхъ разностяхъ побесѣдовать... Про бѣлицъ и поминать нечего — души не чаяли онѣ въ Василіи Борисычѣ, всѣ до единой отъ рѣчей и отъ пѣсенъ его были безъ ума и одна передъ другой старались угодить, чѣмъ только могли, залетному соловью... Самъ Василій Борисычъ изъ дѣвицъ больше съ пѣвчими водился. Онѣ и въ разговорахъ поумнѣй другихъ были, и собой пригожѣе, и руки у нихъ были не мозолистыя, не заскорузлыя, какъ у рабочихъ бѣлицъ, а нѣжныя, пышныя, мягкія. Это съ первыхъ же дней скитскаго житья-бытья спозналъ Василій Борисычъ. А пуще всего заглядывался онъ на смуглую, румяную, чернобровую Устинью Московку. Еще въ Москвѣ видалъ онъ ее у знакомыхъ, гдѣ Устинья два лѣта жила въ канонницахъ, «негасимую свѣчу» стояла... Тамъ еще, гдѣ-то на Солодовкѣ, съ Устиньей онъ шашни завелъ, да не успѣлъ до конца добиться — дочитала она свѣчу и уѣхала въ лѣса за Волгу...

По просьбѣ матушки Манеѳы, началъ Василій Борисычъ оба клироса «демественному» пѣнію обучать. Пропѣлъ съ ними стихеры и воззвахи на всѣ господскіе праздники, принялся за догматики, вдругъ занятія его съ дѣвицами поразстроились, въ Осиповку на похороны надо было ѣхать. Покамѣстъ онѣ были тамъ, Василій Борисычъ успѣлъ побывать въ Ула̀нгерѣ и уговорить нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ старицъ на пріемъ владимірскаго архіепископа... Успѣлъ Василій Борисычъ и попѣть съ ула̀нгерскими пѣвицами, облюбовалъ и тамъ одну дѣвицу въ Юдиѳиной обители — нѣжную, бѣленькую, маленькую ростомъ Домнушку, но и съ ней, какъ съ Устиньей въ Москвѣ, дѣла не успѣлъ до конца довести. Гостепріимная Манеѳина обитель больше всѣхъ полюбилась московскому посланнику. Думалъ недѣльку пожить въ ней, да, заглядѣвшись на Устинью, рѣшился оставаться, пока изъ обители вонъ его не вытурятъ.

Въ тотъ самый вечеръ, какъ мать Манеѳа сидѣла у Марьи Гавриловны и вела грустныя рѣчи о паденіи, грозящемъ скитамъ Кѐрженскимъ, Чернораменскимъ, Василій Борисычъ, помазавъ власы своя елеемъ, то-есть, попросту говоря, деревяннымъ масломъ, надѣвъ легонькій демикотоновый кафтан-

чикъ и расчесавъ рѣденькую бородку, пѣтушкомъ прилетѣлъ въ келарню добродушной Виринеи. Завязался у нихъ поучительный разговоръ о черепокожныхъ, про которыхъ во всѣхъ уставахъ поминается, что не токмо мірскимъ, но и старцамъ со старицами разрѣшено ихъ ядѣніе по субботамъ и недѣлямъ святой великой Четыредесятницы. Мать Виринея утверждала, что это объ орѣхахъ говорится, а Василій Борисычъ того мнѣнія держался, что черепокожные — морскіе плоды, и сослался на одну древлеписьменную книгу, гдѣ въ самомъ дѣлѣ такое объясненье нашлось

— Такъ вотъ оно что̀, — съ удивленьемъ покачивая головой, говорила мать Виринея, увидя въ почитаемой за святую книгѣ такія неудобь-понимаемыя рѣчи.—Такъ вотъ оно что̀ — морскіе плоды!.. Что-жъ это за морскіе плоды такіе?.. Научи ты меня старуху уму-разуму, ты вѣдь плавалъ, поди, по морямъ-то, когда въ митрополію ѣздилъ... Она вѣдь, сказываютъ, за моремъ.

— Не за моремъ, матушка, а токмо по близости Чернаго моря, того самаго, что̀ въ прологахъ Евксинскимъ понтомъ нарицается, — молвилъ Василій Борисычъ.

— Помню, голубчикъ, помню, — сказала Виринея. — А видѣлъ ли ты его, касатикъ?

— Кого, матушка?

— А этотъ понтъ-отъ... — сказала Виринея. — Вѣдь это, стало-быть, тотъ, про который на троицкой утренѣ поютъ: «Въ понтѣ покрывъ Фараона» *)?

— То другой, матушка, — отвѣтилъ Василій Борисычъ. — Много вѣдь ихъ, понтовъ-то, у Господа, — прибавилъ онъ.

— Эка премудрость Божія! — съ умиленьемъ сказала Виринея, складывая на груди руки... — Чего-то, чего на свѣтѣ нѣтъ!.. Такъ что̀ же, видѣлъ ты его, голубчикъ?.. Понтъ-отъ этотъ?..

— Довелось видѣть, матушка, довелось, какъ въ Одессѣ проѣздомъ былъ, — молвилъ Василій Борисычъ.

— Что-жъ, родной, этотъ понтъ — море, поди, пространное и глубокое? — съ любопытствомъ продолжала разспросы свои мать Виринея.

— Пространное, матушка, пространное — краевъ не видать, — подтвердилъ Василій Борисычъ.

— И глубокое? — спросила Виринея.

— Глубокое, матушка — дна не достать, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

---

*) Такъ въ до-никоновскихъ книгахъ. Нынѣ поется: «Понтомъ покрывъ».

— Какъ Волга, значитъ... — со вздохомъ молвила Виринея и, облокотившись на столъ, положила щеку на̀ руку.

— Какая тутъ Волга! — усмѣхнулся Василій Борисычъ. — Говорятъ тебѣ, дна не достать.

— Премудрости Господней исполнена земля! — набожно молвила Виринея. — Такъ вотъ оно море-то какое... Пространное и глубокое, въ немъ же гадовъ нѣсть числа, — глубоко вздохнувъ, добавила она словами псалтыря.

— Есть матушка, и гады, есть, — подтвердилъ Василій Борисычъ.

— Какіе-жъ это плоды-то морскіе, сирѣчь черепокожные?.. Ты мнѣ, родной, разскажи... Научи Христа ради... Видалъ ты ихъ, касатикъ?.. Отвѣдывалъ?.. Какіе на вкусъ-то?.. Чудно̀е, право, дѣло!..

— Морскими плодами, матушка, раковины зовутся, пауки морскіе да раки... — началъ-было Василій Борисычъ.

— Полно ли тебѣ, окаянному!.. — закричала Виринея, поднявъ кверху попавшуюся по̀дъ руку скалку. — Дуру, что ли, неповитую нашелъ смѣяться-то?.. А?.. Смотри ты у меня, лоботрясъ этакій!.. Я тѣ благословлю по башкѣ-то!..

Досада взяла Василья Борисыча.

— Ну, матушка, съ тобой говорить, что солнышко въ мѣшокъ ловить, — сказалъ онъ. — Какъ же ты этого понять не можешь?

— Статочное ли дѣло, чтобъ святые отцы такую погань вкушали? — громче прежняго закричала Виринея. — И раковъ-то ѣсть не подобаетъ, потому что ракъ — водяной сверчокъ, а ты пауковъ приплелъ... Эхъ, Васенька, Васенька! Умный ты человѣкъ, а ину пору такихъ забобоновъ нагнешь, что и слушать-то тебя грѣхъ.

Василій Борисычъ плюнулъ даже съ досады. Да, забывшись, плюнулъ-то, на грѣхъ, не въ ту сторону. Взъѣлась на него Виринея.

— Что̀ плюешься?.. Что̀?.. Окаянный ты этакій! — закричала она на всю келарню, изо всей силы стуча по столу скалкой. — Куда плюнулъ-то?.. Въ кого попалъ?.. Креста, что-ль, на тебѣ нѣтъ?.. Коли вздумалъ плеваться, на лѣву сторону плюй—на врага, на дьявола, а ты гляди-ка что̀!.. На ангела Господня наплевалъ... Аль не знаешь, что ко всякому человѣку ангелъ отъ Бога приставленъ, а отъ сатаны бѣсъ... Ангелъ на правомъ плечѣ сидитъ, а бѣсъ на лѣвомъ... Такъ ты и плюй налѣво, а направо плюнешь—въ ангела угодишь... Эхъ, ты, неразумный!.. А еще книги всѣ знаешь, къ митрополиту за миромъ ѣздилъ!.. Эхъ, ты!..

— Такъ что-жъ по-вашему, матушка, означаютъ эти черепокожные, сирѣчь морскіе плоды? — спросилъ Василій Борисычъ, стараясь замять разговоръ о плевкѣ, учиненномъ не по правиламъ.

— Извѣстно, орѣхи, — сухо отвѣтила Виринея.

— Какъ же орѣхи-то на водѣ выросли? — спросилъ Василій Борисычъ.

— Божьимъ повелѣньемъ. — сказала Виринея.

— Ну, матушка, съ тобой говорить, что воду рѣшетомъ носить, — молвилъ съ досады Василій Борисычъ. — Что̀ въ книгѣ-то писано?.. «Морскіе плоды». Такъ ли?..

— Съ толку ты меня сбиваешь, вотъ что̀... И говорить съ тобою не хочу, — перебила его мать Виринея и, плюнувъ на лѣвую сторону, гдѣ бѣсъ сидитъ, побрела въ боковушу.

Между тѣмъ какъ въ келарнѣ шелъ споръ о черепокожныхъ и о плевкахъ, она наполнилась пѣвицами, провѣдавшими, что учитель ихъ сидитъ у Виринеи.

Троицынъ день наступалъ. Хотѣлось Василью Борисычу утѣшить гостепріимную Манеѳу добрымъ осьмогласнымъ пѣніемъ, нарядными демественомъ за всенощной и за вечерней. Попа нѣтъ, на листу лежать не станутъ *), зато въ часовнѣ такое будетъ пѣніе, какое, можетъ-статься, и на Иргизѣ не часто слыхивали... За это Василій Борисычъ брался, а онъ дѣла своего мастеръ, въ грязь лицомъ себя не ударитъ...

Уже по нѣскольку разъ пропѣлъ онъ съ ученицами и возвахи, и догматикъ праздника, и весь канонъ, и великій прокименъ вечерни: «Кто Богъ велій!». Все какъ по маслу шло, и московскій посолъ напередъ радовался успѣху, что̀ долженъ былъ увѣнчать труды его... А баловницамъ-пѣвицамъ межъ тѣмъ прискучило пѣть одно «божество», и, не слушая учителя, завели онѣ троицкую псальму... Василій Борисычъ поневолѣ присталъ къ нимъ, и вскорѣ звонкій голосокъ его покрылъ всю пѣвчую стаю... Съ увлеченьемъ пѣлъ онъ, не спуская глазъ съ разгорѣвшихся щекъ миловидной Устиньи Московки:

Источникъ духовный
Днесь радости полный,
Страны всего свѣта слышьте,
Съ апостолы пріимите
Росу, росу благодати,
Росу благодати.
Облакъ раздѣляше,

*) За великой вечерней въ Троицынъ день три молитвы, читаемыя священникомъ, старообрядцы слушаютъ, не стоя на колѣняхъ, какъ это дѣлается въ православныхъ церквахъ, а лежа ницъ, при чемъ подкладываютъ подъ лицо цвѣты или березовыя вѣтки. Это называется «лежать на листу».

Языки рождаше,
Рыбарямъ огненная,
Евреямъ ужасная,
И всѣмъ врагамъ страшная,
И всѣмъ и всѣмъ врагамъ страшная.

Фленушка все время одаль сидѣла. Угрюмо взглядывала она на Василья Борисыча и казалась совершенно безучастною къ пѣнію. Не то унынье, не то забота туманили лицо ея. Нельзя было узнать теперь всегда игривую, всегда живую баловницу Манеѳы. Совѣсть ли докучала ей; надъ Настиной ли смертью она призадумалась; надъ совѣтомъ ли матушки надѣть иночество и прибрать къ рукамъ всю обитель; томила-ль ее досада, что вотъ и Троица на дворѣ, а казанскаго гостя Петра Степаныча Самоквасова все нѣтъ какъ нѣтъ?... Не разгадаешь... И Марьюшка и Василій Борисычъ не разъ обращались къ ней съ шуточками, но Фленушка будто не слыхала рѣчей ихъ. Пасмурными взорами оглядывала она исподлобья пѣвшихъ бѣлицъ.

Вдругъ ни съ того ни съ сего вскочила она съ мѣста, живымъ огнемъ сверкнули глаза ея, и, подскочивъ къ Василью Борисычу, изо всей силы хлопнула его по плечу.

— Тошнехонько!.. Мірскую бы!.. Веселую, громкую! — вскрикнула она...

— Охъ, искушеніе! — молвилъ Василій Борисычъ, вздрогнувъ отъ полновѣснаго удара по плечу.

— Новенькую какую-нибудь, — продолжала Фленушка, не снимая руки съ плеча Василья Борисыча. — Тоску нагнали вы своимъ мычаньемъ. Слушать даже противно... Да ну же, Василій Борисычъ, запѣвай развеселую!..

— Охъ, искушеніе! — съ глубокимъ вздохомъ, перебѣгая глазами по бѣлицамъ, сказалъ Василій Борисычъ.

— Да начинай же, говорятъ тебѣ! — топнувъ ногой, съ досадой закричала на него Фленушка. — Скорѣй!

Откашлянулся Василій Борисычъ и серебристымъ голоскомъ завелъ тихонько скитскую пѣсенку:

Не сама-то я, младешенька, во старочки пошла,
Гдѣ теперь всю невозможность я въ веселости нашла...

Всѣмъ тѣломъ вздрогнула Фленушка. Блѣдность облила лицо ея.

— Не надо, — вскричала. — Что̀ за пѣсню выдумалъ пѣть!.. Ровно на̀ смѣхъ!.. Другую!.. Веселенькую!.. Да начинай же, Василій Борисычъ!

— Какую же, Флена Васильевна? — разводя руками, молвилъ Василій Борисычъ. — Право, не вздумаю вдругъ... Развѣ

про тирана?.. На Иргизѣ, въ Покровскомъ дѣвицы, бывало, пѣвали ее...

И завелъ протяжную пѣсню:

Ты, погибель мою строя,
Тѣмъ доволенъ ли, тиранъ,
Что, лишивъ меня покоя,
Совершилъ свой злой обманъ?

При звукахъ этой пѣсни добродушная Виринея, забывъ досаду на Василья Борисыча, выглянула изъ боковуши и, остановясь въ дверяхъ, пригорюнилась.

— Что-жъ это за тиранъ такой? — умильно и съ горькимъ вздохомъ спросила она у Василья Борисыча, не замѣтившаго ея входа.

— Врагъ, матушка, дьяволъ, — отвѣтилъ ей Василій Борисычъ. — Кто-жъ какъ не онъ погибель-то нашу строитъ?

— Онъ, родимый ты мой, Василій Борисычъ, точно что онъ... — простодушно отвѣчала Виринея. — У него окаяннаго только и дѣла, чтобъ людей на погибель приводить.

Бѣлицы засмѣялись. Мать Виринея накинулась на нихъ.

— Чему зубы-то скалите? Коему ляду *) обрадовались, непутныя?.. Ихъ доброму поучаютъ, а онѣ хохочутъ, безстыжія, рта не покрываючи... Да уймешься ли ты, Устинья?.. Видно, только смѣхамъ въ Москвѣ-то и выучилась!.. Уймись, говорю тебѣ — не то кочергу возьму... Ишь совѣсти-то у васъ сколько!.. Чѣмъ бы сердцемъ сокрушаться да душой умиляться, а имъ только смѣшки да праздныя слова непутныя!.. Охъ, Владычица, Царица Небесная!.. Какіе нонѣ молодые-то люди пошли!.. Вольница такая, что не приведи Господи!.. Пой а ты, Васенька, пой, голубчикъ!

—

Не успѣлъ начать Василій Борисычъ, какъ дверь отворилась, и предстала Манеѳа. Всѣ встали съ мѣстъ и сотворили передъ игуменьей обычныя метанія... Тишина въ келарнѣ водворилась глубокая... Только и слышны были жужжанье мухъ да ровные удары маятника.

— Ну что? Каково спѣваете? — спросила Манеѳа.

— Изрядно, матушка, изрядно идетъ, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Что пѣли?

— Троицку службу, матушка, — степенно отвѣтилъ Василій Борисычъ.

---

*) Лядъ — тунеядецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ — нечистый духъ, въ верховьяхъ Волги — хлыстъ, принадлежащій къ ереси Божьихъ людей.

— Спаси тя Христосъ за твое попеченіе, — молвила Манеѳа, слегка наклоняя голову передъ Васильемъ Борисычемъ.— По правдѣ сказать, наши пѣвицы не больно горазды, не таковы, какъ на Иргизѣ бывали... аль у васъ на Рогожскомъ... Бывалъ ли ты, Василій Борисычъ, на Иргизѣ у матушки Ѳеофаніи, подай Господи ей царство небесное, — въ Успенкомъ монастырѣ?

— Какъ не бывать, матушка?.. Сколько разъ! — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Вотъ ужъ истинно ангелоподобное пѣніе тамъ было. Стоишь, бывало, за службой-то—всякую земную печаль отложишь, никакая житейская суета въ умъ не приходитъ... Да, велико дѣло церковное пѣніе!.. Душу къ Богу подъемлетъ, сердце отъ злыхъ помысловъ очищаетъ...

— Что-жъ, матушка, и вашего пѣнія похаять нельзя — такого мало гдѣ услышишь, — сказалъ Василій Борисычъ.

— Какое у насъ пѣніе, — молвила Манеѳа: — въ лѣсахъ живемъ, по-лѣсному и поемъ.

— Это ужъ вы напрасно, — вступился Василій Борисычъ.— Не въ мѣру своихъ пѣвицъ умаляете!.. Голосà у нихъ чистые, ноту держатъ твердо, опять же не гнусятъ, какъ во многихъ мѣстахъ у нашихъ христіанъ повелось...

— А ты, другъ, не больно ихъ захваливай,—перебила Манеѳа. — Окромя Марьюшки да развѣ вотъ еще Липы съ Грушей *), и крюки-то не больно горазды онѣ разбирать. Съ голосу больше пѣть наладились, какъ Господь далъ... Ты, живучи въ Москвѣ-то, не научилась ли по нотѣ пѣть? — ласково обратилась она къ смѣшливой Устиньѣ.

— Когда было учиться-то мнѣ, матушка? — стыдливо закрывая лицо передникомъ, отвѣтила пригожая канонница. — Все дома да дома сидишь — на Рогожскомъ-то всего только разъ службу выстояла.

— Она понятлива, матушка, я ее обучу, — улыбнувшись на Устинью, молвилъ Василій Борисычъ.

Зардѣлась Устинья пуще прежняго отъ рѣчей московскаго посланника.

— Обучай ихъ, Василій Борисычъ, всѣхъ обучай, которы только тебѣ въ дѣло годятся, уставь, пожалуйста, у меня въ обители доброгласное и умильное пѣніе... А то какъ поютъ?.. Кто въ лѣсъ, кто по дрова.

— Оченно ужъ вы строги, матушка, — сказалъ Василій Бо-

---

*) Липа — уменьшительное Олимпіады, Груша—Агриппины, или по простонарѣчію Аграфены.

рисычъ. — Ваши дѣвицы демество даже разумѣютъ, не то что по другимъ мѣстамъ... А вотъ, Богъ дастъ, доживемъ до праздника, такъ за троицкой службой услышите, каково онѣ запоютъ.

— Троицкая служба трудная, Василій Борисычъ, — молвила Манеѳа: — труднѣй ея во всемъ кругу *) нѣтъ: и стихеры большіе и канонъ двойной, опять же самогласныхъ **) довольно... Гляди, справишься ли ты, Марьюшка?

— Справится, матушка, безпремѣнно справится, — отвѣтилъ за головщицу Василій Борисычъ. — И «сѣдальны» ***) не говоркомъ будутъ читаны, — всѣ нараспѣвъ пропоемъ.

— Ужъ истинно самъ Господь принесъ тебя ко мнѣ, Василій Борисычъ, — довольнымъ и благодушнымъ голосомъ сказала Манеѳа. — Праздникъ великій — хочется поблаголѣпнѣе да посвѣтлѣй его отпраздновать... Да вотъ еще что — пѣніе-то пѣніемъ, а уборъ часовни самъ по себѣ... Кликните, дѣвицы, матушку Аркадію да матушку Таифу — шли бы скорѣй въ келарню сюда...

Сотворивъ поясной поклонъ передъ игуменьей, Устинья чинно вышла изъ келарни, но только-что спустилась съ крыльца, такъ припустила бѣжать, что только пятки у ней засверкали.

Минутъ черезъ пять вошла Аркадія, а вслѣдъ за ней Таифа. Сотворя семипоклонный началъ передъ иконами и обычныя метанія передъ игуменьей, поклонились онѣ на всѣ стороны и, смиренно поджавъ руки на груди, стали передъ Манеѳой, ожидая ея приказаній.

— До святой Пятидесятницы недолго, часовню надо прибрать по-доброму, — сказала игуменья.

— Все будетъ сдѣлано, матушка, — съ низкимъ поклономъ отвѣтила Аркадія. — Какъ въ прежни годы бывало, такъ и нонѣ устроимъ все.

— И полы, и лавки, и подоконники дѣвицамъ вымыть чисто-начисто, — не слушая уставщицу, продолжала Манеѳа. — Дресвой бы мыли, да не лѣнились, скоблили бы хорошенько. Паникадила да подсвѣчники мѣломъ вычистить.

— Къ Пасхѣ чищены, матушка, — замѣтила уставщица.

— Оклады на иконахъ какъ жаръ бы горѣли, — не останавливаясь, продолжала Манеѳа. — Березокъ нарубить побольше, да чтобъ по-лѣтошнему у тебя осины съ рябиной въ часовню

*) Кругъ (церковный) — уставъ службы на весь годъ.
**) Самогласенъ — церковная пѣснь, имѣющая свой особый напѣвъ.
***) Особыя церковныя пѣсни за всенощными, во время пѣнія которыхъ позволяется сидѣть.

не было натащено... Горькія древеса, не благословлены... Въ домъ Господень вносить ихъ не подобаетъ... Березки по стѣнамъ и передъ солеей разставить, полъ свѣжей травой устлать, да чтобъ въ травѣ ради благоуханія и зоря была, и мята, и кануферъ... На солею и передъ аналогіемъ ковры постлать новые, большіе... Выдай ихъ, Таифушка... Да цвѣтныхъ бы пучковъ, съ чѣмъ вечерню стоять, было навязано довольно, всѣмъ бы достало, и своимъ и прихожимъ молельщикамъ, которые придутъ... Въ субботу передъ всенощной дѣвицъ на вспольe послать, цвѣтковъ бы всякихъ нарвали, а которы цвѣты Марья Гавриловна пришлетъ, тѣ къ иконамъ... Мѣстные образа кисеями убрать, лентами да цвѣтами, что̀ будутъ отъ Марьи Гавриловны... А тебѣ, мать Виринея, кормы изготовить большіе: двѣ бы яствы рыбныхъ горячихъ было поставлено, двѣ перемѣны холодныхъ, пироги пеки прѣсные съ яйцами да съ зеленымъ лукомъ, да лещиковъ зажарь, да оладьи были бы съ медомъ, левашники съ изюмомъ... А ты, мать Аркадія, попомни, во всѣхъ паникадилахъ новыя свѣчи были бы вставлены, и передъ мѣстными и передо всѣми... Вечоръ поглядѣла я у тебя — въ часовнѣ-то въ заднемъ углу паутина космами виситъ — чтобъ сегодня же ея не было. Катерина твоя за часовней ходитъ плохо... Скажи ей, на поклоны при всѣхъ поставлю, только разъ еще замѣчу... А ну-ка, Василій Борисычъ, благо дѣвицы въ сборѣ — послушала бы я, какъ ты обучаешь ихъ... Спойте-ка: «Радуйся, Царице!».

Василій Борисычъ раскрылъ Минею Цвѣтную, оглянулъ ставшихъ рядами пѣвицъ и запѣлъ съ ними девятую пѣснь троицкаго канона... Манеѳа была довольна.

— За такое пѣніе мы тебѣ за вечерней хорошій пучокъ цвѣтной поднесемъ,—улыбаясь, молвила она Василью Борисычу. — Изъ самыхъ рѣдкостныхъ цвѣтковъ соберемъ, которы Марья Гавриловна намъ пожалуетъ...

— Пучокъ-отъ связать бы ему съ банный вѣникъ,—со смѣхомъ вмѣшалась Фленушка. — Пусть бы его на каждый листокъ по слезинкѣ положилъ.

— Прекрати, — строго сказала Манеѳа. — У Василья Борисыча не столь грѣховъ, чтобъ ему цѣлый вѣникъ надо было оплакать *).

---

*) У старообрядцевъ, а также и въ средѣ приволжскаго простонародья держится повѣрье, что во время троицкой вечерни надо столько плакать о грѣхахъ своихъ, чтобы на каждый листочекъ, на каждый лепестокъ цвѣтовъ, что̀ держатъ въ рукахъ, кануло хоть по одной слезинкѣ. Эти слезы въ скитахъ зовутся «росой благодати». Объ этой-то «росѣ благодати», говорили тамъ, и въ троицкой псальмѣ поется.

— Вѣрь ты ему! — съ усмѣшкой сказала не унимавшаяся Фленушка. — На глазахъ преподобенъ, за глазами отъ грѣха не свободенъ.

— Замолчишь ли? — возвысила голосъ Манеѳа. — Что̀ за безстыдница! Не подосадуй, Василій Борисычъ, на глупыя дѣвичьи рѣчи — она вѣдь у меня шальная.

Василій Борисычъ только улыбнулся.

— Искушеніе! — встряхнувъ головой, промолвилъ онъ потомъ и, вздохнувъ, завелъ съ дѣвицами догматикъ троицкой вечерни.

Заслушалась Манеѳа пѣнія, просидѣла въ келарнѣ до самой вечерней трапѐзы. Въ урочный часъ Виринея съ приспѣшницами ужину собрала, и Манеѳа сама сидѣть за тра̀пезой пожелала... Когда яства были разставлены, всѣ разсѣлись по мѣстамъ, а чередная канонница подошла къ игуменьѣ за благословеніемъ начать отъ пролога чтеніе, Василій Борисычъ сказалъ Манеѳѣ:

— Не благословите ли, матушка, замѣсто чтенія спѣть что-нибудь?

— Чего спѣть? — спросила игуменья.

— Духовную псальму какую-нибудь, — отвѣтилъ Василій Борисычъ.

— Не водится, Василій Борисычъ; за тра̀пезой псальмъ не поютъ, — замѣтила Манеѳа.

— Какъ не поютъ, матушка? — возразилъ Василій Борисычъ. — Поютъ, — онѣ вѣдь божественнаго смысла исполнены, пристойно пѣть ихъ за тра̀пезой.

— Сколь обитель наша стоитъ — такого дѣла у насъ не бывало, — сказала Манеѳа. — Да не бывало и по всему Кѐрженцу.

— Про Иргизъ-отъ, матушка, давеча вы поминали, — подхватилъ Василій Борисычъ. — А тамъ у отца Силуяна *) въ Верхнемъ Преображенскомъ завсегда по большимъ праздникамъ за трапезой духовныя псальмы, бывало, поютъ. На каждый праздникъ особыя псальмы у него были положены. И въ Лаврентьевѣ за трапезой псальмы распѣвали, въ Стародубьѣ и донынѣ поютъ... Самъ не разъ слыхалъ, пѣвалъ даже съ отцами...

— Право, не знаю какъ, — колебалась Манеѳа. — Да у меня дѣвицы и псальмъ-то хорошихъ не знаютъ...

— А вотъ я ихъ «Богородичну Плачу» на-дняхъ обучилъ, —

*) Силуянъ, игуменъ Верхняго Преображенскаго монастыря на Иргизѣ, сдавшій его единовѣрцамъ въ 1842 году.

подхватилъ Василій Борисычъ: — какъ Пречистая Богородица у креста стояла да плакала. Благословите-ка, матушка, пропѣть...

Нечего было дѣлать, уступила Манеѳа.

— Богъ благословитъ, пойте во славу Божію, — сказала она.

Василій Борисычъ съ Марьюшкой головщицей, съ Устиньей, Липой и Грушей стали впереди столовъ. Къ нимъ подошла Фленушка, и началось пѣніе:

Во святомъ было во градѣ,
Во Ерусалимѣ,
На позорномъ Лобномъ мѣстѣ,
На горѣ Голгоѳѣ —
Обезславленъ, обезчещенъ
Іисусъ, Сыне Божій,
Весь въ кровавыхъ язвахъ,
На крестѣ бысть распятъ.
Тутъ стояла Дѣва Мати,
Плакала, рыдала,
Сокрушалась и терзалась
О любезномъ Сынѣ:
„Ахъ, Ты, Сынъ, Моя надежда,
„Іисусъ, Сыне Божій,
„Гдѣ архангелъ, кой пророчилъ,
„Что царемъ Ты будешь?
„Я теперь всего лишаюсь,
„Я теперь безчадна —
„Бейся, сердце, сокрушайся,
„Утроба, терзайся“.
Со креста, узрѣвъ Сынъ Божій
Плачущую Мати,
Услыхавъ Ея рыданья,
Тако проглаголалъ:
„Не рыдай Мене, о Мати,
„И отри токъ слезный,
„Веселися ты надеждой —
„Я воскресну, Царемъ буду
„Надъ землей и небомъ...
„Я тогда Тебя прославлю
„И со славой вознесу тѣхъ,
„Кто Тя возвеличитъ!..“

Смолкли послѣдніе звуки Богородична Плача, этой русской самородной «Stabat mater», и въ келарнѣ, хоть тамъ былъ не одинъ десятокъ женщинъ, стало тихо, какъ въ могилѣ. Только бой часового маятника нарушалъ гробовую тишину... Пѣніе произвело на всѣхъ впечатлѣніе. Сидя за столами, келейницы умильно поглядывали на Василья Борисыча, многія отирали слезы... Сама мать Манеѳа была глубоко тронута.

— И откуда такую пѣсню занесъ ты къ намъ, Василій Борисычъ? — съ умиленьемъ сказала она. — Слушаешь не

наслушаешься... Будь каменный — и у того душа жалостью растопится... Гдѣ, въ какихъ мѣстахъ научился ты?

— По разнымъ обителямъ ту пѣснь поютъ, матушка... — скромно отвѣтилъ Василій Борисычъ. — И по домамъ благочестныхъ христіанъ поютъ... Выучился я пѣть ее въ Лаврентьевѣ, а слыхалъ и въ Куреняхъ и въ Бѣлой-Криницѣ. А изводу *) она суздальскаго. Оттоль, сказываютъ, изъ-подъ Суздаля, разнесли ее по обителямъ.

— Спасибо, другъ, что научилъ дѣвицъ Плачу Богородичну... Много духовныхъ пѣсенъ слыхала я, а столь сладостной, умильной не слыхивала, — молвила Манеѳа. — Много-ль у тебя такихъ пѣсенъ, Василій Борисычъ?

— Довольно-таки, матушка, — отвѣтилъ онъ. — Сызмальства охоту имѣлъ къ нимъ — кои на память выучилъ, кои списалъ на бумагу... Да вотъ искушеніе!.. тетрадку-то не захватилъ съ собою... А много въ ней такихъ пѣсенъ.

— Жаль, другъ, очень жаль, что нѣтъ съ тобой той тетрадки... — молвила Манеѳа. — Которы на память-то знаешь, перескажи дѣвицамъ — запишутъ онѣ ихъ да выучатъ... Марьюшка, слышишь, что̀ говорю?

— Слушаю, матушка, — съ низкимъ поклономъ отозвалась головщица.

Кончилась тра̀пеза... Старицы и рабочія бѣлицы разошлись по кельямъ. Манеѳа, присѣвъ у растворенпаго окна на лавку, посадила возлѣ себя Василья Борисыча. Мать Таифа, мать Аркадія, мать Назарета, еще три инокини изъ соборныхъ старицъ да вся пѣвчая стая стояли передъ ними въ глубокомъ молчаньи, внимательно слушая бесѣду игуменьи съ московскимъ посломъ...

Про Иргизъ говорили: знако̀мъ былъ онъ матери Манеѳѣ; до игуменства чуть не каждый годъ туда она ѣздила и гащивала въ тамошнихъ женскихъ обителяхъ по мѣсяцу и дольше... Василій Борисычъ также коротко зналъ Иргизскіе монастыри. Долго онъ разсуждалъ съ Манеѳой о благолѣпіи тамошнихъ церквей, о стройномъ порядкѣ службы, о знаменитыхъ пѣвцахъ отца Силуяна, о пространномъ и во всемъ преизобильномъ житіи тамошнихъ иноковъ и старицъ.

— Какъ по паденіи благочестія въ старомъ Римѣ Цареградъ вторымъ Римомъ сталъ, такъ и по паденіи благочестія во святой Аѳонской горѣ второй Аѳонъ на Иргизѣ явился, —

*) Курени или Куреневскій раскольничій скитъ, въ Юго-Западномъ краѣ. Изводъ — редакція, а также мѣсто происхожденія, или указаніе на мѣсто происхожденія.

говорилъ красноглаголивый Василій Борисычъ. — Поистинѣ царство иноковъ было... Жили они безпечально и во всемъ изобильно... Что̀ земель отъ царей было имъ жаловано, что̀ луговъ, лѣсу, рыбныхъ ловель и всякаго другого угодья!.. Житье нѣмцамъ въ той сторонѣ, а иргизскимъ отцамъ и супротивъ нѣмцевъ было привольнѣй...

— А теперь на Иргизѣ что̀? — съ горькимъ чувствомъ молвила Манеѳа. — Не стало красоты церковной, запустѣли обители!.. Которы разорены и знаку отъ нихъ не осталось, которы отданы хромцамъ на обѣ плеснѣ *)!

— Мерзость запустѣнія, Даніиломъ прореченная, — проговорилъ Василій Борисычъ.

— За грѣхи наши, за грѣхи! — больше и больше оживляясь, говорила Манеѳа. — Исполнися фіалъ Господней ярости!

— Послѣднія времена! — пригорюнясь, вздохнула Таифа.

— Да, — сказала Манеѳа, величаво поднимая голову и пылкимъ взоромъ оглядывая предстоявшихъ. — По всему видно, что близится скончаніе вѣковъ. А мы во грѣхахъ, какъ въ тинѣ зловонной, валяемся, заслѣпли очи, не видимъ, какъ пророчества сбываются... Дай-ка сюда прологъ, мать Таифа... Ищи ноемврія шестнадцатое.

Таифа поднесла къ Манеѳѣ раскрытый прологъ... Указавъ казначеѣ на строки, она велѣла ихъ читать громогласно.

«И рече преподобный Памва ученику своему, — нараспѣвъ стала Таифа читать: — се убо глаголю, чадо, яко пріидутъ дніе, внегда расказятъ иноцы книги, загладятъ отеческая житія и преподобныхъ мужей преданія, пишуще тропари и еллинская писанія. Сего ради отцы рѣша: «не пишите доброю грамотою, въ пустыни живущіе, словесъ на кожаныхъ хартіяхъ, хощетъ бо послѣдній родъ загладити житія святыхъ отецъ и писати по своему хотѣнію».

— Развѣ не исполнилось? — задрожавшимъ отъ страстнаго волненья голосомъ спросила Манеѳа, пламенными очами обводя предстоявшихъ. — Не сбылось развѣ прореченіе преподобнаго?..

— Давно сбылось, матушка, еще во дни патріарха Никона, — отозвался Василій Борисычъ.

— Книгу Вѣру возьми, читай двѣсти четыредесять шестой листъ, — сказала Манеѳа.

Таифа стала читать:

«Къ сему же внидетъ въ люди безвѣріе и ненависть, реть,

---

*) Такъ раскольники зовутъ единовѣрцевъ.

ротьба *), піянство и хищеніе; измѣнять времена и законъ, и беззаконнующій завѣтъ наведутъ съ прелестію и осквернятъ священныя примѣненія всѣхъ оныхъ святыхъ древнихъ дѣйствъ, и устыдятся креста Христова на себѣ носити».

— Развѣ не видимъ того? — поджигающимъ голосомъ воскликнула Манеѳа.

Одна громче другой заголосили келейницы, перебивая другъ друга:

— Измѣнили времена!.. Не отъ Адама годамъ счетъ ведутъ!

— Начало индикта съ Семеня-дня на Васильевъ поворотили **)... Временъ измѣненіе!

— Безблагодатные, новые законы пишутъ!.. Безъ патріаршаго благословенья!

— Отметаютъ градской законъ Устиньяна-царя ***) и иныхъ царей благочестивыхъ!..

— Замѣсто креста и евангелья идольское зерцало въ судахъ положили!

— А въ томъ зерцалѣ Петръ-богоборецъ писанъ!

— Господа̀ кресты съ шей побросали!

— По купечеству даже крестоборство пошло!

— А все прелесть иноземная — еллинскія басни!

— Нѣмцы, все нѣмцы бѣдъ на Руси натворили!.. Люторы!.. Кальвины!..

— Житья христіанамъ отъ нѣмцевъ не стало.

Распылились изувѣрствомъ старицы. Злобой загорѣлись ихъ очи, затрепетали губы, задрожали голоса... Одна, какъ ледъ холодная, недвижно сидѣла Манеѳа.

— Читай въ Кирилловой книгѣ слово въ недѣлю мясопустную, — сказала она Таифѣ.

Стала читать она:

«Такожде святый Ипполитъ папа римскій глаголетъ: «Сія заповѣдахомъ вамъ, да разумѣете напослѣдокъ быти хотящая: болѣзнь и молву и всѣхъ человѣкъ еже другъ ко другу развращеніе, и церкви Божіи якоже простыя храмины будутъ... И развращенія церковная всюду будутъ... Писанія небрегоми будутъ»...

---

*) Реть — ссора, вражда. Ротьба — клятва, а также заклятье въ родѣ: «лопни мои глаза», «провалиться мнѣ на семъ мѣстѣ» и пр.

**) Семень-день (Симеона Столпника) — 1-го сентября; Васильевъ день (Василія Великаго) — 1-го января. Рѣчь идетъ о введеніи январскаго года вмѣсто прежняго сентябрьскаго.

***) Юстиніанъ Великій—императоръ византійскій. Нѣкоторые изъ законовъ его въ Кормчей книгѣ помѣщены подъ названіемъ «градского» (то-есть гражданскаго) закона.

— Ниже читай: «Басни до конца», — прервала Таифу мать Манеѳа.

«Басни до конца во мнящихся христіанѣхъ будутъ, — читала Таифа. — Тогда возстанутъ лжепророцы и ложные апостоли, человѣцы тлетворницы, злотворцы, лжущіе другъ другу, прелюбодѣи, хищницы, лихоимцы, заклинатели, клеветницы; пастыріе якоже волцы будутъ, а священницы лжу возлюбятъ»...

— Софронъ съ Корягой! — съ желчью вполголоса молвила Василью Борисычу Манеѳа.

Тотъ вздохнулъ и, пожимая плечами, тоже вполголоса молвилъ:

— Искушеніе!..

«Иноцы и черноризцы мірская вожделѣютъ», — продолжала Таифа.

— Якоже нѣцыи отъ здѣ сущихъ, — прибавила Манеѳа, окидывая взорами предстоявшихъ.

Старицы поникли головами. Бѣлицы переглянулись.

«О! горе, егда будетъ сіе, — читала Таифа: — восплачутся тогда и церкви Божіи плачемъ велімъ, зане ни приношенія, ниже кадило совершится, ниже служба богоугодная; священныя бо церкви яко овощная хранилища будутъ, и честное тѣло и кровь Христова во днѣхъ онѣхъ не имать явитися, служба угаснетъ, чтеніе писанія не услышится, но тьма будетъ на человѣцѣхъ».

— Прекрати, — повелѣла Манеѳа.

Смолкла Таифа и низко склонила голову. Нѣсколько минутъ длилось общее молчанье, прерываемое глубокими вздохами старицъ.

Встала съ мѣста Манеѳа, мрачно поглядѣвъ на келейницъ, сказала:

— И тому по маломъ времени подобаетъ быти.

— Подобаетъ, матушка... Вскорѣ подобаетъ, — глубоко вздохнувъ, промолвилъ и Василій Борисычъ, вскинувъ однако исподтишка глазами на Устинью, у которой обильныя слезы выступили отъ Таифина чтенія и отъ рѣчей игуменьи...

— Чтò дѣлается?.. Какія дѣла совершаются?.. — опираясь на посохъ, продолжала Манеѳа. — Оглянитесь... Иргиза нѣтъ, Лаврентьева нѣтъ, на Вѣткѣ пусто, въ Стародубьѣ мало чтò не порушено... Оскудѣніе священнаго чина всюду настало — всюду душевный гладъ... Про Бѣлу-Криницу не поминай мнѣ, Василій Борисычъ... сумнительно... Мы однѣ остаемся, да у казаковъ еще покамѣстъ держится вмалѣ древлее благочестіе... Но вѣдь казаки люди служилые — какъ имъ за вѣру стоять?..

— Стояли же за вѣру, матушка, и служилые, — робко ввернула слово Аркадія, слывшая за великую начетчицу.

— Когда?.. — рѣзко спросила ее Манеѳа, окинувъ строгимъ взглядомъ.

— А стрѣльцы-то, матушка?.. Благочестивая рать небреемая!.. — смиренно промолвила уставщица, сложивъ у груди руки, задрожавшія отъ грознаго взгляда игуменьи.

— Пустого не мели, — отрѣзала Манеѳа. — За вѣру стоять стрѣльцы и въ помышленьи не держали... Велѣлъ Якимъ патріархъ угостить ихъ на погребѣ, и пропили они древлее благочестіе... Что̀ пустое городить?.. Служилымъ людямъ — хоть и казаковъ взять — не до вѣры. Ихнее дѣло — царская служба, а вѣра — дѣло духовное, особь статья... Истинная вѣра монастырями да скитами держится, сирѣчь духовнымъ чиномъ... Оскудѣетъ священный чинъ, престанетъ иноческое житіе — тогда и вѣрѣ конецъ... Нами стоитъ древлее благочестіе... А много-ль намъ остается?.. Подумайте-ка объ этомъ!

— Зачѣмъ, матушка, ропотомъ Бога гнѣвить? — молвилъ Василій Борисычъ. — Живете вы, слава Богу, въ здѣшнихъ лѣсахъ тихо, безмятежно, никакого касательства до васъ нѣтъ...

— Не ропщу, Василій Борисычъ, — сдержанно отвѣтила Манеѳа. — Къ тому говорю, что пророчества сбываются, скончаніе вѣковъ приближается... Блаженъ бдяй!.. Вотъ что̀... А что̀ сказалъ про наше житіе, такъ повѣрь ты мнѣ, Василій Борисычъ, обителямъ нашимъ недолго стоять... Близится конецъ!.. Скоро не останется кивотовъ спасенія... Въ малѣ времени не будетъ въ нашихъ лѣсахъ хранилищъ благочестія... И тогда не закоснитъ Господь положить конецъ временамъ и лѣтамъ...

Замолчала Манеѳа... Никто ни слова ей въ отвѣтъ... Матери крестились и шептали молитвы.

Минуты черезъ три мать Виринея, отирая обильно выступившія на глазахъ ея слезы, обратилась къ игуменьѣ:

— Намедни, какъ ты хворала, матушка, ронжински ребята ко мнѣ въ келарню старчика приводили. Въ Поломскихъ лѣсахъ, сказывалъ, спасался, да лѣсъ отъ вырубать зачали, такъ онъ въ иное мѣсто пробирался... И сказывалъ тотъ старчикъ, что̀ твое же слово: по скорости-де скончаніе вѣку будетъ, антихристъ-де давно ужъ народился, а подъ Москвой, въ Гуслицахъ, и Господни свидѣтели ужъ съ полгода ходятъ — Илья пророкъ съ Енохомъ праведнымъ.

— Пустяковъ не плети, Виринеюшка, — перебила ее Манеѳа. — Знать бы тебѣ горшки да плошки, а пустяковъ не городить... Какіе тамъ Илья съ Енохомъ объявились?.. Чего имъ въ Гуслицахъ дѣлать?.. Фальшивы деньги, что ли?

— Старчикъ, по всему видно, матушка, житія высокаго и

даръ разумѣнія, въ пустыни живучи, снискалъ... Пустого слова не скажетъ,—зачала-было смущенная словами игуменьи Виринея, но Манеѳа опять перебила ее.

— Тебѣ бы того старца напоить, накормить и всѣмъ упокоить, — сказала она: — а пустыхъ рѣчей съ нимъ не заводить... Да, другъ, — немного помолчавъ, сказала Манеѳа, обращаясь къ Василью Борисычу: — недолго, недолго пожить намъ въ обителяхъ!.. Запустѣетъ свято мѣсто!..

— Полноте, матушка, — молвилъ Василій Борисычъ. — Не сейчасъ же вдругъ. Господь милостивъ — на вашъ вѣкъ потерпитъ.

— Не знаешь ты, Василій Борисычъ, здѣшнихъ обстоятельствъ, потому такъ и говоришь, — сказала Манеѳа. — Въ иное время поразскажу, а теперь время идти на спокой... Ишь какъ стемнѣло, ровно осенью... Прощайте, матери!.. Прощайте, дѣвицы!

И, слегка наклонивъ голову, пошла изъ келарни. Фленушка да Марьюшка вели ее подъ руки. Разошлись по кельямъ и матери и бѣлицы. Только Устинья Московка въ Виринеиной боковушѣ что-то замѣшкалась и вышла послѣднею изо всѣхъ бѣлицъ и старицъ.

Когда всѣ разошлись, Василій Борисычъ нѣсколько минутъ дружелюбно побесѣдовалъ съ Виринеей про гуслицкихъ Илію съ Енохомъ и за великую тайну сказалъ ей, что, отъѣзжая изъ Москвы, самъ то же слышалъ на Рогожскомъ отъ матери Пульхеріи... Этимъ Виринея была очень утѣшена... Значитъ, ея правда, не Манеѳина, значитъ, не ложное слово сказалъ ей старчикъ, приведенный ронжинскими ребятами... Распрощался наконецъ и Василій Борисычъ съ Виринеей. Послѣднимъ вышелъ онъ изъ келарни.

На дворѣ стояла такая темень, что по кельямъ хоть огни вздувай. Послѣ продолжительнаго зноя подъ вечеръ потянуло прохладой съ мокраго угла *), и скоро все небо застлалось тучами... Хоть немного дней оставалось до Петра Солноворота **), хотя и сходились ужъ вечерняя заря съ утренней, однакожъ такая темнота настала, что хоть въ осеннюю ночь... Тишь была невозмутимая, лишь вдали въ заколосившемся хлѣбѣ трещали кузнечики, да по лѣсу раздавались изрѣдка

*) Мокрымъ угломъ зовутъ сѣверо-западную часть небосклона, откуда большею частью приносятся дожди.

**) Іюня 12-го.

глухіе звуки бо̀талъ *). Дождемъ еще не кропило, но сильно ма̀рило **), душный воздухъ полонъ былъ тепла и благовонія. По сторонамъ часто вспыхивали зарницы...

А въ ту пору молодежи не спалось. Душная, неспокойная дремота, разымчивая нѣга всѣхъ одолѣвала. Яръ-Хмель по̀ людямъ ходилъ.

А ходилъ еще въ ту пору по Манеѳиной обители конюхъ Дементій. Выпустивъ лошадей въ лѣсъ на ночное, проходилъ онъ въ свою работницкую избу ближнимъ путемъ — черезъ обитель мимо часовни. Идетъ возлѣ высокой паперти, слышитъ подъ нею страстный шопотъ и чьи-то млѣющія рѣчи... Остановился Дементій и облизнулся... Одинъ голосъ знакомымъ ему показался. Прислушался конюхъ, плюнулъ и тихими, неслышными шагами пошелъ въ свое мѣсто...

— Ай да московскій пѣвунъ! — проворчалъ онъ сквозь зубы.

Не доходя коннаго двора, Дементій остановился... Постоялъ-постоялъ и, повернувъ въ сторону, спѣшными шагами пошелъ къ крайней кельенкѣ сиротскаго ряда... А жила въ той кельенкѣ молодая бабенка, тетка Семениха... А была та Семениха ни дѣвка, ни вдова, ни мужня жена — мірской человѣкъ — солдатка.

Ходитъ Ярило по людямъ, палитъ страстью, туманитъ головы. А ноченька выдалась темная, тихая, теплая, душистая... Много жалуетъ такія ночи развеселый Яръ-Хмель молодецъ!

---

*) Бо̀тало — глухой звонокъ, привѣшиваемый лошадямъ и коровамъ на шею, когда пускаютъ ихъ въ ночное по лѣсамъ. За Волгой пастуховъ нѣтъ, скотъ пасется одинъ, по раменямъ, для того и привязываютъ ему бо̀тала. Каждый хозяинъ знаетъ звукъ своего бо̀тала и по этому звуку скоро отыскиваетъ безпастушную свою скотину.

**) Маритъ — стоитъ духота, обыкновенно бывающая послѣ долгаго зноя, предъ грозой.

Оглавленіе

II ТОМА.

стр.

Въ лѣсахъ. Романъ въ четырехъ частяхъ

Часть первая 3

Часть вторая 287